

Вольфганг Хольбайн

**Колдун
из Салема**

Бездомный юноша оказывается сыном и наследником великого колдуна. По воле судьбы он должен выступить на стороне сил Добра в борьбе с доисторическими монстрами, воплощающими Зло. Арена битвы — Англия XIX века. Обладает ли сын способностями отца? Хватит ли у него сил противостоять могущественным чудищам и спасти любимую? Вы не только узнаете ответы на эти вопросы, но и насладитесь великолепными «спецэффектами», сопровождающими сцены сражений с темными силами и моменты трансформации сознания при переходах из реального мира в нереальный. Впрочем, граница между этими мирами порою кажется весьма условной...

Вольфганг Хольбайн
«Колдун из Салема»

Книга первая

Гибель великого колдуна

Море стало гладким как зеркало. За последние два часа опустился туман, и, по мере того как его седоватые клубы принимали вид колышущихся облаков, а затем сгущались в тяжелые, медленно ползущие над поверхностью воды пласты, море успокаивалось. Волны уменьшились. Их ритмичное глухое шлепанье, монотонным хором сопровождавшее судно под названием «Владычица тумана» в течение последних тридцати четырех дней плавания, стало стихать, а потом и совсем смолкло.

И вот судно остановилось, чуть покачиваясь на волнах. Большие, много раз штопанные паруса вяло повисли на реях: на мачтах и снастях собралась влага, скатываясь сверкающими ручейками на палубу. Было так тихо, что создавалось впечатление, будто зловещая, раздирающая нервы тишина подкралась с моря вместе с туманом и захватила в плен этот красивый четырехмачтовый парусник. Однако это была не обычная тишина — в ней ощущалось чье-то присутствие. Я знаю, это может быть похоже на бред, но мне — как, возможно, и другим — казалось, что туман принес с собой нечто неведомое и враждебное, и это нечто, словно паук на тонких ножках, заползло на борт «Владычицы тумана» и проникло в наши мысли и чувства.

Туман настиг судно и окутал его. Все, что находилось на расстоянии более десяти-двенадцати шагов, начало растворяться во влажной мгле, теряя очертания, как будто это было не что-то реальное, а лишь видения из какого-то сна. Деревянные части судна скрипели как-то приглушенно, а голоса команды доносились до нас словно сквозь плотную невидимую завесу. Закругленный с одной стороны прямоугольник юта казался мне крошечным одиноким островком в океане серости и ледящего душу молчания.

Кроме того, было очень холодно. Мы отплыли из Нью-Йорка 19 июня 1883 года, и если я где-нибудь в Атлантике не сбился со счета, то сегодня уже было 24 июля. «Разгар лета», — подумал я. При этом мои руки подрагивали от холода, а когда я говорил, с дыханием вырывалось прозрачное облачко пара.

— Почему вы не идете в каюту, мистер Крэйвен? — голос капитана ворвался в мои мысли откуда-то издалека, да и вообще я не без труда осознал, что это звуки человеческой речи и я должен что-то ответить.

— Здесь чертовски холодно, — продолжил Баннерманн, когда я наконец-то обернулся и посмотрел на него.

В своем толстом черном пальто и мохнатой шапке, которую он носил вместо капитанской фуражки, он казался милым пингвином. В действительности капитан не только одеждой походил на пингвина: это был коротконогий, добродушный, постоянно улыбающийся человек, слишком мягкий и снисходительный, чтобы командовать судном. Я никогда не разговаривал с ним на эту тему, но у меня сложилось впечатление, что он стал капитаном по воле случая и не очень-то был этим доволен.

— Я лучше побуду здесь, — ответил я спустя некоторое время. — Этот туман меня пугает. Вы уверены, что мы не сойдем с курса и не попадем на рифы?

Баннерманн рассмеялся. Его лицо прикрывал толстый шерстяной шарф, заглушавший голос. Я почувствовал, тем не менее, что смех был добродушным. Баннерманн и его люди считали меня и Монтегю двумя сухопутными крысами, с трудом отличающими носовую

часть судна от его кормы. Я много времени проводил возле капитана и, наверное, уже изрядно действовал ему на нервы. Во всяком случае, он старался этого не показывать.

— Мы находимся почти в тридцати морских милях от ближайшего побережья, — ответил он. — Туман и мне не нравится, но он не опасен. Он лишь нагоняет тоску.

Капитан вздохнул, отошел от меня к поручням и, сощутив глаза, всмотрелся в колышущуюся серую мглу.

— Ужасную тоску, — добавил он. — Но не более того.

Я молчал. Можно было бы задать тысячу вопросов, но я предполагал, что капитан не станет на них отвечать, и потому лишь молча стоял возле него, переминаясь с ноги на ногу, и смотрел, как и он, в северном направлении, туда, где находился конечный пункт нашего путешествия. В тумане было что-то тревожное. Когда я вглядывался в него достаточно долго, появлялись различные видения: какие-то лица, причудливые, странным образом искаженные фигуры, призрачные руки, пытающиеся ухватиться за борт судна. Если бы погода была нормальной, «Владычица тумана» прибыла бы в Лондон по расписанию — уже на следующий день. Теперь мы вынуждены были провести в море, в лучшем случае, еще одну ночь, а то и больше, если туман не рассеется.

Однако я старался не высказывать вслух подобные мысли, потому что Баннерманн, чего доброго, мог бы посчитать меня придурком.

— В самом деле, мистер Крэйвен, — продолжил Баннерманн, не глядя на меня, — вам лучше уйти с палубы. Вам все равно здесь нечего делать, а вот подхватить сильный насморк вы можете.

Он немного помолчал, а затем — уже другим тоном — еле слышно добавил:

— Кроме того, мне хотелось бы, чтобы кто-то был рядом с Монтегю, — теперь Баннерманн смотрел мне в глаза. Между его густыми седыми бровями пролегла глубокая морщина. — Как он сегодня?

Я ответил не сразу. Когда я оставил Монтегю — еще до рассвета, где-то около четырех часов — он спал. Монтегю спал помногу и, хотя его состояние не улучшалось, вел себя поразительно разумно в те немногие часы, когда бодрствовал и мог разговаривать со мной или Баннерманном. Его рассудок был ясен. Но все же его состояние вызывало у нас тревогу.

— Без изменений, — сказал я некоторое время спустя. — Температура больше не повышается, но и не падает. Его бы показать хорошему врачу.

Баннерманн кивнул.

— Я прикажу поднять все паруса, как только исчезнет этот проклятый туман. Через двадцать четыре часа мы будем в Лондоне, а еще через час Монтегю окажется в клинике.

Он произнес это весьма оптимистично, но на самом деле ни я, ни он не были в этом уверены.

— Вот увидите, — добавил он, — через неделю он снова будет на ногах и в хорошем настроении.

Еще раз улыбнувшись, капитан повернулся, сложил ладони у рта рупором и проорал на всю палубу какую-то команду. Наверху среди такелажа несколько матросов начали усердно ползать взад-вперед. Я не знал, что они там делают, да это меня и не интересовало. «Владычица тумана» была первым судном, на которое мне довелось ступить в своей жизни, и, по всей вероятности, последним. Я терпеть не мог морские суда, а само море с его бескрайними просторами вызывало у меня чувство одиночества и страха. Безусловно, оказавшись за три тысячи миль от своей родины, вернуться туда я мог лишь на судне. Но у

меня не было уверенности, что я когда-нибудь снова увижу Америку.

Стараясь не думать об этом, я понаблюдал еще некоторое время за тем, как Баннерманн гонял своих матросов, а затем отвернулся. Холод постепенно становился невыносимым, в горле подозрительно запершило. Баннерманн, пожалуй, прав: если я останусь на палубе, то наверняка простужусь. А в нашей каюте было тепло, к тому же крепкий грог мог бы стать хорошим дополнительным согревающим средством.

Стертые ступени заскрипели под моим весом, когда я спускался с палубы по короткой деревянной лестнице. Звуки показались мне какими-то странно приглушенными, и я снова обратил внимание на необычную тишину, воцарившуюся на всем судне. Я остановился, кивнул в знак приветствия проходившему мимо матросу и затем — не зная, собственно, почему, — снова вернулся на палубу и встал у поручней.

Море пропало. Шершавая поверхность борта «Владычицы тумана» на расстоянии полутора метров подо мной, казалось, исчезла в серой массе, напоминающей облако. От воды поднимался странный запах — не соленое дыхание моря, ставшее вполне привычным для моих органов чувств за тридцать пять дней путешествия, а нечто другое, абсолютно неведомое. Я положил руки на поручни, наклонился и попытался углядеть хотя бы слабый отблеск на морской поверхности, но туман был слишком густым. Ситуация казалась абсурдной: судно называлось «Владычица тумана», но сейчас оно само было его пленником.

Поворачиваясь, я в тот же миг почувствовал какое-то движение, какое-то мимолетное быстрое дрожание, что-то громадное выдвинулось из серой массы и вцепилось в судно. Оно было покрыто мелкими сверкающими переливчатыми чешуйками зеленоватого цвета. Я замер. Через секунду-другую мое сердце начало колотиться так быстро, что, несмотря на холод, я вспотел. Все исчезло так же мгновенно, как и появилось, и я даже начал сомневаться в том, действительно ли я это видел или же мои измотанные нервы подшутили надо мной. При этом я, однако, почувствовал такой ужас, какого раньше никогда в жизни не испытывал.

Когда я затем открыл низкую дверь надстройки юта и стал спускаться в свою каюту, мои руки все еще дрожали.

В комнате стояла тишина. Окна были закрыты тяжелыми деревянными ставнями, не пропускавшими солнечного света, а огонь, полыхавший в камине, хотя и наполнял помещение удушливым сухим теплом, почему-то плохо освещал комнату. Однако здесь было не совсем темно. В воздухе распространялось зеленоватое мистическое сияние, при этом казалось, что свет идет не от какого-то определенного источника, а словно бы из ниоткуда. Потрескивание огня перемешивалось с еле слышным призрачным шепотом и звуками, похожими на шум морского прибоя, только какого-то необычного — грозного и зловещего, враждебного.

В небольшой комнате находилось четверо человек: женщина, двое мужчин и седоволосое, укутанное в лохмотья создание, чей пол невозможно было определить. Лицо его под низко надвинутым на лоб капором представляло собой лабиринт серых теней — настолько оно было изборозжено глубокими морщинами, а мешковатое одеяние полностью скрывало тело. И лишь глаза этого существа светились жизнью. Это были жуткие глаза: узкие, темные, с крохотными зрачками, они горели каким-то дьявольским огнем.

— Они идут сюда, — сказала женщина.

Как и остальные, она неподвижно и как-то неестественно спокойно сидела за круглым

столом, составлявшим вместе с четырьмя стульями и камином всю обстановку комнаты.

— Сколько их? — спросил один из мужчин.

Прошло некоторое время, прежде чем женщина ответила. Ее глаза были широко открыты, но внимательный наблюдатель заметил бы, что она не моргала. Казалось, что ее взгляд направлен куда-то в пустоту.

— Слишком много, — наконец сказала она. — Сотни. Я... не вижу таких подробностей. Но они полны ненависти.

— Они полны ненависти.

Седоволосое существо зашевелилось, и в тот миг, когда оно заговорило, стало понятно, что это старуха. Ее жилистая, почти до костей исхудавшая рука появилась из-под обрывков одеяния, опустилась на поверхность стола и поползла, словно пятнистый пятиногий паук, в сторону женщины. Когда иссохшие пальцы старухи коснулись ее руки, лицо женщины напряглось, и лишь в последний момент она сумела заставить себя не отдернуть свою руку.

— Они полны ненависти, — повторила старуха. — К нам?

Женщина кивнула.

— Да. Я знаю, что ты хочешь сказать. Но от этого толку не будет. Мы не можем обратить их ненависть себе во благо. Она слишком сильна. Кто-то... управляет ими.

В комнате вновь все смолкли, а мистические голоса духов стали звучать немного громче. Зеленый свет померк, и сияние огня в камине начало разливаться по комнате, словно кровь, отражаясь на лицах людей дьявольскими гримасами.

— Тогда нам нужно спастись бегством, — вдруг сказала старуха.

— Поздно, — прошептала женщина.

Когда она говорила, ее губы едва двигались, а на лбу выступили капельки пота.

— Они... уже слишком близко. И они идут отовсюду. Они уже почти здесь, — ее голос начал дрожать, а затем в нем послышались истерические нотки. — У них... есть оружие. И факелы. Они... устроят погром.

Один из мужчин встал, причем так резко, что его стул опрокинулся и развалился на части.

— Тогда почему мы все еще сидим здесь?! — воскликнул он. — Мы должны предупредить других и организовать сопротивление! Пусть они только сунутся, эти...

— Ты глупец, Квентон, — перебила его старуха. Это было сказано с холодным безразличием, как будто ее абсолютно не обеспокоило то, что она услышала. — Ты хочешь бороться? — она засмеялась, повернула голову и указала своей высохшей рукой на дверь. — Тогда иди. Иди и борись! Их сотни, а нас меньше сорока человек. Или беги, если хочешь провести остаток своей жизни прячась, как дикий зверь.

Квентон уставился на старуху, еле сдерживая гнев.

— Что же нам, по-твоему, нужно делать? — голос его звучал сдавленно. — Сидеть здесь и ждать, пока нас забьют как скотину? Да уж лучше я умру с оружием в руках.

— Мы не можем сейчас ничего сделать, почти ничего, — спокойно ответила старуха. — Мы смогли бы что-то предпринять, если бы сумели вызвать у них подозрение, что за нами — Родерик. Сейчас уже слишком поздно.

— Родерик! — воскликнул Квентон, затем из его горла вырвался нечленораздельный звук, он сжал кулаки. — Ты помешалась на своей ненависти к Родерику. Его нет, и то, что сейчас происходит, никак не связано с ним.

— Глупец, — сказала старуха. — Все связано с ним. Как ты думаешь, почему все эти

мужчины и женщины направляются сюда? — гневным движением головы она указала на дверь. — Они идут, потому что он этого хочет, Квентон. Он — именно тот, кто посылает их сюда, а им это даже невдомек.

Лицо Квентона исказилось. Было слышно, как хрустнули костяшки его пальцев, когда он в беспомощной ярости сжал кулаки.

— Даже если это и так, — наконец сказал он, — это еще не причина оставаться здесь. — Он впился взглядом в старуху и воинственно приподнял подбородок. — Вы, конечно, можете ждать, пока они придут. А я возьму свою винтовку и застрелю каждого, кто отважится сунуться в город.

Молодая женщина уже собиралась что-то сказать, но старуха быстро положила руку ей на предплечье и сжала его. Женщина не произнесла ни слова.

Квентон еще раз воинственно оглядел присутствующих, развернулся на каблуках и выскочил из дома. Дверь захлопнулась за ним с громким треском.

— Вот глупец, — сказала старуха тихо. — Он ничего не понял. Они его убьют.

— Они убьют и нас, если мы здесь останемся, Андара, — возразил второй мужчина.

Он был моложе Квентона, и в выражении его лица отсутствовала непреклонность, отличавшая Квентона от других людей.

Старуха, кожа которой, казалось, еще больше посерела, кивнула. Движение было настолько резким, что ее одеяние зашелестело. Прядь бесцветных ломких волос выползла из-под капора и упала на лицо. Она раздраженно отвела ее в сторону.

— Может быть, — сказала она. — Но, возможно, наша смерть будет не такой уж бессмысленной, как кажется, если мы успеем завершить то, что затеяли. — Она подняла голову и посмотрела на молодую женщину. В ее темных глазах горел огонь. — Продолжай, Лисса.

Лисса колебалась.

— Нас осталось лишь трое, — сказала она. — Без Квентона...

— Трех достаточно, — нетерпеливо перебила ее Андара. — На самом деле Квентон никогда не был одним из нас.

— Но он обладает *колдовской силой*!

— Колдовской силой? — Андара захихикала. — Что ты знаешь о *колдовской силе*, ты, неразумное дитя? Многие из нас обладают ею, не только ты, я и... — она указала на молодого мужчину, сидевшего рядом с Лиссой, — ...Леннард. Родерик также обладает ею, возможно в большей степени, чем все остальные вместе взятые. Но что толку от *колдовской силы*, если нет возможности ее применить? — она хихикнула. — Чем может помочь гризли его сила против хитрости охотников, в чью западню он бредет?

Старуха вновь покачала головой и ударила ладонью по столу.

— Трех достаточно, — повторила она, и на этот раз ее слова прозвучали как приказ. — Продолжай.

Лисса кивнула. Взгляд ее больших, прозрачных, как вода, глаз остановился на закрытом окне, и Андара увидела в них страх.

— Не отчаивайся, дитя, — сказала она с нежностью, которую не мог бы вызвать никто другой. — Возможно, мы умрем, но смерть — это совсем не то, чем ее считает большинство людей, — она таинственно улыбнулась. — Продолжай.

Женщина повиновалась. Ее глаза расширились еще больше, но взгляд по-прежнему оставался пустым. Руки Лиссы, до этого нервно теребившие краешек ее простенького

коричневого ситцевого платья, вдруг замерли.

Снаружи донеслись приглушенные голоса, затем послышались семенящие шаги, хлопанье дверей и собачий лай. Пронзительно заржала лошадь, щелкнул кнут, кто-то гневно чертыхнулся.

Но Лисса, казалось, ничего этого не слышала. Она сидела на своем стуле, оцепеневшая и как будто обессиленная, без малейшего движения, не моргая, почти не дыша.

— Ты чувствуешь его? — спросила Андара спустя некоторое время. — Ты чувствуешь его близость? *Он слышит наш призыв?*

Лисса кивнула. Глаза ее засверкали, затем стали на мгновение прозрачными и сразу же снова потускнели. На ее лбу выступил холодный липкий пот.

— Я чувствую его, — прошептала она. — Он... услышал твой призыв, Андара. И он... откликнется на него, — она судорожно сглотнула, ее голос задрожал и вдруг зазвучал как старушечий. — Йог...

— *Не произноси это имя!* — Андара испуганно коснулась руки Лиссы.

Голоса, проникавшие через закрытые ставни в комнату, становились громче, и вдруг пронзительный хлопок выстрела разорвал тишину. Вслед за ним, словно причудливое эхо, раздался громкий крик.

— Не произноси его, — пробормотала Андара еще раз. — Смертным запрещено упоминать его имя. Достаточно того, что он знает о нашем призыве.

— Он знает об этом, — в изнеможении ответила Лисса. — И он... выполнит то, что... ты попросишь.

Андара больше ничего не сказала. Ее лицо вновь застыло, превратившись в маску безразличия, а ее руки, лежавшие на столе словно в ожидании момента, когда их сложат для молитвы, еще больше стали походить на руки мертвеца.

И лишь в ее глазах затаилась злая-презлая усмешка...

Каюта была темной и узкой, а воздух — зловонным. Именно так обычно пахнет слишком маленькое для двух человек помещение без окон, в котором к тому же около пяти недель находится больной. Под потолком на проволоке раскачивалась крошечная коптящая керосиновая лампа. На узкую настенную полку возле двери Баннерманн поставил (проявил однажды заботу) маленький глиняный кувшин с благоухающими травами, бог знает как доставшимися ему. Но даже это не могло полностью перебить впитавшийся в стены затхлый запах. Почти всегда, когда я сюда спускался, у меня возникало ощущение, что здесь невозможно нормально дышать.

Когда мне приходила в голову эта мысль, меня немедленно начинали мучить угрызения совести. Монтегю был не виноват в том, что заболел. К тому же он очень хорошо ко мне относился, хотя я этого и не заслужил.

Я тихо подошел к узкой, привинченной к стене кровати, наклонился над спящим и стал рассматривать его лицо. Оно совсем не изменилось — ни в хорошую, ни в плохую сторону. Щеки все еще были впалыми, серого цвета, а под большими глазами, помутневшими за последние дни от жара, лежали большие черные круги. Монтегю оказывал на меня такое же околдовывающее воздействие, как и тогда, когда я с ним встретился впервые.

Я хорошо помню день нашей первой встречи — каждую его минуту, каждое слово, каждый взгляд Монтегю, хотя с тех пор прошло больше шести месяцев и много чего случилось с нами. Тогда я был другим, совершенно другим. Баннерманн и его матросы не

узнали бы человека, каким я был тогда, если бы вдруг он встал рядом со мной теперешним. В двадцать четыре года я был беден и склонен к авантюризму (что означает лишь то, что из восьми лет моей жизни в Нью-Йорке половину я провел в тамошних тюрьмах). Жил я за счет случайных заработков. Каждый, кому знаком нью-йоркский портный квартал, знает, что это означает: время от времени я избавлял от кошельков и драгоценностей очередного наивного прохожего, беспечно заблудившегося в этом районе после наступления темноты. Не могу сказать, что такие делишки доставляли мне удовольствие. Я не хотел быть преступником, и насилие было мне не по душе. Однако в больших городах на восточном побережье такие парни, как я, частенько попадали в своего рода заколдованный круг, вырваться из которого очень трудно. Когда я прибыл в Нью-Йорк, мне было шестнадцать лет от роду и, кроме девяноста шести жителей Уолнат Фолз, захолустного местечка, в котором я родился и вырос, я в своей жизни еще не видел других людей. Тетя, у которой я вырос (в действительности это была не моя тетя, а просто одна сердобольная женщина, взявшая меня к себе после того, как мои родители бросили меня грудным ребенком на произвол судьбы), умерла, а все оставленное ею наследство состояло из семи долларов, крохотного серебряного крестика на цепочке и билета в Нью-Йорк. В письме, приложенном к завещанию, она выражала надежду, что я найду свое счастье в большом городе и стану приличным парнем.

Добрая тетушка Мод! Она могла бы считаться самой замечательной женщиной из всех когда-либо живших на Земле, но она ничего не смыслила в людях. Быть может, она попросту не хотела верить в то, что мир злой.

А этот мир действительно оказался злым, и мне понадобилась лишь пара дней, чтобы убедиться в этом. Семь долларов были вскоре израсходованы. Для сельского парня вроде меня работы в городе практически не было, и мне не оставалось ничего другого, как начать воровать и примкнуть к одной из банд подростков, чьей территорией были портные районы города. Я спал на набережных, перебивался случайными заработками или же воровал, если не удавалось найти работу. Сейчас, заглядывая в прошлое из сегодняшнего дня, я не могу понять, как же мне удалось выжить и как мне посчастливилось в течение всех восьми лет моей сомнительной карьеры остаться в стороне от тяжких преступлений? Как получалось, что, когда мои сотоварищи совершали какую-нибудь крупную кражу со взломом, а то и убийство (такое тоже бывало), я не принимал в этом участия?

Но, несмотря на удачливость, рано или поздно я все равно угодил бы в тюрьму или на виселицу — если бы не встретился с Рандольфом Монтегю.

Рандольф Монтегю, *колдун*. Лишь позднее я узнал, что его так называют. Когда я впервые встретил его, он стоял ко мне спиной, небрежно опершись о столб газового фонаря, что никак не соответствовало его элегантному костюму и изысканной внешности. А я лежал в двух шагах позади него в грязи мусоросборника и размышлял, как бы мне его без риска оглушить, чтобы затем опустошить его портмоне. Я с удивлением задавал себе вопрос, что мог этот человек делать в пользующемся дурной репутацией районе, причем уже за полночь, да к тому же один и, очевидно, без оружия. Конечно, встречались мужчины, которых жажда приключений заставляла с наступлением темноты идти в порт, игнорируя все добрые советы. Им это нужно было для того, чтобы затем во время какой-нибудь вечеринки похвастаться своей храбростью. Ну, завтра утром этот франт будет неприятно удивлен, проснувшись с гудящей головой и обнаружив пустое портмоне.

Я осторожно приподнялся за своим укрытием, осмотрел на всякий случай улицу и ухватил покрепче мешочек с песком, которым я намеревался шандарахнуть незнакомца по

голове. Он не шевелился, покуривая сигару, как будто ему было бы все равно, даже если бы небеса разверзлись над его головой (нечто подобное вскоре и должно было произойти). Я сидел неподвижно и выжидал. У меня было достаточно времени: патруль мог появиться здесь лишь часа через два, а больше никто, находящийся в здравом уме, не отважился бы сунуться сюда так поздно. Я наблюдал за ним почти четверть часа, и за это время он ни разу не сменил позу. Наконец он выбросил окурок, достал из тонкого серебряного портсигара, который он носил в жилетке, еще одну сигару (я все с точностью запоминал и мысленно вносил пункт за пунктом в перечень товаров, которые уже планировал отнести завтра утром перекупщикам) и чиркнул спичкой.

Именно в этот момент я выпрыгнул из укрытия.

Я толком так и не понял, что именно он сделал. Расстояние между ним и мной не составляло и двух полных шагов, и я абсолютно уверен, что не раздалось ни единого звука. Если проживешь восемь лет в трущобах Нью-Йорка, то научишься двигаться тихо, словно кошка. Но следующее, что я помню — это то, что я лежу на спине, жадно хватаю ртом воздух и смотрю на лезвие шпaги, которое Монтегю приставил к моему горлу. При этом он улыбался и пускал дым из сигары, как будто ничего не произошло.

Он мог бы тогда посадить меня в тюрьму. Суды в Штатах чертовски придирчивы. Наполненный песком чулок, вроде того, что был у меня, предназначался явно не для добрых дел, а судье, которого во время заседания донимает зубная боль, а дома — ворчливая жена, этот чулок показался бы смертоносным оружием. Поэтому мое нападение тянуло, в лучшем случае, лет на пять (а в худшем — на двадцать пять), если бы только Монтегю сдал меня полиции. Он также мог бы прикончить меня на месте, и никто бы потом не задал ни одного вопроса по этому поводу.

Но он не сделал ни того, ни другого. Наоборот, он убрал свою шпaгу, помог мне встать на ноги и... предложил мне с самой что ни на есть дружелюбной улыбкой сигару.

— Вы довольно долго выжидали, прежде чем в конце концов принять решение, юноша, — сказал он.

Это были первые слова, которые он мне сказал, и я их никогда не забуду. Он *знал*, что я слежу за ним, но за все это время не предпринял ни малейшей попытки помешать мне. Я отказался от сигары, которую он мне предложил, не столько потому, что я не любил сигары, сколько потому, что я был слишком ошеломлен, чтобы что-то соображать. Монтегю, по-прежнему ухмыляясь, спросил почти издевательски вежливым тоном, не могу ли я проследовать за ним к его машине.

Он привез меня в ресторан — в одно из тех изысканных дорогих заведений, где снуют полдюжины официантов в накрахмаленных рубашках, а бокал вина стоит столько, сколько наш брат зарабатывает за неделю, — и мы начали разговаривать. Вначале я слушал его, но постепенно он разговорил меня, и я рассказал о себе: о моей юности, о местечке, где я вырос, о тетушке Мод, о моей жизни здесь, в Нью-Йорке, — в общем, обо всем. Я думал тогда, что язык мне развязало шампанское — непривычный для меня напиток, но сегодня я уверен, что все дело заключалось в самом Монтегю. Я не знаю, каким образом, но он как-то незаметно заставил меня рассказать о себе больше, чем я когда-либо рассказывал кому-либо другому. Мы проговорили всю ночь, и когда, наконец, старший официант вежливо выпроводил нас, уже всходило солнце.

На прощание Монтегю подарил мне свой серебряный портсигар и пятьдесят долларов.

Я никому не рассказал об этой истории, тем более, что все равно никто бы и не

поверил, а спустя несколько недель я уже начал забывать об этом удивительном человеке.

Однако через четыре с половиной месяца он разыскал меня.

Монтегю изменился. Прядь белоснежных седых волос над его правым глазом стала шире, а в его взгляде появилось выражение смертельного страха, какое бывает у людей, загнанных в тупик. Мне было знакомо это выражение, хорошо знакомо. Монтегю выглядел на несколько лет старше, чем в ту ночь, когда я впервые увидел его.

То, чего он от меня хотел, было для меня одновременно и обычным, и невероятным: ему был нужен я. Он сказал, что хочет покинуть Америку и податься в Англию, и просил меня сопровождать его, формально в качестве секретаря, в действительности же в роли мальчика «куда пошлют»: прислужника, повара, кучера и телохранителя. Последнее в его предложении меня почти не удивило. Мне довольно часто в жизни приходилось видеть то выражение, которое тогда застыло в его глазах, и я хорошо понимал, что происходило в душе Рандольфа Монтегю. Он чего-то боялся. Панически боялся.

Я никогда не спрашивал его, от кого он спасается бегством, — ни тогда, ни во время путешествия. Я просто принял его предложение. Нью-Йорк мне никогда не нравился, и я до сих пор придерживаюсь мнения, что Америка у меня больше отняла, чем дала: она отняла у меня лучшие двадцать пять лет моей жизни, которые мне пришлось провести в нищете и нужде. Мысль получить шанс изменить свою жизнь и начать все с нуля в Европе показалась мне заманчивой.

В тот же вечер мы поднялись на борт корабля, а когда на следующее утро взошло солнце, мы были уже далеко в море, миль за пятьдесят от берега...

Тихий, мучительный стон оборвал мои мысли. Я быстро поднялся и наклонился над его кроватью, вновь испытывая чувство вины. Веки Монтегю дрожали, но мне показалось, что он не пришел в сознание. Его кожа лоснилась от жара, а руки под тонким одеялом беспрестанно двигались, как будто пытаюсь что-то схватить.

Меня охватило отчаяние. Монтегю вошел в мою жизнь как благородный принц из сказки про Золушку, он в буквальном смысле вытащил меня из сточной канавы и попытался сделать из меня то, что тетушка Мод называла «приличным парнем». За это он вполне мог рассчитывать на мою помощь. И я ничего не мог для него сделать. Ровным счетом ничего. Даже хинин — единственное лекарство, имевшееся в аптечке на борту «Владычицы тумана», — не сбивал жар.

Я несколько раз сглотнул, чтобы избавиться от дурного привкуса, появившегося у меня во рту, взял с полки кружку с водой и смочил платок, чтобы охладить лоб больного. Это конечно, вряд ли могло ему помочь, однако осознание того, что я просто бездействительно сижу у его кровати и смотрю, как он страдает, было для меня невыносимым.

Когда я положил платок ему на лоб, он проснулся. Его кожа буквально горела, и я испугался, коснувшись ее.

— Роберт? — он открыл глаза, но взгляд его был туманным, и я четко понимал, что он меня не узнает. Я кивнул, взял его руку и слегка пожал ее.

— Да, мистер Монтегю, — ответил я ему. — Это я. Все в порядке.

— В... порядке, — повторил он еле слышно.

Его голос дрожал, как у старика, а дыхание было зловонным. Он помолчал несколько секунд, закрыл глаза и затем вновь резко поднял веки. На этот раз взгляд его был ясным.

— Где мы? — спросил он.

Он попытался сесть. Бережно, но решительно я вновь уложил его на подушку.

— Мы уже... в Англии?

— Почти, — ответил я. — Уже совсем близко от Англии.

Он посмотрел на меня, снова закрыл глаза и прислушался.

— Судно не движется, — сказал он через некоторое время. — Я думал, что мы... мы в Лондоне.

— Мы уже совсем скоро будем там, — убеждал его я. — Пока что мы не движемся, но как только туман рассеется, мы поплывем дальше. Завтра вечером мы будем в Лондоне. Тогда я доставлю вас к хорошему врачу.

— Туман? — Монтегю снова открыл глаза, некоторое время смотрел на меня раздраженно, а затем приподнялся, опершись на предплечья. В этот раз я ему не препятствовал. — Значит, туман?

Я кивнул.

— А что за туман? — спросил он.

Его голос был встревоженным, а в глазах появилось выражение, которое мне совсем не понравилось. На какое-то мгновение перед моим внутренним взором еще раз возникло то зеленое чешуйчатое создание, которое, как мне казалось, я видел на палубе, и на секунду я снова почувствовал прилив безграничного ужаса, вызванного во мне этим видением.

Но я поспешно отогнал эти мысли и, стараясь придать своему голосу как можно больше небрежности, ответил:

— Ничего особенного, мистер Монтегю. Обычный туман. Баннерманн говорит, что для здешних мест это частое явление.

Я попросту приврал, чтобы успокоить Монтегю. Вполне достаточно и того, что я начинаю видеть привидения.

— Туман... — пробормотал Монтегю.

Он поднял голову и посмотрел в сторону палубы, при этом у меня появилось отчетливое ощущение, что его взгляд насквозь пронзил массивное дерево.

— Что это за туман? — спросил он еще раз. — Когда он появился? В нем есть что-нибудь особенное?

— Он появился сегодня утром. — Я не понимал, чего он хочет добиться своими вопросами, и подумал, не начал ли жар затуманивать его рассудок. — Я ничего особенного в нем не заметил. Кроме того, что он очень густой...

Меня охватила легкая дрожь. В этом тумане *было* кое-что особенное, и я уже стал сильно сомневаться в том, что существо — там, снаружи — мне лишь почудилось. Несмотря на это, я покачал головой.

— Все будет хорошо, мистер Монтегю. Завтра в это время мы будем в Лондоне, и, как только вы снова почувствуете под ногами устойчивую почву, вы быстро поправитесь.

Я попытался улыбнуться:

— От этого бесконечного путешествия и я скоро заболею. Я...

Его рука, быстро выскользнув из-под одеяла, ухватила за мою руку, да так крепко, что я чуть не вскрикнул от боли.

— Туман! — воскликнул он, с трудом переводя дыхание. — Роберт, я должен знать о нем все! Когда он появился и откуда? Двигается ли он? Перемещается ли что-нибудь в нем?

На этот раз мне не удалось замаскировать свой испуг.

— Я...

— Ты что-то видел? — задыхаясь, спросил Монтегю. — Пожалуйста, Роберт, это важно,

причем для всех нас, а не только для меня. Ты ведь что-то видел, да?

Я попытался освободить свою руку, но Монтегю оказался удивительно сильным. Его хватка стала еще крепче.

— Я... не уверен, — ответил я. — Возможно, это была лишь игра воображения. От этого чертового путешествия по морям, по волнам нас всех лихорадит. Если кому-то после тридцати пяти дней на этом плавучем катафалке не начнут чудиться призраки, значит, он и без того сумасшедший.

Монтегю проигнорировал мои слова.

— Что ты видел? — спросил он. — Расскажи мне.

Подробно! Я все еще колебался, как вдруг случилось то же, что и тогда, в ночь нашего знакомства: в его взгляде появилось что-то такое, заставившее меня говорить.

— Я... сам толком не знаю, — сказал я, запинаясь. Мой голос показался мне чужим. — Это был... лишь призрак. Что-то... большое и... зеленое. Возможно, рыба.

В глазах Монтегю словно вспыхнул огонь. Я почувствовал, что его ногти еще сильнее впились в мою куртку, и под ней по руке потекла теплая кровь. Как ни странно, я не почувствовал при этом боли.

— Что-то большое... — повторил он. — Подумай хорошенько, Роберт, — возможно, от этого будет зависеть наша жизнь. Оно выглядело как щупальце? Как щупальце осьминога?

— Может быть... и так, — ответил я. Слова Монтегю напугали меня еще больше, но я продолжал: — Но оно было... больше по размеру.

Я покачал головой, шумно вздохнул и осторожно высвободил свою руку. В глазах Монтегю, казалось, бушевал огонь, и он пристально смотрел на меня.

— Да ничего не было, — повторил я еще раз. — Определенно ничего, мистер Монтегю. От... этого проклятого тумана у меня нервы ни к черту, вот и все.

Он засмеялся, но так, что у меня по спине побежали мурашки.

— Нет, Роберт, — ответил он. — Это не все. Я... надеялся, что попаду в Лондон еще до того, как они меня найдут, но...

— Найдут?

Я ничего не понимал, но при этом чувствовал, что его слова не были лишь бредовыми фантазиями больного. Со мной такое происходило часто — я не знаю, то ли у меня особый дар или же это совпадение, но я почти всегда чувствую, говорит мой собеседник правду или нет. Возможно благодаря этому я начал доверять Монтегю с первого мгновения.

— Я не понимаю, — беспомощно пролепетал я, — кто должен вас найти и как это связано с туманом?

Некоторое время он молча смотрел на меня, затем сел. Я хотел было попытаться уложить его обратно в постель, но затем поступил как раз наоборот: помог ему встать.

— Мне нужно... переговорить с Баннерманном, — сказал он. — Дай-ка мою одежду, парень.

— Я могу его привести, — возразил было я. — На палубе холодно и...

Монтегю остановил меня слабым, но решительным покачиванием головы.

— Мне необходимо наверх, — сказал он. — Я должен... посмотреть на этот туман. Мне нужно кое в чем убедиться.

Убедиться? Я вообще уже ничего не понимал, но, тем не менее, не стал больше препятствовать ему подняться на палубу. Наоборот, я помог ему снять насквозь пропитанную потом сорочку и надеть его повседневную одежду. Я вновь испугался, когда

увидел его без рубашки. Монтегю никогда не казался крепышом, напротив, он был хрупкого, можно сказать детского телосложения, и лицо его всегда было бледным, как у человека, живущего в большом городе и покидающего свой дом лишь по необходимости. Но теперь он вообще напоминал ходячий скелет: тело было изможденным, ребра просвечивали сквозь кожу — были видны тонкие, словно отполированные, кости — а плечи были такими узкими, что я мог бы обхватить их одной рукой. У него едва хватило сил натянуть рубашку и брюки. Мне пришлось помочь ему надеть носки и туфли, потому что у него закружилась голова, как только он попытался наклониться. Монтегю, что ни говори, представлял собой жалкое зрелище.

Несмотря на это, я даже не пытался убедить его остаться в каюте. За тридцать пять дней, которые я провел с ним, я усвоил одну простую вещь: если Рандольф Монтегю что-то задумал, разубедить его уже невозможно.

Когда я оказался на палубе, холод словно вцепился в мое лицо невидимыми ледяными когтями. Дрожа, я плотнее стянул тонкую накидку, укрывавшую мои плечи, и осмотрел палубу. Туман еще ближе подполз к паруснику и громоздился по ту сторону поручней непробиваемой серой стеной. На какой-то миг я даже засомневался, нахожусь ли я на борту судна. Нас окружал уже не океан, а лишь серая мрачная бесконечность, в которой было где затаиться ужасу.

— О господи, — с трудом переводя дыхание, сказал Монтегю.

Он вслед за мной прошел, наклонившись, через дверной проем, остановился и протянул руку, чтобы опереться на мое плечо. Я почувствовал, как дрожит его рука.

— Это они, — прошептал он. — Это... даже хуже, чем я предполагал.

Я посмотрел на него вопросительно, но он, казалось, забыл о моем присутствии. Его взгляд впился в окружающую судно серую стену, и я снова заметил в его глазах то выражение страха, которое уже неоднократно у него подмечал.

— Где... капитан?

Я поднял голову, взглянул на ют и указал на коренастую фигуру Баннерманна, казавшуюся черной тенью на сером фоне тумана.

— Отведи меня к нему, — пробормотал Монтегю.

Взяв его за руку и поддерживая за локоть другой рукой, я повел Монтегю вверх по крутой лестнице на ют так осторожно, как будто он был маленьким ребенком, делающим свои первые робкие шаги.

В клубах тумана рядом с судном возникло неясное, еле различимое движение, и на какой-то миг мне показалось, что я слышу тяжелое, изможденное дыхание.

— *Монтегю!*

Это Баннерманн заметил нас и спешил к нам, широко шагая по сверкающей от влаги палубе. Когда он остановился перед нами и посмотрел мне прямо в глаза, его лицо выражало испуг, который постепенно переходил в гнев.

— Крэйвен! — затараторил он. — Вы в своем уме? Как вы могли этого человека привести сюда! Он...

— Я сам этого захотел, — прервал его Монтегю.

Его голос был таким тихим, что едва ли его можно было бы услышать, если бы не эта неестественная тишина на палубе. Тем не менее Баннерманн тут же умолк.

— Роберт рассказал мне об этом тумане, — продолжил Монтегю. — И мне нужно было увидеть его самому.

Он шумно вздохнул, посмотрел мимо меня и Баннерманна на туман и сжал кулаки. Монтегю так стиснул губы, что они превратились в тонкую полоску.

— Сколько уже времени это продолжается? — спросил он.

Баннерманн был явно раздражен.

— *Что* продолжается?

— Туман, — нетерпеливо пояснил Монтегю. — Роберт сказал мне, что мы остановились еще до наступления рассвета.

— Ну, не совсем так, — сказал Баннерманн. — Туман опустился за два часа до восхода солнца, но ветер утих намного позже, — он подумал секунду. — Где-то три часа назад. Может быть, три с половиной.

— Три с половиной часа! — Монтегю побледнел еще больше. — Мы не можем здесь оставаться, капитан. Судно должно немедленно идти дальше. Нам... грозит опасность, если мы задержимся здесь еще хотя бы на час.

Баннерманн бросил на Монтегю выразительный испытывающий взгляд. Я уставился на капитана и попытался при этом покачать головой, но так, чтобы этого не видел Монтегю. Баннерманн, также незаметно для Монтегю, кивнул мне. Он понял.

— Я знаю, что вы сейчас думаете, капитан, — сказал Монтегю тихо. Он посмотрел на меня. — И что думаешь ты, Роберт. Но я не сумасшедший и не фантазер. Я отдаю себе отчет в том, что я говорю. Судно в опасности, и все, кто на нем находится — до последнего человека. Этот туман — это не просто туман. Мы должны убираться отсюда!

Баннерманн ответил не сразу. На его лице отразились противоречивые чувства. По всей видимости, поведение Монтегю задало ему столько же загадок, сколько и мне; но, как и я, капитан знал Монтегю как человека, который не стал бы от нечего делать напускать на всех страх. Возможно, и он чувствовал, что в этом тумане затаилось что-то неведомое, представляющее для нас угрозу.

— При всем моем желании, — осторожно начал Баннерманн, — мы не можем двигаться, мистер Монтегю.

Он отрицательно покачал головой, словно подтверждая свои слова, и быстро поднял указательный палец вверх. Взгляд Монтегю последовал за его движением. Паруса бессильно висели на реях, тяжелые от влаги, впитавшейся из тумана.

— Да это было бы и слишком опасно, — добавил Баннерманн. — Туман настолько густой, что мне отсюда не видно даже носового штевня. Я не могу допустить, чтобы судно шло вслепую.

— Вы не понимаете, — возбужденно сказал Монтегю. — Я говорю это серьезно, Баннерманн! Это не просто туман, и если...

— Мистер Монтегю, — резко перебил его Баннерманн. — Было бы, по всей видимости, лучше, если бы вы пошли в свою каюту и спокойно переждали бы там, пока погода улучшится.

— Вы думаете, что я сумасшедший.

Баннерманн вздохнул.

— Вот это мы здесь обсуждать не будем, мистер Монтегю, — ответил он, бросив при этом на меня быстрый взгляд. Я безмолвно пожал плечами и посмотрел в сторону. — Верю я вам или нет, но мы вообще *не можем* двигаться. «Владычица тумана» — это парусник, Монтегю, а парусник и с места не сдвинется, если нет ветра. Мы стоим как вкопанные.

— Мы могли бы идти на веслах.

Баннерманн закатил глаза.

— Это судно — парусник, — сказал он еще раз. — Это не галера. Как вы себе это представляете?

— Необходимо продолжить путь, — настаивал Монтегю. — У нас на борту есть четыре спасательные шлюпки и достаточно людей. Если мы спустим шлюпки и заставим матросов грести, то тогда мы сможем потянуть парусник. Пусть даже очень медленно, но мы сдвинемся с места!

Баннерманн уставился на него.

— Это все несерьезно.

Монтегю покачал головой.

— Да уж нет, капитан, я говорю это серьезно. Даже слишком серьезно. Хотя я, в общем-то, не требую, чтобы вы мне верили. Возможно, я тоже не поверил бы, будь я на вашем месте. Все, чего я хочу, так это того, чтобы вы подготовили шлюпки, а матросы вытянули судно из этого тумана. Несколько миль будет достаточно. Они потеряют наш след, если мы будем двигаться.

— Вы с ума сошли, — вырвалось у Баннерманна.

— Возможно, — невозмутимо ответил Монтегю. — Но это не ваша проблема, капитан. Я заплачу за дополнительную работу. Каждый, кто спустится в шлюпку и будет грести, получит вознаграждение в пятьдесят английских фунтов, как только мы достигнем Лондона.

— Пять... — Баннерманн чуть не поперхнулся. — Нам необходимо по десять матросов на каждую шлюпку, — сказал он. — Это две тысячи фунтов, Монтегю.

— Я тоже умею считать, — раздраженно буркнул Монтегю. — Если я погибну, деньги мне будут ни к чему, — он полез в карман жилетки, жестом подозвал меня и втиснул в мою руку маленький серебряный ключик. — Сходи в каюту, Роберт. Это ключик от моего сундука. Открой его и принеси мне коричневую папку, — повернувшись к Баннерманну, он добавил: — Мне предоставлен кредит Банка Англии, капитан. Если хотите, я куплю ваше судно.

Это были, пожалуй, самые неподходящие для данного момента слова. Баннерманн хоть и был добродушным человеком, но то, что сейчас предложил Монтегю, он воспринял как пощечину.

— Я думаю, вам не нужно никуда идти, мистер Крэйвен, — сказал он сдавленно. — Мне не нужны ваши деньги. Ни один из матросов моей команды не согласится с вашим сумасбродным предложением и не станет тянуть корабль сквозь этот туман. Рано или поздно этот туман все равно рассеется и снова подует ветер, мистер Монтегю. Мы будем ждать.

Монтегю хотел возразить, но не успел.

За нашими спинами что-то громко всплеснуло, как будто вырвавшись с могучей силой из воды и тут же упав обратно; затем послышался крик, такой тонкий и пронзительный, какого я в своей жизни еще никогда не слышал. Судно задрожало, как от удара. Монтегю, Баннерманн и я в мгновение ока синхронно обернулись.

То, что я увидел, заставило меня оцепенеть. Меня охватил не испуг или ужас — это было более сильное чувство: леденящая смертельная пустота сковывающей волной парализовала мои мысли.

Туман стал еще гуще и укутал теперь всю носовую часть судна. Но он был еще не достаточно густым, чтобы скрыть поручни. Точнее, зияющую дыру на краю борта, где только

что находились крепкие деревянные поручни.

Доски палубы корабля были словно распилены пилой, на дереве отчетливо виднелись следы огромных, чудовищных зубов. А матрос, который несколько секунд назад стоял на том месте, бесследно исчез...

— Они идут сюда.

При этих словах Квентон вздрогнул, словно от окрика. Его взгляд нервно блуждал по сараю. Закрытые ворота и забитые окна не пропускали дневной свет, и фигуры присутствующих вырисовывались как нечеткие силуэты. Было тихо, намного тише, чем обычно бывает в помещении, в котором находится около тридцати человек. Но это была тишина страха, овладевшего этими людьми.

Очень осторожно, как бы опасаясь, что громкими звуками он может спровоцировать находящуюся снаружи толпу к нападению, он поднялся, прислонил взведенную винтовку к стене и отошел от окна. Тотчас же другой мужчина занял его место у забитого окна и просунул дуло своей винтовки в одну из узких бойниц. Они все были вооружены: винтовками, револьверами и охотничьими ружьями, у некоторых были вилы, топоры или большие ножи. Вооружились даже женщины, собравшиеся в дальней части сарая. Они соорудили защитную стенку вокруг нескольких детей, живших в Иерусалимском Лоте. Невзрачный сарай за какие-нибудь двадцать минут превратился в крепость. Тот, кто попытался бы ее штурмовать, рисковал очень многим, возможно жизнью.

И, тем не менее, все они погибнут. Квентон знал это. Ему даже не нужно было пытаться определить с помощью своей *колдовской силы*, что их ждет, достаточно было простых расчетов. Здесь находилось двадцать восемь человек, включая шестерых детей и одиннадцать женщин, причем они были всего лишь простыми крестьянами и охотниками и они *боялись*, а снаружи, на улицах, бушевала взбудораженная толпа — сотни людей, жаждущих крови.

— Квентон?

Квентон поднял глаза и, взглядевшись в бледное лицо, узнал Мариан, дочь своего сводного брата. Вид охотничьего ружья в ее тоненьких ручках вызывал чувство умиления.

— Что? — спросил Квентон.

— Почему... ты здесь? — тихо спросила она.

Ее губы дрожали, и хотя она говорила почти шепотом, Квентон почувствовал, что все в сарае внимательно прислушиваются к ее словам. Все они ожидали его ответа. Мариан лишь озвучила вопрос, который он мог бы прочитать в каждом взгляде, если бы обернулся. Они беспрекословно последовали сюда за ним, после того как он покинул дом Лиссы и созвал жителей деревни. Но они все хотели знать, зачем.

— Почему ты здесь? — вновь спросила Мариан. — Почему *мы* здесь, Квентон?

Сквозь закрытые ворота доносились крики. Прогредел винтовочный выстрел, затем еще один и еще; кто-то начал пронзительно, истерически смеяться. Где-то вдалеке слышался рев толпы. Он приближался. Очень быстро.

— Вот почему, — сказал Квентон, кивком головы указав в сторону ворот. Не все последовали за ним сюда. Некоторые — буквально несколько человек — попытались забаррикадироваться в своих домах и подвалах или же искать спасения бегством. — Вот почему, дитя мое. Только здесь мы сможем себя защитить. Каждый, кто пройдет через эти ворота, погибнет.

— Это не ответ, — сказала Мариан.

В ее глазах вдруг заблестели слезы, и она продолжила говорить, с трудом сохраняя спокойствие. Она почти кричала:

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, Квентон! Вы... вы обещали нам безопасность и богатство. Вы нам говорили, что мы сможем жить здесь спокойно и быть счастливыми, а теперь они идут сюда, чтобы нас убить!

— Перестань, — тихо сказал Квентон.

Но это не остановило Мариан, скорее наоборот. Она вдруг бросила винтовку, подскочила, сдавленно вскрикнув, к Квентону и начала бить его кулаками по груди.

— Вы обещали нам безопасность! — пронзительно кричала она. — Вы говорили, что вы нас защитите, если они попытаются сюда прийти! Для чего мы все эти годы вам служили? Где та *сила*, которая у вас якобы имеется? Где?..

Квентон грубо схватил ее за плечи, отстранил от себя на расстояние вытянутой руки и дал ей громкую пощечину. Девушка отшатнулась, затем опустилась на колени и прижала руку к щеке. На ней четко отпечатались пальцы Квентона.

— Это не моя вина! — закричал он, рассвирепев.

Он почувствовал, что все, кто находился здесь, уставились на него, их взгляды были словно ножи, глубоко вонзающиеся в его грудь. Хотя больше никто ничего не говорил, в их молчании чувствовался упрек.

— Я ничего не могу поделать, — сказал Квентон. — Прежде чем прийти к вам, я был у Андары, но она не хочет сражаться. Вчетвером мы смогли бы их остановить, но один я ничего не могу сделать.

— А как же *колдовская сила*? — прошептала Мариан. — А как же договор, который мы заключили? Для чего же мы заложили свои души, если теперь мы должны погибнуть?

— Я не смог ее удержать, — беспомощно сказал Квентон. — Вам известно так же хорошо, как и мне, что Родерик навлек на нашу голову эти несчастья. Это он убивает вас, а не те, кто там, на улице. Они этого даже не подозревают!

— Но ведь он один, а вас четверо.

— Нас не четверо, — пробормотал Квентон. — Лисса, Андара и Леннард предпочли умереть, вместо того чтобы сопротивляться. И не упрекайте меня в том, что они оказались трусами.

— А *ты*?! — настаивала Мариан. — Ведь у тебя же есть *колдовская сила*, Квентон! Ты же колдун, как и они! Ты достаточно часто это доказывал. Спаси нас!

— Я не могу, — сказал Квентон отчаянно. — Я не могу сражаться с сотнями!

— Спаси нас! — упорствовала Мариан. — Ты же обещал. Ты...

Раздался одиночный выстрел. От стены возле плеча Квентона вдруг отскочили обуглившиеся деревянные щепки, а у Мариан на груди появилась маленькая кругленькая дырочка. Девушка издала прерывистый, похожий на вздох звук и, еще раз взглянув на Квентона широко открытыми глазами, медленно упала навзничь.

Раздался чей-то крик. Человек, занявший место Квентона у окна, выстрелил. И вдруг повсюду зазвучали выстрелы. Когда нападавшие открыли огонь из десятков ружей одновременно, все — мужчины, женщины, дети — начали кричать. Мужчина у окна вдруг сполз вниз. Пол вокруг Квентона запестрил фонтанчиками пыли от пуль. Квентон с проклятием бросился в сторону, перекатился по полу, а затем кошачьим движением снова подскочил. Вновь прозвучали выстрелы, в этот раз уже единым залпом. Одна из ставен

разлетелась вдребезги, как будто от мощного удара молота. Что-то горячо и болезненно укусило Квентона за плечо, но он почти не почувствовал боли.

Он зигзагами побежал через помещение, бросился с вытянутыми руками к лестнице, ведущей на чердак с сеном, и ухватился за предпоследнюю ступеньку. Рев и вопли людей на улице становились все громче, но выстрелы уже не раздавались. По-видимому, нападавшие подумали, что уже первыми залпами они сломили сопротивление людей в сарае, и поэтому решили подойти поближе. Послышался мощный удар в дверь. Один из мужчин вскинул охотничье ружье и поочередно выпалил из обоих стволов.

Дверь исчезла за облаком пыли и разлетающихся щепок. Снаружи раздался пронзительный крик, а затем прогремел целый залп.

Но Квентон больше туда не смотрел. Он взобрался как можно быстрее вверх по лестнице, последним отчаянным усилием вскарабкался на сеновал, упал в изнеможении на пол чердака, лежал секунду с закрытыми глазами, затем снова приподнялся и пополз на руках и коленях к отверстию в воротах сарая. К этому отверстию также приставили охранника. Но он был уже мертв. Его руки еще держали винтовку, с помощью которой он пытался защитить жизнь — свою и своей семьи.

Квентон подавил в себе бессильную ярость, на мгновение охватившую его, отодвинул в сторону неподвижное тело и осторожно приблизился к отверстию в воротах.

То, что он увидел, поразило его. Не прошло и десяти минут, как он пришел сюда, в сарай, но город теперь было не узнать.

Иерусалимский Лот горел. Половина из неполных двух десятков домов, составлявших деревню, была охвачена пламенем, а улицы являли собой полный хаос. Повсюду лежали люди, их было намного больше, чем жителей в Иерусалимском Лоте. Нападавшие, по-видимому, в своем неистовстве давили и друг друга. Однако вид трупов не вызвал у Квентона ни удовлетворения, ни торжества. Собравшаяся внизу толпа была для него лишь стадом животных, подчинявшихся чьей-то более сильной воле. Квентон и сам очень хорошо знал, как легко можно манипулировать людьми. Причем чем возбужденнее они были, тем легче было управлять ими тем, кто хоть немного владел приемами колдовства или магией.

А Родерик — великий колдун, магистр черной магии. Квентон даже сомневался, хватило бы объединенных усилий Андары, Лиссы, Леннарда и его, чтобы одолеть Родерика в открытой схватке. Но этот отщепенец не пошел на открытый бой, наоборот, он уклонился от него. Переполненный ненавистью Квентон знал: теперь он посылает этих тварей, чтобы они довершили то, на что у него самого духу не хватило.

Где-то внизу прогремел выстрел. Глухо ударившись в деревянный пол чердака на расстоянии одной ладони от колена Квентона, пуля подняла фонтанчик сена и сухой пыли.

Квентон поспешно отодвинулся в отбрасываемую стеной черную тень, поднял руку и сделал быстрое, едва заметное движение.

Под ним, в самой гуще напирющей на сарай разъяренной толпы седоволосый мужчина выронил винтовку и схватился обеими руками за горло, словно испытывая удушье. Он зашатался, опустился на колени и был повергнут на землю напирющими сзади людьми.

Квентон облегченно вздохнул. Постройка дрожала от непрерывной пальбы, ударов прикладами и топорами, с помощью которых нападавшие пытались пробиться в сарай. Однако Квентон старался не обращать на это внимания, не думать о происходящем, игнорировать раздававшиеся внизу шум и крики. Всю свою волю он направил на то, чтобы сконцентрироваться на одной поставленной самому себе задаче, хотя и осознавал, что

пытается сделать почти невозможное. Даже вчетвером они вряд ли смогли бы удержать разъяренную толпу, а для него одного это было все равно что пытаться голыми руками удержать разваливающуюся плотину. Но, как бы там ни было, он не собирался сдаваться.

Один из мужчин, пытавшихся вышибить дверь вниз, метрах в пяти ниже Квентона, вдруг замер, затем медленным движением, словно сопротивляясь своей воле, поднял правую руку, в которой был зажат нож, и вонзил его в себя. И прежде чем его падающее тело успело коснуться развороченной земли, он был уже мертв.

Но за ним напирали сотни других.

Руки Баннерманна дрожали. С тех пор как мы покинули ют, он не произнес еще ни слова и, казалось, лишь с трудом сохранял самообладание. Его лицо было белым — не просто бледным, а белым как мел.

— Что... случилось? — с трудом прохрипел он.

Вопрос был обращен к одному из матросов, сбежавшихся к месту происшествия и теперь толпившихся вокруг дыры в корпусе судна.

Матрос нервно помотал головой.

— Я... не знаю, — пробормотал он. Его взгляд блуждал, в глазах отчетливо запечатлелся страх.

— Черт побери, Мэннингс. Вы ведь стояли совсем рядом, когда это случилось! — затараторил Баннерманн. — Вы должны были хоть что-то увидеть.

— Я... это... это произошло слишком быстро, — сказал, заикаясь, Мэннингс. — Оно вдруг появилось тут и схватило его, а затем...

— Что вдруг появилось тут? — резко спросил Баннерманн.

Мэннингс растерянно потупил взгляд.

— Я не знаю, — пробормотал он. — Это было... оно. Я не смог его хорошо разглядеть. Оно было как... как змея, но намного больше и толще, и... оно было зеленым и... и...

У Баннерманна комок подступил к горлу.

— Вы...

— Оставьте его, капитан, — нетерпеливо произнес Монтегю. — Матрос говорит правду.

Баннерманн хотел было вспылить, но один-единственный взгляд на лицо Монтегю заставил его сдержаться. Секунды две-три они смотрели друг другу в глаза, а затем Баннерманн отвернулся и, опустив голову, прошептал:

— Чушь. Самая настоящая чушь.

— Дела обстоят намного хуже, чем я думал, — пробормотал Монтегю.

Эти слова предназначались мне, но я понял это лишь тогда, когда он коснулся моей руки и кивком головы приказал мне следовать за ним.

Я словно очнулся от какого-то сна. Это ужасное событие, а особенно слова Мэннингса, парализовали меня. Как змея, сказал он. Но намного больше и толще... и оно было зеленым! То, что он описывал, было точь-в-точь таким же, как и то, что мне не так давно причудилось в тумане.

— Роберт! — голос Монтегю прозвучал предостерегающе, и на этот раз я взял себя в руки и постарался, насколько это было возможно, отогнать жуткие мысли.

— Не сейчас, — прошептал Монтегю торопливо, как будто предугадав мой вопрос. — Я тебе все объясню, но как раз сейчас на это нет времени. Пошли со мной.

Ни Баннерманн, ни его матросы не обратили внимания на то, что мы пошли на ют и Монтегю открыл дверь. Он шел настолько быстро, что я с трудом поспевал за ним. В его шагах уже не было заметно ни малейшего следа слабости или немощи, но, обратив на это внимание, я почему-то не удивился. Я все еще чувствовал себя ошарашенным.

Наконец мы добрались до нашей каюты. Монтегю вошел туда раньше меня, небрежно бросил свое пальто на кровать и требовательно протянул руку:

— Ключ, Роберт.

Я отдал ему маленький серебряный ключик, который он вручил мне несколько минут назад, затем подошел к нему и помог вытащить из-под кровати и поставить на стол тяжелый морской сундук. Мне и раньше приходилось это делать. В самом начале путешествия, до того как Монтегю заболел, он доставал его почти каждый день. Но лишь теперь Монтегю позволил мне увидеть, как он открывает сундук. До этого, прежде чем открыть крышку сундука, он всегда выставлял меня за дверь и запирался в каюте изнутри. Однако и на этот раз он открыл сундук не сразу: сначала повернул ключ в замке, чуть-чуть приподнял крышку и тут же опустил ее.

— Я должен попросить тебя дать мне обещание, Роберт, — сказал он серьезно. Я кивнул, но продолжал молчать. Тогда Монтегю после небольшой паузы продолжил: — То, что ты сейчас увидишь, должно остаться тайной на всю твою жизнь. Что бы ни случилось — ты не должен никогда рассказывать о содержимом этого сундука, Роберт. Поклянись мне в этом.

— Клянусь, — быстро ответил я.

Однако Монтегю покачал головой.

— Не так, Роберт, — сказал он серьезно. — Поклянись своей душой.

При других обстоятельствах эти слова и то, каким тоном они были сказаны, показались бы мне забавными.

Но сейчас, после всего, что произошло, у меня появилось чувство, будто невидимая ледяная рука коснулась моей души. Я вдруг содрогнулся от холода.

— Клянусь, — пробормотал я. — Клянусь всем, что для меня свято.

Монтегю улыбнулся, но его глаза, как и раньше, были серьезными.

— Тогда помоги мне.

Он открыл крышку сундука, отошел назад и показал мне жестом, чтобы я подошел к нему.

Я не представлял себе, что же я, собственно, могу там увидеть, и в первое мгновение был разочарован. Сундук выглядел вполне обычным, он был доверху набит одеждой и всяким барахлом, необходимым для путешествия. Сверху лежала коричневая папка, о которой Монтегю уже говорил на палубе. Но он не обратил никакого внимания ни на папку, ни на остальное содержимое сундука. Он лишь провел тонкими пальцами по внутренней стороне крышки. Раздался тихий металлический щелчок. Монтегю одобрительно кивнул, засунул руки в сундук и одним махом вышвырнул все содержимое. Под ним оказался ящик-тайничок, доверху набитый книгами и черт знает чем еще: бесцветными стеклянными бутылочками, сосудами, а также различными по величине кожаными футлярами с неизвестным содержимым. Поверх всего лежала легкая серая вуаль, похожая то ли на тонкий слой пыли, то ли на прозрачную паутину. Монтегю впихнул мне потайной ящичек в руки, нетерпеливо подождал, пока я поставил его на кровать, а затем жестом вновь подозвал к себе.

— Это как раз то, что я хотел тебе показать, Роберт, — сказал он. — Я бы оставил эту тайну при себе, но сейчас так поступить просто нельзя. Ты должен дать мне еще одно обещание, Роберт. Если... мне придется умереть, ты должен уничтожить содержимое этого ящичка. Если он попадет *не в те* руки, то может принести много несчастья, наделать много бед.

— Умереть? Но...

— Я знаю, о чем я говорю, Роберт, — перебил меня Монтегю. — Ты видел туман, и знаешь, что случилось с матросом.

— Но я ничегошеньки не понимаю, — пробормотал я беспомощно.

— Ну, тебе это не дано, мой мальчик, — мягко произнес Монтегю. — Но, несмотря на это, мне понадобится твоя помощь. То, что произошло наверху, на палубе, было лишь предупреждением. Сдается мне, что настоящее нападение еще впереди. И я не знаю, достаточно ли я силен, чтобы дать отпор.

— Нападение? Но кто же станет?..

— У меня есть враги, Роберт, — сказал Монтегю тихо. — Могущественные враги. Боюсь, что они оказались намного сильнее, чем я думал.

— Это те, от кого вы сбежали из Нью-Йорка?

— Ты знаешь об этом?

Я кивнул:

— Если человек охвачен страхом, это не так уж трудно заметить, — сказал я. — Во всяком случае, я это почувствовал.

В его глазах появилось выражение, которое еще больше сбило меня с толку. Казалось, он радовался тому, что только что услышал, но при этом оставался совершенно серьезным.

— Возможно, у меня как-нибудь найдется время, чтобы объяснить тебе все это, Роберт, — продолжал он. — А пока достаточно и того небольшого, что тебе уже известно. На меня устроена охота, и, похоже, я подверг опасности твою жизнь и жизнь матросов на борту этого судна. Существо, которое ты видел, — то, что убило матроса, — не утомится до тех пор, пока не выполнит данное ему задание.

Монтегю вздохнул, повернулся и снова полез в сундук. Когда он просовывал руку сквозь серую пылеподобную вуаль, мне показалось, что по вуали побежали быстрые волны, словно это была жидкость. Но когда он вытащил руку, она была сухой.

На его ладони лежал малюсенький медальончик. По форме он слегка напоминал пятиконечную звезду, но какую-то весьма необычную. Я ничего подобного раньше не видел. Казалось, медальон каким-то чудесным образом не позволял себя получше рассмотреть. Единственное, что можно было четко заметить на нем, — это кроваво-красный камень величиною с ноготь большого пальца, который был похож на застывший глаз и находился в центре медальона.

— Возьми вот это, — сказал Монтегю. — Возьми и носи его всегда с собой, пока все не закончится. Он будет оберегать тебя.

Я послушно протянул руку и взял эту маленькую побрякушку. Медальон был удивительно тяжелым, и когда я начал рассматривать его, поднеся поближе к свету, я увидел, что он выполнен из чистого золота. Он оказался теплым. Теплым и не очень твердым, живым.

— А что это? — спросил я.

Монтегю вновь наклонился над своим сундуком и начал перебирать его содержимое, но

мне не было видно, что же он там делает.

— Талисман, — ответил он. — Но одновременно и оружие. Возможно, единственное, что защитит нас от существа, против которого нам предстоит бороться.

Он выпрямился и закрыл крышку сундука. Как только он повернулся ко мне, я увидел на его шее тоненькую золотую цепочку. На ней висела пятиконечная золотая звезда. Она представляла собой точное подобие маленького талисмана, который я держал в руке, только была раза в три больше.

Но это было не единственное изменение, происшедшее с ним. Впервые за все эти недели Рандольф Монтегю вновь казался человеком, с которым я познакомился шесть месяцев назад в Нью-Йорке. Глубокие морщины, появившиеся на его лице после мучительной болезни, исчезли, кожа разгладилась и, словно по мановению руки волшебника, приняла прежний здоровый, свежий вид. Кроме того, Монтегю стал намного прямее держаться и казался гораздо энергичнее, чем всего лишь мгновение назад. Он излучал силу. Силу, которая окружала его фигуру невидимой аурой.

— О Боже! — вырвалось у меня. — Что... как вы это сделали? Это... это почти волшебство!

В улыбке Монтегю промелькнуло чуть заметное презрение. Он подошел ко мне и взял меня за руку.

— Это не *почти* волшебство, Роберт, — сказал он тихо. — Это — *волшебство*. По крайней мере, ты назвал бы происходящее именно так, если бы хоть что-то в этом понимал, — вдруг он снова сделался серьезным. Очень серьезным. Его взгляд стал ледяным. — Я мог бы тебе это разъяснить и иным образом, мальчик. Однако, сдается мне, тебе придется постигать все намного быстрее, чем следовало бы. Меня зовут не Рандольф Монтегю, Роберт. Я — Родерик Андара. *Тот самый колдун*.

Деревня была похожа на бурлящий колдовской котел. Крики умирающих, рев жаждущей крови толпы, выстрелы и беготня, треск пылающих домов, вопли охваченных паникой животных и людей — все смешалось в единую симфонию безумия, в ужасный концерт смерти, сопровождающий бушующий над Иерусалимским Лотом кровавый ураган. И лишь здесь, в крошечном домишке в самом центре деревни, который каким-то чудом до сих пор не тронула безумствующая толпа, царило молчание. Через тонкие стены и окна доносился шум, но сидящие в этом доме никак не реагировали на него и не нарушали молчания. Абсолютно никак не реагировали.

— Я... больше не могу, — пробормотала Лисса.

Буквально за последние минуты эта молодая женщина изменилась самым ужасным образом. Ее лицо осунулось и стало серым, глаза, словно ослепленные чем-то ужасным, потеряли всякое выражение и стали похожими на стеклянные белые шарики, а волосы сделались ослепительно белыми. Она заметно похудела. Магический огонь, бушующий в ее душе, за считанные минуты сжег жизненную силу, которой в обычных условиях хватило бы на десятилетия жизни.

— Я больше не могу это выносить, — пролепетала она, словно задыхаясь. — Эти убийства... это насилие и... боль...

— Держись, дитя, — прошептала сидящая рядом с ней седая старуха. Ее слова звучали как заклинание. — Пускай убивают! Это их ярость, и ты ее чувствуешь. Это боль и гнев тех, кто гибнет там, снаружи, их боль — это то, что приближает *его*! Ему необходима эта сила,

раз он должен свершить возмездие.

Лисса хныкала. Ее пальцы впились в стол, ногти полопались, но она этого не чувствовала. Ее дух уже давно был сломлен, и даже если бы она захотела, то уже не смогла бы разорвать духовную связь, к которой ее принуждала старуха. Она была лишь инструментом, воротами, через которые психическое насилие, свирепствующее вокруг нее, изливалось куда-то в пространство и соединяло Иерусалимский Лот с местом в другой части мира.

Хаос, царивший вокруг нее, достиг своего апогея. Лисса чувствовала, как уходит из нее жизнь.

Но она также чувствовала, что, по мере того как незримое пламя в ней горело все слабее, нечто неопишное, невероятное, находящееся за тысячи миль отсюда, становилось все могущественнее...

— Колдун! — я знал, что он говорил правду, однако сейчас я впервые в жизни проклинал этот человеческий дар.

В этот момент я все бы отдал за то, чтобы можно было закрыть глаза и просто забыть его последние слова. Рандольф Монтегю, человек, который заботился обо мне как родной отец и которого я любил почти как отца, — колдун!

— Мне жаль, Роберт, — сказал он тихо. — Я бы предпочел сообщить тебе об этом как-то по-другому, да и попозже, после того, как ты узнал бы меня лучше. Но не все, что обо мне рассказывают, — правда. Можешь мне поверить.

— Но вы... вы... — я запнулся и смущенно потупил взгляд, пытаюсь подыскать подходящие слова и не находя их.

Мои мысли перепутались, а затем побежали по замкнутому кругу. Я уже о нем слышал — то, что обычно говорят о таких, как он. Если хотя бы десятая доля того, что рассказывают о магистрах черной магии, соответствует действительности, я стоял перед дьяволом в человеческом обличье. Андара был преступником, человеком, которому предъявлялись обвинения в десятках убийств и в бесчисленном множестве прочих злодеяний, но никто никогда не мог ничего доказать. Это значило, что он был связан с самим дьяволом, и я знал массу людей, которые утверждали это со всей серьезностью.

— Вы...

— Мне жаль, что я тебя обманывал, Роберт, — сказал он. — Но у меня не было другого выхода. У меня очень могущественные враги, и мне пришлось изменить свое имя, чтобы скрыться от них. Хотя это не очень-то помогло.

— Так вы действительно... действительно колдун? — спросил я, пересиливая себя.

Еще пару секунд Андара смотрел на меня серьезно, а затем вдруг запрокинул голову и начал хохотать.

— Да, я обладаю кое-какими возможностями, — весело сказал он. — И потратил свою жизнь на изучение того, что большинству других людей недоступно.

— Но все то, в чем вас обвиняют, все эти...

— Говори прямо, — сказал он, после того как я снова запнулся. — Ты имеешь в виду — преступления. Никаких преступлений я не совершал, мой мальчик, люди всего лишь испытывают ужас перед моими способностями. У них вызывает страх то, что я делаю, а страх и ненависть — почти что родственники. То, чего люди не понимают, они рассматривают всегда как враждебное и злобное, — он опечаленно склонил голову. —

Прошло много времени, прежде чем я понял это, Роберт, очень много времени. Но, куда бы я ни попадал, везде было одно и то же. Когда им требовалась моя помощь, они звали меня, но потом, через некоторое время, они начинали меня сначала бояться, а затем и ненавидеть. Когда в городе, где я находился, умирал ребенок, или у женщины случались неудачные роды, или же урожай уничтожался градом, то все указывали пальцем на меня и говорили: «Это все он, колдун». Поначалу я пытался отмежевываться от всего этого, но через некоторое время перестал реагировать на обвинения, — он засмеялся, но смех его был каким-то горьким. — Я надеялся найти покой в Европе, но, похоже, за мной повсюду следует проклятие, куда бы я ни направлялся. Наверное, от своей судьбы не убежишь.

Кто-то постучал в дверь. Монтегю (он же Андара!) испуганно вздрогнул, быстрым движением спрятал цепочку с золотой звездой под рубашку, прошел мимо меня и отодвинул засов. В полутемном коридоре стоял матрос. Несколько секунд спустя я узнал его: это был Мэннингс.

— Меня прислал кап... капитан, — начал он неуверенно. — Он хочет вас видеть, мистер Монтегю, — он старался избегать взгляда Андара. Матрос нервно переминался с ноги на ногу и, казалось, не знал, куда девать руки. — Он спрашивает, не... не могли бы вы подняться на ют.

— А почему он не пришел сюда? — вмешался было я, но Андара поспешно остановил меня движением руки.

— погоди-ка, Роберт, — сказал он. — Мне так или иначе нужно на палубу. Подай мне, пожалуйста, плащ и трость.

Я повиновался, накинул ему на плечи черную тонкую накидку и достал изящную прогулочную трость (скрывавшую в себе шпагу, лезвие которой я когда-то ощутил на своем горле) из чемодана. Затем мы молча последовали за Мэннингсом на палубу.

Баннерманн ожидал нас, сгорая от нетерпения. Он сменил свое тяжелое шерстяное пальто на черную водонепромокаемую куртку, которая слабо защищала его от холода, однако в ней ему было удобнее передвигаться. Я заметил, что на ремне у него висит пистолет. Матросы стояли на палубе небольшими группами и тихо разговаривали друг с другом, некоторые из них злобно уставились в туман. Они тоже были вооружены: несколько человек — винтовками, большинство же — ножами или топорами, а некоторые — даже баграми или длинными настилочными костылями. Несмотря на всю серьезность ситуации, я еле удержался от смеха: матросы напоминали мне детей, решивших поиграть в пиратов.

Но моя веселость мгновенно улетучилась, когда я посмотрел мимо Баннерманна в туман. Он и раньше был таким густым, что казалось, гуще не бывает, однако сейчас туман стал *еще* гуще, а обволакивающая все вокруг тишина теперь казалась удушающей.

— Монтегю, — начал Баннерманн без лишних церемоний. — Мне нужно с вами переговорить.

Приблизившись к нему, мы увидели, что у него между бровями образовалась глубокая складка. Он заметил, каким здоровым и крепким вдруг стал Монтегю — человек, о жизни которого он и я серьезно тревожились всего лишь несколько часов назад, — однако об этом он ничего не сказал. Капитан неожиданно заявил:

— Вы знаете намного больше того, что вы тут рассказывали. Вы ведь знаете, *что* убило матроса, не так ли?

Андара серьезно взглянул на него. Он стоял вполоборота к капитану и, сощурившись, смотрел на палубу, на выпрызенную дыру, которая в тумане казалась лишь большой темной

тенью.

— Да, — ответил он после секундного колебания. — Во всяком случае, догадываюсь, — он продолжал говорить, не давая Баннерманну даже слово вставить. — Но сейчас я не могу объяснить вам, что происходит. Я сам собирался явиться к вам, капитан. Мы должны отсюда исчезнуть. Судно должно немедленно сдвинуться с места. То, что случилось, — лишь начало, Баннерманн. Это существо будет убивать и дальше, если мы здесь останемся.

— Да не могу я! — запротестовал Баннерманн. В его ярости чувствовалась беспомощность, и на какой-то момент мне стало жаль его. Я знал, как тяжело противиться Андаре. — Я не знаю, чем является этот чертов туман, но если быть честным, я постепенно снова начинаю верить в привидения. Так или иначе, *судно не может идти, Монтегю!*

— *Тогда мы должны идти на веслах.*

Баннерманн смешно вскрикнул. В его голосе звучали истерические нотки:

— Идти на веслах? Вы серьезно думаете, что кто-нибудь из моих матросов решится ступить ногой в шлюпку, если там, в море, притаилось это чудовище? Вы же видели, что произошло с Гордоном!

— Я защищу их, — сказал Андара. — Я знаю, что это опасно, но у нас нет другого выхода. Никто из ваших матросов живым Лондона не увидит, если мы не сдвинем судно с места.

— Знаете ли вы, сколько весит «Владычица тумана»? — спросил Баннерманн. Его голос дрожал. — Судно таких размеров практически невозможно буксировать лишь четырьмя шлюпками. Да и матросы не согласятся. Они боятся, Монтегю!

Андара немного помолчал. По его лицу было отчетливо видно, что у него внутри происходит какая-то борьба.

— Возможно, вы правы, — пробормотал он наконец. — Есть, наверное, еще один выход. Подготовьте шлюпки, капитан. И пошлите ваших матросов на рей. — Андара слабо улыбнулся. — Может, скоро появится ветер.

Баннерманн озадаченно уставился на него, но Андара не дал ему возможности что-нибудь сказать. Широкими пружинящими шагами он быстро побежал вверх по лестнице на палубу юта и остановился за два шага до кормовых поручней. Баннерманн изумленно наблюдал за ним.

— Что с ним? — прошептал он. — Он что, с ума сошел?

— Вот это вряд ли, — ответил я. — Вы должны делать то, что он говорит, капитан. Думаю, если кто-то и может вытащить нас отсюда, так это он.

Судя по взгляду Баннерманна, он начал серьезно сомневаться и в моем рассудке. Тем не менее, после секундного колебания он повернулся и начал громким голосом отдавать приказы, гоняя туда-сюда матросов. Лихорадочная, нервная активность на палубе возрастала с каждой секундой. Ловкие, словно обезьяны, матросы забирались на мачты и занимали свои места на реях. Другие бежали к шлюпкам, срывали защитные тенты и натягивали цепи шлюпбалок. Третьи стояли вроде бы без дела, однако они напряженно всматривались в туман и нервно перебирали пальцами по оружию. Матросы с винтовками были охраной, их не привлекли к работе, и я понял, что Баннерманн готовился достойно встретить чудовище, если оно нападет еще раз. Но что-то подсказывало мне, что и от ружей, и от топоров будет мало толку.

Я посмотрел на ют и поискал глазами Андару. Колдун, словно оцепенев, стоял в нескольких шагах от поручней. Его поднятые руки как будто умоляли кого-то, казалось, что

он обращается к туману.

— Что он делает? — прошептал Баннерманн.

Я торопливо жестом прервал его, продолжая напряженно всматриваться в то, что делалось на палубе юта. Андара не двигался, но я чувствовал, что там, наверху, что-то происходит. Что-то, непостижимое обычным человеческим умом.

И вдруг туман начал двигаться.

Вначале медленно, почти незаметно, затем все быстрее и быстрее серые клубы тумана стали расступаться. Поглощающая свет стена, державшая «Владычицу тумана» в плену, разверзлась, и впервые за несколько часов лучи солнца коснулись палубы. Холод пропал, словно злобное привидение, и я вдруг почувствовал кожей легкое дыхание ветра.

Баннерманн даже поперхнулся от изумления. И, тем не менее, он отреагировал настолько быстро, насколько это можно было ожидать от хорошего капитана.

— Поднять паруса! — рявкнул он. — Рулевой — курс два румба по левому борту!

Раздался сильный шум, словно что-то крошилось на кусочки, дрожь пробежала по корпусу четырехмачтового парусника.

Я почувствовал, как «Владычица тумана» под моими ногами словно просыпалась от глубокого одурманивающего сна по мере того, как ветер усиливался, а паруса на реях расправлялись. Главная мачта громко застонала, испытывая давление неожиданно наполнившихся ветром парусов, затем задрожал корпус судна. Туман улетучивался с фантастической скоростью, оставались лишь серые узкие полосы. Волна с всплеском ударила о борт судна и разлетелась белыми брызгами, за ней последовала вторая волна, третья...

— Баннерманн! — голос Андары прозвучал словно откуда-то издалека. — Шлюпки! Быстро! Ветер долго не продержится!

Странное чувство слабости охватило меня. Судно перед моими глазами начало расплываться, а мои ноги, казалось, были уже не в состоянии удерживать вес тела. Я пошатнулся, протянул руку, чтобы ухватиться за мачту, промахнулся и упал бы, если бы Баннерманн в мгновение ока не подхватил меня, помогая удержаться на ногах.

— Крэйвен! — воскликнул он. — Что с вами?

Я слабо покачал головой, освободился от его объятий и оперся о мачту. Мое сердце колотилось, как будто я пробежал несколько миль, и хотя я все еще дрожал, как от холода, все тело покрылось потом.

— Это... ничего, — сказал я с трудом. — Приступ слабости, не более того. Теперь все в порядке.

В действительности же я чувствовал себя очень плохо. Если бы не мачта, на которую я опирался, то упал бы.

— Роберт! Иди в шлюпку! Быстро!

Лишь с огромным трудом я смог выполнить распоряжение Андары. Судно продолжало расплываться перед моими глазами, как будто я смотрел на него сквозь текущую воду, а шлепанье волн казалось каким-то неестественным. Несмотря на это, я повернулся и послушно побрел, пошатываясь, к одной из спасательных шлюпок.

Матросы уже сидели на своих местах, по шестеро в каждой шлюпке. Их было слишком мало, чтобы можно было сколь-нибудь ощутимо переместить по морю «Владычицу тумана», но больше Баннерманн ничего сделать не мог. С визгом сдвинулись шлюпбалки. Одна из шлюпок отделилась от своих креплений, зависла в воздухе, удерживаясь на ладонь выше

поручня на четырех ржавых, в руку толщиной, цепях и затем стала медленно перемещаться вниз, к поверхности моря.

Но она так и не коснулась ее.

Море неожиданно разверзлось, взорвавшись водой и белой пеной. Что-то большое, просто безумно громадное, как черно-зеленая гора, поднялось вверх, с сильным ревом вздыбилось над поверхностью моря и снова ушло в воду. Судно задрожало. Трехметровая волна, словно молот, ударила в борт судна, перехлестнулась с ревом через поручни и побивала матросов с ног. Я оступился и, пытаясь вслепую ухватиться за что-нибудь возле себя, ударился обо что-то затылком. На мгновение показалось, что я теряю сознание. Невидимая огромная рука схватила меня, прижала с беспощадной силой к палубе и выдавила из моих легких воздух. Я попытался закричать, но лишь набрал полный рот воды, которую инстинктивно проглотил. «Владычица тумана» стонала, словно от боли. Где-то разлетелась вдребезги доска, и сквозь стоящую у меня перед глазами кровавую пелену я увидел, как шлюпка, висевшая на цепях вне судна, была поднята всесокрушающей силой и брошена на поручни. Доска толщиной в руку разлетелась, как щепка.

Матросов, сидевших в шлюпке, разбросало по ней как игрушечные фигурки. Один из них закричал, начал беспомощно махать руками и опрокинулся за борт, падая как-то неестественно медленно. Он исчез с еле слышным криком в бурлящей массе воды и больше не появился.

Я прокашлялся, выплюнул соленую воду и горькую желчь и попытался приподняться на руках и коленях. Судно неуклюже наклонилось на бок, на мгновение крен стал опасным, затем со стоном, содрогаясь, парусник снова выпрямился. Эти раскачивания опять швырнули меня на палубу. Высоко вверху, на мачтах, что-то треснуло. Куски дерева, парусина и снасти обрушились на палубу в нескольких метрах от меня, когда я попытался приподняться еще раз.

Хаос не заканчивался. Наоборот, он лишь начался.

Море разверзлось во второй раз, непосредственно под качающейся возле разломанных поручней шлюпкой. Из пенящейся воды появилось штук шесть мощных пульсирующих щупальцев, затем они выпрямились, словно трепещущий лес слизистых зеленых змей, и стали ощупывать все вокруг себя слепыми ищущими движениями.

Матросы в шлюпке начали кричать. Зеленые чешуйчатые конечности приблизились к шлюпке, проследовали с шорохом по дереву, словно царапая его, и стали на ощупь искать пассажиров. Один из матросов поднялся, ударом отбросил в сторону пытавшееся схватить его ноги щупальце и хотел было перепрыгнуть на судно, но ужасное чудовище оказалось проворнее. Второе щупальце сделало резкое движение, схватило матроса, уже выпрыгнувшего из шлюпки, и грубым движением потащило его обратно. Обвив, словно удав, тело матроса, щупальце скрылось вместе с ним под водой. Море в этом месте забурлило, а пузыри, поднимающиеся на поверхность и лопающиеся там, вдруг стали розовыми.

Щупальца, словно мощная рука с множеством пальцев, обхватили шлюпку. Они казались извивающейся живой клеткой, в которую была заключена шлюпка с людьми, затем они начали сжиматься — медленно, но с ужасной силой. Я увидел, как зеленые чешуйки во многих местах приподнялись. Из-под них появились вытянутые акульи пасти с острыми как бритва зубами.

Прозвучал выстрел. Его звук заставил меня упасть на палубу. Эта ужасная сцена разыгралась в течение какой-то секунды, но у меня возникло такое чувство, будто я

наблюдал за неистовством чудовища уже в течение нескольких часов. Мои руки и ноги, казалось, двигались сами по себе. Я поднялся, покачнулся и наткнулся спиной на мачту. Невозможно было отвести взгляд от ужасного зрелища. Под давлением щупальцев шлюпка начала разламываться.

Снова прозвучал выстрел. Я увидел, как пуля попала в одно из щупальцев и образовала в зеленой чешуе дыру размером с кулак. Однако рана закрылась так же быстро, как и появилась.

Чья-то рука ухватила мое плечо, развернула меня, затем последовал удар, который отбросил меня метра на три, и я в третий раз упал на палубу. Там, где я только что стоял, о мачту ударилось щупальце, затем оно сползло вниз и начало подрагивая сжиматься и ощупывать все вокруг, словно слепая ищущая змея. Снова послышались выстрелы. Щупальце содрогнулось от нескольких попаданий пуль и начало отступать, помечая свой след густой черной кровью. Но, как и в предыдущий раз, раны закрывались так же быстро, как и возникали. Движения чудовища даже не замедлились.

Один матрос с душераздирающим криком прыгнул на палубу передо мной и, приземлившись с расставленными ногами на щупальце, взмахнул мощным обоюдоострым топором.

Раздался предупреждающий крик Андары, но было поздно. Топор опустился со свистом и отсек кусок щупальца метровой длины. Черная кровь попала на матроса. Там, где она коснулась его кожи, начал клубиться дым. Матрос вскрикнул, выронил свое оружие и, пошатнувшись назад, ухватился обеими руками за свое лицо. Еще до того как изувеченное щупальце сползло с борта и исчезло в море, матрос был мертв.

— *Роберт, ко мне!*

Крик Андары наконец-то вывел меня из оцепенения. Я поднял глаза, на секунду задержал взгляд на лице колдуна и, увидев, что он жестами показывает мне следовать за ним, кивнул ему. Андара сбросил с себя плащ и достал из трости шпагу. Цепочка со звездообразным амулетом виднелась на его груди. Тоненький клинок рапиры раскалился, наверное от сильного внутреннего огня.

Я встал за Андарой и оперся на поручень. Палуба судна превратилась в поле битвы. Десятки зеленых извивающихся щупальцев поднялись из моря перед бортом судна, образовав раскачивающийся смертоносный лес чешуек и жадно хватающих воздух дьявольских пастей. Некоторые матросы непрерывно стреляли, другие, вооружившись баграми и длинными шестами с железными остриями, рубили и кололи щупальца, пытавшиеся заползти на палубу. Участь их несчастного товарища послужила им предостережением — они избегали слишком близко подходить к смертельным змеевидным конечностям, ограничиваясь лишь сбрасыванием содрогающихся щупальцев в море. На какой-то миг мне даже показалось, что они побеждают.

Но лишь на миг. Силы матросов быстро шли на убыль, в то время как морское чудовище не знало ни усталости, ни боли. Все больше мощных щупальцев с шипением выныривали из воды, взбирались, словно жадные зеленые змеи, по стенке борта вверх, обвивали кольцами поручни и пытались ухватить матросов.

Смертельная схватка за гребную шлюпку закончилась: шлюпка почти полностью скрылась под колышущейся зеленой массой. Крики матросов затихли. Я еще успел увидеть, как оборвалась со свистящим звуком толстая цепь, на которой висела шлюпка. Кулак из щупальцев тряс и рвал шлюпку уже над самой поверхностью воды.

— Будь все время возле меня, Роберт, — тяжело дыша, сказал Андара. — И не бойся: с тобой ничего не случится до тех пор, пока ты со мной.

Он очень ловко перепрыгнул через судорожно передвигающееся щупальце, оступился на скользкой палубе, но, широко расставив руки, сумел сохранить равновесие. Шпага в его правой руке молниеносно вращалась, описывая полукружия, разрезая чешуйчатый защитный слой конечности чудовища, оставляя на щупальце глубокие зияющие раны.

Но в этот раз порезы не заживали! Напротив — казалось, что лезвие клинка Андары смазано ядом, который заставлял широко раскрываться края каждой раны. Черная кровь, вытекая, подобно кислоте въедалась в доски палубы, но через мгновение иссыкала. Блестящие чешуйки сначала слегка сморщились, а затем скрутились, словно сухие листья. Конечность вздрогнула, поднялась над палубой и ударила по мачте в последний раз, уже без силы. Спустя несколько секунд щупальце стало совершенно сухим, словно ветка, пролежавшая несколько месяцев на изнуряющем солнце. Я инстинктивно отшатнулся и прикрыл рукой рот.

Андара не позволил мне дальше наблюдать эту ужасную картину. Он схватил меня за плечи, развернул и потащил за собой к поручням, туда, где стоял лес из бьющихся щупальцев.

Матросы были оттеснены беспощадным натиском чудовища. Однако они защищались с отчаянной храбростью, и, несмотря на свою невероятную регенерационную способность, большая часть конечностей чудовища была усеяна ранами. Палуба бурлила от едкой крови, вытекавшей из щупальцев, но и среди матросов не было ни одного, кто бы не пострадал от многочисленных ожогов разной степени тяжести. А из моря выныривали все новые и новые мощные зеленые щупальца.

Андара взмахнул шпагой. Лезвие ударило по щупальцу, только что ухватившему за ноги одного из матросов, разрезало конечность чудовища на две части и затем, как продолжение того же взмаха, резануло по второму щупальцу, которое, словно хищная птица, обрушивалось на нас сверху. Последствия были все те же: чешуйчатая кожа сморщивалась и иссыхала на глазах, затем конечность отмирала.

И все же атаки Андары были для чудовища не более чем уколами иголки. Даже с десятком таких шпаг, как у Андары, невозможно было бы оттеснить беспрерывно копошащуюся массу зеленых змеевидных конечностей, продолжавших появляться из моря. Если это были спруты, то их, похоже, насчитывалось несколько сотен.

В то время как матросы вокруг нас постепенно отступали, мы шаг за шагом приближались к поручням. Андара неумолимо тащил меня за собой, при этом налево и направо рубил щупальца, преграждавшие нам путь. Палуба под нашими ногами задрожала, и я почувствовал, что судно начало погружаться — медленно, но неотвратно. Количество щупальцев заметно возросло — до сотни, возможно их было много сотен. «Владычица тумана» уже начала крениться на борт, а из моря всплывало все больше и больше слизистых зеленых конечностей, пытаясь ухватиться за борта судна и утащить его в глубину моря.

Наконец-таки мы добрались до поручней, точнее, до того, что от них осталось. Море исчезло. Вместо него теперь вокруг судна бурлила зеленая масса, вскипая белой пеной. Казалось, что мы окружены армией брызгающих слюной тварей, жадно хватающих воздух акульими пастями.

Но ни одна из них не коснулась нас.

Похоже, причиной этому была не шпага Андары, которой он пытался их оттеснить.

Хотя клинок наносил нападающим ужасный урон, они могли бы нас просто раздавить своей огромной массой. Но что-то сдерживало их. Каждый раз, когда над Андарой или надо мной зависало щупальце, хищнически открывалась дьявольская пасть, или же с силой нападающего слона и со звуком свистящего кнута вздымалась очередная конечность чудовища — все это, казалось, в самый последний момент наталкивалось на невидимую стену и как-то неуверенно отступало назад. Андара и я словно были окружены невидимым непробиваемым барьером, непреодолимым для враждебных сил.

Андара отпустил мою руку, отсек одно из щупальцев, пытавшееся обвить его ногу, неожиданно повернулся ко мне и втиснул мне в руку рапиру.

— Будь внимательным! — тяжело дыша, сказал он. — Если со мной что-нибудь случится, попытайся пробить себе дорогу сам. Наверное, оно оставит судно в покое, если заполучит меня!

Я так и не успел спросить его, по поводу чего мне нужно быть внимательным и кто это «оно», о котором он говорил. Андара быстро отвернулся от меня, вскинул заклинающим жестом руки над головой и как бы нанес удар сжатыми кулаками в сторону моря.

— *Остановись!* — прокричал он.

Его голос раздался над морем, словно вдруг раскатами прогремел гром, — настолько зычно, просто невероятно зычно и требовательно, и с такой мощью, что я съежился, словно от удара, и закрыл руками уши.

— *Остановись!* — прокричал он еще раз. — *Я, Родерик Андара, обладающий властью, приказываю тебе! Прекрати убивать и возвращайся туда, откуда ты пришел!*

Щупальца перестали неистовствовать. Мы все еще были окружены настоящим лесом гигантских зеленых конечностей, и все новые и новые щупальца продолжали выныривать из моря, карабкаться на поручни, присасываться к гладким доскам палубы или грызть их, однако движения этих тварей существенно замедлились.

— *Уходи!* — крикнул Андара. — *Уходи отсюда! Оставь это место. У меня знак власти, и ты должен мне повиноваться! Уходи! Я ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ!*

И тут произошло невероятное!

Еле уловимая дрожь пробежала по всей массе щупальцев. Одна за другой конечности стали сползать по палубе обратно в море. Вода снова вскипела. Зловещие твари отступали, пусть медленно и как бы нехотя, но все-таки подчиняясь воле, которая была сильнее их собственной. Море вокруг «Владычицы тумана» превратилось в кипящее болото, полное темных змеевидных тел и пузырящейся пены. Недалеко от нас дождем посыпались измельченные остатки уничтоженной шлюпки: это щупальца, обхватившие ее, ослабили хватку и начали уползать в преисподнюю, из которой они появились. «Владычица тумана» заметно задрожала, когда смертельный захват, в котором она находилась, ослаб.

— *Уходи!* — повелел Андара еще раз. — *Уходи и больше никогда не возвращайся на это место!*

У меня закружилась голова. В нескольких метрах от судна, пуская пузыри, ушла в глубину моря последняя змеевидная конечность, и на какой-то миг мне показалось, что под судном шевелится что-то гигантское, жуткое, но у меня не было сил размышлять над этим. Меня снова охватила слабость, но теперь мне было раз в десять хуже, чем раньше. Я застонал. Шпага выскользнула из моих рук и с грохотом шлепнулась на палубу. Казалось, что судно вдруг начало вращаться вокруг меня, и когда Андара испуганно повернулся, чтобы поддержать меня, его лицо начало расплываться перед моим взором, как плавающее

изображение из воска. Я хотел было что-то сказать, но даже на это у меня не хватило сил. К горлу подступила тошнота, а в левой стороне груди появилась жгучая, невероятно сильная боль. Я потерял сознание.

Положение было безвыходным.

Толпа осаждала сарай, и немногие мужчины и женщины, оставшиеся в живых после первой попытки толпы взять штурмом сарай, продолжали сражаться без всякой надежды на спасение.

Квентон отчаянным движением метнулся в сторону. Там, где только что была его голова, дощатую стену пронзили ржавые острия вил. Квентон резко откатился в сторону нападавшего, дотянулся до его ног и вдруг вскрикнул: как раз в этот момент другой мужчина ударил его в висок.

Эти двое прокрались в сарай незаметно. Шум битвы и рев толпы поглотили звук их шагов, и Квентон, случайно посмотрев вверх, лишь в самый последний момент заметил тень от вил, которыми один из них целился в него.

Но, похоже, Квентон отсрочил свою смерть лишь на секунды. Мужчина, которого он свалил с ног, снова поднялся и с искаженным от злобы лицом потянулся за вилами, тогда как второй с победным криком бросился на Квентона. Его колени с размаха уперлись в грудную клетку Квентона и выдавили из легких весь воздух.

Квентона пронзила боль. Казалось, еще миг — и его сознание погрузится в кроваво-красный туман. Сделав над собой усилие, он слабеющими руками попытался нащупать лицо мужчины, который, словно гнусная громадная жаба, сидел у него на груди и прижимал его коленями к полу, а затем вскрикнул, когда мужчина развел его руки в стороны.

— Не убивай его, Фрэд! — тяжело дыша, сказал его товарищ.

Он уже держал обеими руками вилы. Из уголков его рта текла тоненькая струйка крови. Он, должно быть, поранился, когда упал.

— Почему? Он...

— Потому что у меня есть для него кое-что получше, — хихикнул мужчина. Его руки еще крепче сомкнулись вокруг черенка вил. — Намного лучше. Ты только держи его покрепче. Я отучу эту свинью бросаться на меня.

Сидящий на Квентоне мужчина одобрительно хрюкнул и крепко схватил обеими руками голову Квентона. Другой подошел поближе, встал, широко расставив ноги, над головой Квентона и поднял вилы.

— Держи его покрепче, — повторил он, снова хихикнув.

Острия вил приблизились к лицу Квентона.

— Не делай этого, — спокойно сказал Квентон.

Мужчина сощурил глаза. Вилы в его руках задрожали, а во взгляде появилось вопросительное, а затем удивленное выражение. Вилы замерли.

— Не делай этого, — сказал Квентон еще раз. — Я не разрешаю тебе.

— Чего ты ждешь? — нетерпеливо проворчал Фрэд. — Я не могу держать его целую вечность.

Взгляды Квентона и стоявшего мужчины встретились. Глаза мужчины были неподвижны, и Квентону показалось, что он увидел в них еле заметный оттенок глубинного страха, который мужчина, по-видимому, испытывал в данный момент. Рот мужчины приоткрылся, но оттуда не вырвалось ни единого звука.

— А теперь уходи, — приказал Квентон. — И дружка своего заberi с собой.

Фрэд вытаращился на него, как на диво дивное. Он даже не сопротивлялся, когда дружок стащил его с Квентона, а затем, крепко обхватив, поволок к краю сеновала. Лишь в последний момент он очнулся от оцепенения, но было слишком поздно.

Его дружок упал в проем входа на чердак и потянул за собой Фрэда. С пронзительным воплем он исчез из поля зрения Квентона.

Постанывая, Квентон попытался приподняться. У него, скорее всего, были сломаны ребра. Квентон испытывал невыносимую боль. Подавив стон, опираясь на руки и колени, он отполз немного в сторону. Кроме тех двоих больше никто из нападающих не нашел пока дорогу на сеновал, но в сарае под ним ревела беснующаяся толпа, которая могла успокоиться лишь тогда, когда исчезнет последний след жизни в Иерусалимском Лоте.

Квентон в бессильной ярости сжал кулаки. Толпе потребовалось не больше двух минут на то, чтобы вышибить ворота и разделаться с теми немногими, кто самоотверженно встал у них на пути. У Квентона оставалось еще несколько минут.

Где-то под ним на фоне общего шума раздался пронзительный крик. Квентон наклонился и увидел, как четверо мужчин грубо вытащили из укрытия девушку и начали срывать с нее одежду. Чувство жгучей ярости охватило Квентона. Он знал эту девушку: в деревне, где проживало около пятидесяти человек, все были знакомы друг с другом.

Его взгляд отыскал крошечное, покрытое соломой здание на другом конце деревни. Дом оставался нетронутым. Ставни были закрыты и, несмотря на густые облака дыма, удушающей пеленой застилавшие деревню, Квентон смог различить, что дом не был поврежден.

«Еще бы», — подумал он с ненавистью. Те трое позаботятся о том, чтобы нападающие добрались до них лишь в последний момент. Но это их не спасет. Толпа слишком уж разбушевалась, чтобы ею можно было как-то манипулировать, пусть даже объединив усилия троих обладателей силы. Но они пожертвовали жизнями других людей, чтобы продлить свои жизни, пусть даже на несколько минут.

Шум за спиной заставил его обернуться. Конец лестницы, ведущей к его убежищу на сеновале, начал дрожать. Кто-то поднимался к нему.

Квентон выпрямился. Его взгляд впился в конец лестницы. Внезапно он перестал чувствовать боль от сломанных ребер. Даже страх куда-то исчез.

В проеме показалась голова мужчины. Квентон бросился к лестнице и ударил по ней ногой.

Лестница задрожала. Медленно, словно подталкиваемая невидимыми руками, она отошла от своей опоры и начала отклоняться назад. Глаза стоящего на лестнице мужчины вытаращились от испуга. Он вскрикнул, отчаянно потянулся к краю проема — но напрасно.

Лестница пошла дальше своим ходом, на мгновение, вопреки всем законам природы, задержалась в вертикальном положении и затем опрокинулась на нападавших.

Квентон холодно улыбнулся, подошел к проему входа на чердак и посмотрел вниз. Лестница рухнула в середину толпы и повалила на пол еще нескольких мужчин.

Чья-то рука указала вверх.

— Там еще один! — раздался чей-то голос. — Там, наверху, еще один из этих свиней!

Этот вопль был подхвачен другими голосами, и через минуту-другую сарай наполнился целым хором ревуших голосов. Голосов людей, жаждущих крови.

Квентон бесстрастно смотрел сверху на беснующуюся толпу. Кто-то поднял винтовку и

пальнул по нему. Пуля скользнула по левой руке Квентона, оставив на коже кровавую бороздку. Но он даже не почувствовал этого. Медленно подняв руки, он вытянул их горизонтально перед собой и растопырил пальцы. Затем он сделал жест, как будто хотел сбросить с себя невидимый груз.

— Вы хотите крови? — спросил он. — Тогда вы узнаете, что такое страх!

Он говорил не очень громко. Несмотря на это, все услышали его слова. Мужчины и женщины инстинктивно отшатнулись от стоявшего над ними человека с поднятыми руками, по толпе словно прошла мощная вибрирующая волна. Снова раздался выстрел, затем второй, третий, четвертый. Квентон чувствовал, как пули попадали в него, но он не ощущал боли.

— Вы должны почувствовать страх! — закричал он. — Вы совершили насилие — теперь ощутите его сами!

Пронзительные вопли толпы вдруг стали какими-то другими. Люди все еще продолжали кричать, но в их крике чувствовался ужас. Вновь прогремели выстрелы, уже залпом, и снова пули попали в Квентона. Но Квентон не упал замертво, хотя кровь текла у него уже из многих ран.

И тут произошло нечто удивительное. В воздухе раздался короткий пронзительный треск, подобный звуку ударившей молнии, но намного звонче. Он казался даже каким-то злобным. Затем над стоящими внизу людьми появилась черная мантия. Мужчины и женщины начали в панике кричать, они попадали ниц и поползли в безумном ужасе к воротам сарая. Черная мантия покрыла их головы, заставив позабыть ненависть и гнев, наполнив их свойственным всем живым существам всепоглощающим страхом.

— О да, спасайтесь бегством! — тяжело дыша, произнес Квентон. Вновь ударила словно спущенная им с цепей невидимая сила, и вновь в толпе раздался единый пронзительный вопль ужаса.

В сарае началась паника. Люди в отчаянии рвались к выходу. И снова, уже в третий раз, Квентон нанес удар всей своей духовной мощью.

Он почувствовал, как иссякают его силы. То, что он сделал, было ни чем иным, как последним порывом, последней титанической вспышкой пламени, горевшего у него внутри, питаемого яростью и отчаянием. За этой вспышкой не последует уже ничего, совсем ничего.

Он пошатнулся, сделал шаг от края проема и опустился на колени. Боль в его теле медленно нарастала, и он почувствовал, как жизнь уходит из него. Толпа под ним вновь неистовствовала и орала, но он уже не обращал на нее внимания.

Что-то, брошенное снизу, мягко приземлилось на сено в нескольких шагах от него. Квентон устало поднял взгляд. Это был горящий факел. Затем появился второй, третий. Огонь в сухом сене сразу же разгорелся, пламя взметнулось на метровую высоту и окутало Квентона мантией жара и дыма.

Его взгляд начал расплываться.

— Родерик, — прошептал он. — Это твоя вина. Я проклиная тебя, — его голос заглушался треском пламени. — Я проклиная тебя. Ты заплатишь за это. Тебе... никогда не будет покоя, до тех пор, пока... ты живешь. Отныне и во веки веков.

Квентон скорчился, упал лицом вниз и умер.

Проснувшись, я почувствовал плавное монотонное покачивание. Я был в комнате не один: слышались произносимые кем-то фразы, но я не мог разобрать слов. К голосам примешивались другие звуки: легкий скрип и потрескивание, трепет тяжелых влажных

парусов и пение канатов, которые были натянуты до предела.

Судно, по всей видимости, снова было в пути.

Эта мысль окончательно разбудила меня. Я открыл глаза, но тут же сощурил их и попытался поднять руку, защищаясь от хлынувшего потока яркого света.

— Он проснулся, — это был голос Баннерманна, и когда я снова открыл глаза, его толстошее лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего.

На его левой щеке виднелась кровавая рваная царапина, а на лбу красовались два багровых пятна величиной с монету.

— Что произошло? — с усилием спросил я.

Я чувствовал себя слабым, бесконечно слабым и усталым. Казалось, на мое тело навалился груз весом в целый центнер.

— Вы обессилели, юноша, — ответил Баннерманн.

Он улыбнулся, но его глаза оставались серьезными.

— Мы с Монтегю принесли вас сюда. Вы что, ничего не помните?

Я попытался напрячь память, но мысли в моей голове путались. Мне вспоминался какой-то кошмар, какая-то фантастическая чушь, в которой фигурировали щупальца и клацающие зубами пасти, погибающие люди и кровь, кипящая, как кислота...

Вскрикнув, я вскочил. Да ведь это же не было сном! Все, о чем я вспомнил, произошло на самом деле!

Баннерманн попытался удержать меня в постели, но ужас придал мне сил.

— Ради бога, скажите, что произошло? — тяжело дыша, спросил я. — Чудовище...

— Все в порядке, Роберт, — это был голос Андары.

До этого момента я даже не осознавал, что он тоже находился в каюте. Он осторожно коснулся плеча Баннерманна, обошел его и испытывающе посмотрел мне в глаза.

— С тобой сейчас все нормально? — спросил он.

Я машинально кивнул, хотя отнюдь не чувствовал себя здоровым. В моем теле все еще ощущалась какая-то необъяснимая тяжесть. Я чувствовал себя так, как будто, проболев несколько недель кряду, первый раз пытался встать на ноги.

— Да вроде, — пробормотал я. — Как долго... я был без сознания?

— Недолго, — ответил Баннерманн. — Максимум минут десять.

Он вздохнул, покачал головой и затем несколько раз перевел взгляд с Андары на закрытую дверь нашей каюты и обратно.

— Мне нужно на палубу, — сказал он. — Но у меня к вам есть несколько вопросов, Монтегю.

Андара кивнул. Его пальцы нервно теребили висящий на груди амулет.

— У вас есть на это право, капитан, — промолвил он. — Боюсь, однако, что у нас нет времени на долгие разъяснения.

Баннерманн побледнел.

— Вы... Вы думаете, это чудовище появится снова? — еле выдавил он из себя.

— Не знаю, — признался Андара после секундного колебания. — Оно сильнее, чем я думал. Я прогнал его, но...

Он покачал головой, сжал в бессильном гневе кулак и несколько раз сглотнул. Когда он заговорил снова, его голос дрожал:

— Боже мой, Баннерманн, я допустил ужасную ошибку. Я навлек на вас и ваше судно величайшую опасность.

Баннерманн молчал, но в его взгляде появилась жестокость.

— Существо, напавшее на нас, — продолжал Андара, — пришло сюда по мою душу, капитан. И я боюсь, что оно не успокоится, пока не выполнит свое задание.

— Задание?

Андара печально улыбнулся.

— Должен вам кое в чем признаться, капитан, — сказал он. — Я не тот, за кого вы меня принимаете. И мое путешествие в Англию — отнюдь не увеселительная прогулка, как я пытался это вам представить.

— Это мне уже приходило в голову, — буркнул Баннерманн. — Тогда кто же вы на самом деле?

— Человек, имеющий могущественных врагов, — ответил Андара уклончиво.

— Вы говорите о том существе, которое напало на судно?

Андара отрицательно покачал головой.

— Это не более чем орудие, — ответил он. — Своего рода завербованный убийца, которого используют мои враги, чтобы обезвредить меня.

Баннерманн засмеялся, однако это походило не столько на смех, сколько на истерический, в последний момент подавленный вопль.

— Вы, Монтегю, наверное, кому-то очень сильно насолили, — сказал он. — Однако вы от меня так просто не отделаетесь. Десять человек из моей команды убиты, а остальные ранены и, скорее всего, больше ни ногой не ступят ни на одно морское судно, если только мы доберемся до Лондона. *Если* только мы туда доберемся.

— А как ветер? — спросил Андара.

Баннерманн невольно взмахнул рукой.

— Да более-менее нормально. Однако какое это имеет отношение к тому, о чем я спросил?

— Прямое, капитан. Я не знаю, как долго я смогу сдерживать это существо. Я чувствую, что оно где-то рядом. Оно следует за нами. Сколько еще до Лондона?

— Двадцать четыре часа, — ответил Баннерманн. — Как минимум. Если выдержит команда. Несколько человек вот-вот отключатся.

— Это слишком долго, — пробормотал Андара в отчаянии. — Вы должны изменить курс. Я смогу сдерживать чудовище еще максимум час.

Баннерманн фыркнул.

— Вы с ума сошли! Если бы в этих местах мы взяли курс на ближайшую землю, то судно распорол бы брюхо о камни. Знаете ли вы, что представляет собой шотландское побережье?

— Вы должны это сделать! — сурово сказал Андара. — То, что мы только что пережили, — всего лишь цветочки по сравнению с тем, что произойдет, когда мои силы иссякнут.

— Силы? — резко спросил Баннерманн. — О каких силах вы говорите, Монтегю? *Кто вы?* Волшебник, что ли? Или дьявол собственной персоной?

— Возможно, и то и другое сразу, — тихо ответил Андара.

Баннерманн оставался серьезным, и после долгой паузы Андара продолжил:

— Меня, Баннерманн, зовут не Монтегю. Я — Родерик Андара.

Если это имя и было знакомо Баннерманну, он не подал виду.

— Вы должны изменить курс, капитан, — продолжал Андара. — Я вас умоляю. Если жизнь матросов для вас что-то значит, сделайте это. Направьте судно к ближайшему берегу.

На суше чудовище не сможет причинить нам зла.

Баннерманн сухо засмеялся.

— Я посажу судно на мель, если сделаю то, о чем вы просите, Андара.

— Пусть будет и так, — возбужденно ответил Андара. — Я оплачу стоимость вашего судна, если этот вопрос вас так волнует. Я возмещу любой ущерб.

— Вы оплатите и жизни матросов, которые утонут, если мы сядем на рифы за полмили от берега? — холодно спросил Баннерманн.

Андара помолчал секунду.

— Баннерманн, — наконец сказал он. — Клянусь вам, что никто из находящихся сейчас на судне не выживет, если вы не измените курс. Я не могу вам сейчас всего объяснить, но то существо, которое преследует нас, сотворено не из плоти и крови. Это не морское чудовище, с которым вы еще могли бы бороться. Когда мои силы иссякнут, оно раздавит судно, как скорлупку.

Баннерманн некоторое время смотрел на Андара в упор.

— Хорошо, — наконец-таки сказал он. — Я сделаю то, о чем вы просите, Андара. Но как только мы окажемся на суше, я сдам вас властям.

Андара ничего не ответил. Баннерманн еще некоторое время смотрел на него, затем резко развернулся и вышел из каюты, громко хлопнув дверью.

— Дай боже, чтобы нам хватило времени, — прошептал Андара. — Оно... такое сильное.

— Кто? — обескураженно спросил я.

Я толком не понял и половины того, о чем говорил Андара. Но то, о чем я начал догадываться, привело меня в ужас.

— То, что нас преследует, — ответил он.

Вздыхнув, он сел на край кровати возле меня и уставился в пол. Его руки беспорядочно теребили тоненькую цепочку, висящую у него на шее.

— Я виноват во всем, что сейчас произошло, — продолжил он. — Для меня это, возможно, лишь справедливое Божье наказание. Я стал обладателем силы, на которую простой смертный не имеет права. Но почему должны умирать невинные?

Я обескураженно смотрел на него.

— Я... не понимаю.

— Да ты и не можешь этого понять, мальчик, — пробормотал он. Затем он помолчал некоторое время, глядя при этом как бы сквозь меня, будто видел что-то совершенно иное. — Возможно, когда-нибудь — позже — ты это поймешь. Если... если выживешь. Мне не следовало брать тебя с собой. Я должен был оставить тебя там, где встретил.

— Я...

Андара остановил меня поднятием руки. Я замолк.

— Я не могу скрыться от проклятия, наложенного на меня за то, что я совершил, — продолжал он. — Быть может, мне придется умереть — на мне ведь висит много смертей. Но речь идет о тебе.

— Что вы имеете в виду?

Андара улыбнулся.

— Все думали, что я болен, не так ли? — спросил он.

Я кивнул.

— Я не был болен, Роберт. Мое тело терзала отнюдь не болезнь. Я... пытался

предотвратить большую беду, но у меня ничего не получилось. То, что сейчас происходит, — прямое следствие этого.

Он встал, открыл свой сундук и достал из него тонкую книгу в жесткой кожаной обложке коричневого цвета. Я протянул руку, чтобы взять ее, но он быстро категорично покачал головой, снова сел рядом со мной и осторожно положил книгу на свои колени.

— Не трогай ее, — сказал он. — Никогда не трогай ничего из содержимого этого сундука, иначе проклятие, лежащее на мне, распространится и на тебя.

Он открыл книгу. Я с любопытством наклонился над ней, но, к моему величайшему сожалению, обнаружил, что не понимаю, что же там написано. Даже буквы были совершенно незнакомыми.

— В этой книге все написано, — сказал он. — Я хотел дать ее тебе позже, когда ты будешь готов к тому, чтобы понять ее, но для этого уже не осталось времени.

Его слова вызвали у меня легкий трепет. Однако я чувствовал, что он прав. Я знал, что он умрет. Теперь я был в этом абсолютно уверен, с того самого момента, как он произнес эти слова.

— А что это за книга? — тихо спросил я.

Андара не успел ответить, потому что в этот самый момент на палубе над нами раздался пронзительный крик!

— Они здесь, — тяжело дыша, сказала Лисса.

Ее голос уже мало был похож на человеческий. Он потерял силу, превратился в голос старухи, стал каким-то изношенным, как и само тело Лиссы, которая за последние пятьдесят минут постарела на такое же количество лет, истлев в сатанинском огне, пылавшем в ее душе. Она прикоснулась к тому, что простому смертному не было доступно испокон веку, и ей приходилось платить за это высокую цену.

— Они здесь, — пробормотала она еще раз и посмотрела в сторону двери.

Ее глаза уже ничего не видели, но каким-то другим, неведомым чувством она ощутила, как беснующаяся толпа с разных сторон приближается к их маленькому домику. Магической защитной стены, которая скрывала ее и двух ее сотоварищей от взглядов этих извергов, больше не существовало.

— Не бойся, дитя мое, — пробормотала старуха. — Они тебе ничего не сделают. Теперь уже ничего.

Она хихикнула. Это было злобное, дребезжащее хихиканье, от которого у Лиссы и ее брата Леннарда по спине побежали мурашки. Хотя они оба обладали *колдовской силой*, как и старуха, теперь они почувствовали, какая бездонная пропасть разделяет их. По сравнению с той колдовской силой, которая имелаась у старухи, их сила была лишь каплей в море.

— Но она же умрет! — почти что крикнул Леннард. Его взгляд перескакивал с лица сестры на лицо старухи. — Она...

— Да, она умрет, — прервала его старуха. — Так же, как и ты, Квентон и я. Но это — не конец.

Она бросила быстрый взгляд на дверь. Вопли толпы становились все громче, и как раз в этот момент дверь задрожала от первого мощного удара. Трухляя древесина затрещала. В комнату снаружи проник запах гари.

— Свершилось! — сказала старуха торжествующе. — Я, Андара, повелительница *колдовской силы*, призываю тебя, о Господин всяческого зла! Я призываю тебя! Приди и

забери нас! Забери наши тела! Забери наши души и наши мысли! *Выполни договор!*

Неестественное зеленое сияние, все это время мерцавшее в воздухе, усилилось. Еще один удар сотряс дверь. Ржавый засов сорвался с двери и, звякнув, шлепнулся на пол.

Через несколько секунд дверь развалилась, и в комнату ворвалось целое облако древесной трухи, пыли и дыма. В проеме показалось искаженное ненавистью лицо мужчины, глаза которого выискивали очередные жертвы.

Но крохотная комната была пуста, лишь в воздухе все еще мерцало слабое зеленое сияние. На какую-то долю секунды показалось, что на его фоне вырисовываются контуры трех человек, сидящих за маленьким круглым столом.

Затем сияние исчезло, и домишко оказался абсолютно пустым, как будто те трое всегда были лишь видениями...

Ветер буквально ударил мне в лицо, когда я выскочил на палубу вслед за Андарой. Доски под моими ногами дрожали, а парус над нами раздулся так, что казалось, он вот-вот лопнет. Нос судна не был виден в облаке брызг и шипучей пены. «Владычица тумана» неслась по волнам со скоростью парохода, при этом ее корпус и снасти кряхтели так, как будто были готовы разлететься на куски.

Андара остановился, схватил меня за руку левой рукой, а правой указал вверх. Я поднял голову, следуя взглядом за его жестом.

Как раз над нами завязалась схватка не на жизнь, а на смерть.

Двое из корабельной команды — Мэннингс и низкорослый черноволосый матрос, которого за время нашего путешествия я видел несколько раз внизу, в грузовом трюме судна, — сцепились на верхних реях грот-мачты без видимых причин. Черноволосый матрос с искаженным ненавистью лицом, широко расставив ноги, стоял на рее так прочно, как будто под ним была твердая земля, а не скругленная балка шириной каких-нибудь десять сантиметров, которая, к тому же, отягощенная парусом, вибрировала от сильного ветра. В правой руке матроса сверкал топорик с короткой ручкой — весьма опасное оружие, с помощью которого он непрерывно атаковал своего противника. Мэннингс, зажав в руке был нож, ограничивался лишь тем, что удерживал нападающего на расстоянии, пытаясь уклоняться от его яростных ударов. Все это было похоже на какие-то странные упражнения канатоходцев.

— Бартон!

Я увидел Баннерманна, стоявшего выше нас, на юте. У него в руках была винтовка.

— Бартон! — рявкнул он еще раз. — Прекрати! Немедленно прекрати это!

Черноволосый матрос бросил быстрый взгляд на Баннерманна, буркнул что-то в ответ и нанес еще один удар топором. Мэннингс успел уклониться в самый последний момент. Топор с размаху вошел в прочное дерево мачты. Мэннингс из-за резкого движения потерял равновесие и, отчаянно взмахнув руками, тщетно пытаясь восстановить равновесие, рухнул вниз.

Сразу вскрикнули несколько человек, находившиеся на палубе «Владычицы тумана». Падая, Мэннингс каким-то невероятным движением гребнул рукой позади себя и умудрился ухватиться за рею. Его ноги стали биться о парус. Он закричал. Его левая рука соскальзывала, и я видел, как исказилось от боли его лицо, потому что вес его тела пришелся только на эту руку. Бартон издал торжествующий крик, ухватился левой рукой за мачту и наклонился. В руке у него блеснул топор.

— Бартон! — в отчаянии заорал Баннерманн. — Прекрати, или мне придется в тебя выстрелить!

Бартон замер. Он стал искать взглядом капитана, и, несмотря на большое расстояние, разделявшее нас, я увидел в его глазах безумные огоньки. Баннерманн поднял винтовку.

— Не делайте этого, капитан! — крикнул Андара. — Он сам не знает, что творит!

Баннерманн ничего не ответил. Его лицо было мертвенно-бледным. Он снял ружье с предохранителя и прицелился в Бартона.

— Я не шучу, Бартон! — крикнул он. — Брось топор, или я выстрелю!

Бартон в ответ снова выкрикнул что-то неразборчивое. Затем он молниеносно поднял топор, еще раз наклонился вперед и — рубанул топором.

Крик Мэннингса потонул в грохоте выстрела. Мэннингс полетел вниз, но и Бартон был сбит с рей выстрелом, словно ударом кулака. Перед тем как Мэннингс и его убийца упали на палубу, я отвел взгляд в сторону. Меня чуть не стошнило.

Андара отпустил мою руку, сделал шаг вперед, но тут же остановился. Его лицо вздрагивало — не от ужаса увиденного, а от чего-то другого, что было еще ужаснее, чем то, что сейчас произошло. Баннерманн пробежал мимо него вниз по лестнице, на ходу гневным жестом отшвырнув винтовку. Взгляд, который он бросил на Андара, был полон ненависти.

Со всех сторон сбегались матросы, и у основания грот-мачты начала быстро собираться толпа. Я тоже хотел было устремиться вслед за Баннерманном, однако Андара быстрым жестом удержал меня, покачал головой и показал на море, в северном направлении.

В первый миг я не увидел ничего, кроме бесконечных синих волн, однако затем я понял, на что указывал мне колдун.

Под самой поверхностью воды, где-то за полмили от «Владычицы тумана», переливалось огромное темное *нечто*. Его форму невозможно было разглядеть, но оно было вытянутым и массивным, как кит. Только больше по размеру. Значительно больше.

Я хотел что-то сказать, но Андара жестом приказал мне молчать. Я понял. После недавних злоключений состояние людей на борту судна и так приблизилось к точке кипения. Если матросы заметят эту тень, следующую за судном, может произойти непоправимое.

К нам подошел Баннерманн. Его лицо было бледным от переживаний, а у рта появились морщины, которых я раньше не замечал. Его руки были в крови — крови матросов.

— Оба мертвы, — сказал он мрачно.

Замолчав, он медленно провел ладонями по лицу, пачкая его кровью и даже не замечая этого. Затем он пробормотал:

— Я... просто не понимаю, что случилось с Бартоном. Похоже, он рехнулся.

Баннерманн посмотрел на Андара, и снова в его глазах вспыхнул грозный мерцающий огонь. Он, должно быть, и сам был на грани потери рассудка.

Андара молчал. Впрочем, Баннерманн и не понял бы смысла сказанного Андарой, если бы тот ответил.

— Это все из-за вас, — опять пробормотал Баннерманн. — Вы... Вы... — он сделал глотательное движение, сжал и поднял дрожащие кулаки. Я напрягся. Но Баннерманн замер. — С тех пор как вы оказались на борту судна, нас преследуют несчастья. Это вы виноваты в том, что...

— Баннерманн! — резко сказал я. — Возьмите себя в руки!

Андара бросил на меня быстрый благодарный взгляд, покачав при этом головой.

— Оставь его, мой мальчик, — сказал он мягко. — Он прав. Хотелось бы мне повернуть время вспять.

— Быть может, мы это сможем сделать, — раздался голос.

Я поднял глаза и лишь теперь заметил, что мы не одни. Несколько матросов подошли вслед за Баннерманном и теперь стояли вокруг нас. У них были усталые, изможденные лица. В глазах некоторых из них кипела ненависть. Я почувствовал, что напряжение достигло предела.

— Попридержи язык, Лоримар, — устало сказал Баннерманн.

Гнев в его взгляде вдруг исчез. Сейчас у него был просто измученный вид.

Лоримар ответил упорным взглядом, сделал полшага вперед и скрестил руки на груди.

— И не подумаю, капитан, — сказал он. — Вы же сами это сказали. С тех пор как этот тип, — он имел в виду Андара, — ступил на наше судно, кажется, что у нас на борту появился сам черт. Не думаете ли вы, что?..

— Ничего я не говорил, — перебил его Баннерманн. — Я потерял самообладание и городил всякую чушь, вот и все.

— Ну уж нет, капитан, — упорствовал Лоримар. — Вы сказали правду, — он фыркнул. — Думаете, мы поверим, что та зверюга напала на нас по чистой случайности? И что у Бартона крыша поехала тоже просто так?

Толпа вокруг нас росла, с разных сторон слышались одобрителыне возгласы. Я машинально пересчитал присутствующих и попытался оценить наши шансы на тот случай, если бы дело дошло до насилия. Они были невелики.

— Это что такое, Лоримар? — испытывающе спросил Баннерманн. — Бунт? А ты — зачинщик?

Баннерманн пытался говорить шутливым тоном, но это у него не очень хорошо получалось.

— Никакого бунта, капитан, — возразил Лоримар. — Против вас мы ничего не имеем. Но мы хотим, чтобы этого типа не было на борту. Швырните его в море. Он распространяет несчастья так, как крысы разносят всякую заразу.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Баннерманн. — Мистер Монтегю!

— Вы хотели сказать «Андара», — холодно перебил его Лоримар.

Баннерманн побледнел, а Лоримар продолжал с еще большей уверенностью:

— Думаете, мы не знаем, кто он такой? — он засмеялся. — Мэннингс узнал его еще тогда, когда он садился на судно в Нью-Йорке. Но мы подумали, что нас это не касается. Нам давно следовало швырнуть его за борт, еще до того, как мы отплыли!

— Больше ни слова! — крикнул Баннерманн. — Идите займитесь своим делом. Каждого, кто через десять секунд еще будет стоять здесь, я отдам под суд за подстрекательство к бунту. Вы...

Андара успокаивающе положил ему руку на плечо.

— Оставьте их, капитан, — сказал он тихо.

Баннерманн хотел было отвести его руку, но Андара попросту отодвинул его в сторону, подошел к Лоримару и пристально посмотрел ему в глаза.

— Вы правы, Лоримар, — сказал он спокойно. — Я — Андара. Тот самый колдун, — он слегка улыбнулся. — Ведь меня именно так называют? Но я не имею никакого отношения к тому, что только что случилось. Этот человек просто сошел с ума. Не выдержал того, что здесь происходило.

— Этого не случилось бы, если бы вас не было на борту, — пробормотал Лоримар. Однако большая часть его самоуверенности испарилась, а причиной гневных ноток, звучавших в его голосе, было лишь упрямство.

Андара кивнул.

— Это верно, — признал он. — И я готов за это отвечать. Я... Если бы это могло что-то изменить, я бы добровольно сдался чудовищу, которое нас преследует. Но это не имеет никакого смысла.

— Почему? — пробормотал Лоримар. — Оно здесь из-за вас. Вы — тот, кто ему нужен. Не так ли? И если оно заполучит вас, то, наверное, оставит нас в покое!

— Вовсе нет, — возразил Андара, покачав головой. — Это существо мыслит совсем не так, как человек. Его мысли и поступки определяются совсем другими правилами. Оно не успокоится до тех пор, пока не уничтожит это судно и его команду до последнего человека, — в звучании его голоса что-то изменилось. Я толком не мог разобраться, что именно: то ли манера выговаривать слова, то ли сила голоса. Так или иначе, его слова звучали как-то назидательно, из-за чего любая попытка возразить показалась бы смехотворной. — Вы правы, обвиняя меня. И, тем не менее, я — единственный, кто еще может вас спасти. Пока я жив, это судно находится в относительной безопасности. Если же вы меня убьете, то это чудовище уничтожит вас. А сейчас идите займитесь своим делом, — он поднял руку и повелительным жестом указал на нос судна. — Измените курс. Мы направляемся на юг. К берегу.

На лице Лоримара отразилась внутренняя борьба. Его губы дрожали, а на лбу появились капельки пота. Медленно, словно не по своей, а по чьей-то, более сильной воле, он повернулся и поплелся прочь, еле переставляя ноги. Другие матросы последовали за ним.

Баннерманн тяжело вздохнул. Он и я были, пожалуй, единственными, кто, хотя и слышал произнесенные наставительным тоном слова Андары, все же не полностью подчинились его воле.

— Как... вы это сделали? — пролепетал Баннерманн. — Я знаю Лоримара. Горячая голова, очень горячая, а уж если почувствует, что берет верх, то тут его и десять лошадьми не удержишь.

Андара улыбнулся.

— Так, небольшой фокус-покус, — сказал он, — не более того. На самом деле матросы вовсе не хотели убивать меня, капитан. Они просто слегка струхнули.

Баннерманн сглотнул.

— Но вы... — он замолк на полуслове, покачал в растерянности головой и беспомощно посмотрел по сторонам. Это... это вы говорили серьезно, да? Вы бы пожертвовали собой, если бы это нас спасло?

Андара не ответил.

— Но это бы нас не спасло, — добавил Баннерманн.

— Нет, — сказал Андара тихо. — Существо, преследующее нас, никогда не оставит в покое жертву, которую оно учуяло.

Я ожидал, что Баннерманн спросит, что же это за существо, но он этого не сделал. И тут мне пришла в голову мысль о том, что никто из судовой команды почему-то не задал этот вопрос. Даже я лишь с трудом мог заставить себя думать о чудовище, как будто в моей голове был установлен некий барьер, не позволяющий думать о нем.

— Измените курс, капитан, — сказал Андара серьезно. — И подбодрите своих

матросов, если хотите их спасти. Я не знаю, сколько еще времени смогу защищать всех нас.

Баннерманн кивнул. Это движение было отрывистым, каким-то судорожным.

— Мне... нужно заняться мертвецами, — сказал он сдержанно. — Нужно организовать достойное погребение.

— На это нет времени, — возразил Андара, покачав головой. — Пусть где-нибудь полежат, пока мы не достигнем берега. Если судно пойдет на дно, это и будет для них весьма достойной могилой.

Казалось, он был абсолютно уверен, что «Владычица тумана» уже никогда не достигнет порта. Но если у Баннерманна этот мрачный прогноз и вызвал страх, по нему этого не было видно. Он лишь кивнул, резко повернулся и удалился. Я посмотрел ему вслед. Несколько матросов уже начали заворачивать трупы Мэннингса и Бартон в белую парусину. Я перевел взгляд на нос судна. Возле разломанных поручней лежали еще пять трупов, уже завернутые в парусину. Это были матросы, ставшие жертвой первого нападения жуткого существа. Я содрогнулся. Сколько же еще людей погибнет, прежде чем этот кошмар наконец-то закончится?

— Я спасу их, Роберт, — тихо сказал Андара. — Обещаю.

Лишь с трудом я смог оторвать взгляд от мертвецов.

— Вы читаете мои мысли? — спросил я, не глядя на него, и сам испугался холодного тона, каким был задан вопрос.

Андара покачал головой:

— Нет. Однако нетрудно догадаться, какие чувства ты испытываешь, мальчик. И я не обижусь, если ты меня ненавидишь.

Теперь я посмотрел на него.

— Ненавижу? Вовсе нет. Я...

Больше я ничего не сказал. Мне было очень трудно разобраться в своих чувствах.

— Возможно, ты теперь понимаешь, что я тогда имел в виду, — продолжал он тихо. — То, что происходит здесь, происходило со мной всегда. Всегда и везде, — он печально улыбнулся.

— Да? — спросил я. Мне было трудно говорить. — Так Лоримар был прав? Вы действительно приносите смерть?

То, как Андара отреагировал на мои слова, поразило меня. В его глазах появилась боль, для меня абсолютно неожиданная.

— Пошли со мной, — вдруг сказал он.

Я повернулся, чтобы идти в нашу каюту, однако Андара движением головы указал вверх, на ют.

— Давай поговорим там, наверху, — сказал он. — Будет лучше, если я останусь на палубе.

Не сказав ни слова, я последовал за ним на ют. Мы были одни. Баннерманн находился где-то в носовой части судна, и лишь теперь я заметил, как тихо было здесь, на корме. Матросы держались от нас подальше. Андара сломил их волю, и они все еще продолжали выполнять отданные им распоряжения. Однако инстинктивный страх, который они, по всей видимости, испытывали перед ним, Андара развеять не мог. Впрочем, наверное, он к этому и не стремился.

Андара быстрыми шагами подошел к кормовой оконечности палубы, облокотился на поручни и достал из кармана сигару. Я стал рядом с ним. Ветер, казалось, стал холоднее, и я

поймал себя на том, что поневоле смотрю на север и ищу глазами мощный темный контур под поверхностью воды. Его уже не было видно, однако я знал, что он все еще где-то там, совсем недалеко от нас.

Андара зажег сигару, глубоко затянулся и выпустил облачко дыма.

— Ты спрашивал меня, правы ли эти матросы, — начал он. — Действительно ли я приношу смерть. Боюсь, что они правы, Роберт. Но, возможно, скоро это закончится, — он еще раз затянулся и посмотрел на меня. — У меня были совсем другие планы. Мне казалось, что все пройдет без сучка без задоринки. Я рассчитывал на тебя, а теперь, к сожалению, все происходит так быстро! Помнишь книгу, которую я тебе показывал? И мою болезнь?

От его слов у меня по спине побежали мурашки. Он говорил очень спокойно, как будто ничего вообще не произошло, как будто он уже забыл о трупах, лежащих внизу, на палубе.

— Да, — ответил я сдержанно. — Однако какое это имеет отношение к чудовищу?

— Самое прямое, — ответил он. — Возможно, это даже и хорошо, что у тебя не было возможности прочесть книгу. Но я, по крайней мере, расскажу тебе, о чем в ней написано. Эта книга — летопись моей родины, история города, в котором я родился, где все началось. Летопись Иерусалимского Лота.

— Иерусалимского Лота? — спросил я. — А что это?

— Ты когда-нибудь слышал о Салеме? — спросил Андара, отвечая вопросом на вопрос. Я кивнул.

— Поселение ведьм, — продолжал он. — Деревня, жители которой продали свои души дьяволу. Так, по крайней мере, утверждают люди. Уже прошло более ста лет, и об этом почти все забыли. На самом же деле жители Салема никогда не служили дьяволу, однако они владели приемами черной магии. Как и я.

— Их ведь... убили, — сказал я, запинаясь.

Я вспомнил, что действительно уже слышал о Салеме, слышал то, что обычно рассказывают о такого рода вещах. Конечно же, я никогда в это не верил, наоборот, относился к таким рассказам иронически. Но сейчас слова Андара оказали на меня какое-то странное неприятное воздействие. Как будто они разбудили во мне воспоминания. Воспоминания, которых у меня не могло быть...

— Их убили, — подтвердил он. — Во всяком случае, большинство из них погибло. Люди из близлежащих селений боялись их, Роберт. Хотя они, в общем-то, не были злодеями. Они не служили ни дьяволу, ни другим темным силам, они лишь сохранили в себе кое-какие знания, которые большинство обычных людей давно утратили. Знания такие же древние, как сам род человеческий, знания о вещах, существовавших испокон веку. Однако люди из окрестных селений считали, что они заключили союз с дьяволом, и однажды собрались вместе и убили их всех в течение одной-единственной кровавой ночи.

Он ненадолго замолчал, чувство какого-то непонятного страха усилилось во мне. Я пытался подавить его, но оно не исчезало. На мгновение мне даже показалось, что я слышу крики. Над морем словно сверкнули багровые молнии, а к запаху соленой воды примешалось тошнотворное зловоние. Затем это видение исчезло.

— Но умерли не все, — продолжал Андара. — Некоторые из них сумели скрыться. Эти немногие поселились на новом месте, за тысячи миль от своего родного селения, не замеченные своими преследователями. Наследие Салема не погибло.

— Иерусалимский Лот?

Андара кивнул.

— Да. Они выбрали это название, потому что они знали людей и знали, как их легко ввести в заблуждение. Внешне они были верующими людьми, мужьями и женами, ежедневно ходившими на богослужения, они воспитывали своих детей в христианской вере. Но они никогда не забывали о том, что некогда пережили.

— А вы... один из них?

Андара снисходительно улыбнулся.

— Нет, Роберт. Никого из тех, кто сумел спастись бегством из Салема, уже нет в живых. Последним из них был... мой дедушка. Он был одним из тех немногих, кто избежал смерти. Один из горстки мужчин и женщин. У него родился сын — мой отец, которому он передал тайные знания, а мой отец передал их мне, — он потупил взгляд, а когда снова заговорил, в его голосе звучали горестные нотки. — Люди жестокие, Роберт, более жестокие, чем ты можешь себе представить. Целое столетие никто не нарушал спокойствия Иерусалимского Лота, а затем история повторилась. Мы были предусмотрительными, но, видимо, недостаточно. Мало-помалу люди из близлежащих селений начали осознавать, что жители нашей маленькой деревушки совсем не такие, как они, и все повторилось.

— Они их... убили? — спросил я, запинаясь.

— Не сразу, — ответил Андара. — Сперва они стали их бояться. Затем ненавидеть. Я был одним из немногих, кто почувствовал опасность, я и четверо других, мастерски владевших *колдовской силой*. Я предупреждал их, но они не хотели меня слушать. И в конце концов я ушел от них, потому что знал, что произойдет, — он вздохнул. — Мне не следовало этого делать. Я предал их, Роберт. Я бросил их на произвол судьбы и убежал, как трус, — он снова замолчал. Его руки сжались в кулаки, он стал быстро и тяжело дышать. — Они пришли вскоре после того, как я ушел. Все произошло так, как в Салеме, вернее, еще ужаснее, намного ужаснее. Люди из близлежащих селений собрались вместе и напали на Иерусалимский Лот, убивая его жителей и поджигая строения. Погибли невинные мужчины, женщины и дети.

— Но что вы смогли бы сделать? — спросил я в недоумении. — Вас тоже убили бы и...

— Может быть, и так, — перебил меня Андара. — Но, может быть, я смог бы их спасти. Нас было пятеро, Роберт, пять колдунов. Быть может, наших объединенных усилий хватило бы, чтобы сдержать толпу. Мы бы выиграли время, и наши люди смогли бы спастись бегством. Они погибли, потому что меня там не было. Но осталось их проклятие, которое действует до сих пор. Они были колдунами, такими же, как и я, а провозглашенное колдуном проклятие не умирает вместе с ним. Их проклятие действует уже лет двадцать, даже больше. Поэтому я все время в бегах.

— Вы скрываетесь *от смерти*? — выпалил я.

— От их проклятия, — ответил Андара. — С их точки зрения, я — отщепенец. Возможно, они в чем-то и правы, и, быть может, моей судьбой было остаться вместе с ними и с ними погибнуть. Но я вообразил, что смогу этого избежать, — он пронзительно засмеялся. — Когда я лежал внизу, в каюте, а все думали, что я болен, на самом деле я пытался замести следы. Какой же я глупец!

— Но двадцать лет...

— Что значит время, если речь идет о проклятии, наложенном великими колдунами? — перебил он меня возбужденно. — Я воображал, что я достаточно силен, но это оказалось совсем не так, — он обернулся и посмотрел на север. — Господи, каким же я был глупцом! Быть может, своими усилиями я как раз и навел его на наш след. Я чувствовал себя уверенно,

Роберт. Будучи за три тысячи миль от Иерусалимского Лота, по прошествии уже двадцати лет я был полностью уверен, что смогу преодолеть это проклятие. Но оно меня все-таки настигло.

— Оно?

Андара указал на север.

— Существо, которое они натравили на меня, чтобы поквитаться со мной. Орудие их мести. Йог-Сотхотх, ужаснейшее существо **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН!** Вот дурни! К же они, должно быть, меня ненавидели, если додумались воскресить из глубин вечности это чудовище лишь для того, чтобы уничтожить меня.

Йог-Сотхотх... Это имя несколько раз эхом отозвалось в моем мозгу, и снова, причем сильнее, чем раньше, меня охватило чувство, что я вспоминаю о чем-то, чего со мной в реальной жизни не происходило, — о чем-то древнем и ужасном. В моем сознании всплывали какие-то видения, такие страшные, что простому смертному лучше было бы ничего такого не знать. У меня внутри все похолодело.

— А вы можете его... уничтожить? — спросил я, запинаясь.

Андара горько засмеялся.

— Уничтожить? Уничтожить Йог-Сотхотха? Нет, не могу. Да и никто не может, мой мальчик. Устроить лесной пожар способен и ребенок, но он не сумеет погасить его голыми руками. Силы четырех колдунов вполне хватило на то, чтобы открыть врата, но закрыть их не смогут и четыре тысячи колдунов, — он указал гневным жестом в сторону моря. — Это чудовище убьет меня так или иначе, Роберт, куда бы я от него ни убегал. Моей силы, наверное, хватит на то, чтобы сдерживать его в течение одного-двух часов. Быть может, за это время ты и команда успеете покинуть судно. Затем это чудовище доберется до меня. И я не смогу от него убежать.

— Но это же безумие! — вырвалось у меня. — Это... это существо бессильно на суше. Мы можем сесть в шлюпку и...

— Я послужил причиной слишком многих смертей, Роберт, — мягко перебил меня Андара. — Умерло уже достаточно много невинных людей, и лишь потому, что я когда-то струсил. Я тогда сбежал, и вот восемь человек погибли сегодня по моей вине. Никто больше не должен умереть. Ты должен жить.

— Я? Но что я?..

— Йог-Сотхотх не исчезнет, — перебил он меня. — Он будет жить и после того, как убьет меня. Кроме того, он не будет больше ничем связан. Быть может, не только он, но и другие, пришедшие вместе с ним. Должен остаться кто-то, кто продолжит эту борьбу. В Лондоне есть кое-кто, кто обладает силой и знаниями, необходимыми для победы в этой борьбе, но ему нужна помощь. *Твоя* помощь.

— Но почему я? — спросил я в растерянности. — Почему именно я? Я ведь не колдун, как вы. И ничего не понимаю ни в черной магии, ни в колдовстве.

— Но ты — наследник *колдовской силы*, так же как и я, — сказал Андара серьезно. — Ты этого не знаешь, но у тебя есть дар. Я это почувствовал еще тогда, когда увидел тебя в первый раз. Человек, к которому ты попадешь, поможет тебе разобраться в твоих способностях и научит их правильно применять.

— Я?.. — у меня перехватило дух. — Я стану колдуном? Вы... Вы с ума сошли.

В тот самый момент, когда я произнес эти слова, я почувствовал, что он прав. Он ведь не случайно взял меня в это путешествие. Он искал меня, точнее, такого, как я. Моя

способность в любой ситуации распознавать, обманывают меня или нет, мой талант оказываться в нужное время в нужном месте, мое инстинктивное умение делать как раз то, что нужно, — все то, чему мои товарищи всегда завидовали, — не было простой случайностью...

Андара улыбнулся, поднял руку и коснулся зигзагообразной, похожей на застывшую молнию пряди белоснежных седых волос, начинавшейся над его правым глазом и тянувшейся до затылка.

— У тебя такие же способности, как и у меня, — мягко сказал он. — И скоро ты будешь носить знак власти.

Я вперил в него взгляд и открыл было рот, но так ничего и не сказал.

— Жаль, что все так как-то... — прошептал Андара. — Мне хотелось бы поведать тебе об этом при других обстоятельствах. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь.

Но его последних слов я уже не слышал. Отчаянный крик вот-вот мог сорваться с моих губ, я развернулся и кинулся прочь так быстро, как только мог.

За последние полчаса еле видневшаяся на горизонте серая полоска превратилась сначала в четкую линию, затем в неровную, устремленную ввысь стену скал высотой футов двести. Основание стены скрывалось за облаком белой, очевидно состоящей из мельчайших частичек воды играющей пены. Волны всюду резвились перед берегом, создавая коварные водовороты, между которыми то там, то здесь прорисовывались черные, блестящие от воды скалы. «Владычица тумана» неслась к берегу. К берегу и преграждавшим к нему путь рифам, которые, спрятавшись у самой поверхности воды, поджидали суда, неблагоразумно приближавшиеся к ним. Линия берега перед нашими взорами то вздымалась вверх, то падала вниз по мере того, как нос судна взбирался на гребень волны или нырял во впадину между волнами. Завывания ветра, обрушивающегося на угловатые выступы береговых скал, были отчетливо слышны более чем за милю, они звучали в моих ушах, как сатанинский смех.

— Безумие, — пробормотал Баннерманн. Он стоял рядом со мной. Его голос звучал невероятно твердо, однако лицо капитана было мертвенно-бледным. — Это какое-то безумие, — снова забубнил он, не дождавшись моей реакции. — Если бы часа два назад кто-нибудь сказал мне, что я добровольно направлю свое судно на рифы, я бы счел его сумасшедшим.

Он уставился на меня, и я почувствовал, что он ждет ответа.

Но я молчал, тщетно пытаюсь собраться с мыслями. В моих мозгах бушевал ураган смешавшихся мыслей и ощущений. В глубине души я осознавал, что сказанное Андарой — правда, он был прав буквально во всем. Теперь, когда я уже все знал, мне вдруг вспомнились тысячи мелких подробностей моей прежней жизни, на которые я теперь смотрел совсем другими глазами. Я обладал тем талантом, о котором говорил Андара. И я — хотя толком и не понимал, что к чему, — знал об этом всегда, задолго до того, как познакомился с Андарой.

Но мне совсем не хотелось этого знать. Мне совсем не хотелось иметь какое-либо отношение ко всем этим колдунам, демонам, волшебникам, чудовищам из доисторических времен. Я закрыл глаза, сжал в бессильном гневе кулаки и прислонился лбом к влажному дереву мачты.

Баннерманн истолковал эти проявления моих чувств по-своему.

— Побережье не так опасно, как кажется, — сказал он, пытаюсь меня успокоить. —

Рифы находятся достаточно глубоко под поверхностью воды, и сейчас прилив. Если нам повезет, то волна перенесет нас через рифы. А если нет, то мы все равно выплывем. Вы же умеете плавать?

— Дело совсем не в этом, — пробормотал я.

Баннерманн нахмурился и вопросительно посмотрел на меня, и в какой-то момент я уже готов был ему все рассказать.

Но, конечно же, я этого не сделал. Некоторое время спустя Баннерманн понял, что не вытянет из меня ни слова, и, молча пожав плечами, удалился.

Я посмотрел ему вслед, затем стал искать глазами Андару. Он стоял спиной ко мне там же, где я его покинул, и всматривался в море. Я попытался представить, какая же невидимая борьба происходит в его душе, но не смог. Он сказал, что будет удерживать Йог-Сотхотха до тех пор, пока судно и его команда не окажутся в безопасности, и я был уверен, что это ему по силам. Но мне совсем не хотелось знать, как он это делает.

Судно тяжело поднялось на гребень волны, вибрируя, задержалось там на какой-то миг и затем нырнуло футов на десять-двадцать вниз, в промежутки между волнами. Парусник сильно тряхнуло, а меня швырнуло на мачту. Я изо всех сил вцепился в нее, подождал, пока палуба под моими ногами перестанет ходить ходуном, и затем направился на нос судна.

Берег стал еще ближе. Судно с фантастической скоростью несло к линии прибоя и, следовательно, полосе рифов. До них оставалось лишь несколько минут хода. Я беззвучно помолился, страстно желая, чтобы слова Баннерманна оказались правдой, а не всего лишь невинной ложью, которой он пытался меня успокоить. Я ничего не смыслил в мореплавании, но его слова мне кое-что прояснили: на море было волнение, и ветер, сила которого в течение последнего получаса все возрастала, гнал волны высотой футов двадцать. Если «Владычица тумана» достигнет линии подводных рифов в нужный момент, и если одна из мощных волн окажется у нее под корпусом и поднимет ее...

Если, если, если... Слишком много «если»... Вполне возможно, что судно развалится на части, как ореховая скорлупа, если прилив швырнет его на зубчатую стену, скрывающуюся под поверхностью воды на ничтожной глубине.

Внезапно сильное ощущение опасности нарушило ход моих мыслей. Я поднял глаза, затем в замешательстве потер их и с тревогой окинул взглядом судно. Паруса трещали под напором ветра, а корпус парусника кряхтел и стонал под нагрузкой, как живое существо. На реях никого не было: матросы находились на палубе «Владычицы тумана», заранее готовясь к возможному столкновению судна со скалами. Я бросил взгляд на море, туда, где мог скрываться наш невидимый преследователь. Но океан был пуст, и что-то подсказывало мне, что опасность, которую я чувствовал, совсем другого рода.

— *Позади тебя, Роберт!*

Голос прозвучал так отчетливо, как если бы говорящий стоял рядом со мной. Это был голос Андары...

Но я был один. Колдун находился на другом конце судна, более чем за сто пятьдесят футов от меня! И его голос звучал в моих мыслях!

— *Оно позади тебя, Роберт! Оно... ради бога! Беги! Беги в безопасное место!*

Дальше события развивались стремительно. Все свои действия я совершал практически не думая и — хотя в тот момент я этого и не осознавал — не по своему разумению, а словно по принуждению чужой, необычайно сильной воли. Я отскочил в сторону и, поскользнувшись, шлепнулся на мокрые доски палубы. Над судном раздался крик. Что-то

темное, влажное и ужасно *сильное* вцепилось в мою спину, приподняло меня и попыталось с силой ударить об мачту.

В этот раз я отреагировал инстинктивно. Вместо того чтобы упираться (чего, по-видимому, ожидал от меня тот, кто на меня напал), я, наоборот, сделал молниеносный шаг вперед, забросил руки вверх и назад и ухватился за чью-то волосатую руку. Затем, повернувшись вполборота, я согнулся и изо всех сил швырнул нападающего через себя. Мои ступни скользнули по мокрой палубе, и я упал. Но, тем не менее, человек, схвативший меня, перелетел через мое согнутое тело и, беспомощно размахивая руками, пролетел три-четыре метра над палубой и ударился о поручни.

Под тяжестью его тела поручни разломались. Он, не теряя скорости, полетел было за борт, однако в последний момент сумел ухватиться за обломки поручней. С огромным усилием, чуть не вырвав руки из суставов, он остановил свое падение и повис с внешней стороны борта.

Вдруг на меня дохнуло холодом.

Из-за борта появилась голова человека с раздробленным черепом. Лицо его было мертвенно-бледным, с широко открытыми немигающими глазами. Это было лицо мертвеца. Лицо Мэннингса — матроса, который на моих глазах разбился насмерть!

— *Роберт! БЕГИ!*

Призыв Андары прозвучал слишком поздно. Я отшатнулся назад, резко обернулся и... замер.

Мэннингс был не единственным, кто восстал из мертвых. В двух шагах передо мной стоял Бартон, убийца Мэннингса. При падении на палубу от удара его тело деформировалось, перекосилось, словно все суставы сначала были поломаны, а затем срослись не так, как надо. Между его глазами — там, куда попала пуля Баннерманна, темнело маленькое отверстие. Его неподвижные глаза — глаза мертвеца — смотрели на меня, а дрожащие, изможденные руки были подняты и тянулись ко мне.

Прозвучал выстрел. От поверхности палубы, совсем рядом с Бартоном, отлетели щепки. Затем послышался крик Андары:

— Прекратите стрелять! Вы можете задеть Роберта!

Эти слова вывели меня из оцепенения. Я сделал два-три быстрых шага назад, прижался к мачте и осмотрелся. Кроме Бартона и Мэннингса пока что больше никто не восстал из царства теней, но в тот самый момент, когда я так подумал, я увидел, как зашевелились трупы, завернутые в белую парусину...

И тут «Владычица тумана» содрогнулась от сильнейшего удара!

Судно трянуло так, что все стоявшие на палубе свалились как подкошенные. Падая, я инстинктивно сжался в комок и, покотившись по палубе, оказался как раз под вытянутыми руками Бартона. Матросы начали кричать, корпус судна ужасающе затрещал. Я почувствовал, что в трюме под нами треснули доски, и вода, бурля, хлынула внутрь судна. Парусник вновь содрогнулся. Этот удар был не такой сильный, как первый, но, тем не менее, я снова не удержался на ногах.

Когда я приподнялся, мой взгляд упал на страшное лицо Мэннингса.

Этот мертвец, понукаемый нечеловеческой силой, вскарабкался на палубу и двигался ко мне. Я вскрикнул, отшатнулся назад и попытался убежать от этого страшилища, но Мэннингс оказался проворнее. Он быстро протянул руку вперед, ухватил меня за одежду и с огромной силой потащил к себе. Я снова закричал, обернулся и в безумном страхе ударил

его несколько раз по лицу.

У меня было такое ощущение, что я быю теплую мягкую губку. Мэннингс, казалось, вообще не чувствовал моих ударов, а мое сопротивление еще больше разгневало его. Своей левой неповрежденной рукой он схватил меня за лицо и начала выворачивать мою голову, пытаясь свернуть мне шею. Я почувствовал, как давление в моих шейных позвонках становится все более невыносимым. Еще пара секунд — и они сломаются!

Тут «Владычица тумана» уже в третий раз содрогнулась от сильного удара и легла на борт. Мачты над нами затрепали. Куски разломанного дерева и парусина рухнули на палубу. Судно застонало, словно от боли. Кусок реи длиной в руку, падая, ударил Мэннингса. Он запрокинулся и упал на палубу, словно пораженный молнией.

Но это оказалось для меня лишь короткой передышкой. Судно непрерывно тряслось и вибрировало, вокруг нас бушевала вода, а ветер с каждой секундой все усиливался, превращаясь в страшный ураган, рвущий паруса и сгибающий мачты. Однако это бесчинство природы приводило в смятение живых людей, но отнюдь не мертвецов! Краем глаза я заметил, что парусиновые мешки, в которые были зашты трупы матросов, в конце концов оказались разорванными изнутри. Руки мертвецов уже искали путь наружу, и когда я, вскочив, в отчаянии пытался найти путь для отступления, я увидел, что на меня оскалился один из погибших матросов, — тех, кто оказался в шлюпке в момент нападения Йог-Сотхотха на наше судно.

Я был окружен. Прямо передо мной подымались мертвецы, а путь назад, на ют, был прегражден Мэннингсом и Бартоном. Они пока не нападали, но их намерения были очевидны: оттеснить меня в сторону носовой части судна, прямо в руки других воскресающих мертвецов.

И вдруг в этот самый момент, словно все происходящее было лишь прелюдией настоящего кошмара, море вокруг «Владычицы тумана» вздыбилось единым гигантским фонтаном пены и клокочущей воды, и что-то чудовищное, отвратительное, бесформенное подняло свою жуткую голову над поверхностью воды. Крики матросов, полные ужаса, потонули в раздавшемся реве — реве, подобного которому я никогда еще не слышал, реве, заставившем небосвод содрогнуться, а море — затрепетать. Вокруг судна поднялся целый лес беснующихся, покрытых блестящими зелеными чешуйками щупальцев со смертоносными пастями. Андара прокричал что-то неразборчивое и, словно защищаясь, вытянул руки в сторону чудовища. Казалось, что крошечный, немощный человек пытается противостоять гиганту, явившемуся сюда из незапамятных времен.

Однако сила колдуна была сопоставима с силой Йог-Сотхотха...

На мгновение мне показалось, что из кончиков пальцев Андара появился яркий, ослепительный свет, пронзивший бесформенное туловище чудовища. Беснующиеся щупальца, словно обжегшись, отшатнулись назад, а чудовище снова издало рев, но на этот раз от боли. Его мощное туловище метнулось назад, а вибрирующие щупальца, которые уже были готовы напасть на судно и находящихся на палубе беспомощных матросов, вдруг замерли. Андара выкрикнул какое-то слово на абсолютно незнакомом мне языке. Мощные щупальца вздрогнули, отшатнулись от палубы, но затем снова придвинулись к ней. Я оказался свидетелем борьбы невидимых, неопиcуемых сил, схватки между колоссами, неподвластной человеческому восприятию; быть может, в битве сошлись сами истоки творения, Добро и Зло.

Но тут моя неосмотрительность чуть было не стоила мне жизни.

Увлечшись грандиозным зрелищем борьбы, я на несколько секунд забыл об опасности, угрожавшей непосредственно мне.

Ледяная рука опустилась на мое плечо. Я обернулся, увидел, что кто-то пытается схватить меня за лицо, и инстинктивно уклонился. Жгучая боль обожгла мою щеку. Я отбил в сторону руку, вцепившуюся в меня, и ухватился за колени мертвеца, пытаюсь перекинуть его через себя, как мне удалось это сделать с Мэннингсом. Однако ходящая ходуном палуба была плохой опорой для моих ног. Я потерял равновесие, упал на колени и, увидев, что надо мной нависла еще одна тень, защищаясь, поднял руки над головой. На меня обрушился удар, от которого я упал на палубу и почти потерял сознание.

Они были везде. Мэннингс, Бартон и другие мертвецы надвигались на меня со всех сторон, пытаюсь ударить меня по лицу и разорвать мою одежду своими заостренными, ледяными пальцами.

— *Роберт! Амулет!*

Я попытался отыскать взглядом Андара, высматривая его между искаженными лицами мертвецов, однако корма «Владычицы тумана» превратилась в сплошной беснующийся вихрь, в котором мелькали только зеленые тени. Йог-Сотхотх снова и снова нападал с яростным ревом на парусник, и я с ужасом увидел, что его щупальца с каждым разом подбирались чуточку ближе к одинокой фигуре на юте, как будто созданная колдуном вокруг судна невидимая защитная стена постепенно подавалась назад под натиском чудовища.

Сделав глубокий вдох, я схватил одного из мертвецов за ворот и изо всех сил швырнул его на других, буквально на мгновение высвободившись от их захватов.

Но это не помогло. Мертвецы перегородили палубу передо мной, словно движущаяся стена. Позади меня были поручни, до которых оставалось не более трех шагов, а за ними — море и смертоносные рифы. Даже если бы я рискнул прыгнуть в море и мне удалось бы спастись от Йог-Сотхотха, течение все равно швырнуло бы меня на рифы и я разбился бы насмерть.

Словно прочитав мои мысли, мертвецы начали приближаться. Они снова пытались схватить меня, рвали на мне одежду и тыкали пальцами в глаза. Я сбил одного из них с ног, другому вывернул руку и уперся коленкой снизу в его локтевой сустав. Но мой противник не был обычным человеком. Он не почувствовал боли и своей второй рукой тут же ухватился за мою одежду.

— *Роберт! Амулет! ВЫБРОСЬ ЕГО!*

Но я уже почти не слышал раздававшийся у меня в голове голос Андара и не понимал смысла сказанного им. Удары, наносимые руками и ногами, непрерывно сыпались на меня со всех сторон, и мое сопротивление все слабело. В голове раздавался глухой, то усиливающийся, то ослабевающий шум, а из-за боли я постепенно впадал в состояние какого-то оцепенения, оно охватывало мое тело, руки и ноги.

— *Амулет! Выбрось его, Роберт, иначе они убьют тебя!*

Я опустился на колени, согнулся и попытался вытащить из кармана маленький амулет-звезду, который дал мне Андара. Кто-то ударил меня по голове. Я упал вперед, инстинктивно перевернулся на спину и, теряя силы, пытаюсь защититься от ударов мертвецов. Я почувствовал, что постепенно теряю сознание. Мой рот наполнился кровью, а фигуры нападающих начали исчезать за красной, колышущейся волнами пеленой, появившейся у меня перед глазами. Запихнув руку в карман, я наткнулся на что-то твердое,

теплое на ощупь, вытащил его из кармана и зажал в кулаке.

— *Выбрось его!*

Я каким-то чудом сумел подняться на ноги. Я уже не мог ни отчетливо думать, ни управлять своими движениями, но в мое сознание проникла какая-то новая мощная сила, принудившая меня подняться под ударами мертвецов и побрести к поручням.

Я шел, как идет сквозь строй солдат, подвергаемый наказанию шпицрутенами. Я упал, снова поднялся и, теряя силы, пробился к поручням. Ледяная рука мертвеца вцепилась в мою руку и попыталась вырвать у меня амулет. Я вырвался и, собравшись с силами, швырнул звездообразный амулет что есть мочи в пространство перед собой. Описав высокую дугу, он упал в море, сверкнув на поверхности воды, и исчез в пучине, в вихре света и пены.

В тот самый момент, когда амулет пошел на дно, мертвецы застыли на месте. Их руки, хватавшие меня за волосы и одежду, бессильно повисли. Огонь в их глазах погас, и спустя несколько мгновений они рухнули на палубу, как марионетки из кукольного театра, когда кукловод одним махом обрывает нити, на которых они висели.

И в этот самый момент Йог-Сотхотх обрушился на судно всей своей силой. Я упал, умудрившись в последний момент смягчить падение, выставив руки перед собой, и посмотрел, преодолевая тошноту, сквозь стоявшую перед моими глазами пелену крови, на ют.

Андара шатался. Невидимый щит, прикрывавший его от атак чудовища, терял свою силу. Его ноги подкосились, он повалился на поручни, затем попытался снова встать.

Но он не успел этого сделать. Зеленое щупальце опустилось на него сверху, обхватило его туловище и подняло Андара в воздух. Йог-Сотхотх торжествующе заревел. Его щупальца обрушились на судно, круша дерево и железо, сбивая мачты и разрывая на клочки паруса. «Владычица тумана» снова пошла вперед, но теперь уже ее гнало на рифы дьявольское неистовство чудовища. Корпус судна затрещал. Огромная трещина пересекла палубу. Мачты переламывались, как спички. Морская вода хлынула сквозь разломанные поручни на палубу, сметая людей и обломки такелажа за борт.

Я не знаю, как долго все это продолжалось — секунды, минуты или часы. Я потерял чувство времени, и если еще что-то и ощущал, так это лишь ужас. «Владычица тумана» тонула в водовороте хаоса и страха, принявшего форму чешуйчатого чудища. Щупальца Йог-Сотхотха разламывали судно, как ореховую скорлупку, вырывая громадные куски из корпуса парусника и уничтожая все, с чем не справились море и рифы.

В конце концов и я был накрыт накатившейся волной, сбит с ног и выброшен за борт тонущего судна. Меня потащило в глубину, затем я ударился затылком о камень и потерял сознание.

Холод. Это было первое, что я почувствовал, когда ко мне вернулось сознание и из пучины забытья и видений я снова вернулся в реальный мир. Я лежал на чем-то мягком и влажном, теплый солнечный свет падал на мое лицо, но его лучи не могли прогнать холод, глубоко проникший в мое тело. Мои ноги по колено лежали в воде, а все мое тело казалось изможденным и разбитым. Я открыл глаза.

Надо мной простиралось синее безоблачное небо. Буря улеглась, шум волн утих. Все, что я слышал, — это тихий шорох прибоя. Я приподнялся на локтях, огляделся по сторонам и в недоумении потряс головой. В первый миг я не мог понять, где же я нахожусь и как я вообще сюда попал. Море выбросило меня на ровный, усеянный белым ракушечником

песчаный берег, точнее, на крошечный, шириной в каких-нибудь двадцать шагов плоский выступ суши, расположенный рядом с вздымающимися из воды вертикально вверх скалами, перед которыми разбилась «Владычица тумана». Разломанные части судна и куски парусины валялись по всему берегу, и это было все, что осталось от некогда гордого четырехмачтового парусника.

Мысль о «Владычице тумана» пробудила мои воспоминания с почти болезнетворной силой. Я вдруг вспомнил все: шторм, Йог-Сотхотха, погибающих матросов и мертвецов, восставших с ложа смерти...

Скрип песка и гальки под твердыми подошвами сапог прервал мои мысли. Я поднял глаза и, шурясь от солнечного света, увидел Баннерманна. На нем все еще была надета черная водонепроницаемая куртка, но его левая рука висела на самодельной перевязи, а лицо покраснело и опухло.

— Крэйвен! — вырвалось у него. — Вы живы!

Он бросился ко мне, протянул здоровую руку и помог мне встать на ноги.

— Я в этом что-то не очень уверен, — ответил я. Резкое движение вызвало у меня сильное головокружение. — Где мы?

Баннерманн кивком указал на море.

— На расстоянии одной мили от того места, где затонула «Владычица тумана», — сказал он. — Боже мой, я думал, что мы — единственные, кто выжил.

— *Мы?* — во мне вспыхнул маленький огонек надежды. — Кто-то еще выжил?

Баннерманн кивнул.

— Шестеро, — сказал он. — Если с вами, то семеро. Это все, что осталось от моей судовой команды. Течение вынесло нас сюда. Мы выжили совершенно случайно.

— Случайно? — я покачал головой. — Да нет, Баннерманн, совсем неслучайно. — Я... — я запнулся, помолчал некоторое время, а затем, отрешенно махнув рукой, продолжал изменившимся голосом: — Впрочем, это уже неважно. Мы сможем отсюда выбраться каким-то образом, чтобы не пришлось опять плыть?

Баннерманн кивнул:

— Да. Мы нашли пещеру. У нее есть второй выход. Через него мы попадем на побережье, — он вздохнул. — Боже мой, Крэйвен, что же это было? Кошмарный сон?

— Боюсь, что нет, — тихо ответил я. — Но мне известно так же мало, как и вам, капитан. Когда Андара был еще жив...

— Он и сейчас жив.

— Он... — я посмотрел на Баннерманна в растерянности и затем, словно не веря, переспросил: — Он жив?

— Да. Но скоро умрет. Он прислал меня сюда, чтобы я искал вас. — Баннерманн попытался рассмеяться, но смех был каким-то неестественным. — Черт возьми, я просто понятия не имею, как же он узнал, что вы здесь. Судно затонуло еще полчаса назад. И...

Но я его уже не слушал. Насколько мне позволяли мои изможденные мышцы, я бросился бегом к скалам, больше не обращая внимания на Баннерманна. Найти вход в пещеру, о которой он говорил, оказалось нетрудно: он был достаточно большим, словно ворота сарая, а в темноте пещеры мерцал огонек факела. Я вбежал вовнутрь, остановился у входа и попытался что-нибудь разглядеть в непривычной для моих глаз темноте.

Андара лежал неподалеку от входа в пещеру. Выжившие матросы соорудили из кусков разорванных парусов некое подобие постели, на которую и уложили Андара. Белая парусина

вокруг него потемнела от крови, да и очертания его тела показались мне неестественными, словно деформированными.

Когда я подошел к Андаре, он открыл глаза. Некоторое время его взгляд был устремлен в пустоту, и я с испугом подумал, что он меня уже не узнает. Но вот он улыбнулся. Это была болезненная, искаженная страданием улыбка, скорее похожая на гримасу.

— Роберт, — пробормотал он. — Ты... сумел выбраться.

Я осторожно сел возле него и протянул руку, словно хотел коснуться его, но в последний момент что-то заставило меня отдернуть руку.

— Не я, — сказал я, покачав головой. — Ведь это не случайно, что течение вынесло всех выживших сюда?

— Это был небольшой фокус-покус, — пробормотал Андара. — Боюсь, что уже последний в моей жизни.

Мучительно закашлявшись, он приподнялся на своем ложе и затем со вздохом снова опустился на него.

— Послушай меня, Роберт... — прошептал он. Его глаза были закрыты. Он лихорадочно вздрагивал. Но я почувствовал, что его рассудок был абсолютно ясным. — Я... не справился с этой задачей. И я тебя... просто использовал. Можешь ты меня... простить?

Я улыбнулся:

— Амулет? Ничего страшного. Это было единственное, что вы могли сделать.

— Ты знал это?

По правде говоря, я этого раньше не знал, но теперь, мысленно оглядываясь назад, я пришел к четкому пониманию всего, что произошло. Внезапное выздоровление Андара не было случайностью, как не была случайностью и необъяснимая слабость, охватившая меня, когда он отражал первое нападение чудовища, явившегося из **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН**. Причиной этому был амулет, который он вручил мне. Это украшенье каким-то образом — мне, впрочем, не очень-то хотелось знать, как именно — позволило Андаре использовать мои силы, черпать энергию из моего молодого здорового тела. Йог-Сотхотх, по-видимому, почувствовал это. Именно поэтому он воскресил мертвецов и натравил их на меня, а не на самого Андара. Он, должно быть, знал, что силы Андара быстро иссякнут, если у меня не будет амулета.

— Ты... прощаешь меня? — спросил Андара еще раз.

— Тут нечего прощать, — пробормотал я. — Мы можем поговорить об этом позже, в Лондоне. Сейчас...

— Для меня уже не будет никакого «позже», — перебил меня он. — Я скоро умру. Йог-Сотхотх выполнил свое задание и уничтожил меня. Но я продержусь еще некоторое время. Потому что... есть кое-что очень важное, и я должен тебе это сообщить.

Я намеревался было задать вопрос, но Андара быстрым жестом остановил меня, и я замолчал.

— Слушай меня внимательно, Роберт, — прошептал он. Его голос постепенно терял силу и становился еле слышным. На шее у него в лихорадочном ритме пульсировала артерия. — Это то, чего ты еще не знаешь. Ты обязан продолжить эту борьбу. Поезжай... поезжай в Лондон. Найди там... Говарда. Моего... друга... Говарда. Он должен быть в гостинице «Вестминстер». Найди его и... и скажи ему, что тебя прислал Родерик Андара. Расскажи ему, кто ты такой, и тогда он тебе... поможет.

— Кто я такой? Но я...

— Ты... мой наследник, Роберт, — пробормотал Андара. — Ты... не тот, кем... себя считаешь... — он слегка улыбнулся. — Ты ведь никогда не видел своих родителей, да?

Я покачал в замешательстве головой. К чему он задал этот вопрос?

— У меня... у меня был сын, — прошептал он. — Тоже мальчик, как и ты, Роберт. Моя... жена умерла при... родах, и... я знал, что мои враги... убьют и его, если только узнают, кто он.

Медленно, очень медленно я начинал прозревать, но продолжал молчать и напряженно слушать.

— Я передал его одной женщине, о которой мне говорили, что у нее доброе... сердце, — сказал он, словно пересиливая себя. — Я дал ей деньги и... стер какие-либо воспоминания обо мне из ее памяти.

— Вы... — пробормотал я. — Вы хотите сказать, что вы... что ты...

— Позднее, когда мне показалось, что я сумел скрыться от проклятия, я начал искать своего сына, Роберт, — шептал Андара.

Его рука выдвинулась из-под одеяла и прикоснулась к моей. Она была теплой, влажной и очень мягкой, совсем не такой, какой обычно бывает человеческая рука. Я старался на нее не смотреть.

— Мне не следовало этого делать, — сказал он, тяжело дыша. — Мне не следовало находить тебя, Роберт. Но теперь... ты должен... возобновить эту борьбу. Отправляйся в... Лондон. Найди Говарда и... скажи ему, что тебя прислал твой отец.

Это были его последние слова. Его лицо стало неподвижным — выражение боли сменилось на нем выражением необыкновенного спокойствия.

Прошло довольно много времени, прежде чем я осознал, что в своих руках я держу руку мертвого человека.

Подошел Баннерманн и положил руку на мое плечо. Я отвел глаза от лица Андара и посмотрел на капитана. Но он казался мне незнакомцем. Меня охватило странное чувство отчужденности, ощущение навалившегося горя, за которым вот-вот последует нестерпимая боль. Я только что, в двадцатипятилетнем возрасте, обрел своего отца, и в тот же момент снова его потерял.

Родерик Андара, великий колдун, был мертв.

Но в тот самый момент, когда я об этом подумал, я почувствовал, как в глубинах моей души что-то шевельнулось. Это были первые, еще робкие движения некоей силы, доселе дремавшей во мне и лишь теперь медленно просыпавшейся.

Мой отец был мертв, но некогда воплощенный в нем колдун был по-прежнему жив.

Теперь колдуном был я.

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕРВАЯ КНИГА

Книга вторая

Тиран, таящийся на глубине

Ветер отклонял дождевые капли с такой силой, что они летели над поверхностью воды почти горизонтально. За ночь с моря набежали тучи — сплошная черная, клубящаяся масса, поглотившая и без того бледный свет луны и обрушившая на землю ледяной дождь. Холодный шквальный ветер, казалось, сделал все, чтобы жители этого клочка побережья забыли, что по календарю, в общем-то, разгар лета и ночи должны быть теплыми.

Даже равномерное шлепанье весел, опускавшихся в воду, звучало приглушенно, поглощаемое шумом дождя, которому не было видно ни конца ни края.

Стив Крэнтон с усталым вздохом отпустил весла, выпрямился и вытянул руки в стороны. Его спина болела. Они непрерывно гребли, кружа по маленькому озеру уже битый час, да и лодка отяжелела от дождя. Его ноги, обутые в черные резиновые сапоги, по щиколотку были погружены в ледяную воду, и холод настойчиво проникал и сквозь сапоги, и сквозь шерстяные носки, в результате чего ноги занемели аж до колен.

— Устал? — тихо спросил О'Бэнион. — Если тебя нужно сменить...

Крэнтон отрицательно покачал головой и снова положил руки на весла, но грести не стал. Лодка тихонько покачивалась на воде. Словно в ответ на слова О'Бэниона, ветер обрушил на них новые потоки дождя. Крэнтон задрожал всем телом, когда вода проникла под его дождевой плащ и полилась ледяной струйкой по спине.

— Нет, — ответил он с некоторым опозданием. — Мне только кажется, что это какая-то дурость: плавать здесь туда-сюда и мокнуть под дождем. Надо это дело прекратить.

О'Бэнион тихо засмеялся.

— Ты боишься! — заявил он.

Крэнтон гневно уставился на своего спутника. Хотя они сидели друг от друга метрах в трех, не больше, лицо О'Бэниона казалось темным расплывчатым пятном на еще более темном фоне озера. Тучи шли сплошной стеной, не пропуская ни лучика света.

— Ничего подобного! — сердито выпалил Крэнтон. — Мне про сто не хочется опозориться. А то они, наверное, как раз сейчас сидят все вместе в пивнушке в Голдспи и от души смеются над нами.

— Ты *боишься*, — сказал О'Бэнион еще раз, словно не слышал последних слов своего спутника. — Но теперь, дорогуша, уже слишком поздно.

Он вздохнул, пошарил под своим дождевиком и вскоре достал табачный кисет и трубку. Крэнтон, нахмурившись, смотрел, как он, не обращая внимания на дождь, набил трубку и, прикрыв ее от дождевых потоков руками, зажег спичку. Табак задымил, но он был сырой и поэтому тлел слишком слабо. О'Бэнион что-то буркнул, выбил содержимое трубки за борт и спрятал ее. Затем он достал из кармана часы, зажег вторую спичку и попытался при мерцающем свете слабого огонька увидеть положение часовых стрелок.

— Так или иначе, уже пора, — сказал он. — Через несколько секунд — полночь.

— И тогда оно явится? — Крэнтон старался, чтобы его голос звучал как можно более иронично, но оттенок страха, все же присутствовавший в его словах, все испортил. — Чудовище из озера Лох Шин — как тут не засмеяться! Такими бреднями они пугают своих детей, когда те не хотят спать. Или дурачат наивных простаков из города.

— Ты имеешь в виду — таких простаков, как я? — О'Бэнион покачал головой. Крэнтон

хотел возразить, но О'Бэнион быстрым жестом прервал его и снова покачал головой. — Я на тебя за это не обижаюсь, дорогуша. Если бы я был на твоём месте, наверное, думал бы то же самое. Но ты не слышал того, что слышал я.

— Бред сумасшедшего, — буркнул Крэнтон. — Ну и что из этого?

— Но ведь он же дал ему четкое *описание*! — упорствовал О'Бэнион. — Такое четкое, какое мне и не снилось. Выдумать все это тот человек *не смог бы*, Стив. Я...

Где-то совсем недалеко от лодки с двумя мужчинами по поверхности воды что-то шлепнуло. О'Бэнион замолк на полуслове, выпрямился и уставился во все глаза в темень, накрывавшую озеро, словно пуховое одеяло.

— Что это было?

— Твое чудовище, — съязвил Крэнтон, но его голос дрожал ещё больше, чем раньше.

О'Бэнион не обратил на его слова никакого внимания.

— Там что-то есть, — пробормотал он. — Я это отчетливо чувствую...

Ещё секунду посверлив взглядом черную поверхность воды, он вдруг резко обернулся и начал что-то искать вокруг себя руками.

— Фонарь! — крикнул он. — Быстро, Стив. И фотоаппарат!

Вдруг они почувствовали легкий толчок в дно лодки. Стив, потеряв на секунду равновесие, повалился на узкое сиденье и испуганно вцепился руками в борт лодки. Их легкое суденышко дрожало. Было такое ощущение, что его касается нечто мягкое, податливое и вместе с тем необычайно сильное. Снова раздался всплеск, как будто что-то сильно ударило по воде. На лодку накатила волна, обдав мужчин ледяными брызгами.

Крэнтон чертыхнулся, наклонился вперед и окоченелыми пальцами попытался раскрыть водонепроницаемый мешок.

— побыстрее, Стив, — нетерпеливо сказал О'Бэнион. — Там что-то есть. Я в этом не сомневаюсь...

Вдруг озеро наполнилось шумом. На лодку одна за другой начали набегать волны, все чаще и чаще, а где-то слева от них, не очень далеко, в воде зашевелилось что-то темное и массивное.

— Давай карбидную лампу! — потребовал О'Бэнион, теряя терпение. — Сколько можно возиться?!

Крэнтон выпрямился и, сердито буркнув, протянул О'Бэниону маленькую лампу необычной формы, затем, чувствуя, как колотится его сердце, впился взглядом в темноту. Теперь и ему казалось, что он что-то видит, — он и сам не мог бы сказать, что.

Но что бы это ни было, оно казалось огромным.

— Черт возьми, Джефф, надо сваливать отсюда, — пробормотал он. — Не нравится мне все это.

О'Бэнион, немного приподняв дрожащими руками стеклянную колбу лампы, попытался разжечь ее спичкой, но ветер потушил огонек ещё до того, как он коснулся лампы. О'Бэнион то и дело бросал взгляд на озеро, на то место, где в темноте виднелось черное *нечто*. Лодка, раскачиваемая волнами, начала разворачиваться. К завыванию ветра присоединился жуткий звук, какого никто из этих двоих никогда в своей жизни ещё не слышал: это было словно глухое, невыносимо тяжкое дыхание, но такое мощное, что обоих мужчин в лодке начала пробирать дрожь.

— Надо сваливать отсюда, — повторил Крэнтон. — Джефф! *Пожалуйста!*

Ничего не отвечая, О'Бэнион чиркнул второй спичкой и, защищая пламя ладонью, все-

таким умудрился разжечь лампу.

Пространство вокруг лодки осветилось белым, мучительно ярким сиянием карбидной лампы. Ослепленный светом, Крэнтон закрыл глаза. О'Бэнион, прищурившись, поднял лампу левой рукой на уровень головы, а правой рукой начал настраивать сложную систему зеркалец, которые должны были сфокусировать свет лампы и направить его вдаль. Мерцающий треугольный луч яркого белого света заскользил над поверхностью озера. О'Бэнион ругнулся, поднял лампу немного выше и поменял положение зеркальца. Треугольный поток света трансформировался в тонкий сфокусированный луч, протянувшийся над озером более чем на пятьдесят метров. Там, где он рассеивался, в воде что-то шевелилось — что-то бесформенное, черное, гигантское. Как раз в тот момент, когда луч света, на мгновение осветив какие-то причудливые контуры, пошел блуждать дальше, раздался раздраженный, невероятно зычный рев.

— Прекрати, Джефф, прошу тебя! — запротестовал Крэнтон, с трудом выговаривая слова.

— Вот оно! — пробормотал О'Бэнион. — Я был прав, Стив, Трумэн не лгал, — он обернулся, схватил Крэнтона свободной рукой за шиворот и указал лампой на озеро. — Посмотри на него, Стив! Трумэн — вовсе не сумасшедший! Он был прав! Оно и правда существует! Оно настоящее и...

Крэнтон оттолкнул его руку.

— Я ничего не хочу об этом знать! — закричал он. — Я хочу убратся отсюда, больше ничего! Черт тебя побери, Джефф, неужели ты не понимаешь? Это чудище *убьет нас!*

О'Бэнион в растерянности хлопал ресницами. Ему, похоже, и в голову не приходило, что они подвергают себя опасности.

Еще одна, на этот раз очень большая волна ударила в лодку — ударила так сильно, что и О'Бэнион, и Крэнтон потеряли равновесие и повалились на дно.

Чертыхаясь, они поднялись. Лодку сильно раскачивало, но лампа, как ни странно, не потухла. Белоснежный луч света простирался, словно длинный белый палец, над озером, вонзался в небо и исчезал там.

— *Ради бога, Джефф, хватит!*

Крик Крэнтона потонул в чудовищном, раскатистом реве. Тень, маячившая где-то на пределе досягаемости луча лампы, вдруг стала увеличиваться в размерах, превращаясь во что-то чудовищное, затем вдруг вздыбилась, словно огромная волна черноты и блестящих чешуек, и решительно устремилась к лодке.

Лодка сильно накренилась. Еще одна волна ударилась в нее, снеся одно весло и так шибанув другое, что оно, описав круг, словно бита после мощного замаха, стукнуло Крэнтона по затылку. Вскрикнув, он повалился вперед. О'Бэнион в ужасе закричал и, потеряв равновесие, выронил лампу. Белоснежный луч света чиркнул еще разок по озеру, затем лампа, ударившись о борт и отскочив от него, упала в воду и, шипя, погасла.

Но еще перед тем, как луч света был поглощен темнотой ночи, он высветил мощные, ужасные контуры какого-то существа...

Что происходило дальше, и в какой последовательности, О'Бэнион уже не осознавал. Что-то ударило по лодке, разнеся ее вдребезги, словно игрушку. О'Бэнион вскрикнул, услышал, как рядом заорал Крэнтон, затем, свалившись от сильного удара в озеро и уйдя под воду, хлебнул воды. Инстинктивно он задержал воздух в легких и сильными размашистыми гребками попытался отплыть подальше от того места, где затонула лодка. Его сердце

колотилось, а грудь будто сжимал железный обруч, давление которого все усиливалось. Вконец перепугавшись, он рванул вверх, вынырнул на поверхность и жадно вдохнул воздух.

Озеро вокруг него бушевало. Казалось, невидимый режиссер, стоя за кулисами, решил получше осветить сцену, на которой происходили эти ужасные события, и слегка раздвинул завесу туч. В просвете, образовавшемся в некогда сплошной массе облаков, появилась луна, хорошо осветившая серебряным сиянием все озеро.

О'Бэнион успел проплыть несколько метров в сторону берега, как его снова с головой накрыла волна. Поневоле хлебнув при этом воды, он опять вынырнул на поверхность и посмотрел назад.

Лодка исчезла. Буквально только что абсолютно спокойное и ровное, как огромное зеркало, озеро теперь представляло собой настоящий хаос, в котором смешалось кипение пенящихся волн и движения беснующегося чудовища. Однако не было видно ни Крэнтона, ни того существа, которое напало на них и потопило их лодку.

О'Бэнион сделал глубокий вдох, развернулся и сильными гребками поплыл к берегу. Вода была ледяной, и он чувствовал, что его силы убывают с каждой секундой. Когда он в конце концов достиг поросшего травой берегового откоса, ему едва хватило сил, чтобы выбраться из воды.

Седовласый ирландец лежал несколько секунд на земле, чувствуя, как дрожит его тело и колотится сердце. Мысли его путались, он чуть было не потерял сознание, а в левой ноге появилась пульсирующая боль, становившаяся все сильнее. Наконец он приподнялся на локтях и коленях, отполз немного от воды и снова повалился на землю. Хрипло и прерывисто дыша, он перевернулся на спину и снова посмотрел на озеро.

Луна все еще освещала Лох Шин своим бледным, зловещим сиянием. Поверхность озера опять была спокойной, лишь кое-где виднелись обломки дерева и части оснащения их лодки, а в центре озера, как раз в том месте, где вынырнуло это существо, на поверхность с постоянной частотой всплывали и лопались поблескивающие пузыри.

О'Бэнион приподнялся, сильно потер лицо ладонями, затем встал на ноги. Его взгляд блуждал по озеру. Вода казалась маслянистой, и на какой-то миг О'Бэниону почудилось, что он может различить под поверхностью воды огромный темный контур. Но это, наверное, была лишь тень, возникшая из-за игры лунного света на тучах.

— Стив? — крикнул О'Бэнион.

Его голос дрожал. В ответ раздалось лишь очередное завывание ветра, похожее на сатанинский хохот.

Но это было все, что он услышал.

О'Бэнион растерянно огляделся по сторонам. Внутренний голос буквально кричал ему, что нужно как можно быстрее делать отсюда ноги, бежать подальше от этого жуткого места. Однако Стив Крэнтон не просто работал на него — он был его другом. И О'Бэнион не мог бросить его на произвол судьбы.

На дрожащих ногах О'Бэнион пошел обратно по пути, который он с такими мучениями только что проделал. Остановившись в нескольких сантиметрах от воды, он сложил руки рупором у рта.

— Стив! — крикнул он. — Отзовись! Где ты?

Но опять единственным ответом было завывание ветра. О'Бэнион подошел, пошатываясь, еще ближе к воде, пока его ноги не погрузились по щиколотку в прибрежную пену, со все растущим отчаянием огляделся по сторонам и снова стал кричать, зовя Стива.

Что-то коснулось его ступни. О'Бэнион вздрогнул, отпрыгнул на шаг назад и нервно улыбнулся. Это был всего лишь сапог, прибитый к берегу волнами, который теперь колыхался у самой кромки берега.

Только один сапог?..

О'Бэнион с ужасом осознал, что это был сапог Крэнтона. Секунд десять-пятнадцать он смотрел на этот черный резиновый сапог широко раскрытыми от ужаса глазами, затем присел на корточки, наклонился и схватил его дрожащими пальцами.

Он сразу заметил: что-то было не так. Сапог оказался слишком тяжелым, из него текла темная жидкость, скорее всего кровь.

И тут О'Бэнион пронзительно вскрикнул: до него дошло, что сапог — не пустой...

Повозка резко остановилась. Меня тряхнуло так, что я вывалился из своего кое-как сооруженного соломенного ложа на одного из матросов Баннерманна, и нам с ним понадобилось несколько секунд, чтобы разобраться, где чьи ноги и руки. Только после этого мне удалось привстать. Хотя я был все еще заспанным и безумно измученным, я с интересом посмотрел по сторонам.

Солнце уже взошло. Мы, стало быть, ехали всю ночь. Последнее, о чем я помнил, были вечерние сумерки. Сумерки, и еще холод, который, несмотря на теплое время года, казалось, приполз со стороны моря. Я проспал, должно быть, не менее десяти часов. Несмотря на это я чувствовал себя усталым и разбитым, как будто отдых длился лишь несколько минут.

— Ну вот мы и приехали, — ворвался в мои мысли чей-то глухой голос.

Я растерянно поднял глаза и несколько секунд смотрел на Баннерманна, ответившего на мой беспомощный взгляд добродушной ухмылкой. Затем я посмотрел вперед. Наш возница, закутанный шпук в шесть одеял, сидел на низких узких козлах и зыркал по сторонам. Его лицо при этом выражало одновременно и нетерпение, и плохо скрываемую насмешку. Впрочем, мы, по-видимому, представляли собой — все как один оборванные и измученные — действительно комичное зрелище.

— Мы приехали, — повторил возница.

В этот раз он подкрепил свои слова жестом, указав рукой вперед. В нескольких ярдах от нас дорога разветвлялась. Уходя влево, она продолжала петлять по скудной холмистой местности, по которой мы и ехали все это время, а правое ее ответвление постепенно спускалось на равнину, на востоке которой, далеко отсюда, виднелась тонкая голубая линия.

— Дальше вам придется идти пешком, — продолжал он. — Но это недалеко. Миль шесть или семь. Если поднатужитесь, через три часа будете в Голдспи, — он ухмыльнулся, показав желтые, покрытые темными пятнами зубы. — Я охотно отвез бы вас к себе домой, но это вам не по пути.

Я хотел было что-то ответить, но Баннерманн не дал мне промолвить и слова. Впрочем, так было и лучше. Мое сознание все еще оставалось слишком затуманенным, чтобы я мог сформулировать какую-либо мысль четко. Когда я поднимался ранним утром, мне всегда было как-то не по себе.

— Мы благодарны вам уже за то, что вы довезли нас досюда, мистер Мулдон, — поспешно сказал Баннерманн. — Оставшиеся мили мы как-нибудь одолеем.

Он достал свой бумажник, открыл его и хотел было дать Мулдону банкноту, но тот отрицательно покачал головой, засунув в рот свою потухшую трубку. Еще вчера вечером, когда мы его встретили, она уже была потухшей, и, думаю, он не зажигал ее все это время.

Баннерманн смотрел на него некоторое время, затем молча пожал плечами и спрятал бумажник. Не говоря больше ни слова, он поднялся, прыгнул на дорогу и начал стряхивать солому со своей одежды. Другие последовали его примеру, в конце концов слез с повозки и я, правда, менее элегантно и не так по-молодецки, как Баннерманн и его матросы. Мулдон смотрел на меня, качая головой, но ничего не говорил. Лишь на его губах играла легкая улыбка.

— Вы только будьте осторожны, — сказал он на прощанье. — Держитесь дороги. Здесь есть опасные топи. Ну, желаю удачи...

Он кивнул, постучал — в знак добрых пожеланий — указательным пальцем по воображаемому краю воображаемой шляпы, повернулся и щелкнул кнутом. Дряхлая от старости повозка со скрипами и стонами тронулась с места и продолжила свой путь.

— Странный парень, — пробормотал Баннерманн, качая головой, когда повозка отъехала на такое расстояние, что возница уже не мог его слышать. — Я полночи просидел рядом с ним на козлах, но он и трех слов не сказал за все это время. Только я один и говорил.

— Как... — испугавшись, я резко повернулся и впился в него взглядом. — Что вы ему рассказали?

— Рассказал? — Баннерманн улыбнулся. — Ничего особенного, мистер Крэйвен. Только то, о чем мы договорились. Он думает, что наша яхта потерпела крушение у берега, — его лицо омрачилось. — Нам нужно еще раз обговорить всю эту историю, мистер Крэйвен. Она мне не кажется убедительной. Вряд ли нам кто-нибудь поверит.

Его люди одобрительно зашептались. Лишь в последний момент мне удалось подавить тяжкий вздох. Уже не в первый раз мы говорили на эту тему. За последние двадцать четыре часа — не считая того времени, когда мы тряслись в повозке по шотландским взгорьям — мы ни о чем другом не говорили. Конечно же, выдуманная нами история не выдержит обстоятельной проверки. Чиновники очень быстро выяснят, что яхты, на которой мы якобы потерпели крушение в тридцати милях к югу от Дернесса, вообще не существует. Да и в Лондоне очень скоро заметят, что судно «Владычица тумана» не прибыло в пункт назначения в положенный срок. Тем не менее, выдуманная история про яхту позволит нам выиграть время, достаточное для того, чтобы добраться до Лондона и найти Говарда.

Кем бы на самом деле ни был этот Говард.

— Да, мы поговорим об этом, — сказал я вполголоса. — Но здесь, Баннерманн. И не сейчас. Давайте доберемся до Голдспи и поищем там какую-нибудь гостиницу. Тогда и поговорим.

— Гостиницу? — Баннерманн засмеялся, но как-то невесело. — А чем вы собираетесь платить за проживание, мистер Крэйвен? У меня всего лишь два жалких доллара, а у моих людей вообще нет ни пенса. Нам придется обратиться к местным властям, чтобы...

— Должен же в Голдспи быть какой-нибудь банк, — перебил я его.

Упрямство Баннерманна постепенно начинало действовать мне на нервы. Человек, стоящий сейчас передо мной, казалось, был уже совсем не тем Баннерманном, с которым я некогда познакомился на борту «Владычицы тумана».

Хотя, конечно, не следовало забывать, что он потерял свое судно и большую часть судовой команды. Причем при таких обстоятельствах, которые восьмерых человек из десяти довели бы до сумасшествия.

— Я попытаюсь получить деньги по аккредитиву, который дал мне... Монтегю, — сказал я.

Он, по-видимому, заметил, что я запнулся, но не подал виду. Будет, конечно же, лучше, если мы не будем больше упоминать имя «Андара».

— Если из этого ничего не выйдет, тогда мы направимся прямехонько в ближайший полицейский участок, — пообещал я.

Баннерманн все еще колебался, но его упрямство потихоньку таяло. Так бывало и раньше. Странно, но мне не раз уже казалось, что для того, чтобы навязать кому-либо мою волю, мне нужно лишь в упор посмотреть ему в глаза...

Я отогнал эти мысли, повернулся и зашагал по дороге. Позади меня Баннерманн перекинулся парой слов со своими матросами, и вскоре после этого они последовали за мной. Я шел медленно, чтобы им не пришлось бежать, догоняя меня.

Мы шли молча. Я попытался прикинуть по солнцу, сколько сейчас времени, но, не имея в таких делах достаточного опыта, вскоре решил отказаться от этой затеи. Было утро — второе утро после нашего трагического прибытия в Англию. Через несколько часов мы уже будем спать во вполне приличных кроватях, на безопасном расстоянии от каких-то там доисторических чудовищ и мстительных колдунов...

Баннерманн ускорил шаг, догнал меня и пошел рядом со мной, не говоря при этом ни слова. Мы просто молча шагали бок о бок.

Местность, по которой мы передвигались, была удивительно скудной. Когда я покидал Нью-Йорк, у меня не сложилось каких-либо четких представлений о том, что собой представляет Англия. Сейчас же эта бедная, словно наполненная невыразимой пустотой, местность, над которой гулял никогда не ослабевающий ветер, приводила меня в смятение. Эта Англия оказалось совсем не такой, какой мне ее описывал отец.

Впрочем, конечной целью нашего путешествия было не северное шотландское взгорье, а Лондон. Тем более что чудом был уже сам факт того, что мы достигли берега.

Прошел час, за ним второй. Тропинка бесконечно долго петляла, спускаясь на равнину, но синеватая полоска побережья прорисовывалась все отчетливее. Однако чем ближе мы подходили к городу, тем подавленнее я себя чувствовал. Быть может, опасения Баннерманна были не такими уж беспочвенными, как я пытался себе это представить. Нам, безусловно, зададут вопрос, почему мы не направились в Дернесс, расположенный в каких-нибудь пяти милях от того места, где потерпело крушение наше судно, а вместо этого пересекли всю северную часть Британии (впрочем, ее протяженность здесь была не более сорока миль) и выбрали на противоположное побережье острова. Что я отвечу, когда мне зададут этот вопрос? Что нашим единственным желанием было как можно быстрее и как можно дальше уйти от того берега, от моря и от чудовища, поджидающего нас в его глубинах? Вряд ли ответ может быть таким.

Баннерманн коснулся моей руки, тем самым оторвав меня от этих мыслей. Я вопросительно взглянул на него, но он смотрел мимо меня, в южном направлении. Я проследил за его взглядом.

Как раз напротив того места, где мы остановились, на расстояние менее полумили от дороги находилось маленькое круглое озеро. В ярком свете утреннего солнца оно блестело, как гигантская серебряная монета, которую неосторожный великан обронил среди холмов. Украшенное бархатным зеленым обрамлением из кустарников и прочей растительности, озеро резко контрастировало со скудностью окружающей местности.

— Озеро, — сказал Баннерманн, хотя это и без него было очевидно. — А что если мы спустимся к нему и там немного отдохнем?

Я хотел было возразить, но лишь один взгляд на лица людей, сопровождавших меня, заставил меня смолкнуть. До сих пор мне казалось, что среди них я — единственный, кто чувствует себя усталым и разбитым, но это было явно не так. У всех нас силы были на исходе. Тем более, что не было никакой разницы, прибудем ли мы в Голдспи часом раньше или часом позже. Поэтому я лишь молча кивнул.

Баннерманн, также молча, глазами указал своим людям на озеро. Мы сошли с дороги и в перпендикулярном к ней направлении двинулись к водоему. Ходьба по пересеченной местности оказалось не такой затруднительной, как я думал, и через каких-нибудь десять минут мы были уже у озера.

Меня поразило то, какая здесь стояла тишина. По дороге нас, помимо монотонного звучания ветра, сопровождало то щебетание какой-нибудь птички, то мимолетное шуршание в кустах. Сейчас же, казалось, мы вступили в царство абсолютного безмолвия. Даже шум ветра, по мере того как мы приближались к озеру, становился все более тихим, нереально тихим...

Я отогнал эти мысли и постарался сконцентрировать все свое внимание на окружающей местности, успокаивая себя тем, что я просто стал слишком нервным и раздражительным — только и всего.

Вместе с Баннерманном я подошел к озеру, балансируя широко расставленными руками постоял у самой кромки не очень высокого, но отвесного берега, и затем, сойдя с откоса, опустился на землю у самой воды. Я вдруг почувствовал страшную усталость.

— Это, должно быть, озеро Лох Шин, — пробормотал Баннерманн вполголоса. — Я думал, что оно больше...

— Лох... что? — спросил я.

Баннерманн слегка улыбнулся.

— Лох Шин, — повторил он. — Местные жители называют такие вот маленькие озера «лох» — «глубокая дыра».

Он помолчал некоторое время, и, судя по тому, что его губы расползались в ухмылке, выражение моего лица становилось, по-видимому, все более изумленным.

— Это название не такое уж неподходящее, как вы, наверное, думаете, Крэйвен, — сказал он. — Опустите руку в воду.

Я на мгновение замер в нерешительности, затем, пожав плечами, опустил кисть левой руки в неподвижную воду озера, но тут же вытащил ее обратно. Вода оказалась не просто холодной. Она была ледяной.

Ухмылка Баннерманна стала еще шире.

— Это и правда дырища, — пояснил он. — Оно по крайней мере раз в пять больше в глубину, чем в ширину.

— А вы, похоже, немало знаете об этой местности, да? — спросил я.

Баннерманн кивнул и откинулся на спину, положив ладони под голову.

— Я здесь родился, — ответил он. — Точнее, не именно здесь, в Голдспи, а в Шотландии. В Абердине. Вам знакомо это название?

Я отрицательно покачал головой. Баннерманн, помолчав некоторое время, продолжал:

— Портовый город, за сотню миль отсюда. Не все про него знают.

Он улыбнулся. Его улыбка была на этот раз какой-то странной, непонятно что означающей.

— Быть может, — добавил он, — если человек про него никогда ничего не слышал, то

это для человека даже и хорошо.

— Наверное, вы потому и стали моряком, — предположил я, — что выросли в портовом городе.

— Ерунда, — возразил Баннерманн. — Вы что, обязательно станете лошадью, если родитесь на Диком Западе? Я никогда не хотел быть моряком, — он приподнялся на локтях и как-то странно посмотрел на меня. — Открыть вам тайну, Крэйвен? Я ненавижу море. Я возненавидел его с раннего детства, и за все эти годы мое отношение к нему не изменилось. Оно убило моего отца, оно поглотило одного из моих братьев, а теперь оно забрало мое судно и многих моих людей. Я что, должен любить его за это?

— Дело не в море, Баннерманн, — сказал я тихо. — Это был Йог-Сотхотх и...

— Неважно, — перебил он меня. Его голос дрожал. — Этого не произошло бы, если бы мы не находились в море.

— Или если бы Андара и я не сели бы на борт вашего судна, — добавил я. — Говорите уж начистоту, Баннерманн. Тем более что не мне на вас обижаться.

Баннерманн громко вздохнул, но так ничего и не ответил. Вдруг с противоположной стороны пригорка раздался пронзительный крик, затем послышались возбужденные голоса и быстрые шаги нескольких человек.

Баннерманн и я одновременно вскочили. Большей частью на руках и коленях мы вскарабкались вверх по склону и, выпрямившись, застыли в изумлении.

Трое из матросов Баннерманна изо всех сил старались повалить какого-то бешено защищавшегося мужчину, в то время как четвертый матрос склонился над еще одним членом нашего маленького отряда. Форд сидел на корточках на земле и сжимал руками свой окровавленный череп.

— Форд! — крикнул Баннерманн. — Что с вами?

Форд ничего не ответил, однако матрос, находившийся возле него, поднял голову:

— Он в порядке, капитан. Всего лишь царапина...

— Что произошло? — рявкнул Баннерманн. Он снова стал таким, каким я знал его раньше.

— Да я и сам не знаю, — ответил матрос. — Этот тип... — он кивком указал на незнакомца, все еще изо всех сил дерущегося с тремя матросами, и, как было видно, имеющего шансы на победу. — Он вдруг выскочил из кустов и как шандарахнет Форда по черепу. Непонятно, почему.

Баннерманн нахмурился и, постояв еще секунду, направился к дерущимся. Лишь вчетвером им кое-как удалось скрутить незнакомца.

— Разверните его! — выкрикнул Баннерманн, тяжело дыша. — По моей команде. Раз... два... *Давайте!*

Резким движением матросы одновременно перевернули бешено сопротивляющегося мужчину на живот и изо всех сил прижали его к земле.

— Крэйвен! — слова Баннерманна звучали как приказ. — Свяжите ему руки, быстро!

Двое матросов с усилием заломили незнакомцу руки за спину, а сам Баннерманн и еще один матрос, сидя на корточках, пытались прижать его руки одну к другой. Для этого им требовались все их силы.

— Черт побери, Крэйвен, что вы стоите, разинув рот? Делайте, что я вам говорю! — рявкнул Баннерманн.

Я наконец-то очнулся от оцепенения и поспешил им на помощь. Поскольку веревки не

было, мне пришлось снять свой ремень и связать им запястья незнакомца. Затем я стал оглядываться по сторонам в поисках чего-нибудь, чем я мог бы связать его ноги. Баннерманн снял свой шарф и протянул его мне. Я схватил шарф, связал ноги незнакомца возле щиколоток так крепко, как только мог, и одним прыжком отскочил от него на безопасное расстояние, увидев, что Баннерманн и трое матросов слезли с незнакомца.

Он лютовал всюду. Его тело сжалось, словно стальная пружина, затем, совершив какой-то невероятный переворот, оторвалось от земли и снова с силой шлепнулось на берег.

— Черт возьми, этот дядя что, совсем рехнулся? — сказал, еле переводя дыхание, Баннерманн. — Что с ним такое?

Незнакомец начал что-то говорить, но его слова были неразборчивыми, в основном он мычал, тяжело вздыхал и лишь иногда из его уст вырывались звуки, похожие на человеческую речь. На его губах выступила пена, а глаза, казалось, пылали диким огнем.

— Думаю, он на самом деле сумасшедший, — пробормотал я. — Посмотрите на его глаза, Баннерманн. Это глаза ненормального.

Баннерманн кивнул, но как-то уныло. На его лице опять появилось выражение страха, и, когда он огляделся по сторонам, у него был взгляд загнанного зверя, ожидающего, что вот-вот появится охотник.

Я нерешительно прошел мимо Баннерманна и приблизился к связанному незнакомцу, держась, однако, на почтительном расстоянии от него, потому что, хотя он и был связан, мне совсем не хотелось получить удар ногами. Расхожее мнение о том, что сумасшедшие обладают нечеловеческой физической силой, очевидно, было справедливым, что он нам только что и подтвердил.

На расстоянии двух шагов от него я присел на корточки.

— Вы понимаете, что я говорю? — спросил я.

В его взгляде, казалось, появилось что-то осознанное. Он повернул голову и на полсекунды прекратил бесноваться и издавать нечленораздельные звуки. Его взор просветлел. Но уже через мгновение он снова начал биться о землю и извиваться, как червяк.

— Вы понимаете, что я говорю? — снова спросил я.

На этот раз он никак не отреагировал, но я, тем не менее, был уверен, что он понял мои слова.

— Послушайте, — сказал я очень медленно и очень четко, так, чтобы он разобрал каждое слово. — Мы не знаем, кто вы такой, не знаем также, почему вы напали на нашего человека. Но мы вам не враги. Мы в этих местах впервые, и единственное, что нам нужно, — это чья-нибудь помощь.

— Убийцы, — произнес, тяжело дыша, незнакомец. — Вы... проклятая шайка убийц... Вы все. Все. Все из Голдспи.

Баннерманн испуганно вздрогнул и хотел что-то сказать, но я резким движением остановил его.

— Мы не из Голдспи, — сказал я. — Мы впервые в этих краях, поверьте мне.

— Вы... убийцы, — упорствовал незнакомец. Пена в уголках его рта покраснела. Он, должно быть, в своем неистовстве прикусил язык. — Вы это знали! Да, знали. Вы... хотели, чтобы оно нас убивало. Вы этого хотели. Вы во всем виноваты.

— Чего мы хотели? — настойчиво спросил я.

В ответ раздался пронзительный вопль.

— Чудище! — рявкнул незнакомец, тяжело дыша. — Вы... вы это знали. Вы знали, что оно... придет. Придет в полночь. Вы это знали, но нас не предупредили. Вы виноваты в смерти Стива! Чудище...

Он начал заикаться, затем кричать что-то бессвязное и в конце концов снова стал издавать нечленораздельные звуки. Баннерманн тронул меня за плечо.

— В этом больше нет смысла, Крэйвен, — сказал он. — Этот тип несет всякую чушь, разве не ясно?

Посмотрев еще несколько секунд на нашего пленника, я огорченно вздохнул, встал и отступил на шаг от незнакомца.

— Вы уверены?

Баннерманн широко открыл глаза от изумления.

— А вы нет? — спросил он. — Что же это тогда за чудище, бесчинствующее здесь?

Он попытался засмеяться, но это ему не удалось.

— Не знаю, — пробормотал я нерешительно. Я чувствовал себя таким растерянным и беспомощным, как никогда в жизни. — Я знаю только, что...

— *Что* вы знаете? — недоверчиво спросил Баннерманн, когда я запнулся.

— Я же вам рассказывал, что я всегда точно знаю, говорит человек правду или же лжет, — ответил я.

Баннерманн молча кивнул.

— Хотя, возможно, мой дар на сумасшедших не распространяется, — пробормотал я. — Но я могу вам сказать с абсолютной уверенностью, что этот человек не лжет, Баннерманн.

— А я с этим и не спору, — невозмутимо ответил Баннерманн. — Он верит в то, о чем говорит. Он сказал вам как раз то, что он считает правдой. Этот человек сумасшедший.

— Это верно, капитан, но...

Я замолк на полуслове, увидев, что глаза Баннерманна расширились от ужаса, резко обернулся и посмотрел туда, куда смотрел он.

Наш пленник уже перестал орать, но продолжал крутиться в своих путах, перекатываясь и изо всех сил швыряя свое тело то в одном, то в другом направлении.

Из его кармана высунулось что-то завернутое в белый носовой платок, а со следующим резким движением незнакомца сверток выскочил и развязался.

В первый момент я просто не поверил своим глазам, увидев кровавое содержимое свертка.

Но лишь в первый момент. В конце концов, невозможно просто закрыть глаза на свершившийся факт.

Предмет, выскользнувший у незнакомца из кармана, был кистью руки.

Человеческой руки.

— Он жив! — прогремел голос.

Он раздался в маленькой комнате совсем неожиданно, так же неожиданно и так же мощно, как разряд грома во время летней грозы. Стаканы, стоявшие на полке в темно-коричневом шкафу, задрожали, и даже пламя в камине, казалось, испуганно отпрянуло.

Человек, сидящий у окна на коричневом, обитом кожей стуле с высокой спинкой, вздрогнул, как от удара хлыста. Он знал, что раздастся этот голос. Он знал это заранее. Но он все равно невольно вздрогнул от испуга.

— Он жив, — повторил голос. — Он жив, и он все знает. Ты не справился!

— Но он... ему никто не поверит, — пролепетал человек, заикаясь.

Его губы были сухими, потрескавшимися от волнения, а его руки так сильно вцепились в кожаные подлокотники стула, что пальцы у основания ногтей начали кровоточить. Его взгляд был прикован к окну. Ставни на окне были закрыты, а шторы задернуты, чтобы в комнату не проникал солнечный свет. Тем не менее, комната словно была наполнена переливающимся сиянием.

Зеленоватым сиянием.

Оно исходило не от пламени, потрескивавшего в камине, и не от стоявшей на столе керосиновой лампы, принесенной находящимся в комнате человеком. Это было какое-то неестественное зеленое сияние, сопровождавшее звучание голоса.

Он как-то раз уже пытался детально рассмотреть это сияние, лет десять-двенадцать тому назад. Это закончилось тем, что он ослеп на несколько недель и, после того, как зрение восстановилось, он уже больше никогда не пытался проникнуть в тайну этого сияния и этого голоса. Ему хватило и одного предупреждения.

— Никто ему не поверит, — повторил он. — Они сочтут его сумасшедшим и упрячут в сумасшедший дом, так же как и того, другого.

— Глупец! — прошептал голос. — Как ты думаешь, зачем я наделил тебя властью над людьми в этом городе? Зачем я дал тебе власть над чудовищем?

У человека подступил ком к горлу. В звучании голоса появился новый, агрессивный оттенок, какого никогда до этого не было. Оттенок, внушающий страх.

— Я... всегда верно тебе служил, — сказал он, запинаясь. — И я...

— И хорошо на этом нагрел руки, не так ли? — прервал его голос. — Уже четырнадцать лет, как ты получаешь выгоду от нашего союза. Теперь пришло время и тебе выполнить свое обязательство по договору. Это касается и смерти О'Бэниона.

— Я должен его... убить? — спросил человек, тяжело дыша.

Одну или две минуты голос молчал. Затем он снова зазвучал:

— Да. Но не только его. Он уже не один. С ним какие-то незнакомцы.

Человек испугался:

— Непризнакомцы?

— Семь человек, прибывшие из-за океана. Уничтожь и их.

— Всех? Я должен... — человек замолк, глубоко вдохнул и заговорил снова лишь после длительной паузы. — Ты не можешь требовать, чтобы я убил целых семь человек. Даже восемь, если считать вместе с О'Бэнионом. Я же не убийца.

Голос засмеялся, и зеленое сияние усилилось. Послышался тихий, но отчетливый шорох.

— Ты не убийца? А скольких невинных людей ты принес в жертву чудовищу за последние четырнадцать лет?

— Это не одно и то же. Мне приходилось так поступать, потому что это предусмотрено договором.

— Договором также предусмотрено, что ты должен мне повиноваться, глупец. Зачем, по-твоему, я наделил тебя такой властью? Чтобы ты мог использовать ее в своих целях и при этом ничего не делать, когда мне вдруг понадобится твоя помощь?

Человек молчал. Этот вопрос он задавал себе уже бесчисленное количество раз, но так и не нашел на него ответа. Так же как не нашел ответа и на вопрос, не просчитался ли он в конечном счете, ввязавшись во все это.

Быть может, как раз сейчас ему предъявляют счет.

— Ты должен их убить, — снова сказал голос.

В этот раз человек ничего не возразил, а лишь послушно склонил голову...

Мы добрались до поселка после полудня, и не успели мы сдать нашего пленника в полицию и ответить занимающемуся такими делами констеблю на все вопросы, которые на данный момент пришли ему в голову, как часы пробили уже три. Констебль не очень-то поверил всему тому, что я ему рассказал, и не надо быть сыном колдуна, чтобы об этом догадаться. Но в целом констебль Донхилл оказался обходительным человеком, хотя, к сожалению, довольно недалеким. И как это частенько бывает с людьми, которых Господь Бог не одарил большим интеллектом, его обходительность заканчивалась тогда, когда он переставал понимать, чего от него хотят. Надо сказать, что эта черта была одной из главных в характере констебля Донхилла.

Когда мы с Баннерманном покидали полицейский участок, я чувствовал себя изможденным. О'Бэниона — так звали нашего пленника — поместили в единственную имеющуюся в распоряжении констебля Донхилла камеру. Ему надели наручники и на руки, и на ноги и, кроме того, привязали к прикрепленной к стене камеры лавке, чтобы он опять не начал бесноваться и сам себя при этом не поранил. О нашем встреченном волею судьбы спутнике мы так ничего и не узнали, кроме его имени. Констебль Донхилл по всей видимости прекрасно знал, кто такой этот О'Бэнион и что занесло его на озеро, но он об этом молчал, как рыба. Мне что-то подсказывало, что не стоит задавать ему слишком много вопросов. Донхилл казался добродушным человеком, но я почувствовал, что его добродушие — всего лишь маска, под которой скрывалось глубокое недоверие ко всем малознакомым людям.

Выйдя с Баннерманном из полицейского участка и пройдя по широкой, но не мощеной главной улице два квартала в южном направлении, я остановился. Море отсюда не было видно, но его близость чувствовалась. Теплым летним днем в воздухе явно ощущался влажный солоноватый привкус моря, а если внимательно прислушаться, то можно было различить шуршание прибоя. Голдспи располагался на берегу узенькой речки, название которой мне не запомнилось, и при этом находился в низине, из-за чего не было видно моря.

— Ну, что там с вами? — спросил Баннерманн, когда я остановился.

Его матросы ушли вперед и уже, наверное, разместились в номерах единственной в поселке гостиницы. После всего того, что с нами приключилось, и самому Баннерманну было вполне естественно мечтать о горячем обеде и чистой постели.

— Идите дальше сами, капитан, — сказал я, указывая рукой вперед. — Я приду через несколько минут.

Баннерманн посмотрел на меня нахмурившись, и я поспешно добавил:

— Я хочу сходить в банк, пока он не закрылся. Будет нехорошо, если мы не сможем заплатить в гостинице за ужин, правда же?

В действительности это было лишь отговоркой. Я хотел остаться один. Мне нужно было время, буквально каких-нибудь несколько минут, чтобы собраться с мыслями и успокоиться. Еще у озера мне стало как-то не по себе, теперь же, после нашего разговора с Донхиллом, я чувствовал себя растерянным, как никогда раньше. Иногда дар, который я унаследовал от своего отца, казался мне настоящим проклятием.

— Может, мне пойти с вами? — предложил Баннерманн. — Я знаю обычаи местных

жителей лучше, чем вы.

Я улыбнулся:

— Думаю, что я и сам смогу получить деньги по аккредитиву, капитан. Идите в гостиницу. И выпейте хорошего хереса за мое здоровье...

Баннерманн посмотрел на меня так, что я понял: он разгадал истинные причины моего поведения. Тем не менее, он кивнул и пошел быстрым шагом по пыльной улице.

Я смотрел ему вслед до тех пор, пока он не исчез за входной дверью гостиницы. Затем я повернулся и пошел — намного медленнее, чем Баннерманн — в противоположном направлении. Банк находился в самом конце улицы, до него было менее двухсот шагов, но я не особенно торопился туда попасть.

В этом городе было что-то не так.

Я не мог сказать, что именно натолкнуло меня на эту мысль. Я просто *чувствовал*, что Голдспи — не обычный полусонный рыбацкий городишко, каким он поначалу казался. Мужчины и женщины, попадавшие мне навстречу, были вроде бы абсолютно нормальными, а причиной удивленных, в какой-то степени даже недоброжелательных взглядов, которые они на меня бросали, была скорее моя разорванная, испачканная одежда, а не я сам.

И все-таки... Этот город скрывал какую-то тайну. Каким-то образом — я еще не мог даже предположить, каким — эта тайна была связана с О'Бэнионом и его погибшим товарищем.

Я вошел в банк и, пройдя в операционный зал, с любопытством огляделся по сторонам. Я был единственным посетителем, и, судя по испуганному взгляду кассира, выглядывавшего из окошка кассы, в это время он никак не рассчитывал на приход посетителя. Пока я подходил к окошку, испуг на его лице сменился сначала изумлением, затем пренебрежением, затем сомнением и, наконец, его лицо стало выражать смесь вышеперечисленных чувств. Когда я остановился перед ним, он невольно отпрянул, и я еле сдержался, чтобы не рассмеяться. Казалось, он вообразил, будто я стану просить у него милостыню или же попытаюсь ограбить банк, и сейчас кассир лихорадочно размышлял, как ему лучше выкрутиться из этой ситуации, — неважно, на каком варианте я остановлюсь.

Впрочем, его чувства были вполне объяснимы, если принять во внимание мою внешность. По моему костюму, хотя он и полностью высох за последние сутки, все равно было видно, что в нем падали в воду, ударялись разок-другой о скалистые рифы и напоследок ползли несколько десятков шагов по песочному пляжу. К тому же мое лицо и волосы срочно нуждались в мытье.

Я посмотрел на кассира с внушительным видом, затем подчеркнуто медленным движением положил перед собой на прилавок черную папку — единственное, что смог спасти Андара из имевшихся у него на судне вещей — и открыл защелку папки. Кассир побледнел еще больше. Его взгляд был прикован к папке. Быть может, он терялся в догадках, какое же оружие я там скрываю.

— Чем... могу служить, сэр? — спросил он, запинаясь. Эти слова были произнесены хриплым шепотом. На шее у него пульсировала артерия.

— Мне нужны деньги, — ответил я, улыбаясь.

Бедный парень, казалось, стал еще бледнее и начал оглядываться по сторонам, явно пытаясь определить путь к спасению. Но он, очевидно, был не в состоянии сдвинуться с места хотя бы на сантиметр.

Я медленно открыл папку, достал пачку хранившихся в ней аккредитивов в водонепроницаемой обертке и нашел среди них три выписанных на мое имя. Два из них были на пять тысяч фунтов каждый, а третий — на пятьсот. Мой отец, должно быть, предвидел вероятность того, что мне придется обратиться в банк, который просто не сможет выплатить сумму в пять тысяч фунтов стерлингов.

Я положил перед кассиром аккредитив на пятьсот фунтов, заново тщательно упаковал остальные и закрыл папку. Кассир дрожащими пальцами схватил бланк, бросил на него беглый взгляд и затем уставился на меня. Выражение его лица было таким неопишным, что я буквально пришел в восторг.

— Это... э...

— Там что-то не так? — спросил я подчеркнуто любезно. — У меня есть документы, удостоверяющие мою личность, если заговоздка в этом.

— Ко... конечно нет, сэр, — ответил кассир. — Просто...

— Я знаю, что я не похож на тех, кто обычно носит с собой аккредитивы, — вздохнул я. — Но, пожалуй, их у меня уже давно не было бы, если бы я транжирил деньги на свою внешность.

Я достал портмоне, вытащил из него и протянул кассиру свой паспорт и подождал, пока он сверяет данные паспорта и аккредитива.

— В каком виде... вы хотели бы получить деньги, сэр? — спросил он, все еще запинаясь от неуверенности, но уже, очевидно, по другой причине.

— Мелкими купюрами, — ответил я. — Мне тут надо кое-что купить. Новый костюм, например. Вы можете порекомендовать мне хорошего портного, живущего где-нибудь поблизости?

Отрицательно покачав головой, кассир начал отсчитывать одно- и пятифунтовые купюры и складывать их в аккуратные стопки передо мной.

— Боюсь, портного в Голдспи не найти, сэр, — сказал кассир. — Впрочем, вы можете обратиться к Лейману.

— К Лейману?

— Его лавка на противоположной стороне улицы. Это лучший магазин в поселке, — заверил кассир. Немного поколебавшись, он добавил: — И единственный.

Позади меня послышались шаги, хотя я был уверен, что дверь никто не открывал.

— Я точно знаю, что вы подберете у него что-нибудь подходящее, сэр, — продолжал кассир, вдруг ставший чрезвычайно словоохотливым. — У него большой выбор костюмов и прочей одежды. Кстати, почти все он получает прямо из Лондона.

Шаги приближались. Это была тяжелая, неуклюжая поступь, мало похожая на походку обычного человека. Точнее говоря, совсем непохожая... Я еле сдерживал в себе желание оглянуться. Если позади меня кто-то находился (если там *действительно* кто-то находился, то вряд ли у него были дружелюбные намерения), то, обернувшись, я спровоцировал бы нападение с его стороны.

— Мне еще нужно отправить телеграмму, — сказал я с наигранным равнодушием, при этом украдкой бросив взгляд на стену позади кассира.

Солнечный свет проникал в помещение через окно за моей спиной, и две тени — моя и кассира — отчетливо вырисовывались на белой штукатурке.

Но только *наши* тени! Третьей не было.

— Это можно сделать на почте, сэр. Однако боюсь, что сегодня уже слишком поздно.

Почта закрывается здесь в полдень. Голдспи — маленький поселок, вы же понимаете.

Шаги слышались совсем рядом. Мне вдруг показалось, что я чувствую слабый приторный запах. Он был похож на легкое зловоние, издаваемое чем-то подгнившим, к нему примешивался запах соленой воды, водорослей и еще чего-то непонятного. На меня повеяло холодом. Немного быстрее, чем хотел, я сгреб свои деньги, положил большую часть из них в папку, а остальные рассовал по карманам.

Затем я ни с того ни с сего упал на пол — просто взял и упал, ни с того ни с сего, и глазом перед этим не моргнув, подавая знак, что чувствую какую-то опасность. Упав на плечо, я перекатился по полу и одним мощным прыжком снова вскочил на ноги. Затем я молниеносно сделал несколько шагов назад, ретировавшись в безопасный, как мне казалось, угол, и встал там, слегка наклонившись вперед и расставив ноги. Выставив левой рукой свою папку, словно щит, другой рукой я схватился за рукоятку моей трости. Скрытая в ней рапира будто сама выпрыгнула мне в руку. Острый как бритва, отполированный до блеска стальной клинок замер перед моим лицом сверкающим смертоносным барьером.

Но моей рапире не от чего было меня защищать.

Операционный зал, как и прежде, был пуст. В нем находилось лишь двое — я да кассир. Кассир смотрел на меня широко раскрытыми от изумления глазами и не знал, что и сказать. Он лишь переводил взгляд с меня на то место, где я только что стоял, и снова на меня.

— Сэр, — неуверенно сказал он, — если позволите спросить...

Я, не обращая на него никакого внимания, сделав глубокий вдох, напряженно прислушался. Шаги утихли как раз в тот момент, когда я бросился в сторону. Станный запах все еще ощущался, но гораздо слабее, чем раньше. Мы снова были в помещении вдвоем с кассиром. Что бы там ко мне ни подкрадывалось — оно исчезло.

— Мне показалось, что я... слышу шаги, — сказал я уклончиво. — Позади меня.

— Шаги? Здесь?

Выражение лица кассира снова изменилось. Теперь он, по-видимому, считал меня сумасшедшим. Но жизненный опыт подсказывал мне, что самая лучшая ложь — это та, которая максимально близка к правде.

— Видите ли, человеку всегда нужно быть осторожным, — сказал я, улыбаясь. — У меня все-таки с собой куча денег.

Я медленно опустил рапиру, засунул ее внутрь трости и тщательно закрутил рукоятку. Мой отец носил эту тросточку на поясе, и я тоже стал носить ее с собой — скорее в память о нем, чем из каких-либо практических соображений. Конструкция этого оружия была неудачной. В случае необходимости рапира вытаскивалась буквально молниеносно, но вернуть ее на место было уже не так-то просто. На это я потратил минуты три, причем порезал большой палец, сломал ноготь и, вполне вероятно, упал в глазах кассира до уровня полного придурка.

Наконец я спрятал свое оружие под накидку. Кассир смотрел на меня с каменным лицом, но было нетрудно догадаться, что он думал. Я как можно быстрее собрал деньги, выпавшие у меня из кармана при прыжке, поставил свою подпись на квитанции и поспешно вышел из банка.

Лишь оказавшись на улице, я ощутил, что в банке действительно спертый и затхлый воздух. Я сделал несколько глубоких вдохов, отошел на несколько шагов от низкого деревянного строения банка и обернулся. Буквально на миг мне показалось, что я заметил какое-то движение за окном. Но это видение тут же улетучилось, и все, что я теперь видел в

высоком, частично покрашенном оконном стекле, — это мое собственное искаженное отражение.

Я покачал головой, потер тыльной стороной ладони глаза и отвернулся. Правда, я сделал это почему-то быстрее, чем намеревался.

Я шел по улице, с любопытством глядя по сторонам, и через дорогу увидел лавку, о которой мне говорил служащий банка. Она оказалась удивительно большой. В ее окнах были выставлены всевозможные товары, а над дверью красовалась симпатичная вывеска с надписью: «Лейман — колониальные товары всех видов».

Я колебался. Внутренний голос советовал мне немедленно отправиться в гостиницу, к Баннерманну. Но, с другой стороны, мне нужна была новая одежда. Я вряд ли мог рассчитывать на нормальное к себе отношение любого встреченного мной человека, если бы продолжал носить одежду бродяги, и при этом вести себя, как сумасшедший.

Крепко держа папку в левой руке, я зашел в лавку, осторожно закрыл за собой дверь и огляделся. Несмотря на высокие окна-витрины, занимавшие две из четырех стен, помещение освещалось слабо. Окна были почти полностью заставлены товарами, к тому же стекла покрывал слой грязи. Так же как и в банке, в лавке посетителей не было. Возможно, в это время дня люди не очень-то стремились делать покупки. Тем не менее, учитывая размеры лавки и тот факт, что она была единственным магазином в поселке, все же было странно, что в ней вообще никого не оказалось.

Я ждал. Через некоторое время на втором этаже, прямо надо мной, послышались шаги, затем кто-то стал шумно спускаться по лестнице. Несколько секунд спустя узкая дверь в задней части лавки распахнулась, и появился Лейман. Во всяком случае, я подумал, что, по-видимому, это он и есть.

Приблизившись, он остановился за два шага до меня и, не особо смущаясь, несколько секунд разглядывал мою персону. Затем на его толстом лице появилась сдержанная улыбка.

— Чем могу быть вам полезен, сэр? — спросил он.

— Мне... нужен новый костюм, — ответил я. — Да и новая накидка тоже.

Лейман снова посмотрел на меня, при этом он, казалось, одновременно оценивает и параметры моего тела, и размеры моей платежеспособности. Ни то, ни другое, похоже, ему не понравилось.

— Хотя я рискую обидеть вас, сэр, — начал он осторожно, — но все ж таки скажу, что вам необходимо полностью обновить свой гардероб. Однако сделать это будет совсем недешево.

Я кивнул, засунул подчеркнуто небрежным жестом руку в карман, достал оттуда пригоршню помятых пятифунтовых банкнот и положил их перед ним на прилавок.

— Этого хватит?

Выражение лица Леймана мгновенно изменилось.

— Ну конечно, сэр, — поспешно сказал он. — Какую именно одежду...

— Что-нибудь практичное, — перебил я его. — Я завтра уезжаю, и рассчитываю приобрести что-нибудь приличное уже в Лондоне.

— Я понял. Вам нужна какая-нибудь прочная одежда для путешествия, — Лейман кивнул уже не так доброжелательно. Он был несколько уязвлен моими словами. — Думаю, у меня есть кое-что для вас.

Он подошел к одной из своих полок и, что-то бурча себе под нос, начал перебирать лежащие там вещи. Наконец он вернулся с целым ворохом рубашек, брюк и нижнего белья.

— Куртки и плащи у меня наверху, сэр, — пояснил он, без лишних церемоний впихнув мне ворох одежды. — Дело в том, что спрос на них небольшой. Вы можете не торопясь примерить все эти вещи, пока я схожу на склад. Примерочная — вон там, сзади... — он хотел было повернуться, но вдруг задержался и движением головы указал на мой большой палец левой руки. — Простите, сэр... Вы поранили себе палец.

Я посмотрел туда, куда смотрел он, кивнул и поспешно отдернул руку, чтобы не запачкать чистую одежду кровью. Порез, который я сделал сам себе еще в банке, до сих пор кровоточил, хотя уже не очень сильно.

— Я к тому, чтобы вы эти вещи... — Лейман умолк и смущенно улыбнулся. — Ну, вы понимаете.

— Ну конечно, — ответил я и засунул палец в рот.

Лишь теперь, когда я обратил внимание на порез, я почувствовал боль. Довольно мучительную боль. Рана, вероятно, была глубокой.

— Не сердитесь, пожалуйста, сэр, — нервно сказал Лейман. — Дело в том, что кровавые пятна очень трудно вывести.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и ушел.

В тот самый момент, когда дверь за ним закрылась, я почувствовал запах гниения.

Это был очень слабый запах, еле различимый, но мои натянутые нервы реагировали на него, как на жуткое зловоние.

Обернувшись, я выронил часть одежды и автоматически потянулся за моим оружием.

Но я так и не закончил это движение.

Лавка была пуста. Хотя в ней и размещалось большое количество полок и выставочных стендов, здесь не нашлось бы достаточных размеров укромного местечка, где мог бы спрятаться человек. Я был один.

И тем не менее я чувствовал, что на меня кто-то смотрит. Это было не то мимолетное ощущение чьего-то присутствия, какое иногда испытываешь, если в комнате действительно кто-то находится, но ты этого изначально не знаешь. Я абсолютно достоверно *знал*, что я не один. Кроме меня в комнате был кто-то еще — кто-то или же *что-то*, и это что-то подкрадывалось ко мне все ближе и ближе.

Я прислушался, но единственное, что я услышал, — это удары собственного сердца и шаги Леймана, раздававшиеся в комнате надо мной. Однако запах усилился.

Рыбный запах. Теперь я его узнал. Это был запах гниющей рыбы, бьющий мне в нос и заставляющий меня практически не дышать.

Я пару раз сглотнул и, стараясь не обращать внимания на внезапно появившийся у меня на языке неприятный привкус, огляделся с деланным безразличием. Я уже один раз выставил себя полным дураком, когда мне показалось, что я что-то слышу. Хватит с меня и одного раза. Быть может, я просто переутомился. В конце концов, Голдспи — рыбацкий поселок, а чем же должно пахнуть в рыбацком поселке, как не рыбой?

Я заставил себя успокоиться, поднял оброненную одежду и намеренно спокойным шагом направился к примерочной.

Она оказалась очень маленькой. Переодеваясь, поневоле пришлось бы ударяться о ее стены. Вход в примерочную закрывала лишь тонкая, уже совсем дряхлая штора, а на противоположной входу стене висело высокое, до потолка, зеркало, от старости потемневшее во многих местах и покрытое пятнами. Я осторожно положил на пол одежду, которую мне дал Лейман, и прислонил папку и трость со скрытой в ней рапирой к стене,

так, чтобы трость можно было быстро схватить.

Когда я посмотрел на себя в зеркало, поведение кассира и Леймана стало мне гораздо понятнее. Дело было не только в том, что моя одежда сильно испачкалась и порвалась во многих местах. Ужаснее всего было мое лицо. Мои щеки, которые и раньше не отличались пухлостью, ввалились, в результате чего вместо них на лице образовались два серых пятна, а под красными воспаленными глазами, в данный момент тарачившимися на свое зеркальное отражение, лежали темные, словно нарисованные кисточкой круги.

К тому же над моим правым глазом виднелась широкая, по форме напоминающая молнию, прядь волос, цвет которой был значительно светлее, чем остальная шевелюра.

На этом изменения не закончились. Лицо в зеркале, казалось, принадлежало человеку значительно старше меня, словно я за минуту проживал год. Оно потемнело, стало аскетичным, прядь белых волос над правой бровью стала шире и одновременно посветлела.

На меня из зеркала смотрело уже не мое лицо — это было *лицо моего отца!*

Его взгляд подействовал на меня, как удар.

— Отец! — пролепетал я. — Ты...

Человек в зеркале быстро поднял руку и поспешным жестом показал мне, чтобы я замолчал.

— Не надо! — сказал он.

Когда он говорил, его губы не шевелились, а, как это уже несколько раз бывало, голос отца, казалось, раздавался прямо у меня в голове.

— Послушай меня внимательно, Роберт! Мне остается не так уж много времени. Ты в опасности! Уезжай из этого поселка как можно быстрее! Тебя хотят убить!

— Отец! — произнес я растерянно.

Я еле слышал то, что он мне говорил. Мой взгляд был прикован к его лицу, и на какой-то момент я даже перестал дышать.

— Но ты... я думал, что ты мертв! — сказал я, запинаясь. — Где ты?

— Смерть — это совсем не то, чем ее считают люди, — таинственно ответил отец. — Быть может, когда-нибудь у меня появится возможность все тебе объяснить. Но сейчас ты должен идти. Ты в опасности, и я не могу тебе помочь. Мои силы уже иссякают.

Его голос и на самом деле становился все тише, а сквозь истончавшиеся черты его лица в зеркале уже проглядывали мои собственные.

Вскрикнув, я бросился к зеркалу, прижался ладонями к холодному стеклу и несколько раз окликнул отца.

Но все было напрасно. Его облик стал совсем бледным, а голос звучал все тише и тише.

— Беги, Роберт, — слабо крикнул он. — Уезжай из этого поселка еще до захода солнца, иначе ты умрешь!

Тут он исчез, и на меня снова смотрело из зеркала мое собственное отражение.

Но это длилось лишь секунду. Штора за моей спиной зашевелилась. За ее тонкой тканью, раздувшейся, словно от порыва ветра, вырисовались контуры мощного чудовищного тела, которое было намного больше, чем человеческое. Массивнее. Со множеством рук.

С пронзительным криком, который тут же застыл у меня на губах, я обернулся как раз в тот момент, когда штора оказалась полностью сорванной и отброшенной в сторону могучей силой.

Но у входа в примерочную никого не было!

Несколько секунд я растерянно смотрел на пустой проход. Я только что сквозь штору

отчетливо видел контуры этого существа, к тому же запах гниения снова буквально забил мне ноздри. Тем не менее, я был здесь один.

И вдруг события начали развиваться весьма стремительно. Раздался глубокий, удивительно глубокий, мощный звук. У меня было ощущение, будто на меня накинута невидимый бык и с ужасной силой отшвырнул меня в сторону. Я так ударился о стену примерочной, что небольшое помещение заходило ходуном, при этом я слышал звонкий металлический звук. Настенное зеркало содрогнулось, словно под ударом кулака, но не разбилось.

В один миг я понял все с поразительной ясностью. Там, где я коснулся кровоточащим пальцем зеркала, осталось пятнышко крови. И как раз это пятнышко и стало целью невидимого существа!

Я увидел, как пятно крови сморщилось и тут же начало кипеть. Все это длилось лишь мгновение, а затем там, где была кровь, вдруг появилось черное обугленное пятно, в центре которого поверхность зеркала оплавилась.

— *Роберт! Беги!*

На этот раз я даже и не пытался разобраться, откуда раздался голос. С криком ужаса я вскочил на ноги, схватил свою трость и вылетел из примерочной. Сделанная из тонкой фанеры, она вдребезги разлетелась позади меня, словно от невидимого взрыва. Запах гниения стал нестерпимым, и хотя вокруг все еще не было ни одной живой души, мне показалось, что из развалившейся примерочной метнулось что-то темное.

Но меня оно не настигло. Большой палец на руке все еще кровоточил, и я оставлял за собой на полу след из капелек крови. То, что творилось с ними, было не так четко видно, как на зеркале, но, несомненно, происходило то же самое: кровь сморщивалась, набухала, затем начинала вскипать и в конце концов исчезала совсем. Вместо нее на досках пола оставалось обугленное пятно размером с монету.

Невидимое существо быстро приближалось. Хотя оно не бросилось напрямик ко мне, а, словно легавая, шло зигзагами по оставляемому мной кровавому следу, передвигалось оно гораздо быстрее, чем человек.

Сбросив оцепенение, я обернулся, перепрыгнул через низкий прилавок и изо всех сил помчался к выходу. Позади меня вспыхивали бесчисленные огоньки пламени, — там, где под огненным дыханием невидимого существа дерево начинало тлеть, а затем загоралось.

— *Стоять, Крэйвен!*

Голос прозвучал так резко, так повелительно, что я замер с поднятой ногой.

Я вообще-то не заметил, когда Лейман вернулся. Он стоял перед выходом, широко расставив ноги, и держал в руках двустволку, целясь мне прямо в сердце.

— Вы что, черт возьми, не видите, что здесь происходит? — выпалил я, тяжело дыша.

Не решаясь оглянуться, я все же чувствовал, что невидимое существо приближается — приближается очень быстро.

— Ну конечно вижу, — сказал Лейман. На его губах появилась легкая злорадная улыбка. — Я вижу, мистер Крэйвен.

— Тогда уберите свое ружье, остопоп! — резко сказал я. Сделав еще один шаг в его сторону, я снова остановился, увидев, что он поднял ствол охотничьего ружья чуть выше и положил указательный палец на спусковой крючок. — Этот монстр убьет нас обоих!

Губы Леймана еще больше расплылись в улыбке.

— Вряд ли, мистер Крэйвен. Оно убьет лишь вас. Оно это сделает, даже если я вас

отпущу. Дело в том, что оно взяло ваш след.

— Мой... след?

— Я имею в виду вашу кровь. Если *краал* хоть раз попробует чью-нибудь кровь, он не успокоится, пока не заполучит этого человека. А я не могу допустить, чтобы вы подняли излишний шум, Крэйвен. Но не бойтесь: все произойдет очень быстро. Мы безжалостные, но отнюдь не жестокие.

Существо было уже прямо за мной. Я ощутил мимолетное горячее дуновение, чиркнувшее меня по ноге, как будто возле моей ступни древесина вспыхнула огнем. Затем я почувствовал зловонное дыхание монстра, и что-то невероятно сильное коснулось меня.

В тот же самый момент я бросился на пол и откатился в сторону. Лейман гневно вскрикнул и нажал на спусковой крючок. Заряд дроби ударил в пол совсем рядом со мной, а отдельные дробины даже больно ужалили меня в бок. Я мгновенно перевернулся, сгруппировался и бросился на Леймана с расставленными руками.

Его реакция запоздала буквально на полсекунды. Когда мое тело врезалось в него, ружье выпало из его рук, и второй заряд дроби ушел в потолок, не причинив никому вреда. Позади нас в комнате пылали уже десятки маленьких желтых огоньков.

Не давая Лейману перехватить инициативу, я ударил его по ребрам рукояткой трости, вышибив воздух из легких. Он судорожно глотнул, попытался защититься, но, получив от меня кулаком в челюсть, повалился навзничь.

Не дожидаясь, пока он придет в себя, я молниеносным движением перескочил через него, подбежал к двери и, не долго думая, с размаху ударил в нее плечом. С вихрем осколков стекла и щепок я выскочил на улицу и, потеряв равновесие, упал. Тут же вскочив на ноги, я побежал дальше, но при этом успел бросить взгляд назад, на лавку.

Лейман, уже оправившись от моего удара, почти поднялся на ноги, но даже не пытался выйти из лавки. Его глаза были неестественно выпучены, и еще до того, как я обернулся и бросился прочь, он закричал.

Быть может потому, что магазин вокруг него все больше охватывало пламя.

А может потому, что он почувствовал у себя на щеке кровь.

Мою кровь.

Озеро было абсолютно гладким и блестело на солнце как огромное зеркало. Хотя ветер усилился, на поверхности воды не было ни малейшего волнения. Тишина, которая и без того ощущалась здесь всегда сильнее, чем в близлежащих окрестностях, казалось, стала еще более глубокой, а солнечный свет над озером, прямо над поверхностью воды, был слабее, чем над сушей, как будто этот водоем — озеро Лох Шин — покрывал невидимый купол, снижавший силу и шума, и света.

Шаги человека, приближающегося к озеру с востока, тоже звучали приглушенно. Он шел шатаясь. Время от времени он останавливался, чтобы передохнуть, и было видно, что он вот-вот рухнет на землю. Он прибежал сюда напрямик через поля, по кратчайшему пути, не обращая никакого внимания на свой внешний вид. Его черная полицейская форма была испачкана и разорвана, а на ладонях и лице виднелись десятки маленьких кровоточащих царапин, появившихся, когда он продирался сквозь колючие кусты и другую растительность. Он быстро и тяжело дышал. Его глаза горели.

Наконец он достиг озера, спустился, чуть не падая, по береговому склону и рухнул у самой кромки берега, коснувшись коленями воды. Его взгляд скользил по гладкой

поверхности озера, словно пытался что-то найти.

Прошло некоторое время. Несколько минут или несколько часов — этого Донхилл уже не мог определить. Он утратил чувство времени еще до того, как пришел сюда. Из всех чувств, которые он мог испытывать, осталось только одно — это был страх.

Наконец в глубине, под неподвижной поверхностью озера, зашевелилась какая-то тень. Сначала она была похожа на плавучий призрак, затем трансформировалась в нечто с мощными, выпирающими контурами, и — наконец — превратилась в туловище гигантского, похожего на кита существа. Оно было огромным, чудовищно огромным и внушающим страх, хотя все еще находилось глубоко под поверхностью воды. Донхиллу показалось, что он разглядел мощную голову, тонкую, невероятно длинную змееподобную шею, короткие, похожие на плавники ножки.

Но он не был уверен в том, что действительно что-то видит. Это существо находилось на пределе видимости, и рассмотреть его детально было практически невозможно.

— Появись! — прошептал Донхилл.

Его голос дрожал, но он знал, что у него нет другого выхода. Лейман вполне вразумительно объяснил ему, что с ними произойдет, если они не справятся.

— Появись, — сказал он еще раз. — Я хочу тебя увидеть! Я тебе приказываю!

Тень в озере еще больше зашевелилась, начала беспокойно крутиться, поворачиваясь то туда, то сюда, но все-таки оставаясь на глубине.

Вместо этого произошло совсем иное.

Над озером, как раз над его центром, появилось легкое зеленое сияние. Донхилл растерянно заморгал, попытался было встать, но тут же замер, увидев, что сияние усилилось, превратилось в пылающий, сверкающий шар, излучающий все более сильный свет. В центре шара появилось что-то темное, похожее на лицо. Однако излучаемый шаром свет стал таким сильным, что Донхиллу пришлось потупить взор еще до того, как он смог рассмотреть лик в центре шара. Глаза Донхилла слезились. Его охватил страх, почти что паника. Внутренний голос подсказывал ему, что нужно бежать отсюда со всех ног, но при этом он чувствовал себя словно парализованным, не способным пошевелить и пальцем.

— Чего ты хочешь?

При звуке этого голоса Донхилл вздрогнул, как от удара кнута. Он слышал его раньше, но лишь однажды, более четырнадцати лет тому назад, и он уже забыл, каким мощным и злобным был этот голос. Уже от самого его звучания Донхиллу стало не по себе.

— Мне... нужна помощь, — пробормотал он. — Незнакомцы...

— Вы не справились, — перебил его голос. В нем слышался не гнев — скорее, ледяное спокойствие. — У вас была возможность убить знакомцев, но вы не справились.

— Это неправда! — захныкал Донхилл. — Этот Крэйвен убил Леймана и...

— Лейман был таким же глупцом, как и ты. Он убил себя сам, — перебил его голос. — Он знал, насколько опасен *краал*, а насчет Крэйвена я его предупреждал.

— Но ведь у того вампира всегда все получалось! — запротестовал Донхилл.

Теперь ему показалось, что он слышит что-то, похожее на тихий смех.

— Ты, Донхилл, такой же глупец, как и Лейман, — сказал голос. — Вы все трое — глупцы. Вы считаете себя волшебниками, и все лишь потому, что я позволил вам немножко попользоваться властью, которой я же вас и наделил! Но вы ошибаетесь. Вы — ничтожество, Донхилл, пустое место! Крэйвен — не такой безмозглый простофиля, как те, кто был до него. Тех вы смогли убить, но Крэйвен — колдун, и его колдовская сила равняется вашей, а

может, и превосходит ее.

— Он... колдун? — вырвалось у изумленного Донхилла. — Этот... юноша?

— Он сам этого еще не знает, но уже начинает чувствовать силу, данную ему. *Колдовская сила* не имеет никакого отношения к возрасту, Донхилл. Уже весьма скоро он обнаружит все заложенные в нем способности и разовьет их. Он может представлять угрозу для всех нас. Этого нельзя допустить. Ты должен его убить.

— Но как? — пролепетал Донхилл. — Если даже *краал* не справился...

— Он справится. Он взял след и непременно его убьет. Твоей единственной задачей будет задержать Крэйвена. Надеюсь, хоть это ты сможешь сделать.

Донхилл почувствовал скрытую в этих словах угрозу, но не подал виду. Пример Леймана наглядно продемонстрировал, как мало ценят человеческую жизнь те силы, с которыми они связались.

— А... чудовище? — спросил он, запинаясь.

Голос снова засмеялся, но на этот раз в смехе чувствовался явный цинизм.

— Ты позвал его, Донхилл, и оно явится. Если Крэйвен и его спутники к полуночи будут все еще живы, то тогда оно явится. Однако не знаю, хватит ли ему этих семерых, если оно почувствует вкус крови. Тебе понятно?

У Донхилла к горлу подступил ком. Он понял.

Как тут не понять?!

Как я тогда добрался до гостиницы, потом я уже не мог вспомнить. Лавку колониальных товаров Леймана за моей спиной охватило пламя, распространявшееся раз в десять быстрее, чем это обычно бывает. Огонь, извергнутый кровожадным монстром, должно быть, легко пожирал битком набитые товарами полки и стенды, и когда я добрался до гостиницы (она была расположена на другом конце этой же улицы), из лопнувших от жара окон лавки уже поднимались тяжелые черные клубы дыма, сквозь которые пробивались острые языки пламени. Если Лейман все еще находился в этом пекле, то ему уже наверняка пришел конец.

Это же ждет и меня, если я задержусь здесь хоть ненадолго...

Я с усилием оторвался от этого одновременно и пугающего, и зачаровывающего зрелища, вбежал в гостиницу и бросился вверх по широкой лестнице, расположенной в глубине вестибюля. Портье попытался меня удержать, но не тут-то было. Однако на середине лестницы мне пришло в голову, что я не знаю, в каких именно номерах остановились Баннерманн и его люди. Я быстро развернулся и, прыгая через три-четыре ступеньки, побежал вниз по лестнице, обратно к портье, изумленно хлопающему глазами.

— Баннерманн! — выпалил я. — Капитан Баннерманн и его люди — где они?

Портье в упор смотрел на меня, но не произносил ни слова. Я гневно поднял руку, чтобы схватить его за шиворот и встряхнуть из него ответ, но, передумав, вместо этого открыл журнал регистрации постояльцев и начал водить пальцем по странице.

— Но сэр! — запротестовал портье. — Так... так не положено!

Дрожащими пальцами он попытался выхватить у меня журнал, но я просто-напросто отбил его руку в сторону, продолжая искать нужные мне записи.

— Вот видите, все положено.

Я уже нашел то, что искал. Баннерманн и пять его матросов занимали три номера на втором этаже, расположенные один возле другого. Четвертый номер был забронирован на мое имя.

Я захлопнул журнал, положил на него сверху пятифунтовую банкноту и подвинул журнал к портье.

— Снимите бронирование с номера, — поспешно сказал я. — Мы уезжаем.

— Но сэр! Так ведь не положено! — взвизгнул портье.

Похоже, это было его любимой фразой. Я сдержался и не бросил ему в лицо уже вертевшиеся у меня на языке грубые слова, повернулся и снова побежал вверх по лестнице.

Ну хоть на этот раз мне повезло! Баннерманн оказался в первом же номере, в который я заглянул. Он лежал на одной из двух имеющихся в комнате кроватей, развалившись на спине, полностью одетый. Почувствовав, что кто-то вошел, он сразу же открыл глаза, но его взгляд был каким-то отсутствующим, и мне поначалу даже показалось, он не узнает меня.

— Баннерманн! — выпалил я. — Очнитесь! Быстренько!

Он заморгал, потер себе глаза ладонями и хотел было зевнуть, но, хотя и с трудом, сдержался.

— Что случилось? — пробормотал он чуть слышно.

— Это я объясню вам позже. А сейчас нам нужно уходить, и как можно быстрее.

— Уходить? — Баннерманн все еще окончательно не проснулся, но он, по крайней мере, понимал, *что* я говорю. — Уходить из гостиницы?

— Из города, — сказал я. — Этот захолустный городишко — самая настоящая западня, капитан. Они нас убьют, если мы не уберемся отсюда.

Я уже хотел силой стащить его с кровати, но вместо этого он сам схватил меня за руку и притянул к себе.

— Ну а теперь давайте по порядку, юноша, — сказал он. — Несколько минут все равно ничего не решат. Итак, что все-таки произошло? И кто говорит, что этот городишко — западня?

— На меня напали, — нетерпеливо ответил я.

При этом я хотел было высвободить свою руку, но Баннерманн удерживал ее так крепко, что мои усилия оказались тщетными. Я сдался. Быть может, Баннерманн был прав: будет лучше, если он узнает, в чем, собственно, дело, прежде, чем мы покинем гостиницу.

— Слышите колокол? — спросил я.

Баннерманн наклонил голову к плечу, прислушался, затем кивнул.

— Ну и что?

— Это не церковный колокол, Баннерманн. В конце улицы горит дом. И еще несколько минут назад я был там, внутри.

С сомнением посмотрев на меня, Баннерманн отпустил мою руку и быстрыми шагами подошел к окну. Почти целую минуту он разглядывал улицу, затем обернулся и снова посмотрел на меня с серьезным и проницательным видом.

— Я вижу горящий дом, — сказал он. — И больше ничего.

— Это была западня, — заявил я.

— Для вас?

— Для меня, для вас, для ваших людей — для любого, кто первый туда зайдет.

Я вскочил, схватил его за плечи и взволнованно толкнул к окну. Лавка горела, как огромный костер.

— Черт вас побери, Баннерманн, неужели вы не понимаете? Те силы, которые погубили ваше судно, на этом не успокоились. И они не успокоятся, пока мы все — до последнего человека — не будем убиты.

Взгляд Баннерманна стал суровым. Гневным движением он отстранил мои руки и чуть отступил назад.

— Если это так, то нет никакого смысла отсюда бежать, не правда ли?

Я растерянно молчал, подыскивая нужные слова. Когда я наконец был готов ему ответить, он, перебив меня, сам начал говорить.

— Черт возьми, Крэйвен, с меня, пожалуй, хватит! Вам мало того, что я потерял свое судно и большинство своих людей? Вам мало того, что, по всей видимости, мое свидетельство о присвоении квалификации капитана будет аннулировано и я больше уже никогда не смогу командовать судном? Вам что, мало того, что целых пятьдесят человек утонули на тех чертовых рифах? — он вдруг начал кричать. — *Черт возьми, Крэйвен, я сыт по горло вами и вашим так называемым колдовством! Меня абсолютно не интересует, навлек на себя ваш дедушка или кто-нибудь еще, какое-то проклятие или нет! Это ваша проблема, Крэйвен, а не моя, вот вы ею и занимайтесь, а меня оставьте в покое! С меня, в конце концов, хватит!*

Я смотрел на него в упор. От спокойного, неизменно сдержанного и рассудительного человека, каким я его раньше знал, ничего не осталось. Баннерманн дрожал. Его лицо стало белым, как стена, перед которой он стоял, а в глазах мерцали грозные, вот-вот готовые вспыхнуть ярким пламенем огоньки. Его руки были приподняты и слегка разведены в стороны, как будто он намеревался меня схватить. Однако его гнев исчез так же быстро, как и возник.

Он в нерешительности посмотрел на меня, несколько раз сглотнул, протер ладонями лицо и отвернулся.

— Извините, — сказал он. — Я... потерял самообладание.

— Ничего страшного, — ответил я. — Я вас понимаю, Баннерманн.

Он вдруг резко поднял голову, и я уже испугался, что сейчас последует новая вспышка гнева. Однако он заговорил совершенно спокойным голосом:

— Так вы говорите, что нам нужно уходить отсюда?

Я кивнул. Из-за неожиданного поведения Баннерманна я уже почти забыл, зачем, собственно, сюда пришел.

— Причем немедленно, — сказал я. — Сзовите своих людей, Баннерманн. Этот поселок — западня. Я пока что не могу вам все объяснить, но мне только что еле-еле удалось избежать смерти. И на этом они не остановятся.

Баннерманн огляделся по сторонам, как будто проснувшись от глубокого, полного кошмаров сна.

— Хорошо, — пробормотал он. — Зайдите в соседний номер и разбудите Форда и Биллингса. А я... созову остальных.

Я вышел в коридор и зашел без стука в один из соседних номеров. Оба матроса, полностью одетые, лежали на кроватях и спали. Мне пришлось трясти их изо всех сил и кричать, заставляя их проснуться. И даже проснувшись, они, казалось, толком не понимали, что я им говорил.

Выйдя втроем в коридор, мы услышали, что звон пожарного колокола стал громче. С улицы доносились взволнованные голоса множества людей. Казалось, для того, чтобы потушить горящую лавку, весь городишко был поднят на ноги. Баннерманн и трое остальных матросов уже были в коридоре. Без лишних слов я повернулся, бросился мимо Баннерманна к лестнице и тут же вернулся назад.

Мы были уже не одни!

И без запаха гниения и звука шагов я почувствовал, что кроме нас на лестничной клетке был еще кто-то — или что-то...

— Крэйвен! Что случилось?

Баннерманн потряс меня за плечо. Я посмотрел на него, хотел было что-то сказать, но вместо этого лишь беспомощно застонал. Глаза Баннерманна сузились. Он смотрел мимо меня на лестницу.

— Что это? — пробормотал он.

— Вы... Вы это тоже чувствуете? — спросил я.

Баннерманн судорожно кивнул. Его руки нервно теребили куртку.

— Что это? — снова спросил он. — Этот запах и... шаги.

Невидимое существо приближалось. Его запах надвигался на нас, как туча. Внимательно прислушавшись, можно было уловить скрип ступенек под его тяжестью. Матросы Баннерманна тоже, казалось, почувствовали приближение этого жуткого существа. Никто из них не проронил ни слова, но я видел, что их лица становились все более напряженными.

— Назад! — скомандовал Баннерманн. — Нам нужно найти другой путь. Уходим отсюда!

Матросы молча повиновались. Я тоже без каких-либо возражений последовал его указаниям. Я даже был рад, что рядом оказался кто-то, кто за меня решал, что я должен делать в этой ситуации.

Шаг за шагом мы отступали, пока не дошли до конца коридора. Невидимое существо следовало за нами, но медленно и на значительном расстоянии от нас, как будто его пугало присутствие такого количества людей. Вдруг мне стало казаться, что к шуму шагов добавился шум тяжелого, прерывистого дыхания, словно дышала охотничья собака, идущая по следу, правда, какая-то уж очень большая собака.

— Это... это западня, — пролепетал один из матросов. — Живыми нам отсюда не выбраться.

— Биллингс! — резко сказал Баннерманн. — Возьмите себя в руки.

Биллингс сглотнул. Его взгляд блуждал по коридору, а руки суетливо, испуганно двигались, но он сам, казалось, этого даже не замечал.

— Мы умрем! — прошептал он. — Мы... мы все умрем, капитан. Как и те, кто остался на «Владычице тумана»! Это... это чудовище доберется и до нас, до нас всех.

Баннерманн повернулся, без лишних разговоров схватил его за ворот и с размаху ударил ладонью по щеке.

— А теперь хватит, Биллингс, — сказал Баннерманн резко. — Вы возьмете себя в руки, вы, чертов остолоп, или я мозги вам вышибу!

Сказав это, Баннерманн поднял руку, как будто хотел выполнить свою угрозу. Биллингс издал тонкий жалобный звук, поднял, защищаясь, руки над головой и прижался к стене. Баннерманн фыркнул и опустил кулак.

— Ну ладно, — сказал он громко. — Каждый может дать слабину, но сейчас все постарайтесь взять себя в руки. Нам нужно как-то отсюда выбраться. В крайнем случае, спустимся через окно. В общем...

То, что произошло в следующий момент, случилось так быстро, что никто из нас и пальцем не успел пошевелить. Биллингс молниеносно отскочил от стены, проскочил мимо

Баннерманна и бросился к лестнице, вопя во всю глотку и беснуясь, как сумасшедший.

Но он не успел сделать и пяти шагов. Что-то невидимое и удивительно сильное, казалось, перехватило его на полпути и с силой отшвырнуло. Он вскрикнул, в отчаянии поднял руки и снова заорал, получив второй, еще более сильный удар. Матрос зашатался, повалился на стену и, крича от боли, опустился на колени. Над его левой бровью появилась кровавая ссадина в палец длиной.

Далее события начали развиваться еще быстрее. Буквально на долю секунды в коридоре появилась тень: какое-то искаженное изображение чего-то мощного, отдаленно похожего на человека, более двух метров ростом, с дюжиной мускулистых змееобразных конечностей, покрытое блестящей зеленой чешуей. Это был жуткий монстр, одного взгляда на которого было достаточно, чтобы у человека кровь застыла в жилах от ужаса. Но это видение исчезло так же быстро, как и появилось.

Биллингс начал орать во всю глотку. Его тело развернулось, согнулось, словно в смертельной судороге, и вдруг начало иссыхать с поразительной быстротой.

А кровь на его лбу начала кипеть...

Я не стал ждать, что произойдет дальше. Биллингса уже невозможно было спасти, но его смерть могла поспособствовать спасению жизни остальных. С хриплым воплем я бросился прочь, не обращая внимания на испуганные окрики Баннерманна, и пронесся с опущенной головой мимо Биллингса и невидимого существа. В тот самый момент, когда я пробежал мимо незадачливого матроса, мне в ноздри ударил удушающий смрад, и на какой-то миг мне показалось, что я снова вижу облик этого кровожадного чудовища — уродливого жуткого молоха, жадно склонившегося над умирающим и вонзившего в его тело свои ужасные щупальца.

Проскочив мимо них, я подбежал к лестнице.

Еле держась на ногах от напряжения, я схватился левой рукою за поручень и, опираясь на него, начал спускаться по ступенькам. Бросив быстрый взгляд через плечо назад, я увидел, что Баннерманн и остальные четверо матросов очнулись от оцепенения и тоже бросились бежать.

Баннерманн нагнал меня уже в конце лестницы. Он быстро и неровно дышал, а на его лице застыло выражение глубокого, непреодолимого ужаса.

— Крэйвен! — пробормотал он. — Что... что это было? Что...

Он, смолк на полуслове, услышав, как входная дверь распахнулась с такой силой, что громко ударилась о стену, и дверное стекло треснуло.

В проеме двери появилась фигура в черной униформе.

Не прошло и часа с тех пор, как я сидел напротив констебля Донхилла. Но теперь я его едва узнал. Его лицо было искажено ненавистью, а в руках он крепко сжимал дробовик.

Секунду он постоял у двери не двигаясь, а затем стал медленно приближаться к нам, держа свое ружье так, чтобы и я, и Баннерманн, и матросы были в секторе обстрела.

— Не вздумайте двинуться с места, Крэйвен, — прошептал он. Его голос дрожал. — Я... я предупреждаю вас. Поднимите... руки вверх.

Я повиновался. Баннерманн и матросы, стоявшие справа и слева от меня, медленно поднимали руки. Портье, стоявший за стойкой администратора, бесследно исчез. Возможно, чутье, чаще всего имеющееся у людей такой профессии, позволило ему осознать надвигающуюся опасность, и он предпочел ретироваться заранее.

— Вы совершаете ошибку, Донхилл, — сказал я. — Мы...

— Заткнитесь! — Донхилл подкрепил свое требование резким взмахом ружья, сделал шаг в сторону и дал кому-то знак левой рукой.

Лишь теперь я заметил, что он пришел не один. Перед распахнутой дверью гостиницы стояли человек десять мужчин и женщин. У меня внутри все оборвалось. Уж очень это напоминало суд Линча...

— Донхилл, — сказал я в отчаянии, — вас ввели в заблуждение. Мы — в опасности. Там, наверху...

— Соизвольте закрыть рот, Крэйвен! — прошипел Донхилл.

Он сделал шаг в мою сторону и поднял ружье, как будто намеревался меня ударить. Я отскочил назад, заметив при этом краем глаза, как напрягся стоявший возле меня Баннерманн.

— Заходите сюда, Геллик, — громко позвал Донхилл. — Не бойтесь, они не смогут причинить вам вреда.

Позади него появился узкоплечий седоволосый человек. Я не сразу его узнал: вне своей конторки кассира там, в банке, без кожаных нарукавников, он выглядел совсем по-другому.

— Это он? — спросил Донхилл.

Геллик осмотрел меня с головы до ног. Его глаза бегали, и по нему было видно, что он с удовольствием оказался бы сейчас где-нибудь подальше отсюда. Наконец он кивнул.

— Да, констебль, — пробормотал он. — Это... это именно тот человек.

Также кивнув, Донхилл повернулся ко мне и воинственно поднял подбородок.

— Роберт Крэйвен, — сказал он, отчетливо выговаривая слова. — Вы арестованы по подозрению в убийстве.

— Убийстве... — у Баннерманна от потрясения даже дыхание перехватило. — Вы сказали «по подозрению в убийстве», констебль?

Донхилл бросил на него ледяной взгляд:

— Не вмешивайтесь, капитан. Вами я займусь позже. *И поднимите руки вверх!*

Баннерманн, который уже почти опустил руки, быстро снова поднял их на высоту плеч, при этом от изумления качая головой.

— Вы спятили, Донхилл, — сказал он. — Еще несколько секунд назад кто-то пытался убить нас. Наверху в коридоре лежит один из моих матросов, констебль. Он мертв! Почему бы вам не заняться им, вместо того, чтобы выдвигать нелепые обвинения?

Донхилл в удивлении нахмурил лоб, посмотрел мимо меня и Баннерманна на лестницу и нервно облизал языком губы.

Эти его действия говорили о том, что он удивлен. Это явно чувствовалось.

— Вы были последним, кто видел Леймана в живых, Крэйвен, — сурово сказал он. — Вы пробыли в его магазине каких-нибудь пять минут, и здание загорелось. Лейман мертв, и лишь по какой-то счастливой случайности пожар не охватил весь город, — он указал ружьем в сторону двери. — В общем, следуйте за мной, и чтобы без глупостей. Если вы действительно невиновны, Крэйвен, то у вас будет возможность это доказать. И вы тоже, капитан.

Баннерманн удивленно хмыкнул:

— Я? Но что мы...

— Ничего, — сказал я тихо. — Мы ведь нездешние, Баннерманн, а этого вполне достаточно. Не так ли, Донхилл?

Все это время я не спускал глаз с констебля, и не нужно было быть особенно

проницательным, чтобы заметить, что мое предположение оказалось верным.

— Да, достаточно! — гневно сказал Донхилл. — Еще одно слово — и получите по зубам, Крэйвен. Возможность выгораживать себя вам будет предоставлена позже.

Он говорил громко, я бы сказал — нарочито громко. Эти его слова предназначались не столько нам, сколько людям, стоявшим перед гостиницей и наблюдавшим за Донхиллом и за нами. Я чувствовал, как они были взбудоражены. Если мы выйдем отсюда, вряд ли кто-нибудь из нас живым доберется до камеры.

— Вы правы, — сказал я. — Этого достаточно.

Донхилл нахмурил лоб и вопросительно посмотрел на меня. Его палец лег на спусковой крючок дробовика. В глазах констебля появилось выражение недоверия.

Но я так и не дал ему поразмышлять над скрытым смыслом моих слов. Я вдруг схватил руку стоящего рядом с ним кассира, дернул его на себя и резким движением вывернул ему руку за спину.

Испуганный крик кассира сменился хрипением: это я, повернув его к себе спиной, обвил рукой его шею, сдавив ее, и теперь крепко держал перед собой трепыхающегося кассира, как живой щит.

— Бросьте оружие, Донхилл! — резко сказал я.

Донхилл, хмыкнув, сделал шаг в мою сторону, но тут же остановился, увидев, что я еще сильнее сдавил шею Геллика. На самом деле у меня и в мыслях не было убивать беднягу, я лишь стремился причинить ему боль. Но Донхилл, естественно, не знал, что у меня на уме.

Во всяком случае, я на это надеялся.

— Этот номер у вас не пройдет! — сказал Донхилл. — Вы...

Вместо ответа я еще сильнее вывернул руку Геллика и, подождав, пока он инстинктивно начнет тянуться в противоположную сторону, резко толкнул его вперед, в результате чего он с размаху врезался в Донхилла, и они оба упали на пол.

Донхилл даже вскрикнуть не успел. С гневным рыком Баннерманн бросился к нему, выхватил у него ружье и врезал ему прикладом по затылку. Донхилл, судорожно вздрогнув, закатил глаза и распластался, как тряпичная кукла.

— Бежим отсюда! — рявкнул Баннерманн. — Через черный ход!

Говоря это, он повернул ружье в сторону двери и нажал на спусковой крючок.

Глухой звук, с которым заряд дробы вылетел из ружья, утонул в криках ужаса, вырвавшихся из десятка плоток. Собранные Донхиллом горе-линчеватели бросились врассыпную, как только бухнул выстрел. Малюсенькие дробинки с такого расстояния не убили бы никого, даже не смогли бы поранить сколько-нибудь серьезно стоящих за дверью людей. Но дробь все-таки при попадании делала маленькие болезненные ранки, и потому стрельба такими зарядами, пожалуй, могла бы сдерживать толпу даже лучше, чем выстрелы пулями. Закрашенные с одной стороны дверные стекла разлетелись вдребезги и окатили людей на улице градом мелких острых осколков.

Баннерманн зычно рассмеялся, повернулся и так меня толкнул, что я отлетел аж за его людей, в глубину вестибюля. Я растерялся от неожиданности, и не знал, что и думать. Баннерманн, схватив меня за руку, потащил за собой, как ребенка, втолкнул в какой-то коридор и захлопнул за нами дверь.

— Вон туда!

В конце короткого коридора было окно. Баннерманн бросился к нему и без долгих проволочек просто вышиб его. Звон, с которым разлетелось стекло, эхом отозвался в

коридоре, как пушечный выстрел. Его, наверное, было слышно и на другом конце городка.

Баннерманн, пропустив вперед своих людей и подгоняя их нетерпеливыми жестами, сам пролез в оконный проем и, обернувшись, протянул мне руку. Когда я пролазил сквозь окно, дверь позади меня содрогнулась от первого мощного удара.

— А они не теряют времени, — буркнул Баннерманн. — Пойдемте!

Тяжело дыша, я огляделся по сторонам. Мы находились на узенькой, примыкающей к беззаконной тыльной стене гостиницы улице. Слева раздавались возбужденные крики и возгласы, а справа виднелась узкая синеватая полоска моря. Улочка, похоже, выходила прямо на морской берег.

— Прекрасно, — сказал Баннерманн. — Слушайте сюда! Мы разделимся — шестерых человек труднее поймать поодиночке, чем всю группу целиком. Встречаемся с наступлением темноты внизу, у моря. А теперь разбежались кто куда!

Пригибаясь, мы побежали прочь. Трое из матросов Баннерманна без лишних слов нырнули в узкую боковую улицу и исчезли из виду, четвертый же еще оставался с нами. Это был Форд, тот самый матрос, который был ранен у озера.

Мы добежали до конца улицы и остановились. Перед нами лежала полукруглая площадь, ярдов двадцать, максимум двадцать пять, в диаметре, и на ней не было за что спрятаться. Если кто-нибудь вдруг выглянет из окна, когда мы будем ее пересекать, — мы пропали. Баннерманн осторожно высунулся из-за угла дома и затем решительно кивнул. Его руки еще крепче сжали ружье.

— Никого, — прошептал он. — Вперед!

Я мысленно досчитал до трех, собирая в себе остатки храбрости, и бросился вслед за капитаном через площадь. Когда нам оставалось каких-нибудь пять шагов до противоположной границы площади, раздался выстрел. Это был звонкий хлесткий звук, почти непохожий на звук выстрела. Форд на бегу зашатался, схватил себя за грудь и упал ничком.

Споткнувшись, я попытался взять вправо и от резкого изменения направления движения потерял равновесие. Беспомощно размахивая руками, я упал на землю.

Баннерманн отреагировал мгновенно, совсем не так, как этого можно было ожидать от степенного капитана парусника, каким я его знал когда-то. Даже не оглянувшись, он на всей скорости бросился в сторону, перекатился через плечо, затем ловким и невероятно быстрым движением вскочил на колени. Прогремел второй выстрел, и буквально на расстоянии ладони от Баннерманна от земли отскочили искры и поднялся фонтанчик пыли.

Но Баннерманн, казалось, не обратил на это никакого внимания. Дробовик в его руках издал глухой треск выстрела, и на другой стороне площади кто-то вскрикнул.

Обернувшись, я увидел, что один из людей, выскочивших из боковой улицы, опустился на колени, тогда как другие в панике разбежались.

Баннерманн отбросил теперь уже бесполезное ружье, вскочил и грубым движением поднял на ноги и меня.

— Бежим отсюда! — быстро сказал он. — Эти ребятки очень быстро оправятся от испуга!

Мы побежали прочь. Сзади раздались громкие крики, и через несколько секунд мне послышалось за нашими спинами частое топанье сапог, но у меня не хватило духу посмотреть назад.

Баннерманн, бежавший впереди меня, свернул наугад в первую попавшуюся улочку — и

вдруг так внезапно остановился, что я на всей скорости врезался в него и неминуемо упал бы, если бы он молниеносно не схватил меня и не удержал на ногах.

— Спасибо, — автоматически вырвалось у меня. — Я...

Остаток фразы буквально застрял у меня в горле, когда я взглянул мимо Баннерманна в глубину улицы.

За нашими спинами все ближе и ближе раздавались голоса и шаги наших преследователей, но Баннерманн уже не пытался куда-то бежать.

Да и бежать-то, собственно, было уже некуда.

Улица, в начале которой мы стояли, тянулась еще шагов на пятьдесят и упиралась в высокую кирпичную стену. Иными словами, в конце ее был тупик!

Камера была шага три в длину и столько же в ширину, кроме привинченных к стене покрытых соломой нар, в ней ничего не было. Свет проникал через узкое зарешеченное окно под самым потолком. Стены были влажными, и в воздухе чувствовался легкий запах гнили. Даже на покрытой черным лаком металлической двери камеры блестела влага, а в щелях пола виднелась плесень.

Человек на нарах шевелился во сне. Он так ни разу и не проснулся с тех пор, как несколько часов назад его сюда закинули, но его глаза под закрытыми веками все время двигались, как будто ему снились кошмары, а его лицо было неестественно бледным, хотя лоб буквально горел от жара. От его правого запястья тянулась тонкая железная цепь, прикованная к ржавому железному кольцу, вделанному в стену.

Человек еще раз пошевелился. Его глаза слегка приоткрылись, веки при этом задрожали. С тихим шуршащим звуком он стал царапать ногтями грубые доски, на которых лежал. В какой-то миг пелена перед его глазами растаяла. Его взгляд пробежал по голой стене, переместился на окно и, задержавшись на мгновение на освещенном солнцем прямоугольнике окна, заскользил дальше, дошел до закрытой двери и остановился на блестящем черном металле. Глаза человека широко открылись от изумления.

Дверь вдруг преобразилась. Черный лак на железе начал переливаться, как полированный, а в центральной части прямоугольной, высотой в человеческий рост двери стали прорисовываться расплывчатые контуры.

О'Бэнион издал удивленный возглас, резко приподнялся, но тут же снова опустился на нары, почувствовав, как больно впилась цепь ему в запястье. Но он почти не обратил внимания на боль. Его взор был прикован к вытянутому темному контуру, появившемуся на блестящей поверхности двери...

— О Господи... — пролепетал он. — Боже праведный, что... что это такое?

Тень начала сгущаться, становясь темнее и отчетливее. На мгновение О'Бэниону даже показалось, что он различает мерцающий овал величиной с человека. Затем тень еще больше сгустилась, появились руки, ноги, голова. Тень *превратилось в искаженное изображение человека*... О'Бэнион хотел было закричать, но ужас сдавил ему горло. С его губ слетел лишь едва слышный стон.

Поразительные метаморфозы продолжались. Вместо темного пятна на двери уже виднелось черное плоское изображение человека.

— Не бойтесь, О'Бэнион, — раздался голос. — Я здесь не для того, чтобы причинить вам какой-нибудь вред.

О'Бэнион почти не разобрал сказанных слов. Его рот был разинут от изумления, а ногти

с силой впились в ладони. Но он этого не замечал.

— Сатана! — забормотал О'Бэнион. — Ты... ты пришел за мной!

В ответ раздался ироничный приглушенный смех. Тень на стене уже полностью превратилась в изображение человека двухметрового роста. Это была объемная фигура стройного мужчины в старомодной, но изящной одежде. Его узкое лицо обрамляла ухоженная борода, такая, с какой изображают короля Артура. Над правым глазом виднелась изогнутая, как застывшая молния, прядь белоснежных волос шириной где-то в три пальца, тянувшаяся почти до затылка.

И тут изображение сделало шаг вперед от двери в камеру...

О'Бэнион взвизгнул, подскочил и изо всей силы вжался в стену. Его глаза безумно блестели.

— Нет! — пролепетал он. — Уходи! Уходи прочь! Не трогай меня!

Он согнулся, наклонил голову к груди и, словно защищаясь, выставил руки в сторону видения. Из его рта доносились нечленораздельные всхлипывающие звуки.

Незнакомец на секунду замер, затем покачал головой и слегка коснулся рукой плеча О'Бэниона.

О'Бэнион перестал скулить. Медленно и все еще дрожа, как осиновый лист, но уже наполовину овладев собой, он выпрямился и посмотрел на видение. Его губы тряслись, а глаза были неестественно выпучены.

Незнакомец улыбнулся.

— Теперь получше? — спросил он.

Его голос звучал приглушенно и как-то странно, как будто доносился издалека. Однако какой-либо враждебности в интонациях голоса не ощущалось.

— Кто вы? — прошептал О'Бэнион. — И как... как вы сюда попали?

— Меня зовут Андара, — ответил незнакомец.

Он снова улыбнулся, медленно прошагал к нарам и присел на них в ногах у О'Бэниона. Когда он пересекал падающие из окна лучи света, О'Бэнион увидел, что свет проходит сквозь тело незнакомца, как будто он — бестелесный призрак.

— Что касается того, как я сюда попал, — продолжал Андара, — то это длинная история, и у меня, боюсь, нет времени, чтобы ее рассказывать. Но я вам не враг, О'Бэнион.

О'Бэнион судорожно сглотнул.

— Вы... Вы знаете меня?

Андара кивнул:

— Да. Вас и вашего друга.

— Стива? — О'Бэнион резко выпрямился, но тут же, охнув, дернулся назад, почувствовав запястьем впивающуюся цепь. Андара наклонился и коснулся ее двумя пальцами. На долю секунды металл вдруг стал ослепительно красным, как будто горел каким-то внутренним огнем. Затем цепь исчезла.

О'Бэнион растерянно уставился на свое запястье.

— Боже мой! — воскликнул он. — Как... как вы это сделали?

— И на эти объяснения сейчас нет времени, — сказал Андара. — Просто поверьте мне, что я ваш друг и желаю вам только хорошего, О'Бэнион. Я освобожу вас из заключения.

О'Бэнион впился взглядом в пришельца, тщетно пытаясь найти какие-нибудь подходящие ситуации слова, затем огляделся по сторонам, как будто лишь только что осознал, где он находится. На его лице появилось выражение страха, граничащего с ужасом.

— Стив, — пробормотал он. — Это... это чудовище. Оно... оно его убило.

Андара с серьезным видом кивнул:

— Боюсь, что да.

О'Бэнион на некоторое время замолк. Когда он снова заговорил, чувствовалось, что он подавлен, но в его взоре появились безумные огоньки.

— Значит... значит, это все произошло на самом деле? — пробормотал он. — И я вовсе не сошел с ума? Я...

Андара улыбнулся.

— Нет, О'Бэнион, конечно же, нет. Донхилл и его приспешники попытались вам это внушить, в действительности же все эти события произошли на самом деле.

— Тогда Стив и в самом деле мертв, — пробормотал О'Бэнион.

— Да. Но вы не виноваты в том, что он погиб, О'Бэнион, — произнес Андара. — Просто это все было специально подстроено, чтобы уничтожить вас и вашего друга. Донхилл и его сотоварищи знали, что чудовище будет ждать вас там, на озере. Ваш друг был убит. И вас тоже ожидает смерть.

О'Бэнион шумно вздохнул. Его руки дрожали.

— Но почему... вы рассказываете мне все это? — спросил он вполголоса. — Почему вы помогаете мне, Андара?

— Потому что мне нужна ваша помощь, О'Бэнион, — ответил Андара серьезно. — Донхилл и его приятели — преступники, бессовестные убийцы, для которых человеческая жизнь не значит ничего. Вы тоже погибли бы, если бы остались здесь. Донхилл и его компания убили бы вас.

— Вам нужна моя помощь?

Андара кивнул.

— Послушайте, О'Бэнион. Я... у меня сейчас нет возможности объяснить вам, по какой причине я не могу здесь долго оставаться. Сам факт моего пребывания в этом месте нарушает законы, которые я должен соблюдать.

— Вы — не человек, — пробормотал О'Бэнион. Его голос зазвучал с легким истерическим оттенком.

— Не *живой* человек, если вы это имеете в виду, — подтвердил Андара. — Послушайте, О'Бэнион. Я вытащу вас отсюда, но хочу попросить вас об одном одолжении. Мой сын находится в этом городишке. Он — тот самый человек, который приволок вас сюда. Его зовут Крэйвен, Роберт Крэйвен. Можете это запомнить?

О'Бэнион кивнул.

— Роберт Крэйвен, — повторил он.

— Да. Ступайте к нему, О'Бэнион. Ступайте к нему и предупредите его. Скажите ему что...

— Пойти к нему? — переспросил О'Бэнион. — Но я не могу этого сделать, Андара! Они же меня немедленно схватят, если я...

— Никто вас не узнает, О'Бэнион, — сказал Андара спокойно. — Даже не переживайте по этому поводу. У меня еще есть кое-какая волшебная сила — маленькая частичка той силы, какой я некогда обладал, но ее будет вполне достаточно, чтобы защитить вас, пусть и на короткое время. А теперь слушайте внимательно. Ступайте к нему. Найдите его и скажите, что вас прислал я. Есть кое-что, что он должен знать. Скажите ему, что этот городок — западня. Западня, которую устроили мне, а теперь она предназначена ему, если

он не убежит отсюда. Донхилл и Лейман — маги, и чудовище в озере — не более чем орудие, подчиняющееся их приказам.

— Они маги? — недоверчиво переспросил О'Бэнион.

Андара нетерпеливо кивнул:

— Просто скажите ему все, что я говорю вам. Скажите, что ему нужно бежать. Он уже кое о чем догадывается, но есть еще кое-что, о чем он не знает. Скажите ему, что их всегда бывает трое. В поселке есть третий колдун. И его нужно опасаться.

— Но кто же это? Почему...

— Я не знаю, кто третий, — печально сказал Андара. — Он — очень могущественный колдун, намного могущественнее меня. И я не могу определить, кто же он. Но он где-то здесь, и он уничтожит Роберта, если тот не убежит. А теперь идите, О'Бэнион. Времени мало.

— Но почему бы вам не пойти самому? — поспешно спросил О'Бэнион. — Почему бы вам самому не предупредить его об опасности?

Лицо Андара вдруг стало расплываться.

— Потому что я не могу этого сделать, — сказал он. Его голос стал еле слышным. Это был уже скорее не голос, а слабое дыхание, и разобрать смысл произносимых слов стало очень трудно. — У меня нет возможности к нему приблизиться. Этому препятствует третий маг. Он знает, что я здесь. Мне он не может причинить никакого вреда, однако он в состоянии препятствовать моему приближению к Роберту. А теперь идите, О'Бэнион, прошу вас. Предупредите моего сына. Скажите ему, что где-то есть третий маг!

Его голос становился все тише и тише, и в тот самый момент, когда прозвучало последнее слово, человек-призрак, сидевший в ногах О'Бэниона, исчез, как будто его там никогда и не было.

О'Бэнион еще некоторое время пристально смотрел на то место, где только что находилось видение. Затем он свесил ноги с постели, встал и медленно пошел к выходу.

Металлическая дверь бесшумно открылась перед ним, как только он к ней приблизился.

Шаги преследователей раздавались все ближе и ближе. Улица за нашей спиной заполнилась топотом многочисленных ног и возбужденными криками десятков человек. Послышался выстрел.

Этот резкий звук вывел меня из оцепенения. После того, что сделал Баннерманн, толпа уж наверняка даст волю эмоциям. Эти люди разорвут Баннерманна и меня, как только мы попадем к ним в руки.

Я побежал изо всех сил, перед этим схватив Баннерманна за руку и таща его за собой. Мой взор отчаянно скользил по фасадам домов, стоявших по обеим сторонам улицы. Я видел много окон, даже одну дверь, но все они без исключения были закрыты, а времени на то, чтобы их выламывать, не было.

Мы добежали до конца улочки и остановились. Я отпустил руку Баннерманна, посмотрел в отчаянии по сторонам и — решительно вцепился в шероховатый камень стены, преграждавшей нам выход.

— Что вы хотите делать? — испуганно спросил Баннерманн и посмотрел назад, на другой конец улицы. наших преследователей еще не было видно, но они могли появиться в любой момент.

— Карбкаться вверх! — сдержанно ответил я, цепляясь пальцами за выступы на стене

и пытаюсь лезть вверх. — Сейчас это вопрос жизни или смерти!

— Но ведь это бессмысленно! — возразил Баннерманн. — Они нас здесь постреляют, как зайцев, Крэйвен.

— Ну и оставайтесь! — вспыхнул я. — Я все ж таки попытаюсь. Я...

Баннерманн, не говоря больше ни слова, схватил меня за руку, резким движением стащил на землю и довольно бесцеремонно развернул влево, несмотря на мои протесты.

В каких-нибудь пяти метрах от нас в одной из стен открылась узкая дверь. Из дверного проема высунулся человек невысокого роста, одетый в темно-коричневый плащ с капюшоном, и жестом поманил нас. Его лица не было видно.

Я не стал долго раздумывать. Вполне возможно, что это была ловушка и что за дверью меня и Баннерманна встретит десяток взведенных ружей. Но нам, так или иначе, терять уже было нечего.

Я бросился к двери, заскочил внутрь здания, по инерции пробежал вперед еще несколько шагов и, тяжело дыша, остановился прямо за Баннерманном. Дверь позади нас захлопнулась с глухим стуком, отгородив нас от голосов преследователей, как, впрочем, и от дневного света. Стало почти совсем темно. Все погрузилось в полумрак, так что были видны лишь контуры окружающих предметов.

Чья-то рука коснулась моего плеча и довольно грубо толкнула меня вперед, в сторону коридора.

— Быстро, — раздался чей-то голос. — Лестница вверх. Они скоро будут здесь!

Мы бросились вперед. Наш таинственный спаситель провел нас по узкой лестнице без перил на верхний этаж здания, а затем мы пошли по длинному, уже хорошо освещенному коридору. Я бросил взгляд на лицо незнакомца, но коричневый капюшон не позволял его рассмотреть. Все, что я заметил, — это то, что, как мне показалось, он был совсем юным.

В конце коридора я увидел низкую дверь без замка. Наш проводник прошел, наклонив голову, в дверной проем, подождал, пока Баннерманн и я последуем за ним, и затем нетерпеливо захлопнул за собой дверь.

Комната, в которой мы оказались, насчитывала шагов пять в длину и столько же в ширину и была очень скромно обставлена. В воздухе пахло пылью и остывшей едой. Наш спаситель, обойдя меня, подошел к громоздкому трехдверному шкафу, составлявшему вместе с кроватью и шатким столом всю обстановку комнаты, открыл правую дверцу и нетерпеливо отодвинул в сторону висящую там одежду.

— Быстро! — сказал он. — Залезайте сюда!

Мы с Баннерманном обменялись удивленными взглядами, но все ж таки повиновались. Шкаф внутри оказался просторнее, чем казался снаружи, но, тем не менее, в нем едва хватило места Баннерманну, мне и нашему спасителю. Незнакомец проворно закрыл дверь шкафа изнутри и стал копошиться в темноте.

Что-то щелкнуло. Часть задней стенки отошла вглубь и затем широко распахнулась. Меня тут же ослепил яркий солнечный свет.

Я сощурился, прикрыл глаза ладонями и выкарабкался из шкафа, тем более что наш новый друг уже начал меня подталкивать.

— Быстрее! — шептал он. — И чтобы тихо, иначе мы все погибли!

Я полез вперед, ударился головой о низкую балку и упал на колени, чертыхаясь себе под нос. Рядом со мной, покачивая головой, на пол плюхнулся потрясенный Баннерманн.

Я хотел было задать вопрос, но стена шкафа уже закрывалась за нашими спинами, и еще

через секунду мы с Баннерманном остались одни.

Я в растерянности осмотрелся по сторонам. Мы находились в низкой, но удивительно просторной мансардной комнате, которая была обставлена гораздо более щедро и с большим вкусом, чем комната по ту сторону шкафа. Свет падал сверху через два люка: черепицу, покрывавшую крышу, в этих местах сняли, а в образовавшиеся отверстия были вставлены вырезанные точно по размерам отверстий стекла. Комната была такой низкой, что Баннерманн не смог бы полностью выпрямиться, чтобы при этом не упереться головой в потолочную балку, однако здесь было полно уютных кресел, один старомодный шезлонг и широкая кровать со свежими постельными принадлежностями, поэтому не было необходимости стоять. На одной из стен даже висело несколько картин, а на круглом столе в центре комнаты стояла ваза со свежесрезанными цветами.

Я хотел было встать, но Баннерманн поспешно схватил меня рукой за предплечье, покачал отрицательно головой и приложил палец к губам.

Я прислушался. Поначалу я не слышал ничего, кроме бешеного биения своего сердца и глухого шума крови в ушах, но затем я различил приглушенные звуки шагов и голоса, доносившиеся из-за стены.

— Где они? — спросил кто-то резким неприятным голосом.

— Кто? — прозвучал ответный вопрос. Похоже, это был голос нашего спасителя.

— Два незнакомца. Они скрылись в этом доме. Не попадались ли они тебе?

— Нет. Если они и были здесь, в этом доме, то они, наверное, на другую сторону...

Что-то щелкнуло, и говоривший смолк, но прежде вскрикнул, словно от боли.

— Говори правду! — снова раздался первый голос. — Эти двое — преступники, При! Они убили Леймана, а один из них выстрелил в Бена и тяжело его ранил. Если ты их прячешь...

— Да не попадался мне никто! Вы... вы и сами можете проверить, прячу ли я здесь кого-нибудь!

Говоривший первым злобно рассмеялся:

— Да уж можем! А ну, ребята, переверните здесь все вверх дном.

Баннерманн испуганно вздрогнул и глубоко вдохнул, но так ничего и не сказал. Некоторое время за тонкой стенкой раздавался грохот, к которому примешивались звуки тяжелых шагов и гневная ругань. Мое сердце сжалось, когда я слышал, как распахнулась дверца шкафа, как сорвали с вешалок одежду. Затем задняя стенка шкафа задрожала от ударов прикладом.

— Их здесь и вправду нет, — слышал я еще чей-то голос. — Они, наверное, убежали наружу. Или побежали по крышам. Но мы все равно до них доберемся.

Снова послышалось топанье, кто-то хлопнул дверью, причем так сильно, что задребезжали стекла.

— Если увидишь их, немедленно сообщи нам, понятно? — я снова слышал первый голос.

Наш спаситель что-то ответил, я не расслышал что, затем дверь с треском захлопнулась и стало слышно, как тяжелые шаги застучали по ступеням лестницы.

Баннерманн облегченно вздохнул.

— Мы были на волоске от гибели, — прошептал он. — Еще полминуты, и...

Он больше ничего не сказал, но все было понятно и так. В этот раз нам не просто повезло. Наше спасение казалось каким-то чудом.

Я поднял глаза, услышав, что дверь шкафа снова открылась и раздались чьи-то легкие шаги. Задняя стенка шкафа сдвинулась, и из него высунулась узкоплечая, просто одетая фигура человека.

И тут я на секунду лишился дара речи.

Наш спаситель уже снял плащ, и его лицо, освещаемое солнечным светом, стало отчетливо видно. Это была девушка.

Поначалу мне показалось, что ей лет восемнадцать, может быть девятнадцать, но когда она задвинула за собой дверь и обернулась ко мне и Баннерманну, я увидел, что она, скорее всего, значительно моложе.

Впрочем, я мог и ошибаться. На мгновение наши взгляды встретились, ее темные глаза смотрели на меня очень серьезно, и я подумал, что, пожалуй, правильным было мое первое предположение о ее возрасте.

Вдруг она улыбнулась, и это было как...

Представьте себе, что после затянувшегося на неделю дождя через тучи вдруг пробился первый луч солнца, или же после долгой и холодной зимы первый раз на рассвете послышалось птичье пение.

Точно так же воспринималась и ее улыбка. Девушка не произнесла ни слова, просто улыбнулась мне и Баннерманну, но это была улыбка, способная буквально за секунду свести с ума.

Почти минуту мы с Баннерманном, как дураки, молча смотрели на нее, и, наверное, так продолжалось бы еще дольше, если бы она сама в конце концов не нарушила молчание.

— Ну, теперь все в порядке, — сказала она. — Вы в безопасности. Они больше не придут.

Я сглотнул, беспомощно взглянул на Баннерманна, попытался было встать, но лишь стукнулся головой о балку.

— Я... — сказал я, запинаясь. — Я имею в виду, мы...

— Почему бы вам не присесть? — перебила она меня, все еще мило улыбаясь, но в ее словах слышалась ирония. — Опасность позади. И у нас есть время поговорить.

Она сопровождала свои слова приглашающим жестом, подошла легкими шагами к шезлонгу и уселась в него. Мы с Баннерманном тоже присели, но как-то нерешительно, стараясь при этом держаться от нее на почтительном расстоянии.

— А почему вы это сделали, мисс? — нерешительно спросил Баннерманн. — У вас... у вас ведь могут быть большие неприятности, если вдруг выяснится, что вы нам помогали.

— Перестаньте называть меня этим дурацким словом «мисс», — сказала девушка. — Мое имя — Присцилла, для друзей — просто При. У меня не будет никаких неприятностей, если шайка Донхилла узнает, что я вас спрятала, капитан Баннерманн. Они просто убьют меня.

— Убь... — я запнулся и посмотрел на нее с испугом, тщетно подбирая нужное слово.

Присцилла небрежно махнула рукой:

— Не беспокойтесь, мистер Крэйвен.

— Роберт.

— Хорошо, пусть будет Роберт, — улыбнулась Присцилла. — Здесь вы в безопасности. Человека, построившего эту потайную комнату, уже нет в живых. Кроме меня никто больше не знает о ней. Это правда, что вы убили Леймана, Роберт?

Ее вопрос буквально обескуражил меня.

— Я... нет, — сказал я растерянно. — Он мертв, но...

— Жаль, — спокойно сказала Присцилла. — Этот негодяй вполне того заслужил.

— Вы это серьезно? — спросил Баннерманн, как будто он не слышал ее последних фраз. — Они могут вас убить?

Присцилла кивнула.

— Да. Вы не знаете Донхилла. Это не человек, это чудовище.

— Но почему? — озадаченно спросил Баннерманн. — Я имею в виду... мы с Робертом не сделали ему ничего плохого.

Присцилла засмеялась, но в ее смехе чувствовалась горечь.

— Вы — чужаки, капитан, этого вполне достаточно. Донхилл уже отправил на тот свет десятки мужчин и женщин.

— Донхилл? Но ведь он...

— Полицейский? — Присцилла произнесла это слово так, как будто это было оскорбление. — Ну да, капитан, он — полицейский. Человек, обеспечивающий порядок в Голдспи, ведь так? Ну, и как вы находите наш городишко? Чудесный, не так ли?

Баннерманн ничего не ответил, тем более, что вопрос Присциллы относился к тем вопросам, на которые не ждут ответа.

— Голдспи, — пробормотала она. — Чудесный город на побережье, да? Весь этот городишко — просто одна большая могильная яма, капитан.

Она выпрямилась, затем наклонилась немного вперед и посмотрела каким-то странным взглядом сначала на Баннерманна, а затем на меня.

— Вы спрашивали меня, капитан, почему я вас спасла? Могу ответить. Я хочу выбраться отсюда. Я хочу уехать из этого ада, причем как можно дальше. Но для этого мне нужна ваша помощь.

Мало-помалу я начинал понимать.

— Вы... хотите покинуть Голдспи?

Присцилла кивнула.

— Да. Я... уже несколько раз пыталась отсюда убежать, но они каждый раз меня ловили. Донхилл — сущий дьявол, Роберт. И у него длинные руки. Одной мне убежать не удастся.

— И вы думаете, что вместе с нами у вас это получится? — я вздохнул. — Боюсь, что вы нашли себе плохих союзников, Присцилла. Вы ведь даже не знаете, каким ветром нас сюда занесло.

— Я вам помогу, — сказала Присцилла так быстро, как будто ожидала услышать эти слова. — Как только зайдет солнце, я выведу вас отсюда. Но вы должны взять меня с собой.

Воцарилось молчание. Присцилла взглянула на меня, и мне опять показалось, что в ее глазах затаилась какая-то необъяснимая боль.

— Вы рискуете своей жизнью, дитя, — сказал Баннерманн через некоторое время. — Вы хоть понимаете это? Если Донхилл действительно преступник, каким вы его считаете...

— Он не преступник, — резко перебила его Присцилла. — Он — настоящий дьявол, Баннерманн, я говорю это серьезно. Он и его шайка связались с сатаной, и платят по его счетам жизнями невинных людей.

Баннерманн нахмурил лоб и уже намеревался что-то сказать, но я быстрым жестом остановил его.

— Что вы имеете в виду? — поспешно спросил я.

— Именно то, что я сказала, — ответили Присцилла. — Слово в слово. Вы — нездешние и, возможно, не знаете, что рассказывают про Голдспи, но...

— Вы имеете в виду чудовище?

Присцилла удивленно заморгала:

— Вы... знаете об этом?

— Мы сегодня утром встретили одного человека, — кивнул я. — Там, у озера. Он рассказывал про какое-то чудовище. Но я не знаю, что из этого правда, а что нет. Он, похоже... сумасшедший.

— Каждое его слово — правда, — сказала Присцилла. — Чудовище озера Лох Шин действительно существует, Роберт, и требует жертвоприношений.

На мгновение мне показалось, что меня коснулась невидимая ледяная рука.

— Вы имеете в виду, что это чудовище — не просто легенда?

— Я не знаю, что оно такое, — ответила Присцилла. — Никто этого не знает, разве что Донхилл и Лейман. Оно живет там, в озере, но раз в месяц, в полнолуние, оно выныривает на поверхность и требует новых жертв. Человеческих жертв, Роберт.

Она вздохнула, покачала несколько раз головой, заламывая в отчаянии руки. У нее были очень тоненькие руки. Быть может, она была все-таки моложе, чем я думал.

— Никто толком не знает, что представляет собой это чудовище, — продолжила она через некоторое время. Ее голос теперь звучал совсем по-другому, как будто она разговаривала не с нами, а сама с собой. — Это... какое-то существо, наполовину рыба, наполовину ящерица. Я видела его лишь один раз, но это было... ужасно. Все началось лет десять или двенадцать назад, а может, и еще раньше. До этого Голдспи был вполне нормальным городком с вполне нормальными жителями. Но затем здесь появились Донхилл и Лейман, и все изменилось. Думаю, чудовище было в озере задолго до этого, но с тех самых пор, как здесь появился Донхилл и вся его чертова шатия-братия, чудовище стало требовать жертвоприношений. Они... они убивают заезжих людей, Роберт. Они арестовывают их и запирают в камере для задержанных — той, что находится в распоряжении Донхилла, — и ждут полнолуния. Тогда они приносят их в жертву чудовищу.

— Но почему же люди в Голдспи не запретят все это? — недоверчиво спросил Баннерманн.

— Они пытались, Баннерманн, — ответила Присцилла серьезно. — Пытались с самого начала. Но Донхилл и Лейман — необычные люди. Они — сущие дьяволы, поверьте мне. Много людей погибло, а часть городка чудовище просто уничтожило. С тех пор уже никто не осмеливается противиться им.

— Лейман мертв, — сказал Баннерманн решительно. — Быть может, теперь все переменится.

— Нет, ничего не переменится, — возразила Присцилла. — Лейман никогда не был заводилой. Думаю, он, наоборот, все это время пытался сдерживать Донхилла. Теперь, когда его уже больше нет, Донхилл превратится в настоящего монстра. В поселке нет никого, кто отважился бы ему противостоять.

— Не думаю, что этого вашего мистера Донхилла не берут пули, — гневно сказал Баннерманн. — Если он и впрямь сущий дьявол, как вы его описываете, мисс, то...

Присцилла прервала его тихим безрадостным смехом.

— Неужели вы думаете, что никому в голову еще не приходила эта мысль, капитан? — спросила она. — Донхилла нельзя убить. После смерти Леймана он — единственный, кто...

еще может как-то сдерживать чудовище. Если он умрет, оно уничтожит весь городок. Поэтому все в Голдспи будут защищать его жизнь, даже если они всей душой его ненавидят.

— А вы? — спросил я тихо.

Присцилла бросила на меня серьезный взгляд.

— Я? — она вздохнула. — Я местным людям ничем не обязана. Вы сами видели, как они со мной обращаются.

— Кто-то из них вас ударил!

Присцилла фыркнула:

— Если бы только это. Я живу здесь уже четырнадцать лет, и последние четыре года были просто адом.

Она встала и обвела жестом всю комнату.

— Знаете, кто построил эту тайную комнату? — спросила она. — Лейман. А знаете, для чего?

— Нет.

Присцилла злорадно рассмеялась:

— Угадайте, Крэйвен.

— Понятия не имею, — сказал я, хотя это была неправда.

Я уже догадался, на что намекала Присцилла. Но подобное предположение меня просто поразило.

— Я была его любовницей, — сказала она. — Не по собственной воле, но это его мало волновало. Последние четыре года он приходил сюда почти каждую ночь. Он... он убил бы меня, если бы я не подчинилась.

Баннерманн кашлянул.

— Он вас...

— Он сделал меня шлюхой — именно так, капитан, — произнесла Присцилла ожесточенно. — Да. Целых четыре года он использовал меня так, как ему хотелось. Он был настоящим животным, капитан. Грязное, грубое животное. Вы меня, теперь, наверное, презираете, но...

— Никто вас не презирает, Присцилла, — вмешался я. — Но Лейман уже мертв, не забывайте этого.

— Что это меняет? — Присцилла вскочила. — Донхилл и впредь будет убивать, и теперь, когда Леймана уже нет, он попытается занять его место. Он давно уже на меня глаз положил. Ничего не изменится. Наоборот, все станет еще хуже.

Мы с Баннерманном некоторое время молчали. Наконец Баннерманн спросил:

— Так у вас нет никого, кто мог бы о вас позаботиться?

Присцилла отрицательно покачала головой.

— Моя мать умерла, когда мне был всего год от роду, — сказала она. — А моего отца они убили четыре года назад.

— Донхилл?

— Нет, Лейман, — ответила Присцилла. — Он ему мешал, и однажды, в полнолуние, когда чисто случайно в городе не оказалось ни одного приезжего, моего отца принесли в жертву чудовищу. Нет, капитан, я абсолютно ничем не обязана этому городишке, да и людям, которые в нем живут. Я хочу уехать отсюда. Вы возьмете меня с собой?

— Ну конечно же! — поспешно ответил Баннерманн. — И обещаю вам, что мы покончим со всем этим кошмаром.

Присцилла, по-видимому, предпочла ничего на это не отвечать. Она лишь улыбнулась, подошла к стоявшему в комнате сундуку и достала из него кувшин и три простеньких глиняных кружки.

— Выпейте, — сказала она. — Ничего не могу предложить вам поесть, но, быть может, хороший херес поможет вам восстановить силы.

Я с благодарностью взял кружку, которую она мне протянула, отпил из нее и откинулся на спинку кресла.

— А куда вы направитесь, когда мы выберемся отсюда?

Присцилла пожала плечами.

— Куда-нибудь, — сказала она. — Быть может, в Лондон. У меня есть немного денег, их должно хватить на то время, пока я буду искать работу. Как бы все не обернулось, все равно там мне будет лучше, чем здесь.

— А как быть... с моими матросами? — спросил Баннерманн. — Мы договорились с наступлением темноты встретиться на берегу моря.

Присцилла решительно покачала головой:

— Из этого ничего не выйдет, капитан. Именно там нас и будут искать в первую очередь.

— Надеюсь, вы не думаете, что я покину это место, бросив своих людей? — спросил Баннерманн резко. — Я несу за них ответственность, мое милое дитя.

— Они ведь взрослые мужики, да? — спокойно возразила Присцилла. — Если вы пойдете к морю, капитан, вы погибнете еще до восхода солнца. Донхилл не успокоится, пока всех не поймают. Он не может позволить улизнуть даже одному свидетелю.

Баннерманн смотрел на нее в упор, но ничего не говорил. Он, похоже, осознавал, что Присцилла права. Но ему все равно было не по себе.

— Мы вернемся сюда так скоро, как только сможем, — сказал я. — С сотней полицейских, капитан. Не переживайте.

— И что мы здесь обнаружим? Три трупа?

— До полнолуния еще двадцать дней, капитан, — сказала Присцилла. — А Донхилл...

— *Тихо!*

Баннерманн прервал ее резким движением, выпрямился и уставился на стенку шкафа. Присцилла, замолчав, нахмурилась и чуть привстала, но вдруг застыла, не закончив движение.

Через тонкую стенку были слышны шаги — тяжелые, шаркающие шаги, сопровождаемые неприятными царапающими звуками, как будто по полу чиркали твердые когти. Мы замерли.

Послышалось чье-то дыхание — нечеловеческое дыхание.

— О господи! — пробормотал Баннерманн. — Опять это чудовище!

Присцилла побледнела, посмотрела сначала на Баннерманна, потом на меня, затем снова на стенку шкафа. В воздухе почувствовался слабый приторный запах.

— О чем... вы говорите, капитан? — спросила Присцилла растерянно.

— О монстре, — пробормотал Баннерманн. — О том самом... существе, которое убило Биллингса.

Его руки так сильно сжали кружку, что глиняная посуда, издав легкий щелчок, треснула, и херес пролился на его брюки. Но он этого даже не заметил.

— Нам нужно выбраться отсюда! — сказал я. — Здесь есть второй выход?

Присцилла отрицательно покачала головой. Ее лицо стало совсем бледным.

— Тогда через крышу. Помогите мне!

Я вскочил, крепко ухватился левой рукой за одну их балок и привстал на цыпочки, чтобы дотянуться другой рукой до черепицы крыши.

Присцилла и Баннерманн сидели, словно окаменевшие.

— Черт побери, да помогите же мне! Нам нужно выбраться отсюда! — вспыхнул я.

На мгновение я почувствовал, что меня охватывает паника, но мне удалось взять себя в руки и хоть как-то привести в порядок свои мысли. В отчаянии я сжал кулак и изо всей силы стукнул по черепице. Она затрещала, но даже не сдвинулась с места, лишь мое запястье пронзила острая боль.

Ударить второй раз я так и не успел. Запах гниения вдруг стал очень сильным. Глухой удар сотряс стенку шкафа. Казалось, зашаталась вся комната. Присцилла испуганно вскрикнула, вскочила и отбежала в дальний угол.

Последовал второй, еще более сильный удар. На гладкой деревянной поверхности появилась длинная ломаная трещина. После третьего мощного удара древесина развалилась и в комнату ворвалось что-то гигантское и темное.

Баннерманн вскрикнул, схватил кресло, на котором только что сидел, и изо всей силы швырнул его в незваного гостя.

Далее события развивались с молниеносной быстротой. *Краал* проявился лишь как густая тень, однако он все же не был абсолютно невидимым, как раньше.

И, похоже, он оказался не таким уж неуязвимым. Кресло, брошенное Баннерманном, врезалось в него с силой пушечного ядра и отбросило его назад. Само кресло развалилось на части, но при этом чудовище отлетело к стенке и свалилось на пол. Темная тень — конечность монстра — попыталась ухватиться за остатки шкафа, от чего тот окончательно развалился.

Баннерманн торжествующе вскрикнул, поднял второе кресло и тоже швырнул его в монстра. Не было видно, попал он или нет, но чудовище издало хриплый гневный вопль, а затем послышался треск разламываемого в щепки дерева.

Оказанное сопротивление, однако, дало нам лишь краткую передышку. Уже через несколько секунд колышущаяся тень снова появилась в проеме. Темные дергающиеся щупальца, похожие на змей, потянулись к нам, извиваясь в воздухе с ужасным шумом, и заставили меня и Баннерманна отступить. Решительное сопротивление, только что оказанное Баннерманном, скорее обескуражило чудовище, чем причинило ему вред.

— Назад! — крикнул Баннерманн срывающимся голосом.

Темное щупальце-тень с ужасной силой ударило его в плечо и сбilo с ног. Баннерманн упал, тут же инстинктивно попытался было снова встать на ноги, но с пронзительным криком отшатнулся назад, увидев, как чудовище-тень наклонилось над ним. Извивающееся щупальце легло ему на плечо. Крики Баннерманна стали еще пронзительнее.

И тут со мной произошло что-то непонятное.

Я не знаю, что это было. Даже потом, позднее, я так никогда и не смог выразить словами чувство, охватившее меня в тот момент. *Что-то непонятное*, казалось, овладело мной и так парализовало мою волю, как сильный порыв ветра задувает свечу.

С громким криком я прыгнул вперед, встал, широко расставив ноги, над Баннерманном и вытянул руки в сторону чудовища, словно защищаясь и одновременно заклиная его.

Это была *не моя* колдовская сила. Я уже как-то раз испытывал нечто подобное, но

сейчас то, что действовало посредством меня, было намного сильнее. Я в этот момент являлся лишь орудием, подчинявшимся другой, могущественной воле. В моем теле пульсировала невероятная, непреодолимая *мощь*. Мой взгляд начал затуманиваться. Я увидел, словно сквозь переливающуюся завесу, что чудовище-тень отскочило назад, как будто натолкнувшись на незримую стену. Что-то мощное, невидимое (хотя моему внутреннему взору оно представлялось маленькими голубыми огоньками, оставляющими за собой светящийся след) начало излучаться из кончиков моих пальцев, оттесняя чудовище назад.

Чудовище завопило. Его крик был пронзительным и яростным, одновременно полным и боли, и гнева. Маленькие голубые огоньки пробежали по его телу, обрисовав его контуры, как электрический разряд.

Однако кровожадное чудище не собиралось отступать. Мое внезапное нападение, по-видимому, застало его врасплох, а голубые огоньки, бегающие по его телу, причиняли ему, должно быть, невыносимую боль. Тем не менее, оно снова бросилось в наступление.

В мою сторону метнулась какая-то тень. Я инстинктивно отшатнулся, затем сделал шаг назад, но недостаточно быстро. Возникло ощущение, будто меня коснулся раскаленный железный прут. Мои ноги подкосились, и я рухнул с размаху на спину, ничего не видя перед собой от боли и страха, выставив руки перед лицом. Надо мной наклонилась мощная тень: это было зеленое слизистое существо, состоявшее, казалось, только лишь из щупальцев со смертоносными пастями. Боль в моем плече усилилась, став почти нестерпимой. Чудовище снова атаковало меня: одна из его конечностей схватила меня за плечо и начала вырывать мою руку.

Роберт! Защищайся! ДАЙ ЕМУ ОТПОР!

Я не знал, откуда доносился этот голос. Он звучал прямо в моей голове. И это был незнакомый голос.

Но я повиновался...

Где-то внутри меня еще ощущалась чужеродная пульсирующая *мощь*, *нечто*, не принадлежавшее мне, но, тем не менее, являвшееся словно частью меня, погруженное в пучину моей боли, моих страданий. И тут я предпринял отчаянную попытку мобилизовать это *нечто* на борьбу с чудовищем.

Сквозь мои закрытые веки в сторону чудища сверкнула молния, и я сразу же почувствовал, что захват на моем плече ослаб. Кровожадный монстр, ревя, отступил. Его охватило яркое пламя: огоньки, бегавшие по нему до этого, ярко вспыхнули и стали пожирать его.

Это было поразительное зрелище. Тело чудовища начало бледнеть, превращаясь в призрак. Через несколько секунд его уже совсем не было видно.

Однако огоньки продолжали гореть.

Я не чувствовал даже малейшего тепла, хотя чудовище все еще находилось на расстоянии вытянутой руки от меня. Его тело исчезло, а на его месте передо мной бушевал беззвучный, огненно-белый адский огонь, при этом языки пламени обрисовывали контуры тела чудовища, словно огненное перо. Я увидел, что оно пошатнулось, тяжело опустилось на колени и затем стало извиваться на полу. Его щупальца дергались над полом, как тонкие огненные змеи, — и исчезали.

Все это было похоже на обугливание сухого листа. Чудовище съежилось, превратилось в крошечную кучку пепла и, в конце концов, исчезло.

Все, что от него осталось, — это вытянутое, отдаленно напоминающее фигуру человека горелое пятно на дощатом полу.

Я с трудом приподнялся. Комната вокруг меня начала вращаться, а все звуки, казалось, раздавались откуда-то издалека. Я застонал, потер ладонями лицо и, сделав над собой усилие, открыл глаза. Возле меня на полу корчился Баннерманн. Его одежда в том месте, где ее коснулась рука-тень чудовища, обуглилась и разорвалась, а плечо под ней было красным, покрытым волдырями от ожога.

Я испуганно наклонился над ним:

— Баннерманн! С вами все в порядке?

Капитан мучительно сглотнул, как-то судорожно кивнул мне и попытался было приподняться, но тут же со стоном повалился на пол, как будто его раненое плечо не выдержало вес его тела.

— Я... в порядке, — еле выдавил он из себя. — Думаю, что я... не очень серьезно ранен.

Он вздохнул, поднял голову и тут же в изумлении вытаращил глаза.

— Боже мой, Крэйвен! — ахнул он. — Ваши руки! Что случилось с вашими руками?

Я, ничего не понимая, оторопело смотрел на него пару секунд, затем бросил взгляд на свои руки — и лишь в последний миг сумел сдержать крик ужаса.

Мои руки сильно обгорели.

Кончики пальцев были черными, как будто я хватал ими горящие угли, а сами пальцы до суставов стали ярко красными и от ожогов покрылись пузырями. Во многих местах кожа отсутствовала.

Только теперь, увидев, как сильно я пострадал, я начал чувствовать острую боль.

— Это... ничего, — сказал я, но тут же сжал челюсти, чтобы не застонать от боли. — Ничего... страшного.

Баннерманн посмотрел на меня с выражением одновременно и озабоченности, и страха, приподнялся — на этот раз намного осторожнее — и бросил взгляд на обугленное пятно, единственное свидетельство битвы с кровожадным чудищем.

— Что это было? — пробормотал он.

— *Краал*, — ответил я. — Небольшой сюрприз, приготовленный для нас нашим другом Лейманом. То самое чудовище, которое убило в гостинице Биллингса.

Пораженный Баннерманн покачал головой.

— Я не это имею в виду, — сказал он.

Его голос вдруг зазвучал совсем не так, как раньше. В нем чувствовался гнев, но еще и нечто иное.

— Я имею в виду вас, — продолжал он. — Как вы это сделали?

Я ответил не сразу, хотя и знал, что мне зададут этот вопрос.

Выпрямившись, я посмотрел на свои обожженные руки и попытался пошевелить пальцем. Он двигался, но это причиняло мне адскую боль.

— Это был не я, — ответил я.

— Это были?... — Баннерманн замолк на полуслове, впился в меня взглядом и, поднявшись на ноги, недоверчиво переспросил: — Это были не вы? Что означают ваши слова: *это был не я*?

— Это... не моя сила уничтожила *краала*, — произнес я, запинаясь.

Я с трудом сдерживался, чтобы не разразиться истерическим смехом. Сказанное мною

звучало абсолютно нелепо. Но я не мог дать других объяснений.

— Это был Андара, мой отец, — сказал я.

Баннерманн фыркнул:

— Ваш отец мертв, юноша. Я участвовал в его похоронах.

— Я знаю, — ответил я. Мне было трудно говорить. — И тем не менее, это так. Он... не мертв. Точнее, не так мертв, как мы полагали.

— Вот как? — сказал Баннерманн. — Не знал, что можно быть по-разному мертвым.

— Прошу вас, Баннерманн, — сказал я вполголоса. — Я понимаю, что это звучит странно, но это так. То, что здесь недавно произошло, было совершено не мной. Мой отец жив, не знаю, каким образом это случилось, и не знаю, где он сейчас. Я... сегодня уже разговаривал с ним.

— Разговаривали? — переспросил Баннерманн. — Вы? С вашим *мертвым* отцом?

Во мне постепенно нарастал гнев.

— Черт возьми, Баннерманн, вы можете считать меня сумасшедшим, но я говорю правду! Что еще должно произойти, чтобы до вас наконец дошло, что...

— ...между Землей и Небом существует еще и то, о чем наше школьное образование умалчивает, — перебил меня Баннерманн. — Да-да, Крэйвен, я знаю это изречение.

Он покачал головой, опустил на кушетку и закрыл лицо руками.

— Простите, — сказал он через некоторое время. — Я... просто это для меня уже слишком.

Я кивнул. В подобных обстоятельствах Баннерманн держался еще молодцом. Другие на его месте не выдержали бы такой нагрузки.

— Ну хорошо, — пробормотал я и хотел было полностью подняться, но тут же ударился головой о балку и побрел к Баннерманну на полусогнутых ногах. И лишь теперь я вспомнил о Присцилле. Из-за всех этих треволнений и ужасов я о ней совсем забыл.

Она все еще стояла, до смерти перепуганная, у стены, к которой она отскочила, когда появилось чудовище. Ее лицо было совсем бледным, руки дрожали, а в глазах застыло такое выражение ужаса, какого я в своей жизни еще не видел.

— Присцилла, — пробормотал я. — Я...

— Что это было, Роберт? — еле слышно спросила она. Ее голос был слабым, как у дряхлой старушки. — О господи, Роберт, что...

Я немного помолчал, затем подошел к ней и поднял было руку, чтобы обнять ее за плечи, но не сделал этого.

— Все уже позади, — сказал я как можно мягче. — Ты была права, когда говорила, что Лейман связался с самим сатаной. Быть может, ты сама даже и не догадываешься, насколько ты права.

Она посмотрела мимо меня на то место, где в последний момент стоял *краал*. На почерневшем полу отчетливо виднелись очертания его тела. Пожалуй, чудом было то, что не загорелся весь дом, как это случилось с лавкой Леймана.

— Все уже позади? — прошептала она и подняла глаза. В них вдруг заблестели слезы.

— Позади, — подтвердил я. — Чудовище мертво, и Лейман никогда уже не сможет вызвать заклинаниями что-нибудь подобное.

— Но как... — она запнулась, шумно сглотнула и внезапно бросилась ко мне. Она так сильно вцепилась в меня, что мне стало трудно дышать.

— Увези меня отсюда, Роберт, — взмолилась она. — Пожалуйста, увези меня отсюда.

Я... сойду с ума, если останусь здесь.

Она начала тихонько плакать и еще сильнее прижалась ко мне. Теперь она была похожа на перепуганного одинокого ребенка.

Не обращая внимания на боль в ладонях, я нежно коснулся ее волос, погладил ее плечи. Я почувствовал, как она задрожала от моего прикосновения.

— Хорошо, малышка, я увезу тебя, — прошептал я. — Обещаю.

Ночь опустилась на городок, окутав его тьмой, словно одеялом. Немногочисленные звезды, появившиеся на небе с наступлением вечера, постепенно исчезли за завесой черных дождевых туч, и даже свет луны, прилепившейся к небосводу своим почти идеально круглым диском, лишь периодически пробивался в разрывы между тучами. В воздухе пахло дождем, да еще ветер приносил от находившегося неподалеку моря запах соленой воды. Иногда слышался одинокий крик чайки.

— Держитесь сразу за мной, — прошептала Присцилла.

Ее голос из-под коричневого, натянутого на лоб капюшона плаща звучал приглушенно, но при этом его было хорошо слышно, потому что вокруг стало тихо, неестественно тихо. Городок словно вымер. На узкой, тянущейся в южном направлении улице не было ни души, и если бы у нас за спиной не виднелись слабые красноватые отблески огня, то можно было бы действительно подумать, что Голдспи превратился в мертвый город.

Но это было не так. С тех пор как мы покинули дом, мы никого не видели, однако слышали голоса и шаги десятков людей, поэтому первые три-четыре сотни ярдов нам приходилось перемещаться перебежками, как под обстрелом. Присцилла вела нас по боковым улочкам и задним дворам такими окольными путями, что нездешний человек не отыскал бы их и за сотню лет. Мы крались от одного потаенного места к другому, словно преступники; затаив дыхание, прятались за углами домов и в проемах ворот. В результате мы передвигались так медленно, что на первые полмили нам потребовался почти целый час. Мое сердце бешено колотилось, и, хотя непосредственно угрожавшая нам опасность была уже позади, — а может быть, наоборот, как раз потому, что она была позади, — мои руки тряслись.

В городишке что-то происходило. Судя по доносившимся до нас звукам, все население Голдспи было на ногах и дружно топало на рыночную площадь в центре города, хотя приближалась полночь.

Но все это происходило уже позади нас, поэтому я испытывал некоторое облегчение. Чем ближе мы приближались к окраине городка, тем меньше были слышны шаги и голоса людей. Улицы теперь стали такими пустыми, что мы уже могли позволить себе идти посвободнее, прямо по тротуару, хотя и старались держаться в тени домов. Присцилла дала нам с Баннерманном темные плащи, такие же, как у нее самой, и мы накинули их поверх своей одежды, хотя ни я, ни Баннерманн не питали особых иллюзий относительно того, что подобная маскировка нам сможет чем-то помочь. Уже то, что мы направлялись не в центр города, выглядело подозрительным. Если бы мы натолкнулись на кого-нибудь, нам была бы крышка.

Вдруг Присцилла остановилась, подняла руку и, закрыв глаза, прислушалась.

— В чем дело? — озабоченно спросил Банн.

Присцилла жестом заставила его замолчать, постояла с закрытыми глазами две-три секунды, прислушиваясь, и вдруг резко повернулась.

— Кто-то идет! — сказала она. — Быстро уходим отсюда!

Она указала на какую-то подворотню, мимо которой мы только что прошли, и, кинув быстрый взгляд через плечо, бросилась туда. Мы с Баннерманном последовали за ней. Наши шаги отдавались гулким эхом, и мне казалось, что их, наверное, слышно даже на другом конце города. Но, к счастью, подворотня находилась недалеко, там было темно и достаточно места, чтобы укрыть всех нас. Мы проворно нырнули вслед за Присциллой в тень под сводом ворот.

Через некоторое время послышались чьи-то торопливые шаги. Я напряг зрение, стараясь увидеть что-нибудь в серовато-голубоватых сумерках, но так и не смог ничего разглядеть, разве что несколько быстро перемещающихся теней, промелькнувших по другой стороне улицы.

Затаив дыхание, я ждал, пока они не пройдут мимо и звук их шагов не поглотит ночь.

С другой стороны городка до нас донесся глухой одинокий удар барабана.

— Что это было? — прошептал Баннерманн.

Посмотрев на меня, Присцилла резко помотала головой и сделала шаг в сторону.

— Ничего, — сказала она. — Ничего особенного.

Баннерманн хмыкнул, молниеносным движением руки схватил ее за руку и дернул к себе.

— Один момент, девчушка, — пробормотал он. — Прежде чем мы пойдем дальше, я хочу, чтобы ты мне кое-что объяснила.

Присцилла попыталась вырваться, но Баннерманн безжалостно вцепился в ее руку. Это, по-видимому, причиняло ей боль, и я на какой-то миг почувствовал, что во мне стал закипать гнев. Присцилла посмотрела на меня, словно прося защиты.

— Вы причиняете ей боль, Баннерманн, — сказал я, быть может, немного громче, чем следовало бы в нашей ситуации.

Баннерманн буркнул что-то нечленораздельное, ослабил свою хватку, но так и не отпустил запястье Присциллы. Я больше ничего не говорил. Все, чего я сейчас хотел, — это как можно быстрее исчезнуть из Голдспи. Но и Баннерманна тоже можно было понять. С той поры, как мы покинули дом, мы практически друг с другом не разговаривали. И он, так же как и я, чувствовал, что в этом городке происходит что-то странное.

— Да отпустите же меня, капитан, — взмолилась Присцилла. — У нас совсем нет времени. Такой возможности, как эта, у нас уже не будет.

— Возможности? — резко переспросил Баннерманн. — Какой возможности?

По лицу Присциллы пробежала тень. Она стала похожа на человека, который сболтнул лишнее, а теперь жалеет об этом.

— Убежать отсюда, — ответила она уклончиво. — Они все заняты. Если нам повезет, они лишь с восходом солнца заметят, что нас здесь уже нет.

— Заняты? — не унимался Баннерманн. — Чем же они заняты?

Тишину ночи нарушил еще один, более громкий, удар барабана, и мне даже показалось, что я слышу пронзительный звук трубы, доносящийся откуда-то издалека. Словно в ответ на удар барабана...

Присцилла шумно вздохнула и снова попыталась высвободить свою руку. Ее взгляд был умоляющим, и я почувствовал, как в моей груди что-то легонько, но мучительно кольнуло. Все это было странно: я знаком с этой девушкой лишь несколько часов, но она стала для меня такой близкой, как будто я знал ее уже многие годы. Мне было больно видеть, что кто-

то причиняет ей боль. Однако я лишь отвел взгляд и опустил голову.

— Они собираются все вместе, — сказал Баннерманн. — Не так ли? Они все идут на рыночную площадь, ведь так?

Он имел в виду, что все жители городка шли в направлении, противоположном тому, куда двигались мы. Над крышами в центре Голдспи виднелись отблески огня. Там, должно быть, пылали костры. Много костров.

Присцилла отрешенно кивнула:

— Да.

— А зачем? — спросил Баннерманн. — И к чему этот барабан? И эти костры? Для чего они?

— Я... я этого не знаю, — пролепетала Присцилла.

— Лжешь! — Баннерманн вывернул ей руку, правда, лишь чуть-чуть, чтобы причинить ей небольшую боль и тем самым показать, что ей не удастся отделаться от него обычными отговорками. Я вздрогнул. Еще немного — и я бросился бы на него с кулаками.

— Я... я точно не знаю, — пробормотала Присцилла. — Это... этим... этим барабаном они вызывают... чудовище. Но это же сейчас... невозможно. Сейчас нет полнолуния и...

— Но у них, может быть, есть для него новые жертвы, — рявкнул Баннерманн. — Ведь так? Они вызывают чудовище, чтобы совершить жертвоприношение. Или жертв несколько?

Присцилла больше ничего не отвечала и лишь изо всех сил пыталась высвободиться. Баннерманн еще крепче вцепился в нее, но тут же отпустил, когда я повернулся к нему и грубо дернул его за плечо.

— Отпустите ее, Баннерманн! — прошептал я. — От того, что вы причиняете ей боль, все равно нет никакого толку.

Баннерманн, отпустив запястье Присциллы, оттолкнул мою руку и впился в меня взглядом.

— Что-что? — резко сказал он. — Нет никакого толку? Вы что, Крэйвен, ослепли или ослабли умом от страха?

— Что... к чему вы клоните? — удивленно спросил я.

Присцилла сделала несколько шагов назад и в страхе прижалась к стене. Она смотрела то на меня, то на Баннерманна.

— К чему я клоню? — переспросил Баннерманн. Он уже и не пытался говорить тихо, наоборот, почти кричал. — К тому, о чем я уже давно догадываюсь, вы, недотепа! Почему, по-вашему, мы смогли так легко улизнуть, если этот городишко — одна большая западня?

— Потому что... потому что они...

— Потому что они заняты, — перебил меня Баннерманн. — Именно так. А сказать вам, чем? Они приносят в жертву людей. Они делают чудовищу жертвоприношения. Именно поэтому никто не обращает на нас внимания, Крэйвен. Потому что мы им в данный момент не нужны.

— Это неправда! — вырвалось у меня. — Это...

— И я скажу вам, кого они приносят в жертву, — продолжал Баннерманн. Его голос дрожал от возбуждения. — Моих матросов. Именно поэтому она и не хотела, чтобы мы пошли на берег и разыскивали их там, Крэйвен. Потому что она точно знала, что будет происходить. По крайней мере, она на это надеялась. Она предполагала, что они принесут в жертву моих матросов, а мы тем временем сможем скрыться!

— Это неправда, — сказал я. — Это...

— Тогда сами спросите эту маленькую вертихвостку! — вскипел Баннерманн.

И тут я его ударил. Я не знаю, кого это больше удивило — его или меня самого. Казалось, моя рука сама по себе сжалась в кулак и ударила его по лицу. Баннерманн отлетел назад, ударился о стену и сжал кулаки. Но он не нанес мне ответный удар, а лишь презрительно посмотрел на меня.

— Ну, теперь полегчало? — спокойно спросил он.

— Я... простите меня, — сказал я, запинаясь. — Я не хотел этого делать.

Баннерманн холодно улыбнулся:

— Да ладно. Мне не следовало так говорить. Но, тем не менее, я прав. Что скажешь?

Последняя фраза была адресована Присцилле. Девушка посмотрела на Баннерманна, несколько раз судорожно сглотнула и отвернулась, чтобы не смотреть ему в глаза. Ее губы дрожали.

Я шагнул к ней, взял ее пальцами за подбородок и заставил посмотреть мне в глаза.

— Это правда? — спросил я.

В ее глазах, смотревших на меня, заблестели слезы.

— Да, — прошептала она. — Они вызывают чудовище только тогда, когда... у них есть для него жертва.

— Но ведь ты же говорила мне, что они делают это только в полнолуние, — недоверчиво сказал я.

Баннерманн фыркнул.

— Так сейчас как раз полнолуние, Крэйвен, или почти полнолуние. Кроме того, Донхилл не может упустить такую превосходную возможность преподнести чудовищу дополнительную жертву.

— Это неправда, — пробормотал я. — Скажи же ему, Присцилла, что все это неправда.

Присцилла всхлипнула. Ее пальцы нервно скользнули по моей груди и плечам, она взяла меня за руки. Я вздрогнул от боли. Мои обгоревшие пальцы все еще болели, а удар кулаком по лицу Баннерманна снова разбередил раны. С моих пальцев капала кровь, оставляя темные пятна на ее одежде.

— Это правда, — прошептала она.

— И ты это знала?

Она кивнула.

— Да. Я... подслушала разговор двух помощников Донхилла, когда выходила из дома, чтобы... найти плащи для вас, — сказала она, запинаясь. — Но это был мой единственный шанс, Роберт, пойми меня.

— Шанс? — гневно спросил Баннерманн. — Для кого? Ты хотела заплатить жизнями моих матросов за свою собственную свободу?

— И за нашу свободу, Баннерманн, — грубо сказал я. — Помолчите же вы, в конце-то концов!

— Он прав, — тихо сказала Присцилла. Ее голос начал дрожать, и она заплакала. — Я... я должна выбраться отсюда, Роберт. У меня была только вот эта, единственная возможность. Когда горит жертвенный огонь, все жители собираются там, у реки. Даже охранники. Мы не смогли бы уйти так далеко, если бы они все не были так заняты.

— А мы дальше и не пойдем, — гневно сказал Баннерманн.

Я отпустил плечо Присциллы, обернулся и задумчиво посмотрел на него:

— Вы намереваетесь вернуться?

— А вы нет?

— Но ведь это же самоубийство! — воскликнула Присцилла. — Вы ведь ничего не сможете сделать! Там собрались все жители поселка. Они убьют и вас, и Роберта.

— Я не оставлю своих матросов в беде, — гневно сказал Баннерманн. — И я не буду сидеть сложа руки и ждать, пока их принесут в жертву какому-то там чудовищу. Вы оба можете спастись бегством, а я возвращаюсь.

Он повернулся и хотел немедленно бежать в центр городка, но я ухватился за его одежду и удержал его.

— Отпустите меня, Крэйвен! — сказал он сердито. — Вам не нужно идти со мной.

— Да нет, я пойду с вами, — тихо ответил я. — Но мы не можем бежать туда, сломя голову. По крайней мере в одном Присцилла права, капитан: они убьют нас еще быстрее, чем мы можем предположить, если мы попремся напролом.

Баннерманн сердито сжал губы, но все-таки утерпил свой пыл и согласно кивнул, а затем спросил:

— А какой у вас план?

Я немного помолчал, затем обернулся и посмотрел на Присциллу.

— Расскажи нам, как это все обычно происходит, — обратился я к ней. — У нас есть возможность подойти к площади незамеченными?

Присцилла испуганно покачала головой.

— Ты не можешь вернуться! — сказала она, волнуясь. — Они тебя убьют, Роберт.

— Возможно, — серьезно ответил я. — Но Баннерманн прав: мы не бросим матросов в беде.

— Но что мы можем предпринять? У Донхилла в подчинении десятки людей. У нас нет никаких шансов спасти матросов.

— Я говорю не о нас, — сказал я, четко выговаривая слова. — Мы с Баннерманном пойдем туда без тебя. А ты иди дальше. Если поторопишься, то еще до рассвета выйдешь к большой дороге. А там, может, попадется попутная повозка.

— Я одна не пойду, — сказала Присцилла. — Они снова меня поймут, как это уже не раз бывало.

Она вдруг бросилась мне на грудь и отчаянно обвила мою шею руками, так крепко, что я еле мог дышать.

— Не ходи туда, Роберт! — взмолилась она. — Они тебя убьют! Другие люди уже пытались противостоять чудовищу, но все оказалось напрасно.

Я осторожно разнял ее руки, отстранил ее от себя на некоторое расстояние и попытался улыбнуться.

— У тех, других, наверное, не было таких возможностей, какие есть у меня, — сказал я тихо. — Ты ведь видела, что случилось, когда на нас напало невидимое чудовище. Я знаю, каким способом я смогу защитить нас, кроме того, у меня есть такие средства, о которых Донхилл и не подозревает.

— Но это было нечто совсем другое! — сказала Присцилла в отчаянии. — Ты сам говорил, что то существо было побеждено не твоими собственными силами. Откуда ты знаешь, что они тебе опять помогут?

— Я не знаю этого, — признался я. — Я могу только надеяться, что мой отец поможет мне и на этот раз.

— А если нет?

— Тогда, — сказал я после небольшой паузы, — тогда мы все погибнем, Присцилла.

Пока мы шли к центру города, становилось все темнее и темнее. Тучи висели над Голдспи сплошной завесой и полностью поглощали свет луны и звезд. Однако полукруглая площадь в самом центре городка была освещена почти так же ярко, как днем. По периметру этой немощенной площади были сложены костры в человеческий рост. Яркое пламя уносилось высоко в небо. Кроме того, большая часть людей, находившихся на площади, держали в руках чадающие факелы, которые давали мерцающий красноватый свет.

Это было странное зрелище. На площади собралось человек триста, если не четыреста, то есть намного больше, чем, по моим предположениям, в Голдспи могло быть жителей. Здесь стояли мужчины, женщины и даже дети. Все они были как-то странно одеты — в одинаковые простенькие коричневые плащи, такие же, как на мне, Присцилле и Баннерманне. Их лиц под натянутыми на голову капюшонами не было видно. И еще я почувствовал, что над площадью висело невидимое, но обволакивающее всех и вся облако — облако страха. Все эти люди пришли сюда не по своей воле: их сюда пригнали.

— Вот ведь звери, — простонал Баннерманн.

Я бросил на него быстрый тревожный взгляд, положил руку ему на предплечье и отрицательно покачал головой. Впрочем, я его хорошо понимал, даже очень хорошо. Жители Голдспи были на площади не одни: в центре образованного людьми в коричневых капюшонах круга находились три дощатых постамента высотой до колена. На них были установлены козлы, изготовленные из бревен в руку толщиной.

К ним были привязаны люди.

— Все здесь, — пробормотал Баннерманн. — Эти свиньи поймали всех троих. Эти проклятые...

Он замолчал.

— Успокойтесь, Баннерманн, — прошептал я. — Нам нельзя давать волю чувствам. Одна ошибка — и мы будем стоять вон там, рядом с ними.

Баннерманн посмотрел на меня. Его глаза сверкнули, но он ничего не сказал, а лишь резко отвернулся от меня и снова уставился на площадь.

Присцилла привела нас сюда окольными путями. Мы обошли рыночную площадь по широкой дуге и приблизились к ней с противоположной стороны, то есть со стороны реки, и остановились где-то шагов за тридцать от края толпы. Мы стояли в тени одного из домов, и нас почти не было видно.

Но большого толку от нашего тайного присутствия не было. Даже если бы нас было не двое, а гораздо больше, и мы оказались бы вооружены, мы все равно не смогли бы спасти несчастных матросов. Уже сам вид этой молчаливой, одетой в странную одежду массы людей разогнал во мне последние сомнения относительно правдоподобности того, о чем рассказала Присцилла. Донхилл, похоже, и в самом деле безраздельно хозяйничал в городке.

— Мне нужно какое-нибудь оружие, — пробормотал Баннерманн. — Например, винтовка.

Он обернулся к Присцилле и требовательно посмотрел на нее:

— Ты можешь достать какую-нибудь винтовку?

Присцилла с отчаянием покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Но даже если бы и могла...

— ...то это все равно было бы бесполезно, — перебил я ее. — Да будьте же вы

благоразумны, Баннерманн. Винтовка здесь не поможет.

— Как же тогда быть?

— Не знаю, — признался я. — Я могу разве что попытаться сдержать чудовище. Может быть, мой отец поможет мне еще разок, — я повернулся к Присцилле. — Как долго все это будет продолжаться?

— Не очень долго, — сказала она, немного подумав. — Они уже перестали бить в барабаны.

Глухой ритмичный шум, похожий на биение гигантского сердца, звучал все то время, пока мы шли сюда, но теперь он и правда стих, а я почему-то не придавал этому никакого значения. Кивнув Присцилле, я повернулся в сторону площади и попытался понять, что же там происходит.

— Что-то я нигде не вижу Донхилла.

— Он появится в самый последний момент, — прошептала Присцилла. — Он сам вызовет чудовище, хотя оно уже и так направляется сюда. Я его даже чувствую.

— А откуда оно явится?

Движением головы Присцилла указала в сторону речки. На ее противоположном берегу виднелся ряд горящих факелов, мерцающий свет которых отражался в воде, из-за чего казалось, что речка наполнена кровью.

— Чудовище живет в озере Лох Шин, — пояснила Присцилла. — Но озеро соединено подземным ходом с речкой. Когда чудовище слышит барабаны, оно является сюда. Это... продлится недолго.

Она сделала судорожный вдох и, запинаясь, спросила:

— Ты... ты и вправду думаешь, что сможешь его одолеть?

Я молча пожал плечами. Я так же, как и она, ничего не знал наверняка, и моя прежняя самоуверенность таяла с каждой минутой. Как только мы подошли к площади, я несколько раз попытался установить духовный контакт с моим отцом, но мои призывы остались без ответа. Да я никогда и не знал, действительно ли я смогу мысленно связаться с ним. Как, собственно, нужно вызывать дух умершего?!

Если быть честным и откровенным, я и сам не был на сто процентов уверен, что действительно видел тогда моего отца. Быть может, то была игра моего воображения, вызванная перенапряжением нервной системы.

Если это действительно так, то из-за иллюзии я теперь могу лишиться жизни...

Я отогнал эти мысли, сделал шаг назад, укрывшись поглубже в тень, и посмотрел в сторону речки. Вода была неподвижной, но мне показалось, что я уже различаю на поверхности появляющиеся волны. Мое сердце застучало быстрее.

— Я надеюсь на это, — ответил я Присцилле, хотя и с большой задержкой. — Но тебе лучше уйти отсюда, Присцилла. Независимо от того, сумею я остановить чудовище или нет, все равно находиться здесь очень опасно. Еще есть время уйти. Я прошу тебя, уходи!

— Нет, я останусь, — твердо сказала она. — Если ты остаешься, Роберт, то и я останусь.

— Очень глупо с твоей стороны, деточка, так поступать, — раздался голос позади нас. — Хотя и весьма трогательно, не так ли?

Присцилла вскрикнула от неожиданности, обернулась — и в ужасе отшатнулась.

Все произошло так быстро, что никто из нас уже ничего не смог бы сделать. Темнота вокруг нас вдруг мгновенно рассеялась от ярко пылающих факелов: прямо перед нами, словно свалившись с неба, неожиданно появилось человек десять здоровенных мужиков в

темных плащах с капюшонами.

Я обернулся, но и позади нас уже стояли люди. Мы были окружены. Но я почему-то не то что не чувствовал ужаса, я даже не испугался. Еще идя сюда, я подсознательно понимал, что нас, скорее всего, здесь ждет западня. Уж больно легко мы смогли добраться до площади.

Баннерманн гневно вскрикнул, сжал кулаки и сделал было шаг вперед, но тут же остановился: один из мужчин молниеносным движением вытащил из-под плаща винтовку и нацелил ее в голову Баннерманна.

— Я на вашем месте не делал бы этого, капитан Баннерманн, — послышался спокойный голос Донхилла. — А то мне, чего доброго, еще придется вас пристрелить.

Он злобно рассмеялся, сделал шаг в нашу сторону и, остановившись, резким движением отбросил капюшон на спину. Он переводил взгляд с меня на Присциллу, а с нее на Баннерманна.

— Как чудесно, что мы снова встретились, причем так скоро, — сказал он, улыбаясь.

— Ты, проклятый убийца! — выкрикнул Баннерманн, еле сдерживаясь, чтобы не броситься на Донхилла. — Ты...

— Можете оскорблять меня, если вам от этого становится легче, капитан, — невозмутимо заявил Донхилл. — Но это ничего не изменит, можете мне поверить, — он вздохнул. — Вам следовало бы побыстрее бежать отсюда, когда была такая возможность, — послушавшись совета Присциллы. Теперь, боюсь, уже слишком поздно.

— Присцилла? — Баннерманн резко повернулся к ней. Его руки дрожали. — Так ты нас предала, ты...

— Вовсе нет, капитан, — перебил его Донхилл. — Она тут ни при чем, — он посмотрел на Присциллу и, когда обратился к ней, его голос стал строгим. — А с тобой, милочка, мы побеседуем чуть попозже. — Он опять повернулся к Баннерманну: — Она вас не предавала, капитан. Но в этом городке не происходит ничего, о чем бы я не знал. И, поверьте мне на слово, даже если бы вам все-таки удалось выбраться из Голдспи, это бы вам не помогло. У меня, знаете ли, очень длинные руки.

Лицо Баннерманна исказилось от ненависти, и лишь винтовка, нацеленная на него, сдержала его желание вцепиться в Донхилла.

— Впрочем, — продолжал, выдержав паузу, Донхилл, — нет смысла расстраиваться по поводу упущенных возможностей, не так ли? Раз уж вы снова здесь, давайте этим воспользуемся на все сто.

— Да прекратите вы, Донхилл, — тихо сказал я. — Можете нас убить, если вам так уж этого хочется, но нечего издеваться над нами.

Донхилл, нахмутив лоб, уставился на меня, как будто только что меня увидел.

— А, ну да, мистер Крэйвен! — сказал он. — Человек чести, так ведь? — он хихикнул. — А вот с умишком у вас, боюсь, плоховато. Вы что, и в самом деле думали, что сможете вдвоем противостоять мне и моим людям?

Я выдержал его взгляд, но не сказал ни слова. Донхилл злорадно улыбнулся, сделал шаг назад и махнул рукой в сторону площади, словно приглашая нас туда.

— Итак, вы явились сюда, чтобы посмотреть на троих своих друзей, — сказал он со злостью. — Что ж, не будем тянуть время, не возражаете?

Один из его людей грубо толкнул меня, посчитав, видимо, что я слишком медленно реагирую на «приглашение» Донхилла пройти на площадь. Я пошатнулся, но сумел

удержаться на ногах и пошел рядом с Баннерманном вслед за Донхиллом.

Ряды стоящих на площади людей в плащах с капюшонами расступались перед нами. Хотя здесь собралась уйма народу, над толпой висела гробовая тишина. На ее фоне даже звуки наших шагов казались грохотом.

Донхилл провел нас через середину площади к трем постаментам, на которых находились матросы Баннерманна. Баннерманн застонал, увидев, как грубо были связаны его люди. Веревки буквально врезались в их кожу, оставляя кровавые рубцы. Матросы были раздеты до пояса, и на их спинах виднелись кровоподтеки: их, по-видимому, жестоко избili перед тем, как привести сюда. Один из них был без сознания.

— Ах ты, проклятый изверг! — вырвалось у Баннерманна. — Убить тебя мало за это.

Мужчина, идущий вслед за ним, поднял руку и с размаха ударил Баннерманна кулаком по затылку. Баннерманн упал на колени, лишь в последний момент успев выставить вперед руки, чтобы не шлепнуться с размаху на землю ничком, и застонал от боли.

— Не будьте смешным, — спокойно сказал Донхилл. — Это вам предстоит умереть, капитан. Но сначала вы увидите, как умирают ваши люди, — он тихонько засмеялся. — Надеюсь, вы осознаете, что вы получили редкостный шанс, капитан. Ну кому еще выпадала возможность увидеть свою смерть заранее?

— Да замолчите вы, Донхилл, в конце-то концов! — возмущенно воскликнул я.

Донхилл обернулся и посмотрел на меня. Его взгляд был полон ненависти. Но, как ни странно, никакой вспышки гнева с его стороны не последовало.

— Вы правы, Крэйвен, — сказал он. — Времени и так мало.

Он еще раз улыбнулся, комически изобразил поклон и повернулся к речке. Его руки начали медленно подниматься, ладони складывались, как для молитвы.

Но он так и не закончил это движение.

За нашей спиной раздался звонкий звук выстрела. Донхилл пошатнулся, сделал маленький неуверенный шаг в сторону, затем медленно опустился на колени. С его губ сорвался звук, похожий на стон. Он снова зашатался, медленно опустил руки и прижал их к груди. На его лице застыло выражение изумления и растерянности.

— Вы... вы остолопы, — еле выдавил он из себя. У него изо рта тоненькой блестящей струйкой потекла кровь. — Вы... проклятые... остолопы. Чудовище... уничтожит... всех вас.

Он хотел еще что-то сказать, но уже не смог. Его взор погас. Он повалился на землю уже мертвым.

Раздался второй выстрел, за ним послышался крик, словно от сильной боли. Я обернулся и увидел, что один из одетых в коричневые плащи людей как-то неестественно прямо держа спину, вышел из толпы.

Снова раздался выстрел. Человека встряхнуло, словно от удара невидимого кулака. Он упал на колени, затем снова попытался подняться. Винтовка, которую он держал в руках, выскользнула и упала на землю.

— Крэйвен! Бегите! Бегите отсюда!

Третий выстрел окончательно сбил его с ног. Он упал на спину, попытался было еще раз подняться, но уже не смог. Вдруг прогремел целый залп ружейных выстрелов. Я увидел, как с земли, слева и справа от этого человека, взвились фонтанчики пыли от ударов пуль.

Тут я очнулся от оцепенения. Одновременно с Баннерманном мы резко обернулись, я одним прыжком оказался рядом с людьми, охранявшими нас, и сбил одного из них с ног ударом кулака. Второй попытался вскинуть винтовку и прицелиться в меня, но я выбил

винтовку у него из рук, саданул ему локтем в живот и, пока он падал, схватил его винтовку. Рядом со мной Баннерманн с грозным криком сбил с ног двух охранников, а у третьего выхватил винтовку и врезал ему прикладом по черепу.

Кто-то выстрелил. Пуля ударила в землю совсем рядом с моей ступней, но стрелявший так и не успел выстрелить второй раз. Баннерманн вскинул винтовку к плечу и нажал на спусковой крючок, практически не целясь. Один из людей, стоявших на другой стороне площади, вскрикнул и упал на землю.

Толпу охватила паника. Снова раздались выстрелы, но это была уже беспорядочная пальба куда попало, не представляющая для нас серьезной угрозы. Баннерманн также сделал несколько выстрелов, но я заметил, что он стрелял поверх толпы.

Площадь, казалось, захлестнул какой-то дикий хаос. Вся масса людей, которая еще минуту назад представляла собой решительно настроенное организованное войско, в считанные секунды превратилась в неуправляемое стадо. Мужчины и женщины с воплями бросились врассыпную, давя и толкая друг друга. Несколько сторонников Донхилла, попытавшихся сдержать толпу, были опрокинуты и затоптаны бегущими людьми.

Я быстро огляделся по сторонам. Те из наших охранников, до которых мы с Баннерманном еще не добрались, сами бросились наутек. Казалось, про нас совершенно забыли. Никто не обращал на нас никакого внимания.

— Баннерманн! Займитесь своими матросами! — крикнул я. — Встретимся на берегу моря!

Не дожидаясь ответа, я бросился вперед, для острастки несколько раз выстрелив на бегу. Звуки выстрелов потонули в воплях толпы, но, тем не менее, вокруг меня мгновенно образовалось свободное пространство: люди в коричневых плащах отшатнулись, испугавшись выстрелов. Никто даже и не думал оказывать мне какое-либо сопротивление.

Я подбежал к человеку, стрелявшему в Донхилла. Он был еще жив, хотя в него попало по крайней мере с десяток пуль. Его плащ стал красным от крови, но глаза были открыты, и он, похоже, узнал меня. С его губ сорвался тихий мучительный стон.

— О'Бэнион! — воскликнул я, не веря своим глазам. — Это вы?

— Я... с ним по квитался, — прошептал он. Его рука поднялась, он схватил меня за плащ, но тут же бессильно отпустил его. — Он... мертв?

— Донхилл? — спросил я. — Да. Он мертв.

Его лицо исказилось от боли, но на губах появилась довольная улыбка.

— Вот и... хорошо, — прошептал он. — Он виноват... в смерти Стива. Он... его убил.

— Не разговаривайте, О'Бэнион, — сказал я. — Вам нельзя сейчас разговаривать. Я приведу к вам врача.

— В этом... нет больше смысла, — ответил умирающий.

Его взор затуманился, а тело обмякло. Но жизнь еще теплилась в нем.

— Послушайте... меня, Крэйвен, — прошептал он. — Я должен вам... кое-что... сообщить.

— Сообщить?

— Где-то есть еще... третий маг, — пробормотал он. Его голоса уже почти не было слышно. — Вам нужно... бежать отсюда. Опасность... еще не... миновала. Где-то есть... третий маг...

— Что вы имеете в виду? — спросил я. — О чем вы говорите, О'Бэнион? Какой еще маг? Кто вам это сказал?

Но О'Бэнион уже ничего не мог ответить. Он был мертв. Несколько секунд я молча смотрел на его осунувшееся лицо. Затем я присел, протянул руку и осторожно закрыл ему глаза.

— Он мертв?

Узнав голос Присциллы, я повернулся и взглянул на нее. Я даже не заметил, как она подошла. Ее лицо было удивительно спокойным, но во взоре горел какой-то странный огонь. Быть может, она просто слегка ошалела от пережитого.

— Да, — ответил я. — Он мертв.

— Донхилл тоже, — сказала она тихо. — Я... сама в этом убедилась.

И вдруг ее самообладание изменило ей. Она пронзительно вскрикнула, упала возле меня на колени и порывисто прильнула к моей груди.

— Увези меня отсюда, Роберт! — взмолилась она. — Пожалуйста, ну пожалуйста, увези меня отсюда!

Я осторожно обнял Присциллу, погладил ее волосы и нежно поцеловал в лоб.

— Тебе больше не нужно ничего бояться, При, — прошептал я.

Вдруг на меня нахлынула волна такой всепоглощающей нежности, какой я не испытывал еще никогда в жизни.

Хотя, может быть, причиной всему был просто страх, и я прижимался к ней из-за такого же ощущения беспомощности, какое испытывала и она. Но теперь я осознавал, что люблю эту девушку. И хотя это было как-то странно, даже неправдоподобно, но, тем не менее, именно в этот момент, когда все вокруг нас погрузилось в хаос, я понял совершенно точно, что я ее люблю.

А она любит меня.

Через некоторое время Присцилла высвободилась из моих рук, вытерла рукавом слезы на своем лице и посмотрела на меня.

— Что он имел в виду? — спросила она.

— О'Бэнион?

Она кивнула:

— Он сказал: где-то есть еще третий маг.

Я помолчал, затем беспомощно пожал плечами и снова прижал ее к себе.

— Не знаю, — сказал я. — Я знаю только то, что впредь тебе уже ничего не придется бояться, любимая. Никогда. Все ужасы уже позади. Наконец-то.

Но это было неправдой.

Я осознал это в тот самый момент, когда произносил эти слова. Ужасы не закончились. И еще долго не закончатся.

Они только начинаются.

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ВТОРАЯ КНИГА

Книга третья

Колдунья из Салема

Он бежал, спасая свою жизнь.

Они неслись вслед за ним, и хотя он их не видел и не слышал, но чувствовал, что они близко. Они были где-то позади него, а может, уже успели обогнать его по какой-нибудь параллельной улице, пытаясь перехватить. Их не было видно в кромешной тьме, упавшей на город, словно черная туча. Это был их район, и они знали здесь каждую пядь земли, каждое укромное местечко, каждую лазейку. Он сумел немного оторваться от них, но при этом не питал особых иллюзий. Эти парни, по всей видимости, поначалу приняли его за какого-нибудь простофилю, приехавшего из глубинки, — скажем, за крестьянина, у которого при виде блеснувшего лезвия ножа так начинают трястись поджилки, что ему и в голову не приходит защищаться. Но теперь, после того как он, ударив одного из них, вышиб ему передние зубы, трое остальных парней уже не будут делать таких тактических ошибок.

Эндрю остановился, быстро осмотрелся по сторонам и сделал несколько глубоких вдохов. От холодного воздуха у него запершило в горле, а во рту почему-то появился неприятный привкус. Его сердце бешено колотилось.

Улица все еще была пустой. Тогда он успел отбежать от них шагов на двадцать, прежде чем они пришли в себя от изумления, и трое из них тотчас же бросились за ним. Четвертому было не до этого: он лежал, сбитый его ударом, на мостовой и, наверное, выплевывал выбитые зубы. Однако двадцать шагов — это совсем немного. Район, в котором он сейчас находился, явно не относился к фешенебельным районам Лондона. Точнее говоря, это был один из тех районов, где с наступлением темноты лучше не появляться. «Меня же об этом предупреждали, — подумал Эндрю, — а я не послушался. Вот дурак!»

Если бы этим парням были нужны только его деньги! Он без сожаления отдал бы им жалкие двадцать три фунта, которые сейчас лежали в его портмоне. Но, когда они внезапно появились из темноты и окружили его, он увидел в их взглядах и в выражении их лиц что-то такое, что подсказало ему: им нужны не только его деньги. Кроме денег, им хотелось устроить кровавую разборку. Они принадлежали к той категории мерзавцев, о которой его предупреждал Дингман: отморозки, для них избить человека до полусмерти было развлечением. Такие могли и убить.

Послышался странный цокающий звук, который оторвал его от подобных размышлений и вернул к реальности. Эндрю обернулся и настороженно впился глазами в темноту. Улица была абсолютно пуста. Он даже начал сомневаться в том, что действительно находился в самом большом городе Британских островов — городе с более чем миллионным населением и с ярко освещенными улицами, на которых жизнь била ключом даже ночью. Однако он находился совсем в другом Лондоне — в том Лондоне, который редко кому из приезжих доводилось видеть.

И теперь он знал, почему.

Эндрю обернулся вокруг своей оси, несколько раз сглотнул, пытаясь избавиться от подкатившего к горлу кома, медленно и осторожно пошел вперед. Где-то впереди виднелся свет, но это был лишь уличный фонарь, создававший вокруг себя островок тусклого желтого света в окружающем его океане темноты. Эндрю находился сейчас на расстоянии по меньшей мере одной мили от тех районов, где кипела жизнь. Это было слишком далеко.

Он снова услышал тихий цокающий звук. По его спине побежали холодные мурашки, а в душу стал закрадываться какой-то новый, неожиданный страх. Ему даже на миг захотелось, чтобы из-за ближайшего угла наконец-то появились его преследователи.

Он пошел дальше, достиг перекрестка и остановился в нерешительности. За два шага от него путь преграждали стоящие в ряд переполненные мусорные баки, ящики и разбухшие от дождя картонные коробки — все высотой в половину человеческого роста. Влево и вправо простиралась пустынная улица, темная, как глубокое ущелье, а далеко впереди виднелось несколько фонарей. Ему показалось — хотя он не был в этом уверен — что из-за закрытых ставень одного из домов пробивается свет. Может, там он найдет спасение.

Эндрю несколько секунд соображал, как ему поступить, затем подошел к куче хлама и решительно оторвал слабо державшуюся доску от какого-то ящика. Конечно, это было жалкое средство обороны против складных ножей тех троих, но ему теперь хоть будет чем отбиваться, если они снова на него нападут.

Обернувшись, он увидел, что позади него стоит человек, появившийся словно из-под земли.

Это был один из тех троих, что побежали за ним, и он, по-видимому, сделал выводы из плачевного опыта своего товарища. Его рука с выставленным вперед ножом, словно атакующая змея, метнулась к Эндрю. Эндрю отчаянно отшатнулся в сторону, но не смог полностью избежать ножевого удара. Острое лезвие разорвало его куртку, рубашку и чиркнуло по коже, оставив длинную кровавую царапину. Эндрю вскрикнул от боли и отчаяния, зашатался и, потеряв равновесие, упал. Он попытался перекатиться в сторону и ударить своей доской нападавшего, но паренье ножом оказался проворнее. Он резким движением уклонился от удара, затем снова бросился вперед и, выхватив доску из рук Эндрю, отбросил его назад. Эндрю ударился головой обо что-то твердое и на миг потерял сознание.

Когда черная пелена перед его глазами рассеялась, он увидел, что над ним стоит, широко расставив ноги, парень с ножом. Нож в его руке поблескивал в слабом свете газового фонаря, а лицо парня расплылось в мерзкой ухмылке.

— Слышь, ты, гнида, — его голос дрожал от гнева, — сейчас мы с тобой разберемся!

Эндрю попытался приподняться, но парень тут же толкнул его обратно на землю.

— Что... что вам от меня надо? — спросил Эндрю.

На лице парня снова появилась омерзительная ухмылка.

— Что мне от тебя надо? А ничего. Хотя вот Фрэдди, думаю, наверняка захочет сказать тебе пару ласковых слов.

«Фрэдди — это, по всей видимости, тот, кого я повалил ударом на землю», — подумал Эндрю и мысленно обругал себя: вот ведь придурок, нужно было просто отдать им портмоне и вести себя смирно. Тогда они, может быть, лишь слегка поколотили бы его, да и оставили бы в покое.

Теперь они его убьют.

— У меня... у меня есть деньги, — сказал он, запинаясь.

От волнения его язык еле поворачивался. Эндрю отчаянно искал какой-нибудь выход из сложившейся ситуации. Но выхода не было. Парень, стоявший над ним, был настороже и вряд ли еще раз позволит застать себя врасплох. Не было никаких сомнений в том, что он тут же всадит нож Эндрю меж ребер, если тот только попытается встать.

— Деньги? — переспросил парень. Его глаза алчно загорелись.

Эндрю кивнул, вытащил из нагрудного кармана кошелек и протянул его парню. Тот схватил кошелек и, даже не взглянув, засунул его себе в карман. Улыбка на его губах стала еще шире.

— Но это тебе не поможет, гаденыш, — зло сказал он.

— У меня... у меня есть еще, — пробормотал Эндрю. Страх сдавил ему горло. Сердце колотилось так, словно готово было вот-вот разорваться. — В гостинице. Я...

— Ничего не выйдет, гаденыш, — сказал парень. — Сейчас сюда явится Фрэдди, а ему, думаю, от тебя нужны не деньги. Ты...

Он так и не договорил.

Позади него, словно из ниоткуда, появилась темная широкоплечая фигура. Что-то черное мелькнуло в воздухе и коснулось затылка уличного грабителя, от чего тот, охнув, упал лицом вниз. Все это случилось так быстро, что Эндрю не понял, что, собственно говоря, произошло.

Жесткая мозолистая рука подняла его на ноги.

— Быстро уходим, — раздался голос. — Нужно исчезнуть отсюда, пока не пришли другие.

Эндрю в полном недоумении потопал за своим спасителем. Лицо человека скрывалось за натянутым на лоб капюшоном, а черный цвет его одежды, казалось, поглощал даже тот тусклый свет, который освещал улицу, превращая ее в мозаику теней и полутеней. Однако когда незнакомец поднимал Эндрю на ноги, тот почувствовал, что он очень силен.

В конце улицы стоял запряженный двумя лошадьми экипаж. Спаситель Эндрю молча указал на открытую дверь, а сам — все так же молча — вскочил на козлы и взял в руку кнут. Эндрю дрожащими пальцами схватился за дверь и, теряя последние силы, залез, пригнув голову, внутрь экипажа.

— А вы уверены, что это правильный адрес?

Интонация, с какой кучер задал вопрос, сказала больше, чем сами слова. Наклонившись вперед и откинув забрызганную грязью завесу, которая обычно скрывает пассажиров экипажа от любопытных взглядов прохожих, я теперь понял, почему, когда я назвал кучеру адрес, он в ответ недоуменно нахмурил лоб.

— Если это и есть пансионат «Вестминстер», то да, — ответил я, но как-то неуверенно.

Кучер кивнул. Это был крупный, грузный мужчина, и в своей черной кучерской ливрее он выглядел довольно забавно. Но у него было доброе лицо и честные глаза. Я всегда придавал большое значение именно глазам. Лицо может ввести в заблуждение, глаза — никогда.

— Да, тот самый пансионат. А вы уверены, сэр, что ваш приятель живет именно здесь?

— Может, есть еще какой-нибудь пансионат «Вестминстер»? — несколько растерянно спросил я.

Кучер отрицательно покачал головой, сдвинул свой черный цилиндр на затылок и почесал лоб.

— Нет, — сказал он. — Есть еще гостиница с таким же названием, в западной части города, но...

Он пожал плечами и скорчил такую гримасу, что и без слов стало понятно его мнение об этой гостинице.

Я попытался улыбнуться, но это у меня не очень-то хорошо получилось. Что же касается

гостиницы «Вестминстер», то я явился туда еще три дня назад, сразу после моего приезда в Лондон. Я даже снимал в ней номер, хотя, в общем-то, жить в такой шикарной и дорогостоящей гостинице мне было не по карману.

Вот только Говарда, того самого таинственного Говарда, к которому направил меня мой отец, я в гостинице «Вестминстер» так и не нашел. Все три последних дня я практически больше ничем не занимался, кроме поисков Говарда.

Я, по крайней мере, сделал все от меня зависящее, чтобы его найти. Однако искать в Лондоне человека, о котором не известно ничего, кроме не особенно оригинального имени «Говард», — занятие, граничащее с безумием. Я уже хотел было поставить на этом крест, но случай свел меня с одним отзывчивым полицейским, который мне сообщил, что, кроме гостиницы «Вестминстер», есть еще и пансионат с таким же названием.

Похоже, сходство между этими двумя заведениями лишь названием и ограничивалось. Пансионат «Вестминстер» находился на такой улице, которая даже в сравнении с нью-йоркскими трущобами, где я жил всего полгода назад, показалась бы убогой.

Из двух десятков газовых фонарей, имеющих на этой узкой, вымощенной булыжником улице, горела лишь четвертая часть, а то, что можно было рассмотреть благодаря их тусклому желтому свету, не вселило в меня большого оптимизма. Везде валялись пищевые отбросы и прочий мусор, а перед неоштукатуренными кирпичными стенами домов виднелись явно переполненные мусорные контейнеры. Те немногие окна, которые я смог рассмотреть, были все до одного либо закрыты ставнями, либо просто кое-как заколочены досками. Время от времени слышались шорох, попискивание и топанье маленьких лапок. Крысы. Единственные существа в этом районе, отваживавшиеся с наступлением темноты появляться на улицах. Даже здесь, в экипаже, чувствовался сильный запах гнили и помоев, хотя мы простояли на этой улице всего несколько секунд.

Что же касалось самого пансионата... То, что это — пансионат, было видно лишь по самодельной, кое-как приколоченной гвоздями вывеске, да по тусклой газовой лампе под колпаком, висевшей над дверью. Все окна были закрыты ставнями, и лишь из одного из них сквозь щели в ставнях пробивался свет.

— Может, вы подождете здесь немножко? — сказал я, открыв дверь экипажа и выйдя из него. — Если через десять минут я не вернусь, тогда уезжайте.

Я достал из кармана куртки пятифунтовую купюру и протянул ее кучеру, но, к моему удивлению, он отрицательно покачал головой.

— Сожалею, сэр, — сказал он. — Поездка сюда стоит один фунт, а как только вы войдете вовнутрь, — он указал пальцем на обшарпанную дверь пансионата, — я и моя старушка Бет немедленно исчезнем отсюда. Нам, знаете ли, жить еще не надоело.

Я разочарованно вздохнул, но не стал уговаривать его ждать меня. Молча протянув ему один фунт, я стремительно зашагал к дому. Кучера вполне можно было понять. До того, как он согласился везти меня в этот район города, трое возниц, встреченных мною, вообще наотрез отказались ехать сюда.

Идя к дому, я поймал себя на том, что нервно вцепился в рукоятку трости-рапиры, прикрытой плащом. Впрочем, у меня было ощущение, что я на этой улице, не считая кучера, не один. Я ведь все-таки довольно долго в свое время прожил в районах, подобных этому, и еще тогда у меня выработалось умение чувствовать направленный на меня из какого-нибудь укромного местечка взор.

Когда я стучал в дверь, мои руки дрожали. Звук ударов гулко отозвался в доме, и я

услышал, что где-то внутри здания хлопнула дверь и ко мне стали приближаться шаркающие шаги.

Я обернулся и показал кучеру жестом подождать меня еще минутку. Он кивнул и стал нервно помахивать кнутом. На другой стороне улицы зашевелились какие-то тени.

Громко щелкнул замок, и дверь приоткрылась на несколько сантиметров. По-видимому, она оставалась закрытой изнутри на предохранительную цепочку. В просвет недоверчиво смотрела пара темных заспанных глаз:

— Ну и что вам нужно?

Вопрос прозвучал не особенно вежливо. Я хотел было ответить что-то резкое, но сдержался, чуть отступил назад и слегка — буквально символически — поклонился.

— Добрый вечер, сэр, — сказал я довольно чопорно. — Мне... нужно увидеть одного из ваших постояльцев. Не будете ли вы так любезны...

— Не буду, — перебил меня человек за дверью. — Вы вообще-то знаете, сколько сейчас времени?

— Слегка за полночь, — автоматически ответил я. — Но у меня очень важное дело.

Человек за дверью вздохнул, протер глаза и хотел было закрыть дверь, но я быстренько просунул ногу в щель, а предохранительная цепочка не позволяла ему приоткрыть дверь побольше, чтобы оттолкнуть меня. Он, похоже, вполне способен был это сделать.

— Ну ладно, — пробормотал он наконец. — С кем вы хотите поговорить?

— С Говардом, — ответил я. — Это один из ваших постояльцев. Будьте так добры...

— С Говардом? Здесь нет никакого Говарда, — заявил мой собеседник. — И никогда не было.

Он солгал. Я почувствовал это в тот самый момент, когда он произнес эти слова. Я всегда, сколько себя помню, чувствовал, если мне лгали.

— Это неправда, — спокойно сказал я. — Почему бы вам не прекратить пререкаться и не сходить за Говардом?

В лице моего собеседника что-то изменилось. Я не мог толком рассмотреть его лицо при тусклом свете, но то, что я все-таки увидел, мне совсем не понравилось. Где-то с полминуты он изучал меня, окидывая взглядом с головы до ног, но я не дал ему времени придумать еще какую-нибудь отговорку.

— Я не хотел бы вас сердить, сэр, — сказал я все еще дружественным, но уже более жестким тоном. — Мы с мистером Говардом — друзья, вернее, станем друзьями, потому что он со мной еще не знаком. Впрочем, я вполне могу сесть обратно в экипаж и через полчаса снова вернуться сюда, но уже с полицией, если такой расклад вам больше по душе.

Мои слова, по-видимому, произвели эффект грома среди ясного неба. Человек за дверью явно испугался, он посмотрел на меня со странным выражением лица: на нем отразилось вдруг возникшее уважение ко мне и желание прикончить меня на месте.

— Хорошо, ваша хитромудрость, — буркнул он. — Уберите ногу. Я открываю.

Я секунду-другую смотрел на него в упор, затем быстро кивнул и сделал шаг назад. Дверь с треском захлопнулась, и я услышал, как он возится с цепочкой. Затем дверь распахнулась, открыв мне вид на темный коридор, освещаемый одной-единственной свечой, да и то наполовину сгоревшей. Я немножко струхнул, увидев, каким крупным и широкоплечим был мужчина, с которым я разговаривал. Он оказался примерно на голову выше меня, раза в два шире, причем такого мощного телосложения, что там, где у людей его комплекции обычно скапливается жир, у него выпирали мускулы. Его лицо все еще было

заспанным (по всей видимости, я оторвал его от глубокого сна), а отвислые щеки, слегка выпяченная верхняя губа и большие мешки под глазами делали его похожим на рассерженного бульдога. Если бы я сразу увидел, что он собой представляет, я бы, пожалуй, не разговаривал с ним таким дерзким тоном.

Но тогда он, скорее всего, и не впустил бы меня в дом.

Я быстро прошел мимо него, обернулся и показал жестом кучеру, что он может уезжать. Кучер слегка коснулся пальцами края своего черного цилиндра, щелкнул кнутом и поехал прочь.

Стоящий у двери мужчина проводил кучера взглядом, затем покачал головой и захлопнул дверь.

— Это было не слишком разумно, — сказал он, — вот так вот взять и отпустить кучера.

Тон, которым он это сказал, мне совсем не понравился. Не понравилось мне и то, как он посмотрел на меня. И в его тоне, и во взгляде было что-то угрожающее.

Я попытался выдержать его взгляд, да и вообще старался держаться как можно небрежнее, но у меня это не очень хорошо получалось.

— Почему?

— Потому что я сомневаюсь, что ГП вас примет.

— ГП?

— Говард, — буркнул мой собеседник. — Если вы являетесь сюда посреди ночи, чтобы с ним поговорить, то вам следует хотя бы знать, как его кличут, не так ли? — в его глазах сверкнули искорки недоверия. — Что вам, собственно, от него нужно?

— Думаю, что вас это не касается, — холодно возразил я, сделал шаг назад, снял шляпу и изобразил символический поклон, не упуская, однако, мужчину из виду ни на секунду. — Меня зовут Крэйвен. Роберт Крэйвен. Прошу вас сообщить обо мне мистеру Говарду. И еще скажите ему, что я пришел по рекомендации его друга Андары. Я уверен, что он меня примет.

Мужчина снова несколько секунд смотрел на меня в нерешительности, как будто ему нужно было время, чтобы переварить то, что я сказал, затем он пожал плечами.

— Как вам будет угодно, — промямлил он. — Но не удивляйтесь, если он вам откажет. ГП не очень-то любит посетителей.

Он покачал головой, тщательно закрыл дверь на цепочку и зашаркал передо мной по коридору. В конце коридора находилась двустворчатая, наполовину открытая дверь, из которой падал приятный красноватый свет. Мой чудаковатый проводник распахнул настежь одну из створок, жестом пригласил меня войти в комнату, а сам тут же повернулся в другую сторону, где совсем рядом с дверью находилась лестница, ведущая на второй этаж.

— Подождите здесь, — сказал он не особенно дружелюбно. — Я пойду спрошу ГП.

Я, качая головой, посмотрел ему вслед, однако уже через секунду послушно повернулся и вошел в комнату, в которую он меня пригласил. При этом я снова поймал себя на том, что моя рука нервно сжимает рукоятку трости-рапиры, которую я прятал под плащом. Хотя я сам и не хотел этого признавать, но этот убогий дом и его чудаковатый привратник вызывали во мне очень неприятное чувство, пожалуй, даже страх. Здесь, в этих старых стенах, таилось что-то мрачное и грозное, что-то такое, что было трудно выразить словами.

Комната, в которую я попал, представляла собой что-то среднее между библиотекой и гостиной. Одну стену до самого потолка занимал книжный шкаф, битком набитый книгами, вторую — огромный мраморный камин, а возле третьей стоял большущий стол, окруженный

шестью дорогими стульями. Комната оказалась значительно более эlegantнее, да и чище, чем я предполагал. Тем не менее, мое первое впечатление от этого дома только усилилось: здесь было как-то... жутковато.

Мгновение я постоял в нерешительности у двери, затем, оглянувшись на всякий случай, подошел к камину. Огонь горел вовсю, наполняя комнату одновременно и светом, и приятным теплом. Я снял плащ, сел на корточки перед камином и протянул руки к пламени. Мои пальцы покалывало от холода, но к этому мне, так или иначе, нужно было привыкать. Дома, в Нью-Йорке, в это время года я вполне смог бы переночевать под открытым небом. Здесь же, в Лондоне, с его туманами и вообще не ахти каким климатом, даже в разгар лета с наступлением темноты становилось весьма прохладно.

Через некоторое время я услышал шаги. Поднявшись во весь рост, я обернулся, но, к моему разочарованию, в проеме двери появился не Говард, а всего лишь уже знакомое мне, похожее на бульдожье, лицо.

— ГП сейчас придет, — буркнул привратник по-прежнему недружелюбно. — А пока что вы можете немножко расслабиться.

Он прошаркал мимо меня, открыл шкаф и достал оттуда два стакана и стеклянный графин. Движением головы он указал мне на стол, налил один стакан почти до краев, а второй поставил на стол вверх дном.

— А я пойду, — промямлил он. — Он сейчас придет. Если вам что-нибудь понадобится, позовете меня.

Не дожидаясь ответа, он пошел, шаркая, к двери, закрыл ее за собой, затем стало слышно, как он грузно, неторопливо поднимается по лестнице. Я посмотрел ему вслед, покачав головой, взял стакан, который он мне предложил, и осторожно отпил из него.

Находившаяся в стакане красноватая жидкость оказалась хересом, причем отличного качества. Я никак не ожидал, что в доме, подобном этому, может оказаться такой прекрасный херес.

Опустошив стакан, я осторожно поставил его на стол и продолжил осматривать комнату.

Особый интерес у меня вызвали книги, стоящие в шкафу. Раньше я мало интересовался книгами, но с тех пор, как обрел отца — хотя тогда я об этом даже и не подозревал — в моей жизни многое изменилось. Многое, если не все.

Я так и не успел подробно рассмотреть стоящие в шкафу книги. Едва я взял одну из них, как дверь за моей спиной отворилась и раздались чьи-то шаги. Как будто чувствуя себя виноватым, я быстренько повернулся к двери и увидел вошедшего.

Это был мужчина лет сорока, а может, чуть моложе. Он был человеком худощавым, с узким аскетическим лицом. Его шевелюра уже отступила ото лба под мощным натиском двух залысин, а щеки слегка ввалились, как будто он перенес тяжелую болезнь. Рот был маленьким, со слегка выпяченными губами, а руки — тонкие и нервные — казалось, никогда не знали покоя.

В течение нескольких секунд мы смотрели друг на друга, и, похоже, оба остались недовольны результатом этих «смотрин».

Говард первым нарушил молчание. Он кашлянул, закрыл за собой дверь резким, очень быстрым движением, и торопливо подошел ко мне. Уже позднее я заметил, что все, что он делал, он делал быстро и чрезмерно резко. А в этот момент я просто удивился его явно бессмысленной поспешности.

За два шага до меня он остановился, пристально взглянул мне в глаза и указал быстрым жестом на стол, за которым я уже успел посидеть.

— Садитесь, молодой человек, — отрывисто сказал он. — Разговаривать лучше сидя.

Я хотел что-нибудь ответить, но почему-то сдержался. Судя по его манерам, Говард был таким же, как и дом, в котором он жил: жутковатым и мрачным.

— Рольф сказал мне, что вы упомянули имя моего старого друга Родерика Андара, — сказал Говард, после того как, перевернув стакан, наполнил его вином, правда, не отпив ни глотка.

— Рольф?

— Да, мой слуга, — кивнул Говард. — Он следит за домом, ведет хозяйство, выпроваживает надоедливых посетителей, — он слегка улыбнулся, но его глаза при этом остались холодными и серьезными, — а также делает для меня многое другое. Я даже не знаю, как бы я без него обходился, — он вздохнул, откинулся на спинку стула и пристально посмотрел на меня. — Но мы отклонились от темы, мистер... как, кстати, вас зовут?

— Крэйвен, — ответил я. — Роберт Крэйвен.

— *Роберт Крэйвен?* — то, как Говард произнес мое имя, явно свидетельствовало о том, что он слышит его отнюдь не в первый раз.

Я кивнул.

— Я вижу, мой отец вам обо мне уже рассказывал, — сказал я. — Это значительно упростит наше дальнейшее общение.

Говард кивнул. От его прежней отчужденности и снисходительности не осталось и следа. Казалось, он слегка обескуражен. Он был сейчас похож на человека, выбитого из колеи, и поэтому не знающего, как ему себя вести.

— Так вы знаете, что... что Андара — ваш отец?

— Да, я знаю это. И еще я знаю, что там, в Штатах, его называли колдуном.

В глазах Говарда вспыхнули искорки удивления:

— *Называли?* Что вы этим хотите сказать?

Я ответил не сразу. Прошло уже почти семь недель, и я считал, что эта рана стала заживать. Но это было не так. Когда я — опустив глаза — отвечал Говарду, мой голос дрожал:

— Мой отец... мертв, мистер Говард. Он умер во время путешествия из Соединенных Штатов сюда, в Англию. Его последние слова были: отправляйся к Говарду. Однако найти вас оказалось не так уж легко.

— Мертв? — Говард был потрясен услышанным. — Ты сказал, он мертв?

Я кивнул, и уже намеревался рассказать о моей встрече с его... С его — чем, собственно — его духом? Но я не сделал этого. Теперь, когда прошло уже столько времени, это воспоминание казалось каким-то нереальным. Да и о Говарде я не знал ничего, кроме его имени. Жизненный опыт научил меня настороженно относиться к малознакомым людям, а потому я ответил на его последний вопрос лишь кивком головы.

— Как... он умер? — спросил Говард.

— Это длинная история, — ответил я уклончиво. — И я не знаю...

— Не знаешь, можно ли рассказать ее мне? — Говард улыбнулся, но тут же снова стал серьезным. — Можешь, парень. Твой отец и я были больше, чем друзья, поверь мне. Я знаю все. Все! И про Иерусалимский Лот, и о побеге колдунов, и о ДОИСТОРИЧЕСКИ ГИГАНТАХ, — он улыбнулся, видимо, уловив выражение удивления на моем лице. — Ты

никогда себя не спрашивал, откуда твой отец узнал о тебе, Роберт? Главным образом от меня, а может быть, лишь благодаря мне.

— Мистер Говард, — пролепетал я. — Я...

— Перестань повторять это дурацкое «мистер Говард», — перебил он меня. — Говард — это мое имя, а не фамилия. Полностью меня зовут Говард Филлипс Лавкрафт, хотя ты можешь называть меня просто Говард. А теперь расскажи все по порядку. У нас достаточно времени для этого.

Кучер гнал экипаж по пустынным улицам с бешеной скоростью. С козел практически непрерывно доносились щелчки кнута, чередующиеся с нетерпеливыми окриками, которыми кучер понукал своих лошадей скакать еще быстрее. Экипаж мотало из стороны в сторону, как лодку в бурном море. Слабые рессоры почти не смягчали тряску экипажа на выбоинах в мостовой, и Эндрю лишь с трудом удавалось удерживаться на узком сиденье.

— Все в порядке? — спросил некто, сидевший напротив Эндрю.

Эндрю инстинктивно кивнул. Ему до сих пор не представилась возможность ни поближе рассмотреть своего таинственного спасителя, ни поблагодарить его. В экипаже было темно. Черные шторы на окнах были задернуты с обеих сторон, и лишь из маленького окошка, через которое пассажиры могли переговариваться с кучером, вовнутрь проникал свет.

Но, несмотря на все это, Эндрю был уверен, что перед ним сидит женщина. Он понял это еще до того, как она с ним заговорила.

Ее тело было полностью закутано в черный, с чрезмерно большим капюшоном плащ, но оно было таким худеньким и таким изящным, что, несмотря на плотную ткань плаща, Эндрю догадался: перед ним сидела женщина.

— Да... в порядке, — ответил он, запинаясь. Он попытался улыбнуться, но вместо улыбки получилась лишь гримаса. — Меня спасли в последнюю секунду. Если бы не подоспел ваш кучер, миссис...

— Терри, — подсказала она, когда Эндрю сделал паузу. — Называйте меня просто Терри. Меня все так называют.

Она засмеялась. Ее голос был очень звонким.

— Хорошо, Терри, — кивнул Эндрю. — Спа... спасибо, Терри.

— Да пустяки, для меня все это в порядке вещей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она посмотрела на него из-под своего капюшона, выпрямилась и вдруг резко откинулась на спинку сиденья.

Эндрю чуть было не вскрикнул от удивления. Он сразу же подумал, что перед ним, должно быть, юная девушка, и что-то с самого начала подсказывало ему, что она красивая, однако он никак не предполагал, что она окажется настолько юной. И *насколько* красивой.

На некоторое время он потерял дар речи, да и вообще был словно парализован, лишь молча во все глаза смотрел на нее. Она была такой миниатюрной, такой тоненькой, что ее хотелось назвать изящной, у нее было узкое аристократическое лицо, тем не менее, его выражение было лишено даже признаков чопорности. Ее длинные блестящие волосы ниспадали ниже плеч. Еще он разглядел чувственный ротик с полными губами, узкий нос, ямочки на щеках, придававшие ее лицу озорной вид, и еще глаза...

На секунду Эндрю даже показалось, что он просто утонул в ее взгляде. Ее глаза были

огромными, даже слишком огромными, темно-синего цвета, с золотистыми крапинками.

Она невозмутимо выдержала его взгляд. Похоже, ей это было даже интересно.

— Ну что, нравлюсь? — спросила Терри через некоторое время.

Только тут до Эндрю дошло, что он пялится на нее даже как-то неприлично. Смутившись, он опустил взгляд, вздохнул и — снова растерянно посмотрел на нее, тщетно пытаясь подобрать подходящие слова для ответа.

Терри лишь махнула рукой, когда он попытался было извиниться.

— Ничего страшного, Эндрю, — поспешно сказала она. — Я, знаете ли, привыкла к тому, что меня пристально рассматривают.

Она слегка наклонилась вперед, и Эндрю почувствовал дурманящий запах ее духов. Где-то глубоко-глубоко в его душе прозвучал сигнал тревоги — внутренний голос предупреждал его об опасности, но он никак на него не отреагировал. Просто не смог.

— Эндрю?.. — изумленно сказал он. — Я... мы что, раньше были знакомы? Я же не говорил вам своего имени.

Терри снова засмеялась. В ее глазах мелькнула насмешка.

— Нет, вы меня не знаете, Эндрю, — сказала она. — А вот я вас знаю. Ну, и тем лучше.

Эндрю растерянно покачал головой.

— Вы...

— Мы встретились вовсе не случайно, — прошептала Терри.

В ее голосе что-то изменилось. Эндрю почувствовал, как у него внутри появилось странное, даже немного жуткое ощущение. В этой девушке было что-то необычное. И не только в ее внешности.

— Не... случайно? — переспросил он.

Терри кивнула.

— Те четверо, что на вас напали, действовали по моему поручению, — сказала она.

Ее голос звучал так, как будто она забавлялась.

Эндрю впился в нее взглядом:

— По...

— Хотя при этом совсем не предусматривалось, что вас ранят, — добавила Терри извиняющимся тоном. — Жаль, что так получилось.

Эндрю машинально посмотрел на себя. Рана все еще болела, но кровь перестала сочиться, да и вообще ранение было явно пустяковым.

— Но... но зачем? — спросил он.

Эндрю пытался ощутить в себе гнев, но безрезультатно. Все, что он сейчас чувствовал, — так это лишь полную растерянность. А еще немножко — страх.

Не отвечая на его вопрос, Терри слегка наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть рану. Плащ, скрепленный тонкой серебряной застежкой у нее на шее, слегка разошелся в стороны, и Эндрю увидел, что под плащом у нее не было никакой одежды.

Руки Терри проворно скользнули по порезу у него на животе, и их прикосновение почему-то ослабило жгучую боль. Но ее пальцы, лишь скользнув по ране, медленно двинулись дальше, залезли ему под рубашку и коснулись его груди. Их прикосновение было одновременно и прохладным, и горячим.

— Не... надо, — еле выдавил он из себя.

У него к горлу подступил ком. Он хотел было отвести ее руки в стороны, но его собственные руки его не слушались. При этом он почувствовал, что его дыхание

становится неровным.

Лицо Терри внезапно приблизилось к его лицу.

— Но почему? — прошептала она. — Мы ведь одни, Эндрю. Я разыскала тебя, потому что я хочу тебя.

Эндрю глубоко вздохнул, почувствовав при этом, что в горле у него першит. Он осознал, что все больше и больше поддается соблазну.

— Так... так нельзя, — еле выдавил он из себя. — Мы...

— Но почему же? — прошептала Терри. — Я хочу тебя, Эндрю. А ты хочешь меня. Я это знаю.

Легким скользящим движением она прильнула к нему, обвила руками его шею и поцеловала в губы. Защелка, удерживающая ее плащ, расстегнулась, и плащ как бы сам по себе соскользнул с ее обнаженных плеч. Быстрым и решительным движением она разорвала его рубашку и прижалась к нему.

Эндрю застонал, почувствовав ее горячую кожу. Руки Терри, словно маленькие живые существа, скользили по его коже, их прикосновение сильно возбуждало его.

— Ну нет же, — прошептал он.

В ответ Терри лишь тихонько рассмеялась. Ее губы коснулись его щеки. Они были влажными, прохладными и одновременно жгучими, как раскаленное железо. Затем они коснулись его век, Терри стала целовать его лицо. Эндрю вздрогнул, почувствовав, как ее язык коснулся уголка его рта и затем нырнул ему в рот.

— Ну давай же, — сказала она. — Возьми меня.

Эндрю больше не упирался. Она откинулась на узкое сиденье экипажа и нежно, но настойчиво увлекла его за собой.

Рольф принес нам еще одну бутылку хереса, быстро наполнил стаканы и удалился, шаркая ногами, в свою комнату. Я смотрел ему вслед, пока он не закрыл за собой дверь. Мои глаза жгло огнем, отчасти от дыма тонких черных сигар, которые Говард курил не переставая, отчасти от усталости. От окон сквозь щели в ставнях пробивались первые, еще сероватые, лучи рассвета.

— Если ты устал, — сказал Говард, — то давай ляжем спать. Мы можем продолжить наш разговор позже.

Я отрицательно покачал головой, зевнул, прикрыв рот рукой, и взял стакан с хересом, чтобы спрятать за ним свое лицо. Я чувствовал, что и так уже выпил слишком много, мои губы горели оттого, что я много говорил, а во рту было ощущение сухости, словно я уже неделю изнемогал от жажды. Я и вправду устал, даже очень. Но уж слишком долго я искал Говарда, чтобы сейчас взять и пойти спать как ни в чем не бывало.

— Спасибо, — сказал я. — Но... я себя нормально чувствую, — я указал движением головы на окно. — Так или иначе, нет смысла ложиться спать. Когда я доберусь до гостиницы, уже наступит время завтракать.

Говард нахмурил лоб и затянулся сигарой. Мне почему-то казалось, что курение сигар ему как-то не к лицу.

— Ты можешь поспать здесь, — сказал он. — Здесь достаточно свободных кроватей.

— Так не годится. Присцилла ждет меня в гостинице.

На секунду он уставился на меня со странным выражением лица.

— Присцилла, — повторил он задумчиво.

Я уже рассказал ему о ней, точно так же, как и обо всем остальном, даже о том, о чем изначально хотел умолчать. В этом отношении Говард напоминал мне моего отца: пытаться что-то от него утаить было просто невозможно.

— Мне хотелось бы с ней познакомиться, — сказал он через некоторое время. — Если ты ничего не имеешь против.

— А с какой стати я имел бы что-то против?

Он пожал плечами, стряхнул пепел в камин и зевнул, прикрыв рот рукой. Он устал так же сильно, как и я. Но нам все еще было о чем поговорить. Говард узнал от меня все, что хотел узнать, я же сумел задать ему всего лишь несколько вопросов.

— Так вы были близким другом моего отца? — спросил я.

— Говори мне «ты», — сказал Говард и снова зевнул. — Забудь про «вы», парень. Что касается твоего вопроса: я был единственным другом твоего отца.

Секунду помолчав, он добавил более тихим и несколько изменившимся голосом:

— Точно так же, как он был моим единственным другом.

Я тут же почувствовал себя полным идиотом. Мой последний вопрос был абсолютно ненужным.

— А где вы... а где ты с ним познакомился?

— В Штатах, — Говард бросил свою сигару в камин, понаблюдав, как она, потрескивая, сгорела, и достал новую сигару из украшенной чеканкой серебряной коробочки. — Я познакомился с ним, когда проводил разные исследования в Америке. Задолго до того, как ты родился, Роберт. Это было в его родном городе.

— Иерусалимском Лоте, — сказал я.

Говард никак не прореагировал на мои последние слова, а, наклонившись вперед и взяв из камина горящую щепку, чтобы прикурить свою сигару, продолжил:

— Он многому меня научил, парень. Да и я его. Без помощи друг друга нас обоих уже не было бы в живых.

Он замолчал. Его лицо вдруг посерело, а руки так сильно вцепились в подлокотники кресла, как будто он хотел их сломать. На его лице нервно дернулся мускул.

— Прости, — пробормотал я. — Если не хочешь, мы не будем об этом говорить.

Говард шумно вздохнул.

— Да нет, все нормально, — сказал он. — К тому же, у тебя есть право на то, чтобы узнать все. Ты ведь сын моего друга. И его наследник.

То, как он произнес последние три слова, мне совсем не понравилось.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— У тебя есть деньги? — спросил он, не отвечая на мой вопрос.

Я некоторое время помолчал в замешательстве, затем покачал головой.

— Нет, — признался я. — Лишь несколько фунтов. По правде говоря, их явно не хватит на то, чтобы оплатить счет в гостинице «Вестминстер», в которой мы с Присциллой остановились. Аккредитив, который мне дал отец, сгорел в Голдспи. А наличных средств у меня совсем немного.

Говард кивнул, словно он и не ожидал другого ответа.

— Еще одна причина, чтобы сходить завтра к Грэю, — сказал он. — Точнее, уже сегодня, потому что «завтра» уже наступило.

— Грэю?

— Моему адвокату, — пояснил Говард. — Он же — адвокат твоего отца. Не переживай

по поводу счета в гостинице. Ты богат, Роберт.

Его слова меня не особенно удивили. Я знал, что мой отец был состоятельным человеком. Даже очень состоятельным. Но в данный момент этот вопрос меня не особенно интересовал.

Я взял свой стакан, отхлебнул хереса и осторожно поставил стакан обратно на стол. Мои руки дрожали.

Говард пристально посмотрел на меня.

— Ты плохо себя чувствуешь? — спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал я поспешно. — То есть... я... со мной все нормально. Просто на меня навалилось слишком много всего за такой короткий промежуток времени. Боюсь, что я не во всем еще разобрался.

— А я, как мне кажется, понял еще меньше, — пробормотал Говард. — Если все то, что ты мне рассказал, произошло на самом деле, то ты в большой опасности, парень.

Я чуть было не рассмеялся.

— Да я это, в общем-то, заметил, — ответил я. — Я только никак не пойму, в чем причина этого?

— Причина в том, что ты — сын Андары, — сказал Говард таким тоном, как будто эти слова все объясняли. — И еще в том, что колдовское проклятие распространяется на всю семью, до последнего колена.

Несмотря на все еще потрескивающий в камине огонь, мне показалось, что в комнате стало прохладнее. Я вздрогнул.

— Однако есть способ отвести это проклятие, Роберт, — продолжал Говард, заметив мой испуг.

— Мой отец пытался это сделать, — сказал я подавленно.

Говард помолчал некоторое время.

— Да, это так, — наконец сказал он. — Но твой отец использовал не совсем те средства, какие следовало бы. Он не мог знать, что они привлекли на свою сторону одного из **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ**, или, иначе говоря, **ЧУДОВИЩ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН**. Если бы он это знал, он бы поступил совсем по-другому.

— Но он об этом, по крайней мере, догадывался.

Говард кивнул.

— Несомненно. Но твой отец был все-таки всего лишь человеком, Роберт, не забывай этого, пусть даже он был весьма необыкновенной личностью. А мы, люди, иногда просто неспособны смириться с неизбежным.

Он снова помолчал. В его взгляде ясно читались теплота, дружелюбие и озабоченность.

— В первую очередь, — продолжал он уже другим, изменившимся голосом, — мы должны найти тебе безопасное место. То, что ты подвергся в Голдспи нападению, — отнюдь не случайность. Они вычислили тебя там, и теперь не оставят в покое. Боюсь, что даже тем, кто не обладает сверхъестественными способностями, не составит большого труда отыскать тебя в гостинице «Вестминстер». Тебя или же твою девушку.

— Присциллу?

Говард кивнул.

— Тебе не следовало брать ее с собой, Роберт, — сказал он серьезно. — Она представляет собой опасность для тебя.

— Чепуха, — вспыхнул я. — Они убили бы ее, если бы я ее там оставил. Присцилла ни для кого не представляет опасности. Она — самое безобидное существо из всех, кого я когда-либо встречал.

Говард тихонько засмеялся.

— И ты, по всей видимости, влюблен в нее по уши, — сказал он. — Но ты меня неправильно понял. Я имел в виду, что, обнаружив ее, твои преследователи затем смогут найти и тебя. Было бы намного лучше, если бы вы расстались.

Я ничего не ответил. Говард, в общем-то, был абсолютно прав. Такие мысли приходили в голову и мне самому, причем задолго до того, как мы приехали в Лондон. Напрасно он решил, что я его неправильно понял. Дело было лишь в том, что я просто не хотел понимать его правильно.

— Давай поговорим об этом завтра, — предложил Говард, так и не дождавшись от меня ответа. — Если они тебя до сих пор еще не обнаружили, несколько часов не сыграют никакой роли.

— Я не расстанусь с ней, — сказал я упрямо, подумав при этом, что, наверное, выгляжу сейчас довольно глупо.

Несомненно, я вел себя как влюбленный школьник. Но мне было все равно.

Говард вздохнул.

— Ну, как знаешь, — пробормотал он. — Впрочем, мы поговорим об этом позже.

Он встал, подошел к письменному столу, открыл ящик и, достав из него пачку купюр, протянул ее мне.

— Вот этим ты оплатишь счета в гостинице — твой и Присциллы, — сказал он.

Я хотел было отказаться, но Говард не дал мне даже слова сказать.

— Возьми, — сказал он строго. — И делай то, то я тебе говорю. Вернешь мне деньги, когда все уладится. Считай, что я даю тебе займы.

— Не знаю, можно ли мне брать их, — сказал я, все еще колеблясь.

Говард громко рассмеялся.

— Конечно, можно, — сказал он. — Когда встретишься и поговоришь с Грэм, ты мневеришь. Ты, я думаю,ходишь в десятку богатейших людей этой страны.

Он указал на деньги нетерпеливым движением головы. Я, все еще колеблясь, взял их.

— Вам нужно покинуть гостиницу, — сказал он. — Если вы останетесь там, это будет все равно, что напечатать свои имена в газете и затем отправить номер этой газеты в Голдспи.

— А куда... куда же нам переехать? — спросил я, вдруг почувствовав себя совершенно беспомощным.

Говард подумал минуту-другую.

— Я знаю нескольких людей, которые могут вам помочь, — наконец сказал он. — Для начала вы можете пожить здесь, у меня. Такой комфорт, как в гостинице «Вестминстер», я обеспечить, конечно же, не могу, но здесь, по крайней мере, будет безопасней.

Взгляд, которым я окинул комнату, рассмешил его.

— Пусть обстановка не вводит тебя в заблуждение, Роберт, — сказал он.

— А другие постояльцы?

— Здесь больше нет никаких постояльцев, — сказал Говард. — Уже давно нет. Рольф и я — единственные, кто здесь живет. Пансионат уже многие годы не функционирует, с тех самых пор, как я купил это здание. К тому же Рольф — большой специалист в части

выпровождения потенциальных постояльцев. Здесь вы будете в безопасности.

Я ничего не ответил, а лишь поднялся на ноги. Меня вдруг совершенно одолела усталость.

— Я думаю, мне пора, — сказал я. — Я поеду в гостиницу, посплю там часок-другой, а затем вместе с Присциллой приеду сюда.

— В этом нет необходимости, — поспешно сказал Говард.

Буквально на миг мне показалось, что его голос прозвучал испуганно, но, взглянув на него, я увидел, что его лицо было таким же невозмутимым, как и раньше.

— Мы встретимся в городе, — сказал он. — У моего адвоката. Чем быстрее мы уладим кое-какие формальности, тем лучше. Я напишу тебе адрес. Любой городской извозчик сможет отвезти тебя к нему.

Не дожидаясь ответа, он повернулся, быстро подошел к своему письменному столу и что-то нацарапал на листке бумаги.

Я засунул этот листок в карман, даже не взглянув на него, допил херес из своего стакана и взял плащ с подлокотника кресла. Мне было холодно. Кроме того, я чувствовал себя таким усталым, словно мои руки и ноги налились свинцом.

— Я сейчас отправлю Рольфа, — сказал Говард. — Он раздобудет для тебя экипаж. За милю отсюда есть стоянка извозчиков.

В ответ я отрицательно покачал головой, набросил плащ на плечи и пошел к двери.

— В этом нет необходимости, — сказал я. — Я могу пройтись немножко пешком. Бедняга Рольф, наверное, так же устал, как и мы. А свежий воздух пойдет мне на пользу.

Говард нахмурился, но я, не давая ему возможности что-либо мне возразить, открыл дверь и быстро зашагал по коридору к выходу. Говард последовал за мной и, когда я остановился перед входной дверью, он обошел меня и открыл дверь. Я заметил, что, кроме замка и цепочки, было еще две задвижки. И еще что-то, похожее на задвижку, но не задвижка.

Когда Говард открыл дверь, меня окутала волна холодного воздуха, заставив съежиться. Я лучше завернулся в плащ, ступил за порог и посмотрел по сторонам со смешанным чувством тревоги и облегчения.

Было уже не темно, хотя и не особенно светло. В это время суток, в полумраке, когда постепенно уходящая ночь все еще сопротивлялась наступающему блеклому рассвету, было видно еще хуже, чем в темноте. Кроме того, было холодно. Очень холодно.

— Во сколько? — спросил я.

Говард достал из кармана золотые часы на цепочке, открыл их крышечку и несколько секунд молча смотрел на циферблат.

— Сейчас пять, — пробормотал он. — Пока ты доберешься до гостиницы и там немного отдохнешь... — он поднял глаза, словно пытаясь что-то рассмотреть на потолке. — Скажем, в три?

— В три у адвоката, — кивнул я.

Слегка улыбнувшись, я пожал ему на прощанье руку, повернулся и быстро нырнул в предрассветные сумерки.

— Не ахти какой денек для рыбалки.

Джерри Френч потер ладонями лицо, широко зевнул и покрепче ухватил тяжелый полотняный мешок с рыбацкими принадлежностями, который он нес на своем плече, словно

ружье.

— Я бы даже сказал, черт знает какой денек для рыбалки, — добавил он чуть громче, так и не дождавшись от двух своих спутников реакции на первую реплику.

— С чего ты взял? — спросил Глен, не глядя на него. — Сегодня очень даже неплохой день для того, чтобы наловить сазанов.

Они подошли к берегу реки. Глен остановился, отработанным движением бросил свой мешок в слегка покачивающуюся на волнах маленькую лодку — единственную у этого полусгнившего причала — и, для равновесия расставив руки, прыгнул в нее сам. Лодочка накренилась, и через ее низкий борт плеснула вода, залив дно.

Френч недовольно нахмурился. Уже одна мысль о том, что ему придется плыть по реке в этой полусгнившей скорлупке, вызывала у него почти физические страдания. Он мысленно чертыхнулся, упрекая себя за то, что согласился — так легкомысленно — на предложение Глена. Он ведь всегда считал полной дуростью вставать ни свет ни заря, чтобы потом часами болтаться в лодке на волнах, дрожа от холода, и все лишь для того, чтобы поймать несколько рыбешек, которые и так можно купить чуть ли не на каждом углу всего за несколько шиллингов.

Глен ободряюще улыбнулся и приглашающе махнул Френчу рукой.

— Ну, давай, — сказал он. — Ты сам увидишь, как это интересно. К тому же, пока не разойдется туман, ни одно судно не отважится пройти по реке. Так что ничего страшного произойти просто не может.

Френч был другого мнения. С тяжестью на сердце он подумал о том, что не умеет плавать. Но отступать было уже слишком поздно, к тому же ему некого было винить, кроме как самого себя. Все еще колеблясь, он передал Глену свои рыбацкие принадлежности и неуклюже полез в лодку вслед за Бобби.

Ему в нос ударил запах реки, смешанный с трудноописуемым влажным ароматом тумана. По крайней мере в этом отношении Глен оказался прав: туман серой призрачной массой заполнил все пространство над рекой, не позволяя увидеть что-нибудь на расстоянии более десяти — в лучшем случае пятнадцати — метров, однако он не даст и речным судам ходить вверх-вниз по реке, во всяком случае, принудит их держаться подальше от берега. В последние годы размеры судов, курсирующих по Темзе вблизи Лондона, становились все больше, поэтому им и так приходилось держаться поближе к центру реки. Тем не менее, мысль о том, что ему придется плыть по реке на такой вот хрупкой лодке, нравилась Френчу с каждой секундой все меньше.

Глен и Бобби без лишних разговоров уже уселись на узенькие деревянные сиденья. Глен взял весла, установил их в уключины и опустил в воду. Френч поспешно занял свое место в лодке, заметив, что, по мере того, как она отходила от берега и устремлялась тупым носом к центру реки, лодку стало раскачивать еще больше.

— Не бойся, — сказал Глен с добродушной насмешкой. — Мы отплывем от берега всего на несколько ярдов. Здесь есть одно хорошее местечко, совсем недалеко от берега.

Френч в ответ лишь слегка кивнул. Он впился взглядом в берег, который теперь, проглядывая сквозь туман, казался тусклой темно-зеленой тенью. Затем его взгляд скользнул в сторону и остановился на поверхности реки. Темза в это утро была необычно спокойной, как будто туман не только поглотил свет раннего утра, но и нейтрализовал какое-либо волнение на воде, и поэтому даже равномерное шлепанье весел казалось неестественно громким.

Когда они отплыли ярдов на тридцать от берега, Глен убрал весла и бросил за борт тяжелую металлическую болванку, к которой была прикреплена ржавая цепь: это был их якорь.

— Ну вот, — сказал он, подмигивая. — А теперь, малыш, мы с Бобби посвятим тебя в таинство рыбной ловли. Вот увидишь, стоит тебе только войти во вкус — и ты уже никогда не сможешь от этого отказаться.

У Френча по этому поводу имелись большие сомнения, однако он лишь обреченно открыл свой полотняный мешок, начал вынимать составные части удочки — этих частей было четыре или пять — и скреплять их в единое целое. Делал он это, надо сказать, не очень умело. Глен собрал свою удочку несколькими отработанными движениями, взглянул, качая головой, на Френча, а затем стал ему помогать.

— Вот смотри, — сказал он добродушно, — это надо делать вот так. Берешь рукоятку и прикрепляешь к ней катушку таким образом, чтобы...

Френч вдруг так резко приподнялся, что лодка сильно закачалась, а Глен замолк, так и не договорив.

— Что с тобой? — удивился Глен.

Френч, коротко махнув на него рукой, несколько секунд во все глаза смотрел на реку.

— Да что такое? — еще раз спросил Глен.

— Мне... мне показалось, что я что-то услышал... — ответил Френч, не отрывая взгляда от реки.

— Услышал? — Глен нахмурился, глядя некоторое время туда, куда смотрел Френч, а затем повернулся к Бобби, который уже собрал свою удочку и теперь молча насаживал наживку на крючок.

Бобби отрицательно покачал головой, не издав при этом ни звука. Он был не особенно разговорчив.

— Мне... мне, наверное, почудилось, — пробормотал Френч. — Извиняюсь.

Глен покровительственно улыбнулся, подмигнул и завершил сборку удочки Френча.

— Да, — сказал он. — Должно быть, почудилось. Забудь об этом.

Френч кивнул. Он, однако, был абсолютно уверен, что ему не почудилось. Он действительно что-то слышал: звучное, довольно продолжительное журчание и всплески. Как будто что-то тяжелое соскользнуло с берега в воду.

Он поймал себя на том, что его взгляд лихорадочно метнулся в сторону берега и тщательно осмотрел поверхность воды между зеленоватой полоской суши и лодкой. Почувствовав озноб, Френч лучше укутался в плащ. На реке, похоже, стало еще холоднее.

Глен размашистым движением забросил леску в воду. Крючок шлепнулся ярдах в пяти-шести от лодки, при этом леска, жужжа, стала разматываться с катушки. Глен с довольным видом кивнул, обернулся и сунул удочку Френчу в руки.

— Вот видишь? — сказал он. — Единственное, что ты теперь должен делать, — так это ждать.

Он ободряюще улыбнулся и, откинувшись назад, забросил свою удочку. Бобби уже сидел в типичной позе рыбака — слегка наклонившись вперед.

Френч со смешанными чувствами неуверенности и тревоги стал смотреть на поверхность реки. Он действительно слышал тот странный звук. Однако этому звуку можно было найти тысячу всевозможных объяснений, а потому не стоило ломать себе голову над произошедшим. Просто он устал, у него плохое настроение, туман был ему явно не по душе,

к тому же он очень замерз — только И всего.

Однако чуть позже он снова услышал тот же звук. На это раз он раздался ближе, да и был все же каким-то немножко другим. Френчу показалось, будто что-то громадное, черное движется под водой к лодке.

Он так и не успел обратить внимание Глена или Бобби на это очередное нарушение утренней тишины. Удочка Бобби дернулась, как будто кто-то изо всей силы потянул за другой конец лески. Бобби, явно не ожидавший ничего подобного, чертыхнулся, наполовину распрямился и изо всей силы уперся ногами в борт лодки.

— Подожди! — поспешно сказал Глен.

Он передал свою удочку в руки Френчу, встал и бросился на помощь Бобби. Но даже их объединенных усилий едва-едва хватало на то, чтобы удерживать удочку, которая выгнулась в крутую дугу, а леска при этом натянулась так, что начала звенеть.

— Вот черт! — вырвалось у Глена. — Там что, слон на крючок попался?

Под поверхностью воды вдруг проглянуло что-то огромное, бесформенное и темное. Френч хотел было предупредить товарищей криком, но так и не успел.

Лодка содрогнулась от мощного удара, при этом леску опять что-то дернуло с чудовищной силой. Глен, панически вскрикнув, потерял равновесие и, поскользнувшись на мокрых досках, упал на дно лодки.

Бобби повезло меньше. Он, похоже, заупрямился и так и не захотел отпустить удочку, а потому с хриплым криком вслед за удочкой дернулся в сторону воды, на миг завис в воздухе в каком-то просто невероятном положении, а затем перелетел через борт и с плеском шлепнулся в воду.

Глен, выругавшись, тут же вскочил на ноги, вцепился руками в край борта и перевесился через борт настолько, насколько смог. Бобби нигде не было видно. В том месте, где он упал в реку, вода начала бурлить.

Френч бросил свою удочку на дно лодки и опустился на колени рядом с Гленом. Лодка бешено качалась из стороны в сторону, и Френчу снова показалось, что он видит под поверхностью воды какую-то тень. Ужасно *громадную* тень.

— Он... он не выныривает, — сказал Френч, явно волнуясь. — Глен, он не выныривает!

Глен нетерпеливо махнул рукой.

— Не говори глупостей, — сказал он. — Бобби плавает, как рыба. К тому же здесь неглубоко.

Однако его голос звучал подавленно. Он, казалось, этими словами успокаивал сам себя. Хотя прошло совсем немного времени с того момента, как Бобби упал в воду — секунд пять, не больше — тем не менее, Бобби уже должен был бы вынырнуть.

Но он так и не вынырнул.

Вместо этого вода в том месте, где он упал в реку, начала окрашиваться в темные тона...

Френч почувствовал, что внутри у него все похолодело: он увидел, что вместе с пузырьками воздуха, которые все еще поднимались на поверхность в том месте, где Бобби ушел под воду, начали всплывать темно-красные комочки, превращающиеся на поверхности в пятна и окрашивающие воду вокруг лодки в розоватый цвет.

— Кровь! — ахнул он. — *Глен, это же кровь! Это...*

Лодку сотряс удар чудовищной силы. Отчаянные крики Френча и Глена потонули в невероятно громком треске: в лодку словно саданули снизу гигантским кулаком, от чего она

выскочила из воды в воздух на целый метр. Что-то огромное, чудовищно огромное показалось над поверхностью реки, вспенивая воду вокруг себя. Френч, перевернувшись в воздухе, с силой шлепнулся в воду и, ничего не видя, пытался до чего-нибудь дотянуться. Ему удалось за что-то зацепиться, он что было силы ухватился за этот предмет и начал бешено молотить ногами.

Кое-как ему удалось выбраться на поверхность воды и схватиться за обломки разбитой лодки. Он жадно вдохнул воздух, болтая в воде ногами и стараясь получше уцепиться за остатки борта. Если бы он сорвался, то пиши пропало. Пусть здесь и не глубоко, но он совсем не умел плавать, а чтобы захлебнуться, глубины хватило бы.

Френч сделал несколько глубоких вдохов, изо всех сил стараясь подавить охватившую его панику, перепутавшую все его мысли, и посмотрел по сторонам. Лодка была так сильно разбита, как будто в нее попал пушечный снаряд. Ни Глена, ни Бобби нигде не было видно.

Что-то коснулось его ног. Что-то холодное, гладкое, скользкое.

Френч на секунду замер, а затем посмотрел вниз. Прямо под ним в воде двигалась тень — огромная и мрачная. Сначала она чуть ушла в сторону, а затем начала постепенно подниматься.

Вода вдруг забурлила, словно пенистый гейзер. Что-то гигантское, темное, ослизлое появилось из бурлящих волн Темзы, поднялось на невероятную высоту и уставилось на Френча злобными блестящими глазами.

Френч закричал.

Но кричал он недолго.

Холод окутал меня ледяной мантией. Пустынность улиц была необычной даже для такого раннего времени. Казалось, что этот район Лондона полностью вымер. Я уже через несколько минут пожалел о том, что отказался от предложения Говарда и пошел пешком. Стоянка извозчиков, встретившаяся мне по пути, была пустой, без признаков чьего-либо присутствия. Да и кому может понадобится извозчик в пять часов утра, к тому же в таком районе? Но гордость не позволяла мне вернуться назад и — с опозданием — принять предложение Говарда. К тому же он наверняка уже спит, а во второй раз поднимать его с постели мне не хотелось. В общем, мне оставалось лишь шагать вперед. В худшем случае мне просто придется пройти пешком весь путь до гостиницы «Вестминстер». Что ж, тогда часовая прогулка может пойти мне на пользу, особенно учитывая длинную бессонную ночь в прокуренной библиотеке Говарда.

В глубине души я был даже рад, что у меня появилась возможность побыть одному. Я доверял Говарду, но то, что он мне рассказал, было слишком неохватным для моего рассудка, чтобы это можно было быстро «переварить». К тому же я чувствовал — хотя и не мог найти оснований для этого — что он скрыл от меня больше, чем рассказал. Этот человек был окружен тайной, скорее даже не одной, а целым ворохом тайн.

Мои шаги по мокрой брусчатке мостовой отдавались неестественно звонким эхом. Туман, поначалу висевший в воздухе в виде дымки лишь в отдельных местах, в течение буквально нескольких последних минут сильно сгустился. Получалось так, что, чем больше светало, тем гуще становился туман, поэтому видимость с наступлением утра практически не улучшилась.

Я поплотнее укутался плащом, втянул голову в плечи и зашагал еще быстрее. Моя рука как бы сама собой скользнула под плащ и легла на рукоятку трости-рапиры. Все ж таки с

оружием было как-то спокойнее. Район, в котором находился пансион Говарда, не зря пользовался дурной славой. И меня опять охватило то же гнетущее ощущение, что и вчера вечером: мне снова казалось, что за мной из тумана наблюдают глаза кого-то, невидимого мне...

Однако это оказалось не просто ощущением.

В тумане передо мной появилась тень и тут же снова исчезла, причем так быстро, что я ничего толком не смог рассмотреть. Затем я услышал быстрые, еле слышные в тумане шаги.

Я резко остановился. Моя рука еще крепче вцепилась в рукоятку трости-рапиры, но я пока что не вытаскивал оружие. Если меня действительно кто-то поджидает, то лучше пока им не показывать, что я не такой уж беззащитный, как они, возможно, думают.

Мой взор буквально сверлил окружающую меня волнообразную серость. Вдруг я заметил, что стало еще холодней. Даже намного холодней. Мои руки и лицо покалывало от холода, а при выдохе перед ртом появлялось облачко пара.

— *Роберт...*

Голос был еле-еле слышен, и походил на шуршание ветра в кроне дерева. Он звучал неестественно, как будто доносился со всех сторон одновременно. Я снова увидел — или мне просто показалось, что увидел — какую-то тень, но она опять исчезла так быстро, что я не успел ее рассмотреть.

— *Ро-о-о-о-бе-е-е-ерт...*

Я в растерянности всмотрелся в туман. На какой-то момент мне почудилось, что это был голос моего отца. Впрочем, я, наверное, просто хотел выдать желаемое за действительность, а потому отбросил эту мысль. В интонациях голоса слышался какой-то строгий, даже злобный оттенок. Позади меня раздался звук шагов по мостовой, затем послышался тихий гортанный смех.

— Кто это? — спросил я. Мой голос звучал совсем не так твердо, как мне хотелось бы, а руки дрожали.

— *Ро-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-бе-е-е-е-е-ерт...*

Произносилось только одно слово — это было мое имя — и больше ничего. Тем не менее, этот жутковатый голос заставил меня содрогнуться. Я еще раз огляделся по сторонам, вздохнул и пошел дальше. Лишь с трудом мне удалось преодолеть в себе желание броситься бежать изо всех сил.

— *Роберт,* — прошептал голос. — *Иди ко мне.*

Я зашагал еще быстрее, стараясь не обращать внимания на голос. Но это было не просто. Хотя голос был таким тихим, что я скорее угадывал произносимые слова, чем действительно их слышал, в них чувствовалась настойчивость, пожалуй, даже приказной тон, и просто игнорировать эти слова у меня не получалось. При этом я все еще не мог понять, с какой же стороны доносится голос. Казалось, он звучал везде одновременно, как будто со мной разговаривал сам туман...

Прямо передо мной в сумраке утра забрезжил свет. Я остановился. Свет был мерцающим и очень слабым, но он исходил явно не от газового фонаря. Он также не был похож на свет лампы какого-нибудь проезжающего мимо экипажа. В этом свете было... что-то жуткое.

— *Роберт. Иди ко мне.*

В этот раз слова прозвучали довольно жестко, словно приказ. Я сделал шаг вперед, затем снова остановился и, отчаянно напрягая глаза, попытался получше рассмотреть этот

мерцающий зеленоватый свет.

Он как-то странно трепетал и переливался, как будто был живым. Его сияние ослаблялось туманом, однако я заметил в нем жутковатый ядовито-зеленый оттенок. На миг показалось, что меня коснулось что-то невидимое и очень холодное.

Вдруг из этого света появилась фигура человека.

Несмотря на все сгущающийся туман, я сразу его узнал. Узкое, обрамленное тщательно ухоженной бородкой лицо с горящими глазами, рот, скривившейся в усмешке, прядь белоснежных седых волос в форме зигзагообразной молнии над правой бровью...

— Отец...

Он приблизился, однако, не доходя до меня шага три-четыре, остановился и посмотрел на меня с каким-то странным выражением. Сквозь его почти прозрачное тело были видны очертания находившегося за ним дома.

— Роберт, — сказал он. — Я звал тебя. Почему ты не остановился?

Я хотел что-то ответить, но не смог. Где-то глубоко-глубоко во мне внутренний голос пытался меня остановить, словно предупреждая об опасности, но его при этом что-то заглушало — что-то, находящееся вне меня. Полупрозрачная фигура вселяла в меня страх, но это был какой-то необычный страх. Я почувствовал сухость в горле. Оно вдруг начало болеть.

— Чего... чего ты хочешь? — с трудом спросил я.

— Чего я хочу? — мой отец снисходительно улыбнулся. — Помочь тебе, Роберт. Почему ты не дождался меня там, в Голдспи?

— Не дож... дождался?

Почему мне стало так трудно говорить? И почему мои мысли путались?

— Я потерял твой след, — сказал он. — Но теперь я снова нашел тебя, — вдруг в его взоре что-то изменилось. — Тебе угрожает опасность, Роберт. Еще большая опасность, чем ты предполагаешь.

— Я... знаю, — пролепетал я и вдруг почувствовал, как что-то мучительно сжимает мне виски.

— Нет, не знаешь, — сказал Андара насмешливо. — Ничего ты не знаешь, Роберт. Ты лишь *думаешь*, что знаешь, но при этом упускаешь из виду главную опасность. Не ходи больше к Говарду.

— Не ходить к Говарду? — тупо переспросил я. — Что ты имеешь в виду?

Внезапная тень нетерпения, даже, пожалуй, гнева пробежала по лицу моего отца. Я раньше никогда не видел его таким.

— Именно то, что говорю, сын мой, — сказал он. — Говард — совсем не тот, за кого он себя выдает.

— Но ты... ты же меня сам... сам к нему направил, — сказал я беспомощно.

Давление в моей голове становилось все сильнее, состояние мое — все мучительнее. Казалось, что мой череп охватывают стальные обручи, которые сжимаются все сильнее и сильнее.

— Я направил тебя к моему другу Говарду, — согласился он, — это верно. Но не к *этому* Говарду.

— Разве есть... еще один Говард?

Андара покачал головой.

— И да, и нет, — сказал он. — Говард уже давно мертв. Он умер вскоре после того, как

Йог-Сотхотх уничтожил наше судно. Колдуны из Иерусалимского Лота узнали, где он находится, и заменили его на одну из них. Если ты еще раз с ним встретишься — ты погиб, Роберт. Он сделал бы это еще сегодня, но он был слишком обескуражен твоим внезапным появлением. А еще ему хотелось кое-что у тебя выведать. Что ты ему рассказал?

Я уже почти ничего не соображал. От боли у меня выступили слезы на глазах.

— Вс... все, — еле выдавил я из себя. — Я... я думал, что могу... могу ему доверять.

Мой отец вздохнул.

— Вот этого я и опасался, — сказал он. — Но еще не поздно. Он ничего не знает о том что я все еще существую, — он засмеялся. Это был такой тихий, злобный и холодный смех, что я содрогнулся. — Пойдем со мной, Роберт. Мы заберем Присциллу и скроемся в таком месте, где он не сможет причинить тебе вреда.

Он протянул руку, сделал шаг ко мне и ободряюще улыбнулся. Я вздрогнул, инстинктивно хотел подать ему руку, но что-то меня удержало.

— Пойдем, Роберт, — сказал он еще раз.

От боли у меня из глаз хлынули слезы. Я застонал, пошатнулся и сделал шаг назад. Для этого мне понадобилось напрячь все свои силы. Боль в моем черепе стала просто невыносимой.

— Ты... не... не мой отец, — выдавил я из себя.

Взгляд «Андары» похолодел. Его лицо потускнело, словно сквозь его черты пытались проступить что-то другое, мрачное.

— Не твой отец? — переспросил он, выжидающе глядя на меня.

Я покачал головой, с трудом двигая ею.

— Я... не знаю, кто ты такой, — сказал я, еле выговаривая слова. Я уже еле стоял на ногах. — Но ты... не мой отец. Ты — не Родерик Андара.

Боль внезапно исчезла, словно ее погасили, как фонарь. Я глубоко вздохнул, встрепенулся, испытывая огромное облегчение, и потер ладонями глаза.

Фигура Андары начала расплываться. Вскоре она стала совсем прозрачной, и я уже различал сквозь нее находившиеся за ней клубы тумана. Затем тени, из которых она состояла, вдруг снова сгустились.

Но образовалась уже не фигура человека.

У меня из горла вырвался изумленный крик, когда я увидел, *что* появляется передо мной в тумане.

Это *не что* было похоже на человека, то есть имело голову, туловище, две верхних конечности и две нижних. Однако на этом сходство заканчивалось. Оно было огромным, как медведь, а может, еще массивнее, его тело, похоже, состояло из зеленой слизистой массы, какого-то колышущегося студня, и находилось в постоянном движении, словно оно время от времени распадалось и тут же возникало вновь. Вместо рук у него были блестящие обрубки без пальцев.

Я в ужасе отшатнулся назад. Чудовище издало отвратительный булькающий звук, с трудом оторвало ногу от земли и сделало шаг ко мне. Его верхние конечности жадно вытянулись в мою сторону.

Я в отчаянии отпрыгнул назад, выхватил трость из-под плаща и слегка наклонился вперед. Что-то подсказывало мне, что, хотя это *существо* и казалось громоздким и неуклюжим, на самом деле это было совсем не так. Я просто боялся повернуться к нему спиной.

Чудовище бросилось на меня. Все его тело словно единым колеблющимся движением рванулось вперед. Оно скорее плыло ко мне, чем бежало. Я отпрыгнул в сторону, выхватил свое оружие и ткнул чудовище острым, как иголка, лезвием в то место, где у человека находится лицо.

Стальное лезвие с противным хлопанием на ширину ладони вошло в зеленую переливающуюся массу. У меня возникло ощущение, что оно пронзает густой сироп. Затем рапира резко содрогнулась, вызвав у меня в плече неприятные ощущения. Лишь с трудом мне удалось удержать ее в руке. Чудовище снова бросилось вперед, протянув ко мне свои ужасные конечности.

Я почувствовал их прикосновение и вскрикнул от боли. Судя по внешнему виду этого отвратительного чудища, можно было предположить, что оно не очень сильно. Однако это было не так. Его конечности, как стальные клещи, мертвой хваткой обхватили верхнюю часть моего туловища, казалось, что мои ребра вот-вот треснут. Хватка чудовища буквально выдавила воздух из моих легких.

Обезумев от боли и страха, я резко поднял рапиру вверх, взял ее двумя руками, словно кинжал, и вонзил изо всей силы в плечо чудовища.

По его телу пробежала болезненная судорога. Хватка его конечностей ослабла, правда, лишь ненадолго и только на какую-то долю секунды.

Но мне этого хватило, к тому же страх придал мне силы. Отчаянным рывком я вырвался из его захвата, отскочил назад и, не удержавшись, с размаху шлепнулся на спину. Мой противник издал гнусный булькающий звук и отступил, шатаясь, на несколько шагов, с трудом пытаясь удержаться на ногах. Рапира все еще торчала из его плеча, а ее круглая рукоятка смотрелась как причудливое украшение на теле чудовища, состоявшем из зеленой переливающейся массы.

Оно зашаталось еще сильнее. Из его груди раздался глубокий мучительный стон, а конечности начали хаотически мелькать в воздухе. Медленно, словно изо всех сил сопротивляясь падению, оно опустилось на колени, несколько мгновений поддерживая себя конечностями, а затем рухнуло вперед.

Упав, оно просто стало растекаться. Зеленая масса, из которой состояло его тело, становилась все более жидкой. Тонкие блестящие слизистые волокна расползались по земле, и тело постепенно распадалось на части.

Все это происходило удивительно быстро. Тело чудовища сначала приняло вид колышущейся, похожей на амебу массы, а затем, словно продолжая таять, превратилось в бурлящую лужу светло-зеленой, поблескивающей, густой жидкости.

Я медленно поднялся на ноги. Мои руки и колени дрожали. Кроме того, это ужасное зрелище вызывало у меня тошноту. Усилием воли я все-таки заставил себя смотреть на все это, а через несколько секунд даже подошел чуть поближе.

От чудовища уже почти ничего не осталось. На мостовой передо мной была видна лишь переливающаяся лужа диаметром метров пять. На ее поверхности появлялись блестящие пузыри, которые тут же беззвучно лопались. Подойдя еще ближе, я почувствовал смрадный запах.

И тут я чуть было не заплатил жизнью за свое любопытство.

Из поблескивающей лужи вдруг резко выдвинулось тонкое зеленое щупальце, обвилось вокруг моей ноги и, дернув, свалило меня с ног. Я вскрикнул и уже второй раз упал на спину, отчаянно пытаясь высвободиться. Но у меня ничего не получалось. Щупальце было не толще

моего мизинца, но при этом обладало невероятной силой. Я почувствовал, что от его захвата у меня на ноге содралась кожа и потекла кровь, при этом хватка щупальца все усиливалась. Боль у меня в ноге становилась просто нестерпимой.

Отчаянным усилием я дернулся назад, а затем приподнялся настолько, насколько позволили мне это сделать мои невероятные путы.

В центре лужи появлялось все больше пузырей. Жидкость кипела и бурлила. Зелено-коричневые куски слизи сбивались вместе, начинали бешено кружиться и прирастать друг к другу. Затем на поверхности лужи вдруг появился обрубок размером с кулак и начал быстро увеличиваться.

Взглянув на это, я на секунду даже забыл про боль. *Чудовище воссоздавалось!*

Закричав, я изо всех сил дернулся назад, однако слизистое щупальце лишь сильнее врезалось в мою плоть. В отчаянии я огляделся по сторонам. Улица была пуста, и поблизости от меня не было ничего, что я мог бы использовать как оружие. Если жители ближайших домов и слышали мои отчаянные крики, то они, скорее всего, никак не собирались на них реагировать.

Моя рапира! Где она? Мой взгляд скользнул по бурлящей луже, остановился на мгновение на быстро растущем в ее центре колыхающемся обрубке и метнулся дальше. До того момента, как чудовище снова возродится во всей своей мощи, оставались считанные секунды. И тогда у меня не останется никаких шансов.

Я увидел свое оружие. Оно лежало совсем недалеко от меня, однако находилось под бурлящим слоем зеленой жидкости, почти в центре лужи...

Чудовище словно прочитало мои мысли. Щупальце с силой дернуло меня за лодыжку, стараясь подтащить поближе к луже. От этого рывка я с криком упал вперед, ударился лицом о твердую мостовую, затем невероятным усилием — я не ожидал, что во мне еще было столько силы — перевернулся на спину и протянул руку к рапире.

В первый миг отвращение оказалось сильнее страха. Мои пальцы застыли в нескольких миллиметрах от поверхности бурлящей лужи. Я почувствовал тепло, исходящее от нее, а от ее ужасного зловония у меня перехватило дыхание. Сделав над собой усилие, я схватил рапиру.

У меня возникло ощущение, что я опустил руку в кислоту. Моя кожа горела, как будто она слоями отделялась от моей плоти. Тоненькие слизистые щупальца поползли по моему запястью и обвились вокруг предплечья. Я отчаянным движением рванул назад и выхватил рапиру из лужи.

Обезумев от боли и страха, я увидел, как блеснуло лезвие рапиры, обернулся, изо всех сил рванул, натянув удерживающее меня щупальце, и рубанул по нему лезвием клинка.

Отполированная сталь рассекла щупальце, почти не встретив сопротивления. Клинок ударился о мостовую и, спружинив, отскочил, вызвал болезненное ощущение в моей руке. Отрубленный кусок щупальца бешено извивался. Я немного отполз назад, поспешно приподнялся, став на колени, и отсек от себя обрубок щупальца, все еще цеплявшийся за мою лодыжку.

На мгновение я почувствовал, что мне становится дурно. Напряжение борьбы и боль совершенно изнурили меня. Я покачнулся, с большим трудом подавил охватывающее меня чувство тошноты и, пошатываясь, поднялся на ноги. Затем я посмотрел на лужу.

То, что я увидел, повергло меня в отчаяние.

Из центра быстро уменьшающейся лужи выросло мощное зеленоватое чудовище. Его

лишенная лица голова приподнялась и повернулась в мою сторону.

С трудом оторвав взгляд от этого зрелища, я развернулся и изо всех сил побежал прочь, чувствуя при этом, как мучительно болит моя нога. Позади меня на мостовой оставались поблескивающие капельки моей крови, а моя правая рука горела, словно охваченная огнем. Кожа на ней была красная, будто ее обожгли кислотой.

Я на бегу оглянулся и увидел, что чудовище уже поднялось с земли и мчалось вслед за мной. А передвигалось оно удивительно быстро!

Я попытался бежать еще быстрее, однако мои раны сильно этому мешали. Впрочем, если бы я даже и не был изранен, то все равно не смог бы убежать от чудовища. Хотя оно внешне и казалось неуклюжим, приближалось чудовище с удивительной быстротой.

Впереди себя я уловил какое-то движение. В тумане мелькнула тень, а затем послышалось цоканье лошадиных подков по мостовой. Наконец из тумана вынырнул черный экипаж, запряженный двумя лошадьми.

Он чуть было не наехал на меня. В самый последний момент я отскочил в сторону, потерял равновесие и упал на землю. Кучер с громким криком дернул поводья на себя. Лошади, испугавшись, остановились как вкопанные, и тут же поднялись на дыбы.

— Роберт! Не вставай!

Я инстинктивно повиновался, хотя был слишком обескуражен, чтобы узнать раздавшийся голос. Перевернувшись на спину, я увидел, как кучер мощным прыжком соскочил с козел. В тот же момент дверь экипажа распахнулась, и из нее на мостовую выпрыгнул худенький человек, одетый в элегантный серый летний костюм.

Говард!

Я поискал взглядом чудовище. Оно за последние несколько секунд приблизилось настолько, что было почти рядом. Я опередил его — если так можно сказать относительно человека, лежащего навзничь на мостовой и почти парализованного от боли и страха, — на каких-нибудь двадцать шагов.

Я с изумлением увидел, что Говард бросился мимо меня к чудовищу без малейшего страха. В правой руке он держал что-то маленькое, серого цвета.

— Говард! — отчаянно крикнул я. — Назад! Оно убьет тебя!

Говард не обратил на мои слова никакого внимания. Остановившись шага за три до чудовища, он замахнулся и бросил в него маленький предмет, который держал в правой руке. Предмет, описав в воздухе дугу, ударился в грудь чудовища.

Результат был поразительный. Чудовище резко остановилось, словно натолкнувшись на невидимую стену. Его туловище охватила волнообразная судорога, а конечности затряслись.

Затем оно — уже во второй раз — начало исчезать, хотя теперь это происходило совсем по-другому. Его тело не превращалось в зеленую жидкость, оно просто испарялось!

В том месте, куда ударился брошенный Говардом предмет, из груди чудовища пошел серый дым. Слизистая плоть — если можно так назвать то, из чего состояло тело чудовища, — начала кипеть и бурлить, дергаясь при этом в судорогах. Дыма выделялось все больше, и мне даже показалось, что я слышу тихое потрескивание, похожее на электрические разряды.

Все это длилось не более минуты. Дым стал таким густым, что скрыл чудовище, но когда он наконец рассеялся, от жуткого монстра не осталось и следа. Там, где он стоял, на мостовой валялся лишь маленький серый предмет.

Говард быстрыми шагами подошел к этому месту и, наклонившись, подобрал предмет,

брошенный им в чудовище. По его губам пробежала торжествующая улыбка.

Моего плеча коснулась чья-то рука. Подняв глаза, я увидел широкое темное лицо, озабоченно склонившееся надо мной. Я даже не заметил, как Рольф подошел ко мне и опустился возле меня на корточки.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да, — ответил я и покивал головой. Рольф улыбнулся, просунул под мою спину свою могучую ручищу и без каких-либо усилий поднял меня.

— Что... о господи!.. Что это было? — беспомощно пробормотал я.

Рольф ничего не ответил. Он лишь молча выпрямился и поставил меня на ноги, словно детскую игрушку, правда, при этом был вынужден поддерживать меня, так как моя раненая нога оказалась почти не в состоянии выдержать вес моего тела.

— Отнеси его в экипаж, — сказал Говард.

Рольф что-то буркнул себе под нос, взял меня на руки и отнес, несмотря на мои протесты, в экипаж. Усадив меня на сиденье, он еще раз улыбнулся и вскарабкался на козлы. Через несколько секунд Говард сел рядом со мной, захлопнув дверь, и экипаж покатился прочь от этого жуткого места.

— Похоже, что я явился как раз вовремя, — сказал он, улыбаясь, перед этим тщательно осмотрев меня.

— Спа... спасибо за помощь, — пробормотал я. — Но откуда...

Говард улыбнулся:

— Откуда я узнал, что все это произойдет? А ниоткуда. Но у меня было чувство, что лучше поехать вслед за тобой. Как оказалось, это чувство меня не подвело.

— Но что это было? — спросил я. — Это чудовище...

— *Шоггот*, — невозмутимо ответил Говард. — Можно сказать, младший брат Йог-Сотхотха.

Он на некоторое время замолчал и наклонился, чтобы получше рассмотреть мою раненую ногу.

— Но все это я объясню тебе попозже, — сказал он, но уже изменившимся тоном. — А пока что я отвезу тебя к одному знакомому врачу, затем мы вместе поедем в гостиницу за твоими вещами. Вам с Присциллой уже небезопасно находиться там.

— А адвокат?

Говард махнул рукой.

— Грэй — не просто мой адвокат, — сказал он, — он мой друг. Он приедет ко мне, когда я пошлю за ним Рольфа и тот ему... расскажет, какая... сложилась ситуация. Вам с Присциллой придется на некоторое время остановиться у меня. Боюсь, что я несколько недооценил нашего противника.

— Да уж, — вздохнул я. — Я тоже так думаю.

Над рекой стоял туман, а от ее поверхности исходило еле заметное холодное дуновение. Было холодно, даже слишком холодно для этой поры года, пусть даже и здесь, на Темзе. Более того, уже седьмой или восьмой день подряд на рассвете все вокруг заволакивало туманом, серые колышущиеся клубы которого поглощали свет и тем самым как бы задерживали наступление утра.

Мортенсон окоченевшими пальцами разжег сигару, бросил спичку в реку и оперся о заиндеветшие поручни. Патрульный катер вяло покачивался на волнах, так ни разу и не

тронувшись с места в течение всей этой ночи, часов одиннадцать кряду, — с тех самых пор, как Мортенсон заступил на дежурство.

Взгляд его усталых покрасневших глаз был устремлен на восток. Туман стал таким густым, что даже обе башни моста, расположенного возле Тауэра, виднелись сквозь стоящую над рекой серую стену тумана лишь как темные расплывчатые тени, а все звуки в окрестности казались какими-то приглушенными и неестественными.

Мортенсон опустил глаза, зябко потер руки и повернулся, чтобы пойти к рубке. Его шаги по палубе катера звучали приглушенно. Если бы не искаженная тень Сарсина, видневшаяся за запотевшим окном рубки, он подумал бы, что на многие мили вокруг он один-одинешенек.

Сарсин приподнялся неестественно резким движением и растерянно уставился на Мортенсона, которого он, по-видимому, не сразу узнал. Его улыбка казалась чуточку виноватой.

Мортенсон тоже улыбнулся. Глубоко вздохнув, он уселся на стоявший у штурвала неудобный стул и затянулся сигарой. Ее огонек отражался в оконном стекле маленькой красной точкой.

— Ну как там, снаружи, — ничего интересного? — спросил Сарсин через некоторое время.

Мортенсон отрицательно покачал головой и выпустил облачко дыма в сторону окна. Сарсин демонстративно закашлялся, но Мортенсон не обратил на этот намек никакого внимания.

— Ничего, — сказал он. — Только туман. Все преступники, похоже, дрыхнут без задних ног.

Сарсин потянулся, выпрямил спину и, прикрыв рот рукой, зевнул. Его светлые волосы были взъерошены, и по ним было видно — так же как и по помятой синей форменной куртке, брошенной на его плечи, — как он провел те полчаса, в течение которых Мортенсон был на палубе. Но Мортенсон не винил его за это, даже ничуть. Не было ничего более скучного, чем ночное дежурство на реке. Когда Мортенсон более пятнадцати лет назад поступал на службу в лондонскую полицию, у него было совсем другое представление об этой профессии.

— Иногда, — сказал Сарсин и снова зевнул, на этот раз не утруждая себя прикрыванием рта ладонью, — я сам себя спрашиваю, правильная ли у нас профессия. Мы тут проводим бессонные ночи и умираем от скуки, а тем временем гангстеры, которых мы вроде бы должны ловить, лежат у себя дома в кроватях и храпят.

— А кроме гангстеров никто не храпит? — Мортенсон насмешливо поднял бровь и проницательно посмотрел на своего более молодого коллегу. Улыбка Сарсина стала какой-то совсем жалкой.

— Ну, в общем-то... — замялся он. — Я...

Мортенсон махнул рукой.

— Да ладно, малыш, — сказал он добродушно. — Ничего страшного — при условии, что хоть один из нас бодрствует. Тем более, что вряд ли здесь что-нибудь может произойти. При таком тумане только сумасшедшие рискнули бы плыть по реке.

Сарсин улыбнулся, еле удержался, чтобы снова не зевнуть, и хотел уже что-то ответить, но, так ничего и не сказав, вдруг выпрямился и уставился мимо Мортенсона на реку.

— Что это там? — спросил он.

Мортенсон, посмотрев на него секунду, обернулся и тоже устремил взгляд в окно. Сквозь туман вырисовывались контуры чего-то громадного, темного, плившего по реке на расстоянии ярдов тридцать-сорок от катера. Мортенсону это что-то показалось какой-то странной тенью. Колышущиеся серые клубы тумана не позволяли рассмотреть ее получше, но и так было видно, что она необычная. Совсем не похожая на судно.

Сарсин, похоже, был такого же мнения. Он медленно встал, приблизился к окну вплотную и потер себе большими и указательными пальцами глаза.

— Ну и что это за несуразица? — пробормотал он. — Судно? Да нет, это явно не судно.

Мортенсон пожал плечами.

— Понятия не имею, — сказал он. — Сейчас посмотрим.

Сарсин оторвал взгляд от непонятого объекта.

— Пока мы стронемся с места, этот чудик успеет доплыть до Ла-Манша, — сказал он.

Мортенсон неохотно кивнул. Паровой котел на их стоящем у берега катере сейчас работал на малых парах. Им понадобится, наверное, не менее получаса, чтобы разбудить кочегара, храпящего возле своей угольной кучи, и затем поднять давление в котле до необходимого уровня. Новые паровые машины, которыми лондонская полиция оснастила свои суда несколько лет назад, имели кое-какие недостатки.

— Ты будь здесь, — сказал он, немного подумав. — А я пойду посмотрю на него поближе.

Он вышел из рубки, прошел к носу судна и открыл крышку огромного прожектора, красовавшегося на носовой части патрульного катера. Спички в пропитанном туманом воздухе тут же стали влажными и горели очень плохо. Ему потребовалась почти целая минута, чтобы зажечь фитиль и снова закрыть крышку. Окоченелыми пальцами он покрутил управляющее колесико прожектора. Когда открылся клапан и пламя начало дополнительно подпитываться карбидными парами, мерцающее желтое свечение огонька превратилось при помощи рефлектора в белый, чрезвычайно яркий свет.

Мортенсон сощурился. Ослепительно белый, толщиной в человеческую руку луч прожектора вонзился, словно копье, в гущу тумана. В первый момент Мортенсон увидел не больше, чем раньше, так как серые клубы тумана лишь отражали световой луч, затем, однако, белый луч высветил что-то темное, массивное и начал было скользить дальше, но тут же, повинуясь руке Мортенсона, остановился.

Стояла какая-то поразительная тишина. Не было слышно ничего, кроме приглушенного журчания воды и тихих всплесков. Ни шума мотора, ни шлепанья весел. На секунду он даже подумал, что, наверное, замеченное ими судно — если это действительно было судно — какой-нибудь парусник, капитан которого по недоумию решил, несмотря на отвратительную видимость, довериться ветру и течению. Однако Мортенсон тут же отбросил эту мысль.

Он медленно повел прожектором в обратном направлении. Белый луч наткнулся на что-то темное.

Мортенсон, не веря своим глазам, уставился на гигантское черное *существо*, лишь небольшая часть которого высвечивалась прожектором из окружающего полумрака. Луч скользнул по выпирающему боку чудища с хрящеватыми, в человеческую руку толщиной, выпуклостями, затем высветил черный рог, затем — чешуйки размером с ладонь...

— Но ведь этого не может быть, — пробормотал Мортенсон. — Такого просто не бывает...

Его руки затряслись, в результате чего луч прожектора забегал туда-сюда: вот он,

дернувшись вверх, сошел на миг с этой гигантской тени, затем резким движением вернулся назад. Сердце Мортенсона начало стучать, как кузнечный молот. Он на некоторое время даже перестал дышать, напряженно следя за лучом света, скользящим по телу этого невероятного существа. В центре светового пятна вдруг оказалась длиннющая, в человека толщиной шея, затем — мощная двурогая голова...

Крик ужаса, вырвавшийся из горла Мортенсона, потонул в раздавшемся мощном рыке. Голова гиганта гневно завертелась. Когда луч яркого света попал в маленькие, лишённые век глаза существа, тут же раздался второй, уже какой-то истощный рык. Чудовище вдруг вздыбилось, подняв вокруг себя волну, которая, достигнув патрульного катера, потрянула его так, как будто его ударил гигантский кулак.

Этот мощный толчок сбил Мортенсона с ног. Он упал, при этом ударившись лбом о край прожектора, и на несколько секунд почти потерял сознание. Словно сквозь густую пелену он услышал, что Сарсин выскочил из двери рубки и что-то ему крикнул.

Когда Мортенсон наконец поднялся, он увидел, что чудовище повернулось и теперь движется в сторону их катера. Мортенсон оцепенел. Он почувствовал, что у него внутри что-то сильно сжалось, словно до предела сдавленная стальная пружина, но он стоял как парализованный — и умственно, и физически.

Этого не может быть, повторял он про себя снова и снова. *Этого просто не может быть!* Его руки так крепко вцепились в поручни, что ногти ломались, из-под них стала сочиться кровь. Но он этого не замечал.

Чудовище надвигалось на них, как атакующий боевой корабль. По размерам оно было таким же, как и их патрульный катер, может даже больше, а его громадная голова раскачивалась намного выше края дымовой трубы катера. Оно перестало реветь, потому что свет уже не слепил ему глаза, но гнев его, похоже, отнюдь не уменьшился.

Мортенсон очнулся от своего оцепенения лишь тогда, когда туловище монстра с чудовищной силой врезалось в борт катера.

От встряски он снова упал и покатился, как детская игрушка, по палубе. Что-то чиркнуло по его спине, разорвав одежду и поцарапав кожу, затем он сильно ударился левой ногой, от чего ее на миг парализовало, вслед за этим он с размаху шваркнулся о надстройку палубы, сломав себе ребро.

Боль окончательно вывела его из оцепенения. Катер трясся и раскачивался, словно вдруг попал в ураган. Из-за треска и грохота от безмятежного утра уже не осталось и следа. Чудовище снова и снова билось своим гигантским туловищем о борт катера. Судно скрипело. Его корпус был сделан из железа, но Мортенсону показалось, что он слышит, как с глухим щелканьем трескаются железные листы.

Он снова был сбит с ног, однако на этот раз он, уже будучи начеку, смягчил свое падение руками и тут же снова поднялся. Его лицо было перекошено от боли.

Чудовище бесновалось возле судна, словно демон из какой-то злой, давно забытой сказки. Когда гигантское туловище в очередной раз врезалось в борт катера, Мортенсона снова отбросило в сторону. Отчаянно вцепившись в какой-то выступ на палубе, он повернулся и попытался добраться до рубки. Сарсина тоже бросало туда-сюда, но ему, по всей видимости, повезло еще меньше: наполовину открытая дверь рубки была основательно разбита, и Сарсин, падая, натолкнулся на торчащие обломки. Его лицо и ладони заливала кровь. Дрожащими руками Мортенсон помог ему встать.

— Вот это да! — пролепетал Сарсин. — Что это такое?

Ответ Мортенсона потонул в новом реве чешуйчатого гиганта. Вода вокруг катера клокотала. Мортенсон увидел, что над ним поднялась какая-то тень, инстинктивно обернулся и, защищаясь, поднял руки над головой. Стоящий возле него Сарсин издал панический крик, повернулся и, обезумев от страха, бросился обратно в рубку.

— Нет! — крикнул Мортенсон. — *Сарсин — уйди отсюда!*

Но даже если Сарсин и услышал его слова, он на них никак не отреагировал. Мортенсон снова потерял равновесие, сделал, отчаянно махая руками, пять или шесть шагов назад и шлепнулся на спину. Из рубки были слышны пронзительные крики Сарсина. Мортенсон увидел, что он отчаянно копошился в стенном шкафу, пытаясь, видимо, достать оттуда винтовку.

Чудовище опять заревело. Его тело снова ударилось в железный корпус катера, и к общему шуму примешался новый, очень неприятный звук, который издавало судно: это с грохотом разламывались железные листы обшивки. Острый тошнотворный запах, похожий на запах крови, ударил Мортенсону в ноздри.

Переднее стекло рубки со звоном разлетелось. Между острыми осколками стекла появился ствол винтовки.

— Ради бога — НЕ НАДО!!! — надрывно закричал Мортенсон.

Но его голос потонул в реве чудовища и клокотании бурлящей воды. Сарсин, постаравшись занять как можно более устойчивое положение для стрельбы, быстро прицелился и нажал на спусковой крючок.

Хлесткий щелчок выстрела смешался с воплем боли, исторгнутым чудовищем. Как в каком-то кошмарном сне Мортенсон увидел, что кусок пластины с рогатой головы отлетел в сторону и из раны — величиной с кулак — на макушке гиганта потекла темная густая кровь.

От боли чудовище просто обезумело. Его рев стал невероятным, а мощное тело вздыбилось, с размаху ударилось о катер и сильно вмяло его железный борт. Мортенсон почувствовал, как где-то глубоко под его ногами что-то треснуло и вода хлынула бурлящим потоком внутрь катера. Змееобразная шея чудовища изогнулась, став похожей на атакующую кобру. Голова вместе с шеей отчаянно вертелась из стороны в сторону. Сарсин выстрелил еще раз, и на шее чудовища появилась вторая — рваная — рана. Но эти раны, похоже, были для такого гиганта все равно что уколы иголкой.

— Глаза! — крикнул Мортенсон. — Стреляй по его глазам!

Сарсин быстро перезарядил винтовку, выбил стволом последние осколки стекла из оконной рамы и начал тщательно прицеливаться. Но он так и не успел выстрелить.

Змееподобная шея чудовища еще сильнее изогнулась назад. С чудовищным ревом оно откинуло голову еще больше и приподняло свое мощное тело из воды, словно замахиваясь.

Затем рогатая голова доисторического чудовища, словно гигантский молот, обрушилась на рубку и разнесла ее вдребезги.

Мортенсон ухватился за поручень. Он почувствовал, что его грудь пронзила острая боль: сломанное ребро впилося в плоть.

Его взор начал затуманиваться. словно через темную кольшущуюся завесу он увидел, что чудовище немного отодвинулось от катера, хлеща по воде своими смехотворно маленькими, по сравнению с туловищем, плавниками, и наклонило голову.

Мортенсон еще успел почувствовать, как катер задрожал, когда чудовище, подсунув свое тело под днище, начало медленно поднимать судно из воды. Он также еще успел почувствовать, как катер сильно накренился на один борт, со скрежетом царапая при этом

другим бортом каменный причал пристани.

После этого Мортенсон не чувствовал уже ничего.

Когда мы вернулись в пансионат, был уже почти полдень. Говард, как и обещал, сводил меня к своему знакомому врачу, на молчание которого мог рассчитывать. Тот оказался, в общем-то, не врачом, а ветеринаром. Тем не менее, он весьма умело обработал мои раны и смог настолько ослабить боль, что я ее после этого уже почти не чувствовал. Кроме того, ожог на моей руке оказался поверхностным, поскольку моя кожа лишь на долю секунды соприкоснулась с бурлящей зеленой жидкостью. Когда же я посмотрел на клинок своей рапиры, по спине у меня побежали холодные мурашки: некогда блестящая сталь стала совсем тусклой и покрылась пятнами, словно она была изъедена кислотой.

Я буквально валился с ног от усталости, когда мы — как мне показалось, спустя целую вечность — наконец-таки вернулись в пансионат Говарда. Мы все собрались в библиотеке — единственном помещении, не считая кухни, которое никогда и не было предназначено для проживания постояльцев и служило Говарду своего рода салоном.

Присцилла побыла с нами буквально пару секунд и затем под благовидным предлогом поднялась наверх, в комнату, приготовленную для нее Рольфом. Она сказала, что очень устала, но, похоже, причина ее такого быстрого ухода крылась совсем в другом. Между ней и Говардом возникло какое-то напряжение, оно и заставило ее так быстро покинуть нас. Это отнюдь не было антипатией: Говард вел себя по отношению к ней исключительно дружелюбно, с изящной непринужденностью, которую я не ожидал обнаружить в нем, уже заметив его обычно резковатую, подчас даже кажущуюся грубой манеру поведения. Но их двоих что-то разделяло — что-то такое, что нельзя объяснить, но можно достаточно отчетливо почувствовать. Они казались абсолютно чуждыми друг другу людьми, пытающимися соблюдать правила этикета, но при этом старающимися узреть друг у друга в обороне слабые места.

Я молча сидел в кресле у камина, вытянув перед собой ноги и попивая теплый чай, принесенный мне Рольфом. Он сделал это до того, как, что-то бормоча себе под нос, снова скрыться на кухне, чтобы приготовить горячую еду для меня и Присциллы. Говард тем временем, абсолютно не обращая внимания на мое присутствие, перелистывал свои записи, то и дело что-то царапал на листке бумаги или доставал с полки шкафа какую-нибудь книгу, чтобы, заглянув в нее на пару секунд, снова поставить на место. У меня было такое ощущение, что он намеренно игнорировал мое присутствие, спокойно выжидая, когда же я наконец засну.

Я решил первым нарушить молчание и неестественно громко кашлянул, посчитав такой способ обратить на себя внимание вполне уместным в данной ситуации. Говард тут же оторвался от своей работы и посмотрел на меня.

— Что такое? — на его лице застыл вопрос.

— Я... жду, когда ты мне все объяснишь, — неуверенно сказал я.

Момент был явно неподходящим, я это чувствовал. Я устал, ощущал себя изможденным, а потому вряд ли был способен вести сколько-нибудь серьезные разговоры. Но меня не покидало чувство, что я сойду с ума, если прямо сейчас не получу разъяснений по поводу случившегося.

Говард осторожно закрыл книгу, которую как раз читал, положил ладони рядом на ее обложку и в течение некоторого времени смотрел на свои ухоженные ногти.

— Это все не так уж просто объяснить, Роберт, — сказал он после столь долгих колебаний, что я уже не надеялся дождаться от него ответа.

— Но ты все ж таки попробуй, — предложил я.

Он улыбнулся, но как-то странно и немного грустно.

— Ты мне рассказывал, что этот О'Мэлли в Голдспи сказал перед тем, как умер.

— О'Бенион, — поправил я его.

Говард кивнул.

— Хорошо, — сказал он, — пусть будет О'Бенион. Он сказал: где-то есть третий маг. Он передал предупреждение твоего отца.

— Если тот, с кем он разговаривал, *действительно* был моим отцом, — возразил я. — После того, что сейчас произошло, я уже не очень в этом уверен.

При мысли о призрачном двойнике моего отца по спине у меня пробежал холодок.

— Так или иначе, его слова проясняют многое, — продолжил Говард через некоторое время. — Я... не очень хорошо разбираюсь в таких вещах, как колдовство и заклинания, намного хуже твоего отца, — последнюю фразу он произнес подавленным голосом. — Видишь ли, Роберт, мы с твоим отцом были друзьями и партнерами, однако я в своих изысканиях сконцентрировался исключительно на **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТАХ**, тогда как твой отец посвятил свою жизнь изучению тайн *колдовской силы*. Он много чего мне рассказывал, так же как и я ему, но из его рассказов я понял далеко не все. Вы убили двух магов в Голдспи — Леймана и Донхилла. Но, насколько я знаю, — он поднял левую руку и затем словно уронил ее на кожаную обложку книги, которую держал в руках, — и исходя из того немногого, что имеется в моих записях, настоящий магический круг должен состоять как минимум из трех колдунов. А для получения магической силы, которая была бы достаточной для управления чудовищем в озере Лох Шин, нужен именно магический круг.

— Вот как! — произнес я.

Говард улыбнулся.

— Не переживай, — сказал он. — Ты поймешь все это, пусть даже и несколько позднее. Чтобы в этом разобраться, мне понадобилось несколько лет. Тебе нужно быть терпеливым. И, исходя из того, что я знаю, боюсь, что в Голдспи действительно должен быть еще и третий маг.

— И этот маг...

— ...еще жив, — закончил Говард мое предложение. — Именно так. Очевидно, он почувствовал твои скрытые силы, и поступил хитрее, чем два других колдуна. Он уклонился от открытой борьбы, но это отнюдь не означает, что он больше не представляет никакой опасности.

— И ты полагаешь, что он последовал за мной сюда, в Лондон?

Говард кивнул.

— Может быть, не за тобой непосредственно, — пробормотал он, — скорее, за Присциллой. Она жила в Голдспи довольно долго. Ты этого еще не знаешь, Роберт, но маг способен определить местонахождение человека, прожившего с ним по соседству некоторое время, причем чем дольше они жили рядом, тем легче это сделать магу. Для колдуна из Голдспи, все еще остающегося в живых, Присцилла — своего рода маяк, который он отыщет всегда и везде.

Я почувствовал, что во мне нарастает слепой гнев, отодвигающий на задний план мою способность к здравому мышлению, точнее, то, что от нее еще оставалось.

— Она тебе просто не нравится, — заявил я.

Говард вздохнул.

— Дело совсем не в этом, — сказал он удивительно кротко. — Тебе недостаточно того, что произошло? Когда-нибудь в критический момент меня может просто не оказаться рядом, и, соответственно, я не смогу тебя выручить.

— Если ты боишься, — выпалил я, — то так и скажи. Мы с Присциллой можем уйти отсюда.

Похоже, мой гнев Говарда лишь насмешил, но в следующий момент мне и самому стало понятно, какими глупыми — и несправедливыми — были мои слова. Говард ведь уже доказал, что желает мне только добра.

— Я не боюсь, — сказал он. — Для этого нет оснований. Во всяком случае, здесь. Я ведь не случайно живу в этом убогом доме, Роберт. Это жилище — своего рода крепость. Никто, имеющий дело с черной магией, не может приблизиться сюда без моего разрешения. Ни Йог-Сотхотх, ни Цтхулху здесь не могут причинить нам никакого вреда.

— Прости, — пробормотал я.

— Тут нечего прощать, — сказал Говард. — Я тебя понимаю, парень. Да и Присцилла — чудесная девушка, должен это признать. У вас с ней уже есть планы на будущее?

Я отрицательно покачал головой. Мы с ней были уже три недели вместе, но оба избегали разговора о том, что будет после того, как мы разыщем Говарда. Для нас обоих было ясно, что нам, возможно, придется расстаться.

— Пока что нет, — сказал я. — Присцилла хотела найти себе какую-нибудь работу здесь, в Лондоне. Но теперь...

— ...это уже ни к чему, — сказал Говард. — Ты достаточно богат, чтобы позаботиться о вас обоих. Однако проблема заключается отнюдь не в этом.

— А в чем? В пресловутом третьем маге?

Говард кивнул.

— Он напал на твой след. Твой или Присциллы — это уже не важно, если вы действительно хотите быть вместе.

Я еле сдержался.

— *Я не могу* расстаться с ней, — сказал я. — По крайней мере сейчас. Если этот маг действительно существует, то он ее убьет, как только она останется одна. Она абсолютно беззащитна.

— Боюсь, ты прав, — пробормотал Говард. — Кажется, после всего того, что произошло, у нас не остается другого выбора, кроме как вступить с ним в борьбу. Вы не можете постоянно прятаться здесь. Да и не станете же вы всю оставшуюся жизнь бегать от него.

— Поэтому мы должны его уничтожить.

— Да, конечно, — согласился Говард. — Однако не думай, что это будет легко сделать. *Шоггот*, с которым ты сражался, — это только одно из многочисленных средств борьбы, имеющихся в арсенале третьего мага.

Я отхлебнул из чашки и на некоторое время задержал свой взгляд на красно-коричневом напитке. На его поверхности я увидел искаженное отражение моего лица, и на секунду мне показалось, что оно похоже на скалящийся безглазый череп. Я вздрогнул.

— Но кто он? — спросил я. — Один из ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ?

Говард улыбнулся, как будто я задал необычайно глупый вопрос.

— Нет, — сказал он. — Определенно нет. Иначе мы оба были бы уже мертвы.

Он засунул руку в карман своего жилета, достал оттуда какой-то маленький предмет и бросил его мне. Я поймал его, чуть было не уронив при этом чашку с чаем.

— Этот камень защитит своего владельца и от *Шоггота*, и от призраков низшего уровня, если они явятся по чьему-то заклинанию, но вот в борьбе с любым из **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ** от него пользы не больше, чем от мухобойки, — сказал Говард.

Я с изумлением крутил этот небольшой предмет у себя в руках. Это был камешек размером где-то с шестипенсовую монету, однако имеющий форму выпуклой пятиконечной звезды. Его поверхность походила на металлическую, однако на ощупь была пористой и шероховатой. И, самое главное, казалось, что этот предмет — *живой*. Я нерешительно протянул камень Говарду.

— Исходя из того, что мне рассказал мой отец, — сказал я, — Йог-Сотхотх теперь свободен, поскольку он уже выполнил то, ради чего его вызвали колдуньи из Иерусалимского Лота. Его задача ведь состояла в том, чтобы уничтожить моего отца, и он это уже сделал.

Говард кивнул:

— Это верно. Но он — темная сила, Роберт. Злобное — необычайно злобное — существо, которое живет только для того, чтобы убивать или уничтожать. Так же, как и ему подобные.

Уже второй раз Говард намекал на то, что, кроме Йог-Сотхотха, есть еще и другие **ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ГИГАНТЫ**, но я опять не обратил на это никакого внимания. Уже одна мысль о том мощном существе со змееподобными щупальцами, которое я видел тогда, в море, вызывала у меня тошноту.

— Как и колдуньи из Салема, все они — силы тьмы, — продолжал Говард. — А силы тьмы так или иначе помогают друг другу, даже когда их никто и не заставляет это делать. Те колдуньи уже не могут заставить Йог-Сотхотха попытаться убить тебя, Роберт. Но он все равно это сделает, если сможет.

Его слова казались мне какими-то театральными, однако я продолжал молчать, пытаюсь осознать сказанное им.

Говард некоторое время смотрел мне прямо в глаза, затем покачал головой и резко сменил тему.

— Ты устал, Роберт, да и я тоже, — сказал он. — Грэй придет не раньше чем через три часа. Давай поспим хоть немного. Рольф разбудит нас, когда придет время вставать.

У меня осталась еще тысяча вопросов, но я чувствовал, что Говард явно больше не хочет разговаривать. И я не мог с ним не согласиться. Я лишил свой организм целой ночи сна, и теперь он требовал то, что ему полагалось. К тому же лучше, если к встрече с адвокатом у меня будет светлая голова.

Я встал, поставил чашку на каминную полку и без лишних слов покинул комнату. Говард же, суетливо и резковато, что было для него характерно, начал копошиться у себя в письменном столе, пытаюсь навести хотя бы относительный порядок в своих бумагах.

Когда я поднимался по лестнице, в доме стояла удивительная тишина. Ступеньки, на которые я наступал, скрипывали под тяжестью моего тела, однако это были единственные звуки, которые я слышал. В пансионате было в общей сложности одиннадцать комнат, точнее, одиннадцать номеров, каждый из которых состоял из спальни и гостиной, а также

небольшой ниши для туалета и ванной. Наличие этой своего рода роскоши трудно было ожидать, глядя снаружи на убогое здание пансионата. Однако, если не считать Говарда, Рольфа, Присциллы и меня, дом пустовал. Мне всегда казалось, что пустые дома чем-то похожи на мертвецов: они напоминали тела, которые покинула жизнь. И этот дом представлялся именно таким: он был мертвым. Просто громадный каменный труп.

Я улыбнулся собственным мыслям. Все эти странные размышления, по всей видимости, были вызваны усталостью. Я быстренько преодолел последние ступеньки, стремительно подошел к своей комнате, вошел в нее — и в изумлении остановился.

Комната не была пуста. У окна на стуле сидела Присцилла и перелистывала книгу, которую, по-видимому, нашла где-то здесь. Услышав мои шаги, она подняла глаза. Похоже, она ждала меня.

Изумленный, я закрыл дверь, сделал к ней несколько шагов и остановился.

— Присцилла, — сказал я в растерянности. — Ты не спишь?

Безусловно, мой вопрос был глупейшим, однако Присцилла, улыбнувшись, проигнорировала мои слова, отложила книгу в сторону и подошла ко мне.

— Я ждала тебя, Роберт, — сказала она, и то, *как* она это сказала, заставило меня насторожиться.

Ее голос звучал совсем не так, как обычно. Разница была небольшая, но все-таки ощутимая. Бывают ситуации, когда интонации голоса женщины говорят намного больше, чем произносимые слова. Мне были известны такие ситуации.

Она подошла ко мне вплотную, посмотрела мне в глаза длинным томным взглядом и обвила мою шею руками.

— Роберт... — пробормотала она.

Я поднял было руку, чтобы высвободиться из ее объятий, но так и не сделал этого. Наоборот, я обхватил руками ее талию и еще крепче прижал девушку к себе. Я испытывал удивительное чувство теплоты — не просто возбуждение, а и еще что-то. В Нью-Йорке я встречался со многими женщинами, но то все были мимолетные связи без каких-либо чувств — так, одна похоть. С Присциллой все было совсем по-другому. Когда я находился рядом с ней, меня охватывало чувство нежности, ранее мне неизвестное. Но, тем не менее, что-то во мне противилось ее объятиям, хотя это сопротивление казалось мне абсурдным.

— Ты так долго оставался там, внизу, — прошептала она.

Ее голос был нежным и соблазнительным, и я, кроме всего прочего, почувствовал, какой приятный аромат исходит от ее волос. Я уже ничего не соображал.

— Я... разговаривал... с Говардом, — сказал я, с трудом выговаривая слова.

Ладошки Присциллы легонько погладили мой затылок. Она еще сильнее прижалась ко мне, и через ткань платья я почувствовал, как горячо ее тело.

— Сколько времени мы здесь будем находиться? — спросила она.

— Сколько времени? — переспросил я в недоумении. — Мы ведь только что сюда приехали, Присцилла.

— Я не хочу здесь оставаться, — сказала Присцилла. Ее рот был у моего уха, и она говорила шепотом. Затем она нежно коснулась губами моей шеи. Я вздрогнул. — Давай уедем отсюда, Роберт. Мне не нравится этот дом. И Говард мне тоже не нравится.

— Но ведь он славный парень, — возразил я. — К тому же, он...

— Он ненавидит меня, — заявила Присцилла. — Давай отсюда уедем. Прямо сейчас.

Мне это стоило больших усилий, но я все-таки снял ее руки с моей шеи и слегка

отстранил Присциллу от себя.

— Это невозможно, милая, — сказал я.

Тут же с ее глазами что-то произошло. Я не мог оторвать от них взгляд. У меня было ощущение, будто я падаю в пропасть, мысли начали путаться. «Господи, что со мной?» — подумал я.

— Говард лишь обеспокоен, вот и все, — продолжал я.

Мой голос звучал как будто издалека. Я с усилием буквально выдавливал из себя каждое слово.

Присцилла некоторое время смотрела на меня. Затем она высвободилась из моих рук и сделала шаг назад, при этом продолжая держать меня за руку. Осторожно, но настойчиво она потянула меня за собой в сторону широкой, застеленной свежим бельем кровати.

Я не мог ей сопротивляться. Присцилла легла на кровать на спину и притянула меня к себе.

Я еще раз попытался собрать в себе остатки благоразумия и отстранить ее от себя.

— Нет... — прошептал я. — Так... нельзя. Мы... не должны... это делать.

— Чепуха, — заявила Присцилла.

Она еще сильнее прижалась ко мне. Мои нервы, казалось, могли вот-вот лопнуть от напряжения.

— Я люблю тебя, а ты любишь меня, — прошептала она. — Почему же тогда должны существовать какие-то запреты? И ты хочешь этого так же, как и я.

Я хотел возразить, но не смог. Мои мысли окончательно перепутались, я почувствовал какое-то умопомрачение, при этом от здравого смысла и благоразумия не осталось и следа. Присцилла снова высвободилась из моих рук, проворными движениями дотянулась до застежек и расстегнула платье. Затем она решительно через голову стащила его с себя и беспечно бросила в сторону. Под платьем у нее ничего не было.

Почти целую минуту я лежал, уставившись на нее, а она сидела неподвижно, словно хотела дать мне возможность получше ее рассмотреть. И я рассматривал ее, без какой-либо робости или смущения, и не мог в тот момент думать ни о чем другом, кроме как о том, какая она *красивая*.

У нее была стройная и пропорциональная фигура, но на это я обратил внимание еще раньше. Чего я до сих пор не замечал, так это того, что она полностью соответствовала моим представлениям об идеальной женщине. Каждый миллиметр ее тела был безупречен — без малейшего изъяна. Ее словно создали специально для меня.

Присцилла наклонилась, упершись руками в кровать слева и справа от меня, и приблизила свое лицо к моему. Ее длинные роскошные волосы упали на мое лицо, а груди коснулись моего тела, и от этого прикосновения я буквально воспламенился. Я приподнялся, обхватил ее так сильно, что это, должно быть, причинило ей боль, и прижал к себе. С ее губ сорвался тихий, сладострастный стон. Ее руки поглаживали мое тело, затем начали расстегивать рубашку.

— Возьми меня, — прошептала она. — Я принадлежу тебе, Роберт. Делай со мной, что хочешь.

Мне показалось, что в комнате мелькнула тень. Позади Присциллы что-то шевельнулось, быть может, от сквозняка встрепенулась занавеска или что-то другое. Но это меня не волновало. Я просто не хотел обращать на это внимания. Все, чего я хотел, — это обладать Присциллой. Никогда еще в своей жизни я не испытывал такого возбуждения, как

тогда. Я прижал ее к себе, взял ее лицо в ладони и поцеловал так крепко, что моим губам стало больно. Дыхание Присциллы стало очень быстрым, а ее кожа буквально горела.

— Давай уедем, Роберт, — прошептала она.

Ее голос был одновременно чарующим и вкрадчивым. Он так воздействовал на меня, что позволял ей нежностью добиться того, чего в подобной ситуации не получалось достичь явным принуждением.

— Уедем отсюда. Я знаю здесь, в Лондоне, один дом, в котором мы будем в безопасности.

Все во мне кричало, требуя, чтобы я согласился с ней, подчинился ее желанию уехать. Но я не мог этого сделать. Среди бурного урагана умопомрачительных ощущений в моем разуме все-таки еще оставался островок здравого смысла, позволяющий мне сопротивляться.

— Мы не можем... так поступить, милая, — прохрипел я.

Я хотел снова прижать ее к себе, но на этот раз она отстранилась от меня. В ее взгляде что-то изменилось.

Что-то изменилось и *в ней самой*. Несмотря на всепоглощающее возбуждение, охватившее всего меня, я почувствовал, что в душе у меня начал возникать страх, пока совсем слабый, но явный. Он был словно неприятный запах, который нельзя проигнорировать, даже если он чуть слышен.

— Пожалуйста, — прошептал я. — Не говори больше ничего. Мы... мы не можем уехать. Говард — наш друг, поверь мне.

Тело Присциллы в моих руках стало словно ледяным. От тепла в ее взгляде не осталось и следа.

И вдруг она сама начала меняться. Черты лица Присциллы — еще почти детские — стали расплываться, словно податливый воск, тающий под жарким солнцем, и вместо них появлялись другие черты. Возле меня находилась уже не Присцилла, а какая-то незнакомая девушка. Каким-то странным и необъяснимым образом она была одновременно и похожа на Присциллу, и отличалась от нее.

— Ну и ладно, — сказала она. Ее голос звучал, как звон разбившегося стекла. Это не был голос Присциллы. — Все равно ты не уйдешь от меня, Крэйвен.

— Что... — начал было я, но так и не договорил.

Лицо девушки, сидящей напротив меня, резко изменилось. Кожа потеряла свой шелковистый блеск и выглядела сухой и сморщенной, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Волосы сначала стали сероватыми, свалывшимися, а затем быстро поседели и начали выпадать пучками, покрывая мои грудь и лицо. Губы скривились в демоническую гримасу, обнажившую желтые изъеденные зубы. Я почувствовал, что ее руки, которые только что были нежными и мягкими, превратились в какие-то когтистые лапы, кожа на всем теле стала сухой и шершавой, как старый пергамент. Ее лицо разлагалось на глазах, как будто за секунды проходили целые десятилетия. Глаза стали тусклыми, затем превратились в молочно-белые шарики и запали вглубь черепа. За ними бурлило что-то черное, мягкое... Тело Присциллы (*Присциллы?!*) содрогалось. Ее руки, казалось, потеряли силу и не могли больше удерживать вес ее тела. Она опустилась на локти и затем медленно упала вперед, прямо на меня.

Ее прикосновение развеяло чары, которые до сих пор сковывали мой разум. Я в панике вскрикнул, перевернулся и попытался скинуть с себя ее тело.

Но у меня ничего не получилось. Мои руки завязли в разлагающихся тканях того, что

еще недавно было цветущим телом, казалось, что теперь оно состояло не из кожи и костей, а из мягкой водянистой массы. Оно начало растекаться, при этом кости и плоть за считанные секунды превращались в черную зловонную жижу. Я закричал и, ослепленный ужасом, начал размахивать руками и извиваться, как от боли. Черная жижа испачкала всего меня, затекла в складки моей одежды и прилипла к коже.

Я все еще вопил, когда распахнулась дверь и в комнату вбежали Говард и Рольф.

Эта гавань была заброшена уже давным-давно. Она была одной из первых гаваней, появившихся когда-то в этих местах: никто теперь уже толком не мог сказать, кем был вырыт на берегу Темзы внушительный котлован и кто соединил его с рекой. Однако теперь, по прошествии более ста лет, эта гавань стала слишком маленькой для все увеличивающихся в размерах и становящихся все более громоздкими судов, и ее в конце концов официально запретили эксплуатировать. Вместе с судами из окрестностей гавани исчезли все признаки жизни. Склады и ангары, окружающие причал, пустовали и приходили в упадок в течение жизни целого поколения. От большинства из них остались одни лишь фундаменты, от других — только каркасы построек, в свете полуденного солнца возвышавшиеся, как скелеты диловинных древних животных. Неподалеку отсюда находилась часовня, скорее даже маленькая церковь, также заброшенная и пустая, однако она все-таки еще не достигла той стадии разрушения, какая наблюдалась у близлежащих зданий. Тем не менее, время коснулось своей безжалостной рукой и этого маленького божьего храма. Стекла повывадали из оконных рам и лежали на выстеленном плитками полу церкви, словно ковер из крошечных блестящих осколков. Деревянный алтарь и сиденья для прихожан подгнили, а кое-где уже полностью развалились.

Сюда иногда еще приходили люди, чтобы тихонько помолиться, или же найти под церковной крышей убежище от непогоды и ночного холода. Время от времени — это зависело от того, с какой силой и куда дул ветер — стрелки тяжелых бронзовых часов проворачивались в корпусе-башенке, и тогда был слышен их бой — всегда единственный, словно вымученный, удар.

Но несмотря на все это, гавань не была абсолютно пустой. Во всяком случае, она не была пустой сегодня, в этот — вполне определенный — день. Под покрытой масляными разводами поверхностью воды медленно шевелилось что-то громадное. Оно, перемещаясь туда-сюда, то всплывая почти к самой поверхности воды, то погружаясь на самое дно, словно неуверенно, но беспрестанно что-то искало.

Это было смертоносное ужасное чудовище, явившееся из эпохи, отделенной от нас миллионами лет, эпохи, закончившейся задолго до того, как первый получеловек-полуобезьяна поднялся на задние конечности, посмотрел на свои передние конечности и решил впредь называть их руками, а самого себя — человеком. Оно покинуло свое убежище на севере страны, приплыло в Темзу и уже дважды приносило смерть, но не от голода или страха, а испытывая жажду разрушения. Теперь оно находилось в Лондоне — том месте, куда его призвали. И оно ждало. Его примитивный мозг не обращал внимания на течение времени, ибо оно знало: его жертва сама придет сюда. Случится ли это сегодня, завтра или же через год — для него не имело никакого значения.

Оно прождало пятьсот миллионов лет. Что теперь для него задержка в каких-нибудь несколько часов, дней или месяцев?

— Выпей-ка вот это, парень, — сказал Говард. — Вкус, конечно, мерзкий, но зато тебе станет легче.

Ободряюще улыбаясь, он передал мне стакан с бесцветной дымящейся жидкостью.

Я, колеблясь, посмотрел на него, затем послушно высунул руку из-под покрывала, которое Рольф набросил мне на плечи, взял стакан и опустошил его одним решительным глотком. Говард оказался прав — и в том, и в другом. Вкус у жидкости был отвратительный, однако ее живительное тепло успокоило судорожную боль в моем желудке, а еще через несколько секунд я почувствовал расслабление, снявшее напряжение в моем теле и ослабившее сковывавший меня до этого момента страх. Я с чувством благодарности вернул Говарду стакан, поплотнее закутался в покрывало и пододвинул свой стул поближе к камину. Мы были в библиотеке вчетвером: я, Говард, Рольф и Присцилла. Я уже не помнил, сколько времени прошло с тех пор, как Говард и его могучий слуга схватили меня, сорвали с меня одежду и без долгих разговоров засунули в ванну с ледяной водой. Я орал и вырывался, как сумасшедший, однако Рольфу это быстро надоело, и он, прижав меня, как надоедливое насекомое, удерживал в ванне до тех пор, пока холодная вода не оказала на меня должного воздействия и я — хотя и очень медленно — не успокоился. Если я когда-нибудь в жизни и был на грани потери рассудка, то это было как раз в те минуты.

— Тебе ужасно повезло, парень, — сказал Говард.

Он улыбнулся, покачал несколько раз головой и посмотрел в упор на Присциллу. Она спокойно выдержала его взгляд, но мне показалось, что в ее глазах сверкнули искорки. Говард перед этим рассказал ей, что произошло, и она восприняла это с таким мужеством, какого я от нее не ожидал. С того самого момента она не произнесла ни слова. Я не сомневался, что в произошедшем она в значительной степени винила себя.

— Повезло? — пробормотал я через некоторое время. Лицо Говарда нахмурилось: он, похоже, понял, что я собирался сказать. — Я думал, что в твоём доме безопасно.

— Я тоже так думал вплоть до сегодняшнего дня, — сдержанно сказал Говард. Он глубоко вздохнул и затем пробормотал: — Я ничего не понимаю. Этого, в общем-то, не могло произойти.

— Не могло? — если бы я не был так слаб физически, то я бы его сейчас высмеял. — То, что произошло, было уж слишком реальным, чтобы считать его чем-то несущественным.

Говард вздрогнул, как от удара.

— Я этого просто не понимаю, — тихо проговорил он.

— Все дело во мне.

От этих слов Присциллы я одновременно и растерялся, и испугался, да и Говард резко повернулся и посмотрел на нее. Все время до этого момента она слушала наш разговор молча, но с каждым словом Говарда выражение страха на ее лице становилось все отчетливее.

— Я во всем виновата, — выпалила она. — Только я.

— Не говори глупостей, Присцилла, — сказал я. — Твоей вины здесь не больше, чем моей или Говарда.

Присцилла решительно покачала головой.

— Это моя вина, — упорствовала она. — Если бы меня здесь не было, ничего бы не произошло, Роберт. Мне не следовало ехать с тобой. До тех пор, пока я рядом с тобой, тебе от них не скрыться.

— Ни слова больше, — сказал я резко.

— Но я говорю правду, — возразила Присцилла. В ее глазах заблестели слезы, а голос звучал одновременно и нервно, и решительно. — Они... они просто не оставят тебя в покое до тех пор, пока я нахожусь рядом с тобой.

— Они все равно не оставят меня в покое, даже если тебя и не будет рядом со мной, — возразил я.

— Но тогда ты, возможно, сможешь от них скрыться, — продолжала настаивать Присцилла.

Я несколько секунд сердито смотрел на нее, а затем повернулся к Говарду и гневно сжал кулаки:

— Это ты ее так настроил.

— Да, — сказала Присцилла, прежде чем Говард успел мне что-нибудь ответить. — И я даже рада, что он это сделал.

— И как же ты намереваешься поступить? Бежать отсюда, чтобы наверняка погибнуть? — я попытался придать своему голосу насмешливый оттенок.

— Я в любом случае не могу здесь оставаться, — сказала Присцилла решительно. — Я подвергаю опасности не только тебя, но и всех, кто находится здесь.

— Нет, ты останешься, — гневно сказал я. — Я тебе не позволю принести себя в жертву. Если ты сейчас отсюда уедешь, ты обречешь себя на верную смерть.

— Или же я обреку на смерть всех присутствующих, если останусь. И потом, что ты сможешь со мной сделать? Удерживать меня силой?

— Если потребуется — то и силой, — серьезно ответил я.

Присцилла некоторое время смотрела мне прямо в глаза, затем покачала головой и начала в отчаянии заламывать руки. Я уже не видел ее лица, но заметил, что ее плечи вздрагивают. К тому же, я услышал, что она тихонько всхлипывает. Меня вдруг охватил гнев.

— Bravo! — сказал я, повернувшись к Говарду. — У тебя все прекрасно получилось. Прими мои поздравления.

Присцилла резко обернулась.

— Он тут ни при чем, Роберт, — сказала она. — Когда мы обнаружили тебя там, наверху, я сама его расспросила о том, что произошло. К тому же, я не полная дура и тоже кое-что понимаю. Я ведь жила в Голдспи достаточно долго.

Я ничего не ответил. Присцилла, конечно же, была абсолютно права. Однако мой гнев в отношении Говарда не уменьшился. Скорее наоборот.

Рольф громко кашлянул.

— Уже... уже почти три, — смущенно сказал он, стремясь, по всей видимости, как-то ослабить возникшее напряжение. — С минуты на минуту должен прийти Грэй.

Говард кивнул, посмотрел на всякий случай на часы и повернулся ко мне.

— Рольф прав, — сказал он. — Тебе нужно что-нибудь надеть, — тут он повернулся к Присцилле. — А вы, девушка, ступайте-ка лучше в свою комнату и отдохните. Сегодня вечером мы еще раз поговорим обо всем. Все вместе.

Заплаканная Присцилла посмотрела на него, нервно теребя подол платья:

— А о чем можно еще говорить?

— О многом, — ответил Говард. — Вы правы относительно колдунов из Голдспи, однако выводы, которые вы из этого делаете, — неверные. Наши враги определили наше местонахождение, и теперь от того, покинете вы нас или нет, все равно ничего не изменится. Они вас убьют или же — в лучшем случае — отвезут обратно в Голдспи.

Нравится это нам или нет, но мы должны держаться все вместе и попытаться как-то выпутаться из этой истории, — он ободряюще улыбнулся. — А сейчас ступайте в свою комнату и немножко отдохните. Вы переутомились, к тому же вообще никогда не стоит принимать поспешные решения.

Присцилла, все еще колеблясь, кивнула. Говард почти незаметно дал знак Рольфу, и широкоплечий великан молча вывел Присциллу из комнаты.

— Теперь можно не переживать, — сказал Говард, после того как дверь за ними затворилась и с лестницы послышались их шаги. — Рольф не спустит с нее глаз.

Я посмотрел на Говарда. В моих мыслях, казалось, бушевал ураган. Я прекрасно понимал, что он прав и что у него только благие намерения, но именно поэтому я его сейчас почти ненавижу.

— Почему бы тебе не пойти в свою комнату и не переодеться? — спросил Говард, явно желая сменить тему. — Вот-вот придет адвокат, а подштанники и покрывало — не совсем подходящая одежда для того, чтобы вступать во владение миллионом фунтов стерлингов.

— Миллио... — ахнул я от изумления.

Говард равнодушно пожал плечами.

— А может быть, даже двумя или тремя, — сказал он. — Я точно не знаю. Но в любом случае тебе следует переодеться.

Я еще некоторое время смотрел на него, затем медленно поднялся и пошел в свою комнату. Когда я входил в нее, мое сердце заколотилось от страха. Хотя Рольф убрал испорченные постельные принадлежности и удалил все другие следы пребывания там ужасной Присциллы-двойника, я все еще боялся даже взглянуть туда, где стояла кровать. Мне также было страшно смотреть в зеркало в ванной, куда я зашел переодеться. Еще немного — и я начал бы громко свистеть — так поступает маленький мальчик, которому страшно заходить одному в темный подвал. Я никогда не был трусом, однако бывают такие ситуации, когда мужество и смелость теряют всякий смысл.

Мне понадобилось минут пять на то, чтобы переодеться и выйти из комнаты. В коридоре я встретился с Рольфом.

Я остановился, посмотрел на него с упреком и указал на дверь комнаты Присциллы.

— Вы обещали не спускать с нее глаз, — сказал я.

Рольф ухмыльнулся.

— Ну да, — промямлил он. — Но она спит. И еще долго будет спать.

— Она так быстро заснула?

Ухмылка Рольфа стала еще шире.

— В чае, который ей дал ГП, было снотворное, — сказал он. — К тому же она не сможет открыть окно, уж об этом я позаботился. Так что все в порядке, поверьте мне.

На какой-то миг я вновь ощутил гнев, однако здравый смысл быстро взял над ним верх. Говард, пожалуй, поступил самым благоразумным образом. Присцилла при данных обстоятельствах страдала морально даже больше, чем это было видно по ней. Она и в самом деле думала, что все, что сегодня случилось, произошло по ее вине. К тому же она была еще довольно юной и вполне могла совершить какое-нибудь безрассудство.

Мы вернулись в библиотеку, где нас уже ждал Говард.

Грэй пришел ровно в три. Дверной колокольчик зазвенел как раз в тот момент, когда раздался бой огромных напольных часов, занимавших целый угол в библиотеке. Говард молча кивнул своему мажордому, расправил ладонями рубашку и брюки и вышел в

прихожую, чтобы встретить Грэя. Я остался в комнате один.

Внутри у меня пробежал холодок. Я почувствовал, что в моей жизни открывается совершенно новая страница. Когда Андара подобрал меня в трущобах Нью-Йорка, я был нищим, затем я превратился — по крайней мере внешне — в нормального, можно сказать приличного буржуа, теперь же — совсем скоро — я стану богачом. Не просто богачом, а миллионером.

Но это было еще не все. Мне вдруг вспомнилось, с какими странными интонациями Говард говорил о том, что я — наследник отца. Я вдруг осознал, что он имел в виду не только деньги и богатство.

Появление Говарда оторвало меня от этих размышлений. За ним следом в комнату вошел седоволосый мужчина лет шестидесяти, одетый неброско, но элегантно. У него было открытое симпатичное лицо. Глаза — такого же серого оттенка, как и его волосы, — были, пожалуй, довольно маленькими, а взгляд, казалось, замечал мельчайшие подробности.

Я нерешительно пошел навстречу Грэю и протянул ему руку. Он, однако, проигнорировал мой жест и, остановившись, внимательно оглядел меня с головы до ног.

— Так это он и есть, — произнес Грэй наконец.

Говард кивнул.

— Да, это он, Томас. Но ты ведь на большее и не рассчитывал.

На лице Грэя появилась легкая улыбка.

— Итак, ты — Роберт, — сказал он, снова повернувшись ко мне. — Сын Родерика.

Он еще раз улыбнулся, однако уже гораздо более доброжелательно, что сразу расположило меня к нему.

— Да, — добавил он. — Это видно. Ты, конечно же, его сын.

— Вы... были знакомы с моим отцом? — робко спросил я.

Грэй кивнул.

— Еще бы. Он был моим другом, Роберт. Он даже однажды спас мне жизнь.

Говард ухмыльнулся.

— Это у него было такое хобби, — пояснил он.

Мне показалось, что подобные шуточки в данной ситуации весьма неуместны, однако Грэй тихонько засмеялся. Он, по-моему, мало чем походил на адвоката, к тому же я заметил, что у него не было при себе приличествующих адвокату принадлежностей — какой-нибудь папки, или же портфеля, или чего-нибудь подобного.

Мой взгляд, по-видимому, был весьма красноречив. Во всяком случае, Грэй перестал меня разглядывать, огляделся вокруг, словно что-то искал, и присел на стул Говарда за письменным столом. Говард молча показал мне жестом, чтобы я присел с противоположной стороны стола, а сам он, отодвинув от стола стул, сел сбоку от нас.

— Говард рассказал мне, что произошло, — сказал Грэй. — И после того, как я тебя увидел, полагаю, что смогу со спокойной совестью уладить все формальности. Я пришел сюда, парень, чтобы передать тебе наследство твоего отца.

Я в замешательстве сглотнул.

— Так просто? — спросил я в недоумении.

Грэй ведь не потребовал от меня никаких документов. Хотя, если бы он их потребовал, то поставил бы меня в весьма затруднительное положение, поскольку мой паспорт и все другие документы, которые у меня когда-то были с собой, сгорели дотла в Голдспи.

Грэй кивнул:

— Да, так просто. Говард тебе доверяет, да и я тоже.

— И вы...

Грэй резким жестом заставил меня замолчать.

— Я знаю, парень, что ты хочешь сказать. Я охотно сделал бы это как-то по-другому, однако боюсь, что последние события вынуждают нас поторопиться. Конечно же, нам придется доказывать, что ты — это ты. Я имею в виду — доказывать чиновникам. Также нам еще предстоит оформить кучу документов и прочих бумаг, прежде чем ты официально сможешь вступить в права на наследство. Так что особо не тешь себя надеждами: на все это потребуется, может быть, год, а то и больше, хотя я и сделаю все, что в моих силах, чтобы проверить это побыстрее. А пока суд да дело, мы с Говардом будем поддерживать тебя в финансовом плане.

— Об этом не может быть и речи, мистер Грэй, — сказал я.

— Я знал, что ты так скажешь. Но мы все равно будем помогать тебе деньгами. Хотя я пришел сюда по другому поводу. В ближайшие дни ты придешь ко мне в канцелярию и подпишешь множество всяческих бумаг, которые я заранее приготовлю, а все остальное я улажу без твоего участия. Бюрократическая волокита — дело довольно нудное. Правда, теперь у меня с Говардом нет ни малейших сомнений относительно твоей личности.

Они с Говардом быстро переглянулись, при этом Говард одобрительно кивнул и в очередной раз затянулся пахучей черной сигарой.

— Именно для этого, — продолжил Грэй после секундной паузы, — я сейчас здесь: чтобы убедиться, что ты — действительно Роберт Крэйвен, сын Родерика Андары. И теперь, когда я в этом убедился, я могу передать тебе вот это.

Он засунул руку в нагрудный карман своего фрака, достал оттуда запечатанный сургучной печатью узкий конверт и протянул мне его через стол с почти что торжественным видом.

Я озадаченно посмотрел на конверт, покрутил его в руках и затем снова посмотрел на Грэя:

— Что это?

— Твое наследство, — ответил Говард вместо Грэя. Его голос стал почему-то очень серьезным. — Много лет назад твой отец попросил меня и Грэя, если с ним что-то случится, разыскать тебя и передать тебе это письмо.

Он глубоко вздохнул, неожиданно встал и снова переглянулся с Грэем. Адвокат тоже встал.

— Будет лучше, если мы оставим тебя одного, чтобы ты мог спокойно прочитать это письмо, — сказал он. — Мы подождем за дверью. Позовешь нас, если мы тебе понадобится или если у тебя возникнет какой-нибудь вопрос.

Прежде чем я успел что-то возразить, они оба повернулись и быстрыми шагами вышли из комнаты.

Я растерянно смотрел, как за ними закрылась дверь, а затем снова уставился на узкий белый конверт, который держал в руках. Это был обычный, ничем не примечательный конверт, на нем не были указаны ни отправитель, ни получатель, но, тем не менее, он был запечатан сургучом. Дрожащими руками я положил его перед собой на стол и сломал печать.

Внутри конверта был лишь один листок бумаги, плотно исписанный мелким витиеватым почерком Андары. Поколебавшись секунду, я вытащил листок из конверта и

подошел с ним к окну, чтобы было легче разбирать мелкий почерк отца.

Роберт, если ты держишь это письмо в руках и читаешь его, значит я, твой отец, уже мертв. Я не знаю, представится ли мне возможность познакомиться с тобой лично и самому рассказать тебе о себе, о своей жизни, как не знаю я и того, простишь ли ты меня за все, что я тебе причинил.

Мое удивление росло. «Мне причинил?»

Я попросил своих двух самых надежных друзей вручить тебе это письмо, если возникнут какие-либо чрезвычайные обстоятельства. Молю Бога, чтобы этого не случилось, однако тот факт, что ты читаешь это письмо, означает, что все-таки произошло то, чего я боялся еще при твоём рождении. Многое из того, что тебе расскажут Говард и Грэй, ты не поймешь, и многому из этого не поверишь, но то, что они расскажут, — правда, и единственной причиной, почему я сейчас пишу эти строки, является мое стремление предостеречь тебя. Я отказался от тебя и передал тебя на воспитание чужим людям, но я сделал это, чтобы защитить тебя, Роберт. У меня есть могучие враги, которые не удовлетворились бы только моей смертью, они постарались бы убить и тебя.

А сейчас я вкратце сообщу тебе то, о чем Говард и Грэй расскажут тебе более подробно, если им все-таки когда-нибудь придется вручать тебе это письмо.

Я — совсем не такой человек, как те, среди которых ты вырос. Я — маг. Колдун. А ты — мой сын. Сверхъестественные силы, которыми я обладаю, таятся и в тебе, и если тебе удастся избежать опасностей, которые тебе угрожают, ты должен пробудить в себе эти силы и стать таким же колдуном, как и я. Ты сейчас, возможно, еще не осознаешь, какую цену тебе придется за это заплатить, но у тебя нет другого выбора. Прошу тебя доверять моему другу Говарду: он — один из тех немногих, кому я доверял, никогда об этом не жалея. Попроси его передать тебе мои заметки и книги, собранные мной в течение всей моей жизни. Их я и завещаю тебе. В них изложено все, что я когда-либо узнал или испытал, весь мой жизненный опыт. Вместе с Говардом ты почерпнешь из них то, что мне уже не суждено узнать. Быть может, усвоив все эти знания, ты возненавидишь меня, и, быть может, это будет справедливым наказанием мне за то, что я овладел такими знаниями, доступ к которым закрыт роду человеческому на все времена. Молю Бога, чтобы это было не так.

С любовью, твой отец.

Шум распахивающейся двери нарушил ход моих мыслей. Я испуганно опустил письмо и обернулся. Говард и Грэй вошли в комнату и остановились у двери. Выражение их лиц было теперь совсем другим. На лице Грэя не осталось и следа дружелюбия: он был напряжен, словно выжидал чего-то и готовился к решительным действиям. Теперь он уже совсем не выглядел старым и безобидным, каким казался всего несколько минут назад.

Что касается Говарда, он выглядел таким нервным, каким я его еще никогда не видел. Его пальцы теребили пуговицу жилета, словно хотели оторвать ее, однако он сам этого словно не замечал. В углу его рта дымилась черная сигара, он лихорадочно делал затяжки

одну за другой.

— Ну как? — спросил он, после того, как они с Грэем в течение нескольких секунд разглядывали меня. Их взгляды были такими внимательными и странными, что я невольно содрогнулся. — Ты прочел письмо?

Я кивнул и покачал головой.

— Да, прочел, — сказал я. — Но в нем... нет ничего такого, чего бы я еще не знал.

Говард улыбнулся.

— Я знаю, — сказал он. — Когда он писал это письмо, я был рядом.

— Но речь идет не об этом, — сказал Грэй.

Он как будто очнулся от оцепенения, быстрыми шагами подошел ко мне и взял письмо из моих рук. Я был так обескуражен, что никак на это не отреагировал, а лишь с открытым ртом смотрел, как он повернулся и подошел к камину.

— Подождите-ка, — наконец сказал я. — Что... что вы собираетесь делать?

— Сжечь письмо, что же еще? — невозмутимо ответил Грэй.

Подойдя к камину, он наклонился и без долгих разговоров бросил листок в огонь.

Я вскрикнул и хотел было броситься к камину, но Говард, сделав быстрый шаг, преградил мне путь и заставил отступить.

— Оставь его, — сказал он. — Так должно быть.

Я попытался сопротивляться, однако Говард оказался намного сильнее, чем я предполагал.

— Но почему? — сдавленно спросил я. — Письмо...

— ...больше уже не имеет никакого значения, — перебил меня Грэй. — К тому же оно представляет опасность. Я должен был его уничтожить, чтобы не случилось непоправимое.

Я уже совсем ничего не понимал. Опустив руки и сделав шаг назад, я растерянно смотрел то на Грэя, то на Говарда:

— Что это все означает? Это письмо... не от моего отца?

— Да нет, именно от него, — сказал Говард. — Но то, что в нем было написано, уже не играет никакой роли. Я мог бы пересказать тебе его наизусть. Да ты и сам уже все это знал.

— И тем не менее...

— Тебя удивляло, что все происходит так быстро и легко, — перебил меня Грэй, — и что мы с Говардом так легко поверили, что ты — это ты. Но на самом деле это было не так, Роберт.

— Ты ведь уже убедился, какие изощренные наши враги, — продолжал Говард.

Мне вдруг пришло в голову, что они похожи на двух артистов, разыгрывающих уже отрепетированную сцену, в ходе которой они обменивались заранее подготовленными репликами. Скорее всего, так оно и было.

— Нам нужно было убедиться, — продолжал Грэй. — Это письмо было своего рода испытанием, Роберт.

— Ис... испытанием?

Говард кивнул:

— Только настоящий Роберт Крэйвен смог бы сломать печать и прочесть письмо. Твой отец запечатал письмо магической печатью.

Я некоторое время помолчал. У меня появилось какое-то нехорошее, странное чувство.

— А если бы я... оказался ненастоящим? — спросил я наконец.

Говард бросил на меня серьезный взгляд.

— Тогда ты был бы уже мертв, — спокойно сказал он.

Меня охватил жуткий страх. Я оторопело смотрел на хлопья белого пепла — это было все, что осталось от сгоревшего письма. В такой ситуации я, наверное, должен был разгневаться на Грэя и Говарда, но я почему-то не чувствовал в себе гнева.

— Ну ладно, — сказал Говард. — Давай присядем, Роберт. Мы должны много о чем поговорить.

Наступил вечер, а мы все говорили и говорили. Точнее, говорили Говард и Грэй, а я слушал их, испытывая все возрастающее замешательство, и лишь периодически — хотя и довольно часто — задавал вопросы, когда мне что-то было непонятно или когда их слова вызывали у меня сомнение. В принципе, они не поведали мне ничего нового: большую часть того, что они рассказали, я уже слышал из уст моего отца, об остальном догадался сам. И тем не менее их слова поразили меня до глубины души: они подробно рассказали мне о мире, существующем параллельно с привычным мне миром, и этот другой, новый для меня мир был в тысячу раз более таинственным и опасным, чем я представлял себе всего несколько недель назад. Кроме Говарда, Грэя и моего отца существовало множество людей, включившихся в борьбу с силами тьмы. У них были союзники по всему миру, но и их противники казались такими могущественными, что моя надежда на победу в этой битве таяла по мере того, как я узнавал от Грэя и Говарда все новые и новые подробности.

Я узнал обо всем: об истории Салема и его жутком конце, о судьбе беглецов, осевших в Иерусалимском Лоте, которых через сотню лет снова постигла та же судьба, о жизни моего отца, почувствовавшего надвигающуюся опасность и безуспешно пытавшегося предупредить о ней остальных.

На улице снова стемнело. Рольф принес нам горячую еду и крепкий кофе (за что я ему был очень благодарен, ибо только кофе и помог мне не заснуть), а Грэй и Говард все говорили и говорили, деловито и даже как-то беспристрастно, ничего ни приукрашивая, но и не очерняя. В конце концов Говард подошел к тому месту в письме моего отца, смысла которого я не понял.

— Вот видишь, Роберт, — сказал он серьезно, — у тебя не остается другого выбора, кроме как принять вызов твоих врагов. А также исполнить то, что завещал тебе отец.

— А если я не хочу? — неуверенно спросил я.

Говард почему-то улыбнулся моим словам.

— Твое нежелание вполне понятно, Роберт, — сказал он. — Я тоже был не в восторге, в первый раз столкнувшись с колдовством и черной магией. Когда я узнал о существовании Цтхулху и ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ, я скрывался несколько недель, пытаясь спрятаться от действительности. Но у меня ничего не вышло. Сожалею, Роберт, но это невозможно, — он улыбнулся. — Твой отец как-то раз очень удачно выразился: это все равно, что выпачкаться в смоле. Тогда как ни три себе руки, все равно остается след от смолы и ее неприятный запах. И от этого тебе уже не избавиться.

Так вот что отец имел в виду, когда писал: «Быть может... ты возненавидишь меня...»

— Ты прочел письмо, — сказал Говард, помолчав некоторое время. — Мы сделаем то, о чем просил твой отец, Роберт. Ты обладаешь теми же талантами, что и он, и мы вместе пробудим и разовьем их. Но для этого мы должны покинуть Лондон.

Я удивленно посмотрел на него:

— Ты имеешь в виду, из-за его... завещания?

— Из-за его книг и записей, — кивнул Говард. — Именно так. Ты рассказывал мне, что произошло на судне «Владычица тумана». Тебе даже довелось подержать в руках его сундучок, но ты еще не осознавал тогда, какое сокровище ты держишь. Все, что твой отец когда-либо узнал или испытал, изложено в этих записях и фолиантах, Роберт. Нам нужно найти этот сундук.

— Но он утонул, — возразил я. — Вместе с судном.

— А ты сможешь разыскать то место?

Даже если за прошедшее с тех пор время судно полностью развалилось и сейчас покоится на дне морском, я найду это место. Я кивнул:

— Конечно. Но там очень сильные течения. Не думаю, что...

Говард жестом прервал меня.

— Я знаю людей, которые смогли бы нырнуть и в Ниагарский водопад, — убежденно сказал он. — К тому же, у меня есть кое-какие... э-э... другие варианты. Если мы найдем место, где затонуло судно, то нам наверняка удастся достать сундук. Для тебя это может оказаться вопросом жизни и смерти.

— Если сундук все еще там, — пробормотал Грэй.

Говард печально кивнул.

— Да, если он все еще там, — согласился он. — Наши недруги тоже не лыком шиты, и это они нам уже неоднократно доказывали. Не удивлюсь, если окажется, что они тоже знали о существовании этого сундука и пытались его заполучить. Поэтому мы выезжаем завтра утром.

— Утром? — меня испугала даже сама мысль о скором отъезде в Шотландию и возможности снова оказаться поблизости от колдовского поселка.

— Лучше, конечно, было бы отправиться прямо сегодня, — серьезно сказал Говард. — Каждый час может оказаться решающим. Но мы все слишком устали, а потому нам нужно хорошенько выспаться. Рольф позаботится о нашем багаже, билетах и всем таком прочем. Рано утром мы выезжаем.

— Все пятеро?

Говард отрицательно покачал головой:

— Грэй останется здесь. Да и Присцилле, с моей точки зрения, следовало бы остаться в Лондоне.

— Я знаю одно место, где она будет в безопасности, — сказал Грэй.

Я не стал возражать. Хотя мне очень не хотелось расставаться с Присциллой, я понимал, что это просто необходимо. Снова везти ее в окрестности Голдспи было бы не просто безответственным поступком. Это означало бы обречь ее на верную смерть.

Я медленно кивнул.

Говард и Грэй с облегчением вздохнули.

— Тогда лучше сегодня на этом закончить и пойти отдыхать, — сказал Говард. — Я...

С верхнего этажа дома раздался отчаянный крик, вслед за которым послышался грохот и звон разбиваемого стекла. Я вскочил на ноги.

— Присцилла! — вскрикнул я. — Эти звуки раздаются из комнаты Присциллы!

Я резко развернулся, двумя прыжками оказался у двери, распахнул ее и... замер на месте.

На лестнице шла отчаянная борьба: Рольф дрался сразу с тремя противниками, и, несмотря на его незаурядную физическую силу, ему приходилось туго. В руках его

противников — троих парней, одетых в потрепанные костюмы, — были длинные и довольно опасные складные ножи, с помощью которых они шаг за шагом оттесняли Рольфа. По тому, как они управлялись с ножами, было видно, что это — прожженные головорезы, тем более втроем они могли не бояться даже такого широкоплечего великана, как Рольф. И действительно, руки Рольфа были уже испещрены кровоточащими порезами, рубашка — разорвана, а его лицо одновременно выражало и гнев, и постепенно нарастающий страх.

Говард и Грэй тоже подбежали к двери, но я сдержал их резким движением руки.

— Рольф! — крикнул я. — Назад! Не позволяй им себя окружить!

Двое из парней при звуке моего голоса испуганно вздрогнули и посмотрели в мою сторону. Тем самым они отвлеклись на миг от схватки — и Рольф использовал предоставленный шанс с такой молниеносной скоростью, какой я от него просто не ожидал. С гневным рычанием он бросился вперед, схватил одного из парней за отворот пиджака и тут же получил еще один глубокий укол в плечо — парень вскрикнул, бешено затопал ногами и пырнул его ножом. Но, раз уж он попался Рольфу, шансов вырваться у него уже не было. Рольф тут же вывернул ему руку, при этом послышался хруст. Парень еще раз вскрикнул, выронил нож и, словно не веря, уставился на свое сломанное запястье. Рольф с размаху ударил его, затем так пихнул парня в грудь, что тот отлетел в сторону своих сотоварищей, и все они полетели вниз по лестнице. Все это произошло за какую-то секунду.

Когда нападавшие поднялись на ноги, мы с Говардом были уже возле них. Парень, которого отделал Рольф, уже не представлял опасности — он корчился на полу, прижимая руку к груди — а вот два его товарища явно не намеревались прекращать схватку. Я, успев лишь в самый последний момент уклониться от нацеленного в мое лицо ножа, схватил парня за запястье и, используя его собственную энергию, так дернул его, что он потерял равновесие и начал падать вперед. При этом я резко поднял свое правое колено вверх.

Ударившись лицом о мое колено, парень взвыл от боли. Нож выпал у него из руки, и я почувствовал, что его тело обмякло. Не дожидаясь, пока парень рухнет на пол, я тут же бросился на помощь Говарду.

Ему приходилось туго. Его противник, оправившись от падения с лестницы, вскочил и всю размахивал ножом. Хотя ему пока что не удалось ранить Говарда, молниеносно уклоняющегося от выпадов ножа, я понял, что в этой неравной борьбе Говарду долго не протянуть.

— Эй, ты! — крикнул я.

Парень на мгновение отвлекся от Говарда и бросил на меня взгляд через плечо. Это секундное замешательство тут же обошлось ему очень дорого: я снизу ударил его в пах и, когда он от боли начал сгибаться, схватил его за руку и, присев и используя энергию его движения, с размаху перебросил его через свое плечо. Вскрикнув, он пролетел метра два-три и так ударился о поручни лестницы, что они разломались.

Однако этот парень оказался крепче, чем я предполагал. Уже через секунду он был снова на ногах и схватил обломок поручней, чтобы использовать его в драке как дубинку. Его лицо было бледным, но в глазах бушевал злобный огонь.

Подобный взгляд мне был хорошо знаком, я его видел в своей жизни не раз. Это был взгляд убийцы.

Рольф, грозно рявкнув, хотел было броситься на парня, но я его поспешно удержал.

— Нет, — сказал я. — Позволь мне.

Затем я повернулся к нападавшему.

— Прекращай это все, — сказал я тихо. — У тебя нет никаких шансов. Нас много.

Вместо ответа парень слегка наклонился вперед, расставил ноги и замахнулся своей «дубинкой». Рольф сделал шаг к нему, а мы с Говардом тем временем зашли с двух сторон. Если бы мы напали втроем, у парня не было бы никаких шансов.

— *Прекратите!*

Голос был таким резким, что мы все невольно застыли на месте. Затем я рывком поднял голову и посмотрел вверх.

На верхней ступеньке лестницы стояла женщина. Она была стройной, с длинными темными волосами, ее фигуру почти до пят скрывало черное одеяние. Я бросил взгляд на ее лицо.

Я узнал это лицо! Это было то самое лицо, которое я — буквально на миг — видел за секунду до того, как мнимая Присцилла начала чудовищным образом менять свою внешность!

— Немедленно прекратите, — повторила женщина.

Рольф, что-то сердито буркнув, хотел было подняться по лестнице навстречу женщине, но тут же отшатнулся назад, встретившись с ней взглядом. От женщины распространялась какая-то жуткая энергия, некая аура власти, которую я ощущал лишь раз в моей жизни — тогда она исходила от моего отца.

Я вдруг понял, кто она.

Ее взгляд остановился на мне, словно она прочла мои мысли. То, что она затем произнесла, подтвердило, что это действительно было так.

— Твоя догадка верна, Роберт Крэйвен, — сказала она. Ее голос звучал очень холодно. — Тебе следовало бы прислушаться к предостережениям. Я — третий маг из Голдспи, — она засмеялась, очень тихо и очень злобно. — Ты что, действительно верил, что сможешь скрыться от нас?

— Что... что тебе нужно? — спросил я. В горле у меня вдруг пересохло.

— Мне нужен ты, — ответила она.

Я вдруг краем глаза увидел какое-то движение и обернулся. Нападавшие на нас парни — их лица были ужасно бледными — медленно поднялись на ноги и начали обходить нас слева и справа.

— Оставьте их, — резко приказала колдунья. — Вы свою задачу выполнили. Идите сюда.

Все трое немедленно повиновались. Как будто нас здесь никогда и не было, они дружно повернулись и стали подниматься по лестнице. По их движениям можно было предположить, что они действуют не по собственной — по чьей-то чужой — воле.

Колдунья подождала, пока все трое встанут за ее спиной, и повторила тем же суровым тоном:

— Мне нужен ты, Роберт Крэйвен. Ты ответишь за злодеяние, которое ты совершил. Неужели ты и в самом деле думал, что сможешь убить двоих из нас безнаказанно?

— Полегче, ведьма, — сказал стоящий рядом со мной Говард. — Ты здесь находишься в...

— Я прекрасно знаю, где я нахожусь, — перебила его женщина. — И я не так глупа, чтобы являться сюда с оружием, которое будет здесь бессильным, — она тихо засмеялась. — Тобой, Говард, мы займемся позже. Есть другие люди, жаждущие тебя уничтожить, и я не буду становиться им на пути. А вот Роберт пойдет со мной.

Говард засмеялся:

— Вряд ли.

— Вряд ли? — в ее голосе прозвучало злорадство. Затем она продолжала почти небрежным тоном. — А я вот уверена, что он пойдет со мной. Во всяком случае, если хочет снова увидеть свою маленькую сучку.

Меня охватил ужас, а перед глазами поплыли круги. Так вот зачем понадобилось это бессмысленное нападение! Задачей троих парней было как можно дольше отвлекать наше внимание.

Я хрипло вскрикнул и хотел было броситься вперед, но Говард схватил меня за руку и удержал.

— Ты что, сумасшедший? — спросил он. — Она же тебя убьет!

— Конечно, — сказала колдунья, улыбаясь.

Я освободился от хватки Говарда.

— Присцилла! — воскликнул я. — Они похитили Присциллу!

— Ты что, думаешь, они отпустят ее, если ты сдашься? — резко сказал Говард. Он посмотрел в сторону черноволосой женщины. — Они убьют вас обоих.

Колдунья начала медленно спускаться по лестнице. Парни последовали за ней. Когда они достигли конца лестницы, Говард, Грэй и я невольно отступили на шаг.

Остановившись на последней ступеньке, колдунья посмотрела на меня ледяным взглядом.

— Ну? — спросила она. — Какое твое решение?

— А что... а что вы сделаете с Присциллой, если я пойду с вами? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Ничего. Я отпущу ее. Нам нужен ты, а не эта замарашка. Она не представляет для нас никакого интереса.

— Не верь ей! — выпалил Говард. — Она лжет.

— Может и лгу, — сказала колдунья. — А может и нет. Но он этого так никогда и не узнает, если останется здесь. Зато он будет уверен, что он виноват в ее смерти. Очень мучительной смерти.

Последнее предложение она сказала уже более резким тоном.

Я в нерешительности посмотрел на Говарда. Меня охватили противоречивые чувства. Я вполне осознавал, что Говард прав и что нас с Присциллой, вполне возможно, убьют обоих, а то и сотворят с нами что-нибудь похлеще. Но я не мог думать ни о чем другом, кроме как о Присцилле — моей маленькой любимой Присцилле, попавшей в руки колдуньи.

— Я иду с вами, — тихо сказал я.

Экипаж уже почти целый час мчался по городу с умопомрачительной скоростью. Занавески на окнах были задернуты, а я не отваживался даже пошевелиться, поэтому у меня было ни малейшего представления о том, где мы находимся. Хотя, по правде говоря, даже если бы у меня и была возможность смотреть в окно, я все равно толком не мог бы определить наше местонахождение: Лондон оставался для меня практически незнакомым городом, в котором — кроме площади Пикадилли, центрального железнодорожного вокзала и гостиницы «Вестминстер» — я практически еще ничего не видел. Однако бешеная скорость, с которой кучер гнал лошадей, и громкое жуткое эхо, каким отдавался на улицах грохот нашего экипажа, подсказывали мне, что мы направляемся не в центр города, а,

скорее, в его какой-нибудь малонаселенный отдаленный район.

В конце концов движение экипажа начало замедляться, предвещая завершение этого, уже казавшегося бесконечным, путешествия. Теперь экипаж не раскачивался, как лодка в бурном море, да и стук копыт стал раздаваться реже.

Мое сердце забилося быстрее: мы приближались к цели нашего путешествия.

И этой целью была моя смерть.

Как ни странно, я не испытывал страха — страха за себя самого. Все мои мысли были о Присцилле. Я находился в экипаже один. Моя таинственная похитительница не села со мной в экипаж. Быть может, ее вообще не существовало, и женщина, которую я видел в доме Говарда, — лишь иллюзия.

Моя рука скользнула под плащ и коснулась клинка трости-рапиры, которую я прихватил с собой. Мне было, конечно же, понятно, что это оружие все равно не поможет, но уже сама мысль о том, что оно при мне, действовала на меня успокаивающе.

Впрочем, рапира была не единственным моим оружием. В правом кармане у меня лежал маленький двустольный дамский пистолет, который мне сунул Говард перед тем, как я покинул его дом, причем сунул так искусно, что ни колдунья, ни три ее головореза ничего не заметили. Трость-рапиру они, конечно же, заметят и отнимут, а вот маленький, почти незаметный пистолет может прийтись весьма кстати.

Экипаж остановился, и лошади беспокойно забили копытами. Я услышал быстрые и гулкие виги. Дверца экипажа распахнулась, и вовнутрь хлынул поток холодного как лед воздуха. Неожиданно запахло туманом и водой. В образовавшемся проеме появилось чье-то широкоскулое, испещренное шрамами лицо, в меня уперся колючий взгляд.

— Выходи! — скомандовал суровый голос.

Я послушно встал и, наклонив голову, нырнул в дверной проем. Оглядевшись по сторонам со смешанным чувством любопытства и все нарастающего страха, я увидел, что мы находимся возле гавани. Впереди, в нескольких шагах от лошадей, мощеная улица обрывалась, переходя в потрескавшееся бетонное обрамление огромной — почти полмили в диаметре — гавани. Вода в ней пахла весьма неприятно, ее поверхность блестела, как деготь, при свете луны. С трех сторон гавань окружали здания, возносившиеся в небо большими черными теньями. Нигде не было видно ни света, ни каких-либо других признаков того, что здесь живут люди. Мы, должно быть, находились в той части порта, которая — по крайней мере в ночное время — чаще бывала безлюдной. Впрочем, это не вызывало удивления. Чего же мне еще было ожидать?

— Пошли, — приказал мой спутник.

Он был человеком с невероятно широкими плечами, как минимум на голову выше меня (что весьма примечательно, учитывая то, что я и сам совсем не низкого роста). На нем были черное пальто и цилиндр — типичная одежда кучера. Однако я ни секунды не сомневался, что это не кучер. У него было лицо отпетого негодяя — такие как раз и водятся в подобных районах — и такой же невыразительный и тусклый взгляд, как и у тех троих парней, которые на нас напали.

— Куда? — спросил я.

Он молча указал на невысокое, наполовину развалившееся здание-склад, расположенное справа от нас. Я еще раз огляделся по сторонам, прежде чем медленно двинулся к нему. Мы были абсолютно одни, казалось даже, что ближайший живой человек находится где-то за сотни миль отсюда. И хотя я старался побороть в себе страх, с каждой

секундой мне становилось все страшнее и страшнее.

Когда мы шли к зданию, наши шаги отдавались от брусчатки жутким гулким эхом. Дверь была наполовину открыта, и, приблизившись к зданию, я увидел, что оно изнутри освещено красноватым мерцающим светом. Мне в ноздри ударил запах горелого дерева и ладана.

Перед самым входом в здание я невольно остановился, однако мой спутник, что-то невнятно буркнув, без лишних церемоний грубо пихнул меня в спину. Мне ничего не оставалось, как войти внутрь.

В здании никого не было. Через многочисленные дыры и трещины в крыше в помещение падал лунный свет. Слева и справа от входа в небольших чашах горели угли, а в самом центре этого огромного просторного помещения была водружена черная глыба базальта или какого-то другого подобного камня. Все это почему-то напомнило мне варварские церемонии жертвоприношений, которые я когда-то видел в одной книге с картинками.

Однако теперь это была не картинка, а чудовищная действительность. И я с горечью осознавал, кого собираются принести в жертву на этом камне.

— Подойди ближе, Роберт, — слышался голос.

Я нерешительно обернулся.

Слева от меня виднелись похожие на тени фигуры нескольких человек. Четверых из них я узнал: это были трое налетчиков и колдунья. Двое других были мне незнакомы. У меня во рту появился неприятный привкус. Мне понадобились все мои силы, чтобы решиться подойти к ним.

— Ну и? — спросил я совсем не так самоуверенно, как хотелось бы. — Я прибыл сюда, как ты того хотела. Где Присцилла?

Колдунья сделала шаг вперед и внимательно осмотрела меня с головы до ног. В ее взгляде светилось одновременно и презрение, и ликование.

— Роберт Крэйвен, — сказала она. Ее голос дрожал от еле сдерживаемого волнения. — Сын Родерика Андары. Последний из рода древних магов, — ее взор словно вспыхнул. — Проклятие осуществляется. Наконец-то! Осуществляется проклятие, наложенное на колдунов из Салема — до этого осталось совсем чуть-чуть.

— Где Присцилла? — еще раз спросил я, сознательно проигнорировав ее слова. — Мы договорились, что ты ее отпустишь, как только я сдамся.

Она улыбнулась, но так, что у меня по спине побежали мурашки.

— Договорились, — повторила она. — Ну конечно же, мы договорились. Но боюсь, что я не смогу выполнить договор.

Я почувствовал, что во мне нарастает гнев. Замахнувшись, с яростным криком я бросился к ней.

Две невероятно сильные руки молниеносно легли на мои предплечья и резко прижали их к моему телу. Меня тут же оттащили назад, при этом я получил удар в лицо, заставивший меня вскрикнуть от боли, а вслед за этим чья-то рука залезла под мой плащ, вытащила оттуда трость-рапиру и отбросила ее в сторону. Затем я получил удар, заставивший меня упасть на колени.

Тогда я стал действовать, не раздумывая. Внутри меня словно что-то лопнуло, и я ощутил такой прилив ненависти, такой эмоциональный порыв, какого еще несколько секунд назад от себя не ожидал. Я быстро — так быстро, что мой надзиратель не успел никак

отреагировать — вскочил на ноги и с разворота врезал ему изо всех сил.

Мой кулак попал великану как раз между глаз. Мою ладонь пронзила острая боль: сустав хрустнул, из руки потекла кровь. Верзила сильно отшатнулся назад, на мгновение уставился на меня широко раскрытыми глазами, а затем рухнул на землю, как резиновая кукла.

Не успел он упасть, как я уже вступил в новую схватку: еще одного парня, бросившегося на меня, я просто отпихнул в сторону, тут же сбил с ног третьего нападающего ударом локтя и, молниеносно отскочив назад, быстро засунул руку в карман и достал свой пистолет. Направив стволы точно в лицо колдунье, я положил палец на спусковой крючок и взвел оба курка, которые при этом громко щелкнули.

— Не двигаться, — сказал я. — Твои головорезы, конечно же, смогут меня прикончить. Но перед этим я успею тебя пристрелить.

На лице колдуньи появилось испуганное выражение, а трое не участвовавших в потасовке головорезов, уже подготовившихся напасть на меня, остановились в нерешительности и переводили взгляд то на меня, то на свою повелительницу. Мой голос, похоже, прозвучал достаточно убедительно.

— Ты не сможешь выстрелить в женщину, — заявила колдунья.

Я тихо засмеялся, а затем сказал вдруг охрипшим голосом:

— А ты проверь. Натрави этих уродов на меня, и тогда я наконец-таки выясню, правда ли то, что колдунов и пуля не берет.

На ее лице не дрогнул ни единый мускул. Но по выражению ее глаз я понял, что пуля их берет, да еще и как.

— Это бессмысленно, — тихо сказала она. — Ты прекрасно понимаешь, что этой своей... игрушкой ты нас всех не остановишь. У тебя ведь только две пули.

— Для тебя хватит, — грубо ответил я, но мой голос дрожал.

— Надеюсь, у тебя нет иллюзий насчет того, что тебе удастся сбежать?

Я покачал головой.

— Присцилла, — сказал я. — Мне нужна Присцилла — только и всего. Отпусти ее, и я положу свое оружие на землю — как только она уйдет отсюда достаточно далеко. Я свое слово сдержу.

— Отпустить Присциллу? — на лице колдуньи появилось какое-то странное выражение.

Я кивнул.

— Отпусти ее, и я сдамся.

Она чуть склонила голову, не сводя с меня взгляда.

— Как хочешь, — сказала она.

Я уже ожидал, что она пошлет за Присциллой кого-нибудь из своих людей или пойдет за ней сама. Но она не сделала ничего подобного. Вместо этого она весьма грациозным движением наклонила себе на голову капюшон, наклонилась и застыла в таком положении на несколько секунд. Затем она подняла голову и резким движением отбросила капюшон назад.

Но теперь на меня смотрело совсем не ее лицо.

Это было лицо Присциллы.

И теперь — наконец-то — я все понял.

— Нет, — прошептал я.

Я еле мог говорить. Оружие больше было мне не нужно. Я почувствовал, что моя рука бессильно опустилась, что чьи-то крепкие руки вырвали у меня пистолет, но все это уже не имело никакого значения.

— Нет, — снова прошептал я. — Это... это неправда. Это... галлюцинация. Так...

— Нет, Роберт, это не галлюцинация, — послышался голос Присциллы, но в нем уже не осталось и следа от прежней нежности. — Время обмана закончилось. Я — та, кого ты видишь перед собой. Я всегда ею была.

— Но... но почему? — спросил я беспомощно. — Почему ты... о господи, Присцилла, я... я же люблю тебя...

Она засмеялась.

— Любишь? — переспросила она. — Ты *любишь* меня? Ты глупец, Роберт. Ты до сих пор еще не понял, кто я?

— Ты... — мне было очень трудно говорить.

Я уже знал, в чем заключается правда, но я просто не мог в это поверить.

— Я — та, о ком тебя предупреждал твой отец, — спокойно сказала Присцилла. — Тебе следовало прислушаться к его словам — ведь он был прав. Третий маг действительно *существует*.

— Но почему? — в отчаянии спросил я.

— Почему? — лицо Присциллы исказилось. — Ты спрашиваешь, почему? Ты уничтожил все, ради чего я жила, разрушил все, что я создала, и расстроил все мои планы. Ты, возникнув непонятно откуда, словно злой демон тьмы, уничтожил дело нашей жизни — моей и многих других людей. И теперь ты спрашиваешь, почему?

— И теперь ты хочешь меня убить.

— Не я, Роберт, — ответила она. — Ты прикоснулся к силам, смысла существования которых тебе не понять и за тысячу лет. И теперь ты за это заплатишь.

Я не понимал, что она говорила, хотя в моем сознании и замаячила смутная и тягостная догадка. Но Присцилла не позволила мне больше задавать вопросы. Она сделала знак стоявшему позади меня парню. Он бросился ко мне и, схватив меня за запястье, закрутил руку мне за спину. Я не сопротивлялся. Моя воля к сопротивлению была сломлена, к тому же я уже ничего не чувствовал. Ничего, что может чувствовать человек.

Я уже ожидал, что меня поволокут к глыбе-алтарю в центре помещения, однако парень вместо этого грубо развернул меня и толкнул в сторону двери. Присцилла и ее спутники последовали за нами.

Мы направились к гавани. Экипажа там уже не было. Мне показалось, что ветер стал еще холодней. Луну закрыли черные тучи, и наступила такая темнота, что все окружающие предметы казались лишь тенями. От поверхности воды исходил мерзостный запах.

Парень, державший меня за руку, вдруг так сильно толкнул меня, что я поневоле сделал несколько быстрых шагов вперед. Поскользнувшись, я упал на колени, умудрившись в самый последний момент рвануться в сторону, иначе я бы свалился с края пристани в воду.

Оглянувшись, я увидел, что Присцилла и ее спутники отступили на несколько шагов назад, образовав вокруг меня широкий полукруг, основанием которого был край гавани. Я понял, что они держались теперь на почтительном расстоянии отнюдь не из-за страха передо мной.

Присцилла медленным жестом заклинателя подняла руки вверх, запрокинула голову назад и начала беззвучно шевелить губами, словно произнося какие-то слова. Вдруг в воздухе

почувствовалось напряжение. Я услышал, что вода позади меня слегка забурлила, словно из глубины на поверхность стало подниматься что-то громадное и мощное, но у меня не хватило духу оглянуться.

Почти целую минуту Присцилла стояла неподвижно в своей странной позе, а затем она опустила руки и посмотрела на меня. Вся это сцена вдруг показалась мне почему-то знакомой. От страха у меня заныло в груди, в области сердца.

— Что... что сейчас будет?

— Сбудется то, что должно сбыться, — холодно ответила Присцилла.

Вода позади меня забурлила сильнее. Чувствуя, как колотится мое сердце, я повернул голову и посмотрел на гавань, от края которой я был на расстоянии всего лишь метра. Черная поверхность воды сильно клокотала, превращаясь в водоворот. Из глубины поднималась огромная тень странной формы.

— Это... это же чудовище, — пролепетал я. — Чудовище озера Лох Шин.

Присцилла кивнула.

— Ты — тот, кто лишил чудовище его жертвы, — ответила она. — Но оно все равно получит то, что ему должно принадлежать.

— Это ты его... вызвала? — спросил я, запинаясь. — Ты привела это чудовище в Лондон?

— Я его не вызывала, Роберт, — голос Присциллы звучал абсолютно безжалостно. — Оно просто последовало за мной и за тобой. Оно требует, чтобы произошло жертвоприношение, и это свершится.

— И что потом? — тихо спросил я. — Что оно станет делать потом? Убивать невинных людей, все чаще и чаще?

— Чего ты от меня хочешь? — Присцилла цинично рассмеялась. — Кто тебя просил приезжать в Голдспи и нарушать там установившийся порядок? Все было так хорошо до того, как ты приехал. Ты о чем-то переживаешь? Раньше надо было это делать, Роберт. Ты сунул свой нос в дела, которые тебя совершенно не касались. И теперь ты за это заплатишь.

Я хотел было что-то возразить, но так и не сделал этого. Вода позади меня забурлила еще сильнее, и я, обернувшись, увидел, что из гавани поднимается огромная черная тень.

Всмотревшись в нее, я застыл от ужаса.

Тучи снова расступились, и луна осветила гавань серебристым светом. На какой-то миг стало светло, как днем.

Во всяком случае, достаточно светло, чтобы можно было рассмотреть, как из пенящейся и беснующейся воды поднимается настоящее чудовище.

Я не задумывался над тем, что я, собственно, ожидал увидеть в тот момент — быть может, что-то вроде Йог-Сотхотха или же вроде слизистого монстра, нападавшего на меня на улице, только побольше размером. Но уж совсем не то, *что* я увидел.

Появившееся чудовище было размером с морское судно. Его туловище походило на туловище кита, но было покрыто твердыми блестящими чешуйками. По бокам туловища в воде колыхались смехотворно маленькие плавники, сзади извивался, словно змея, огромный черный хвост. Голова чудовища, венчающая невероятно длинную и гибкую, словно резиновый шланг, шею, возвышалась над туловищем ярдов на восемь-десять. И была эта голова просто ужасной.

Среди прочных чешуйчатых пластинок головы посверкивали два маленьких злобных глаза. Пасть, лишенная губ, была похожа на щель, но такую огромную, что в два укуса вполне

могла заглотнуть человека, а челюсти чудища были вооружены четырьмя рядами острых как кинжал желтых зубов размером с ладонь. Рев монстра заглушал шум ветра.

«Ящер!» — подумал я с ужасом. Это был не один из **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТО** а древнее ужасное существо, каким-то образом сумевшее сохраниться спустя миллионы лет.

Присцилла и ее спутники поспешно отошли на несколько шагов назад, но я практически не обратил на это внимание. Взгляд чудовища буквально парализовал меня.

Медленно, но верно чудовище приближалось к берегу. Его широкая, покрытая прочными чешуйчатыми пластинками грудь вынырнула из воды, как носовая часть канонерки, а голова на длинной шее беспрестанно поворачивалась то в одну, то в другую сторону, при этом маленькие злобные глаза чудища ни на секунду не теряли меня из виду. Чудовище открыло пасть, и мне в ноздри ударил неприятный, скорее даже мерзкий запах.

Но я увидел и кое-что еще. На шее и морде монстра зияли рваные кровоточащие раны размером с кулак, а на его левом боку четко выделялось большое темное пятно. Чудовище было ранено, причем серьезно ранено. Значит, оно все-таки уязвимо!

Голова ящера медленно опустилась и замерла напротив меня. Его пасть раскрылась, и я заметил, как напряглись мускулы челюстей.

За миг до того, как чудовище выдвинуло голову вперед и резко сомкнуло челюсти, пытаясь схватить меня, я молниеносно отскочил в сторону. Зубы громадины громко щелкнули. Я с отчаянной быстротой откатился влево, сумев уклониться от удара головы чудовища, попытавшегося разmozжить меня о землю, затем вскочил на ноги и бросился бежать.

Однако я не успел сделать и трех скачков. Двое из спутников Присциллы преградили мне путь. Я отчаянно кинулся на них, но одолеть двоих здоровых мужчин одновременно мне было не под силу. Они грубо развернули меня и толкнули обратно, в сторону чудовища.

Оно уже бушевало вовсю. Чудище ударило головой о каменный край пристани, выбив несколько камней, однако после этого у него из головы потекла кровь. От боли чудовище просто обезумело, щелкая челюстями налево и направо.

Вдруг раздался выстрел. Человек, державший меня за руку, вскрикнул, словно от боли, отпустил мою руку и, шатаясь, отступил на несколько шагов.

Я отреагировал мгновенно: сильно ударив второго парня ногой по коленной чашечке, я толкнул его на скорчившегося сотоварища. Парень упал, а его сотоварищ отлетел от удара в сторону — в сторону чудовища.

Он в ужасе закричал, но этот крик тут же оборвался, послышался хруст человеческого тела, схваченного мощными челюстями чудовища.

— Нет! — вскрикнула Присцилла. В ее голосе прозвучала плохо сдерживаемая паника. — Нет! Не дайте ему уйти!

Четверо головорезов бросились ко мне, но прежде чем первый из них успел пробежать до меня, снова раздался выстрел, и черноволосый великан — тот, что привез меня сюда в экипаже — упал на землю и судорожно схватился за свою ногу. Остальные остановились на полпути.

Позади меня чудовище, издав душераздирающий рев, запрокинуло голову и в гневе отшвырнуло парня, которого держало в пасти, далеко в сторону. Вслед за этим чудовище рванулось вперед, и каменная кладка пристани содрогнулось под натиском его исполинского туловища.

За Присциллой в темноте сверкнула ярко-оранжевая вспышка. Сразу после хлопка

ружейного выстрела послышался вопль боли чудовища, которому пуля попала точно в левый глаз, ослепив его.

Исполин заревел, причем так *громко*, что, должно быть, этот рев был слышен на мили вокруг. Я инстинктивно закрыл уши руками. Судорожно дергаясь, чудовище отшатнулось назад, вздыбилось еще раз и — вдруг резко исчезло в глубине.

— Держите его! — крикнула Присцилла, однако это было похоже скорее на истерический визг. — Держите его! Он должен умереть!

— Я не стал бы этого делать, — послышался голос позади нее. Три парня, стоявшие вокруг меня в нерешительности, — с одной стороны, вынужденные подчиняться Присцилле, а с другой — опасавшиеся вооруженных людей, — испуганно опустили руки и оглянулись.

В нескольких шагах позади Присциллы виднелись фигуры трех человек.

Каждый из них держал в руках длинноствольное многозарядное ружье, и все три ствола были направлены в сторону Присциллы и трех ее головорезов.

— Иди сюда, Роберт, — сказал Говард.

Я очнулся от оцепенения, обогнул по широкой дуге Присциллу и ее головорезов и встал между Говардом и Грэем. Седоволосый адвокат уже совсем не был похож на доброго пожилого дядечку. Ружье казалось слишком большим для его изящных рук, однако по выражению лица Грэя было видно, что он без колебаний применит оружие, если это потребуется. Я быстро переглянулся с ним, кивнул Рольфу — он был одним из этой троицы — и взял ружье, которое он мне протянул.

— Как... как вы здесь оказались? — удивленно спросил я.

Говард чуть заметно улыбнулся.

— У меня есть свой собственный маленький арсенал фокусов-покусов, — сказал он.

— Он вам все равно не поможет, — прохрипела Присцилла. Ее голос дрожал от ненависти. — Вы, остолопы, даже не знаете, что вы сейчас творите.

Говард ничего не ответил на ее слова. Он лишь молча внимательно посмотрел на нее, слегка опустил ствол своего ружья и покачал головой.

— А ты изменилась, Лисса, — наконец сказал он. — Но, к сожалению, лишь внешне.

— Прошло так много времени, — сдержанно произнесла Присцилла.

Я в недоумении переводил взгляд с нее на Говарда и обратно:

— Так вы знали друг друга раньше?

Говард кивнул:

— Да. Хотя она осталась в моей памяти совсем... с другой внешностью. Должен признать, что ей удалось обвести меня вокруг пальца, по крайней мере в самом начале.

Помолчав секунду, он добавил:

— Правда, я сразу стал подозревать, что Присцилла — не та, за кого себя выдает, но мне почему-то не хотелось в это верить.

— Тебе следовало прислушаться к своему внутреннему голосу, глупец, — с ненавистью сказала Присцилла.

— Присцилла, — пробормотал я. — Почему...

Я не договорил, увидев, как серьезно Говард посмотрел на меня.

— Мне жаль, парень, — сказал он, — но тебе придется примириться с тем, что эта женщина — не Присцилла. Присциллы, которую ты знал, на самом деле никогда не существовало.

Присцилла впилась в него взглядом, и Говард молча ответил ей тем же. Секунд десять-

пятнадцать они, не шевелясь, молча смотрели друг на друга. Я почувствовал, что между ними происходит невидимая ожесточенная борьба: это боролись их мощные духовные силы, их воля, и борьба эта разворачивалась в таких плоскостях реальности, о которых я мог только догадываться.

Вдруг, без какой-либо видимой внешней причины, Присцилла отвела взгляд и с тяжелым вздохом отступила на шаг.

— Ты понапрасну тратишь силы, — холодно сказал ей Говард. — Я тоже кое-чему научился, с тех пор как мы виделись в последний раз.

Присцилла застонала. Ее темные, вдруг ставшие нежными глаза встретились с моими глазами.

— Роберт, — прошептала она. — Не позволяй им причинить мне ничего плохого.

Говард что-то сердито буркнул и поднял свое ружье. Присцилла вздрогнула, а я невольно напрягся и подумал, что не позволю убить ее, кем бы она ни была.

— Еще один звук, Лисса, и я тебя пристрелю, — сказал Говард решительным тоном. — Если ты еще раз попытаешься морочить голову этому парню — я убью тебя на месте.

— Нет, Говард, — спокойно сказал я. — Ты ее не убьешь.

Говард изумленно посмотрел на меня. Пока он говорил с Присциллой, я незаметно для него сделал два шага назад и поднял ружье. Теперь его ствол был направлен прямо в лоб Говарду. Его глаза расширились от изумления.

— Роберт! — воскликнул он. — Ты... ты даже не представляешь, *что* ты сейчас делаешь! Она подчинила себе твою волю и...

— Вовсе нет, — спокойно возразил я. — Я просто не позволю тебе причинить ей вред. Я никому не позволю сделать это, — ствол моего ружья описал полукруг, останавливаясь на долю секунды на Рольфе, на Грэе, а затем я снова прицелился в Говарда. — То, что я сказал, касается всех.

Я снова встретился взглядом с Присциллой. Она выглядела удивленной, однако мне показалось, что в ее глазах светился триумф. Присцилла сделала шаг ко мне, но я направил на нее ствол ружья, и она в изумлении остановилась.

— Стой на месте, — сказал я серьезным тоном.

На ее лице появилось выражение полной растерянности.

— Но Роберт, — сказала она, — я думала, ты...

— Я сказал, что не допущу, чтобы кто-то причинил тебе вред, — перебил ее я. — Однако это не означает, что я позволю себя убить.

Она впилась в меня взглядом. Я почувствовал, как что-то невидимое и нематериальное попыталось подчинить себе мое сознание. Невероятным усилием воли я воспротивился этому воздействию.

— Говард не прав, — продолжал я. — Я по-прежнему люблю тебя, и я знаю, что та Присцилла, с которой я познакомился когда-то, все еще живет в тебе. Она все еще существует где-то в глубине тебя.

Присцилла сглотнула.

— Что... что ты имеешь в виду? — растерянно спросила она.

— Я верну ее, — продолжал я. — Я уничтожу в тебе ведьму и освобожу Присциллу. Я еще не знаю, как я это сделаю, но...

— Ты шутишь! — воскликнула Присцилла.

И тут меня перебил Говард.

— Нет, — сказал он. — Он не шутит. И я не шучу. Я говорил тебе это еще в Салеме, Лисса, и повторю опять: ты, в общем-то, не такая уж и плохая. Позволь нам помочь тебе, избавив от влияния Квентона и других колдунов.

«Салем? — подумал я. — Он сказал: „Салем“?!»

— Вы... вы хотите, — пробормотала Присцилла, — вы хотите отнять у меня колдовскую силу?

Она засмеялась, но в ее голосе чувствовался страх. Говард кивнул.

— Это — единственный способ, — сказал он. — Если, конечно, ты не предпочитаешь умереть.

Присцилла на некоторое время замолчала и задумалась. По ее лицу было видно, что внутри нее происходит напряженная борьба.

— Я уж лучше умру, — сказала она. — Но, умирая, сумею захватить вас с собой, — внезапно в ее глазах появилось какое-то странное, выжидающее выражение. — В общем, как хотите. А ты, Роберт, сейчас наконец-то поймешь, с какими силами столкнулся. Ты высвободил чудовище — так узнай же его гнев!

Последнюю фразу она уже прокричала. Говард, вполголоса выругавшись, подошел к ней и ударил ее стволом ружья по затылку. Потеряв сознание, она упала ему на руки.

И тут началось такое, что мне показалось, будто мир перевернулся.

Вода в гавани резко забурлила, во все стороны разлетелись пена и брызги. Из воды вынырнула гигантская тень и с умопомрачительным воем ударилась о край пристани.

— *Назад!* — рявкнул Говард.

Рольф выстрелил, но грохот выстрела потонул в гневном реве ящера. Чешуйчатая шея необычайно быстро качнулась вперед, пасть раскрылась — и еще один из людей Присциллы с громким криком распрощался с жизнью.

Я, замерев, уставился на чудовище — меня парализовал страх. Раньше оно казалось ужасным — теперь же оно стало просто кошмаром во плоти! На месте левого глаза у него зияла рваная кровоточащая рана, но боль, похоже, только усиливала его гнев. Голова чудовища снова сделала выпад вперед, чтобы схватить еще кого-нибудь, но на этот раз промахнулась. Тогда чудовище так ударилось всем телом о каменную кладку пристани, что та заходила ходуном.

Чья-то сильная рука схватила меня сзади за плечо и потащила от пристани. Я вышел из оцепенения, повернулся и бросился бежать. Передо мной большими прыжками неслись Рольф, держа у себя на плече безжизненное тело Присциллы, а позади, слева и справа от меня бежали четыре парня из окружения Присциллы, оставшиеся в живых. Их лица выражали не только испуг, но и величайшее удивление: они словно бы очнулись от глубокого сна. По-видимому, они освободились от чар Присциллы, как только Говард оглушил ее ударом ружья.

Я оглянулся на бегу. Чудовище все еще бесновалось у края пристани. Грэй и Говард остались там, где и были, и почти непрерывно стреляли из ружей, но звуки их выстрелов тонули в оглушающем реве чудовища. На его голове и шее зияли многочисленные раны, любая из которых могла оказаться смертельной. Но чудовище не умирало, его силы не иссякали, оно лишь все больше и больше свирепело от боли. Я с ужасом увидел, что его огромное тело почти полностью показалось из бурлящей воды и, пытаясь выбраться на берег, цеплялось маленькими плавниками за вывороченные камни пристани.

Говард и Грэй в отчаянии отскочили на несколько шагов. Чудовище все больше

вылезало из воды, с невероятными усилиями пытаясь покинуть привычную для него среду обитания и выбраться на сушу. Его шея извивалась, словно в агонии, а челюсти щелкали снова и снова, пытаясь схватить двух маленьких существ, доставлявших ему столько мучений.

Я остановился, как вкопанный, и начал отчаянно махать руками.

— Говард! — крикнул я. — Грэй! Бегите оттуда!

Не знаю, услышали ли они мои слова, заглушаемые ревом чудовища, но они одновременно повернулись и бросились бежать изо всех сил, тогда как чудовище уже практически вылезло на берег.

— Направо! — крикнул Говард.

Я инстинктивно повиновался, да и все остальные резко изменили направление движения. Впереди показались неясные очертания полуразрушенного здания. Я различил наполовину провалившуюся крышу, большую открытую дверь и остроконечную башню. По-видимому, это была либо большая часовня, либо маленькая церковь. Я отчаянно подбежал к ней, прошмыгнул в дверь и, обессиленный, упал на колени. Рядом со мной остановился Рольф. Четыре головореза еще раньше нас забежали в церковь и спрятались между скамейками.

Рольф осторожно положил безжизненное тело Присциллы на пол и вернулся к двери. Я встал рядом с ним, нацелив свою винтовку в сторону гавани.

Но я так и не выстрелил.

Говард и Грэй находились все еще далеко от церкви, а чудовище следовало за ними буквально по пятам. Оно оказалось еще огромнее, чем можно было предположить: оно было раза в два шире и раза в четыре длиннее слона. К моему удивлению, чудовище двигалось по суше так же быстро, как и по воде! Его маленькие и вроде бы неуклюжие плавники помогали перемещаться этому гиганту с невероятной скоростью. Говард и Грэй опережали его всего шагов на двадцать, и это расстояние быстро сокращалось.

Рольф выстрелил. Пуля пролетела над головой Говарда и впилась в шею чудовища. Ящер взревел, судорожно дернулся — и еще яростнее бросился вслед за убегающими от него людьми. Рольф быстро перезарядил ружье и снова выстрелил. Я тоже начал стрелять.

Наши усилия не пропали даром. Чудовище стало шататься из стороны в сторону, его рев усилился, а скорость передвижения замедлилась. Но оно все-таки продолжало преследовать бегущих, словно демон из давно забытых времен, явившийся сюда, чтобы всех нас уничтожить. Я безостановочно стрелял, пока в магазине не закончились патроны. К этому времени Говард и Грэй уже успели добежать до церкви и проскочить мимо меня внутрь помещения. У Рольфа тоже закончились патроны, а ящер продолжал приближаться к нам. Я был уверен, что если он навалится всей своей мощью на ветхие стены церкви, то они разлетятся, как стекло.

И вот наконец чудовище добралось до церкви. Его мощное, покрытое кровоточащими ранами туловище заслонило дверной проем. Ящер поднял голову и затем с силой обрушил ее на крышу здания. В том месте, куда пришелся этот удар, опорные балки и кровля разломались и полетели вниз. Мы поспешно отбежали от двери. Чудовище всем телом бросилось на здание, от чего оно заходило ходуном.

Послышался звук, похожий на глубокий мучительный стон. Мне показалось, что здание, словно живое существо, съежилось от боли. Высоко над моей головой что-то треснуло. Ящер заревел, немного отполз назад и пригнул шею к земле. Его мерзкая голова — голова

рептилии — появилась в дверном проеме, сорвав дверь с петель и разломав дверной блок. Здание снова задрожало.

То, что случилось вслед за этим, произошло за какие-то считанные секунды, но я с невероятной отчетливостью запомнил все до мелочей. Церковь вдруг снова затряслась, словно от удара. Башня с часами завибрировала, с треском наклонилась и начала разваливаться на куски. Часы — весом с тонну — сорвались со своего основания и рухнули вниз.

Они, как огромный молот, ударили чудовище по черепу, разможив его.

Мы вернулись в дом Говарда уже после полуночи. Я чувствовал себя таким усталым, как никогда в жизни, а мои ноги еле сдерживали вес тела.

Тем не менее я не пошел сразу в дом, а постоял еще некоторое время на темной, холодной, окутанной туманом улице, дождавшись, пока экипаж исчезнет во тьме.

Трудно описать, что я чувствовал в тот момент. Наверное, ничего, кроме огромной, мучительной пустоты — я ощущал, что потерял то, что никогда в полной мере и не было моим. Когда Говард и Рольф положили Присциллу — все еще находящуюся в бессознательном состоянии — в экипаж Грэя, внутри у меня словно что-то оборвалось.

Услышав позади себя шаги Говарда, я обернулся. Его взгляд был серьезным.

— Не переживай, парень, — сказал он. — Грэй позаботится о ней.

Я ничего не ответил, и выражение озабоченности на лице Говарда стало еще отчетливей.

— Не могу тебе обещать, — сказал он, — но возможно — хотя шансов маловато — ты когда-нибудь снова увидишь Присциллу.

— Куда он ее повез? — спросил я.

— В одно место, где она будет в безопасности, — немного поколебавшись, ответил Говард. — В больницу. Там о ней позаботятся как следует. Присцилла больна, Роберт. Очень больна.

— В больницу, — я горько засмеялся. Внутри меня что-то судорожно и очень болезненно сжалось. Слова Говарда показались мне злой насмешкой. — Ты имеешь в виду — в сумасшедший дом?

На этот раз Говард ничего не ответил. Он лишь — после короткой паузы — повернулся и показал на открытую дверь. Из дверного проема падал желтоватый свет, образуя на мостовой нечеткий освещенный прямоугольник.

— Пойдем, — сказал он. — Нам нужно еще кое-что обсудить. В этот раз нам повезло, но так будет не всегда.

«Повезло?» — подумал я. На какой-то миг я снова мысленным взором увидел ту церковь. Это была не очень большая церковь, и ее самой прочной частью казалась башня. В моей голове никак не укладывалось, почему от натиска чудовища в первую очередь развалилась именно башня, которая была самой устойчивой частью здания.

Нет, подумал, я, тут дело не в везении.

Я оглянулся, и на какой-то миг мне показалось, что на противоположной стороне улицы мелькнула черная высокая фигура, похожая на призрак. Призрак с темными глазами, ухоженной бородкой и прядью белоснежных седых волос в форме зигзагообразной молнии над правой бровью. Затем видение исчезло так же быстро, как и появилось.

Заходя вслед за Говардом в дом, я был уже абсолютно уверен, что то, что произошло с

церковной башней — не случайность.

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ТРЕТЬЯ КНИГА

Книга четвертая

Дом на границе времени

Снаружи дом казался огромным и мрачным. Быть может, даже мрачнее, чем обычно выглядят старые, одиноко стоящие поместья, подобные ему. От него исходила какая-то угроза, а почерневшие за десятилетия стены вызывали ужасные ассоциации. При всем при этом это был всего лишь дом, построенный посреди леса, пустовавший уже два поколения и абсолютно забытый последним поколением тех, кто когда-то возвел его. Так этот дом выглядел снаружи.

Внутри он казался просто жутким. Жутким, таящим в себе опасность.

Дженни старалась не высказывать подобные мысли вслух. После того как Чарльз разломал насквозь проржавевший дверной замок и высадил плечом створку внушительной с виду двери, они вошли вовнутрь и остановились сразу за порогом. Узкая полоска серого мерцающего света проникла вместе с ними в помещение. Вполне возможно, что впервые за многие годы свет пытался отогнать царившую внутри полную темноту. Дженни показалось, что сквозь глухие и быстрые удары собственного сердца она слышит, как по полу семят чьи-то маленькие осторожные лапки. Она с ужасом подумала, что это, должно быть, крысы. Ну конечно же. Люди покинули этот дом, и теперь его хозяевами были крысы и пауки. Она ненавидела крыс.

Но это было еще не все. В старых стенах таилось нечто диковинное, бестелесное, угрожающее, нечто такое, что она не могла ни увидеть, ни услышать, ни ощутить его запах. И все же она ясно чувствовала, что это нечто — где-то здесь.

— Давай... давай лучше пойдем дальше, Чарльз, — сказала она, запинаясь. — Я... я боюсь.

Она говорила шепотом, как будто боялась, что звуки ее голоса разбудят духов этого дома, но, тем не менее, в этом помещении с его высоким потолком и почти непроницаемой темнотой ее слова отдавались эхом, словно передразнивающим ее. У нее по спине побежали ледяные мурашки, заставившие ее передернуть плечами.

Чарльз отрицательно покачал головой, тихонько коснулся ее руки и попытался улыбнуться.

— Глупости, — сказал он. — Здесь тебе нечего бояться. Этот дом пустует уже лет пятьдесят. Когда я был ребенком, я часто здесь играл. Мы использовали его как убежище. Но это было очень давно.

Дженни содрогнулась. Она не могла понять почему, но слова Чарльза только усилили ее страх. Ее сердце заколотилось быстрее, а во рту начала скапливаться слюна. У нее было ощущение, что ей сейчас сделается дурно. Ее ладони стали влажными от выступившего пота.

— Я не хочу здесь оставаться, — снова сказала она. — Пожалуйста, Чарльз!

Чарльз вздохнул. Его взгляд скользнул обратно к входной двери и упал на мгновение на угол стены, постепенно исчезающий в быстро сгущающихся сумерках.

— Мы не можем идти дальше, — сказал он через некоторое время. В его голосе можно было почувствовать одновременно и решительность, и сожаление. — Они наверняка прочешут вдоль и поперек местность по обе стороны от главной дороги и, быюсь об заклад, вдобавок проверят все постоянные дворы в радиусе пятидесяти миль, — он улыбнулся. — Мы не можем ночевать в лесу, это же понятно. И потом, мы остановимся здесь всего на одну

ночь, — он покачал головой, громко вздохнул и посмотрел по сторонам. — Здесь где-то должна быть свеча. Раньше они тут валялись десятками.

— Чарльз, я...

— Пожалуйста, Дженни, — перебил ее Чарльз. — Завтра вечером в это время мы уже будем мужем и женой, и тогда никто и ничто в мире не сможет нас разлучить. Но пока мы официально не поженились, нам нужно быть осторожными.

Он подошел к ней, положил руки ей на плечи и легонько поцеловал ее в лоб.

— Ты ведь прекрасно знаешь, что произойдет, если твои родители нас найдут, дорогая.

Дженни, все еще полная сомнений, кивнула. Конечно же, она это знала. И как раз потому, что она это знала, она решилась на эту авантюру в стиле Ромео и Джульетты — убежать вдвоем и обвенчаться в Гретна Грин. Ей было всего лишь восемнадцать, и она понимала, что ее родители сделают все возможное, чтобы разлучить ее с Чарльзом. Они уже не раз грозили отправить ее в закрытое учебное заведение на континент, если она будет продолжать встречаться с ним. А ее отец был не из тех, кто не осуществляет свои угрозы.

Чарльз, конечно же, абсолютно прав. Она, тем не менее, уже почти жалела о своем решении — с того самого момента, как вошла в этот жуткий дом.

Чарльз тихонько отстранился от нее, повернулся и осторожными шагами пошел в глубь здания. Дженни осталась стоять у двери, не решаясь покинуть единственный островок света во всем доме. Чарльз, повозившись в темноте некоторое время, периодически чертыхаясь себе под нос, вернулся обратно. Его одежда была вся в пыли, а на левой щеке появилась тонкая кровавая царапина. Но в руке он теперь держал свечу. С торжествующим видом он опустился на корточки рядом с Дженни, поставил свечу на пол и достал из кармана коробок со спичками. Через несколько секунд на фитиле свечи появился мерцающий огонек, отогнавший темноту на пару шагов.

Чарльз выпрямился, передал Дженни свечу и закрыл входную дверь. Тяжелая, метра три в высоту, дверь двигалась с большим трудом. Она была перекошенной и разбухшей, и Чарльзу пришлось потрудиться, чтобы ее затворить. Дверь закрылась с глухим стуком, отозвавшимся жутким эхом во всем доме.

— Пойдем наверх, — предложил Чарльз. — Несколько комнат должны быть еще в более-менее нормальном состоянии. Пошли.

Он взял у Дженни свечу, ободряюще кивнул и пошел к широкой лестнице, находившейся в глубине помещения.

Дженни пошла за ним с колотящимся от волнения сердцем. Теперь, когда ее глаза привыкли к темноте, она даже при слабом свете свечи довольно хорошо могла рассмотреть окружающую обстановку. Зал, по которому они шли, был завален поломанной мебелью и мусором, накопившимся в течение десятилетий. Повсюду, словно серые занавески, висели клочья паутины, а от потолка до пола все было покрыто толстым слоем пыли. На ступеньках лестницы валялись крысиные испражнения, из одного темного угла доносился запах разлагающейся плоти. «Это не дом, а какая-то могила», — подумала Дженни.

Она шла по лестнице вслед за Чарльзом. Он поднимался быстрыми шагами, и Дженни приходилось поторапливаться, чтобы не отстать от него. Поднявшись наверх, они ступили на широкую, с одной стороны открытую галерею, по другую сторону которой виднелось множество дверей. Дженни показалось, что ей слышатся шорохи, шепот голосов, шарканье тяжелых шагов, чье-то дыхание и тихий, невероятно злобный смех.

На мгновение ее охватила паника, но она взяла себя в руки и сжала кулачки, причем так

крепко, что ногти больно впились в ладони.

— Чарльз, — прошептала она. — Я хочу уйти отсюда.

Чарльз остановился и, медленно повернувшись, посмотрел на нее. Его лицо было серьезным, и Дженни показалось, что в глазах Чарльза мечутся искорки страха.

— Я хочу уйти отсюда, — сказала она еще раз, уже громче. — Пожалуйста, Чарльз. Лучше уж мы переночуем в лесу, чем в этом доме.

Шепот становился все громче. Кто-то тихонько засмеялся, словно в радостном предвкушении. Уголки рта у Чарльза вздрогнули, а свеча в его руке начала трястись, в результате чего на стенах замельтешили, словно борясь друг с другом, проворные тени и отбрасываемые пламенем свечи дрожащие световые блики. Казалось, что тени начали приближаться и окружать Чарльза и Дженни...

— Пожалуйста, — сказала она еще раз. — Я... я не останусь здесь.

Чарльз кивнул. Кивок получился слишком уж резким, на лбу у Чарльза блеснул пот, хотя здесь было довольно прохладно. И тут Дженни поняла, что он тоже слышит то, что слышится ей. Голоса и шаги не были только плодом ее воображения.

— Ты... права, — сдержанно сказал он. — Может, нам удастся найти другое место, можно будет переноче...

Он так и не договорил. Шепот голосов утих, смех прекратился, а тени, отшатнувшись от Чарльза и Дженни, прекратили сновать туда-сюда и образовали одно большое непроницаемое кольцо вокруг них. Вдруг стало тихо, необычайно тихо.

Но только лишь на миг.

Затем тишину разорвал пронзительный скрипучий звук, словно открылась дверь на проржавевших петлях...

Дженни резко обернулась. Ее глаза расширились от ужаса: она увидела, что двери позади них начали открываться одна за другой.

Поначалу возле дверей она ничего не могла разглядеть — ничего, кроме теней и бестелесных призрачных видений, которые, казалось, прятались за дверьми и украдкой выглядывали из-за них. Затем они стали приближаться к ней, бесшумно, крадучись, но неудержимо.

И лишь когда Дженни разобрала, что безмолвно движется к ним по галерее, она закричала.

— Ты сказал «Салем»?

Говард не сразу отреагировал на мой вопрос. Последние два с половиной часа он сидел, чуть прикрыв глаза, на своем месте у окна, не издавая ни звука, кроме разве что редких вздохов, и, так же как я и Рольф, терпеливо ждал, когда же пассажиры, севшие в Карлайле, наконец-то доедут до своей станции и оставят их одних. Говард купил билеты на все места в этом купе, чтобы нам никто не мешал разговаривать в пути, но все вагоны оказались переполненными, и проводник на высказанные Говардом претензии заявил, равнодушно пожав плечами, что он не может везти пассажиров в угольном вагоне. В общем-то, он был прав.

Нашими спутниками оказались мужчина и две женщины (судя по их разговорам, это были мать с дочерью и муж дочери), довольно приятные люди, которые сами чувствовали, что они тут явно лишние. Мне они были вполне симпатичны. Но разговаривать в присутствии посторонних о колдуньях, магах и доисторических гигантах было как-то не с

руки...

— Что? — переспросил Говард.

Я повторил вопрос.

— Салем, — сказал я. — Когда мы вчера вечером разговаривали с... Присциллой, ты упомянул Салем.

Говард, должно быть, заметил, что я запнулся, но не подал и виду. Как я ни старался, все же никак не мог выбросить из головы то, что произошло. Да и как об этом можно было не думать? Ведь я все еще любил Присциллу, и даже больше, чем раньше.

— Да, я упомянул Салем, — ответил он и откинулся на сиденье, как будто собрался вздремнуть.

Уже не первый раз я ловил его на слове. И уже не первый раз он либо вообще ничего не отвечал на мои вопросы, либо отвечал весьма уклончиво. Я решил, что на этот раз ему не удастся отделаться от меня отговорками. Его слова могли означать только то, что...

Я отогнал навязчивые мысли и посмотрел Говарду прямо в глаза. Он улыбнулся, с трудом подавил зевету и стал смотреть на мелькавшие за окном виды. Поезд мчался на полной скорости по прямому как стрела, отрезку пути, и пейзажи за окном менялись один за другим. Менее чем через два часа мы должны были прибыть в Глазго. Оттуда — по словам Говарда, соизволившего пояснить мне хотя бы это, — нам придется ехать гужевым транспортом, и он уже распорядился, отбив телеграмму, чтобы карета ждала нас у вокзала. Как только мы прибудем в город, Говард наверняка найдет тысячу причин для того, чтобы не отвечать на мои вопросы.

— Ну и? — спросил я.

Говард посмотрел на меня с нескрываемым недовольством. Его, несомненно, раздражала та настойчивость, с которой я добивался от него ответа.

— Что «ну и»? — переспросил он.

— Я хотел бы знать, что означали твои слова, — сказал я негромко, но настойчиво.

Надо отметить, что в наших отношениях кое-что изменилось. Раньше, в предыдущие два дня, он опекал меня, как заботливый друг, а теперь...

Я даже не мог выразить это ощущение словами. Это не было ни враждебностью, ни даже недоверием. Но между нами все-таки возникло какое-то напряжение. Он о чем-то умалчивал, и я это чувствовал.

Говард вздохнул, покачал головой и заерзал на неудобном сиденье.

— Ты переживаешь о Присцилле, — сказал он. — Это мне вполне понятно, парень. Не среди друзей Грэя ей будет лучше, чем где бы то ни было. Они обладают достаточным опытом в подобных делах, можешь мне поверить. Если и есть кто-то, кто может сделать из нее нормального человека, так это они.

— Нормального человека? — я с трудом подавил в своем голосе гнев. — Ты говоришь о ней, как будто она — одержимая.

Говард серьезно посмотрел на меня.

— Так оно и есть, — сказал он тихо. — Не в том смысле, как это обычно понимают: она не сумасшедшая и не слабоумная. Но в ее сознании есть определенные искажения, — он постучал пальцем по виску. — Присцилла имела дело с такими силами, до которых она еще не доросла, Роберт. Она, в общем-то, не такой уж плохой человек. Когда-то она даже вполне заслуживала того, чтобы быть любимой. И потребуется очень много времени и терпения, чтобы снова сделать из нее такого человека, каким она была раньше.

— В Салеме, — добавил я.

Взгляд Говарда помрачнел.

— Прощу тебя, Роберт, — сказал он тихо. — Не начинай...

— Ты о чем-то умалчиваешь, — перебил я его.

Рольф, который все это время сидел возле Говарда молча, с закрытыми глазами, и делал вид, что спит — правда, с моей точки зрения, у него получалось это не очень убедительно — медленно открыл левый глаз и посмотрел на меня.

— Ты умалчиваешь об очень многом, — сказал я резким, почти агрессивным тоном. — Ты не говоришь мне ни того, куда вы дели Присциллу, ни того, что с ней там произойдет.

— Потому что я сам этого не знаю, — возразил Говард. — И Грэй этого не знает, да и слава богу. Так будет даже лучше и для нашей, и для ее безопасности. Люди, с которыми мы сотрудничаем, очень осмотрительны. Но и они, в свою очередь, не знают, кто мы такие. Все дело в том, что у нас есть могущественные враги, и мы должны считаться с тем, что кто-то из нас может попасть к ним в руки. И тогда то, чего он не знает, он, соответственно, и не сможет им рассказать, — он улыбнулся. — Это старинный метод, который, например, используется в шпионских кругах, чтобы...

— Не заговаривай мне зубы, — перебил его я. — Что означали те твои слова? Салем был разрушен более ста лет назад, и Присцилла...

— Лисса, — спокойно сказал Говард. — Ее настоящее имя — Лисса.

— Это ничего не меняет в истории Салема, который был разрушен более ста лет назад.

— Все было не так, — пробормотал Рольф.

Я с удивлением посмотрел на него. Рольф зевнул, не потрудившись даже прикрыть рот рукой, почесал пальцами свой небритый подбородок и посмотрел слезящимися глазами на меня. Его бульдожье лицо, как ни странно, казалось заспанным.

— Рольф прав, — тут же сказал Говард, как-то даже слишком поспешно. — Салем не был полностью разрушен, как полагает большинство людей, имеющих к этой истории хоть какое-то отношение. В этом селении был устроен погром, в результате которого погибли десятки людей, но сам поселок существует и по сей день. Я был там несколько лет назад. Там я и встретился с Лиссой, то есть Присциллой.

Я не поверил ни единому его слову. Чтобы понять, что он лжет, не потребовался даже мой талант мгновенно отличать правду от лжи. Но зачем он делал это? Какая у него была причина обманывать меня, кроме того, что он должен меня от чего-то оберегать?

— Лисса, — пробормотал я. — Это ее настоящее имя?

Говард кивнул.

— А кроме этого?

— Что кроме этого?

— У нее что, нет фамилии? Или она без рода без племени?

Говард некоторое время помолчал.

— Этого я не знаю, — наконец сказал он. Я понял, что он снова солгал. — Да это и не имеет никакого значения.

Говард вздохнул, снова посмотрел в окно и продолжил, не глядя на меня:

— До Глазго уже недалеко, Роберт. Если карета прибудет к вокзалу своевременно, мы сразу же отправимся в путь. Нам следует перекусить, пока еще есть время. Потом уже может не оказаться такой возможности, — он встал. — Пойдем в вагон-ресторан.

Я сердито уставился на него, но на этот раз он просто проигнорировал мой взгляд, лишь

улыбнулся и вышел из купе.

Мэтью Кэрредайн держал фонарь так, чтобы свет попадал через полуоткрытую дверь внутрь дома. В центре мерцающего бело-желтого светового пятна были видны пыль, мусор, полусгнившие обломки мебели, какие-то другие трудно различимые предметы, а также наполовину стершиеся следы человеческих ног.

— Они были здесь, — сказал Кэрредайн. — И не так уж давно.

Болдуин быстрыми шагами подошел к нему, наклонился и внимательно посмотрел на следы ног. Судя по выражению его лица, отпечатки на пыльном полу мало о чем ему говорили.

— Вы в этом уверены, Кэрредайн? — спросил он.

Его голос звучал очень холодно. Единственным чувством, которое он не мог скрыть, произнося эти слова, было презрение. Кэрредайн бросил на него гневный взгляд.

— Послушайте, Болдуин, — грубовато начал он, — я...

Болдуин прервал его резким жестом. Он посмотрел на Кэрредайна так, как смотрят на занятое, но от этого не менее докучливое насекомое, которое в конце концов все равно раздавят.

— *Мистер* Болдуин, — произнес он, отчетливо выговаривая слова.

Кэрредайн глубоко вздохнул. Фонарь в его руке задрожал. Луч света, словно белый палец, коснулся лица Болдуина и пошел гулять по выщербленным стенам дома.

— Как вам будет угодно, мистер Болдуин, — сказал он. — Но я уверен, что они здесь были. Я был бы в этом уверен, даже если бы не увидел эти следы. Еще будучи ребенком, Чарльз часто приходил сюда, когда хотел спрятаться. Он думал, что мы ничего не знаем об этом доме, а мы делали вид, что действительно ничего о нем не знаем.

Болдуин холодно улыбнулся.

— У вас какие-то странные методы воспитания, — сказал он ледяным голосом. — Поведение вашего сына...

— В данный момент не подлежит обсуждению, — перебил его Кэрредайн.

Левая бровь Болдуина слегка приподнялась.

— Не подлежит обсуждению? — сказал он с наигранным удивлением. — Вы узнаете, как много чего будет подлежать обсуждению, если только ваш расчудесный сын хотя бы прикоснется к моей дочери. Она еще совсем ребенок, не забывайте это.

— Ребенок? — Кэрредайн засмеялся, но его голос звучал не очень-то уверенно.

Он знал, что Болдуин обладает большим могуществом. Если Чарльз не то что тронет, а хотя бы косо посмотрит на дочурку Болдуина, тот его просто уничтожит — это было понятно. И это являлось единственной причиной, почему Кэрредайн сейчас находился здесь. Чарльз его возненавидит, если узнает, что его предал собственный отец. И, скорее всего, он будет прав. Но у Кэрредайна не было сейчас другого выбора.

— Оставим это, — сказал он, не глядя на Болдуина. — Я уверен, что они где-то здесь. Замок разломан, видите? Да и следы ведут только вовнутрь. Пойдемте.

Он сделал приглашающий жест фонарем, раскрыл дверь пошире и вошел внутрь дома. Болдуин, немного поколебавшись, последовал за ним. При виде пыли и мусора, накопившихся в доме за целые десятилетия, на его ухоженном лице тут же появилось выражение отвращения.

Кэрредайн поднял фонарь повыше, слегка наклонился и пошел вдоль цепочки следов,

отчетливо отпечатавшихся на толстом слое пыли. Следы вели напрямик к лестнице и там терялись из виду. Однако нетрудно было догадаться, куда они могли вести дальше. Кэрредайн кивком головы указал наверх, подождал, пока Болдуин догонит его, а затем без лишних слов начал подниматься по лестнице. Однако на последней ступеньке он остановился, поднял фонарь высоко над головой и попытался разглядеть следы на покрытом пылью полу галереи. Это ему удалось, однако уже через несколько метров следы исчезли...

Исчезли так внезапно, как будто два человека, оставившие эти следы, растаяли в воздухе...

Кэрредайн озадаченно посмотрел по сторонам. Болдуин заметил его колебания и, нахмурившись, хотел было подойти к нему, но Кэрредайн удержал его резким взмахом руки.

— Нет-нет, — сказал он. — Вы только затопчете следы. Посмотрите сюда.

Болдуин послушно взглянул туда, куда, вытянув руку, указывал Кэрредайн, но вопросительное выражение на его лице не изменилось.

— Ну и что? — спросил он.

— Следы, — растерянно пробормотал Кэрредайн. — Вы видите эти следы, Болдуин?

Болдуин посмотрел на следы.

— Ну и? — спросил он.

— Черт вас возьми, вы что, слепой? — не сдержался Кэрредайн. — Вы не замечаете ничего странного? Они начинаются здесь — и где они, скажите на милость, заканчиваются?

— Они... — Болдуин изумленно замолчал, перевел взгляд с лица Кэрредайна на цепочку следов, внезапно обрывающуюся посередине галереи, а затем, глубоко вздохнув, снова посмотрел на Кэрредайна. Его лицо посерело.

— Послушайте, Кэрредайн, — сказал он тихо. — Если это — уловка, с помощью которой вы хотите уберечь своего сына...

— Ну конечно же, — гневно перебил его Кэрредайн. — Я заранее знал о всех планах наших детей — так, что ли? Я вчера пришел сюда и оставил здесь фальшивые следы, и все для того, чтобы запутать вас, Болдуин. Я надел туфли сына себе на ноги, а туфли вашей дочери — на руки, и ползал здесь на карачках, чтобы следы выглядели естественными. А когда я дошел вот до этого места, я расправил крылья и полетел прочь.

Болдуин сглотнул и уставился на Кэрредайна со смешанным выражением гнева и растерянности.

— Но ведь это невозможно, — сказал он все еще довольно громко, но уже таким тоном, который казался скорее беспомощным, чем агрессивным. — Следы не могут заканчиваться ничем.

— Но, тем не менее, здесь как раз такой случай, — возразил Кэрредайн.

— И что... и что мы сейчас будем делать?

Кэрредайн пожал плечами.

— Понятия не имею, — буркнул он. — Нам, пожалуй, не остается ничего, кроме как осмотреть все комнаты одну за другой.

— Вдвоем? — вырвалось у Болдуина. — Да в этом доме десятки комнат, Кэрредайн!

— Мы, конечно, можем вернуться за помощью, — сдержанно сказал Кэрредайн. — Но не вините потом меня, если мы здесь уже никого не застанем.

Болдуин колебался. Он окинул взглядом расстояние, отделяющее их от входа в дом, и на пару секунд его взгляд задержался на открытой двери. В свете фонаря его лицо казалось еще бледнее, чем было на самом деле. Его ноздри трепетали. Никогда в жизни Кэрредайн не

видел настолько перепуганного — буквально до смерти — человека, каким сейчас казался Болдуин.

Через некоторое время Болдуин все же согласно кивнул.

— Вы правы, — пробормотал он. — Давайте общемся дома. С чего начнем?

Кэрредайн указал рукой направо, а головой — налево.

— Вы — туда, а я — в другую сторону, — сказал он. — Так будет быстрее.

— Я пойду один? — Болдуин сглотнул. — Вы хотите сказать, что мы разделимся?

— Вы же сами сказали, что в этом доме десятки комнат, — ответил Кэрредайн. —

Чтобы осмотреть их все, нам понадобится целая ночь. А если мы разделимся, то дело пойдет быстрее.

— Но я... у нас только один фонарь, — пролепетал Болдуин.

Кэрредайн еле сдержал торжествующую ухмылку. Ему доставляло почти что садистское удовольствие видеть, как Болдуин трясется от страха.

— Вы что, боитесь темноты? — спросил он язвительно.

На мгновение в глазах Болдуина сверкнул гнев. Но страх все-таки оказался сильнее.

— Это не имеет значения, — ответил он. — Но все равно не будет никакого толку, если один из нас станет вслепую шарить в темноте.

— Здесь полно свечей, — спокойно возразил Кэрредайн. — А внизу, в прихожей, на стене висит факел. Почему бы вам не взять его?

Болдуин в нерешительности посмотрел на него.

— Я подожду здесь, — добавил Кэрредайн после секундной паузы. — Возвращайтесь побыстрее. Наши голоса, наверное, слышны по всему дому. Я не удивлюсь, если Чарльз и Дженни уже знают, что мы здесь.

Болдуин судорожно кивнул, повернулся и начал осторожно спускаться вниз по лестнице. Кэрредайн секунду-другую поразмышлял над тем, стоит ли ему еще немножко поизмываться над Болдуином, но в конце концов решил не делать этого и поднял свой фонарь так, чтобы он хоть немного осветил Болдуину путь. Сейчас Кэрредайн, без сомнения, был хозяином ситуации, но он знал Болдуина достаточно хорошо, чтобы осознавать, что за каждую секунду, проведенную в этом доме, Болдуин отыграется на нем в двойном, а то и в тройном размере, причем независимо от того, найдут они его дочь или нет.

Болдуин повозился некоторое время внизу, а затем стремительными шагами поднялся вверх. Его дорогой костюм был испачкан, а к волосам прилипла серая паутина. По его лицу было видно, что он явно нервничал. Его взгляд скользнул мимо Кэрредайна вдоль закрытых дверей, расположенных с одной стороны галереи. Кэрредайн не смог сдержать злорадную улыбку, хотя ему самому тоже было явно не по себе. Дом производил на него какое-то странное, даже жуткое впечатление. По правде говоря, Кэрредайн сам был не на шутку испуган.

Он зажег факел, отдал Болдуину свой фонарь и высоко поднял факел над головой. «Будет лучше, — подумал он, — если Болдуин воспользуется фонарем, иначе этот недотепа — стоит только доверить ему факел — устроит в доме пожар». Болдуин хотел было что-то сказать, но Кэрредайн махнул рукой, еще раз указал кивком головы направо, а сам двинулся в противоположном направлении, внимательно рассматривая толстый слой пыли под ногами. На пыльном полу не было никаких следов, если не считать виднеющихся то там, то сям крошечных отпечатков крысиных лапок. Если бы Чарльз и Дженни прошли в какую-нибудь из этих комнат, то следы наверняка остались бы. Хотя, с другой стороны, если им

удалось как-то сделать так, что их следы в том месте ни с того ни с сего обрывались, то...

Он отогнал эту мысль, дошел до конца коридора и отворил последнюю дверь. Издалека, из другого конца коридора, слышался скрип открываемой Болдуином двери.

Дверь в комнату раскрылась с трудом. Мерцающее пламя факела осветило потолок и стены трепещущими красноватыми отблесками, а возникший при открывании двери сквозняк — наверное, впервые за десятилетия — поднял пыль с пола, и она зависла в воздухе плотным колышущимся облаком. Кэрредайн осторожно зашел в комнату, поднял факел немного повыше и осмотрел помещение со смешанным выражением любопытства и отвращения.

В комнате везде были видны следы разрушения. Когда-то, по всей видимости, здесь стояла дорогая, со вкусом подобранная мебель. Сейчас же все пришло в упадок. Причем, как заметил Кэрредайн, не просто истлело или сгнило, а было разломано, как будто кто-то в приступе бешенства разбил находившуюся тут мебель. Все покрылось пылью и грязью. Окно было заколочено, стекла потрескались, хотя и не выпали из рам, а дальняя часть комнаты была скрыта за серой завесой из густой спутанной паутины.

За этой паутиной что-то зашевелилось.

Сердце Кэрредайна бешено заколотилось. Он инстинктивно сделал шаг назад, но тут же остановился и уставился расширившимися от ужаса глазами на расплывчатую тень, вырисовывавшуюся за плотной завесой паутины.

— Чарльз? — тихонько спросил он.

Его голос дрожал. Тень за паутиной снова зашевелилась, но Кэрредайн не мог толком рассмотреть, что же это было.

Из паутины появился паук — величиной с кулак — и начал медленно подползать к Кэрредайну. Ужас, смешанный с удивлением, овладел Кэрредайном: он никогда раньше не видел пауков таких огромных размеров. Некоторое время он смотрел, как паук семенит своими ножками, а затем протянул факел и сжег его.

После этого Кэрредайн начал медленно продвигаться вперед. Тень за паутиной снова зашевелилась, и когда Кэрредайн подошел поближе, он увидел множество маленьких черных точек...

Вдруг за паутиной резко поднялась чья-то фигура и движением руки разорвала завесу.

Кэрредайн громко вскрикнул. Затем в течение двух-трех секунд он стоял, словно парализованный от ужаса, уставившись на то, что ему высветило мерцающее красноватое пламя факела.

Перед ним была не одна, а две человеческие фигуры, которые так тесно прижимались друг к другу, что сквозь толстый слой паутины казалось, что это один человек.

Это были Дженни и Чарльз.

Они оба оказались абсолютно голыми. Их одежда — разорванная и испачканная — валялась на полу и на трухлявой кровати, на которой они сидели.

И везде — по кровати, по полу, по их разорванной одежде, по их телам — ползали десятки огромных, величиной с кулак пауков, покрытых черными, жесткими как проволока волосками...

Кэрредайн очнулся от оцепенения и дико закричал, увидев, что Дженни и Чарльз шагнули к нему, а пауки, словно беснующаяся черная волна, последовали за ними. Вне себя от страха, Кэрредайн повернулся и кинулся бежать. Пять или шесть мерзких волосатых пауков, словно маленькие мохнатые мячики, упали с потолка ему на плечи и спину и

вцепились своими ножками в его одежду. Кэрредайн почувствовал, что паучьи ножки коснулись его лица. Вскрикнув, он стряхнул с себя пауков и махнул факелом. Пламя описало в воздухе огненный полукруг, отпугнув пауков, но всего лишь на секунду. Кэрредайн выбежал из комнаты, больно ударившись лицом о дверной косяк, и побежал по галерее. Он услышал голос Болдуина, но не разобрал слов, и продолжал бежать, вопя от ужаса. Позади него из двери комнаты выползал черный ковер, состоящий из паучьих тел.

— Кэрредайн? — голос Болдуина проник в сознание Кэрредайна словно сквозь плотную, плохо пропускающую звуки завесу.

Перед ним на галерее появился пляшущий луч фонаря, чиркнул по пыльному полу и попал ему прямо в глаза, на секунду ослепив его. Он услышал, как Болдуин вскрикнул от ужаса, затем что-то щелкнуло, и фонарь погас.

Кэрредайн побежал дальше, ударился о каменное ограждение галереи и чуть было не потерял равновесие. В отчаянии оглянувшись, он увидел, что пауки подбираются все ближе и ближе.

На мгновение — всего лишь на одно мгновение — к нему вернулась ясность ума. Он переложил факел из левой руки в правую и взмахнул им, как оружием. Жар пламени заставил пауков попятиться назад, однако из открытой двери выползали, напирая, уже не десятки, а сотни пауков. Выложенный мозаикой пол галереи скрылся под черной колышущейся волосатой массой, движущейся, словно волна густой жидкости.

— Болдуин! — крикнул Кэрредайн в отчаянии. — К лестнице! Бегите!

Он не знал, отреагировал ли Болдуин на его слова. Размахивание факелом сдержало передних пауков, но на них сзади напозла уже целая орда мерзких насекомых, а за ними...

Внутри у Кэрредайна все похолодело: он увидел, что к нему приближаются две — почти слившиеся в единое целое — тени. Это был его сын и дочь Болдуина, которые вышли из комнаты и теперь какими-то судорожными движениями подходили к нему. Выражение их лиц было бессмысленным, глаза словно остекленели, а рты приоткрылись. Они были похожи на полоумных. Орда пауков расступалась перед ними, образуя узкий проход, который сразу же смыкался за ними.

Когда две обнаженные фигуры приблизились, Кэрредайн уже перестал обращать внимание на пауков. Медленно, шаг за шагом, он отступал назад, не в силах оторвать взгляд от лица своего сына — лица, похожего на маску с ничего не выражающими глазами. «*Он мертв*, — с ужасом подумал Кэрредайн. — *Мертв, или и того хуже*». Но эта мысль лишь проскользнула в его сознании, уже охваченном волной безумного ужаса. Он почувствовал, что его спина упирается в твердый выступ ограждения галереи. Кэрредайн все больше и больше отклонялся назад, по мере того как приближался ужасный призрак, когда-то бывший его сыном. Внутренний голос что-то шептал ему, но он так и не разобрал, что.

Чарльз медленно поднял руку. Его дрожащие пальцы указали прямо на Кэрредайна, словно обвиняя его в чем-то, придвинулись ближе и застыли в нескольких сантиметрах от лица Кэрредайна.

На плечо Чарльза вскарабкался паук, злобно посмотрел на Кэрредайна своими малюсенькими — величиной с игольное ушко — сверкающими глазами и, быстро перебирая ножками, пополз по руке Чарльза в сторону Кэрредайна. Что-то коснулось его ног, легонько, осторожно, затем поползло вверх по щиколотке и шмыгнуло в штанину.

Кэрредайн пронзительно — просто невероятно пронзительно — вскрикнул, резко отшатнулся назад и, перевалившись через поручни, полетел с галереи вниз, отчаянно

размахивая руками.

Когда он с силой ударился о каменный пол первого этажа, его факел погас.

— Тут уж ничего не поделаешь, — сказал Рольф и покачал головой.

Сокрушенно вздохнув, он отпустил переднюю ногу лошади, ласково потрепал ее по шее и повернулся к нам.

— Эта лошадка не пробежит и мили. Удивительно, как она до сих пор еще не свалилась, — сказал он.

— Черт побери! — пробормотал Говард. — Этого еще не хватало.

Он глубоко вздохнул, прикусил нижнюю губу и беспомощно и удрученно посмотрел вперед на дорогу. Примерно полчаса назад в окна нашего экипажа промелькнули дома какого-то маленького поселка — и с тех пор мы не видели вокруг ничего, кроме леса. Уже стемнело, и деревья, подступающие к дороге с обеих сторон, казались мрачной непроницаемой стеной. Было холодно.

— Боюсь, что нам придется вернуться, — сказал он с сожалением. — И тогда наши планы полетят к чертям. Все полетит к чертям.

— Вернуться? — переспросил я.

Мы ехали практически без остановок с тех самых пор, как вышли из поезда в Глазго. Уже одна мысль о том, что придется вернуться назад — пусть всего на несколько миль — после такой изнурительной поездки вызывала у меня негодование. К тому же Говард был прав — наш график движения был спланирован чуть ли не по секундам, и мы не могли позволить себе потерять целую ночь.

Говард кивнул.

— Да, в тот поселок, который мы проехали, — пояснил он. — Если нам повезет, мы найдем кого-нибудь, кто продаст или одолжит нам свежую лошадь, — он пожал плечами. — Хотя уже довольно поздно.

— А если мы выпряжем эту лошадь и дальше поедем на одной? — спросил я.

— Не получится, — вместо Говарда ответил Рольф. — Для одной лошади мы — слишком тяжелый груз. Она быстро выбьется из сил.

Говард кивнул:

— Рольф прав. Мне не хотелось бы застрять где-нибудь на полпути. Пошли поможем Рольфу.

На этот раз я не стал спорить, а послушно последовал за Говардом и его могучим слугой, чтобы совместными усилиями выпрячь лошадь. Перспектива заночевать на этом глухом участке дороги меня совсем не прельщала. Хотя я никогда не боялся темноты и связанных с нею всяческих страшных историй, этот черный лес, обступивший дорогу и, казалось, указывавший на нас сухими, без листьев, сучьями деревьев, словно черными руками, вселял в меня какое-то непонятное беспокойство. Быть может, я просто слишком много пережил за последние несколько недель. В принципе, я уже — хотелось мне этого или нет — примирился с мыслью, что я — сын колдуна и что чародеи и демоны существуют на самом деле, активно вмешиваясь в жизнь людей. Но это отнюдь не означало, что я стал относиться к этому всему абсолютно спокойно. Хотя принято считать, что человек может привыкнуть к какой угодно опасности, если будет постоянно с ней сталкиваться, на самом деле это совсем не так. Наоборот, через некоторое время человек начинает шарахаться даже от собственной тени и испуганно вздрагивать от каждого шороха.

— Сюда кто-то едет, — пробормотал Рольф.

Я поднял голову, шагнул на дорогу и посмотрел туда, куда показывал Рольф — как раз оттуда мы приехали. В первый момент я ничего не увидел и не услышал. Но у Рольфа зрение и слух были получше, чем у меня, и через несколько секунд я все-таки различил стук копыт, а затем увидел, что из лесного полумрака появилась фигура одинокого всадника.

Он быстро приближался и вскоре уже был возле нас, остановив свою лошадь всего лишь за несколько шагов от нашего экипажа. Лошадь беспокойно перебирала ногами, и ветер донес до меня острый запах ее пота. Всадник, должно быть, скакал очень быстро.

— Добрый вечер, господа, — сдержанно сказал он. — У вас какие-то проблемы?

Вопрос был скорее риторическим. Когда мы подошли к всаднику, Рольф уже полностью выпряг лошадь, и было заметно, что она болезненно подбирает правую переднюю ногу, стараясь не становиться на нее.

— Боюсь, что да, — ответил Говард. — Одна из наших лошадей разбила копыто об острый камень. А вторая в одиночку не вытянет нашу карету.

Всадник в течение нескольких секунд разглядывал наш экипаж. Хотя его лицо в темноте казалось лишь светлым пятном, я заметил, что от его взгляда не ускользнуло ничего, и это мне почему-то не понравилось. Но я промолчал.

— Это явно неподходящее место для остановки, — сказал всадник, закончив свой осмотр. — До ближайшего населенного пункта почти пять миль. Вы, наверное, едете издалека?

Говард проигнорировал его вопрос и лишь дружелюбно — хотя и несколько сухо — улыбнулся.

— Мы уже подумывали вернуться в поселок, через который недавно проехали, — сказал он. — Быть может, там есть...

— Там нет никого, кто мог бы вам помочь, — перебил его всадник, отрицательно качая головой.

Говард нахмурился, а незнакомец через секунду добавил:

— В поселке лишь несколько рабочих лошадей, которые просто разнесут вашу карету, если вы попытаетесь их впрячь. А пять миль до Обана (он показал рукой в северном направлении) вам на одной лошади не одолеть.

Говард вздохнул.

— Тогда нам придется идти пешком, — пробормотал он. — Все равно мы не можем заночевать прямо здесь.

Незнакомец засмеялся. Это был глухой, неприятный смех. Его лошадь испугалась и начала нервно перебирать передними ногами, но он грубым движением заставил ее успокоиться.

— Да, заночевать здесь вы не можете, — заявил он. — Но и идти пешком тоже не годится. Мой дом всего в полумиле отсюда. Если вам понравится моя комната для гостей, вы сможете там переночевать. А утром я позабочусь о том, чтобы найти для вас свежую лошадь.

Посмотрев на нашу вторую, все еще впряженную лошадь, он добавил:

— А лучше две.

Говард заколебался. Даже не глядя на него, я почувствовал, что неизвестно откуда взявшийся незнакомец кажется ему таким же подозрительным, как и мне. Но у нас не было другого выхода.

— С... с вашей стороны это было бы очень любезно, мистер...

— Болдуин, — отрекомендовался незнакомец. — Леннон Болдуин, сэр. К вашим услугам.

Говард слегка поклонился.

— Филлипс, — сказал он. — Говард Филлипс. А это мой племянник Ричард и Рольф, наш слуга и кучер.

С этими словами он указал сначала на меня, а потом на Рольфа, при этом он сделал мне еле заметный знак глазами. Я чуть было не кивнул в ответ, сумев удержаться от этого лишь в последний миг. Безусловно, не было никаких оснований не доверять Болдуину. Но, с другой стороны, почему мы должны были ему доверять? Еще в Лондоне мы договорились, что будем ехать под вымышленными именами.

— Тогда поехали, мистер Филлипс, — поспешно сказал Болдуин. — Уже поздно, а я давно в дороге и сильно устал. Садитесь в свою карету. Я поеду впереди.

Не дожидаясь ответа, он пришпорил лошадь и поехал впереди нас. На какой-то миг в свете луны я сумел получше рассмотреть его лицо. Оно каким-то странным образом было похоже на лицо Говарда — узкое, с тонкими, почти — но лишь почти — аристократическими чертами, с темными глазами, обрамленное тщательно ухоженной бородкой, как у короля Артура. Его кожа показалась мне неестественно бледной, хотя, возможно, причиной тому был лунный свет. А еще он как-то нелепо, судорожно держался в седле. То ли он действительно проскакал большое расстояние и сильно устал, то ли — и это казалось мне более вероятным — он был не очень искусным наездником.

Говард тронул меня за руку и указал на карету. Рольф тем временем уже связал лишние поводья в один большой узел и бросил их на крышу кареты, туда, где находился наш багаж. Раненая лошадь стояла в стороне, но я знал, что она последует за нами, как только мы тронемся.

Мы снова сели в карету. Говард закрыл дверь, но при этом отодвинул занавеску на окне и уселся таким образом, чтобы видеть Болдуина. Рольф щелкнул кнутом, и наш экипаж, покачиваясь, тронулся в путь. Скрип тяжелых деревянных колес по пыльной дороге, казалось, стал более громким.

— Ну и что ты о нем думаешь? — спросил через некоторое время Говард.

— О Болдуине? — я пожал плечами, а затем честно ответил: — По правде говоря, особых симпатий я к нему не испытываю. Но, по крайней мере, благодаря ему нам не придется ночевать прямо на дороге.

Говард нахмурился.

— Быть может, так было бы лучше для нас, — пробормотал он.

Он сказал это не столько мне, сколько самому себе, но я все же отреагировал на его слова:

— Ты ему не доверяешь?

— Не доверяю... — Говард вздохнул. — Наверное, я просто слишком мнительный. Но мне кажется странным, что он появился именно в этот момент. До этого на протяжении почти двух часов мы не встретили ни одной живой души. Он пришел к нам на выручку как-то уж слишком своевременно.

— Я всегда считал, что англичане охотно помогают другим людям.

Говард тихонько засмеялся.

— Любой человек охотно помогает другим людям, когда у него есть для этого причины, — ответил он как-то двусмысленно. — Впрочем, ты прав: мы должны радоваться

тому, что нам не придется ночевать на дороге.

— А что мы будем делать дальше?

Говард немного помолчал.

— Это небольшое недоразумение ничего не меняет в наших планах, — наконец сказал он. — Я отправил своим друзьям в Дернессе телеграмму, сообщающую о нашем приезде. Они, думаю, учтут, что по дороге у нас могла случиться задержка.

Стук копыт стал звучать по-другому. Экипаж начал раскачиваться намного сильнее и затем вдруг сильно накренился в сторону, словно судно в штормовом море. Из-за слабых рессор карету — а вместе с ней и нас с Говардом — сильно встряхнуло: это Рольф, следуя за нашим проводником, направил экипаж на узкую, всю в выбоинах и ямах, лесную дорогу.

В течение дальнейшего пути разговаривать стало просто невозможно. Мы с Говардом изо всех сил старались при очередной встряске не слететь с сиденья или не удариться головой о верх экипажа, и я уже начал опасаться, что оси могут треснуть или развалится корпус кареты. Я попытался посмотреть в окно, но все, что я видел, — это темноту, в которой лишь иногда мелькали какие-то тени. Дорога была такой узкой, что кусты и ветки деревьев царапали по бокам кареты. Мне казалось, что по этой дороге уже многие годы никто не ездил.

Наконец карету перестало болтать туда-сюда, и она, издав тошнотворный скрип, остановилась. По моим прикидкам, мы проехали где-то с полмили в глубину леса практически перпендикулярно к нашему предыдущему курсу. Говард с недовольной гримасой на лице приподнялся и высунулся из окна кареты, а я тут же прильнул к противоположному окну.

Наш экипаж остановился перед мощными коваными воротами. Болдуин уже слез с лошади и возился с замком. Он открыл только одну створку ворот, чего было, впрочем, вполне достаточно для проезда экипажа. Петли ворот скрипнули так, как будто их не смазывали несколько десятилетий.

Мы въехали во двор. Под колесами экипажа заскрипел гравий. Огромные тени по сторонам двора оказались деревьями довольно большого, но явно заброшенного парка, окружавшего дом Болдуина. Похоже, не только дорога к дому и его ворота находились в запущенном состоянии. Впрочем, это было не мое дело. Я откинулся на спинку сиденья.

Экипаж, управляемый Рольфом, — слава богу, нас уже больше не бросало из стороны в сторону — подъехал по слегка поднимающейся к дому дорожке. Я услышал, как Рольф перекинулся парой слов с Болдуином, после чего наш экипаж остановился. На окно кареты со стороны Говарда упала огромная тень.

Когда мы вылезали из кареты, нам в лицо ударил холодный ветер. Из близлежащего леса доносился странный запах — так пахнет влажная зелень и... и что-то еще. Я так и не понял, что мне напоминал этот запах, но он был каким-то необычным. Воздух казался застоявшимся и спертым, хотя это было просто невозможно. Меня не покидало ощущение, что я нахожусь в помещении, которое очень долго не проветривали.

Взглянув на дом, я забыл про запах.

Дом оказался просто огромным. Огромный и мрачный, он таил в себе какую-то опасность, как грозовая туча, заслонившая небо. Этот господский дом был построен в позднем викторианском стиле, по-видимому когда-то он выглядел величественным и принадлежал весьма знатной особе, может даже королю. Мощные полированные колонны окаймляли широкую наружную лестницу из белого мрамора, а над окнами, которые все без

исключения были снабжены решетками, красовались вычурные архитектурные украшения. Слева и справа от входной двери стояли огромные каменные львы, а над дверью виднелась надпись, которую я не смог разглядеть в темноте.

Однако дом, несмотря на бывшее величие, был все же очень дряхлым. Решетки на окнах покрылись ржавчиной, а от дождя на стенах образовались мерзкие коричневатые разводы. Все стены были в трещинах, в некоторых местах поотваливалась штукатурка, и эти дыры были либо оставлены как есть, либо замазаны кое-как, а от одной из мраморных колонн отвалился кусок величиной с человеческую голову и теперь лежал, расколовшись на множество осколков, на потрескавшихся ступенях лестницы.

— Мистер Филлипс?

Голос Болдуина оторвал меня от созерцания архитектурных деталей. Я вздрогнул, почему-то с виноватым видом посмотрел на хозяина дома и поспешно улыбнулся, увидев, что он машет рукой, приглашая меня войти.

— Проходите, пожалуйста, в дом, — сказал он сдержанно. — Я организую вам небольшой ужин. Вы, должно быть, голодны.

— Наш багаж... — начал было Говард, но Болдуин тут же перебил его.

— О нем позаботится мой слуга, — сказал он. — Ваш кучер так же устал, как и вы. Не переживайте. Ничего с вашим имуществом не случится.

Его слова разозлили меня, но Говард быстро остановил меня жестом, и резкий ответ, уже готовый сорваться с моих губ, так и не прозвучал. Мы молча пошли вверх по лестнице вслед за Болдуином.

Дверь приоткрылась за секунду до того, как мы подошли к ней. Полоса желтого мерцающего света упала на лестницу, а в проеме двери появилась чья-то голова. Болдуин сделал нетерпеливый жест рукой, голова поспешно исчезла, и дверь тут же отворилась так, чтобы мы могли пройти.

Внутренность дома поразила нас. После заброшенности сада и запущенности дома снаружи я ожидал и внутри увидеть нечто подобное. Но все оказалось совсем не так. За входной дверью нашим взорам открылась просторная, почти вся покрытая белым мрамором прихожая. С потолка на цепи толщиной в руку свисала огромная — как минимум пять ярдов в диаметре — люстра, освещающая помещение мягким желтым светом, а пол был таким чистым, что наши фигуры отражались на нем, как искаженные тени. Прихожая была почти пустой: из мебели здесь находился лишь большой дорогой секретер, над которым висело громадное хрустальное зеркало в золотом обрамлении. На противоположной стороне прихожей начиналась выложенная дорогими коврами лестница, ведущая на галерею, вдоль которой виднелись многочисленные двери. Чувствовалось приятное тепло, хотя я не заметил, чтобы где-нибудь горел огонь.

— Ну как, мистер Филлипс? — спросил Болдуин. — Довольны?

Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что его слова обращены ко мне. Я вздрогнул, повернулся и смущенно посмотрел на него. На его губах появилась легкая насмешливая улыбка. Похоже, он правильно истолковал мой взгляд.

— Я... извините, — пролепетал я. — Я...

Болдуин слегка махнул рукой и закрыл за собой дверь.

— Не смущайтесь, мистер Филлипс, — сказал он равнодушно. — Я, знаете ли, уже привык к тому, что каждый, увидевший мой дом снаружи, войдя внутрь, выглядит весьма удивленным.

Его улыбка стала шире, но от этого не перестала быть отталкивающей.

— У меня нет ни средств, ни людей, чтобы поддерживать в порядке сад, — продолжал он, — но я всегда испытываю чувство удовлетворения, когда вижу лица вошедших в мой дом.

Мне с каждой секундой становилось все больше не по себе. В принципе, Болдуин всего лишь откровенничал с нами, но эта его откровенность казалась весьма невежливой.

— Похоже, я поставил вас в неловкое положение, — продолжал он, — поэтому давайте сменим тему. Кэрредайн, приготовьте что-нибудь перекусить для нас четверых. И, пожалуйста, побыстрее.

Слова были обращены к человеку, открывшему нам дверь. Это был сморщенный маленький человечешка, который все время стоял молча, с опущенной головой и лишь исподтишка краем глаза разглядывал меня и Говарда. Еще тогда, когда я его увидел в первый раз, в полумраке, он показался мне странным. Теперь же, при хорошей освещенности, его внешность просто вызывала страх.

В первый момент мне показалось, что он горбатый, однако я тут же понял, что это не так. Его левое плечо было ниже правого и сильно искривлено, а шея склонилась каким-то странным образом в сторону, как будто он не мог держать голову прямо. Его левая ладонь была вывернута наружу, пальцы представляли собой бесполезные окостенелые обрубки, а правая нога вместе со ступней выглядели так, как будто суставы сломались, а затем срослись под неправильным углом. Его лицо казалось просто кошмарным: оно было приплюснутым и перекошенным, словно восковая маска, которую кто-то придавил. Рот был слегка приоткрыт, в результате чего из него постоянно самопроизвольно текли слюни, его левый глаз, прикрытый веком, очевидно, был слеп. Полный калека.

— Ну как вам Кэрредайн? — тихо спросил Болдуин. — Он у меня прислуживает по дому. Достойное жалости существо. Собственно говоря, толку от него мало, он, скорее, приносит больше вреда, чем пользы, но должен же кто-то его приютить, вы согласны со мной? — он засмеялся. — Я даже хотел называть его Квазимодо, но мне показалось, что это будет дурным тоном.

Говард резко набрал воздух в легкие, но на этот раз уже я бросил на него предостерегающий взгляд. У Болдуина, несомненно, было весьма своеобразное чувство юмора, но вряд ли нас это касалось.

— Вы... живете здесь один? — спросил я, чтобы сменить тему.

Болдуин посмотрел на меня так, как будто я спросил, не болен ли он сифилисом.

— Нет, — ответил он. — Кроме Кэрредайна, здесь еще живут моя дочь и мой племянник Чарльз. Но они оба уже спят. Вы познакомитесь с ними утром за завтраком, если вам будет угодно, — он резко повернулся и хлопнул в ладоши. — Кэрредайн! Ты что, не слышал? Что-нибудь перекусить для четверых — быстро!

Кэрредайн что-то буркнул, по очереди посмотрел на меня, Говарда и Рольфа, вращая своим единственным выпученным глазом, и засеменял прочь. Он действительно был чем-то похож на Квазимодо...

— Однако, что мы здесь стоим? — сказал Болдуин, как только калека исчез из виду. — Чтобы приготовить еду, потребуется некоторое время. Пойдемте в библиотеку. Лучше поговорим там.

Не дожидаясь нашего согласия, он повернулся и быстрыми шагами направился к двери, находившейся сбоку от нас. Мы с Говардом обменялись долгими недоуменными взглядами. Говард ничего не сказал, но я увидел по выражению его глаз, что он чувствует то же, что и я.

Не надо быть ясновидцем, чтобы понять, что с этим домом и с его обитателями что-то не так.

Но я почему-то не испытывал ни малейшего желания выяснять, что же здесь происходит.

Библиотека представляла собой большую, до потолка забитую книжными полками комнату, в которой кроме полок имелись всего лишь прямоугольный полированный стол и четыре стула. Пол покрывали толстые и, несомненно, дорогие ковры, а в камине горел яркий огонь. Не считая окон и двери, камин был единственной частью стены, не заполненной полками с книгами. Болдуин указал приглашающим жестом на стулья, подождал, пока мы пройдем мимо него, и закрыл дверь.

Я с удивлением остановился.

Стол не был пуст. На его полированной поверхности стоял декоративный серебряный подсвечник с десятком горящих свечей, а также четыре тарелки, стаканы и другие столовые приборы. Возле них лежали свежие салфетки. «Четыре тарелки!.. — с изумлением подумал я. — Как будто он нас ждал!»

— Вы ожидали гостей? — спросил Говард.

— Гости? — Болдуин слегка раздраженно стал переводить взгляд с Говарда на меня и обратно, затем его лицо вдруг просветлело. — А-а, вы имеете в виду столовые приборы! — он улыбнулся. — Нет. Но Кэрредайн всегда заранее подготавливает все необходимое для завтрака, прежде чем ложится спать. Я ему уже тысячу раз говорил, чтобы он этого не делал. Стаканы и тарелки за ночь покрываются пылью! Но ему очень трудно что-то внушить. Он калека, и, знаете ли, не только физически, — он вздохнул. — Ну, да ладно. Садитесь, господа.

Говард некоторое время смотрел на него испытывающим взглядом, затем пожал плечами и сел за стол. Я сел рядом с ним. Рольф остался стоять у камина, недовольно посматривая по сторонам и словно не зная, куда деть руки. Болдуин нахмурился и бросил на Рольфа долгий неодобрительный взгляд, а затем снова повернулся к Говарду.

— Извините, я отлучусь на минуточку, — сказал он. — Пойду посмотрю, где там Кэрредайн. Кроме того, необходимо распорядиться, чтобы подготовили ваши комнаты.

— Не хлопчите так о нас, — поспешно сказал Говард. — Мы...

— Я вас умоляю, — перебил его Болдуин тоном, не допускающим возражений. — Какие там хлопоты! Дом практически пуст, и в нем полно незанятых комнат. Я сейчас вернусь.

С этими словами он вышел из комнаты.

Дверь уже закрылась, а Говард все еще смотрел ему вслед, нахмурившись. Не трудно было догадаться, о чем он думал. Его пальцы теребили небольшую тросточку, которую Говард постоянно носил с собой. Он напряженно молчал.

В конце концов его молчание стало для меня невыносимым.

— Ну и? — спросил я.

Говард взглянул на меня:

— Что «ну и»?

— Ты знаешь, что я имею в виду, — сердито сказал я. — Что ты думаешь о нем? И об этом доме?

— Что я о нем думаю? — Говард отвел взгляд в сторону и посмотрел на потрескивающее пламя в камине, как будто он там хотел прочесть ответ на мой вопрос. —

Это не так легко выразить словами. Болдуин — странноватый человек, однако эксцентричность — еще не преступление.

Я почувствовал, что он явно говорит не то, что думает. Он, так же как и я, осознавал, что с Болдуином, его слугой и всем этим домом что-то не так. Здесь происходило что-то странное. Похоже, даже Рольф почувствовал негативную ауру, излучаемую этим домом. И Рольф, в отличие от Говарда, без всяких околичностей выразил свои ощущения.

— Этот парень какой-то ненормальный, — сказал он. — Чокнутый. Да и вообще здесь жутковато.

Говард чуть улыбнулся. Покачав головой, он выудил из кармана плоскую серебряную коробочку, достал из нее тонкую серебристую сигару и поискал по карманам спички. Не найдя их, он встал, подошел к камину и присел возле него на корточки.

— Я бы предпочел уехать отсюда, — пробормотал он. — Уж лучше заночевать в карете, чем в этом доме.

— Я такого же мнения, — пробормотал Рольф.

Он сказал это очень тихо, но его лицо было напряжено, а взгляд беспокойно бегал туда-сюда. Он явно нервничал. Как и мы с Говардом.

Говард прикурил сигару о горящую головешку, поднялся и с любопытством подошел к книжным полкам, стоящим рядом с камином. Он стоял ко мне спиной, и поэтому я не видел выражения его лица, однако я заметил, что он вдруг напрягся и резко поднял голову.

— Что там такое? — спросил я.

Говард ничего не ответил. Посмотрев еще несколько секунд на тесно прижатые друг к другу книги, он повернулся и широкими шагами прошел к другим полкам. Мы с Рольфом с удивлением наблюдали за ним. Для меня эти книги были всего лишь обычными книгами. Я никогда не проявлял особого интереса к буквам и цифрам (кроме тех, которые были напечатаны на зелененьких бумажках, — понятно каких), и явно не разделял свойственного Говарду увлечения древними фолиантами. Но в данный момент я почувствовал, что волнение Говарда вполне обосновано.

Наконец, после того как он минут десять ходил от одной полки к другой, рассматривая кожаные корешки книг, качая при этом головой и что-то бурча себе под нос, как въедливый старикашка, он вернулся к столу.

— Поразительно! — пробормотал он. — Даже невероятно.

— Неужели? — спросил я.

Говард сощурился, затаился сигарой и виновато улыбнулся.

— Конечно, — сказал он, — ты не можешь их по достоинству оценить. Стоящие здесь книги — это что-то невообразимое, — он вздохнул. Пепел с его сигары падал на дорогой ковер, но он в волнении этого не замечал. — Ты видел мои книги в Лондоне. Это, пожалуй, самое большое в Англии собрание всевозможных сочинений по оккультизму и магии — по крайней мере, я так думал до сего момента. Но здесь...

Мало-помалу я начал кое-что понимать. Мой взгляд скользнул по полкам, рассматривая переплеты книг, стоящих тесными рядами...

— Ты имеешь в виду, — сказал я неуверенно, — что все эти книги...

— ...посвящены колдовству, магии и оккультизму, — кивнул Говард. — Именно так. Здесь есть книги, написанные тысячи лет назад, а также фолианты, считающиеся давным-давно утерянными. И это...

— ...совсем не случайность, мистер Филлипс, — послышался голос от двери. Говард

вздрагнул и быстро обернулся, словно чувствуя себя виноватым. Дверь была открыта, в проеме стоял Болдуин. Мы не заметили, как он вернулся. Его лицо выражало одновременно и насмешку, и гнев. — Вы интересуетесь оккультизмом?

Говард поспешно кивнул.

— Немного, — сказал он. — Это... что-то вроде моего хобби.

— Тогда эти книги вам будут весьма интересны, — сказал Болдуин, закрывая за собой дверь. — Насколько я знаю, в этих книгах говорится о колдовстве и прочих подобных глупостях.

— Насколько вам это известно? — спросил Говард.

Болдуин несколько раз медленно, как бы в раздумье, кивнул и подошел ближе. Его взгляд остановился на сигаре Говарда, между его бровей появилась сердитая складка.

— Весь этот хлам собрал один из моих предков, — ответил он. — Меня все это, знаете ли, совсем не интересует. Точно так же, как и то, что рассказывают об этом доме.

Мне показалось, что при этих словах Говард слегка побледнел. Впрочем, возможно, это мне только показалось.

— Что вы имеете в виду, когда говорите: — *«Рассказывают об этом доме?»*

Болдуин улыбнулся, но его улыбка скорее была похожа на гримасу.

— Вы нездешние, поэтому не понимаете, о чем я говорю, мистер Филлипс, — сказал он. — Вы сейчас находитесь в заколдованном доме.

Увидев испуг на моем лице и лице Рольфа, он поспешно добавил:

— Успокойтесь, здесь нет никаких привидений или чего-нибудь подобного. Просто один из моих предков пользовался сомнительной славой: его считали колдуном. За это его, беднягу, живьем сожгли на костре, — он холодно улыбнулся. — Он, кстати, и собрал эту библиотеку. А меня все эти фолианты лишь раздражают. Я даже всерьез намеревался их выбросить, чтобы можно было сделать из этого помещения гостиную.

— Выбросить? — ахнул Говард.

Болдуин кивнул:

— Почему бы нет?

— Но они стоят... целое состояние. Они стоят больше, чем весь этот дом.

— Сомневаюсь, — пробормотал Болдуин.

Говард вдруг стал очень взволнованным.

— Если вы хотите их продать, мистер Болдуин, — начал он, — то...

— Чего-чего, а этого я как раз и не хочу, — перебил его Болдуин. — И был бы вам весьма признателен, если бы вы стряхивали пепел в пепельницу, а не на ковер.

Говард с виноватым видом вздрогнул, подошел к камину и бросил в него остаток сигары.

— Извините, — пробормотал он.

Болдуин махнул рукой:

— Ничего страшного. Боюсь, что на приготовление пищи потребуется еще некоторое время. Кэрредайн поспешает не торопясь. Чтобы не тратить зря время, я покажу вам ваши комнаты, если вы не против.

Говард кивнул, хотя его взгляд выражал полное несогласие с предложением Болдуина. Когда Говард смотрел на книжные полки, в его глазах появлялось какое-то странное выражение. Оно, пожалуй, было похоже на выражение лица человека, который, изнывая от жажды, целую неделю полз по пустыне и вдруг увидел, что единственный в округе колодец

закапывают. Однако он, видимо, осознал, что Болдуин не имеет ни малейшего желания говорить ни о своих книгах, ни, тем более, об их продаже. С явной неохотой Говард последовал за Болдуином, уже снова открывшим дверь. После короткого колебания за ними пошли и мы с Рольфом.

Мы пересекли прихожую и начали подниматься по лестнице, ведущей на галерею. Я вдруг заметил, что стало очень тихо. Толстый ковер на ступеньках полностью заглушал наши шаги, но и без этого не раздавалось ни единого звука. Ни единого! Такой тишины обычно не бывает. Даже когда дом пуст, в нем все равно раздаются какие-то звуки: постукивание ставней, завывание ветра, беснующегося за стенами дома, поскрипывание балок, стонущих под тяжестью прошедших десятилетий. Дом всегда похож на огромное живое существо, у которого есть свой собственный пульс, свои собственные шумы — звуки жизни. Но в этом доме не было слышно ничего подобного. В нем царила тишина, абсолютная тишина. Этот дом был мертв.

Я отогнал мрачные мысли и ускорил шаг, стараясь не отстать от Говарда и Болдуина.

Хозяин дома остановился на верхней ступеньке и, нахмурившись, нетерпеливо поджидал, пока я догоню их.

— Ваши комнаты находятся там, — Болдуин указал коротким жестом руки налево, в конец галереи. — Три последние комнаты. В них, возможно, нет того комфорта, к которому вы привыкли, но они вполне пригодны для того, чтобы переночевать одну ночь.

Говард что-то пробормотал в ответ и слегка кивнул, а мы с Рольфом лишь молча прошли мимо Болдуина, направляясь к своим комнатам.

Дверь скрипнула на петлях, и мне в ноздри ударил спертый, застоявшийся воздух. В комнате мелькнула какая-то тень, затем что-то упало, подняв серое облачко пыли.

Я остановился как вкопанный.

В комнате действительно не было комфорта, к которому я привык. Даже и близко.

На полу лежал пятисантиметровый слой пыли, на котором виднелись следы крыс и каких-то насекомых. По всей комнате с потолка свисала паутина, а находившаяся у заколоченного окна широкая кровать с балдахином, несомненно, когда-то весьма роскошная, была варварски разломана и представляла собой просто груды деревяшек.

С потолка свалился черный комок с дрожащими волосатыми ножками и начал подползать по мне. Присмотревшись, я понял, что это паук. Его туловище было величиной с детский кулачок, а сосредоточенные малюсенькие глаза сверкали, как осколки бриллиантов.

Я вскрикнул, отшатнулся назад — скорее от неожиданности, чем от страха — и с силой захлопнул дверь. Мои руки дрожали.

Говард, уже собравшийся войти в свою комнату, остановился и, нахмурившись, посмотрел на меня.

— Что случилось? — с тревогой спросил он.

Я судорожно сглотнул. У меня во рту появился неприятный привкус желчи. Инстинктивно отойдя от двери еще на пару шагов, я вспомнил только что увиденного паука, и по спине у меня побежали ледяные мурашки. Я никогда не испытывал страха перед пауками, но этот паук был уж слишком мерзким.

— Что-то не так? — тихо спросил Болдуин.

В его глазах засверкали какие-то странные искорки.

— Вы побледнели, молодой человек.

Немного помолчав, я сумел взять себя в руки и подавить тошноту, уже подбиравшуюся к

моему горлу.

— Д-да уж, — ответил я. Мой голос дрожал от волнения. — Вы и в самом деле хотите предложить мне эту... эту так называемую комнату?

Болдуин удивленно заморгал, вопросительно взглянул на Говарда и решительно подошел к двери. Его рука легла на дверную ручку и дернула за нее явно сильнее, чем следовало. Дверь распахнулась и с силой ударилась о стену.

Лишь в самый последний момент я сумел удержаться от того, чтобы не вскрикнуть от удивления.

В комнате было чисто.

На полу лежали такие же ковры, как и в прихожей. Висевшая под потолком люстра излучала мягкий желтый свет, а в камине потрескивал огонь, от которого исходило приятное тепло. Кровать, которая совсем недавно представляла собой кучу обломков, покрытую беспорядочно разбросанными истлевшими и вонючими лохмотьями, теперь сияла чистотой и свежестью, а край лежавшего на ней одеяла был отогнут, словно приглашая лечь. На ночном столике стояла бутылка вина и чистый стакан.

Болдуин постоял секунду-другую в дверях, демонстративно посмотрел налево и направо, а затем с явно наигранным выражением удивления на лице повернулся ко мне.

— Я... я ведь говорил, что комната, возможно, не совсем соответствует вашим запросам, — сказал он, растягивая слова. — Но она чистая и вполне подойдет для того, чтобы разок в ней переночевать. Все же лучше, чем на дороге в холодной карете, не так ли?

Я не знал, что и сказать. Это было просто невероятно! Всего лишь десять секунд назад комната представляла собой настоящую помойку!

— Что с тобой, Робе... Ричард? — тихо спросил Говард. В его голосе чувствовалась озабоченность.

— Ничего, — ответил я.

Мне было трудно говорить. Я медленно покачал головой, мучительно улыбнулся и в растерянности перевел взгляд с Говарда на Болдуина, затем снова посмотрел на Говарда.

— Ничего, — сказал я еще раз. — Все в порядке. Извините, мистер Болдуин. Я... я похоже, ошибся.

Болдуин соорудил недовольную гримасу:

— Путешествие было утомительным, не так ли?

Я, ничего не ответив, прошел мимо него и захлопнул за собой дверь так резко, что Болдуину пришлось отпрыгнуть назад, чтобы его не стукнула дверная ручка. Мое сердце колотилось. Я стоял посреди огромной, наполненной приятным теплом комнаты, оглядываясь по сторонам, и чувствовал, что меня постепенно охватывает паника. Все вокруг сверкало чистотой и свежестью, как будто с большой любовью было подготовлено специально для меня.

Но я же не был сумасшедшим! Я отчетливо видел, что представляла собой эта комната, когда я открыл дверь в первый раз!

Мой взгляд упал на зеркало над камином. На какое-то мгновение мне даже захотелось увидеть в зеркале отражение комнаты в том виде, в каком она была до этого, но я увидел лишь собственное отражение.

Всмотревшись в свое лицо, я перепугался: мои глаза лихорадочно блестели, щеки ввалились, бледная кожа покрылась маленькими блестящими капельками пота. Я с трудом оторвал взгляд от зеркала, повернулся и подошел к кровати.

Возле нее стояла моя дорожная сумка. Она была приоткрытой, но не распакованной. Это, должно быть, Кэрредайн вытащил наш багаж из кареты и занес в комнаты. Когда я подумал о слабоумном, искалеченном слуге Болдуина, по спине у меня побежали мурашки. То, что происходило вокруг нас в последнее время, с каждой минутой казалось мне все более нереальным: наполовину развалившийся дом посреди леса, в доме живет эксцентричный человек с искалеченным слугой... Все это вполне подходило для того, чтобы стать началом второсортного романа ужасов, но не имело ничего общего с реальной жизнью!

Сам не зная почему, я распаковал свою сумку и достал лежавшую на ее дне трость-рапиру. Болдуин, наверное, подумает, что я совсем свихнулся, если я заявлюсь на ужин с тростью, но при данных обстоятельствах мне было на это наплевать. Я смогу чувствовать себя спокойнее, если под рукой у меня будет оружие.

Однако внутренний голос тихо, но настойчиво нашептывал мне, что это оружие вряд ли эффективно защитит меня от опасностей, которые могут подстергать нас в этом странном доме...

Пробуждение было похоже на мучительное, бесконечно долгое выныривание из черного небытия. Она словно пыталась выбраться из мрачной пустоты болота, которое своими невидимыми цепкими пальцами удерживало ее сознание и пыталось снова затащить ее в полное забытие. Застонав, она открыла глаза.

Она лежала на чем-то твердом и холодном. Откуда-то потянуло ледяным сквозняком, и она задрожала от холода. На левом плече у нее копошилось, щекоча и слегка царапая, что-то маленькое и мягкое.

Дженни с трудом приподнялась на локтях, левой ладонью потерла глаза и попыталась рассмотреть окружающие ее предметы. Но она увидела лишь тени. Над ее головой, похоже, был сводчатый потолок, но она не была в этом уверена. В воздухе пахло сыростью. Где-то капала вода.

Она решила, что находится в подвале. Дженни безуспешно пыталась вспомнить, как она сюда попала. Но в ее памяти был провал, и попытка что-то вспомнить лишь причиняла ей почти что физическую боль.

Она, приподнявшись, села на пол, всмотрелась широко раскрытыми глазами в темноту и пошарила вокруг себя руками. Ее пальцы скользнули по влажному камню и коснулись чего-то маленького и пушистого, но это существо тут же бесшумно ускользнуло прочь. Дженни в ужасе отдернула руку. Ее сердце начало колотиться, а перевозбужденное воображение уже рисовало в окружающей темноте крыс, пауков и бестелесных призрачных монстров. Она просидела, скованная ужасом, целую минуту, прежде чем ей удалось взять себя в руки. Медленно наклонившись вперед, она поднялась на колени и протянула руку перед собой. Возле нее лежало что-то большое, длинное и темное. Падавший непонятно откуда очень слабый свет не позволял что-либо рассмотреть, но в сознании Дженни мелькнула догадка. Ее пальцы нащупали какую-то ткань, скользнули дальше и коснулись гладкой и очень холодной кожи. Чарльз!

И вдруг она вспомнила все, что с ними произошло. Вскрикнув, Дженни вскочила на ноги и отшатнулась назад. Она коснулась лица Чарльза лишь на миг, но и этого было достаточно, чтобы понять, что он мертв.

Мертв! — стучало у нее в голове. — *Мертв! Мертв! Мертв!*

Крик, уже готовый вырваться из ее горла, застыл у нее на устах. Она вдруг отчетливо

вспомнила буквально все: ее побег с Чарльзом, их намерение добраться до Гретна Грин, заброшенный дом в лесу, двери, вдруг открывшиеся сами по себе, а еще... пауков!

Дженни, закричав, повернулась, бросилась было бежать, но натолкнулась в темноте на стену и стукнулась лбом о твердый камень. Тупая боль от удара заставила ее снова вскрикнуть и этим вернула к реальности. Она замерла на месте, заставила себя пять или шесть раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, и тем самым сумела — уже во второй раз — подавить в себе панику. Пауки, вспомнила она, набросились на них и что-то с ними сделали — не только с их сознанием, но и с их телами. Что-то такое, чего она не могла, да и не хотела сама себе объяснить. Она не потеряла тогда сознание полностью, однако все, что произошло с того самого момента вплоть до ее пробуждения в этом подвале, было словно скрыто за занавесой и представлялось чем-то нереальным, будто это был сон, хотя Дженни осознавала, что это был отнюдь не сон.

Дженни изо всех сил старалась не думать о неподвижном теле, лежащем позади нее на полу. Она вспомнила, что — уже после того, как на них набросились пауки, — они вроде бы видели мельком ее отца и отца Чарльза. Но она отогнала эту мысль и попыталась сосредоточиться только на том, как она попала сюда. По всей видимости, пауки по какой-то причине отпустили их с Чарльзом. И тут она осознала, что если не попытается сейчас думать о чем-нибудь другом, то просто сойдет с ума.

Она осторожно подняла руки, вытянула их перед собой и медленно пошла вперед. Ее шаги на влажном каменном полу отдавались странным гулким эхом, и чем дальше она шла, тем сильнее становился запах гнили. Она наткнулась руками на камень, положила на него ладони и затем — шаг за шагом — пошла вдоль стены, ощупывая ее. Сначала она пыталась считать шаги, но подвал оказался слишком большим, а ее мысли были в такой сумятице, что она не смогла долго концентрироваться на счете.

Наконец ее рука провалилась в пустоту, и тогда, осторожно вытянув вперед ногу, она нащупала нижнюю ступеньку какой-то лестницы. Дженни в сомнении замерла на месте, взглянула еще раз широко раскрытыми глазами в темноту позади нее, а затем, повернувшись, начала осторожно подниматься по невидимой для нее лестнице.

Через некоторое время она увидела свет. Это был всего лишь тонюсенький лучик бледного света, пробившийся из-под какой-то двери, но это был *дневной свет*.

Дженни пошла быстрее и наконец-то добралась до верхней ступеньки, подгоняемая страхом, охватившим все ее существо. Когда она подошла к двери, ее сердце колотилось, а по всему телу выступил липкий холодный пот.

Дверь оказалась запертой.

Дженни вскрикнула от страха и разочарования, отчаянно затарабанила кулаками по двери, а затем отпрянула назад. Ее охватила паника. Резко обернувшись, она поскользнулась на влажном каменном полу и чуть было не упала, лишь в самый последний момент сумев удержаться за стену. От основания лестницы до нее донеслись какие-то звуки. Ей показалось, что она слышит шарканье шагов и шорох семенящих маленьких волосатых ножек... черных ножек, покрытых тонкими, похожими на проволоку волосками... паучьих ножек... сотен тысяч паучьих ножек, осторожно крадущихся к ней... поднимающихся вверх по ступенькам, словно черная колеблющаяся волна... медленно... медленно, но неудержимо...

Затем она отчетливо услышала шаги.

Это были тяжелые шаркающие шаги, словно кто-то тащился из последних сил по

каменному полу. У нижних ступеней лестницы появилась черная расплывчатая тень человека. Этот человек остановился и медленно поднял голову.

Сердце чуть не разорвалось на части: она узнала его лицо. Оно было искажено, покрыто гноящимися ранами, вместо глаз виднелись пустые черные глазницы, вместо рта — рваная рана. Но, несмотря на все это, Дженни узнала это лицо.

Это было лицо Чарльза...

Она замерла от ужаса. Не в силах даже пошевелиться, она смотрела, не отрываясь, на еле узнаваемое лицо Чарльза, смотрела, как он медленно, словно каждое движение требовало от него огромных усилий, поднял руки и протянул их к ней. Из его рта вырвался жуткий приглушенный звук.

— Дженни... — почти шептал он. — Не бросай меня. Вернись, Дженни!

Дженни пронзительно закричала. Она повернулась к двери, еще раз ударила по ней кулаками, а затем изо всех сил, с размаха навалилась всем телом на подгнившие доски двери.

Дверь, треснув, поддалась и наконец вывалилась наружу. Дженни, не удержавшись на ногах, полетела вперед вместе с кусками разломавшейся двери и упала на руки и колени.

Теперь она была свободна!

Ей навстречу подул теплый, но неприятно дурманящий ветерок. Над головой простиралось странное, неестественно голубое небо, в центре которого висело громадное, почти белое солнце, похожее на слепящий злобный глаз. Дженни, не обращая на это никакого внимания, поднялась на ноги и зашагала вперед, подгоняемая одним-единственным желанием — уйти подальше от этого ужасного дома, как можно дальше, дальше, дальше...

Она побежала по покрытой гравием дорожке, оглядываясь назад. Дом, словно черный молох, высился позади нее, на фоне неба похожий на мрачное сверхъестественное существо, состоящее из черноты и страха. Сломанная ею дверь зияла черной дырой в его боку. Дженни почувствовала, что нечто вытекает из этой дыры, что в чреве дома что-то шевелится — что-то огромное, бестелесное и невероятно злобное, и оно почувствовало, что от него пытается скрыться его жертва, и теперь оно вознамерилось вернуть себе эту жертву...

— Дженни! — послышался голос Чарльза. — Вернись! Не смей уходить! Не бросай меня!

Дженни, вскрикнув, побежала еще быстрее. Упав, она скатилась под уклон на семь, восемь, а то и на все десять ярдов, затем снова вскочила на ноги. Ее ладони и колени кровоточили, но она этого даже не чувствовала. Впереди виднелись ржавые ворота и край леса, до них оставалось еще шагов пятьдесят, не больше, но это показалось ей просто огромным расстоянием.

В этом лесу таилось что-то странное. Когда они с Чарльзом пробирались по нему к этому дому, было уже темно, вместо леса тогда виднелись лишь черные тени. Тем не менее, Дженни была уверена, что теперь это был уже совсем другой лес. Деревья стали больше, массивнее, собственно говоря, они не были похожи на обычные деревья. А кустарники и мелкая поросль стали намного гуще, чем тогда, в сумерках. Она еще никогда в своей жизни не видела таких кустов, как сейчас.

Тем не менее, Дженни продолжала бежать вперед, подгоняемая неопишуемым страхом, вот-вот готовым перейти в панику.

Ей почти удалось добежать до ворот. Почти.

Буквально за несколько шагов до них ее настигло таившееся в доме невидимое существо. Дженни вдруг почувствовала, как на нее нахлынула, постепенно парализуя ее тело, волна могильного холода. Дженни, вскрикнув, попыталась бежать дальше, но ноги отказали ей. Что-то словно вцепилось в ее душу и заставило остановиться.

Обернувшись, она увидела стоящего позади нее Чарльза. Его искаженное лицо расплылось в жуткой улыбке.

— Дженни, — прошептал он. — Вернись ко мне. Ты не смеешь меня покидать.

Он медленно поднял руку.

Воля к сопротивлению, на какой-то миг вспыхнувшая в Дженни, тут же почему-то погасла. Девушка улыбнулась и, медленно шагнув навстречу Чарльзу, взяла его за руку и позволила отвести себя в дом.

Я находился в комнате не дольше, чем это действительно было необходимо, и когда я из нее вышел, у меня возникло ощущение, что я выбрался из могильного склепа. Лишь на лестнице я осознал, как тяжело было дышать в комнате.

Когда я вошел в библиотеку, Говард и Рольф были уже там. Болдуин в библиотеке не было, однако на столе уже стояли бесчисленные серебряные блюда и блюдца, в которых дымились тушеные овощи и вареный картофель. Если это Болдуин называл «что-нибудь перекусить», то тогда я не мог себе и представить, что подавалось к столу, когда Болдуин был по-настоящему голоден.

Я сел за стол. Рольф, расположившись с противоположной стороны стола, уже без лишних церемоний накладывал в свою тарелку овощи и картофель, в то время как Говард — а чего еще от него было ждать? — стоял перед книжными полками и дрожащими пальцами водил по корешкам книг. Никто из них не проронил ни слова по поводу того, что произошло наверху, но я чувствовал, что напряжение, с самого начала ощущавшееся в воздухе, словно неприятный запах, становилось все сильнее.

Вид еды пробудил мой аппетит. За целый день я почти ничего не ел, и в животе у меня бурчало. Рольф усмехнулся и запихнул себе в рот целую гору картофеля и овощей. Я даже позавидовал тому, с какой невозмутимостью он переступает через все условности и делает то, что его душе угодно.

Скрип двери заставил меня поднять глаза. В комнату зашли Болдуин и Кэрредайн. В руках у Болдуина была покрытая пылью бутылка вина и штопор, а Кэрредайн толкал перед собой сервировочный столик на колесах. Болдуин нахмурился, увидев, что Рольф уже уминает за обе щеки, но все же удержался от реплики, уже готовой, по всей видимости, сорваться с его языка. Я тайно злорадствовал. Быть может, мы были самыми невыносимыми гостями из всех, кто когда-либо заглядывал к нему, но и он тоже был, несомненно, самым что ни на есть чудаковатым хозяином из всех, кого я когда-либо встречал.

Кэрредайн начал переставлять с сервировочного столика на общий стол новую партию блюд и судков. Болдуин молча дождался, когда Кэрредайн закончит, затем движением руки отослал его прочь, а сам сел за стол. Говард тоже наконец-то оторвался от книг и присоединился к нам.

Мы ели молча. После всего, что произошло, еда пришлась как раз кстати. У мяса был странноватый, но, несомненно, очень приятный вкус. Начав есть, я почувствовал, что мой аппетит разыгрался не на шутку, и воздал должное еде.

Говард, поев, поблагодарил хозяина и хотел было встать из-за стола, но Болдуин

поспешным жестом остановив его, взял с сервировочного столика плоскую серебряную коробочку и открыл ее. Говард раздраженно взглянул на аккуратно уложенные в коробке сигары и, немного поколебавшись, взял одну из них. Болдуин встал, подошел к камину, выхватил из него тлеющую щепку и, вернувшись к Говарду, помог ему прикурить сигару.

— Мне еще нужно с вами кое о чем поговорить, — сказал он, бросив щепку обратно в камин и снова усевшись за стол.

Говард затянулся сигарой, кивнул в знак того, что сигара хорошая, и вопросительно посмотрел на Болдуина.

— Вы интересовались моими книгами, — невозмутимо сказал Болдуин. — Почему?

В его голосе неожиданно появились какие-то странные нотки. Я бросил на Говарда предостерегающий взгляд, но он на него не отреагировал.

— Дело в том, мистер Болдуин, что я интересуюсь старинными книгами. И...

— Старинными книгами? — настороженно перебил его Болдуин. — Или же оккультизмом и колдовством, мистер Лавкрафт?

Прошло несколько секунд, прежде чем до Говарда дошло, *что* сказал его собеседник.

— Лав... крафт? — переспросил Говард, запнувшись. — Как вы узна... я имею в виду, что...

— Не будьте смешным, — грубо оборвал его Болдуин. — Вы что, думаете, я не знаю ваше настоящее имя? Или ваше, Роберт Крэйвен?

Он в упор уставился на меня. Его взгляд был похож на взгляд змеи, рассматривающей свою жертву.

— Я, быть может, с вашей точки зрения, всего лишь ненормальный старичок, — сказал он, — но я, знаете ли, не очень-то доверяю людям. Когда живешь, как я, в одиночестве, да на отшибе, приходится заботиться о собственной безопасности.

— Но как?..

— Я обшарил ваш багаж, — как ни в чем не бывало заявил Болдуин. — Это оказался, возможно, не очень учтивый, но весьма надежный способ выяснить, как вас на самом деле зовут.

У Говарда, похоже, от души отлегло. Он, по всей видимости, поначалу заподозрил совсем другую причину такой осведомленности Болдуина.

— У нас... есть определенные основания путешествовать под вымышленными именами, — сказал Говард, криво улыбаясь. — Но это не имеет к вам никакого отношения, мистер Болдуин.

— Неужели? — спросил Болдуин. — А вдруг имеет?

Говард опустил свою сигару и с тревогой посмотрел на Болдуина. У того в глазах заметались странные искорки. Я заметил, как напрягся Рольф, да и моя рука как-то сама по себе нырнула под стол и ухватила за трость-рапиру, которую я еще до трапезы прислонил к своему стулу.

Резко повернув голову, Болдуин посмотрел на меня.

— Да оставьте вы в покое вашу дурацкую тыкалку, мистер Крэйвен, — сказал он сердито. — Неужели вы действительно думаете, что это смехотворное оружие представляет для меня какую-то угрозу?

— Что все это значит, мистер Болдуин? — резко спросил Говард. — Если вы знаете наши настоящие имена, то...

— Я также знаю, *кто* вы такие, — перебил его Болдуин, усмехаясь. — Еще как знаю.

Собственно говоря, мы уже давным-давно вас ждали, Лавкрафт. Вас и мистера Крэйвена.

— Мы?

Болдуин сделал широкий жест рукой.

— Я и этот дом, — сказал он. — Вы удивлены?

Губы Говарда превратились в тонкую бескровную полоску.

— Боюсь, что я вас не понимаю, — сказал он сдержанно.

Болдуин улыбнулся:

— Да нет уж, понимаете, мистер Лавкрафт. Вы направляетесь в Дернесс, чтобы нанять ныряльщиков, которые достанут вам некий сундук, разыскав его среди обломков судна, потерпевшего крушение у побережья.

Говард побледнел. Вот этого Болдуин при всем его желании уж никак не мог узнать, даже перепотрошив весь их багаж.

— Откуда...

— Я знаю и многое другое, мистер Лавкрафт. Я, например, знаю, почему мистер Крэйвен — кстати, я лучше буду называть его Роберт Андара — едет с вами. Вы хотите заполучить сундук, не так ли? Ничего у вас не выйдет. Содержимым того сундука интересуется кое-кто еще, и этот кое-кто, смею вас заверить, поговорит с вами.

— Да вы...

— Не надо обижаться, я вас умоляю, — быстро сказал Болдуин. — Я не хотел причинять вам никакого вреда. Передо мной стояла одна-единственная задача — задержать вас. И это мне вполне удалось.

Говард резко встал.

— Вы так считаете? — гневно сказал он. — Ну что ж, посмотрим. Рольф, Роберт, мы уезжаем.

— Позвольте поинтересоваться, куда? — небрежно спросил Болдуин. — А главное — на чем?

— Нас вытянет и одна лошадь, — буркнул Рольф. — Хотя, конечно, придется ехать медленнее.

— Лошадь? — Болдуин расплылся в широкой улыбке. — Ну-ну. А вам понравилось мясо, Рольф?

Рольф вздрогнул:

— Что?

— Что касается лошади, — пояснил Болдуин, — то как раз только что вы ее и скушали. Причем вы должны признать, что Кэрредайн приготовил ее самым лучшим образом, — он вдруг стал серьезным. — Бросьте эту затею, Лавкрафт. Теперь вы можете двигаться дальше только пешком. Даже если вы оставите здесь свой багаж, вы все равно потеряете слишком много времени. Мои... заказчики уже давно на месте кораблекрушения. Быть может, тот сундучок уже у них. Кроме того, вы все равно не сможете даже выйти из дома.

Говард сдерживался явно из последних сил. Его губы дрожали.

— Рольф, — сказал он. — Мы уходим.

— Да что вы говорите! — воскликнул Болдуин. — Ничего у вас не выйдет.

В его руке вдруг появился пистолет. Он не вытаскивал его ни из-под стола, ни из кармана: пистолет появился у него в руке буквально из ниоткуда.

— Как и обещал, — сказал Болдуин, — я постараюсь не причинять вам вреда. Но если кто-нибудь из вас меня вынудит, мне придется стрелять.

Рольф с гневным криком вскочил на ноги, но тут же снова опустился на стул, увидев, что Болдуин направил ствол пистолета прямо ему в лоб. Моя рука схватила трость-рапиру.

Болдуин ухмыльнулся:

— Не делайте этого, Крэйвен. Я пристрелю вас еще до того, как вы сможете вытащить свое оружие. Поверьте мне на слово.

В этом вопросе ему вполне можно было верить. Поэтому я даже и не пытался вытащить рапиру из ножен, а без лишних слов бросился со стула в сторону, одновременно резко подняв трость вверх и изо всех сил ударив Болдуина концом трости в плечо. Болдуин, взвывая, свалился на пол. Его пистолет с грохотом выстрелил, но пуля прошла высоко над головами сидящих за столом и попала в одну из книжных полок.

Я, перекатившись по полу, вскочил на ноги, готовый броситься на Болдуина. Но в этом уже не было необходимости. Говард молниеносно подпрыгнул к Болдуину, выбил у него из рук пистолет и, грубо вцепившись в Болдуина, поднял его на ноги. Болдуин, тяжело дыша, попытался защищаться, но гнев сделал Говарда нечеловечески сильным. Он встряхнул Болдуина, как детскую игрушку, а затем, повернув его к себе спиной, дал ему такого пинка, что тот полетел прямо в расставленные руки Рольфа. Рольф, ухмыляясь, сомкнул свои могучие лапы вокруг плеч Болдуина.

— Ты приступил к повестке дня весьма кстати, — сказал Говард, тяжело дыша. — Молодец, Роберт. Рольф, ты там попридержи его.

Рольф пробурчал что-то в ответ, небрежным движением приподнял Болдуина над полом и затем так же небрежно плюхнул его на стул. Мы с Говардом бросились к двери.

Она была заперта. Говард выругался себе под нос, в бессмысленном гневе дернул несколько раз за дверную ручку, а затем резко повернулся и подбежал к Болдуину.

— Вам это не поможет, Болдуин, — сказал он. — Отдайте ключ!

Болдуин, застонав, попытался пошевелиться под могучей хваткой Рольфа. Говард сделал Рольфу знак рукой, и широкоплечий гигант отпустил руки Болдуина.

— Ну?

— У меня нет ключа, — упрямо сказал Болдуин.

Говард уже хотел было снова наброситься на Болдуина, но я поспешно удержал его.

— Он прав, Говард, — сказал я. — Мы бы заметили, если бы он запирал дверь. Ее, должно быть, закрыл Кэрредайн.

— Тогда позовите его, — потребовал Говард.

Болдуин отрицательно покачал головой:

— И не подумаю.

В его голосе совсем не чувствовалось страха. Теперь, когда ему удалось подавить в себе первый испуг, в его взоре снова светилась надменность. И еще что-то. Что-то непонятное мне, но от чего я поневоле содрогнулся.

— Мы ведь можем вас и заставить, — тихо сказал Говард.

Болдуин нахмурил лоб.

— Неужели? — сказал он. — В самом деле можете?

Он встал. Рольф в гневе снова схватил его за руки, но Говард сдержал Рольфа.

— Я ненавижу насилие, мистер Болдуин, — сказал Говард серьезно. — Но вы не оставляете мне другого выбора.

Болдуин захихикал.

— Неужели? — сказал он. — И что же вы намереваетесь сделать? Быть может, убить

меня?

— А может, просто попытаемся открыть дверь, — произнес задумчиво Рольф. — Твоим черепом.

Болдуин обернулся, посмотрел на Рольфа со смешанным выражением отвращения и презрения и злобно рассмеялся.

— Но вы не сможете убить меня, — сказал он, снова повернувшись к Говарду. Его лицо вдруг начало меняться. — Даже если захотите. — Его кожа стала сморщиваться, сереть и трескаться, словно это была уже не кожа, а сухой пергамент, обтягивающий череп. — Я, знаете ли, и так уже мертв.

Его внешность стала меняться все быстрее и быстрее. Болдуин зашатался. Ноги, казалось, уже не могли удерживать вес его тела. Он наклонился к столу, безуспешно попытался ухватиться за него и — рухнул на пол. Он стал похож на старый пустой мешок: одежда просто лежала грудой, как будто внутри ее не было тела. Вся эта ужасная трансформация длилась буквально считанные секунды. И вскоре на том месте, где свалился Болдуин, осталась только кучка старой одежды и серой сухой пыли.

Комната находилась глубоко под землей. В ней не было окон, а дверь была сделана из тяжелых толстых досок, к тому же обита железом. Доски так тесно прилегали одна к другой, что не осталось ни малейшей щели, поэтому дверь абсолютно не пропускала ни света, ни звука. Дженни лишь смутно помнила о том, как она сюда попала: Чарльз привел ее обратно в дом, затем в тот же подвал, в котором она очнулась тогда, в первый раз. Оттуда они попали в запутанный лабиринт переходов, подземных галерей и каких-то странных помещений. Все это находилось под домом. Спускаясь все глубже и глубже, они преодолели десяток лестниц и бесчисленное количество истершихся ступеней, затем они снова шли по подземным галереям и туннелям, пробирались по каким-то проходам, напоминавшим увеличенные до гигантских размеров кротовые норы, стены которых представляли собой утрамбованную землю. Они попадали в невообразимые, пробитые напрямик через подземные гранитные глыбы туннели, спланированные на основе непостижимых для человеческого разума расчетов. И вот наконец они пришли сюда.

Чарльз ушел, а вместе с ним исчезли связывающие ее волю духовные путы. Вернее, не исчезли, а лишь ненадолго оставили ее в покое: она чувствовала, что невидимая сила таилась где-то рядом, готовая снова наброситься на нее, стоит ей только еще раз попытаться сбежать отсюда.

Дженни чувствовала страх. Это было совсем не то ощущение, которое Дженни раньше понимала под словом страх, нет, это было абсолютно новое для нее неопишное чувство — чувство ужаса, заполнившего каждую частичку ее рассудка и полностью парализовавшего ее волю. Даже если бы дверь не была закрыта, затаившаяся сила психологически не позволила бы ей сдвинуться с места.

Она была в этой сводчатой комнате одна, и в то же время не совсем одна. Здесь не было абсолютно никакого освещения, но она при этом каким-то удивительным образом могла видеть окружающие предметы, и хотя было абсолютно тихо, она слышала жуткие шелестящие и хрипящие звуки.

Она решила, что эти звуки похожи на чье-то тяжелое, очень мучительное дыхание. Здесь не было никого, кто мог бы дышать, но похожие на дыхание звуки были слышны достаточно отчетливо, и с каждой секундой они становились все громче, ощутимее,

ужаснее... Эти звуки доносились не из какого-то конкретного места, нет, они, казалось, исходили из стен, из потолка, из пола, из трещин в кирпичной кладке, словно дышал сам дом...

Дженни попыталась отогнать изводившие ее мысли, но у нее ничего не получилось: они, однажды появившись, словно переносчики какой-то заразной болезни проникали в ее сознание и отравляли его. Ей показалось, что пол под ее ногами слегка завибрировал, стены зашевелились — едва-едва заметно, но, тем не менее, ощутимо, вся комната словно запульсировала, как большое, с трудом бьющееся сердце.

Дженни почувствовала, что сходит с ума. Она застонала, как перепуганный ребенок, забилась в угол и закрыла лицо руками, так сильно зажмутив глаза, что им стало больно. Но это не помогло. Звуки чьего-то дыхания становились все громче, кроме того, ей показалось, что она слышит еще и глухое равномерное постукивание. При этом в комнате становилось все теплее и теплее.

Вдруг раздался пронзительный скрежет. Дрожа от страха, Дженни отняла руки от лица, собрала остатки мужества и заставила себя посмотреть туда, откуда раздался скрежет.

Скрежет раздавался от двери.

Массивная, в руку толщиной дубовая древесина начала изгибаться, словно под огромным давлением. Дверь трещала и скрипела, от нее отскакивали длиннющие щепки, а затем и одна из железных деталей крепления с силой отлетела и шлепнулась на пол. Полотно двери раскололось, огромная, в ладонь шириной трещина пробежала сверху донизу, и в ней появилось...

Крик Дженни перерос в безумный вопль...

— Ничего не выйдет, — буркнул Рольф. — Можете мне поверить.

Говард, тяжело вздохнув, выпрямился, угрюмо посмотрел на сломанный нож в своей руке — это был уже третий нож, который он сломал, пытаясь открыть замок, — и отошел от двери, пожав плечами.

— Отойди-ка в сторону, Роберт.

Я повиновался. Рольф что-то пробурчал, отошел на три-четыре шага назад и напряженно посмотрел на дверь. Затем он с разбега ударил дверь плечом, вложив в удар всю мощь своего огромного тела. Дверь задрожала, как будто в нее попал пушечный снаряд. От дверной коробки во все стороны разлетелась мелкая известковая пыль, а одна из бронзовых деталей двери отскочила и шлепнулась на пол.

Но дверь осталась на своем месте.

Рольф при этом отскочил назад и лишь с трудом удержал равновесие, отчаянно размахивая руками. Он, сморщившись, потер ушибленное плечо, и в его глазах появилось недоуменное выражение.

— Не поддается, — пробормотал он. — Я никогда еще такой чертовой двери...

Он рявкнул, отошел назад и приготовился было еще раз попытаться выбить дверь, но Говард резким движением удержал его.

— Оставь ее, Рольф, — сказал он. — Ничего не выйдет. Дверь заколдована.

Он вздохнул. У него было какое-то непонятное выражение лица.

— Ну и глупец же я, Роберт, — пробормотал он. — Этот дом — просто огромная западня. Мне следовало об этом догадаться с самого начала.

Я ничего не ответил и лишь посмотрел на кучу истлевшей одежды и серой пыли — все,

что осталось от Болдуина. По спине у меня побежали ледяные мурашки. «Но я уже мертв», — сказал он тогда. Я никак не мог избавиться от ужаса, охватившего меня в тот момент.

— Ты бы этого не смог сделать, — пробормотал я, не столько потому, что я так действительно думал, сколько для того, чтобы что-нибудь сказать и тем самым нарушить зловещую тишину, воцарившуюся в помещении.

Говард мрачно засмеялся.

— Смог бы, — ответил он. — Я должен был догадаться об этом. По крайней мере в тот момент, когда...

Он больше ничего ни сказал, а лишь в бессильном гневе сжал кулаки и, неожиданно и резко повернувшись, подошел к одному из окон. Мы, впрочем, понимали, что это было бесполезно: когда мы обнаружили, что дверь не открывается, первое, что мы попытались сделать, — это открыть какое-нибудь окно. Но створки оказалось невозможно открыть, словно они были приварены, да и выбить окно тоже не получилось. Говард покрутил оконную ручку, сокрушенно вздохнул и снова подошел к столу.

— Я попробую еще раз, — пробурчал Рольф. — Ведь просто смешно, что я...

— Это бессмысленно, — перебил его Говард. — Эту дверь не сможет выбить и слон. Но мы выберемся отсюда, — последние слова были сказаны скорее с сомнением, чем с уверенностью. — Что-то должно произойти. Я очень сомневаюсь, что они удовлетворятся тем, что заперли нас здесь, и будут ждать, пока мы не умрем от старости.

— Или от жажды, — добавил я. — Это произойдет быстрее.

Говард посмотрел на меня так, как будто такая возможность до сего момента ему и в голову не приходила. На какой-то миг его лицо исказилось от испуга, но затем он снова взял себя в руки.

— Глупости, — сказал он. — Что-то должно произойти. Я это чувствую. Этот дом... весьма необычный дом.

Вот против этого я возражать уже не стал. Еще когда я только вошел в этот дом, я сразу почувствовал, что с этим зданием что-то не так. Это был не просто дом из камня и дерева — нет, это было нечто иное.

Рольф, молча слушавший наш разговор, повернулся и, вполголоса выругавшись и подойдя своей шаркающей походкой к камину, наклонился над огнем так низко, насколько позволяли потрескивающие языки пламени.

— Что там такое? — спросил я с любопытством.

Рольф наклонился еще чуть ниже, отпихнул ногой горящее полено в сторону и немного отвернулся от огня. Я увидел, что его лицо стало черным от копоти. В брюки впились маленькие сверкающие искры.

— Нет, тоже не получится, — пробормотал он. — Слишком узко, не пролезем. Кроме того, там, наверно, вроде бы есть решетка или что-то подобное.

Я некоторое время разочарованно смотрел на него, а затем повернулся к Говарду.

— А как насчет книг? — спросил я.

Говард нахмурил лоб:

— Книг?

— Ты говорил, что это... магические книги.

Говард кивнул.

— Да, конечно, но... — он, не договорив, вздохнул. Прошло несколько секунд, прежде

чем он повернулся и направился к одной из полок.

Но он так и не дошел до нее.

Я до сих пор не понял, что это было, и *как* это вообще произошло. Вдруг возникла какая-то галлюцинация, но галлюцинация такой интенсивности, с какой я в своей жизни еще никогда не сталкивался. Я и глазом не успел моргнуть, как вдруг очутился совсем не в библиотеке. Помещение вокруг меня оказалось намного большим, чем библиотека. Оно походило на серую, пропитанную сыростью и холодом пещеру, погруженную в полумрак, сквозь который пробивались лишь отдельные узкие лучи тусклого, я бы сказал, какого-то болезнетворного света. Я был уже вовсе и не я. Мое тело стало телом другого человека — какого-то незнакомца, точнее сказать, незнакомки. Это было тело молодой женщины или девушки, забившейся в угол этого помещения. Ее — вернее, мой — взгляд был прикован к противоположной стене, посреди которой виднелась разломанная дверь. Сквозь эту дверь вползало, колыхаясь и дрожа, бесформенное ужасное *существо*...

Вдруг галлюцинация исчезла, причем так же быстро, как и появилась. У меня было такое ощущение, что по моему телу — или же только по моей душе — шандарахнули невидимым волшебным кулаком, да так, что все во мне содрогнулось. Я зашатался и, пытаясь схватиться за что-нибудь руками, упал на колени. Словно сквозь серую колеблющуюся завесу я слышал произнесенные Говардом слова.

— Роберт! — в голосе Говарда чувствовались одновременно и озабоченность, и страх. — О господи, парень, что с тобой?

В моей голове все перемешалось. Я застонал, оттолкнул его руку в сторону и попытался встать, но почувствовал себя таким слабым, что Рольфу пришлось мне помогать.

— Что... произошло? — изумленно спросил я.

Помещение библиотеки ходило ходуном вокруг меня, да и лицо Говарда маячило где-то вдалеке. Я чуть было опять не рухнул на пол.

— А что, по-твоему, произошло?

— Я...

Я безуспешно пытался что-нибудь вспомнить. То, что я только что видел, казалось мне абсолютно бессмысленным, хотя все это было удивительно реальным.

— Я не знаю, — пробормотал я. — У меня была... какая-то галлюцинация.

— Галлюцинация? — Говард нахмурился и впился в меня взглядом. — Ты кричал, Роберт.

— Кричал?

Он кивнул. Его лицо было очень серьезным:

— Да. Ты... выкрикнул какое-то имя. Ты ничего не помнишь?

Я попытался вспомнить, но все, что осталось в моей памяти, — это тот подвал и девушка, которой был я *сам*... И то ужасное *существо*...

Я застонал: как только я попытался вспомнить то, что видел, более детально, видения в моей памяти затуманились. Перед моим мысленным взором маячило лишь смутное изображение чего-то черного — колышущейся, блестящей, какой-то *живой* черноты, состоящей из слизистой плоти и сверкающего рога, похожего на клюв попугая. Но и это видение вдруг стало расплываться, как только я попытался припомнить его получше, словно что-то хотело помешать мне воскресить в своей памяти это чудовище. Тем не менее, даже то небольшое, что я все-таки сумел вспомнить, было само по себе ужасным.

— Чарльз, — сказал Говард. — Ты несколько раз отчетливо выкрикнул «Чарльз». Ты

этого не помнишь?

— Я ничего не помню, — пробормотал я. — Только лишь...

По комнате прошло какое-то быстрое волнообразное движение. Быть может, это было не движение в физическом смысле этого слова. Оно было похоже на мимолетное, очень быстрое вздрагивание, колыхание, и мне при этом показалось, что стены и потолок выгнулись, а линии очертаний комнаты искривились каким-то жутким, непостижимым для человеческого разума образом... На мгновение дом как будто охватило дыхание другого, чуждого нам мира — мира, проникающего в наше сознание только в виде теней и расплывчатых призраков. При этом у меня возникло ощущение, что дом, в котором мы находимся, — *живое существо*.

Затем все это исчезло.

Говард, ахнув, отпрянул назад.

— Что это было? — спросил он. — Это...

Пол вдруг снова колыхнулся, и опять это движение невозможно было *реально* ни увидеть, ни почувствовать так, как это обычно происходит при помощи органов чувств, словно оно совершалось в непостижимом для человека измерении — в каком-то особом измерении бытия.

Говард побледнел. Его рот приоткрылся, но он не произнес ни слова, а лишь уставился вытаращенными от изумления глазами мимо меня на стол.

Я медленно обернулся, чувствуя, что меня охватывает необъяснимый, но все возрастающий страх. Я даже не задумался над тем, что ж я мог там увидеть: быть может, чудовище, которое мне мерещилось, или же Болдуина, чудесным образом воскресшего из мертвых... Но ничего такого ужасного, что могло прийти мне в голову, позади меня не оказалось. На первый взгляд все оставалось обычным. И лишь затем с моих губ сорвался вопль ужаса.

Все столовые приборы находились на тех же местах, где мы их оставили, когда наш ужин был неожиданно прерван. Но они начали странно меняться!

Остатки еды на тарелках сгнивали на глазах. На них образовывалась беловатая плесень, тут же увеличивавшаяся и превращавшаяся в водянистую и разбухшую, похожую на раков массу, причем так быстро, что казалось, что эта масса — живая. На серебряной поверхности блюд и ваз появлялись пятна, фарфор тускнел и трескался. Скатерть превратилась в серую пыль. Казалось, что время вдруг стало течь в сто тысяч раз быстрее, чем обычно...

Однако подобные изменения происходили не только с тем, что находилось на столе. Они, как разбегающиеся от упавшего в воду камня круги, стали распространяться по всей комнате. Ковер под нашими ногами превратился в труху. Книжные полки начали трескаться, книги — разваливаться, превращаясь в пыль и маленькие клочки чего-то непонятного. Громко щелкнув, оборвалась цепь, на которой висела люстра. Говард успел отдернуть меня в сторону лишь за секунду до того, как стокилограммовая громадина из стекла и полированного хрусталя рухнула на стол и разнесла его в щепки.

— О господи, Говард, что это? — ахнул я.

— Не знаю, — ответил Говард. — Да это меня и не интересует. Мы должны отсюда как-то выбраться, причем быстро!

Последние слова он уже прокричал. Одна из книжных полок, расположенных у дальней стены, с треском и грохотом развалилась: ее древесина прогнулась и треснула под собственным весом и по всей длине, как при цепной реакции, по ней побежали трещины.

Это было похоже на то, как падают одна за другой выстроенные в ряд костяшки домино, стоит только толкнуть первую из них. Трещины распространились на соседние полки, которые тоже начали изгибаться и разваливаться, издавая при этом стоны, словно от боли. Поднялось облако пыли, и все пропало из виду. Я закашлялся, в страхе втянул голову в плечи и, почти ничего не видя, вслед за Говардом и Рольфом стал тыкаться то влево, то вправо. Библиотеку с каждой секундой заполнял все больший хаос, мелькали в судорожном движении щепки разлетевшейся древесины, осколки камней и пыль.

Эти ужасные изменения коснулись и двери. Ее древесина потускнела и потрескалась, а там, где когда-то был замок, теперь осталась лишь бесформенная масса, покрытая красновато-коричневой ржавчиной. Рольф решительно подскочил к двери, с силой ударил в нее плечом и — едва не повалился на колени: под его ударом трехметровое полотно двери соскочило с петель и грохнулось наружу.

Мы бросились к выходу. Дом тем временем продолжал меняться, старея на целые столетия буквально на глазах. Но я уже не смотрел по сторонам, ослепленный страхом и все возрастающей паникой. С потолка начали падать куски штукатурки и камни, ударяясь о пол, словно смертоносные снаряды. Что-то чиркнуло по моему плечу, заставив вскрикнуть. Когда мы добежали до двери, лестница на второй этаж с оглушительным грохотом и треском рухнула вниз.

Говард что-то выкрикнул, но я не разобрал его слов. Я остановился и закашлялся. Мое плечо ужасно болело. И тут Рольф толкнул меня, причем так, что я вылетел из дома и оказался на ступеньках крыльца.

И в тот же момент все прекратилось.

Дом в последний раз очень сильно затрясся. Казалось, что-то огромное и бестелесное зашевелилось позади нас. Это было похоже на то, как человек, у которого буквально из-под носа улизнула жертва, сжимает в гневе кулаки. Затем дом замер.

Говард, Рольф и я отбежали на несколько метров от дома и остановились в изнеможении, тяжело дыша. Со смешанным чувством страха и облегчения мы оглянулись назад. Дом был неподвижен. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к мысли, что весь этот ужас действительно закончился.

— О господи, — прошептал Говард. — Как раз вовремя. На десять секунд позднее и...

Он не договорил, но я догадался, что он имел в виду. Дом все еще стоял, но всем было понятно, что если бы эти странные метаморфозы продолжались с такой же интенсивностью, то уже буквально через несколько секунд все это здание, словно карточный домик, рухнуло бы, похоронив нас под своими обломками. Крыша просела, южная стена сильно искривилась. Даже перемычка над дверью — весом в тонну — сдвинулась со своего места и нависала над входом.

— Свет, — пробормотал Говард. — Что со светом?

Я инстинктивно посмотрел вверх. Усеянное звездами ночное небо куда-то исчезло, а над нашими головами простиралось бесконечное серое пространство без луны и без звезд, но при этом было довольно светло, словно уже забрезжил рассвет. Однако до рассвета было еще далеко.

Я вздрогнул. Этот странный свет вселял в меня страх, вызывая почти что физическую немощ. Небо было странного серого цвета — цвета расплавленного свинца. Небо словно заболело.

— Пойдемте, — сказал Рольф. — Мне лично все равно, что там со светом. Я хочу

отсюда уйти.

Мы с Говардом не возражали. Рольф, в сущности, озвучил то, что все мы чувствовали, — острое желание побыстрее и как можно дальше убраться от этого места.

Но, похоже, каждый из нас осознал, что сделать это нам так просто не удастся.

Говард с явным усилием оторвал свой взор от дома, повернулся и молча указал на бесформенные очертания каких-то обломков — это было все, что осталось от нашей кареты.

Не говоря больше ни слова, мы тронулись в путь. Когда мы шли по дорожке к воротам, под нашими ногами скрипел гравий, и я вдруг осознал, что это был, пожалуй, единственный слышимый звук. Вокруг стояла тишина, необычайная тишина. Не слышались ни птичье щебетанье, ни шум ветра в кронах деревьев. Лес перед нами был неподвижным и беззвучным, словно массивная зеленая стена, а воздух казался густым, как сироп.

Чем ближе мы подходили к лесу, тем мне труднее становилось дышать. Мои шаги замедлились. У меня возникло ощущение, будто я пробираюсь сквозь невидимую вату, которая сдерживала мое движение, причем тем сильнее, чем ближе мы подходили к лесу.

Этот лес был каким-то странным. Поначалу я никак не мог понять, что же в нем было не так, но потом до меня вдруг дошло. Издалека деревья казались вполне обычными, но, по мере того, как мы удалялись от дома, вид приближающегося леса все больше настораживал меня. В конце концов я остановился.

— Что такое? — спросил Говард.

Его голос дрожал, словно от изнеможения.

Я быстрым жестом указал на лес. Это движение потребовало больших усилий, и я окончательно понял, что все мои ощущения — явно не плод моего воображения. Мне и на самом деле было трудно дышать, и дыхание Говарда и Рольфа на самом деле становилось все более громким и напряженным, да и сопротивление нашему движению со стороны окружающей среды было вполне реальным. Меня словно что-то хватало за руки и ноги.

— Лес, — пробормотал я. — Посмо... посмотри на деревья.

Говард нахмурился, несколько секунд изучал меня удивленным взглядом, а затем все-таки посмотрел на деревья.

На его лице появилось выражение безграничного изумления.

— Но ведь это... — он сглотнул и, сделав еще один шаг, остановился, словно натолкнувшись на невидимую стеклянную стену.

— Что случилось? — пробормотал Рольф.

Его дыхание было тяжелым, будто он перед этим очень долго бежал. Повернувшись к нему, я увидел, что он стоял, очень сильно ссутулившись, словно на его плечах лежала невидимая тяжелая ноша. Его лицо блестело от пота.

— Но ведь это невозможно, — договорил Говард незаконченную фразу.

Я нахмурился, беспомощно покачал головой и снова посмотрел на деревья, которые каким-то странным образом изменились.

Собственно говоря, это были уже не деревья. Их стволы покрылись чешуйками и стали намного толще. Цвет стволов тоже изменился, а вместо обычных веток у них появилось что-то сильно напоминавшее листья папоротника. Там, где раньше был кустарник и мелкая поросль, теперь виднелись желто-зеленые грибы причудливой формы. Кроме того, кое-где появились растения, похожие на бледные, невероятных размеров орхидеи.

— Что... что это? — прошептал я. — Это не лес. По крайней мере, это не такой лес, какой...

Я запнулся, сам испугавшись того, что собирался сказать.

— Ты хотел сказать, что это не такой лес, какой произрастает на нашей планете? — спросил Говард, не отводя взгляд от гигантских, похожих на папоротники, растений. Неожиданно он засмеялся, но его смех можно было назвать скорее горьким, чем веселым, при этом его голос почему-то больше не дрожал от изнеможения, как раньше. — Ты прав, Роберт. А может, и нет. Впрочем, понимай как знаешь!

Больше он ничего не сказал, но в этом и не было необходимости.

В глубине души я уже догадывался, что все это значит, но что-то меня удерживало от того, чтобы высказать свою догадку вслух.

Конечно же, таких лесов, как этот, не существовало. Точнее говоря, сейчас не существовало. Однако когда-то давным-давно такие вот леса были распространены не только на территории Англии, но и по всему миру.

Я точно не знал, *насколько давно* существовали подобные леса, но это не имело никакого значения.

Во всяком случае, для нас.

Но такие леса *действительно* когда-то росли на нашей планете. Сто или двести миллионов лет назад.

Она вскрикнула. Ужас парализовал ее тело, но даже если бы она и могла двигаться, ей все равно некуда было бежать. Вместе с этим существом в подвал проник свет. Это был тусклый мерцающий свет, в котором все предметы казались нереальными, а все движения — резкими и отрывистыми. Ее взгляд был прикован к черно-зеленому колышущемуся существу, которое возникло, словно видение из какого-то кошмара, и заслонило собой дверной проем. Это существо состояло из омерзительной слизи и хищных иголок, а взгляд его единственного, лишенного век красноватого глаза наводил ужас. Морды чудовища практически не было видно, однако Дженни почувствовала, что монстр с явной алчностью рассматривает ее.

Вдруг чудовище сильным движением рванулось к ней, но тут же замерло, когда Дженни, вскрикнув, вскочила на ноги и, защищаясь, выставила вперед руки.

— Убирайся! — закричала она. — Убирайся!

Она не знала, поняло ли чудовище ее слова или же на него подействовал звук ее голоса. Но оно больше не приближалось. Его взгляд потускнел. Затем три или четыре из его бесчисленных трепещущих щупальцев протянулись вперед, к ней, но за несколько сантиметров до ее тела замерли на месте.

— Нет! — крикнула Дженни. — Убирайся! Убирайся!

Она попятилась назад, прочь от этого ужасного видения, но вскоре уперлась спиной во влажную и холодную стену и снова закричала.

От ее криков чудовище, похоже, занервничало. Его блестящие щупальца задергались сильнее, а в кроваво-красном — с кулак величиной — глазу появилось выражение гнева. Но оно больше не приближалось.

— Не смей защищаться, Дженни.

Еще более пронзительно вскрикнув, Дженни обернулась и увидела, что возле нее появилась какая-то неясная фигура. Это был Чарльз, но она его еле узнала. Его тело разложилось еще больше.

Голос Дженни сорвался, превратившись в нечеловеческий визг. Она чуть было не

потеряла сознание, но где-то в глубине ее существа еще оставалось немного сил и воли к жизни, заставившей ее продолжать сопротивляться, несмотря на то, что ужас довел ее почти до бессознательного состояния.

Чарльз приблизился к ней, медленно поднял руки, чтобы схватить ее, но тут же замер, увидев, что Дженни, сдавленно вскрикнув, отшатнулась назад. Поскользнувшись на влажном полу, она потеряла равновесие и упала.

— Не надо защищаться, — пробормотал Чарльз. — Защищаться бессмысленно, любимая. Ему нужна твоя жизненная сила, и ты должна отдать ему ее добровольно. Добровольно и с радостью, — его голос вдруг стал резким и совсем непохожим на голос Чарльза. — Ты все равно умрешь, но от тебя самой зависит, найдешь ли ты успокоение или же превратишься в такого, как я. Взгляни на меня! Ты что, хочешь, чтобы с тобой произошло то же самое?

Дженни в отчаянии отползла от него. Чарльз, шатаясь, последовал за ней, не отставая ни на шаг. Он снова протянул к ней руки. На его ладони появился черный блестящий паук. Балансируя на шести ножках, двумя передними паук попытался дотянуться до лица Дженни.

Когда эти волосатые ножки коснулись щеки Дженни, она снова чуть было не потеряла сознание. Прикосновение ножек было очень легким, почти неощутимым, словно ее кто-то очень нежно погладил, и в то же время у нее возникло ощущение, будто ее коснулся жгучий язычок пламени.

Она закричала. Ее пальцы начали слепо шарить по полу, наткнулись на что-то твердое и большое и вцепились в него. Дженни действовала, почти не думая. Быстрым и — от отчаяния — сильным движением она замахнулась и изо всех сил швырнула камень в Чарльза.

Чарльз попытался уклониться, но не успел. Камень с силой ударил его по лбу.

Чарльз зашатался, беспорядочно размахивая руками. Из его одежды стали выпадать пауки, и на мгновение Дженни увидела на его лице выражение страха. Страх и глубокого отчаяния.

Но затем эта искорка свободного сознания снова погасла. Его разум опять подчинился чужой воле, однако Чарльз больше не пытался приблизиться к Дженни.

— Почему ты защищаешься? — тихо спросил он. — Этим ты только заставишь себя испытывать боль и страх, — его рука указала на могучее чудовище, все еще неподвижно стоявшее в стороне и наблюдавшее за происходившим своим единственным кроваво-красным глазом. — Он нуждается в тебе.

Крики Дженни превратились в отрывистые приглушенные всхлипывания. Она плакала, судорожно вздрагивая, затем опустилась на пол и стала отползать от Чарльза и чудовища, пока снова не уперлась в стену.

— Ему нужна твоя жизненная сила, — продолжал Чарльз. — Но ты должна отдать ему ее добровольно. Произнеси священные слова!

Дженни снова захныкала. Ей захотелось умереть или хотя бы потерять сознание, лишь бы только вырваться из этого ужасного кошмара, но она не могла сделать ни то, ни другое.

— Повторяй за мной! — рявкнул Чарльз.

Его голос вдруг стал повелительным и необычайно громким. Он звучал как приказ, с такой силой давивший на психику Дженни, что она снова вскрикнула.

— Повторяй! — продолжал Чарльз. — Повторяй за мной: *схци-ишло! Хгнат гхобмморрог лух-хуутх!*

Дженни не знала, что это были за слова и были ли вообще эти звуки словами на каком-нибудь человеческом или даже на нечеловеческом языке. Но она почувствовала, что эти звуки как-то странно на нее воздействуют, просачиваются, словно медленно действующий яд, в ее волю и пропитывают ее сознание...

И снова она ощутила в душе что-то, заставляющее ее сопротивляться. Она не знала, откуда у нее бралась эта сила, было ли это вообще силой или чем-то другим. Однако, так или иначе, ей все же удавалось ускользать от воздействия этих слов, нейтрализовать их жуткое, пагубное влияние...

Чарльз замолк. И через секунду-другую Дженни почувствовала, что давление на ее сознание исчезло.

— Хорошо, — сказал Чарльз. — Как хочешь. Можно поступить и по-другому.

Несколько секунд ничего не происходило, а затем из его одежды начали медленно выползать пауки. Сначала один, за ним второй, третий... Все больше и больше черных волосатых тварей ползло в сторону Дженни, хотя ни один из них не то что не коснулся ее, но даже и не подполз слишком близко. Пауки образовали вокруг нее широкий полукруг, некоторые из них вскарабкались на стену за ее спиной, и даже на потолок, цепляясь за него своими ножками, снабженными маленькими крючочками.

Затем из туловища одного из пауков появилась блестящая нить паутины. Как по команде, другие пауки тоже начали ткать паутину. Теперь их было уже несметное количество...

Где-то далеко-далеко, на самой границе видимости, маячило огромное количество темных точек. Они, казалось, зависли над зеленым, освещенным тусклым светом лесом, и лишь иногда совершали странные резкие движения. В обычной обстановке я подумал бы, что это — птицы, но сейчас я больше ни в чем не был уверен. После того, как мы покинули дом, все вокруг стало не таким, как обычно. И, по правде говоря, мне не очень-то хотелось выяснять, что это там за «птицы».

Я резко оторвал взгляд от роя этих черных точек и снова повернулся к Говарду. Он сделал шаг вперед и опять остановился. Его дыхание было быстрым и явно затрудненным. Он сильно побледнел — не просто побледнел, а стал буквально белым. Его глаза были неестественно широко раскрыты, а губы непрерывно шевелились, хотя он при этом не произносил ни звука. На лбу у него выступил пот.

— Что это все означает? — беспомощно спросил я. — Этот лес и...

— Не знаю, — пробормотал Говард. — Я... — он запнулся, его руки задрожали. Казалось, еще немного — и он потеряет самообладание. — Этот лес — это...

Он больше ничего не сказал, а лишь напряженно смотрел то на меня, то на лес.

Теперь, когда мы подошли поближе к лесу, я различил более мелкие детали: покрытая гравием дорожка вилась дальше по склону, проходила через ворота и затем, как отрезанная, обрывалась перед колышущейся зелено-желто-коричневой массой. В кронах деревьев, больше похожих на папоротники, шевелились маленькие темные точки, а чуть дальше поблескивало нечто, похожее на огромную паутину. Нам в ноздри ударил странный, умопомрачительный запах. Присмотревшись, можно было заметить легкое мерцание и какое-то движение над шляпками гигантских грибов. «Споры», — подумал я, содрогнувшись. К ним ни в коем случае не следовало приближаться.

Впереди что-то зашуршало. На миг мне показалось, что я заметил среди стволов что-то

большое и темное, хотя я не был в этом уверен. Оно быстро куда-то исчезло.

— Пойдемте... дальше, — пробормотал, запинаясь, Говард. Он бросил взгляд назад, на дом, казавшийся теперь черной бесформенной тенью. Мне почудилось, что очертания дома колеблются...

Говард пошел дальше по дорожке, преодолевая, так же как я и Рольф, сопротивление чего-то невидимого. Он медленно приблизился к воротам.

— Нет!

Говард резко остановился. Секунду-другую он неуверенно разглядывал подернутые ржавчиной железные прутья высоких кованых ворот, а затем повернулся ко мне.

— Что ты сказал? — удивленно спросил он.

— Нет, — повторил я.

Мой голос был тихим и даже мне самому казался каким-то чужим.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Говард. Его голос звучал удивленно и немного растерянно.

— Не проходи... в ворота, — пробормотал я, сам удивляясь тому, что говорил.

Что со мной случилось? Ведь это были не мои слова! Да, именно я произнес их, совершенно не зная при этом, почему я это сделал. Казалось, что посредством меня говорил кто-то другой.

Говард отвернулся от меня, но в ворота все-таки не пошел. Его взгляд скользнул по остаткам развалившейся стены, некогда окружавшей парк, по обоим наполовину искрошившимся и сильно покосившимся столбам, стоявшим слева и справа от ворот, и по покрытым ржавчиной решеткам.

— Это... опасно, — сказал я, запинаясь. — За этими воротами нас поджидает... смерть.

В какой-нибудь другой ситуации мои слова показались бы смешными. Но сейчас я увидел, что Говард вздрогнул, словно его ударили. Он снова оглянулся и посмотрел на меня. Мне показалось, что в его глазах появился странный блеск.

Я застонал. Говард, лес и ворота начали расплываться перед моими глазами. У меня закружилась голова, и земля под моими ногами, казалось, зашаталась.

— Не... ворота, — услышал я свой собственный голос. — Не иди... через...

Говард не послушался. Медленно, но решительно он пошел вперед, остановился лишь за полшага до ворот и медленно поднял руку, чтобы толкнуть проржавевшую решетку ворот.

Пронзительно вскрикнув, я бросился вслед за ним, схватил его за плечи и изо всех сил дернул назад — так, что он отлетел прямо в подставленные руки Рольфа. Однако я сам потерял равновесие, зашатался и, все еще пытаюсь удержаться на ногах, медленно стал падать на ворота.

Лишь только я коснулся железных прутьев, по моим жилам словно пробежал огонь. Ржавое железо казалось раскаленным. Разорвавшись где-то внутри меня, мое тело пронзила молния, вызвав невыносимую боль и заставив меня вскрикнуть. Я зашатался, упал на колени и тут же почувствовал неприятный запах горелого мяса и истлевшей одежды. Боль во мне стала невыносимой, причем это была не просто телесная боль, а что-то еще неопишемое и невыразимое, так же безжалостно обжегшее мою душу, как жар — мое тело. Я закричал, упал на землю и забился в агонии на глазах у подскочивших ко мне Рольфа и Говарда.

А затем возникла галлюцинация.

Она была совсем не такой, как в первый раз: не было никаких мгновенных трансформаций, наоборот, все происходило довольно медленно. Я почувствовал, что моя

душа словно сплавляется в единое целое с другой душой. Картина перед моими глазами была все та же: я видел парк, лес, обеспокоенные лица Рольфа и Говарда, но я был уже больше не я, во всяком случае, не только я. Словно сквозь пелену гасящего все звуки тумана я слышал, как мой собственный голос выкрикивал чьи-то чужие слова, затем произнес чье-то имя, затем — бессмысленные, странные звуки из какого-то языка, не похожего на человеческий. Перед моим внутренним взором замелькали какие-то видения — причудливые, умопомрачительные видения из иного, абсолютно чуждого мне мира. От этого можно было сойти с ума.

Рольф попытался прижать мои руки и ноги к земле, но я оттолкнул его и некоторое время перекатывался по земле с боку на бок, затем, пошатываясь, встал на ноги. Нечеловеческий, пронзительный крик как-то сам по себе вырвался из моего горла. Я почувствовал, что во мне что-то пробуждается, что-то неумолимое и могущественное, и я понял: это было во мне всегда, но я раньше просто не знал об этом.

— Роберт! — вскрикнул Говард. — Что с тобой?

Земля задрожала. Из леса донесся глубокий, похожий на стон звук, как будто сами деревья испытывали боль. Свет вокруг нас стал переливаться.

— Что это? — ахнул Говард.

Его взгляд был направлен мимо меня на лес, на его лице появилось выражение неизмеримого ужаса.

Я медленно обернулся. Даже это небольшое движение потребовало от меня максимального напряжения сил. Я уже не распоряжался собой, и тело подчинялось моей воле лишь настолько, насколько это позволяло ужасное нечто, находившееся внутри меня...

Лес начал изменяться каким-то странным образом. Деревья задрожали, стали расплываться перед моими глазами, словно я теперь смотрел на них сквозь завесу быстротекущей прозрачной воды, затем согнулись и искривились, меняя при этом цвет и форму. Между стволами деревьев заколыхались какие-то тени, неустанно мелькая и скользя, — то вздымаясь вверх, то падая вниз, то снова вздымаясь. Замельтешили различные цветовые пятна: то светлые, то темные, снова светлые, снова темные... день сменил ночь, затем снова наступила ночь... снова день... снова ночь... все быстрее и быстрее.

И вдруг я понял: происходило то же самое, что и в доме, в библиотеке, только в тысячу раз интенсивнее.

Буквально на наших глазах время начало течь быстрее, в миллионы раз быстрее, чем обычно. Лес менялся: за несколько минут он превратился в немыслимые джунгли из колоссальных папоротниковидных и грибовидных растений, затем выродился, затем снова вырос, и снова исчез... все вокруг нас медленно пульсировало, словно дышало...

Это было дыхание времени...

— Назад! — выкрикнул я. — Говард! Рольф! Мы... мы должны вернуться в дом!

Говард посмотрел на меня.

— В дом? — переспросил он. — Но...

Я бросился к нему и так толкнул его, что он чуть не упал, а затем я схватил его за руку и, не говоря больше ни слова, потащил за собой.

Земля под нашими ногами начала трепетать, как живое существо. Мы бежали обратно к дому по той же дорожке, по которой незадолго до этого пытались уйти от этого дома как можно дальше. Лес снова вырос до немыслимых размеров, и снова исчез, и снова вырос... Я заметил, что скаждым разом лес становился не таким большим, как раньше, и не таким

пестрым. При этом менялся и цвет неба. Ниспадавший с неба свет становился тусклее, суровее, а трава, еще недавно покрывавшая этот холм толстым ковром, вдруг превращалась в жалкие жесткие пучки, а затем буквально за секунды исчезала вообще. Стало жарко, затем — невыносимо жарко. Оглянувшись через плечо, я увидел, что гигантские папоротники превратились в кустообразные растения, прижимающиеся к бесплодной, красноватого цвета — как в пустыне — земле.

Это был невообразимый, умопомрачительный рывок во времени. Каждый наш шаг относил нас на миллион лет назад, в прошлое, с каждым вздохом мы переносились в мир, давным-давно ушедший в небытие. Земля дрожала и раскачивалась, словно в судорогах. Недалеко от нас в земле вдруг появилась огромная трещина, из нее ударил вверх клокочущий гейзер, чуть было не обваривший нас кипятком, от него расползались жутко воняющие пары. Жар от него быстро распространился вокруг.

За несколько ярдов до лестницы, ведущей в дом, Рольф споткнулся. Его крик потонул в глухом треске: земля прямо под его ногами разверзлась, образовав зияющую трещину, со дна которой вверх поползла раскаленная огненно-красная масса. Рольф потерял равновесие, неестественно медленно опрокинулся в трещину и лишь в самый последний момент успел схватиться руками за ее край.

Я сильно толкнул Говарда, от чего он невольно сделал еще несколько быстрых шагов к дому, а сам я развернулся и одним прыжком оказался возле Рольфа. Когда я приблизился к трещине, мне в лицо, словно невидимый горячий кулак, ударила волна жара. Из глубины трещины вылетали маленькие искорки, мельтешили некоторое время в горячем воздухе, а затем либо гасли, либо падали на меня и Рольфа. Я вскрикнул от боли, но тем не менее опустился на колени и схватил Рольфа за запястье.

— Беги отсюда! Спасайся! — крикнул Рольф, четко выговаривая каждое слово, что обычно не было для него характерно.

Я, не обращая внимания на его слова, поудобней уперся коленями и ступнями в землю и ухватился за его руку второй рукой. Трещина стала расширяться, на ее краях, в том числе и вокруг меня, образовывались похожие на зигзагообразные молнии маленькие трещинки. Этот разлом напоминал огромную, зияющую, наполненную красным огнем рану. Еще один резкий толчок земли — и Рольф полетит вниз.

Тяжесть тела Рольфа была такова, что у меня едва не вырвались руки из суставов. Рольф взвыл от страха, протянул свободную руку и схватил меня за куртку. Я чуть было не рухнул вперед, но, побалансировав секунду-другую, вдруг с силой, какой я от себя не ожидал, рванул назад и почти вытащил Рольфа из трещины. Земля снова сильно затряслась, словно где-то глубоко под нами что-то обрушилось, и меня с Рольфом обдало новой волной жара.

Рольф снова закричал и беспомощно задергал ногами. Мои мускулы были так напряжены, что, казалось, вот-вот разорвутся. Я отнюдь не был слабаком, но тем не менее почувствовал, что такой нагрузки я долго не выдержу. Жар становился невыносимым, к тому же чуть ниже дергающихся ног Рольфа заплясали желтые шипящие языки пламени, норовившие лизнуть его брюки и заставившие его снова вскрикнуть от боли. Рольф отчаянно пытался найти опору для ног, но рыхлая земля крошилась, и он неумолимо сползал вниз.

Все мои усилия по спасению Рольфа пошли бы насмарку, если бы в этот момент к нам не подбежал Говард. Он молниеносно схватил Рольфа за руку и с силой потащил его наверх. Я тут же тоже напряг еще оставшиеся у меня силы.

В результате нашего с Говардом совместного рывка Рольф буквально выскочил из

трещины, и мы все повалились на землю. Упав, я перекатился в сторону и тут же вскочил на ноги. Дом возвышался перед нами, как темная, расплывчатая, зловещая тень. Я бросился к дому, добежал до лестницы и, упав, пополз на четвереньках вверх по ступенькам.

Позади нас из трещины взметнулся беснующийся огненный столб. Каменные глыбы и маленькие раскаленные красные брызги лавы взлетали в воздух и затем смертоносным градом падали на землю вокруг нас. Один микроскопический кусочек расплавленной породы попал на мою руку, за долю секунды прожег одежду и глубоко впился в кожу. Земля снова затряслась, и еще один, гораздо более мощный огненный гейзер взметнулся в небо, словно подземный огонь срывал тем самым свою злость из-за того, что нам — его жертвам — в самый последний момент все-таки удалось спастись. Затем трещина закрылась. Ее края сомкнулись, как челюсти огромной каменной пасти. Землю при этом так тряхнуло, что весь дом заходил ходуном.

Две-три секунды я смотрел на это невероятное зрелище, словно парализованный. Местность вокруг дома продолжала изменяться. На наших глазах история Земли раскручивалась в обратную сторону со скоростью, в миллиарды раз превышающей обычное течение времени. Лес полностью исчез, и вместо него появилась огромная равнина с красноватой почвой. На горизонте — так далеко, что их с трудом можно было различить — виднелись остроконечные горы, а небо стало почти белым.

Еще один толчок земли заставил лестницу подо мной просесть и напомнил мне, что опасность все еще весьма реальна. Я поспешно вскочил, бросил на Говарда выразительный взгляд и шагнул к разломанной двери.

В тот самый момент, когда я ступил в дверной проем, шум и толчки земли прекратились. Это был шаг не только в здание, но и в абсолютно другой мир, точнее говоря, в малюсенькую частичку того мира, который был привычен нам. Позади нас продолжались все эти метаморфозы во времени, но здесь, внутри дома, царила прохлада, падал спокойный свет и стояла тишина. После грохота и рева разверзающейся земли этот покой показался мне жутким и настораживающим.

Я сделал еще несколько шагов вперед, повернулся и, прислонившись спиной к стене, в изнеможении опустился на корточки. Вслед за мной в дом зашли Рольф и Говард, такие же измученные, как и я, и такие же перепуганные.

Мое сердце колотилось вовсю. Сейчас, когда все было уже позади, я почувствовал, как сильно я устал. Мои колени тряслись, ноги были уже просто неспособны выдерживать вес моего тела, а тут еще стала сильнее ощущаться боль от больших и маленьких ран, сплошь покрывавших мое тело. Я медленно сполз на пол, чувствуя все усиливающееся головокружение. Мне показалось, что я вот-вот потеряю сознание, но этого почему-то не произошло.

Говард тронул меня за плечо.

— Ты в порядке, парень? — спросил он.

Я медленно поднял голову, кивнул, а затем скорчил идиотскую гримасу и сказал:

— Нет.

— Дай я посмотрю, что там у тебя со спиной, — потребовал Говард.

Усилия, необходимые для того, чтобы повернуться и стянуть с себя разодранную куртку, показались мне в данный момент просто невероятными, но я все же согласился и лишь сжимал от боли зубы, когда Говард стаскивал с меня рубашку и ощупывал своими проворными пальцами мою кожу.

— Ничего страшного, — сказал Говард через некоторое время. — Ожоги не опасные.

— Но при этом боль просто адская, — пробормотал я сквозь стиснутые зубы.

Я попытался встать на ноги, но снова сполз вниз. Тогда Рольф взял меня под руки и поднял, словно я был легонькой куклой. Головокружение и ощущение слабости у меня постепенно проходили, но я все-таки был еще очень изможден, и, чтобы не рухнуть на пол, мне пришлось опереться о стену.

— Весьма тебе признателен, Рольф, — пробормотал я.

Рольф лишь махнул рукой.

— Чепуха, — пробормотал он в своей грубоватой манере. — Если бы не вы, меня бы раздавило, как клопа. Ваше участие было весьма кстати.

— Что, к сожалению, не улучшило твое произношение, — сказал я с усталой улыбкой, дружески подтрунивая над его манерой небрежно выговаривать слова. — Или ты говоришь членораздельно только тогда, когда подвергаешься смертельной опасности?

Рольф, усмехнувшись, отвернулся и пошел к входной двери. Вокруг дома, словно спущенные с цепи дикие звери, продолжали бушевать силы природы, пожалуй, даже еще интенсивнее, чем раньше. Небо словно пылало, хотя уже не было таким ослепительно белым. Вокруг были видны только скалы: серые, голые скалы, на которых не было и следа жизни.

— Что это? — пробормотал я.

Теперь небо мерцало. На его оранжевом фоне появились черные полосы, которые постепенно увеличивались в размерах, из больших полос образовывались меньшее — так растения дают побеги.

— Боюсь, что ответ на этот вопрос тебе не понравится, Роберт, — прошептал Говард. — Во всяком случае, если происходит именно то, чего я опасюсь.

Мне вдруг стало смешно.

— Полагаешь, мне это не понравится? — наигранно удивленным тоном спросил я. — Что-то случилось со временем. Что именно, Говард?

Он молчал.

— Ты ведь знаешь, что произошло, не так ли? — настаивал я.

— Я — глупец, — пробормотал Говард, не отвечая на мой вопрос. — Господи, какой же я глупец! Я должен был догадаться обо всем еще в Лондоне, по крайней мере в тот момент, когда я увидел ящера.

— Кого ты увидел? — спросил я.

Рольф, нахмуясь, посмотрел на Говарда, а затем снова стал напряженно наблюдать за тем, что происходило снаружи.

— Ящера, — тихо повторил Говард. — Чудовище из озера Лох Шин — кем, по-твоему, оно было? Это был ихтиозавр — рыбащер. Такие существа вымерли еще триста или четыреста миллионов лет назад.

— Но, похоже, не все, — возразил я, но Говард тут же перебил меня.

— Они вымерли, — повторил он. — Но того ящера переместили во времени. Тем же способом, каким сейчас перемещают нас.

— Неужели?

Говард вымученно улыбнулся.

— Я знаю, что это кажется бредом, — сказал он, — но это действительно так. Наши враги...

— Ты имеешь в виду колдунов из Салема?

— Нет.

Говард решительно покачал головой, запустил руку в карман и достал оттуда одну из своих тонких черных сигар. Затем он медленно засунул ее в рот, прикурил и глубоко затянулся. Лишь после этого он заговорил снова.

— Они не смогли бы проверить ничего *подобного*, — сказал он и обвел жестом дом. — На это они не способны, Роберт. Я... уже рассказывал тебе о **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТАХ**, а одного из них ты и сам видел.

Я содрогнулся. Это напоминание было излишним. Я тогда, можно сказать, видел всего лишь тень Йог-Сотхотха, но это зрелище вряд ли когда-то сотрется из моей памяти.

— То, что происходит здесь, — их работа, — мрачно сказал Говард. — Эти глупцы даже не подозревали, что они натворили. Они призвали Йог-Сотхотха, чтобы уничтожить твоего отца, Роберт, но они, сами того не желая, добились большего. Гораздо большего. Они создали для **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ** возможность прокладывать себе путь во времени.

Хотя и с трудом, но я начинал догадываться, о чем он говорил. Что-то во мне противилось буквальному пониманию слов Говарда. Я еще раз посмотрел на причудливо изменившийся мир за порогом дома. Теперь даже и скалы наполовину исчезли, а красноватая равнина превратилась в черную, словно полированную, пустыню, простиравшуюся до горизонта.

Говард проследил за моим взглядом, взял меня за руку и подвел к двери.

— Посмотри, что творится снаружи, — тихо сказал он. — То, что ты видишь, — наш мир, каким он был миллиарды лет назад. Этот спектакль будет продолжаться уже не долго.

Его слова заставили меня внутренне содрогнуться. *Миллиарды* лет. Цифра была просто невероятной, даже абсурдной. Мы что, переместились во времени на миллиард лет назад? Это просто немыслимо!

И тем не менее я осознавал, что Говард прав.

— Это — единственно возможное объяснение тому, что происходит, — пробормотал Говард. — Образовался своего рода туннель во времени. **ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ГИГАНТЫ** нашли способ преодоления этого огромного отрезка времени и установили мост между их миром и нашим.

— Но если это действительно так, — пробормотал я очень тихо, со все возрастающим чувством страха, — тогда почему...

— Ты хочешь спросить, почему они еще не подчинили себе наш мир? — Говард засмеялся — негромко, хрипло и совсем не весело. — Они это сделают, Роберт. Сейчас этот туннель во времени им открыт еще не полностью, но, как только наше путешествие закончится...

Он больше ничего не сказал, а лишь швырнул свою — почти невыкуренную — сигару в дверь и посмотрел ей вслед. Она шлепнулась на лестницу и мгновенно погасла. Я с ужасом осознал, что снаружи дома не было воздуха. В то время, в котором мы оказались, наша планета являла собой мертвую каменную глыбу.

— По крайней мере, нам предоставляется сомнительная честь быть первыми людьми, которые увидят мир **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ**, — пробормотал Говард.

— Мы... должны что-то предпринять, — прошептал я в отчаянии. — Ты не можешь просто так стоять и смотреть, как...

Поймав его взгляд, я запнулся. В его глазах ясно читался неутешительный вывод: мы ничего не сможем сделать. Силы, противостоящие нам, находились вне сферы человеческого влияния.

— И все только ради того, чтобы убить одного-единственного человека, — застонал я. — Вот твари!

Говард вздохнул.

— Не стоит их упрекать, Роберт, — сказал он. — Хотя они и сами не знали, что творили, **ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ГИГАНТЫ** — хитрые существа. Не стоит считать безмозглыми монстрами, Роберт.

— Но мы должны что-то сделать! — вспыхнул я. — Ты же сам сказал: этот спектакль будет продолжаться уже недолго.

Мой взгляд снова упал на черную безжизненную равнину. Моему переутомленному мозгу мерещились какие-то движения там, где их не было, а тени казались причудливыми монстрами с бесчисленными щупальцами. Умом я, конечно, понимал, что ничего подобного там не могло быть. Мы переместились на миллиард лет назад, хотя при этом еще не преодолели и половины той временной пропасти, которая отделяла эпоху **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ** от нашей эпохи. Попытавшись представить, какие силы были нужны для того, чтобы перекинуть мост через эту пропасть, я пришел в отчаяние и застонал.

— Этот дом... — пробормотал Говард.

Его взгляд скользнул по огромной пустой прихожей, по развалившейся лестнице и остановился на разломанной двери в библиотеку.

— Я уверен, что это именно тот дом, — снова пробормотал он. — Это не случайность.

Он замолчал, нахмурил лоб и бросил на меня долгий задумчивый взгляд.

— Когда я хотел тронуть ворота, — продолжал он, — ты удержал меня. Почему?

Я растерянно заморгал:

— Я...

— Именно ты первым почувствовал опасность, — продолжал Говард странным тоном, словно разговаривал не со мной, а сам с собой, затем он уже обратился непосредственно ко мне: — Почему, Роберт? Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

Я в растерянности уставился на него. На какой-то миг мне показалось, что я снова слышу где-то внутри себя тот голос, вернее, тихий, но, тем не менее, поразительно отчетливый шепот. Ко мне обращались на совершенно непонятном языке. Я содрогнулся. Уже от одного воспоминания об этом у меня по спине побежали ледяные мурашки.

— Вспомни! — настаивал Говард. — Быть может, от этого зависит наша жизнь. И жизни огромного количества людей.

Однако, как я ни пытался что-то вспомнить, у меня ничего не получалось. Попытки напрячь память причиняли мне почти физическую боль.

— Посмотри на меня, — потребовал Говард.

Я машинально повиновался. Мы встретились взглядами, и я заметил, что в выражении его глаз появилось что-то необычное. Его взгляд был пронзительным и суровым, требовательным и безжалостным. Я еще никогда не видел у него подобного взгляда.

— Посмотри на меня! — повторил он, и на этот раз каждое его слово было как удар хлыста, заставлявший меня внутренне содрогаться. Где-то глубоко в моем сознании мелькнула мысль, что Говард пытается меня загипнотизировать или что-то в этом роде,

однако я был не в состоянии этому противиться.

— Вспомни! — приказал Говард. — Вспомни, что произошло. — Ты...

Вдруг на меня — внезапно и сокрушительно, словно удар кулака — нахлынули видения. Я отшатнулся назад, оперся о стену и скорчился, словно от боли. Рольф хотел было подскочить ко мне, но Говард удержал его быстрым, можно сказать повелительным жестом. Так же, как и тогда, у ворот, я явственно видел все, что окружало меня, но одновременно перед моим взором появлялись и какие-то странные, непонятные картины, вызывая неопишуемый ужас. Я снова был не только самим собой, но еще и какой-то девушкой — той самой, которой я уже был. Теперь все вокруг меня изменилось. Я снова оказался в подземном помещении, но на этот раз по мокрым камням пола и по стенам ползли маленькие черные существа, которых я не мог хорошо рассмотреть. Вокруг моего (моего?) тела виднелось что-то белое, похожее на шелк, а за этой белой колышущейся завесой шевелилось нечто — мощное и темное. Сначала я услышал странные звуки, а затем — свой собственный голос, произносивший какие-то слова помимо моей воли.

— Убирайтесь, — выкрикивал я. — Убирайтесь... прочь. Я... Чарльз! Чарльз, помоги мне! Я...

Белая завеса разорвалась, и на долю секунды я отчетливо увидел копошившееся за ней мощное существо.

Говард и Рольф подхватили меня: я потерял сознание и стал падать.

Я, должно быть, недолго был без сознания. Когда я очнулся, во рту у меня ощущался неприятный привкус. Рольф своими мощными лапами поддерживал меня, а Говард сидел передо мной на корточках и обмахивал мое лицо платком.

— Ну? — спросил он. — Теперь все в порядке?

Улыбка на его лице была явно наигранной и не смогла скрыть испытываемую им тревогу. На его лбу проступили капельки пота, хотя здесь, в доме, было темно и холодно, как в могиле.

— Нет, — буркнул я. — Мне, собственно говоря, не очень нравится, когда меня без моего ведома гипнотизируют.

Говард слегка улыбнулся.

— Это был не гипноз, — сказал он.

Я не обратил внимания на его ответ.

— Так ты хоть узнал то, что хотел узнать? — сухо спросил я.

— Нет, — ответил Говард.

Он вздохнул, выпрямился и помог мне подняться. Я невольно выглянул за дверь. Снаружи было темно. Вместо скалистой равнины виднелась одна лишь расплывчатая тень, над которой простиралось огромное, усыпанное звездами небо. Мой взгляд словно утонул в его бесконечности.

— У нас еще есть время, — поспешно сказал Говард, — хотя и не очень много. Ты помнишь, что ты видел?

Я немного помолчал, затем отрицательно покачал головой и беспомощно посмотрел на него. В моей голове все перемешалось. Я уже не мог различить, что произошло на самом деле, а что — лишь плод моего воображения.

— Ты несколько раз выкрикивал какие-то имена, — сказал Говард. — Дженни, например. Ты помнишь это?

Дженни... От этого слова внутри меня что-то екнуло — так бывает, когда ото сна в памяти остаются лишь отдельные мелкие детали. И тем не менее...

— Она... в опасности, — пробормотал я.

Глаза Говарда блеснули.

— В опасности? — повторил он. — Кто она? Где она находится?

— Мы должны ей помочь, — сказал я.

Слова сами собой торопливо срывались с моих уст. Медленно сам толком не зная, почему, я отвернулся от двери и указал на разломанную лестницу, ведущую на галерею.

— Она... там, — пробормотал я. — Там, наверху. Мы... должны ей помочь.

Говард и Рольф обменялись быстрыми недоуменными взглядами. Говард, нахмурившись, приблизился ко мне, но я отвел его протянутую руку и, спотыкаясь, пошел, с трудом передвигая ноги, к лестнице.

— Роберт! — испуганно сказал Говард. — Что ты задумал?

Я ничего не ответил. Все происходило так, как уже случалось со мной: в моей голове откуда ни возьмись появилось осознание того, что Дженни находится наверху и что мы обязаны ее спасти, причем это важно не только для нее, но и для всех нас и — возможно — для всего мира. Я просто *знал* это, и у меня не возникало никаких сомнений по этому поводу.

У основания лестницы я остановился. От ведущей на галерею лестницы — некогда широкой, с мраморными ступенями — остался лишь остов. Впрочем, человек, имеющий опыт лазания по таким вот обломкам — а у меня был такой опыт — вполне мог забраться на галерею.

Говард и Рольф последовали было за мной, но послушно остановились, когда я сделал им знак рукой.

— Оставайтесь здесь, — пробормотал я. — Я не уверен, что эта развалина выдержит вес даже двоих человек.

По правде говоря, я отнюдь не был уверен, выдержит ли она вес даже *одного* человека. Поколебавшись несколько секунд, я протянул руку к остаткам поручней и с колотящимся сердцем поставил ногу на нижнюю ступеньку.

Когда я карабкался вверх, вся лестница колыхалась под моим весом. От ее каменного остова откалывались и падали на пол маленькие камешки и куски штукатурки, а когда я достиг середины лестницы, от нее отвалилась часть ступеньки длиной в человеческий рост и с грохотом шлепнулась вниз. Я замер на месте, подождал немного и затем стал карабкаться дальше. Мое сердце усиленно колотилось, пот лил ручьями, становилось все страшнее и страшнее. Один неверный шаг, одна недостаточно крепкая ступенька — и я пропал. Но я просто не мог повернуть назад. Еле слышный внутренний голос вынуждал меня двигаться дальше. Я должен был забраться наверх — и точка.

Прошло, казалось, несколько часов, прежде чем я добрался до галереи. Я остановился, подождал, пока мое сердце немного успокоится, и медленно обернулся. Говард и Рольф все еще стояли у основания лестницы, они лишь отошли на пару шагов назад, чтобы падающие с лестницы и отскакивающие в разные стороны камешки не попадали в них.

— Теперь и вы можете подниматься, — сказал я. — Только осторожно. Лестница вот-вот рухнет.

Говард и Рольф перекинулись парой фраз, которые я не расслышал, а затем Рольф начал медленно карабкаться вверх. Лестница под его весом просто ходила ходуном.

Рольфу так и не удалось взобраться повыше. Лестница издала глухой треск. Куски камня — размером с человеческую голову — оторвались от лестницы и с грохотом рухнули на каменный пол, вслед за ними вниз полетел трехметровый кусок поручней. Рольф испуганно вскрикнул, отчаянно рванулся назад и лишь чудом сумел уклониться от смертоносного каменного потока. Лестница сильно тряслась. Все больше и больше камней летело вниз, среди них попадались и целые ступеньки. И вдруг на расстоянии ладони от моей ступни я увидел длинную угловатую трещину.

Я резко отшатнулся назад. Галерея сильно задрожала, и я уже стал опасаться, что сейчас рухну вместе с ней вниз. На всякий случай я молниеносно отпрыгнул от лестницы. Весь дом наполнился треском и грохотом, все заволело пылью, сквозь которую были видны падающие вниз камни. Дом содрогнулся, словно от удара какого-то гигантского существа. Я услышал крик Говарда, затем вниз посыпалось еще больше камней, и часть галереи — вместе с лестницей — рухнула вниз. Затем наконец-то все затихло.

Прошло несколько минут, прежде чем пыль немного улеглась, и я смог что-то рассмотреть вокруг себя. Я осторожно подошел к краю развалившейся галереи и опустился на колени. В воздухе прихожей по-прежнему было полно пыли, сквозь которую внизу виднелась огромная груда обломков камней, штукатурки и расколовшихся мраморных ступенек. Лестницы больше не существовало.

— Роберт! С тобой все в порядке?

Лишь через некоторое время я сумел разглядеть сквозь пыль Рольфа и Говарда. Они, похоже, не пострадали, но находились уже на противоположной стороне прихожей и почти непрерывно кашляли.

— Я не пострадал! — крикнул я им.

— Оставайся там, где сейчас находишься! — крикнул Говард. — Мы придумаем, как к тебе забраться.

Несколько секунд я размышлял над тем, как мне поступить. Идти дальше одному мне не особенно хотелось. Но я должен был это сделать. Время бежало просто неумолимо.

Медленно поднявшись на ноги, я стряхнул пыль с одежды и нерешительно огляделся по сторонам. Вдоль галереи были расположены около десяти дверей. Большинство из них были закрыты, и лишь две оказались открытыми, за ними виднелись практически пустые комнаты. Когда я пошел по галерее, она угрожающе задрожала.

— Роберт! Черт побери, что ты там делаешь? — в голосе Говарда чувствовался испуг. — Стой на месте! Двигаться слишком опасно!

Я не обратил на его слова никакого внимания. Голос, внедрившийся в мое сознание, был почти не слышен, но я и так почему-то знал, где находится нужная мне дверь, и очень осторожно пошел дальше. Моя ладонь сама собой придвинулась к поясу и легла на рукоять трости-рапиры, которую я перед этим забрал из библиотеки.

— Черт возьми, Роберт, стой на месте! — крикнул Говард. — Ты и сам не знаешь, во что ввязываешься!

Однако даже если бы я и захотел остановиться, то не смог бы. Мои ноги, казалось, сами по себе несли меня в конец галереи, к последней двери. Я медленно протянул руку, замер на долю секунды и затем коснулся бронзовой дверной ручки.

Металл был очень холодным, буквально ледяным. Я еще немного подождал, затем повернул дверную ручку, уперся плечом в дверь и надавил на нее.

Мне в лицо ударил поток ледяного воздуха и запах гнили, затем я услышал шелест и

шуршание — это было похоже на звук маленьких ножек, семенящих по влажным камням и земле, а еще я увидел темно-зеленое мерцающее сияние. За дверью находилась не комната, а темный проход с низким сводчатым потолком, его стены были неразличимы в полумраке. Зеленый свет не позволял сколь-нибудь точно оценить расстояние, но все же было видно, что этот проход тянется ярдов на сто, а то и более, значительно превышая размеры самого дома.

Впрочем, в этом доме все было каким-то противоестественным.

Немного поколебавшись, я решительно шагнул в проход и закрыл за собой дверь. Дряхлый замок скрипнул, и голоса Говарда не стало слышно.

Меня словно заполнила тишина. Шепот, звучавший в моем сознании, смолк, и стало так тихо, что мне показалось, будто я слышу удары собственного сердца. Стены были влажными. В их трещинах и швах виднелась гниль и беловатая плесень, а дувший мне в лицо легонький сквознячок колыхал висевшую под потолком пыльную паутину. В то же время воздух в помещении был таким сухим, что я с трудом сдерживал кашель.

Через некоторое время я начал лучше различать то, что меня окружало. Кладку из сырых, небрежно сложенных тесаных камней, образующих стены этого подвала, сменила земляная поверхность — коричневая глина и черный, словно выжженный грунт. Эти стены удерживались лишь под воздействием собственного веса и оказываемого на них давления. Мне показалось, что я буквально физически ощущаю вес каменной и земляной массы, находящейся над моей головой. Этот подземный проход уже не был частью того дома в Шотландии, в котором мы находились. Я не знал, как это вообще может быть, да и не хотел этого знать, но я, несомненно, оказался в каком-то другом, абсолютно чуждом человеку мире, как только открыл дверь и переступил порог.

Впереди меня показалась лестница с кривыми, необычайно высокими и широкими ступеньками. Подниматься по ней было очень трудно, и мне для этого потребовалась полная концентрация всего внимания и сил. На стенах виднелись какие-то рисунки: еле заметные бессмысленные линии и контуры, какие-то образы. Когда я всматривался в них, мне почему-то казалось, что они ассоциируются со злом и обманом. Стены были кривыми — настолько кривыми, что было непонятно, как они вообще держались. Как только я поднялся по лестнице, пол передо мной круто пошел вниз, и мне пришлось продвигаться вперед очень осторожно, широко расставив руки. При этом мне почему-то казалось, что я двигаюсь не по крутому спуску, а, наоборот, с трудом поднимаюсь по почти отвесной поверхности.

Не знаю, сколько времени я пробирался по этому странному, непривычному для человека миру. Быть может, всего несколько минут, но мне показалось, что уже прошло несколько часов.

В конце концов я услышал какие-то звуки и остановился. Это были не голоса и не шаги, а скорее глухой стук, который я не столько слышал, сколько ощущал каким-то шестым чувством. Этот звук был похож на удары большого и мощного сердца. При этом мне показалось, что снова раздаются шелест и шуршание, которые я уже слышал там, наверху, когда открыл дверь в комнату, только сейчас эти звуки доносились более отчетливо.

Я настороженно огляделся. Мне показалось, что подвал, в котором я находился, шевелится. Впрочем, это ощущение было обманчивым: его вызывала странная, недоступная человеческому восприятию геометрия стен. Я на секунду закрыл глаза, пытаюсь избавиться от этого неприятного ощущения, и затем пошел дальше.

Передо мной показалась дверь. Ее полотно было разнесено практически вдребезги: на

петлях висели остатки досок, разломанных, по-видимому, кем-то чудовищно сильным. Звуки доносились из помещения за дверь.

Я осторожно приблизился к двери, задержался перед ней буквально на секунду, а затем на цыпочках двинулся дальше.

Заглянув вовнутрь, я еле подавил стон.

Я сразу же узнал это помещение. Это был именно тот подвал, который я видел в своих галлюцинациях: мрачный, с влажными стенами, наполненный серо-зеленым мерцающим светом. В глубине помещения виднелось что-то мощное и черное: какое-то мерзкое, снабженное щупальцами создание, которое было трудно детально рассмотреть, словно его скрывала темная завеса из колышущихся теней.

Это было то самое чудовище — чудовище из моих галлюцинаций!

Но оно было не одно. Рядом с ним стоял высокий темноволосый мужчина, тело которого было усеяно бесчисленными кровоточащими царапинами. На полу перед ним шевелилась черная масса...

Пауки!

По спине у меня побежали ледяные мурашки. Здесь были сотни — если не тысячи — пауков величиной с кулак, покрытых черными, похожими на проволочки волосинками; эти пауки бегали туда-сюда по потолку и стенам на своих проворных ножках. Они плели из паутины большущий шатер — трех- или даже четырехметровый кокон, внутри которого шевелилось что-то темное.

Несколько секунд я стоял как парализованный, рассматривая эту ужасную сцену. Ни чудовище, ни стоящий рядом с ним человек еще не заметили моего присутствия: они напряженно наблюдали за работой пауков.

Но я все же потерял осторожность, и это едва не стоило мне жизни!

Лишь в самый последний миг я услышал шаги, но никак не успел отреагировать. Кто-то ударил меня в подколенную впадину, отчего у меня подкосились ноги, и в тот же самый миг чья-то рука схватила меня сзади за шею и сдавила ее.

Я вскрикнул, инстинктивно попытался высвободить шею, моментально повернувшись в сторону — настолько, насколько это позволила мертвая хватка того, кто держал меня сзади. Я изловчился и стукнул нападавшего локтем в живот так сильно, как только смог. В первый момент мне показалось, что мой противник перенес удар безболезненно, но затем я почувствовал, что его хватка ослабла. Я услышал слабый стон.

Тогда я ударил еще раз, тут же сделал шаг назад, затем рванулся изо всех сил вперед и резко наклонился. Мой противник, перелетев через мое согнутое тело, шлепнулся на каменный пол.

Но он тут же вскочил на ноги — еще быстрее, чем упал. Моментально поднявшись с пола, он сердито фыркнул и неистово набросился на меня с кулаками. Я еле успел очнуться от охватившего меня страха и подготовиться к отражению нового нападения.

Это был Кэрредайн. В вихре предыдущих событий мы совсем забыли про этого искалеченного слугу Болдуина, но сейчас я сразу узнал его маленькую перекошенную фигуру.

Однако, несмотря на то что Кэрредайн был калекой, он оказался удивительно сильным. Одним неистовством своего нападения он заставил меня попятиться. Сделав несколько шагов назад, я уперся спиной в дверной блок и выставил перед собой руки, пытаюсь защититься от его атаки. Удары Кэрредайна сыпались на меня буквально градом, поэтому я

едва успевал их отбивать, не говоря уже о том, что не имел никакой возможности нанести ответный удар.

— Кэрредайн! — раздался чей-то голос. — Убейте его!

Этот голос на долю секунды отвлек внимание Кэрредайна. И я не преминул воспользоваться этим шансом!

Я молниеносно сделал шаг в сторону, уклонившись от очередного удара, и сам ударил его в подбородок.

Кэрредайн зашатался. Его взгляд застыл в одной точке. Еще одно мгновение он удерживался на ногах, а затем — медленно, словно его тело еще пыталось сопротивляться — упал на пол и замер.

Но мое положение от этого не улучшилось!

Второй мужчина и чудовище обошли меня с двух сторон: для этого им хватило тех нескольких секунд, которые я потратил на нейтрализацию Кэрредайна. Теперь я был фактически загнан в угол, и сопротивление казалось бессмысленным.

— Крэйвен! — воскликнул мужчина.

Я не знал, кто он такой, но он, похоже, хорошо знал меня. Его взор пылал ненавистью, он источал нешуточную угрозу.

Секунды две я в упор смотрел на него. Он спокойно выдержал мой взгляд, затем улыбнулся и сделал шаг в мою сторону.

Именно этого я и ждал. Молниеносно бросившись к нему, я толкнул его с такой силой, что он беспомощно отлетел назад. В тот же миг я резко повернулся, чтобы одним прыжком достичь двери и выбежать из этого помещения.

Но черное чудовище оказалось проворнее меня. Два или три из его щупальцев метнулись ко мне, обвились, словно тонкие слизистые змеи, вокруг моих рук и грубо дернули меня назад.

Я вскрикнул. Там, где моей кожи коснулось чудовище, ее обожгло, словно огнем. Мучительная боль пронзила мои руки, моментально, словно пламя, распространилась на плечи и в конце концов парализовала все мое тело. Окружающее стало расплываться перед моими глазами. Чудовище нависало надо мной, как мощная расплывчатая тень. Его щупальца освободили мои руки, но я все равно не мог даже пошевелиться.

— Вы умрете, Крэйвен, — сказал мужчина. — Вам не следовало сюда приходить.

Он говорил совершенно спокойно, можно сказать, беспристрастно. Однако каждое его слово действовало на меня, как удар. Я попытался пошевелиться, но не смог.

Чудовище, колыхаясь, начало приближаться ко мне. Стоявшая у меня перед глазами кровавая завеса развеялась, но я все равно не мог детально рассмотреть это существо. Я лишь видел, что оно было огромным, намного больше человека, и массивным, как медведь. Из его плеч росли десятки извивающихся, перепутывающихся щупальцев, а почти всю голову занимал один-единственный кроваво-красный глаз. Щупальца чудовища двигались туда-сюда прямо перед моим лицом, но что-то, похоже, удерживало их от того, чтобы коснуться меня.

Вместо этого произошло нечто иное. Огромное количество пауков, до сего момента не обращавших на меня никакого внимания, бросились ко мне. Пауки, легонько касаясь моей обуви и штанин, начали опутывать меня паутиной!

Я поискал взглядом блестящий белый кокон в углу помещения. И вдруг до меня дошло, что было темной массой, видневшейся внутри кокона. Это было человеческое тело — тело

Дженни!

Пронзительно вскрикнув, я очнулся от оцепенения, отшвырнул пауков и отпрянул назад. Чудовище злобно зашипело и резко протянуло ко мне свои щупальца. Я, мгновенно уклонившись от них, отчаянным движением выхватил из-за пояса трость-рапиру, вытащил шпагу и рубанул клинком по щупальцам. Но поблескивающая в темноте подвала сталь не пробила толстой кожи чудовища. Его злобное шипение усилилось. Я увидел, что из его щупальцев стали появляться тоненькие, острые как иголка костяные кинжалы. На их кончиках поблескивали капли бесцветной жидкости.

— Сопротивляться бессмысленно, Крэйвен, — сказал мужчина. — Вы не должны были приходить сюда. Вам все равно не удастся одолеть великого колдуна. Это никому не под силу. Ваше появление здесь лишь ускорит события. Теперь, чтобы открыть ворота, у него в распоряжении будет жизненная сила уже не одного, а двух человек.

Ворота?

Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что нахожусь лицом к лицу с одним из ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ...

— Нет, — пробормотал я. — Этого...

Мужчина засмеялся:

— Да, Крэйвен. Вы сами и станете тем, что поможет ускорить крах вашего смехотворного мира. Впрочем, если бы вы и не пришли сюда, это ничего не изменило бы. Вы просто ускорите ход событий.

Чудовище придвинулось ближе. Его извивающиеся щупальца раздвинулись в стороны, словно готовились сжать меня в последней, смертельной хватке...

Позади чудовища что-то зашевелилось. Это был Кэрредайн. Он с трудом поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Его взгляд был все еще замутнен. Он, похоже, никак не мог прийти в себя. Он удивленно посмотрел сначала на меня, потом на чудовище и затем — на только что разговаривавшего со мной мужчину.

— Чарльз? — пробормотал он. — Ты?..

— Чарльз? Так это вы Чарльз? Человек, имя которого выкрикивала Дженни? — воскликнул я.

По лицу Чарльза пробежала тень сомнения. В его глазах появилось странное выражение одновременно и растерянности, и ужаса. Но все это длилось лишь секунду. Затем его взор снова затуманился.

— Дженни... — пробормотал Кэрредайн. — Где... она? — его голос вдруг начал дрожать. — Что ты с ней сделал?

— Закройте рот, Кэрредайн, — сердито сказал Чарльз. — Вы...

Кэрредайн, вскрикнув, бросился к Чарльзу, схватил его за плечи и попытался встряхнуть его, но Чарльз сильно толкнул его в грудь, отчего Кэрредайн отлетел назад. Споткнувшись, Кэрредайн потерял равновесие и с криком повалился на поблескивающий кокон из паутины.

В коконе, разорванном при падении Кэрредайна, стало видно абсолютно неподвижное, все опутанное белой блестящей паутиной тело. Тело молоденькой девушки...

Кэрредайн завопил нечеловеческим голосом. Похоже, что состояние гипноза, в котором он до этого находился, окончательно развеялось. Его пальцы вцепились в белый кокон, опутывающий тело девушки, и стали разрывать податливую паутину.

— Кэрредайн! — воскликнул Чарльз срывающимся голосом. — Прекратите!

Кэрредайн не обратил на эти слова ни малейшего внимания. Словно буйнопомешанный,

он неистово хватал и разрывал паутину, за секунды уничтожая то, над чем пауки трудились, наверное, многие часы.

— Прекратите! — завопил Чарльз. — Остолоп! Вы же сведете на нет все наши усилия!

Он бросился к кокону, нырнул за завесу из паутины и попытался вытащить оттуда Кэрредайна.

Кэрредайн резко обернулся. Его и без того изуродованное лицо исказилось от боли и ужаса. Молниеносным и сильным движением он схватил Чарльза за горло и стал душить его. Чарльз, охнув, отчаянно рванулся назад, вцепился руками в запястья Кэрредайна, пытаясь ослабить его хватку на своем горле, а затем стал бить Кэрредайна кулаками по лицу. Я увидел, как под ударами содрогалось тело Кэрредайна. Его брови и губы стали кровоточить, кровь потекла по лицу, превращая его в ужасную маску.

Однако страх и отчаяние лишь придали Кэрредайну новых — почти нечеловеческих — сил. Его руки еще сильнее сдавили горло Чарльза. Удары Чарльза становились все слабее.

Из пасти ДОИСТОРИЧЕСКОГО ГИГАНТА вырвалось тихое, почти жалобное шипение. Его щупальца встрепонулись. Взгляд его единственного пламенно-красного глаза нерешительно блуждал между мной и сцепившимися друг с другом Чарльзом и Кэрредайном. Я почувствовал, что магически установленная энергетическая связь между ним и лежащей в коконе беспомощной девушкой стала слабее и вот-вот могла разорваться полностью. Кроме того, я осознал, что чудовище на какой-то момент отвлеклось от меня и пребывало в растерянности.

Я решительным движением поднял свою рапиру, схватил ее обеими руками и изо всей силы ткнул ею в тело чудовища. Чудовище резко встрепонулось. Его щупальца ударили меня по лицу.

Боль от этого удара была просто неопишуемой. Мой череп словно пронзили раскаленным добела кинжалом. Я закричал, но тем не менее изо всех сил рванулся вперед, к чудовищу, и вонзил ему в глаз клинок рапиры по самую рукоятку!

Чудовище взвыло — пронзительно, как смертельно раненный зверь. Его щупальца забились в безумном гневе, но их удары уже не были целенаправленными, они были всего лишь инстинктивной реакцией на причиненную ему боль. Тело чудовища судорожно задергалось, а огненно-красный глаз словно потух. На месте глаза теперь красовалась рваная рана, из которой сочилась густая темная жидкость.

Но я этого уже практически не видел. Я — уже второй раз за сегодняшний день — потерял сознание.

Очнувшись, я сразу понял, что не один. Мое лицо щекотали солнечные лучи, рядом кто-то разговаривал. Голоса звучали приглушенно, и я не понимал ни слова. Попытавшись приподнять веки, я тут же испуганно сощурился, почувствовав, как солнечный свет, словно острыми иголками, впился в мои глаза. В голове у меня ощущалась глухая пульсирующая боль.

— Он приходит в себя.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы припомнить этот голос. Еще больше времени у меня ушло на то, чтобы осознать, что я нахожусь уже не в том подземном помещении, вернее сказать, пещере, где я потерял сознание. Теперь я лежал на чем-то мягком и прохладном, чувствуя на лице приятное дуновение ветерка.

Я снова попытался открыть глаза, и на этот раз мне удалось это сделать.

Я лежал на кровати в маленькой, уютно обставленной комнате. Окно было раскрыто настежь, и в комнату проникал свет утреннего солнца и пение птиц.

Говард сидел рядом со мной на краю кровати.

— Ну? — тихо спросил он. — Снова среди живых?

— Среди... — я попытался было приподняться, но Говард удержал меня.

— Что... что произошло? — спросил я, запинаясь.

С лица Говарда мгновенно исчезла улыбка.

— Я хотел бы узнать это от тебя, — сказал он. — Ты что, ничего не помнишь?

Я напряг свою память, но мысли у меня в голове перепутались.

— Пещера, — пробормотал я. — Где...

— Пещера? — Говард нахмурился. — Какая пещера? Мы нашли тебя здесь, — он указал жестом на комнату, в которой мы находились. — Ты кричал и бился в конвульсиях, как сумасшедший. Что, черт возьми, произошло?

Я ответил не сразу. Боль в моей голове постепенно ослабевала, становясь скорее раздражающей, чем мучительной, и, по мере того как стихала боль, ко мне возвращалась память.

К кровати подошел Рольф и молча протянул мне стакан. Я заметил, как дрогнул его взгляд, когда он посмотрел на мое лицо, но не придавал этому никакого значения.

— Я был в какой-то... пещере, — сказал я после того, как сделал из стакана первый жадный глоток. — Я... я понимаю, что это может показаться бредом, но...

Говард улыбнулся:

— Боюсь, что после всего того, что произошло, уже ничто не может показаться бредом.

— После всего того, что... — я перепугался. — А где мы? Что с...

Я снова попытался приподняться, и снова Говард заботливо удержал меня.

— Все в порядке, — сказал он. — Мы вернулись в свою эпоху. Вся эта кутерьма прекратилась вскоре после того, как ты исчез.

— Но каким образом?

— Я надеялся узнать об этом от тебя, — пробормотал Говард. — Я не знаю, что именно произошло, но эта круговерть со временем просто прекратилась, — он щелкнул пальцами. — Просто прекратилась!

— Просто... — Я чуть было не расхохотался. — Если бы все было так просто...

Я вздохнул, сделал еще один глоток и начал рассказывать. Говард слушал меня молча, не перебивая, но выражение его лица с каждым моим словом становилось все мрачнее.

— Вот и все, — сказал я, закончив свой рассказ. — Я потерял сознание. После этого первое, что я увидел, — вот эта комната. Я... я понятия не имею, куда подевалась та пещера, да и...

— ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ГИГАНТ, — сказал Говард, увидев, что я запнулся. Его лики казалось бесстрастным, однако голос дрожал от плохо скрываемого ужаса. — Так и говори. Ты же знаешь, что это был именно он.

— Я... я боялся произнести эти слова, — прошептал я. Только от одного воспоминания об ужасном монстре я содрогнулся.

— Ты побывал в их мире, — пробормотал Говард. — Точнее, тебе довелось увидеть частичку их мира. А эта девушка...

— Дженни.

Говард печально кивнул.

— После всего того, что ты рассказал, я опасаясь, что она уже не вернется к жизни.

Я ничего не ответил. Я никогда толком не видел даже лица этой девушки. Все, что я знал, — ее имя. И тем не менее слова Говарда поразили меня до глубины души.

Говард, похоже, это почувствовал.

— Для нее лучше, если она уже мертва, — тихо сказал он. — Никто не может выжить после того, как между его сознанием и сознанием ДОИСТОРИЧЕСКОГО ГИГАНТА устанавливается духовная связь. А если даже она и жива, то находится сейчас в той эпохе. Ты уже ничего не сможешь для нее сделать.

Он вздохнул, закрыл на несколько секунд глаза и затем добавил изменившимся голосом:

— Это все объясняет.

— Объясняет что?

Говард посмотрел на меня каким-то странным взглядом, несколько раз покачал головой, встал и отошел от моей кровати. Я слышал, как он очень долго возился где-то позади меня. Затем он вернулся и снова сел на край кровати. В руках у него было зеркало.

— Посмотри сюда, — сказал он.

Я повиновался.

Почти целую минуту я смотрел в зеркало, скованный ужасом, не в силах оторвать взгляд от собственного изображения. Мое лицо казалось осунувшимся и усталым. На моей щеке кровоточила свежая царапина, а над ней...

Коготь ДОИСТОРИЧЕСКОГО ГИГАНТА оставил глубокую — до самой кости — рану на моем лбу, резанув его от брови до границы волос.

А там, где эта рана заканчивалась, прядь моих волос — сантиметров пять в ширину — стала белоснежно-седой. Эта прядь имела форму зигзагообразной молнии и тянулась до затылка...

Наконец, после бесконечно долгой, как мне показалось, паузы Говард первым нарушил молчание.

— Ты меня никогда не спрашивал, как твой отец получил свою рану, — сказал он. — Я мог бы тебе рассказать об этом.

Я с трудом оторвал взгляд от зеркала. Мне уже было известно, что скажет Говард, но я почему-то страшился говорить об этом вслух.

— Он...

— ...совершил то же самое, что и ты, — сказал Говард. — Ты спас всех нас, парень. Но я не стану от тебя ничего скрывать. Рано или поздно ты все равно узнал бы об этом. Ты, так же как и твой отец, убил одного из ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ. И ты сам понимаешь, что это значит.

Да, я понимал. Еще как понимал. Я осознал это еще в тот самый момент, когда посмотрел на себя в зеркало и увидел прядь белоснежно-седых волос, которая как бы символизировала окончательное перевоплощение меня в наследника и преемника моего отца, в том числе и внешне.

Мы оба уничтожили самых ужасных демонов, когда-либо пребывавших на Земле. Наши судьбы были одинаковы. Его предназначение уже свершилось, а моему только предстояло свершиться. Когда-нибудь.

Я убил одного из ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ, и я понимал, что это значило. Теперь они будут преследовать меня. Они, если потребуется, будут настойчиво разыскивать меня даже на краю света.

А может, и в других мирах.

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Книга пятая

Рядом с тенью чудовища

Как это часто бывает после сильного шторма, море было спокойным и неестественно гладким. Было тихо, даже шум ветра, всю ночь завывавшего возле высоченных отвесных прибрежных скал, взбивая в пену волны у их подножья, с восходом солнца утих. Единственными звуками, нарушавшими тишину, были шаги трех человек, осторожно приблизившихся к верхнему краю бело-серой, словно отделанной мрамором, скалы и теперь заглядывавших с ее вершины в пропасть.

Огромное серое нечто, беззвучно приблизившееся к берегу и лежавшее, притаившись, между рифов, не заметило их.

Когда Бенсен спустился на пляж, он почувствовал, что поранил руки — теперь они кровоточили. Впрочем, спуск был не особенно опасным. Бенсен вырос неподалеку от этих мест и еще ребенком лазил по скалам вверх-вниз. Кроме того, эта скала была не такой гладкой и отвесной, как другие, поэтому и менее искусный скалолаз вполне смог бы одолеть пятьдесят-шестьдесят футов спуска. Но он все-таки поранил кожу об острые выступы, и соль, покрывавшая, словно блестящие доспехи, поверхность скал — результат регулярного контакта с соленой морской водой — попала в ранки, вызывая невыносимую боль.

Бенсен, дожидаясь, пока два его спутника тоже окажутся внизу, достал из кармана платок и стер кровь со своих пальцев. Норрис уже ловко и стремительно спускался вниз, тогда как Махоуни — с перекошенным от ужаса лицом — стоял на выступе скалы и явно никак не мог решиться, надеть ли ему в штаны от страха или же повернуть назад. Последний участок спуска был самым трудным.

— Чего ты ждешь, Флойд? — крикнул Бенсен. — Скалы специально для тебя не станут превращаться в ступеньки. Спускайся!

— Я... черт побери, я этого не осилю! — крикнул Махоуни в ответ. — Я боюсь высоты, ты же знаешь. Я не смогу спуститься.

— Тогда прыгай сюда! — гаркнул Бенсен. — Здесь же невысоко. А внизу — мягкий песок.

— Прыгать? — у Махоуни аж дух свело, и, несмотря на довольно большое расстояние между ними, Бенсен увидел, как Махоуни, и без того уже бледный, побледнел еще больше. — Ты, что, спятил? Здесь же целых двадцать футов!

Бенсен ухмыльнулся, отошел на шаг от скалы, чтобы Норрис мог спуститься на землю, и, пожав плечами, отвернулся. Он вообще не хотел брать Махоуни с собой, однако Норрис настоял на участии Махоуни в этом предприятии. Впрочем, может быть, он прав. Флойд Махоуни был, вероятно, самым большим трусом в радиусе ста миль отсюда, но при этом он считался лучшим ныряльщиком в Дернессе. Он был им необходим. Наверное.

Норрис ловко прыгнул со скалы на песок, выпрямился и посмотрел, нахмурившись, на свои руки, которые теперь были покрыты ранками и кровоточили так же, как и у Бенсена. Затем он обернулся и посмотрел на море. Было по-прежнему тихо, ни ветерка. Вода в результате отлива отступила, пляж стал шире и теперь представлял собой тридцати- или даже сорокафутовую полосу песка, покрытого накопившейся за ночь морской пеной. Между бровей у Норриса пролегла глубокая складка, в результате чего он выглядел старше, чем был на самом деле.

— Ничего не видно, — пробормотал он.

Бенсен вытащил из кармана сигарету, заскоружлыми пальцами чиркнул спичкой о коробок и прикурил. Лишь после этого он отреагировал на слова Норриса.

— Это чья была идея — прийти сюда — твоя или моя?

Складка между бровей у Норриса стала еще глубже.

— Но я же, черт возьми, точно его видел, — раздраженно сказал он. — Оно где-то здесь.

Бенсен глубоко затянулся сигаретой, несколько раз кашлянул и затем, ругнувшись, швырнул сигарету в море. Дым от сигареты был горьким, а его дыхание все еще не восстановилось. Вроде бы недолгий спуск со скалы утомил его больше, чем он предполагал. Норрис, нахмурившись, наблюдал за его действиями, но так ничего и не сказал. Они молча ждали, пока Махоуни — с трудом, с длительными остановками — спустится к ним. Лицо у Махоуни стало очень бледным, а на лбу у него, несмотря на холод, проступили мелкие капельки пота.

— Кто-нибудь из вас вообще представляет себе, как мы поднимемся обратно? — тихо спросил он.

Бенсен усмехнулся.

— Так же, как и спускались, Флойд. Будем карабкаться.

Махоуни побледнел еще больше, но так ничего и не сказал и лишь посмотрел мимо Бенсена и Норриса на море. Волны были плоскими и слабыми, и даже шум прибоя представлял собой лишь тихий шепот, словно море совсем выбилось из сил.

— Что-то я не вижу судна, — сказал он через некоторое время.

— Оно там, — ответил Норрис. В его голосе чувствовалось упрямство. — Я его отчетливо видел. Три или четыре мачты. Оно было разломано посередине, но можно было...

Бенсен закатил глаза и прервал его раздраженным жестом.

— Да хватит уже, малыш, — сказал он. — Мы тебе верим.

Задумавшись на секунду, он затем добавил изменившимся голосом:

— Кроме того, это как раз то место, о котором мне говорил тот сумасшедший, — он вздохнул. — Ну что, начнем?

Норрис молча развязал ремни своего рюкзака и помог Бенсену снять со спины его ношу. Только Махоуни даже не пошевелился.

— В чем дело? — раздраженно спросил Бенсен. — Нет желания что-либо делать?

— Ни малейшего, — ответил Махоуни, покачав головой. — Не нравится мне эта затея, Леннард.

Он поджал губы, но все же снял со спины рюкзак. Затем он указал кивком головы на море:

— Море уж слишком спокойное. Да и холод собачий.

— Ну, в ноябре такое иногда бывает, — язвительно ответил Бенсен. — Что с тобой случилось-то? Боишься схватить насморк? — он засмеялся. — Филлипс платит каждому из нас по пятьдесят фунтов, парень. За такие деньги вполне допустимо немного промочить ноги, или я не прав?

— Дело не в этом, — пробормотал Махоуни. — Я... — он запнулся, глубоко вздохнул и еще раз покачал головой. — Мне просто совсем не нравится эта затея, вот и все.

Норрис уж собирался что-то сказать, но Бенсен удержал его быстрым выразительным взглядом. Он лучше знал, как следует обращаться с Махоуни.

— Она и мне не нравится, — сказал он таким кротким тоном, что Махоуни с удивлением уставился на него. — Было бы, конечно, лучше, если бы у нас имелось какое-нибудь суденышко и соответствующее снаряжение, но у нас не остается времени, чтобы все это раздобыть. Этот Филлипс всех и вся поднимет на ноги, если только узнает, что судно находится именно здесь, поэтому я предпочел бы осмотреть обломки еще до того, как он явится сюда.

Махоуни кивнул, но как-то не очень уверенно, и Бенсен почувствовал, что его еще придется убеждать и убеждать. Они обсуждали это уже не раз. Собственно говоря, в городе почти и не было другой темы для разговоров с тех самых пор, как этот чудаковатый мистер Филлипс и два его не менее чудаковатых спутника приехали в город и начали будоражить людей. Они искали судно. Судно, затонувшее более трех месяцев назад у этого побережья. Судя по затратам — а они буквально разбрасывались деньгами, нанимая людей для поисков, — на борту этого корабля находилось что-то весьма ценное. Не только Норрис, Махоуни и он, Бенсен, решили заняться поисками судна самостоятельно. Однако Норрис был единственным, кому посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте — он увидел в море обломки парусника после того, как он пошел на дно.

— Если судно и в самом деле там, на дне, мы до него все равно не доберемся, — пробормотал Махоуни. — Здесь довольно глубоко, к тому же течение...

— Так ты хотя бы попытайся, Флloyd, — перебил его Бенсен. — Даже если ты до него и не доберешься, мы, по крайней мере, сможем получить вознаграждение за то, что нашли судно, не так ли?

Махоуни неохотно кивнул. Филлипс действительно пообещал вознаграждение в сто пятьдесят фунтов тому, кто найдет судно. «Годовой доход рабочего, — подумал Бенсен, — только лишь за сведения о местонахождении судна. На его борту, должно быть, не просто сокровища...»

— Ну хорошо, — наконец-таки согласился Махоуни. — Я попробую. Однако не надейтесь, что я буду нырять на большую глубину. Я просто поплыву туда и посмотрю, что к чему. Я, может быть, и тупица, но жить мне еще не надоело.

— А от тебя ничего особенного и не требуется, — поспешно сказал Норрис. — Когда мы выясним точное местонахождение парусника, то достанем где-нибудь небольшое суденышко и соответствующее снаряжение. А там уж посмотрим, что делать дальше.

Взгляд Махоуни выражал недоверие, он скорчил недовольную гримасу и начал медленно раздеваться. Бенсен с Норрисом тоже быстро скинули одежду и запихнули ее в водонепроницаемые мешки, которые они принесли с собой. Через некоторое время они уже стояли рядом у кромки воды, раздетые и дрожащие от ноябрьской стужи. С моря веяло ледяным холодом. Бенсен содрогнулся. Он вдруг серьезно засомневался в том, действительно ли стоит пытаться самим, на свой страх и риск, искать обломки судна.

— У нас не так много времени, — неожиданно сказал Норрис.

Бенсен сердито посмотрел на него, но, бросив взгляд туда, куда показывал рукой Норрис, промолчал. На горизонте, предвещая непогоду, клубились черные тучи. «Обычное явление для этого времени года, — подумал Бенсен, — поэтому ничего страшного». Хотя, в общем-то, эти тучи могли быть предвестником шторма. Он с содроганием вспомнил о бушевавшей всю ночь на побережье стихии. Если бы они находились во время такого вот шторма в воде или даже здесь, на пляже, то...

Он отогнал подобные мысли, повернулся к Махоуни и помог ему лучше обвязать

канат вокруг бедер.

Вода была ледяной. Когда они входили в море, Бенсену показалось, что, погружаясь в воду, его ноги тут же отмирали по уровень воды, перемещавшийся все выше и выше. От поверхности моря поднималась серая туманная дымка, и, словно желая сделать это трудное мероприятие еще более трудным, поднялся ветер, обдавая их холодом и швыряя брызги ледяной соленой воды им в лица.

Зайдя в море по бедра, Норман и Бенсен остановились, а Махоуни, даже не оглянувшись, быстро пошел дальше. Бенсен разматывал своими заскорузлыми пальцами канат и смотрел, как Махоуни все больше погружался в воду: сначала по грудь, затем по плечи и, наконец, по горло. В конце концов Махоуни остановился и оглянулся на них.

— Держите канат крепче, — сказал он. — Когда я подам знак, вытаскивайте меня, понятно?

— Понятно! — крикнул Бенсен.

Он инстинктивно держал канат натянутым: течения в этом месте побережья пользовались дурной славой. Даже такой искусный пловец, как Махоуни, не рискнул бы нырять без страховки.

Махоуни развернулся, сделал несколько сильных гребков руками и нырнул. Бенсен осторожно разматывал канат по мере того, как Махоуни под водой плыл все дальше и дальше в сторону рифов, находившихся на расстоянии нескольких сотен футов от береговой линии. Их не было видно под обманчиво гладкой поверхностью моря. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем голова Махоуни снова показалась над серой поверхностью воды: он набрал воздуха и опять нырнул.

Бенсен озабоченно посмотрел на небо. Тучи оставались в стороне, но он знал, какой непредсказуемой бывала погода как раз в этой части шотландского побережья: то, что сейчас выглядело как незначительные признаки непогоды, через полчаса могло превратиться в беснующийся ураган, который, обрушившись на море, мог сделать из него клокочущий ведьмовской котел.

Канат в его руках дернулся. Бенсен, испуганно вздрогнув, очнулся от своих невеселых мыслей и, бросив на Норриса быстрый тревожный взгляд, с силой потянул канат.

Махоуни вынырнул на поверхность, помахал обеими руками и сделал несколько глубоких вдохов. Его губы посинели от холода.

— Оно здесь, — крикнул он. — Почти что прямо подо мной.

— Ты уверен? — крикнул ему Бенсен.

— Да! — голос Махоуни дрожал явно не только от холода. — Я его отчетливо вижу. Судно лежит на боку. Поручни всего в двух метрах от поверхности воды. Ослабь немного канат — я нырну еще раз!

Прежде чем Бенсен и Норрис смогли что-то сказать, Махоуни снова нырнул в глубину.

На этот раз он находился под водой дольше. Больше двух минут, прикинул Бенсен. Канат в его руках легонько дергался, и пару раз ему показалась, что он видит под поверхностью воды какую-то тень, но он не был в этом уверен.

Наконец, когда Бенсен уже начал всерьез беспокоиться, Махоуни вынырнул.

— Оно здесь, — крикнул он еще раз. — Но там еще что-то есть, Леннард. Я...

Позади него из моря ударил бело-серый фонтан. Испуганный крик Махоуни потонул в громком шипении воды. Канат рвануло с чудовищной силой, так что Бенсен чуть не выпустил его из рук, и Махоуни исчез, причем так быстро, как будто кто-то очень сильный

утащил его под воду.

Через секунду он снова вынырнул, жадно хватая воздух ртом, и тут же завопил благим матом.

— Тащите меня! — кричал он. — Ради бога, *вытащите меня отсюда!*

Его лицо было искажено гримасой ужаса. Бенсен видел, что Махоуни, широко раскрыв рот, пытался крикнуть что-то еще, но тут нечто с ужасной силой дернуло за канат, от чего Бенсен повалился вперед. Махоуни опять исчез в глубине. В том месте, где он только что был, на поверхности воды появились пузырьки воздуха и белая пена.

Бенсен и Норрис изо всех сил вцепились в канат, к другому концу которого был привязан Махоуни, и стали тянуть его к берегу.

Однако, несмотря на колоссальные усилия, их все дальше и дальше утаскивало в море. Бенсен расставил ноги, откинулся назад и напряг все свои мускулы, однако рыхлый песок на дне был плохой опорой для ног. Он чуть не потерял равновесие, поневоле наклонился вперед и — шаг за шагом — был вынужден двигаться в сторону моря. Находящийся рядом с ним Норрис испуганно вопил, но Бенсен этого не слышал или не обращал внимания на крики товарища.

В том месте, где Махоуни исчез под поверхностью воды, море начало клокотать, разбрасывая шипящую белую пену. Затем появилась рука Махоуни, совершающая такие движения, как будто он лихорадочно искал, за что бы ухватиться. Вслед за этим из глубины вынырнуло что-то зеленое и бесформенное, обвилось, словно канат, вокруг руки Махоуни и грубым рывком утащило ее под воду.

Увиденное придало Бенсену сил. В отчаянном усилии он рванулся назад и изо всех своих сил потянул канат к берегу.

— Тяни, Фрэд! — выкрикнул он, задыхаясь. — Черт возьми, тяни его! Там, должно быть, осьминог или что-нибудь подобное!

Это была какая-то странная борьба. Бенсен не осознавал, сколько же времени она продолжалась — секунды, минуты, а может быть, часы. Море клокотало и пенилось уже совсем недалеко от них, и несколько раз над поверхностью воды появлялась голова Махоуни, а вместе с ней — что-то большое и зеленое, которое своими слизистыми щупальцами почти полностью закрывало Махоуни лицо. Бенсен почувствовал, что стер кожу на руках, и они снова кровоточили, но он, не обращая внимания на боль, изо всех сил тянул канат к берегу, пытаясь противостоять той силе, которая тащила его в глубину моря.

И вдруг все закончилось. Канат в руках Бенсена в очередной раз сильно напрягся, дернул его с чудовищной силой в сторону рифов и — провис!

Даже не успев вскрикнуть от испуга, Бенсен потерял равновесие и упал на спину. Погрузившись с головой, он невольно хлебнул морской воды и начал лихорадочно барахтаться. Ему все же удалось вынырнуть и глотнуть воздуха. Задыхаясь, он сумел встать на ноги, выплевывая воду и желчь. На какое-то мгновение море, берег и небо расплылись у него перед глазами, вовлекаясь в хаотичный круговорот. Его тело стал охватывать парализующий холод. И тут...

И тут что-то коснулось его правой ноги!

Бенсен пронзительно вскрикнул: ноги коснулось что-то слизистое и мягкое, но тем не менее ужасно сильное, и это что-то было ничем иным, как тем *существом, которое убило Махоуни!*

Отчаянно рванувшись, Бенсен освободил ногу от хватки слизистого существа, бросился

в сторону берега и поплыл так быстро, как только мог. Он снова хлебнул воды и закашлялся, но все равно продолжал плыть к берегу, так быстро, как еще никогда не плавал в своей жизни. Последние десять-пятнадцать ярдов по мелководью он буквально пробежал на четвереньках.

Бенсен и Норрис добрались до берега практически одновременно. Несколько минут они в изнеможении лежали на берегу, тяжело дыша, не в силах не то что сделать хотя бы шаг, но даже и пошевелиться. В ушах у Бенсена гудело. Он дрожал от холода, а его сердце колотилось так сильно, что казалось, будто оно вот-вот разорвется на части.

Наконец Норрис медленно перевернулся на спину, кряхтя, приподнялся на локтях и подтянул ноги к туловищу. Все его тело дрожало, а зубы стучали от холода.

— О господи, Леннард, — забормотал он. — Он... он погиб. Махоуни погиб. Он... он утонул.

Бенсен принял то же положение, что и Норрис. Холод был просто мучительным, а ветер врезался в кожу, словно невидимые ножи. Но еще хуже, чем холод, терзающий тело, было то — буквально ледяющее душу — чувство, которое постепенно охватывало его изнутри. Он медленно поднял руку, смахнул соленую морскую воду с глаз и громко вздохнул.

— Нет, — сказал он очень тихо, но убежденно. — Он не утонул, Фрэд.

Норрис с удивлением посмотрел на него, несколько раз судорожно сглотнул и затем бросил взгляд на море. Вода уже перестала бурлить. Море, обманчиво спокойное, теперь стало похоже на огромную могилу.

— Он не утонул, Фрэд, — сказал Бенсен еще раз. Помолчав немного, он сжал кулаки и посмотрел на то место, где исчез Махоуни. — Что-то его убило. И я клянусь тебе, что выясню, что же это такое.

Норрис растерянно заморгал. Его лицо стало белым, как прибрежный песок, на котором они сидели, а дыхание — быстрым и неровным.

— А... как? — спросил он.

— Филлипс, — буркнул Бенсен. — Всезнающий Филлипс должен и это знать.

Поднявшись, он выпрямился, но тут же снова наклонился. Вокруг его правой щиколотки обвилось тоненькое серенькое волоконец, похожее на полусгнившую водоросль, как раз в том месте, где он почувствовал прикосновение того существа. Вспомнив об этом — слизистом и мягком — прикосновении, Бенсен содрогнулся. Он поспешно сорвал со своей ноги волоконец и с отвращением вытер руки о песок. После этого он снова выпрямился.

— Пошли, — сказал он. — Пошли отсюда, пока не начался шторм. У меня есть пара вопросов к мистеру Филлипсу.

По ночам мне все время снились кошмары. Это был один и тот же сон, все время один и тот же — жуткая череда видений, причем я точно не помнил, что именно мне снилось, но я почти регулярно, вскрикнув во сне, просыпался ночью весь в поту, а пару раз — об этом Говард рассказал мне позже — ему с Рольфом пришлось изо всех сил держать меня за руки и за ноги, потому что я судорожно бился во сне, едва не изранив себя. Я никак не мог вспомнить, о чем же был этот сон, за исключением одного: в моем сне фигурировал некий мужчина. Он был с бородой и с белой, похожей на зигзагообразную молнию прядью волос, начинавшейся у его брови и тянувшейся почти до затылка. Кроме того, во сне часто появлялось и некое злое существо, которое я толком никак не мог рассмотреть. Мне казалось, что оно состояло из черноты и превратившегося в плоть ужаса, а также из

извивающихся щупальцев и уродливого, похожего на попугайчий, клюва, с которого капала кровь. А еще во сне мне всегда слышались голоса. Они вели беседу на языке, который я не понимал, но знал, что он древнее человеческой расы, может быть, даже древнее самой жизни. Впрочем, даже хорошо, что мне никогда не удавалось вспомнить подробности этого кошмарного сна, потому что, если бы мне это удалось, мой рассудок, наверное, не выдержал бы. Мне и без того было не по себе. Видения, которые удержались в моей памяти, были расплывчатыми и блеклыми, словно их заволакивал туман или наползающая ключьями густая дымка: это были какие-то ландшафты, быть может, даже города, погруженные в черноту или же окрашенные в тусклые цвета, для которых на человеческом языке и названий-то нельзя было сыскать; странные искаженные предметы; черные моря из жидкой смолы, на берегах которых кучами валялась какая-то мерзость...

Я с трудом отогнал от себя обрывки этих видений, подошел к окну и глубоко вдохнул. Было холодно. В воздухе пахло снегом и соленой водой. Я некоторое время неподвижно постоял у открытого окна, глубоко дыша и наслаждаясь ощущением покалывающего холода, распространяющегося в моем горле. Это чувство было приятным, хотя оно могло вот-вот стать болезненным. Холод позволял мне, пусть даже и на короткое время, восстановить ясность мыслей. Так я стоял целую минуту, глубоко и размеренно дыша и разглядывая улицу. Время близилось к полудню, по улице сновало множество людей, спешивших по своим делам — делам, которые могут быть у обычных людей в обычный ноябрьский день. Вид, открывавшийся из окна, мог бы казаться просто идиллическим, если бы не темные тучи, клубившиеся неровной черной полосой на горизонте с восточной стороны, и если бы не раскаты грома, время от времени доносившиеся оттуда. Молча поглазев на улицу, я закрыл окно и повернулся к Говарду.

— Ты рассказал мне все? — обратился я к нему.

Говард опустил газету, посмотрел на меня и устало улыбнулся. Он выглядел изможденным. Под глазами у него были большие темные круги, а когда он складывал газету, я заметил, что его пальцы слегка дрожали. В отличие от меня, он всю прошедшую ночь не сомкнул глаз. Они с Рольфом по очереди дежурили у моей кровати, и в последний раз была очередь Говарда.

Он зевнул, небрежно положил газету возле себя на пол, встал и подошел к камину, чтобы поддержать руки над языками потрескивающего пламени. Его тело дрожало: пока было открыто окно, ноябрьский холод успел прокрасться в комнату. Я явственно чувствовал этот холод сквозь тонкую ночную рубашку. Для Говарда, измученного, но так и не получившего возможности отдохнуть, холод, очевидно, был вдвойне неприятен.

Говард, похоже, и не собирался отвечать на мою реплику.

— Ну так как? — спросил я нетерпеливо.

Мой голос слегка дрожал, но я и сам не знал, от чего: то ли от холода, то ли от нарастающего во мне гнева. Уже не первый раз я задавал подобный вопрос Говарду — или же Рольфу, в зависимости от того, кто из них оказывался рядом. И Говард, конечно же, либо вообще мне ничего не отвечал, либо отвечал весьма уклончиво.

— Что «ну так как»? — переспросил Говард.

Он вздохнул, обернулся и посмотрел на меня. Его взгляд снова выражал сострадание и озабоченность, и это приводило меня в бешенство. С тех пор как мы приехали сюда, в Дернесс, и с тех пор как я в первый раз погрузился в свои бредовые видения, его взгляд частенько становился таким. Обычно так смотрят либо на больного ребенка, либо на

умирающего человека. Но я же не был ни тем, ни другим!

На какое-то мгновение я не смог сдержать свой гнев. В раздражении подняв руки, я подошел к нему и впился в него взглядом.

— Не прикидывайся дурачком, Говард, — сказал я. — Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. С тех самых пор, как мы выехали из Лондона, ты водишь меня за нос или же делаешь то, чего я не понимаю. А я все-таки хочу знать, что здесь происходит.

Говард вздохнул.

— Ты все еще болен, парень, — сказал он. — Почему бы тебе не подождать, пока...

Я прервал его гневным движением руки.

— Послушай, Говард, — сказал я. — Я тебе не глупенький ребенок, с которым можно вот так вот разговаривать. Уже целую неделю я лежу в кровати и ничего не делаю, а ты сидишь рядом с похоронным выражением лица и смотришь на меня так, как будто уже снимаешь с меня мерку для гроба!

— Если бы только это, — пробормотал Говард. — Если бы только наши жизни были в опасности, я бы так не переживал. Но...

Он вздохнул, прошел мимо меня и плюхнулся в кресло, в котором провел всю прошлую ночь.

— Опять одни намеки, — сказал я.

Однако гнев в моем голосе был уже наигранным. Я почувствовал, что почему-то успокаиваюсь. Впрочем, с Говардом действительно было просто невозможно спорить, если он сам этого не хотел. Некоторое время я стоял, уставившись на него, а затем подошел к кровати и склонился над своей одеждой: хватит и одной недели безделья.

— Что ты там делаешь? — спросил Говард.

Он задал этот вопрос небрежно, как бы без особого интереса.

— Одеваюсь, — сердито ответил я, намереваясь натянуть на себя брюки.

Но едва я наклонился, как у меня закружилась голова. Очнувшись, я увидел перед собой лицо Говарда и почувствовал твердую древесину пола под своим затылком.

— Вот так вот, — спокойно сказал Говард. — Убедился?

Я ничего не ответил. Это был уже не первый случай, когда я чувствовал приступ слабости. С тех самых пор, как я встретился с ДОИСТОРИЧЕСКИМ ГИГАНТОМ, так случалось со мной регулярно. Не так часто, как ночные кошмары, но все же достаточно регулярно. И с каждым разом приступы слабости все усугублялись — постепенно, но неумолимо. В первый раз это было лишь краткое, буквально мимолетное ощущение тошноты, сопровождающееся почти приятным головокружением. Сейчас же я потерял сознание уже на несколько секунд...

— Говард, — пробормотал я. — Я...

— Да ладно, — Говард улыбнулся, протянул руку, помог мне встать и усадил меня на кровать. — Я тебя понимаю, Роберт. Если бы я был на твоём месте, то я, наверное, оказался бы таким же нетерпеливым, — он вдруг снова улыбнулся. — Я, наверное, и недели бы не выдержал. Но тебе нужен покой. Твоя рана намного серьезнее, чем ты думаешь.

Я инстинктивно пощупал рану на своем лбу. Порез — в палец длиной — уже давно зажил, и все, что от него осталось, — тонкий, еле заметный белый шрам. Еще мне напоминала о пережитом похожая на зигзагообразную молнию белая прядь волос, начинавшаяся над моей правой бровью и тянувшаяся к затылку, словно некий знак, каким я теперь буду отмечен до конца своей жизни.

— Ты должен себя беречь, Роберт, — продолжал Говард. — Я говорю это серьезно. Ты пережил то, что обычный человек просто не смог бы пережить. Собственно говоря, уже одного вида ДОИСТОРИЧЕСКОГО ГИГАНТА вполне достаточно, чтобы убить человека или, по крайней мере, довести его до сумасшествия. Твой отец, Роберт, в свое время пробыл между жизнью и смертью целых полгода.

— Именно это я и имею в виду, — мрачно произнес я. — Я, несомненно, не являюсь обычным человеком. И я хочу в конце концов знать, что же со мной происходило. Я хочу знать, кто я такой.

— Ты сын своего отца, — спокойно ответил Говард.

— А кем был мой отец? *Кроме того*, что он был Родериком Андарой, колдуном.

На этот раз Говард ответил не сразу.

— Я... все тебе расскажу, — сказал он, но лишь после долгого молчания и как-то неуверенно. — Но не сейчас, Роберт. Не сейчас и не здесь. Это долгая история, а в данный момент у нас есть дела и поважнее. Когда мы отыщем обломки судна и найдем сундук...

— Ты тогда наверняка отыщешь еще какую-нибудь отговорку, — перебил я его.

Впрочем, мои нападки мне самому казались несправедливыми. На самом деле у меня не было никаких оснований сомневаться в дружбе Говарда и в его добрых намерениях, однако после того, как я провел целую неделю в бесплодных размышлениях, задавая себе массу вопросов, все еще остающихся без ответов, мне все это уже действительно надоело.

— Почему ты мне не доверяешь, Роберт? — тихо спросил Говард. Его взгляд был печальным. — Что еще я должен сделать, чтобы убедить тебя, что я на твоей стороне?

— Ничего, — ответил я. — Тебе не нужно меня ни в чем убеждать, Говард, я в этом не сомневаюсь.

— Тогда перестань задавать мне вопросы, — сказал Говард серьезно. — Ты все узнаешь, когда придет время.

Я посмотрел на него, поднял руку и коснулся шрама на своем лбу.

— Это ведь имеет отношение к моей ране, не так ли? — тихо спросил я.

Говард промолчал, но уголок его рта слегка дернулся. Он, не выдержав моего взгляда, отвел глаза в сторону и начал нервно теребить свой серебряный портсигар.

— Это ведь не просто телесная рана, не так ли? — продолжал я. — Порез давно зажил, а мне все равно не становится лучше, и...

— Рана была воспалена, — перебил меня Говард. — В ней оказалось много грязи. Ты ведь сам слышал, что сказал врач.

Это была очередная отговорка. Врач, к которому меня привели Говард и Рольф, сказал то, что ему *порекомендовали* сказать, не больше и не меньше, и не надо было обладать моим даром отличать правду от лжи, чтобы это понять. Говард был никудышным артистом.

— Чепуха, — тихо сказал я.

— Ты...

— Это бессмысленно, Говард. Не пытайся ввести меня в заблуждение. Когда меня коснулось это... это *существо*, со мной что-то произошло. С каждым днем я чувствую себя все хуже, и приступы слабости у меня не проходят, а, наоборот, мое состояние ухудшается. Что со мной случилось?

Я помолчал, выпрямился — теперь уже намного осторожнее — и в упор посмотрел на Говарда.

— Я смогу примириться с правдой, Говард, — сказал я тихо. — Тот зверь ведь не

просто поранил меня. Когда он меня коснулся, со мной что-то произошло. Что это было? Своего рода отравление?

Говард чуть заметно кивнул. Он нервно раскрыл свой портсигар, зажал губами одну из своих тонких черных сигар и подошел к камину, чтобы прикурить от тлеющей головешки. Затем он повернулся и посмотрел на меня. Его лица почти не было видно за плотным серо-голубым облаком табачного дыма.

— Да, — сказал он. — Но не такое, как ты думаешь. Я не могу тебе этого объяснить, во всяком случае не могу этого сделать сейчас и здесь, но я...

— А почему не можешь? — перебил я его.

— Да потому что я, черт возьми, и сам этого *не знаю*, — вдруг вспылил он, — Говард вдруг быстрыми шагами подошел к кровати, наклонился надо мной и начал взволнованно размахивать раскуренной сигарой так близко от моего лица, что я инстинктивно отшатнулся назад. — Черт побери, парень, я бы с радостью тебе помог, но я просто не в состоянии это сделать! Когда твой отец в свое время подвергся нападению одного из ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ, я тоже был бессилен. Он тогда сам себя вылечил, и лучше не спрашивай меня как. Ведь он был магом, имел соответствующие книги. А я не маг, и магических книг у меня нет.

Говард отступил назад, затянулся сигарой и закашлялся. Он вдруг показался мне очень изнуренным, словно эта короткая вспышка отняла у него все силы.

— Значит, я... умру? — спросил я.

Я был совершенно спокоен, и не только внешне. Когда человек целую неделю валяется в постели и явственно чувствует, что ему с каждым днем становится не лучше, а все хуже и хуже, то ему в голову начинают лезть всякие дурные мысли.

— Глупости, — выпалил Говард. — Ты молодой и сильный и не умрешь от какой-то там царапины. Но ты должен быть терпеливым. Я сделаю все, что в моих силах, хотя вряд ли смогу сделать многое. Если бы нам все-таки удалось отыскать это чертово судно!

Его последняя фраза относилась уже не ко мне. Это был не более чем вопль отчаяния, за последние восемь дней я слышал его уже не раз. Мы находились в Дернессе, совсем рядом с тем местом, где затонула «Владычица тумана», но нам до сих пор так и не удалось обнаружить каких-либо следов кораблекрушения.

— Быть может, мне тоже следует пойти на берег, — пробормотал я, хотя знал, каков будет ответ Говарда. Я, в общем-то, уже не раз вызывался принять участие в поисках.

— Об этом не может быть и речи, — буркнул Говард. — Ты останешься в этой комнате. Если потребуется, я даже привяжу тебя к кровати.

— Глупости! — вспыхнул я. — Ты же знаешь...

— Позволь мне самому заниматься поисками судна, — перебил меня Говард. Его голос был раздраженным. Мы уже не первый раз спорили об этом, доходило чуть не до ссоры. — Ты уже показал мне на карте, где затонуло судно, и этого достаточно. Я договорился с несколькими местными жителями, они вскоре приступят к поискам судна, при этом я назначил довольно приличное вознаграждение тому, кто его найдет. Рано или поздно мы все равно разыщем парусник, — он неожиданно улыбнулся: — Будь благоразумным, парень. Ты должен себя беречь.

— Ты обладаешь фантастической способностью говорить прямо противоположное тому, что сказал буквально пять минут тому назад, — раздраженно сказал я. — Ты разве не говорил, что я не подвергаюсь какой-либо опасности?

— Между смертельной болезнью и абсолютным здоровьем есть еще и промежуточные состояния, не так ли? — невозмутимо ответил Говард.

— Я ведь не собираюсь нырять в воду в поисках обломков судна, я хочу всего лишь там осмотреться. А в картах я на самом деле ничего не понимаю. Они для меня не более чем цветные линии на белой бумаге. Я уверен, что узнаю то место, если снова увижу его хотя бы разок.

— Нет, — отрезал Говард.

Спокойствие, с которым он это сказал, привело меня в бешенство.

— Черт возьми, тогда я пойду туда сам, — заявил я. — Ты все равно не сможешь следить за мной день и ночь. В конце концов, тебе же нужно когда-то и поспать.

Говард на некоторое время задумался, затем швырнул свою сигару в камин и кивнул. Выражение его лица, однако, мне совсем не понравилось.

— Быть может, ты и прав, — пробормотал он. Говард посмотрел на меня, улыбнулся странной печальной улыбкой и продолжил: — Возможно, ты и на самом деле сделал бы это. Но я не могу позволить, чтобы это произошло.

Я слишком поздно понял, что он имел в виду. Гневно вскрикнув, я рывком приподнялся на кровати, отбросил одеяло в сторону и соскочил на пол, но, будучи ослабленным, я просто не был способен на достаточно быстрые действия. Я не успел сделать и двух шагов, как Говард уже выбежал из комнаты.

Раздался звук поворачивающегося в замке ключа.

Гостиница находилась в конце улицы, на самой окраине города. Это была явно не лучшая гостиница в Дернессе. Впрочем, два человека, только что вошедшие в гостиничную дверь и нерешительно оглядывающиеся по сторонам, тоже явно не были похожи на постояльцев даже такой гостиницы. Судя по их внешности, они были либо рыбаками, либо крестьянами из пригорода, а влажные, грязные следы, которые они оставляли за собой, подходя к стойке администратора, свидетельствовали о том, что они пришли сюда прямо с поля или же с побережья.

Портье, нахмурившись, посмотрел сначала на одного, потом на второго, а затем, нарочито вытянув шею, театрально проследил взглядом по грязным дорожкам следов, оставленным двумя мужчинами на ковре. На его лице появилось недовольное, натянуто-вежливое выражение, которое вырабатывается у гостиничных портье, десятилетиями лелеющих мечту хоть разок высказать посетителям то, что они о тех думают (хотя они этого, конечно же, никогда не сделают). Затем он обратился к пришедшим тоном, который заморозил бы даже кипящую воду:

— Чем могу служить?

Один из вошедших — тот, что повыше ростом — вздрогнул, словно от удара, и быстро отвел взгляд в сторону, в то время как второй невозмутимо выдержал взгляд портье и, подойдя к нему, оперся локтями о стойку.

— Меня зовут Бенсен, — сказал он.

У него оказался неприятный голос. Его волосы были влажными и слиплись в пряди на висках и лбу. Кроме того, от него пахло соленой водой и гниющими водорослями. Портье презрительно сморщился и слегка отшатнулся назад, выпрямив спину и расправив плечи. Его туловище стало таким прямым, как будто он проглотил оглоблю.

— Если вам нужны гостиничные номера, господа... — начал было он.

— Нет, не нужны, — перебил его Бенсен.

Портье, хотя и пытался сдержаться, но все же вздохнул с явным облегчением.

— У нас... э-э... все равно нет свободных мест, — на всякий случай сказал он. — Так чем все-таки могу служить?

— Мы ищем одного из ваших постояльцев, — ответил Бенсен. Он еще немного наклонился вперед, и портье тут же еще больше отпрянул назад. Бенсен ухмыльнулся. Его, похоже, позабавила такая реакция портье. — Некого мистера Филлипса. Он ведь проживает у вас, да?

— Именно так, сударь, — холодно ответил портье. — Я... я выясню, примет ли он вас. Как ваше имя?

— Бенсен, — последовал ответ. — Но оно ему ничего не скажет. Сообщите ему, что мы нашли.

— Что вы...

— Что мы нашли, — повторил Бенсен. — Именно так. Он тогда выйдет к нам. Наверняка.

Портье холодно кивнул.

— Очень хорошо, мистер Бенсен. А пока что не могли бы вы пройти в салон...

Рука портье указала на открытую дверь салона. Бенсен ухмыльнулся и, больше не произнеся ни слова, повернулся и пошел в указанном направлении. Его спутник последовал за ним. Позади них на дорогом ковре оставались все те же грязные отпечатки подошв.

Когда они вошли в салон и Бенсен увидел, что они теперь одни, ухмылку с его лица словно ветром сдуло. Он остановился, потер рукой подбородок и бросил на Норриса быстрый нервный взгляд. Руки Бенсена еле заметно дрожали, а в глазах метались искорки страха. Но он, так же молча, подошел к столу, опустил на один из стульев и положил руки на белую полотняную скатерть.

— Надеюсь, он здесь, — сказал он.

— У меня дурные предчувствия, — пробормотал Норрис. — Давай лучше смоемся отсюда, пока еще есть время, Леннард.

Норрис тоже сел за стол, но сидел он в какой-то странной позе, перекосившись. Было видно, что ему не по себе. Бенсен решительно покачал головой.

— Об этом не может быть и речи, — сказал он. — Если ты боишься, то сиди и помалкивай, а говорить буду я. Вот увидишь, мы хорошо заработаем.

— Махоуни тоже так думал, — тихо возразил Норрис.

Когда он произнес имя их погибшего товарища, его голос задрожал. Бенсен увидел, что кулаки Норриса резко сжались, но тут же снова расслабились. Его лицо было бледным, с сероватым оттенком.

— Все будет хорошо, — сказал Бенсен с наигранным оптимизмом. — Вот увидишь: мы вытянем из этого Филлипса больше, чем каких-то жалких сто пятьдесят фунтов. Намного больше. А если не получится, то мы можем пойти в полицию и сообщить о том, что произошел несчастный случай.

— Несчастный случай! — ахнул Норрис. — Ты сам-то в это веришь?

— Конечно же, нет, — ответил Бенсен. — Именно поэтому я сейчас здесь, Фрэд. Я хочу узнать, что же там в действительности произошло. А если при этом я еще и заработаю несколько фунтов, тем лучше. Ты...

Он замолчал, услышав громкий звук быстрых шагов на лестнице, поднял глаза и

повернулся к двери.

Через секунду в комнату вошел высокий темноволосый мужчина, остановился на секунду возле двери, а затем быстрыми шагами подошел к столу.

— Мистер... Бенсен? — спросил он.

Бенсен кивнул. Филлипс изменился: он казался очень усталым, его лицо осунулось и выглядело изможденным, а осанка уже не была такой прямой и уверенной, как раньше. Бенсен видел Филлипса до этого только один раз, да и то в течение нескольких секунд и с большого расстояния. Однако лица, подобные этому, долго не забываются. Бенсен встал и протянул руку навстречу Филлипсу. Тот не обратил на его руку никакого внимания. Тогда Бенсен снова сел и подождал, пока Филлипс не уселся на один из стульев.

— Похоже, мы еще никогда не встречались, — сказал Филлипс, немного помолчав. — Или встречались?

— Мы уже виделись, правда, недолго, — ответил Бенсен. — В «Черной овце», не прошлой неделе. Помните?

Филлипс помолчал, словно ему понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить, действительно ли он заходил в небольшой портовый кабачок на другом конце города, и, если заходил, то с какой целью. Затем он кивнул:

— Да. Я помню.

— Хорошо, — сказал Бенсен.

Жеманство Филлипса мало-помалу начинало его раздражать. Этот заносчивый франт прекрасно понимал, кто они такие и что им от него нужно. Он всего лишь разыгрывал из себя дурня. Что ж, подумал Бенсен, за каждую потерянную ими минуту, за то, что он морочит голову ему и Норрису, этому Филлипсу придется дорого заплатить. Очень дорого.

— Мы там немножко полазили по берегу, — продолжил Бенсен. — И, я думаю, мы нашли то, что вы ищете, мистер Филлипс.

Филлипс остался внешне равнодушным. Лишь его лицо стало выглядеть чуточку бодрее. А еще он так и не смог подавить искорки, вспыхнувшие в его глазах. Бенсен мысленно уже увеличил сумму, которую собирался потребовать.

— Мы нашли судно, — добавил Бенсен, так и не дождавшись от Филлипса никакого ответа. — Оно лежит недалеко от берега. До него отсюда несколько миль. Вы обещали вознаграждение...

— Не торопитесь, молодой человек, — спокойно сказал Филлипс. — Я охотно верю в то, что вы нашли обломки какого-то судна. Однако обещанное вознаграждение касается лишь конкретного судна. Скажите мне его точное местонахождение, и я проверю, действительно ли это «Владычица тумана». Если да, то вы и ваш приятель незамедлительно получите обещанные деньги.

Бенсен холодно улыбнулся.

— Ну уж нет, — сказал он.

На этот раз ему все же удалось слегка поколебать самообладание Филлипса.

— Что вы сказали? — переспросил Филлипс. — Что означают ваши слова?

— Ну уж нет, — повторил Бенсен. — «Нет» означает «нет», мистер Филлипс. Эн-е-тэ. Понятно? Я не скажу вам, где находится судно. Даже если вы заплатите мне сто пятьдесят фунтов. Я отсюда...

Филиппс глубоко вздохнул.

— Послушайте, молодой человек, — резко сказал он. — Если вы думаете, что сможете

давить на меня, то...

— Мы отсюда пойдем прямо в полицейский участок и расскажем констеблю всю эту историю, — невозмутимо продолжал Бенсен. — Кто знает, может, и кое-кто другой интересуется этим кораблекрушением. И вам, возможно, придется ответить на множество неприятных вопросов, когда в полиции узнают, что вы проявили интерес к затонувшему судну.

Его слова прозвучали как гром среди ясного неба: Филлипс даже в лице переменился. Его кадык нервно заходил вверх-вниз, а руки так сильно сжали рукоятку тоненькой черной тросточки, которую он принес с собой, что казалось, будто он хочет ее сломать.

— Что... что вы имеете в виду? — спросил он, запинаясь.

Бенсен лишь в самый последний момент сумел подавить торжествующую ухмылку. Он, похоже, выиграл эту схватку. Бросив быстрый взгляд на Норриса, он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Лишь после этого он ответил:

— Там погиб человек, мистер Филлипс.

— Погиб человек?

Бенсен кивнул.

— Это затонувшее судно, — продолжал он, обдумывая каждое слово, — которым вы так живо интересуетесь, — какое-то необычное судно. С ним что-то не так, и я хотел бы знать, что.

Филлипс начал нервничать еще больше.

— С чего вы это взяли? — спросил он. — Действительно, на этом судне находятся кое-какие... бумаги. Бумаги, представляющие для меня большую ценность. Если вы укажете мне местонахождение затонувшего судна и это действительно окажется «Владычица тумана», то я готов выплатить вознаграждение...

— Послушайте, Филлипс, — гневно перебил его Бенсен. — Вы знаете так же хорошо, как и я, что это именно то судно, которое вы ищете. И я вполне уверен, что вы также сможете объяснить, что же произошло с нашим другом. Мы ведь действовали вроде бы осмотрительно. Мы пошли туда втроем: я, Фрэд — вот он сидит — и еще один наш друг. Мы ныряли на глубину, чтобы во всем убедиться. Но один из нас оттуда не вернулся.

— Ваш друг... утонул? — испуганно спросил Филлипс.

Бенсен впился в него сердитым взглядом.

— Нет, — сказал он. — Он не утонул. Его что-то убило. И вы знаете, что.

Секунд десять, а может и двадцать, Филлипс в упор смотрел на Бенсена, ничего не говоря. Затем он, схватившись обеими руками за свою тросточку, встал — причем так поспешно, что его стул отлетел в сторону и перевернулся, — и глубоко вздохнул.

— Вы сошли с ума, мистер Бенсен, — холодно сказал он. — Я сожалею по поводу того, что случилось с вашим другом, но, судя по вашему рассказу, это вы во всем виноваты, а не я.

— А может, полицейские будут другого мнения? — не менее холодно спросил Бенсен.

На этот раз Филлипс лишь пожал плечами.

— Возможно, — сказал он. — Хотя они, скорее всего, придут к выводу, что вы и ваши друзья на свой страх и риск занимались поисками каких-то мифических ценностей и при этом ваш друг погиб.

— Может быть, — кивнул Бенсен, оставаясь по-прежнему невозмутимым. — Но так же возможно, мистер Филлипс, что они пошлют кого-нибудь туда, чтобы на месте посмотреть, что к чему, и, *может быть*, он оттуда не вернется, и тогда они, *может быть*, поднимут по

этому поводу такую шумиху, что вам, *может быть*, никогда уже не увидеть этих ваших так называемых *бумаг*. Не слишком ли много набралось «может быть», мистер Филлипс, чтобы вы могли чувствовать себя спокойно, а?

В глазах Филлипса сверкнула ненависть. Однако расчет Бенсена на этот раз оказался правильным. Гневно взглянув на него, Филлипс резко повернулся и пошел к выходу. Но он не вышел из комнаты: наоборот, он лишь плотно закрыл дверь и снова вернулся к столу. Ухмылка Бенсена стала еще шире.

— Ну и? — резко спросил Филлипс. — Что вам нужно?

— Вот это уже намного разумнее, — злобно сказал Бенсен. — А то было бы жаль, если бы вместо нас двоих через часок здесь сидели бы два полицейских и задавали бы вам кучу неприятных вопросов, ведь правда?

— Что вам нужно? — нетерпеливо спросил Филлипс. — Если вам нужны деньги, то скажите, сколько вас устроит. Но не перестарайтесь: мне нечего скрывать, да и потерять в этом деле я могу не так много, как вы, вероятно, думаете. Я сейчас разговариваю с вами только потому, что у меня просто нет ни недели, ни даже дня на то, чтобы вступать в разбирательства с властями. Сколько вас устроит?

Он положил свою тросточку на стол, засунул левую руку в карман и вытащил оттуда битком набитый бумажник.

Но, несмотря на то, что Филлипс уже раскрыл бумажник и приготовился отсчитывать десятифунтовые купюры, Бенсен отрицательно помахал указательным пальцем.

— Попридержите свои денежки, мистер Филлипс, — сказал он. — До поры до времени. Я еще и сам не знаю, сколько меня устроит.

Глаза Филлипса сузились. Он медленно закрыл бумажник, засунул его обратно в карман и взял свою тросточку.

— Что вы имеете в виду?

— Я еще и сам не знаю, сколько меня устроит, — повторил Бенсен. — Это значит, что я еще не знаю, насколько может возрасти сумма. Сколько вас? Трое, не так ли?

— При чем здесь это? — спросил Филлипс.

— Вы сами, — невозмутимо продолжал Бенсен, — а еще юноша, уже целую неделю не выходящий из своего номера, да громила со свиноподобным лицом. Поправьте меня, если я кого-то пропустил.

— Вы... хорошо осведомлены, — холодно сказал Филлипс.

— Да, я навел кое-какие справки, — кивнул Бенсен. — Так, на всякий случай. Я даже знаю, что на самом деле вас зовут совсем не Филлипс. Впрочем, это не имеет значения. Мое предложение очень простое: поделим все поровну. Мы с Норрисом получим каждый свою долю, такую же, какую получите вы и два ваших спутника. То есть все будет поделено на пятерых, а не на троих.

Филлипс покачал головой. Он так поджал губы, что они превратились в тонкую полоску. Бенсен отчетливо видел по лицу Филлипса, что тот напряженно размышляет.

— Вы, должно быть, совсем спятили, — сказал Филлипс в конце концов. — На судне нет ни золота, ни других драгоценностей. Только сундук с бумагами.

— Ну, мы живем в смешное время, — возразил Бенсен, ухмыляясь. — Сегодня бумага может стоить намного больше, чем золото и драгоценные камни. Так как?

Филлипс размышлял целую минуту. Затем он кивнул. У Бенсена отлегло от души. Ему уже начало казаться, что он, пожалуй, зависил свои требования.

— Договорились, — сказал Филлипс. — Если вы с вашим другом поможете нам достать сундук, то я заплачу вам столько, сколько вы потребуете. Вы хорошо ориентируетесь на побережье?

— Я туда больше не пойду, — сказал Норрис еще до того, как Бенсен успел что-то ответить. — Меня и десятью лошадьми туда больше не затащишь — ни в то место, ни в его окрестности.

— Ничего не случится, если с вами буду я, — холодно возразил Филлипс. — Ваш друг утонул потому, что он не знал, какая опасность ему угрожала. Если бы я был тогда с вами, ничего плохого не произошло бы. А за те деньги, которые вы требуете, я ожидаю от вас выполнения кое-какой работы. Итак?

Норрис снова хотел возразить, но Бенсен быстрым выразительным взглядом заставил его замолчать. Он не очень хорошо разбирался в людях, но, тем не менее, почувствовал, что на этот раз Филлипс не уступит.

— Вы... тоже поплывете туда? — спросил он.

Филлипс кивнул:

— Я и Рольф — «человек со свиноподобным лицом», как вы его назвали. Впрочем, я не советовал бы вам называть его так или как-то еще в его присутствии. А ответ на ваш вопрос: да. Я уже арендовал небольшое судно: хотел сам проплыть вдоль побережья. Оно находится в порту, и на нем есть самое лучшее и современное оборудование, какое только можно купить за деньги. Там есть водолазный колокол, гермошлемы и пневматические камеры, в общем, все необходимое. Я не ахти какой ныряльщик, но мне сказали, что с таким оборудованием может погружаться любой дилетант. Если судно действительно находится там, где вы говорите, я отправлюсь вместе с вами.

На этот раз Норрис уже не возражал, да и Бенсен, немного подумав, кивнул.

— А когда? — спросил он.

— Как можно быстрее, — ответил Филлипс. — Лучше всего прямо сегодня, но этому, по всей видимости, помешает шторм. Поэтому давайте завтра рано утром. А что с вашим утонувшим другом? Его будут искать?

— Не сразу, — ответил Бенсен. — Он часто отлучался надолго. По крайней мере, до завтрашнего утра его никто не хватится, — он встал, подождал, пока Норрис тоже поднимется со своего стула, и пошел мимо Филлипса к двери. — Тогда до завтрашнего утра. А в какое время?

— С восходом солнца, — ответил Филлипс. — У гавани. Я буду вас ждать.

Приступ начался совершенно неожиданно. Я лежал на кровати (куда снова плюхнулся после того, как четверть часа безрезультатно тарабанил в закрытую дверь, кляня Говарда на чем свет стоит) и, сердито уставившись в потолок, обдумывал все мыслимые и немыслимые планы побега, отбрасывая их один за другим по причине их полной нелепости. Внутри меня все клокотало от гнева. У Говарда, несомненно, относительно меня были самые лучшие намерения, и я с ним, пожалуй, согласен в том, что я еще полностью не оправился от своего ранения, хоть и заявлял ему, что уже выздоровел. Но, тем не менее, я никому не мог позволить обращаться со мной, как с ребенком. Я был уже достаточно взрослым, чтобы иметь право знать, что же все-таки со мной происходит.

Злой как черт, я сел в кровати, откинул одеяло и расстегнул верхние пуговицы ночной рубашки. От огня в камине по комнате распространялось приятное тепло. Вдруг я

почувствовал, что в комнате становится жарко, можно сказать, невыносимо жарко. Причем жара все нарастала, очень быстро, просто невероятно быстро. Воздух, который я вдыхал, обжигал мне горло, словно раскаленный свинец, а моя кожа, казалось, вот-вот задымится. Издавая отчаянные мучительные стоны, я слез с кровати, подошел к окну и прильнул к стеклу. Ноги подкосились, словно уже не могли держать вес моего тела. Я попытался схватиться за раму, но, лишь бессильно скользнув пальцами по окну, больно ударившись, упал на пол, и так и остался лежать, тяжело дыша. Я уперся в пол руками, но, попытавшись подняться, почувствовал, что в руках у меня тоже не было сил, чтобы подняться.

И тут я почувствовал очень сильную боль где-то в области лба. Мне показалось, будто солнце — ослепительно белое — выплеснуло тоненькие струйки клокочущего огня во все клеточки моей нервной системы, парализовав при этом мое тело. Я хотел закричать, но не смог. Голосовые связки меня уже не слушались, а шея, казалось, одеревенела. Несмотря на ужасную боль, я ощутил, что мое тело начало постепенно неметь. Мне казалось, что мои конечности отмирали одна за другой, становясь твердыми и бесчувственными. И вдруг по моему телу прошла ужасная, бесконечно долгая судорога, охватившая каждую мышцу.

Не знаю, как долго все это продолжалось — по-видимому, всего лишь несколько секунд, потому что все это время я не мог нормально дышать и, наверное, просто задохнулся бы, если бы это происходило дольше. Но мне показалось, что я пробыл в этом состоянии несколько часов, лежа на полу, не в состоянии пошевелиться, словно погруженный в море невыносимой боли и страдания.

Когда все было позади, я почувствовал необычайную слабость. Невыносимые страдания, которые испытывало мое тело, вдруг прекратились, боль утихла, и я снова смог нормально дышать.

Я медленно поднялся с пола, прислонился к стене и стал глубоко и жадно вдыхать воздух — теперь уже обычной температуры. Мои руки и ноги дрожали, а в голове у меня, казалось, шевелилось что-то серое, бесформенное и бестелесное. Я застонал, поднял руку и ощутил на лбу свежую теплую кровь: когда я упал, моя рана снова открылась.

Прошло еще некоторое время, прежде чем ко мне вернулась ясность мысли. «Что же произошло?» — недоумевал я. Боль была невообразимой и ни на что не похожей: я еще никогда в своей жизни не испытывал подобной боли. Все происходило так, как будто... как будто некая невидимая сила пыталась разорвать все ткани моего тела и слепить из них новую форму. Мне показалось, что меня вырвали из моего собственного тела.

Я снова застонал и... почти не узнал свой голос. Точнее говоря, этот голос был одновременно и моим, и чужим, чужим и неприятным. Я содрогнулся. Мне вдруг стало так холодно, как будто что-то внутри меня превратилось в лед. В моем сознании начала нарастать волна паники, грозившая снова лишить меня ясности мысли. Лишь с большим трудом мне удалось взять себя в руки.

Мое сердце, уже начавшее было усиленно колотиться, снова забилося спокойно, но я еще долго сидел неподвижно, с закрытыми глазами у окна, ожидая нового приступа. Мне казалось, что он может начаться в любой момент. Но приступа не последовало, и через некоторое время я отважился открыть глаза и оглядеться.

Комната изменилась.

Я не мог уловить, в чем же заключались изменения. Внешне казалось, что все было таким же, как и раньше, но при этом и комната, и звучание моего голоса стали какими-то чужими, но, в то же самое время, что-то в них оставалось прежним. Все вещи и предметы

оставались на своих местах, но при этом выглядели какими-то *ненастоящими*. Очертания стен виделись мне несколько искаженными, а языки пламени в камине — более яркими, разноцветными и, возможно, более жаркими, чем раньше. Линии мебели как-то причудливо искривились. Мне показалось, что все, что я в тот момент видел, уже принадлежало не привычному мне миру, а какой-то другой, чуждой мне вселенной, существовавшей по другим законам, имевшей свою, непохожую на нашу, структуру. Я видел цвета, каких в природе просто не было, углы, превышающие триста шестьдесят градусов, линии, которые казались параллельными, но при этом изгибались каждая по-своему, объемные предметы, состоявшие только из одной плоскости... Мои ощущения походили на ощущения человека, пытающегося представить себе окружность с углами, но у него, естественно, ничего не получалось. И человек, все равно пытаясь это себе представить, постепенно сходил с ума.

Я вскрикнул, закрыл глаза, в отчаянии прижал сжатые кулаки к своим векам и попытался изгнать из своего сознания эти странные видения, но не смог.

Я понимал, что то, что предстало перед моим взором, было просто невозможным. *Невозможным!* Но, тем не менее, я это явственно *видел*.

Затем я услышал звуки. Это были необычные, просто неопишуемые звуки: глухие, еле слышные, совершенно незнакомые и очень мучительные, которые, словно глухой барабанный бой, заполняли все мое существо, заставляя вибрировать каждый нерв, подчиняя себе даже мое сердцебиение. Мне казалось, что я слышу шарканье миллионов и миллионов покрытых роговыми чешуйками ног огромных насекомых, затем какой-то голос выкрикнул мое имя, но так искаженно и фальшиво, как будто это было не произнесенное слово, а удар кнута. Чьи-то руки взяли меня за плечи, грубо подняли меня и поставили на ноги, вывернув назад мои, сжатые в кулаки, руки. Я закричал, скорчился, словно от боли, и попытался снова поднять руки, чтобы заслонить ими лицо и не видеть это ужасное нечто, заползающее в комнату, но руки схватили меня за запястья, а еще чья-то, третья, рука вцепилась в мое плечо, заставила поднять голову и начала меня трясти. Я инстинктивно открыл глаза.

То, что я увидел, заставило меня в панике вскрикнуть. Передо мной стоял монстр. Это было чудовище с четырьмя руками и двумя головами. На меня смотрели два злобных лица, лишь отдаленно похожих на человеческие. Я, заорав, в отчаянии освободился от хватки монстра и ударил кулаком по одному из лиц. Раздалось хлюпанье, как будто я ударил по жидкому свинцу, и меня охватило чувство неопишуемого ужаса. Одно из лиц исчезло, затем ко мне придвинулась какая-то тень, и моя голова после сильного толчка оказалась прижатой к стене.

Боль рассеяла мою галлюцинацию и вернула меня к действительности. Двухголовое чудовище оказалось Говардом и Рольфом, а лицо, по которому я ударил, трансформировалось в искаженное гневом лицо Рольфа. Его левый глаз опух, вокруг него уже начал образовываться синяк. Моя рука ужасно болела. Я, впившись в них взглядом, хотел что-то сказать, но все, что я сумел из себя выдавить, — мучительный нечленораздельный стон.

Говард грубо схватил меня за плечо и заставил посмотреть ему в глаза.

— Ну что, пришел в себя? — спросил он.

Я кивнул и вдруг почувствовал себя слабым, еще слабее, чем раньше. Зашатавшись, я попытался прислониться к находившейся позади меня стене, но не успел и начал падать. Рольф молниеносно подхватил меня и взял, как ребенка, на руки.

— Отнеси его в кровать, — тихо сказал Говард. — Только осторожно. Все происходит

быстрее, чем я предполагал.

Я не понял, что он имел в виду. Впрочем, я был почти не в состоянии о чем-то думать. Все, что я чувствовал, — страх. Панический страх. Я боялся, что могу сойти с ума. А еще я боялся, что все видения — правда. И неизвестно, что из этого было хуже.

Рольф осторожно поднес меня к кровати, уложил на нее и поправил на мне одеяло. Он обращался со мной, как с больным ребенком.

— Ну, теперь все в порядке? — прошептал он.

Рольф попытался улыбнуться, но, учитывая подбитый глаз, это у него не очень-то хорошо получилось.

— Что... что это было, Говард? — прошептал я. — О господи, что это было?

Несмотря на слабость, я приподнялся на кровати и уставился на Говарда широко раскрытыми глазами.

Говард наклонился надо мной, осторожным движением заставил меня снова лечь и обменялся с Рольфом долгим озабоченным взглядом.

— Ничего, — сказал он затем. — Ничего такого, из-за чего следует переживать. Просто сон.

— Это был не сон! — возразил я. — Это был... о господи... комната изменилась и...

— Этого на самом деле не происходило, — сказал Говард, и на этот раз его слова прозвучали почти как приказ. — Возьми себя в руки, Роберт. Пожалуйста. Это была всего лишь галлюцинация. В действительности ничего не происходило. По крайней мере... еще не происходило.

— *Еще* не происходило? — испуганно переспросил я. — Что... что это значит?

— Не знаю, — тихо ответил Говард. — Действительно не знаю. Но у меня есть... подозрение. Впрочем, это не более чем домыслы.

— Так расскажи мне!

— Нет, — сказал Говард. — Еще слишком рано об этом говорить. Завтра в это время мы, возможно, будем знать больше.

— Черт возьми, но речь же идет о моей жизни! — закричал я. — И поэтому я имею полное право знать, что...

Кто-то постучал в дверь. Говард вскочил, жестом показал, что я должен молчать, и пошел к двери. Стук раздался как раз в очень подходящий для Говарда момент. Можно было подумать, что это специально им подстроено.

В дверях показался портье. Хотя я видел его лишь один раз, а именно в тот день, когда мы только вселялись в гостиницу, я сразу же узнал этого маленького человечка, лицо которого походило на лисью мордочку. Он распахнул дверь, лишь слегка приоткрытую Говардом, и уже собирался войти в номер, не дожидаясь приглашения, но Говард преградил ему путь.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Я... услышал крики, мистер Филлипс, — сказал портье. — И шум. Мне показалось, что здесь дерутся.

Он приподнялся на цыпочки, чтобы заглянуть в комнату поверх плеча Говарда. Его взгляд на секунду задержался на лице Рольфа с подбитым глазом.

— Ничего подобного, — поспешно ответил Говард. — Спасибо вам за бдительность, но...

— Если бы здесь ничего не происходило, — перебил его портье, — то я бы ничего и не

услышал.

Говард вздохнул.

— С моим племянником случился приступ, — сказал он. — Но теперь все в полном порядке.

— Приступ? — отговорка, придуманная Говардом, была явно не самой удачной, и лицо портье стало еще более подозрительным. — Не поймите меня превратно, мистер Говард, но наша гостиница пользуется хорошей репутацией. Если ваш племянник болен, то его следует показать врачу, или же...

Говард, вздохнув, открыл свой бумажник, вынул из него десятифунтовую купюру и запихнул ее в нагрудный карман портье. Тот тут же замолк.

— Еще есть вопросы? — тихо спросил Говард.

— Я... нет, сэр, — ответил портье. — Если вашему племяннику все-таки потребуется врач, то...

— Тогда я вас позову, — пообещал Говард. — Обязательно. И извините за то, что заставил вас беспокоиться. Этого больше не повторится.

Не дожидаясь ответа, он закрыл дверь, вздохнув, облокотился на нее и на несколько секунд закрыл глаза.

— Что это было, Говард? — тихо спросил я.

— Это? — Говард улыбнулся. — Портье. К счастью, просто алчный человек. Но... — встретившись со мной взглядом, он вдруг замолчал. Улыбку с его лица словно ветром сдуло, и я снова заметил, как он озабочен и изможден. — Все в порядке. Роберт. Я тебе все объясню. Но не сейчас. Мы с Рольфом еще должны сходить в гавань, через полчаса мы вернемся. После этого у нас будет уйма времени. Мы можем оставить тебя одного на полчаса?

— Думаю, что да, — сказал я.

На самом деле я содрогнулся уже от одной только мысли, что останусь в этой комнате один. Но что-то подсказывало мне, что мне ничто не угрожает. По крайней мере, сейчас.

Говард бросил на меня испытывающий взгляд:

— Правда?

— Правда, — подтвердил я. — Я чувствую себя уже лучше. И обещаю тебе, *дядя Говард*, что буду хорошим мальчиком и никуда не убегу.

Говард ухмыльнулся:

— Ну и хорошо. Мы, вообще-то, спешим. Пошли, Рольф.

Он вышел из номера, причем так быстро, что я не смог бы уже ничего ни сказать, ни спросить. Его уход был похож на бегство...

Я отогнал эту мысль, откинул одеяло, осторожно приподнялся на кровати и попытался сесть. Несмотря на слабость, которую я испытывал еще совсем недавно, теперь я чувствовал себя снова здоровым и сильным, и уже жалел о том, что дал обещание не выходить из гостиницы.

Впрочем, я же не обещал не выходить из номера. Поэтому я вполне мог спуститься в салон и выпить там чего-нибудь. Чего-нибудь такого, чего мне мучительно хотелось уже целую неделю. Вдруг почувствовав сильную жажду, я выпрямился, потянулся за своими брюками и... оцепенел.

Мой взгляд упал на противоположную стену. Две или три секунды я таращился на белые обои, а затем, с трудом подавив крик, оглянулся. Но в комнате позади меня никого не было.

В камине все еще горел огонь, распространяя свет и приятное тепло.

Медленно, чувствуя, как колотится мое сердце и дрожат руки, я повернулся и снова посмотрел на стену. Без сомнения, тень на стене была моей тенью, окруженной пляшущими бликами горевшего в камине огня, неровной по краям и неестественно большой. Она мельтешила в такт языкам пламени и находилась в постоянном движении, как будто жила своей жизнью. И, тем не менее, это была моя тень. Хотя... *она не была человеческой тенью...*

В столь раннее время в забегаловке «Черная овца» практически не было народа. Большинство посетителей появлялись здесь ближе к вечеру, после завершения рабочего дня — то есть после того, как рыбацкие лодки возвращались в гавань, а крестьяне заканчивали работу на полях. У длинной стойки, во многих местах изуродованной горелыми — от окурков — пятнами и круглыми следами от кружек, сидело всего лишь двое посетителей, а еще двое играли в шахматы за маленьким столиком у единственного в этом помещении прямоугольного окна. Тем не менее, в воздухе сильно пахло табачным дымом и пивом, а хозяин заведения, расположившийся перед зеркальными полками с бутылками, выглядел таким усталым — и морально, и физически, — как будто был уже поздний вечер.

— Подожди здесь, — тихо сказал Бенсен.

Он, оставив Норриса одного, подошел к стойке и подозвал хозяина заведения взмахом руки. Тот нарочито медленно отставил в сторону бокал, который уныло тер как раз в этот момент, бросил тряпку в тазик с водой и вытер руки о свой грязноватый фартук. Затем он медленно приблизился к Бенсену.

— Бенсен, — пробурчал он. — Чего тебя сюда принесло? Хочешь рассчитаться по долгам?

— Завтра, — механически ответил Бенсен. — Обещаю тебе, Хэл, — он огляделся по сторонам. Оба шахматиста были увлечены игрой и, похоже, больше ни на что не обращали внимания, однако двое мужчин, сидевших у стойки, прервали свой разговор и с нескрываемым любопытством стали разглядывать Бенсена и Норриса. — Задняя комната свободна?

Хэл автоматически кивнул:

— Да, конечно. Но...

— Тогда принеси нам туда два пива, — перебил его Бенсен. — И проконтролируй, чтобы нас никто не беспокоил.

— Больше ничего? — буркнул Хэл весьма недружелюбно. — А два пива я, как обычно, должен записать на твой счет, да?

— Да получишь ты свои деньги, Хэл, — нетерпеливо ответил Бенсен. — Не позднее завтрашнего вечера.

Хэл, похоже, хотел еще что-то сказать. Но вместо этого он лишь вздохнул, повернулся, молча взял два полулитровых бокала с полки, открыл краник и стал наливать темный эль в один из бокалов. Бенсен слегка улыбнулся и сделал знак Норрису. Быстро, но не настолько, чтобы своей поспешностью привлекать еще больше внимания, Бенсен пересек помещение и, пройдя по короткому коридору, зашел в заднюю комнату.

В ней царила темнота. Занавески на окнах оказались задернутыми, а воздух был таким спертым, что Норрис закашлялся. Бенсен кивком головы указал на покрытый зеленой скатертью игорный стол, который вместе с четырьмя стульями, стоящими рядом с ним,

видавшим виды бильярдным столом и декоративными досками для игры в дарты, висевшими на стенах, составлял убранство комнаты. Бенсен поспешно подошел к окну и отдернул занавески. Комнату осветил яркий солнечный свет — и стали видны витающие в воздухе пылинки. Бенсен тоже закашлялся, отодвинул шпингалет на окне и открыл одну его створку. Холодный ноябрьский воздух хлынул в комнату, заставив Бенсена съежиться, но теперь, по крайней мере, можно было нормально дышать.

Пока Бенсен возился с окном, Норрис уселся на один из стульев. Он сильно сутулился, его лицо было бледным, а глаза — покрасневшими и неестественно широко раскрытыми. Из левого уголка рта текла слюна. Посмотрев на него, Бенсен испугался.

— Что с тобой? — спросил он.

Подойдя к столу, Бенсен протянул к Норрису руку, но тот поспешно покачал головой, выпрямился и глубоко вздохнул. Его губы дрожали. Бенсен заметил, что от Норриса исходил какой-то неприятный, нездоровый запах.

— Ты что, заболел? Я спрашиваю, ты заболел? Или уже в штаны наложил? — Бенсен задавал вопросы недовольным тоном.

— С животом неполадки, — пробормотал Норрис. — Меня, если хочешь знать, сильно тошнит, — он сглотнул, прижал руку к животу и снова глубоко вздохнул — так делает человек, всеми силами пытающийся подавить нарастающую тошноту. — Наверное, я наглотался слишком много морской воды.

— Может быть, — сказал Бенсен, впившись в него взглядом. — А кроме этого, ты вообще-то в порядке?

— В каком там порядке! — буркнул Норрис. — Ты, наверное, совсем спятил, Леннард. Ты что, и в самом деле думаешь, что я там ползу в воду?

Бенсен сел на стул, положил на стол свои ладони — одну рядом с другой — и потом долго и задумчиво смотрел на Норриса. Затем он, тщательно выговаривая каждое слово, ответил:

— Так я и думал. Ты боишься.

— Еще как, черт тебя побери! — крикнул Норрис.

Бенсен настороженно поднял ладонь вверх и инстинктивно бросил взгляд на дверь. Норрис продолжал, все так же взволнованно, но уже значительно тише:

— Да, черт возьми, я боюсь. Махоуни погиб там прямо на наших глазах, и ты после этого требуешь, чтобы мы опять туда сунулись.

— Он утонул... — начал было Бенсен, но Норрис его тут же перебил:

— Ничего подобного, он вовсе не утонул, и ты знаешь это так же хорошо, как я и этот... Филлипс. *Что-то* утащило его в глубину прямо на наших глазах, и это *что-то* еще там.

— Может быть и так, — тихо сказал Бенсен. — А может быть, все было совсем по-другому. Ты сам подумай, Фрэд. Мы оба тогда сильно нервничали, да и произошло все это слишком быстро.

— А это... это *существо*? — возразил Норрис. — Черт возьми, Леннард, не считай меня идиотом. Ты ведь видел его так же, как и я. Это... это было какое-то...

— Ну и что же это было? — спросил Бенсен, весь напрягшись.

Норрис некоторое время упрямо смотрел на него, безуспешно пытаясь подобрать подходящие слова, а затем — в гневе и отчаянии — сжал кулаки.

— Не знаю, — сказал он. — Я такого никогда раньше не видел. Наверное, что-то вроде осьминога.

— Здесь нет никаких осьминогов, — спокойно возразил Бенсен. — По крайней мере, таких больших. Ты это прекрасно знаешь.

— Что же тогда это было?

Бенсен равнодушно пожал плечами, открыл было рот, чтобы что-то ответить, но тут же замолк, увидев, что дверь открылась. Вошел Хэл с двумя полными бокалами эля. Он молча поставил бокалы перед Бенсеном и Норрисом, привычным жестом вытер руки о фартук и требовательно посмотрел на Бенсена.

— Теперь уже пятнадцать, — сказал он. — Причем я округлил в твою пользу.

— Я знаю, Хэл, — ответил Бенсен. — Ты получишь их завтра. Я приду вечером и сразу выплачу все.

— Так я и поверил, — буркнул Хэл, повернулся и пошел прочь.

Бенсен выждал, пока Хэл выйдет из комнаты и удалится на такое расстояние, чтобы он уже не мог слышать их разговор.

— Может, он запутался в водорослях. Или же в обрывках парусины с затонувшего судна, — продолжал Бенсен. — На месте кораблекрушения всегда плавают всякое барахло.

— Возможно, все было и по-другому, — возразил Норрис. — Меня, собственно говоря, не очень интересует, в чем причина его гибели. Но он погиб, Леннард, и этого достаточно. Мы... мы должны обратиться в полицию.

Бенсен взял свой бокал, сделал большой глоток и вытер тыльной стороной руки пену с губ.

— Чего тебе неймется-то? — спокойно спросил он. — Ты ведь видел реакцию того чудака. Послушай меня, дружище, там нас ждет целая куча денег — не какие-нибудь сто пятьдесят фунтов, — он поставил бокал на стол и наклонился вперед. — Фрэд, ты только подумай! Махоуни ведь уже не воскресить, даже если ты пойдешь в полицию и расскажешь обо всем, а мы при этом только упустим из рук целую кучу денег. Это был просто несчастный случай. И никто в этом не виноват.

Но убедить Норриса оказалось не так-то просто.

— Они выяснят, что мы были последними, кто его видел, — сказал он. — И...

— И что тогда? — перебил его Бенсен и небрежно махнул рукой. — Если мы будем держаться вместе и давать одни и те же показания, то ничего нам не будет. Черт возьми, Фрэд, да будь же ты благоразумным. У этого Филлипса, похоже, полно денег, и если мы постараемся, то сможем урвать себе немалую долю. Тебе что, так уж хочется провести всю свою жизнь в этом захолустье, перебиваясь с хлеба на воду? Если ты попридержишь свои нервишки, то завтра в это время мы уже будем богачами! И тогда мы сможем уехать отсюда, может даже в Лондон. Ты ведь всегда хотел попасть в Лондон, ведь правда?

Норрис застонал. Его рука, в которой он держал пивной бокал, затряслась. Он вздрогнул, неожиданно наклонился вперед и выпустил из руки бокал. Бокал перевернулся, пиво вылилось на стол и стало капать на пол. С губ Норриса слетали слабые стоны.

Бенсен, вскочив, поспешно обежал стол и схватил Норриса за плечи, прежде чем тот успел свалиться со стула. Тело Норриса дрожало, как от холода, но его кожа была горячей.

— Черт побери, дружище, что с тобой? — спросил Бенсен. — Что с тобой такое?

Норрис продолжал стонать. У него на губах показалась слюна и белая, дурно пахнущая пена.

— Мне... плохо, — пролепетал он. — Леннард, помоги... мне. Мне... очень плохо.

Бенсен осторожно выпрямил туловище Норриса, присел перед ним на корточки и

положил свою руку ему под подбородок. Норрис стал стонать еще громче. Его одежда шуршала и шевелилась, как будто каждый мускул его тела сокращался сам по себе, независимо от других.

— Леннард... — стонал он. — Помоги... мне. Мне... так холодно. Мне... мне нужно к... врачу. Помоги мне...

— Не переживай, дружище, — поспешно сказал Бенсен. — Я сейчас вытащу тебя отсюда. Ты можешь двигаться?

Норрис отрицательно покачал головой, затем вдруг кивнул и попытался встать, но это ему удалось лишь с третьей попытки. Он беспрерывно вздрагивал. Без помощи Бенсена он не смог бы сделать и шагу.

— Хэл не должен об этом знать, понятно? — сказал Бенсен.

Норрис кивнул, но Бенсен засомневался в том, что Норрис понял его слова. Его лицо было белее снега, изо рта сочилась слюна, а на коже проступил холодный пот. Бенсен выругался себе под нос, достал свой носовой платок и вытер лицо Норриса. «Быть может, — подумал он, — Хэл ничего и не заметит, там ведь — в главном зале заведения — так темно и накурено. К тому же потом, в случае чего, можно будет сказать, что Норрис был просто пьян». Норрис легко пьянел, и это было известно всему городу.

— Отведи меня... к врачу, — пробормотал Норрис, тогда как Бенсен обхватил его рукой за туловище, чтобы поддерживать при ходьбе. — А затем в... полицию. Мы должны... сообщить... о смерти Махоуни.

— Да замолчи ты, черт тебя побери, — рявкнул Бенсен, но тут же более миролюбиво добавил: — Не переживай, дружище. Я сейчас вытащу тебя отсюда. Все будет хорошо.

Тень казалась огромной. Она была не серой, как обычная тень, а черной, словно часть находившейся передо мной стены погрузилась в ночь. Тень была метра три в высоту и находилась в постоянном еле заметном волнообразном движении, словно жила своей невероятной жизнью. Эту тень отбрасывал не человек, а какое-то огромное, неопишемое... существо, состоящее из гибких щупальцев, каких-то тонких, невероятно изогнутых конечностей. Это было похоже на гнездо извивающихся, переплетающихся друг с другом змей, которые...

Я вдруг кое-что вспомнил, и это воспоминание заставило меня вздрогнуть, как от удара по лицу.

Я уже видел подобное существо, и не так уж давно.

Тень, мельтешившая передо мной, была *тенью ДОИСТОРИЧЕСКОГО ГИГАНТА! Но она была одновременно и моей тенью, очертаниями моего тела, отбрасываемыми на стену дрожащими языками пламени камина!* «Это как раз то существо, которое я, по всей вероятности, убил», — подумал я с ужасом. То самое чудовище, в чье тело я вонзил свою рапиру и смерть которого, как мне казалось, я видел собственными глазами.

Оно не умерло!

Оно все еще живо!

Да, оно продолжало существовать, каким-то неестественным, непостижимым образом, и снова вынашивало свои ужасные планы, находясь... *во мне!* Вот откуда взялись кошмарные сны, мучившие меня, те ужасные видения, природу которых я никак не мог понять. Чудовище в целом было мертво, но какая-то его часть проникла в мое тело в тот момент, когда оно меня поранило, — некий смертоносный росток сумел укорениться где-то глубоко

во мне и теперь становился все сильнее и сильнее. И Говард об этом знал.

Я вскрикнул, отшатнулся назад, как от удара, ушибся о спинку кровати и свалился на пол. Тень на стене послушно повторила мои движения, но не успокоилась на этом: она не только скользнула в сторону и затем вниз, но тут же придвинулась ко мне, протягивая извивающиеся щупальца и пытаясь схватить меня за ноги. Комната вдруг наполнилась мерзким трупным запахом, но не только им, а и еще каким-то неведомым, неопишуемым запахом. Я закричал, забился в истерике, как сумасшедший, и стал отползать по полу назад, но тень последовала за мной, словно черная бесшумная волна, и ее дрожащие щупальца неумолимо подкрадывались все ближе и ближе. Меня охватила паника. Я начал бить ногами по тени, затем перевернулся и снова пополз. Но тень опять последовала за мной, с той же скоростью, с какой я отползал, — ведь это же была моя тень! Никому еще не удавалось убежать от своей собственной тени.

Извивающиеся щупальца все приближались. Бесшумно двигаясь, они скользили по полу в сторону моих ног, потом вдруг замерли на мгновение, словно задумались, а затем снова поползли ко мне. Я закричал.

Кто-то начал тарабанить в дверь.

— Что там происходит? — раздался чей-то голос. — Откройте! У вас слишком шумно!

Я снова закричал, рванулся в сторону и перекатился прямо к двери, но тень неизменно следовала за мной. Ее щупальца, словно издеваясь, замерли на расстоянии ладони от моего тела.

Дверь резко распахнулась, я увидел портье, лицо которого, похожее на лисью мордочку, покраснело от гнева.

Ужасная тень тут же исчезла.

Тень, лежавшая возле меня, в мгновение ока стала обычной тенью обычного человека. Неприятный запах — запах чудовища — тоже мгновенно исчез.

Портье решительно вошел в распахнутую дверь и гневно посмотрел на меня, правда, в его глазах проглядывал и страх.

— Что здесь, черт возьми, происходит? — спросил он. — Почему это вы решили, что здесь можно кричать? Вы ведь вопите так, что слышно даже на побережье!

Я хотел что-то ответить, но не смог. Мое сердце колотилось вовсю, я дышал так быстро, что смог издать лишь какие-то нечленораздельные звуки. Опираясь об пол дрожащими руками, я медленно приподнялся, встал на четвереньки и, секунду передохнув, поднялся на ноги. Выпрямившись, я тут же зашатался. Комната перед моими глазами стала ходить ходуном, и мне, чтобы не упасть, пришлось изо всех сил — всех, что еще оставались во мне — вцепиться в спинку кровати.

— Ну, так что? — резко спросил портье.

Его голос был раздраженным, но в нем чувствовался и легкий испуг. Наверное, портье опасался, что я — сумасшедший.

— Ни... ничего, — с трудом проронил я. — Я... я...

— Снова один из этих ваших приступов? — спросил «лисы морда».

Я кивнул. Это было самым лучшим объяснением, которое только могло прийти мне в голову в данный момент.

— И ваш дядя вот так вот запросто оставляет вас одного? — продолжал портье, которому мое молчание, похоже, прибавило храбрости. Он сердито сделал шаг ко мне, уперся кулаками в бока и в упор посмотрел на меня. — Молодой человек, если вы больны,

то обратитесь к врачу. Эта гостиница — не больница, и я, кстати, уже говорил об этом вашему дяде.

— Это... это больше не... не повторится, — пробормотал я.

У меня все еще кружилась голова, а тело казалось каким-то легким и беспомощным. После того, что произошло, я чувствовал себя крайне изможденным.

— В том, что это больше не повторится, можете быть уверены, — буркнул «лисы морда». Как все трусливые люди, он, почувствовав, что ему не оказывают сопротивления, сразу же решительно пошел в атаку. — Потому что вам придется покинуть гостиницу, и немедленно. У нас есть другие постояльцы, и эта гостиница — не...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— ...не сумасшедший дом? — я посмотрел ему прямо в глаза.

Выражение гнева на его лице сгладилось.

— Я... я не это имел в виду, — поспешно сказал он. — Я только...

— Прекрасно, — я небрежно махнул рукой, осторожно отпустил спинку кровати, за которую все еще держался, и, пошатываясь, пошел в глубину комнаты. — Вы правы. Я съезжаю. Немедленно.

У меня едва хватило сил на то, чтобы наклониться и взять свою одежду. Когда я попытался надеть брюки, у меня снова закружилась голова. Но на этот раз, напрягши все свои силы, я сумел побороть головокружение. Мне было просто необходимо покинуть эту комнату. Причем немедленно.

— Я не это имел в виду, — сказал портье уже жалким тоном. — Вы вполне можете остаться, пока...

— Я съезжаю, — заявил я. — Прошу подождать, я сейчас оденусь. Я... я больше не буду доставлять вам неприятностей.

Дрожащими руками я заправил свою ночную рубашку в брюки, затем взял куртку и неловкими движениями надел и ее. Мой взгляд упал на противоположную стену. Но тень на ней теперь была обычной человеческой тенью.

— Быть может, мне следует позвать врача? — собираясь выйти, спросил портье.

Ему, похоже, вдруг сильно захотелось побыстрее уйти из этой комнаты. Впрочем, я не стал бы его за это упрекать. Кому охота находиться наедине с сумасшедшим?

— Прошу вас остаться, — сказал я. — Я уже почти готов.

— Но у меня полно дел, и вы, в общем-то, можете...

— *Черт возьми, вам следует остаться!* — рявкнул я.

«Лисья морда» испуганно отпрянул назад и несколько раз судорожно сглотнул, но все же не ушел. Его растерянный взгляд скользнул по комнате: он, похоже, искал какой-нибудь предмет, которым смог бы защититься от меня, если я вдруг начну буянить.

Я оделся как можно быстрее (правда, быстрыми эти действия назвать было нельзя, поскольку мои руки все еще сильно дрожали — так, что я еле смог завязать шнурки), взял со стола шляпу и трость и направился к двери. Портье внимательно посмотрел на меня. Судя по выражению его лица, я выглядел ужасно. Он молча отступил в сторону, пропуская меня. Я подошел к двери, остановился и выглянул в коридор. Он был длинным и темным, свет единственного окна не достигал лестницы. «Там нет теней, — подумал я. — Прекрасно». Пока я не находился где-нибудь на солнечном свете, или же в свете огня или лампы, я чувствовал себя в безопасности.

Почти.

— Вы... Вы действительно уходите? — раздался голос стоящего позади меня портье.

Я, не оборачиваясь, кивнул:

— Да. Когда вернется мой... дядя, скажите ему, что я буду ждать его в гавани. Сегодня вечером, после захода солнца.

«Если я к тому времени буду еще жив, — мысленно добавил я. — И если это буду еще я».

Последние полмили дорога становилась все хуже, и Бенсену все чаще приходилось браться за кнут, чтобы заставить лошадей продвигаться вперед. Но теперь ему не мог помочь даже кнут. Повозка основательно застряла, погрузившись в топкую болотистую почву по самые оси. Чтобы продвинуть повозку вперед, потребовалась бы, наверное, целая дюжина волов.

Бенсен, гневно ругнувшись, бросил поводья, поднялся с узких козел, затем перелез назад, на грузовую платформу повозки. Норрис лежал там, скрючившись между пустых мешков и плетеных корзин, от которых пахло рыбой. Он тихо стонал, и за последние полчаса его несколько раз стошнило. От повозки вовсю воняло рвотными массами, а лицо Норриса лежало в луже светло-серой вонючей жидкости. Бенсен, подавив в себе отвращение, опустился перед Норрисом на колени. Эту повозку он «взял напрокат», даже не спросив разрешения ее хозяина, а Норрис...

«Ну, бедняга Норрис, похоже, наглотался не только морской воды», — подумал Бенсен, еще больше мрачняя. Его товарищ уже перестал хныкать и умолять о помощи, хотя все еще находился в сознании. Его глаза были слегка приоткрыты, а ладони нервно сжимались и разжимались, при этом ноготь одного из пальцев царапал ветхое дерево борта повозки, издавая чиркающий звук, от которого у Бенсена по спине побежали холодные мурашки.

— Ну, как дела, дружище? — спросил он.

Норрис попытался приподнять голову, но у него не хватило на это сил.

— Мне... больно. Куда... ты меня... везешь?

Бенсен вздохнул.

— Я позабочусь о тебе, дружище, — сказал он. — Не бойся. Все будет в порядке.

— Ничего... не будет в порядке, — застонал Норрис. — Ты... ты везешь меня не... не к врачу.

— Конечно, нет, — спокойно ответил Бенсен. — Во всяком случае, не сегодня. Ничего, ты выдержишь.

Норрис застонал, повернул голову и посмотрел покрасневшими воспаленными глазами на Бенсена. Бенсен заметил, что зрачки у Норриса стали неестественно большими, почти не оставив места для белков. Лицо Норриса было желтовато-белого цвета, а в некоторых местах кожа потрескалась, как старый сухой пергамент.

— Я... я умираю, Леннард, — прошептал он. — А ты... ты заставляешь меня подыхать собачьей смертью, ты... ты... свинья.

Бенсен тихо засмеялся.

— Ты говоришь глупости, дружище, — сказал он. — Я отвезу тебя к врачу. Завтра. Когда закончу свои дела с Филлипсом. Ты сможешь продержаться до этого времени.

— Ты... ты — гнусная свинья, — пробормотал Норрис. — Я подохну из-за тебя, так же как из-за тебя умер Махоуни.

— Ничего подобного, — раздраженно выпалил Бенсен. — Я не упущу самую большую

удачу в моей жизни только из-за того, что ты, дружище, от страха наложил в штаны. Мы поделим все поровну, так, как и договорились, даже если ты не будешь участвовать. Но тебе придется продержаться до утра, — он криво усмехнулся. — Посмотри на все это с другой стороны. Я выполню работу, а ты получишь денежки.

— Ты...

— Я знаю тут неподалеку одну хибарку, — невозмутимо продолжал Бенсен. — В это время года в нее никто не заглядывает. Я отвезу тебя туда, а завтра вечером вернусь — уже с деньгами. Если тебе не станет лучше, то я привезу врача.

— Мне... мне больше не нужны эти проклятые деньги, — простонал Норрис. — Делай с Филлипсом, что тебе вздумается, но...

Он запнулся, застонал, скорчился, как от судороги, и прижал ладони к животу. На его рубашке появилось темное пятно, и скоро его руки стали влажными. Бенсен с отвращением отвернулся, увидев, что из рукава Норриса начала вытекать серая жидкость, скапливаясь на дне повозки. Приторный сладковатый запах ударил Бенсену в ноздри.

Он нерешительно наклонился, отвел в сторону скрюченные руки Норриса и перевернул его на спину.

— Черт возьми, что с тобой происходит? — прошептал он.

Норрис ничего не ответил. Темное пятно на его рубашке становилось все больше, затем такие же пятна появились на его штанинах и на левом плече. Бенсен невольно отпрянул, однако затем протянул руку и коснулся туловища Норриса. Ощущение от прикосновения было странным: тело Норриса оказалось мягким, как губка, — совсем не таким плотным, каким должно быть человеческое тело.

Бенсен с большим трудом подавил все растущее чувство отвращения, чуть было не вызвавшее спазмы в горле, достал из своей куртки карманный нож и разрезал рубашку Норриса.

Кожа у Норриса стала серого цвета. И это была уже не человеческая кожа, а наполовину разложившаяся водянистая масса, похожая на гниющие водоросли. От нее исходил мерзкий запах.

Бенсен остолбенел. Он вдруг мысленно увидел свою ногу, голую и блестящую от морской воды, а еще тонкое серое волоконец, обвившееся вокруг его лодыжки...

Он отогнал от себя это воспоминание, инстинктивно отшатнулся подальше от Норриса и с ужасом еще раз посмотрел на его тело. Темных пятен на его одежде становилось все больше, а дыхание стало хриплым.

— Леннард, — взмолился Норрис. — Помоги... мне. Я... этого не выдержу. Отвези меня... к врачу.

Бенсен сидел молча целую минуту. Почти вся одежда Норриса намокла, а смрадный запах стал просто невыносимым. Не нужно было испарывать одежду, чтобы понять, что под ней происходит.

— Мне жаль, дружище, — сказал Бенсен. — Но я не могу этого сделать.

Норрис вздохнул:

— Ты...

— Ты ведь обо всем расскажешь, ведь так? — продолжал Бенсен. Его рука сильнее сжала нож. — Тебя спросят, с чего все началось, и тогда ты обо всем расскажешь. Обо всем, что произошло.

— Леннард! — снова взмолился Норрис. — Я... я умираю! Прошу тебя, помоги мне.

— Я бы охотно это сделал, — тихо сказал Бенсен. — Но я просто не могу. Ты сдашь Филлипса, я не получу свои деньги, и мне придется провести всю свою жизнь в этой дыре. Я просто не могу этого сделать. Я хочу уехать отсюда, и никому не позволю мне помешать. Это тебе понятно?

Затем он наклонился над Норрисом и замахнулся ножом...

В это время суток Дернесс не выглядел особенно оживленным. На центральной улице можно было увидеть лишь нескольких прохожих, более или менее целеустремленно идущих по своим делам, да одну-единственную повозку, которую тащила изрядно уставшая кобыла. Причиной тому, возможно, было раннее время. Глядя на карту, можно было предположить, что Дернесс — вполне приличный город, но на самом деле он представлял собой самый что ни на есть захолустный городишко, расположенный у маленькой гавани. В нем имелись кое-какие производственные предприятия (я никак не мог понять, откуда здесь могли взяться хоть какие-то предприятия!), дававшие работу людям, живущим в городке и его окрестностях. Лишь у очень немногих из его обитателей иногда возникала потребность пройтись по улицам, а прогулочной набережной, имеющейся в большинстве других, более значительных портах Англии, здесь вообще не было. Хотя возможной причиной безлюдности улиц был и осенний холод, который в этот день усилился, заставляя людей сидеть по домам возле теплых печей. Во всяком случае, лично я уже через несколько секунд пребывания на улице весь съезжился от «укусов» ледяного ветра. Ветер дул со стороны моря, и в воздухе пахло соленой водой и водорослями. Ветер — хотя и не очень сильный, но устойчивый — пронизывал насквозь и мою тонкую одежду, и меня, заставлял дрожать от холода. Для такой погоды я был явно слишком легко одет. Там, в номере, я нацепил на себя, особо не раздумывая, то, что выглядело помоднее, попримечнее, однако вся эта одежда была не особенно теплой и практически не защищала от непогоды. В результате буквально через пять минут я уже стучал зубами от холода.

Я по-прежнему чувствовал себя немного ошалелым. Сбежав из гостиницы, я лишь теперь постепенно начал осознавать, что не имею никакого понятия, куда вообще мог бы пойти. Я знал, что Говард арендовал в порту какое-то небольшое судно. Однако, даже если портье все же передаст Говарду мое сообщение, я встречу с ним лишь после захода солнца.

Но до этого оставалось еще целых пять часов...

Я остановился, подойдя поближе к стене ближайшего дома и огляделся. Небо, как часто бывает в это время года, сплошь затянули тучи, а поэтому теней на земле практически не было. Но даже если солнце и выглянуло бы, я на этой стороне улицы все равно был бы в безопасности, по крайней мере, в ближайшие часы. Но я не мог просто стоять здесь и ждать захода солнца, и не только потому, что страшно замерз.

Конечно же, я совершил глупость, покинув гостиницу. Причиной моего поступка стала паника, и, как это часто бывает, когда человеком руководит не здравый смысл, а страх, я умудрился «наломать дров». Мне следовало бы тогда просто погасить огонь в камине, зашторить окно и спокойно дожждаться Говарда, а не выскакивать из номера сломя голову. Я даже подумал, не возвратиться ли мне снова в гостиницу, но затем отогнал эту мысль и решил лучше подыскать местечко, в котором я мог бы спрятаться до захода солнца, а там Говард что-нибудь придумал бы. Нужно было только как-то продержаться до того времени.

Мой взгляд скользнул вдоль улицы. На ней находилось несколько маленьких лавчонок, два или три рестораника и множество жилых домов, но ничто из всего этого, как мне

казалось, не годилось для роли убежища. Я здесь был чужаком и не мог просто так постучать в чью-нибудь дверь и спросить хозяина, нельзя ли мне посидеть у него в погребе до наступления темноты. Да и в ресторанчиках, с моей точки зрения, было небезопасно, потому что в любом из них — как в более уважаемом заведении, так и в обычной портовой забегаловке — горел свет, а, стало быть, отбрасывались тени. Складывалась просто абсурдная ситуация: где мог человек спрятаться от *собственной тени*?

Не знаю, было ли это совпадением (в последнее время я все больше склонялся к мысли, что это все-таки не было совпадением), но единственным местом, которое показалось мне подходящим в подобной ситуации, оказалась церковь.

Местная церковь была довольно маленькой даже для такого городишки, как Дернесс, но в это время дня она, наверное, практически пустовала, к тому же внутри ее наверняка царил полумрак, а именно это мне и было нужно. Церковь находилась недалеко, в каких-нибудь ста шагах вниз по улице, на противоположной стороне. Я решительно зашагал к церкви.

Идя по тротуару, я почувствовал, что ветер стал еще холоднее. Одного взгляда на небо было достаточно, чтобы понять, что надвигается непогода. Большие черные грозовые тучи клубились еще достаточно далеко от Дернесса, но было заметно, что они постепенно приближаются. Над городом уже собирались их предвестники — многочисленные светло-серые тучки. Звук раскатов грома усиливался. Я съежился, втянул голову в плечи и, обдуваемый ветром, пошел еще быстрее.

Когда я пересекал проезжую часть улицы, тучи, закрывавшие солнце, неожиданно расступились.

И это не было совпадением. Завывание ветра вдруг трансформировалось в гневный рев — звук, похожий на чей-то неистовый вопль. Ветер, словно превратившись в ледяной кулак, ударил меня по лицу, заставив зашататься. И в этот самый момент серая пелена туч над городом резко, словно от мощного, но бесшумного взрыва, разверзлась, и на влажной брусчатке мостовой прямо передо мной *появилась тень чудовища*.

Эта тень была еще больше, чем в первый раз. И она реагировала на мои движения еще быстрее и целеустремленнее, чем тогда, в гостинице. Черная масса конечностей развернулась передо мной, как распускающийся цветок, и десятки извивающихся щупальцев бесшумно потянулись в мою сторону.

В этот раз меня чуть было не застигли врасплох. Я в общем-то знал, что произойдет, если я хотя бы чуть-чуть замешкаюсь, но, тем не менее, вид этой тени на несколько секунд буквально парализовал меня. Однако, прежде чем с полдюжину щупальцев дотянулись до моих ног, я успел отпрянуть назад и затем бросился бежать.

Ширина улицы не превышала десяти ярдов, но мне показалось, что я еще никогда в своей жизни не пересекал такой широченной улицы. Тень, скользя передо мной по мостовой, казалась моим огромным видоизмененным темным двойником, она перескочила низкий бордюр и каким-то нелепым движением метнулась в сторону и вверх, когда я подбежал к двери церкви. Извивающиеся щупальца перестали тянуться к моим ногам, а вдруг заколыхались прямо передо мной на потрескавшемся темном дереве. Я вскрикнул от испуга, отчаянно дернул за одну из тяжелых дверных створок и тут же отпрянул, увидев, что одно из щупальцев потянулось ко мне. Это казалось абсурдным: щупальце было всего лишь бестелесной тенью, миражем, но я, тем не менее, почувствовал колебания воздуха от его движения, а также сопровождавший его мерзкий запах.

Я отчаянным прыжком рванулся вперед, надавил на дверь плечом и прошмыгнул внутрь

церкви.

Тень исчезла в тот самый момент, когда я оказался за дверью, но я на всякий случай сделал еще несколько шагов вперед, поглубже в спасительный полумрак, который мог избавить меня от этого ужасного *существа*, по крайней мере на некоторое время. Лишь отойдя подальше от входной двери, я остановился.

Я тут же почувствовал, что меня охватывает волна изнеможения. Последние несколько шагов отняли у моего изнуренного тела почти что все оставшиеся силы. Мое сердце колотилось, а ноги болели так, как будто я пробежал много миль, а не всего лишь несколько шагов. Я зашатался, схватился за одну из стоящих здесь простеньких скамеек и, тяжело дыша, огляделся по сторонам.

Изнутри церковь казалась намного большей по размерам, чем снаружи. Заостренный свод крыши смыкался ярдах в двадцати пяти от пола. В неоштукатуренных, сложенных из простого красного кирпича стенах, лишь в нескольких местах украшенных церковной живописью и деревянными статуями, было лишь несколько маленьких окошек, в результате чего даже в яркий солнечный день внутри церкви, по всей видимости, царил полумрак. Так что здесь преследовавшая меня тень вряд ли могла до меня добраться.

Оглядевшись по сторонам, я увидел, что, как я и надеялся, я здесь был не один. В противоположном конце помещения находился простенький невысокий алтарь, а перед ним, преклонив колени — я, похоже, своим вторжением прервал его молитву — стоял мужчина и, повернув голову, смотрел на меня. Я некоторое время тоже смотрел на него, затем резко развернулся, сделал несколько шагов в сторону и присел на одну из деревянных — и очень неудобных — скамеек. На улице, по всей видимости, погода все ухудшалась, а гулкая акустика церкви делала раскаты грома более звучными и грозными, чем они были в реальности. Я оперся руками о сиденье находившейся передо мной скамейки, закрыл глаза и попытался утихомирить захвативший меня водоворот мыслей и чувств. Затем я взял — не зная, собственно говоря, зачем — один из потрепанных молитвенников, лежавших повсюду на скамейках, открыл его наугад и начал листать. Через некоторое время человек, находившийся у алтаря, встал с колен и пошел к выходу. Я не обращал на него внимания, делая вид, что читаю.

— Мистер Крэйвен?

Я поднял глаза. Мужчина и не думал выходить из церкви, наоборот, он подошел ко мне и остановился прямо возле меня, но сделал это так тихо, что я от неожиданности вздрогнул. Его лицо в окружавшем нас полумраке было еле различимо. Но я обратил внимание на то, что мужчина был высоким, крепкого сложения, и такого же возраста, как я, может быть, чуть-чуть помоложе.

— Вы... меня знаете? — растерянно спросил я.

Он кивнул.

— Почему вы пришли сюда, мистер Крэйвен? — спросил он тихо. — Потому что это церковь? — он засмеялся. В этом огромном тихом помещении его смех отдавался гулкими раскатами. — Поверьте мне, это вам не поможет, мистер Крэйвен. Те силы, от которых вы спасаетесь, нельзя остановить ни церковными стенами, ни крестом.

Я впился в него взглядом. Меня не покидала уверенность, что никогда в жизни я не встречал этого человека. Он же, похоже, хорошо меня знал. Тем не менее, я отрицательно покачал головой.

— Боюсь, я вас не понимаю, — сказал я таким спокойным тоном, на какой только был

способен. — О чем вы вообще говорите, мистер?..

— Махоуни, — ответил незнакомец. — Флойд Махоуни. И поверьте мне: вы здесь отнюдь не в безопасности. Эта церковь и ее святыни, возможно, защитят вас от черной магии, или же от всякой чертовщины, если таковая вообще существует. Однако те силы, с которыми вы боретесь, не имеют никакого отношения ни к первому, ни ко второму, — он улыбнулся, непринужденно присел возле меня и широким жестом обвел церковь. — Все, что находится вокруг нас, — всего лишь атрибуты религиозных обрядов. Воплощенное в камень слово Божье, как некогда сказал один умный человек. А те силы, с которыми боретесь вы и ваши друзья, не имеют никакого отношения ни к Богу, ни к черту, ни к какой-нибудь там нечистой силе. Они — такие же живые создания, как и мы, Роберт. Но они — существа из древней эпохи, отделенной от нас двумя миллиардами лет, и тот арсенал различных приемов, которыми они владеют, нам может показаться настоящей магией.

— Я... я не понимаю, что...

— Не пытайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле, Роберт, — перебил меня Махоуни. В его голосе чувствовалось легкое раздражение. — Я — на вашей стороне. Но я не смогу вам помочь, если вы не позволите мне это сделать.

Я несколько секунд в нерешительности смотрел на него. Мои пальцы нервно теребили тонкие пергаментные страницы молитвенника, сминая их, но в тот момент я этого даже не замечал. Мне удалось получше рассмотреть лицо Махоуни. Оно подходило к его телосложению — широкое, по правде сказать, не особенно умное, но выражающее какое-то своеобразное добродушие.

— Вы... Вы знаете...

— О ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТАХ, о вас, о мистере Лавкрафте и о вашем отце? Я договорил за меня Махоуни, улыбаясь. — Да, и еще многое другое. Но сейчас неподходящее время давать вам разъяснения. Это, знаете ли, долгая история, — он снова — чуть более широко — улыбнулся. — Но я ваш друг, Роберт. Я могу вам помочь отсюда выбраться, — он указал на дверь. — Мне ведь было бы вовсе не трудно задержать вас на входе в церковь. Несколько секунд оказалось бы достаточно.

Что-то в его словах вызвало у меня раздражение, быть может, тот факт, что этот странный мистер Махоуни, похоже, считал: раз он не причинил мне вреда, когда у него была такая возможность, то автоматически превращался в моего друга.

Несмотря на это, я, немного поколебавшись, положил молитвенник обратно на скамейку и вопросительно посмотрел на него:

— Ну, так что?

— Здесь есть потайной ход, — ответил он и топнул ногой по полу. — Как раз под нашими ногами. Он начинается в сакристии и заканчивается прямо в порту. Он был прорыт еще в те времена, когда на это побережье совершали набеги викинги. Люди частенько бежали за спасением в церковь, как и вы сейчас, но, как и вам в данной ситуации, это им не помогало. Викингов не очень-то останавливали кресты.

Он засмеялся, повернулся и хотел было идти, но я удержал его, схватив за руку.

— Кто вы такой, Махоуни? — спросил я.

— Флойд, — поправил он меня. — Мои друзья называют меня Флойд.

— Как вам будет угодно, — грубо ответил я. — Но вы не ответили на мой вопрос.

Флойд вздохнул. Его лицо стало печальным. Он осторожно высвободил свою руку, оглянулся на дверь, потом взглянул на одно из маленьких окон со стеклом свинцового цвета

и лишь затем повернулся ко мне.

— Почему, собственно говоря, вы мне не доверяете? — тихо спросил он и, не дожидаясь моего ответа, продолжал меланхолическим тоном: — Может, потому, что вам слишком часто приходилось разочаровываться в людях, ведь так? Думаю, что я вас вполне понимаю, Роберт. Так или иначе, я — ваш друг. Я так же сильно ненавижу **ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ГИГАНТОВ**, как и вы.

— Это вы-то? — еще более недоверчиво спросил я. — Вы еще слишком молоды для того, чтобы...

— Мне двадцать три года, Роберт, — перебил он меня. — Я не намного моложе вас.

— Дело не в этом. Я...

— Вы — особый случай, я это знаю, — насмешливо перебил он меня. — Так о себе думает каждый, кому пришлось столкнуться с этими чудовищами. Хотя, возможно, вы все-таки правы. Из всех, кого я знаю, вы — первый человек, оставшийся в живых после встречи с одним из этих чудовищ, — он поднял руку и указал на белую прядь волос над моим правым глазом. — Это ведь результат той встречи, да?

Я импульсивно кивнул.

— Есть ли вообще что-нибудь, чего... чего вы не знаете? — спросил я.

— Очень многого, — ответил Махоуни серьезно. — Но я знаю, *что именно* с вами произошло, и, полагаю, я могу вам помочь.

— Каким образом?

— Не здесь, — тихо ответил Махоуни. — Мы должны отсюда уйти. Лучше всего нам пойти через подземный ход. Не знаю, в каком он теперь состоянии и можно ли по нему вообще передвигаться, но там, по крайней мере, нет света. Мы пробудем в этом безопасном месте до захода солнца.

— А потом? — спросил я.

— Потом? — Махоуни улыбнулся. — Потом мы выберемся к морю и отыщем сундучок вашего отца. Надеюсь, вы умеете плавать.

В течение последнего получаса лошадь становилась все беспокойнее. Фронт непогоды приблизился, раскаты грома раздавались уже практически непрерывно, и хотя дождевые тучи находились еще за несколько миль отсюда, воздух был уже пронизан тем специфическим напряжением, которое предшествует буре. Поэтому животные с помощью своих органов чувств узнают о приближении природных катаклизмов раньше, чем люди.

Но надвигающаяся буря была не единственной причиной, вызывавшей нервозность лошади. Она терпеливо простояла здесь несколько часов, ожидая, пока вернется человек, который выпряг вторую лошадь и куда-то уехал на ней, но он все не возвращался, и лошади ничего не оставалось, как только стоять на месте, чувствуя на себе упряжь, удерживающую ее возле повозки. Было похоже на то, что человек уже никогда не вернется.

Лошадь, однако, находилась здесь не одна. Позади нее что-то шевелилось. Это был не человек и не какое-либо другое существо из тех, запах которых она знала. Тем не менее, это было нечто живое, и оно дышало. Лошадь чувствовала его движения, его совершенно незнакомый, весьма неприятный запах, странные звуки, которое оно издавало, и все это очень пугало лошадь. Она фыркнула и в отчаянии запрокинула голову назад, изо всех сил натянув кожаные ремни, удерживающие ее. Рывок лошади передался через оглобли повозке, заставив ее дряхлую конструкцию заскрипеть, но повозка, глубоко осевшая в болотистый

грунт, даже не стронулась с места. Чтобы сдвинуть ее, не хватило бы совместных усилий и десяти лошадей.

Зато существо, лежавшее на грузовой платформе повозки, зашевелилось еще сильнее.

Это существо не было похоже ни на животное, ни на растение, ни вообще на что-либо, встречавшееся в этом мире. Оно представляло собой лишь серую аморфную массу — рыхлую кучу серо-зеленой слизи, похожую на огромную амебу, без каких-либо органов или конечностей. В течение последних нескольких часов она постепенно увеличивалась в размерах — медленно, но верно, поглотив при этом тело Норриса, его одежду, затем лежащие в повозке пустые мешки, плетеные корзины и даже часть самой повозки. Теперь поблизости не осталось никакой органики, и рост существа замедлился.

Но оно, похоже, еще не насытилось, и теперь проявляло интерес к лошади, близость которой существо чувствовало, хотя у него не было ни глаз, ни ушей, ни органов обоняния. Повозка сотрясалась от отчаянных рывков пытающейся высвободиться лошади, и эти рывки отдавались в аморфном теле *существа*.

Оно начало медленно перемещаться. Оставляя за собой влажный след, словно огромная улитка без ракушки, существо тихонько заскользило к краю повозки и, достигнув его, стало переваливаться через борт и медленно стекать на землю. Это «стекание» длилось довольно долго — десять, пятнадцать, может даже целых двадцать минут, и когда оно завершилось, *существо* представляло собой грудку слизи метровой высоты, лежащую возле повозки на дороге, и походило на огромный пудинг. Оно замерло на некоторое время, как будто собираясь с силами, затем снова начало двигаться: его тонкие слизистые волокна, словно ощупывающие что-то пальцы, стали скользить то влево, то вправо, дотрагиваясь до стеблей травы и ощупывая их, затем огибали их или же приподнимались и замирали, словно шли по следу. Наконец вся масса существа пришла в движение и медленно поползла к лошади мимо увязшего до оси колеса повозки и валяющейся на земле свободной упряжи.

Когда серая движущаяся масса попала в поле зрения лошади, та запаниковала. Отчаянно рванувшись, она встала на дыбы, разорвав вечерние сумерки испуганным пронзительным ржанием, и забила передними копытами.

Серая масса неотвратимо приближалась к лошади. Там, где она проползала по земле, грунт становился абсолютно гладким, как бы замерзшим. Трава и разные органические остатки исчезали, становясь частью ползущей серой массы, но их было слишком мало, чтобы утолить ненасытный голод этой *твари*.

Перед самой лошадию *существо* остановилось. Лошадь, почувствовав ноздрями мерзкий запах амебообразной массы, начала бесноваться, снова поднялась на дыбы и стала бить передними копытами, пытаясь достать ими *существо*.

Однако это продолжалось недолго.

Как только копыта животного коснулись серой массы, его движения резко замедлились. По телу лошади пробежала судорога, выражение ее глаз изменилось — вместо страха в них засветилась покорность, а испуганное ржание смолкло.

Дальше все происходило довольно быстро. Серая масса поползла вверх по ногам лошади, достигла ее туловища и начала его обтекать. Животное тут же умерло, быстро и безболезненно. Клеточки его тела были поглощены серой массой, превратившей их во что-то неведомое, нереальное. Уже через несколько секунд от лошади не осталось и следа, а серая масса увеличилась в размерах, превратившись в большую дрожащую кучу. Ее окраска была похожа на цвет свинца, застывшего сразу же после расплавления. После этого она вдруг

перестала шевелиться.

Долгое время вообще ничего не происходило. Серое *существо* лежало абсолютно неподвижно, как будто было мертво. Размеренно текло время, отмеривая часы, быстро надвигались сумерки.

И лишь когда солнце начало медленно опускаться за линию горизонта, серая масса снова зашевелилась. Она начала дрожать и оседать к земле, образуя при этом плоскую и огромную — более десяти метров в диаметре — лепешку. Казалось, что почему-то нарушилась ее внутренняя конструкция.

Затем она, словно огромная живая клетка, начала делиться на две части. Вначале наметилась тоненькая перегородка. Вскоре вдоль перегородки лепешка разорвалась.

Одна из этих частей — та, что поменьше — начала собираться в кучу. Серая слизь преобразовалась в какие-то конечности, затем стали вырисовываться руки, ноги, голова. Их очертания были нечеткими, как у глиняных скульптур, которые только начали лепить. Было похоже, что серая масса пытается воссоздать облик человека, которого она поглотила.

Серая слизь снова замерла на несколько часов, как будто ей требовалось время, чтобы собраться с силами. Затем два существа, на которые разделилась серая масса, начали двигаться, каждое в своем направлении. То, что было побольше и все еще представляло собой нечто бесформенное, поползло к лесу, поглощая на своем пути все, что ему попадалось. После него оставались лишь камни да безжизненный грунт — оно поглощало из земли все органическое на метр в глубину.

Вторая, человекообразная часть массы, шатаясь, поднялась на ноги и повернулась в сторону севера, к морю — в том направлении, откуда до него доносился призыв его господина.

Медленно, неуклюже, словно впечатывая стопы в землю, *Шоггот* пошел на этот призыв...

Подземному ходу, казалось, не будет конца. Потолок был таким низким, что я мог идти, лишь сильно согнувшись, а идущему впереди меня Махоуни не раз приходилось останавливаться и, чертыхаясь и фыркая, отодвигать в сторону некогда упавшие с потолка камни и комья земли, чтобы мы могли пройти.

Я не знал, сколько времени мы уже находились под землей. Мой новоявленный соратник провел меня через сакристию церкви в маленькое, захлавленное всяким барахлом подвальное помещение, из которого еще дальше, вглубь земли, вела каменная, истоптанная тысячами ног лестница. Там мы просидели, как мне показалось, несколько часов, пока, наконец, Махоуни, вытащив часы, не сообщил, что солнце уже зашло и нам пора идти. Я несколько раз пытался с ним заговорить, чтобы узнать о нем побольше, но он либо вообще ничего не говорил, либо отвечал уклончиво. В конце концов я решил не тратить на это свои силы. Надо сказать, что ситуация, в которой я оказался, с каждой секундой нравилась мне все меньше и меньше. Не очень-то приятно было чувствовать себя отданым на произвол человека, о котором не знаешь ничего, кроме его имени.

В общем, мы продвигались по подземному ходу. Я пытался хотя бы приблизительно прикинуть, как далеко находится церковь от гавани (все мои знания о Дернесе практически ограничивались тем, что я видел из окна своего номера в гостинице), и, согласно моим оценкам, это расстояние составляло как минимум две мили, если не больше. Если этот туннель действительно был прорыт во времена викингов, то тем, кто это сделал, по-

видимому, пришлось немало потрудиться.

Эту мысль сменила другая, не настолько отвлеченная: если этот туннель действительно такой древний, то находиться в нем нам с Махоуни было смертельно опасно.

Мы все время наталкивались на упавшие с потолка и стен камни, и не раз нам лишь с трудом удавалось расчистить себе проход. В некоторых местах, пожалуй, достаточно было лишь кашлянуть в неподходящий момент, чтобы ветхий свод всей своей тяжестью рухнул нам на головы...

Я отогнал леденящие душу мысли и сконцентрировался на шорохах, доносившихся до моих ушей. Здесь было абсолютно темно, и хотя Махоуни взял с собой из церковного подвала лампу, мы не решались ее зажечь. Впрочем, я вполне мог ориентироваться по шуму его шагов и звукам его дыхания.

Махоуни вдруг резко остановился и тронул меня за плечо.

— Мы пришли, — сказал он. — Пока что все нормально?

Я кивнул, и лишь через секунду до меня дошло, что он не мог увидеть это в темноте.

— Да, — сказал я. — Если мне удастся выбраться отсюда. Я вообще-то чувствую себя сейчас заживо погребенным.

Махоуни тихо засмеялся:

— Считайте, что все уже позади. Как раз перед нами — лестница. — Он на некоторое время замолчал. Я услышал, как он отодвигает в сторону камни и некогда обрушившиеся балки. — Будет лучше, если я вначале поднимусь наверх один и проверю, там ли уже Лавкрафт и его слуга.

— Он там, — мой голос прозвучал весьма уверенно. В действительности же я не знал, передал ли портье мое сообщение Говарду. Но перспектива остаться здесь в одиночестве внушала мне страх. Панический страх.

— Быть может, вы правы, Роберт, — пробормотал Махоуни. — А если даже и нет, нам все-таки следует держаться вместе. Пойдемте.

Я протянул руку, нащупал в темноте одежду Махоуни и — более резко, чем следовало бы, — потянул его назад.

— А что, если... если там светит луна? — спросил я.

— Не светит. Сегодня новолуние, — ответил Махоуни. — К тому же буря еще не скоро уляжется. Вы что, не слышите грома?

Я напряженно прислушался, но все, что я услышал, — это биение собственного сердца. У Махоуни, пожалуй, был более тонкий слух, чем у меня.

— Нет, — ответил я.

— Но гром все-таки слышен, — сказал он. — Ладно, пойдемте. У нас мало времени.

Он освободился от моей хватки, ободряюще ткнул меня кулаком в бок и пошел вверх по лестнице. Я, услышав его шаги по каменным ступенькам, осторожно нащупал ногой нижнюю ступеньку и поспешно последовал за Махоуни, выставив перед собой руки, как слепой.

В своей излишней поспешности я резко натолкнулся на него и, наверное, потеряв равновесие, полетел бы вниз по лестнице, если бы он молниеносно не схватил меня и не помог удержаться на ногах. Я вдруг начал различать его очертания, хотя пока он казался лишь черной тенью на темно-сером фоне. Последняя часть подземного хода, простиравшаяся перед нами, была уже не более метра высотой, но в конце брезжил свет.

— А теперь без шума, — прошептал Махоуни. — И держитесь все время за мной,

понятно?

Не дожидаясь ответа, он согнул ноги в коленях и пополз дальше. Я последовал за ним.

Подземный ход становился все более крутым, а его пол состоял уже не из камней, а из мягкой илистой глины. Через некоторое время Махоуни снова остановился и молча указал вперед. В полукруглом проеме выхода виднелись спутанные черные тени.

— Это кусты, — пояснил Махоуни. — Они маскируют выход. Будьте осторожны, не пораньтесь о них.

Он пополз дальше, осторожно раздвинул ветки кустов и, согнувшись, замер на месте, дожидаясь, пока я его догоню.

Ночь встретила нас ледяным холодом и завыванием бури. В небе, ставшим похожим на клокочущий ведьмовской котел, раздавалось глухое эхо раскатов грома. Со стороны моря слышался шум накатывающихся на берег волн, а еще доносился запах соленой воды.

Я, также согнувшись, остановился рядом с Махоуни, осмотрелся по сторонам, а затем бросил взгляд под ноги. Грунт размяк от дождя, и мои ноги по щиколотки увязли в жидкой грязи, быстро немея от холода. Но теней вокруг не было: уже наступила ночь, а плотная завеса туч поглотила даже свет звезд.

Махоуни улыбнулся, заметив мой взгляд.

— Не переживайте, — сказал он. — В данный момент мы в безопасности, — он вдруг стал очень серьезным. — Но буря не будет продолжаться вечно, да и день снова когда-нибудь наступит. Как называется посуда, которую нанял Лавкрафт?

— Понятия не имею, — признался я. — Я никогда с ним об этом не разговаривал. Он не хотел, чтобы я пошел с ним. Он возражал даже против того, чтобы я вообще приближался к гавани.

Махоуни скорчил недовольную гримасу и пожал плечами.

— Ну и ладно, — вздохнул он. — Все равно гавань не такая уж большая. Пойдемте.

Мы направились к гавани. Махоуни бесшумно и проворно бежал впереди меня, и мне пришлось пошевеливаться, чтобы не отстать от него. Хотя мы теперь находились под открытым небом, здесь было не намного светлее, чем в подземном туннеле: тучи почти полностью поглощали естественное освещение, и море, простиравшееся перед нами, походило на огромную черную дыру. Даже очертания судов, стоявших на якоре вблизи узкого мола, казались весьма призрачными. Нигде не было света, и, взглянув на бегу в сторону города, я увидел, что даже там почти не было окон, в которых горел бы свет. Мне стало даже немного жутковато. Раньше, когда меня преследовала собственная тень, я стремился попасть в темноту. Теперь я ее почему-то боялся.

Махоуни немного замедлил бег и подождал, пока я его догоню.

— Судно, по всей видимости, вон там, — сказал он. — Последнее в ряду.

Я посмотрел туда, куда указывала его рука, но все, что я увидел, — это несколько темных бесформенных контуров.

Я все же кивнул и побежал рядом с Махоуни.

Когда мы достигли гавани, запах соленой воды усилился. Наши шаги отдавались на мокрых камнях пристани необычно гулким эхом, которое, несмотря на беснующуюся непогоду, было хорошо слышно. Совсем рядом с нами волны бешено ударялись о набережную, и уже через несколько шагов мы оказались насквозь мокрыми. Судна, поскрипывая, вздымались в такт прибою и натягивали канаты, удерживающие их у набережной. Мне показалось, что я слышу треск древесины. И при таком шторме Махоуни

собирался выходить в море?

Махоуни замедлил бег, поднял руку и указал на темный массивный контур.

— Вот оно, — сказал он. — Быстро!

Словно в ответ на его слова шторм вдруг обрушился на берег с удвоенной силой. Огромная волна ударила в парпет, окатив нас водой и шипящей пеной и чуть не сбив меня с ног. Махоуни, чертыхнувшись, сложил руки рупором у рта.

— Лавкрафт! — крикнул он. — Вы здесь?

Шторм заглушил его слова насмешливым дьявольским завыванием, и еще одна ледяная волна обрушилась на нас.

— Лавкрафт! — крикнул Махоуни еще раз. — Говард! Вы здесь? Я привел Роберта!

На этот раз его услышали. Сквозь шум шторма послышался чей-то голос, а затем на борту судна замаячил огонек лампы, и в конце концов темноту прорезал белый луч света.

— Погасите свет! — крикнул Махоуни. В его голосе слышалась паника. — Ради бога, Говард, погасите свет!

Говард и не думал этого делать. Белый луч света, наоборот, врезался в лицо Махоуни и остановился на нем. Я резко отпрыгнул в сторону и стал искать взглядом, где бы мне спрятаться, пока Говард не осветил карбидной лампой и меня.

— Кто вы? — прорвался голос сквозь шум шторма. — И где Роберт?

— Если не погасите свет, то никогда не узнаете этого! — гневно ответил Махоуни. — Роберт здесь, но если вы не перестанете играть со своей дурацкой лампой, ему крышка!

— Он прав, Говард! — крикнул я. — Погаси свет! Мы поднимаемся на борт!

Поначалу казалось, что Говард и на этот раз никак не отреагирует на наши увещевания, но он все-таки отвел свет лампы от лица Махоуни и направил его в море.

— Теперь нормально?

— Да, — ответил Махоуни. — Но, ради бога, не наводите больше на нас свет лампы. Это все равно, что выстрелить в Крэйвена, — он повернулся и посмотрел на меня. — Пойдемте!

Мы бросились к судну. Шторм (тем временем я все больше убеждался в том, что это был отнюдь не обычный шторм) с удвоенной силой набросился на нас. Я видел, как всюду метались и шлепали по воде канаты, удерживающие судно возле пристани, и слышал, как борт со скрипом терся о камни набережной. Лампа в руках Говарда дергалась во все стороны. Ему, должно быть, с большим трудом удавалось удерживаться на ногах, находясь на безумно пляшущей палубе.

Махоуни большими шагами приблизился к судну, сжался, как пружина, и затем, ни секунды не колеблясь, прыгнул на палубу. Я сделал то же самое, но не удержался на скользкой палубе, потерял равновесие и упал. Раздался испуганный возглас, и лампа в руках Говарда стала поворачиваться, направляя свой луч ко мне.

Снова раздался чей-то возглас. Я увидел, как к Говарду метнулась тень, затем послышался звук, похожий на удар. Говард выругался, лампа выскользнула из его рук, упала на пол и погасла.

— Вы что, совсем спятили? — крикнул Махоуни. — Я же сказал: никакого света, черт вас побери!

Гневно трясая головой, он отступил на шаг назад. Говард, чертыхаясь, ползал по палубе на четвереньках, пытаясь найти уроненную лампу.

— Он прав, Говард, — поспешно сказал я. — Я тебе все объясню, но...

— На это нет времени, — грубо перебил меня Махоуни. — Нам нужно зайти в каюту или куда-нибудь еще, и побыстрее. Шторм усиливается.

Он повернулся, помог мне встать на ноги и указал кивком головы на каюту.

— Зайдите вовнутрь и зашторьте окно, — приказал он Говарду. — И погасите все лампы.

— Сделай это, Говард, — добавил я.

Говард секунду-другую озадаченно смотрел то на меня, то на Махоуни, затем повернулся, распахнул дверь и, согнувшись, зашел в каюту. Потухшую лампу он прихватил с собой.

Судно содрогнулось под ударом очередной мощной волны, а рев бури стал еще громче, хотя мне до этого казалось, что громче уже некуда. Вдруг хлесткий удар грома на секунду заглушил шум волн, затем послышался электрический треск, и пронзительно-белая молния осветила море, отразившись в нем, как в зеркале.

Я даже не успел крикнуть от испуга. Махоуни, чертыхаясь, схватил меня за плечи и так толкнул, что я буквально влетел в раскрытую дверь каюты. Словно в какой-то ужасной галлюцинации, я увидел и свою тень, и искаженную тень ДИСТОРИЧЕСКОГО ГИГАНТА, пытавшегося схватить меня извивающимися щупальцами. Однако, как только я влетел в дверь, его тень словно распалась на части и исчезла. Оглушенный падением, я стал шарить руками по сторонам, пытаюсь за что-нибудь ухватиться, но тут же вскрикнул, получив от Махоуни еще один толчок, в результате чего я скатился вниз по лестнице. Я услышал, что Махоуни поспешно захлопнул за нами дверь.

Кто-то схватил меня за плечи, поднял на ноги и оттащил от входа. В полумраке я различил очертания фигуры Говарда, а возле него — Рольфа (уж его-то фигуру трудно было не узнать даже при еще худшей видимости).

Снаружи сверкнула очередная молния. Ее свет пробился даже сквозь плотные занавески, которыми Говард закрыл оба иллюминатора, и озарил каюту бледным голубоватым светом, образовавшим тени. Я услышал испуганный возглас и почувствовал сильный толчок между лопаток, от которого я отлетел к Говарду и Рольфу. Вновь появившиеся тени щупальцев потянулись ко мне. Моей щеки коснулось что-то одновременно и ледяное, и жгучее, а воздух в каюте мгновенно стал спертым. Я почувствовал жадные торжествующие вздохи некоего существа. *Сколько же времени будет светить эта молния?* Я зашатался, упал и инстинктивно откатился в сторону. Затем, выставив в защитном жесте руки перед лицом, я забился в угол помещения — туда, где спасительный полумрак был гуще, а стало быть, это *существо* не могло до меня добраться.

Свет молнии наконец-то погас, и каюта снова погрузилась в темноту. Судно по-прежнему ходило ходуном под ударами волн и порывами ветра, но самое худшее было уже позади. По крайней мере, так казалось в этот момент.

Удивленный возглас заставил меня вздрогнуть. В каюте почти ничего не было видно, но я все же различил, что прямо передо мной сцепились две фигуры, и не требовалось большой фантазии, чтобы понять, что происходит.

— Отпусти его, Рольф, — сказал я. — Пожалуйста.

Рольф буркнул что-то нечленораздельное, резко выпрямился во весь рост (отчего тут же громко стукнулся головой о потолок каюты), подняв при этом Махоуни в воздух как игрушку. Махоуни сдавленно охнул и стал сучить ногами.

— Отпусти его, Рольф, — повторил я. — Он не причинил мне никакого вреда,

наоборот, спас мне жизнь. А, возможно, и вам тоже.

— Хорошо, — буркнул Рольф.

Его руки, сжимавшие горло Махоуни, разомкнулись, и тот стал жадно хватать ртом воздух. Рольф, удерживая его за шиворот, на этот раз только одной рукой, и не мешая ему дышать, подтащил его к себе и ткнул свой увесистый кулак ему в лицо.

— Скажи спасибо этому юноше, что я не проломил тебе череп, — пробурчал он. — Но если ты не дашь мне вразумительных пояснений, какого черта ты...

— Рольф! — сердито сказал Говард. — Отпусти его.

Рольф, немного поколебавшись, отпустил воротник Махоуни и с разочарованным вздохом отступил назад. Махоуни, тяжело дыша, прислонился к стене, потер руками горло и закашлялся.

— Вы... таким вот образом... приветствуете... всех своих друзей? — выдавил он из себя.

Говард тут же отреагировал на его слова:

— А, может, раз уж мы друзья, вы нам все-таки поясните, что означает ваше вторжение? — спросил он резким тоном.

— Он на нашей стороне, Говард, — вмешался я. — Думаю, мы можем ему доверять.

Говард гневно повернул голову в мою сторону. В темноте трудно было разглядеть выражение его лица, но я все-таки увидел, что оно было очень напряженным.

— Доверять? — переспросил он. — Черт побери, что это ты себе вообразил? Сначала ты, ни слова не говоря, исчезаешь в неизвестном направлении, а затем так же внезапно появляешься в компании с каким-то незнакомцем, и при этом требуешь, чтобы...

— Дайте мне свою лампу, — попросил Махоуни.

Говард на секунду уставился на него:

— Лампу? Зачем?

— Будет быстрее, если я вам просто продемонстрирую, почему я здесь, — пояснил Махоуни. — У нас нет времени на долгие разговоры. Пожалуйста.

Говард, еще некоторое время поколебавшись, повернулся и поднял с пола лампу. Махоуни молча взял ее у него из рук, отвернулся и чиркнул спичкой, стараясь при этом заслонить своим телом свет пламени.

— Ваш плащ, — потребовал он.

Говард раздраженно покачал головой, громко вздохнул и медленно стянул с себя черный водонепроницаемый плащ. Махоуни тщательно обмотал плащ вокруг лампы так, что не пробивалось и лучика света, затем обернулся и указал на меня.

— А теперь смотрите, Лавкрафт, — сказал он. — Внимательно смотрите.

Прежде чем я понял, что он собирается сделать, он отбросил плащ в сторону и тут же проворно повернул фитиль лампы так, что ее пламя погасло. Свет лампы горел не более секунды. Но этого было достаточно, чтобы — пусть даже всего на мгновение — в каюте стало светло как днем.

Этого было также достаточно для того, чтобы Говард увидел искаженную тень, пытавшуюся своими извивающимися щупальцами дотянуться до меня.

— Так вот в чем дело, — пробормотал Говард.

После этого он долго молчал. Он увидел ужасную тень так же хорошо, как Рольф, Махоуни и я, и это заставило его на несколько минут задуматься. Тем временем Рольф (прагматичный, как всегда) и Махоуни разломали стол и заколотили его досками окна. В

небе все чаще сверкали молнии, но в каюте теперь стало так темно, что фигуры присутствующих были практически неразличимы. Я, тем не менее, продолжал сидеть, забившись в угол.

— Так вот в чем дело, — снова пробормотал Говард.

— Да, — тихо сказал Махоуни. — Надеюсь, вы теперь поняли, насколько все серьезно.

Я не мог видеть, что делал Говард, но по издаваемым звукам я понял, что он ищет стул.

— Полагаю, я должен перед вами извиниться, — тихо сказал Говард. — И за Рольфа тоже. Сожалею, что все так получилось, мистер...

— Махоуни, — ответил тот. — Флойд Махоуни. Но вам не нужно извиняться. Я рад, что у Роберта такие верные друзья.

— Махоуни? — в голосе Говарда появилась новая нотка, похоже, он насторожился. — Ваше имя мне кажется знакомым. Я... — он помолчал некоторое время, затем, выпрямившись, впился взглядом в Махоуни, все еще стоявшего возле стола. — Я уже слышал ваше имя.

Махоуни тихо засмеялся:

— Вполне возможно. Я, видите ли, давненько живу в Дернессе. А вы переговорили почти со всеми, кто знает побережье.

Говард покачал головой.

— Дело не в этом, — сказал он. — Я слышал ваше имя как раз сегодня — от некоего Бенсена.

— Это мой приятель, — заявил Махоуни.

— Он сказал, что вы погибли, — продолжал Говард. — Он говорил, что сам видел, как вы тонули, мистер Махоуни. Он пытался этим меня шантажировать.

Махоуни презрительно фыркнул.

— Бенсену не по зубам кого-нибудь шантажировать, — сказал он. — Он — всего лишь жалкая алчная крыса.

— Вы странно отзываетесь о человеке, которого считаете своим другом, — как-то чересчур спокойно сказал Рольф.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — настойчиво произнес Говард.

Махоуни покачал головой, шумно вздохнул и некоторое время молчал.

— Ладно, — наконец сказал он. — Быть может, мне следует сказать вам правду. Хотя у нас нет времени на долгие разъяснения. Роберт в опасности. И не только он.

Махоуни начал нервно ходить взад-вперед, затем остановился.

— Человек, которого Бенсен знал как Флойда Махоуни, действительно утонул прямо на его глазах, — продолжал Махоуни. — Он вас не обманул, мистер Лавкрафт.

— Но вы не очень-то похожи на мертвого, — сказал Говард.

Махоуни засмеялся.

— Я, конечно же, не мертв, можете не сомневаться, — сказал он. — Но я и не Махоуни. Я просто использовал его, когда он оказался под рукой, а мне очень срочно потребовалось чье-нибудь тело.

— Кто же вы тогда? — спросил я.

Я почувствовал, что мой голос звучит очень странно. Он дрожал. Я вдруг осознал, что и так знаю ответ.

И что он вселяет в меня панический страх.

Махоуни медленно повернул голову и посмотрел на меня. Несмотря на практически

полную темноту, я почувствовал его насмешливый взгляд.

— А ты этого не знаешь, Роберт? — спросил он.

Я хотел ответить, но не смог. К моему горлу подступил комок.

— Ты ведь это знаешь, да? — еще раз спросил он.

— Черт возьми, что это за театр? — раздраженно спросил Говард. — Кто вы?

— Он — твой друг, Говард, — тихо сказал я. — Этот человек — Родерик Андара. Мой отец.

Буря и не собиралась утихомириваться. В течение последних нескольких часов она бушевала все сильнее и сильнее. Бенсен раньше даже не предполагал, что бывают такие сильные бури. Вначале казалось, что это обычная непогода, но постепенно образовался мощный ураган. Он обрушился на побережье и вздымал в море трехметровые пенистые волны, одна за другой накатывавшиеся на берег.

Бенсен отчаянно цеплялся за скалу. Его пальцы онемели от холода и напряжения, и он чувствовал, что с каждой минутой становится все слабее и слабее. Буря, словно огромный невидимый кулак, придавливала его к скале, а волны, ритмично бьющиеся о скалу, заставляя ее содрогаться, словно под ударами огромного молота, наоборот, пытались сбросить его в море. Бенсен чувствовал, что долго так не выдержит. В этот раз он, пожалуй, зарвался.

Эта мысль вызвала у Бенсена приступ прямо-таки детского упрямства. Он ведь почти достиг своей цели! Это же был самый большой шанс в его жизни, один-единственный шанс, который мог кардинально изменить все, предоставив ему возможность уехать из этого захолустья и жить припеваючи в каком-нибудь большом южном городе... «Черт побери, — подумал он, — неужели все так и закончится ничем?» На его глазах погиб один из его друзей, он сам прибег к шантажу и даже совершил убийство, а теперь он, дрожа от холода и смертельной усталости, цеплялся за узкий выступ скалы, чувствуя себя беспомощным перед гневом природы, и ждал своей смерти.

Перед этим он еще раз сходил в гостиницу, чтобы снова переговорить с Филлипсом. Но Филлипа там уже не было. От портье Бенсен узнал, что Филлипс уже уплатил по счету и покинул гостиницу.

Узнав об этом, Бенсен весь аж затрясся от гнева. Ему стало понятно, что задумал Филлипс: осознав, что Бенсен теперь сможет его шантажировать так, как ему, Бенсену, только в голову взбредет, он решил упредить его. Каким-то образом все-таки выведав, где лежат обломки судна, Филлипс, наверное, немедленно направился туда, чтобы завладеть сокровищами еще до того, как снова появится Бенсен и выставит свои очередные требования.

Так тогда подумал Бенсен. И он тут же, вскочив на лошадь, прискакал обратно к побережью и спустился по скалам к морю, чтобы здесь дожидаться появления Филлипа и двух его спутников.

Но Филлипс так и не появился.

Вместо этого начался шторм, причем так быстро, что Бенсен не успел взобраться по скалам в безопасное место.

Набежала новая волна. Она гневно обрушилась на прибрежные утесы, чуть было не смыв Бенсена. Его окатило ледяной водой, от которой пальцы рук еще больше онемели. Когда волна стала откатываться назад, пытаясь утащить его за собой в море, он почувствовал, что напряжение в мышцах стало просто невыносимым. Его правая рука, не

выдержав, соскользнула с выступа скалы, за который она цеплялась. Бенсен поневоле отпрянул от утеса, завис на мгновение в немыслимом положении над каменным карнизом и отчаянно завопил, но его крик утонул в шуме шторма, похожем на дьявольский хохот.

Бенсен полетел вниз. Еще до того, как он плюхнулся на белый прибрежный песок, накатилась новая волна, смягчив его падение, но тут же с силой ударив его о скалу.

Бенсен инстинктивно раскрыл рот, чтобы крикнуть, но он был уже под водой. Он ударился головой о камни, из его легких вышибло воздух, и он на секунду потерял сознание. Волна, закружив его в водовороте, затем игриво приподняла его тело и потащила за собой в море. Бенсену показалось, что его легкие вот-вот разорвутся. Он почувствовал, что грудная клетка через секунду буквально взорвется, и желание глотнуть воздуха стало просто необоримым. Но он знал, что стоит ему сейчас открыть рот — и он тут же захлебнется.

С силой, какой он от себя не ожидал, Бенсен перевернулся в воде, яростно сопротивляясь ее давлению, и все-таки сумел вынырнуть. Отчаянно глотнув воздуха, Бенсен снова перевернулся и расставил руки, готовясь к приходу новой волны.

Почувствовав, что его снова несет на скалу, Бенсен мгновенно среагировал. Решив больше не тягаться силой с волной, он нырнул и, повернувшись ногами в сторону скалы, попытался принять удар ногами. Его лодыжку пронзила острая боль. Волна не разбила его насмерть о скалы, что неизбежно произошло бы, если бы он не совершил свой последний маневр, но он почувствовал, что третью волну он уже не переживет.

Ему удалось еще раз поднять голову над поверхностью воды и глотнуть воздуха. Волна начала откатываться назад, в море, но за ней уже маячила новая волна — поблескивающая смертоносная стена воды, готовящаяся швырнуть его с размаху на скалы и убить.

И тут он увидел небольшую пещерку.

Это была всего лишь узкая треугольная трещина в скале, наполовину скрытая водой и почти незаметная — словно тень. Страх и отчаяние придали Бенсену новых сил. Он тут же отреагировал, изо всех сил рванувшись по поверхности воды вперед и вправо.

Он почти доплыл до цели. Почти.

Прибой швырнул его, как щепку, к скале и втолкнул, словно пробку, внутрь пещерки. Бенсен почувствовал, что его левая рука в чем-то запуталась. Его крик потонул в реве ледяной беснующейся воды, вталкивающей его все глубже в щель. Он заскользил дальше, его лицо чиркнуло о камень, что-то уперлось в грудную клетку. Затем сила напора волны стала ослабевать, и Бенсен, еще раз стукнувшись обо что-то, замер.

Он уже почти не был способен о чем-либо думать, но где-то в глубине его подсознания еще теплилась воля к жизни. А может быть, это инстинкт подсказывал ему, что сейчас нужно во что бы то ни стало приподняться и ползти поглубже в пещерку, подальше от входа в нее.

Когда накатилась следующая волна, он был уже в безопасности. На него снова обрушилась вода, оторвав его от дна пещерки, но сила волн здесь была уже не та. Бенсен продвинулся еще глубже, уткнулся своим искаженным от боли лицом в плоский каменный выступ и замер.

Он не потерял сознание полностью. Бенсен находился в состоянии некоего транса, как раз в той пограничной зоне между сознательным и бессознательным состоянием, в которой есть только боль, тошнота, а еще упрямая воля к жизни, противостоящая боли и позволяющая организму выжить.

Буря вроде бы мало-помалу стала стихать, и не так уже терроризировала побережье, а

еще чуть позднее измученный Бенсен поднял голову и посмотрел опухшими и лишь наполовину открытыми глазами на выход из пещерки.

Ураган все еще бушевал над морем, а небо раздирали сверкающие зигзагообразные молнии. Однако звук грома был каким-то странным: он превратился в затяжное вибрирующее завывание и напоминал доносившуюся издалека канонаду артиллерийских орудий. От этих звуков содрогались и земля, и море.

Что-то в природе было не так, как обычно.

Прошло некоторое время, прежде чем к затуманенному сознанию Бенсена вернулась способность мыслить, и еще больше времени понадобилось для того, чтобы Бенсен осознал, где он и что с ним.

Он вспомнил о буре. Ураган продолжал свирепствовать, быть может, еще более люто, чем прежде, но здесь, перед выходом из пещерки и возле берега, на котором он находился до того, как начался шторм, море почему-то стало спокойным.

Бенсен попытался приподняться, однако ноги не смогли выдержать вес его тела, и он снова рухнул на каменный выступ. Он застонал и несколько секунд пролежал неподвижно, вдруг почувствовав, как много на его теле ран и ссадин.

Однако через некоторое время он снова попытался приподняться, отчаянно напрягая не желающие подчиняться мускулы. На этот раз ему удалось, пошатываясь, встать на ноги. Неуверенно ступая и держась руками за стену пещерки, он стал продвигаться к выходу.

Ураган над морем бушевал все с тем же неистовством. Молнии одна за другой разрезали небо сверкающими бело-голубыми кривыми линиями, а земля, казалось, вздрагивала под глухими ударами грома. Но прямо перед ним, вдоль узкого серповидного участка побережья, море было спокойным, как в тихий летний день.

Бенсен уставился на эту неправдоподобную картину со смешанным чувством ужаса и удивления. Буря продолжалась, но в каких-нибудь пятидесяти ярдах от него пролежала ровная, словно проведенная под огромную линейку, линия, за которой спокойные маленькие волны медленно и плавно набегали на берег...

И вдруг...

И вдруг море начало бурлить.

Но причиной этому бурлению был уже не шторм и не прибой. На поверхности воды появились большие маслянистые пузыри, переливающиеся всеми цветами радуги, затем заиграли небольшие водовороты, от поверхности воды стала подниматься серая дымка и, наконец, в глубине зашевелилась огромная серая тень...

В первый момент Бенсен подумал, что это кит, которого штормом отнесло к берегу, и он оказался в этой маленькой бухте, но затем Бенсен заметил, что тень уж слишком большая для кита. Шевелящееся в глубине моря существо было по размерам больше морского судна и занимало почти всю бухту, как будто вдруг ожило само дно морское.

Вода продолжала бурлить. Пузыри, все увеличивающиеся в размерах, лопались со все возрастающей скоростью, и ветер донес до Бенсена странный приторный запах. Затем вода начала буквально клокотать, и что-то гигантское и темное, взбивая пену, стало перемещаться в глубине воды.

Это было судно. Точнее, обломки судна — только его кормовая часть с надстройками и двумя мачтами из четырех, имевшихся когда-то на паруснике. Некогда огромное судно сильно пострадало от удара о рифы и было покрыто водорослями и ракушками. Помимо этого его корпус обволакивало что-то зеленое и блестящее.

Когда судно, вибрируя и вспенивая воду, поднялось из глубины на поверхность, внутри у Бенсена похолодело.

Он увидел, что судно поднималось не само по себе — его *поднимало* то существо, которое Бенсен заметил под водой. Оно представляло собой ужасное серо-зеленое нечто, состоящее из извивающихся щупальцев и зеленых чешуек. Оно было просто невероятно огромным, и рядом с ним даже это судно казалось маленькой и хрупкой игрушкой. Обломок «Владычицы тумана» все больше и больше показывался из глубины, но существа, которое его выталкивало, по-прежнему нельзя было толком рассмотреть.

И вдруг вода рядом с остатками судна всплеснулась, словно от бесшумного взрыва, и Бенсен увидел глаз.

Этот глаз по размерам был больше человека. У него отсутствовали веки, а состоял он из какой-то тестообразной желтоватой субстанции и казался овеществлением злобности. Глаз смотрел прямо на *Бенсена*...

Невидимый стальной коготь как будто вцепился в сознание Бенсена и вырвал из него все, что в нем было человеческого. Бенсен вскрикнул и отшатнулся назад, задыхаясь от нахлынувшей тошноты. Еще какой-то миг он испытывал страх, а затем все его мысли и ощущения куда-то пропали, и теперь он представлял собой лишь пустую оболочку — безвольный инструмент в руках некоей силы, облеченный в человеческое тело.

«Владычица тумана» медленно накренилась на бок, коснулась мягкого песка пляжа и начала разваливаться. Мачты и реи, насквозь прогнившие за два месяца нахождения под водой, разваливались на куски под своим собственным весом. Судно с треском и скрипом буквально рассыпалось на части, уподобившись воздушному шарiku, из которого вышел воздух. Теперь оно представляло собой лишь грудку разломанной древесины.

А едва видимый в глубине воды глаз снова закрылся.

Это существо сделало то, что ему нужно было сделать. А теперь оно стало ждать. Оно знало, что пройдет еще несколько часов, прежде чем оно сможет осуществить свой замысел.

Но какое значение имеют несколько часов для существа, которое прождало уже два миллиарда лет?

— Родерик? Вы... ты... ты действительно... — голос Говарда дрожал.

Он поднял руки, словно хотел подойти к Махоуни и обнять его, но, сделав шаг, остановился, как вкопанный, и впился взглядом в еле различимые черты лица.

— Да, это я, Говард, — подтвердил Махоуни. — Если не веришь мне, то спроси Роберта. Ты ведь знаешь, что его невозможно обмануть, ведь так?

— Я тебе доверяю, — поспешно ответил Говард. — Только...

— Хорошо, — перебил его Махоуни-Андара. — У нас еще будет, наверное, возможность обо всем поговорить. А сейчас на это нет времени, Говард. Мы должны немедленно отправиться в путь, если хотим спасти Роберта.

— Но куда?

— Туда, куда ты и направлялся. Твое намерение было правильным, Говард: нам нужно раздобыть мой сундучок. Надеюсь, сделать это еще не поздно.

Он повернулся, подошел ко мне и протянул руку, помогая мне подняться на ноги.

— Все в порядке, парень? — спросил Махоуни.

Я кивнул, хотя в действительности не был уверен, что *все в порядке*. Головокружение и слабость не проходили, мои мысли по-прежнему путались. Человек, стоящий сейчас передо

мной, — мой отец! У него было тело молодого человека — еще моложе, чем я — но душа, сделавшая это мертвое тело живым, была душой Родерика Андары, моего отца.

Моего отца, которого я лично похоронил...

— Могу себе представить, что ты сейчас чувствуешь, Роберт, — сказал он тихо. — Но ты должен мне доверять. Если взойдет солнце и это существо внутри тебя снова активизируется, даже я не смогу тебе помочь, — он ободряюще улыбнулся, отпустил мою руку и снова повернулся к Говарду. — Нам пора в путь.

Несмотря на темноту, я заметил, что Говард испугался. Стоящий за ним Рольф недоверчиво вздохнул.

— При таком шторме? — удивленно спросил Говард. — Это судно не сможет...

— Ничего с этим судном не случится, — перебил его Махоуни. — Будет, конечно, нелегко, но я все же смогу помочь вам добраться до побережья. Если мы сейчас не поторопимся, то потом уже может быть поздно. Пожалуйста, Говард.

Говард, колебавшись секунду, кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Но ты мне кое-что пояснишь, когда все это будет уже позади.

— Конечно, — сказал Махоуни. — А сейчас следует поторопиться. Давайте отчаливать. Я тоже пойду на палубу и помогу вам. И не переживайте по поводу шторма: я улажу эту проблему. Роберт пусть остается здесь до тех пор, пока мы не прибудем в бухту.

Больше не говоря ни слова, он повернулся и побежал вверх по лестнице. Рольф последовал за ним, а Говард, задержавшись, повернулся ко мне:

— Ты слышал, что он сказал. Будешь находиться здесь, что бы ни происходило. И на этот раз без сюрпризов, договорились?

После всего пережитого его слова вызвали во мне гнев. Я понимал, что я неправ, но все же высказал ему свое недовольство.

— Если бы ты с самого начала был со мной откровенен, ничего этого не произошло бы, — сказал я.

К моему удивлению, эти слова не рассердили Говарда. Он ответил мне с кроткостью, которой я меньше всего от него ожидал.

— Быть может, ты и прав, — сказал он тихо. — Я... целый день упрекал себя, Роберт. Мне, наверное, действительно следовало тебе все рассказать. Но...

— Да ладно, — перебил я его.

Я уже сожалел о том, что упрекнул его.

— Да нет же, ты прав, — упорствовал Говард. — Мне следовало тебе все рассказать. То, что происходило с тобой, когда-то давно произошло и с твоим отцом. Он сам испытал это на себе.

— Почему же ты мне ничего не рассказал?

Говард печально улыбнулся.

— Почему? — переспросил он. — Не знаю. Быть может... быть может, я просто боялся.

— Но ведь мы можем с этим справиться? — спросил я.

Мой голос дрожал. Я вплоть до сего момента старательно убеждал сам себя, что ничего не боюсь, но это было не так. Я внутренне просто трясся от страха, и сейчас даже больше, чем раньше.

— Твоему отцу это удалось, — ответил Говард. — А до него — и другим, но немногим.

— А если... если не сможем?

— Если не сможем? — переспросил Говард. — Не знаю, Роберт Если не сможем, то...

— То тогда это существо приобретет надо мной власть, и я сам превращусь в одного из ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ, — сказал я, не дождавшись ответа Говарда.

Говард некоторое время серьезно смотрел на меня, затем опустил взгляд и кивнул.

— Мне нужно наверх, — вдруг сказал он. — При таком шторме Рольф в одиночку не сможет отвязать канаты.

Он хотел пройти мимо меня к лестнице, но я удержал его, схватив за руку.

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал, — сказал я.

— Что именно?

— Если... если у вас ничего не получится... — сказал я, запинаясь. — Если ты увидишь, что я проигрываю в этой борьбе и... я — уже больше не я, то тогда убей меня. Я уж лучше умру, чем превращусь в одного из этих монстров.

— Не говори чепухи. Ты...

— Это не чепуха, Говард. Я говорю это серьезно.

— У нас все получится, — заявил Говард. — Теперь, когда Родерик вместе с нами, у нас точно все получится. А теперь забейся куда-нибудь в угол и жди. И держись подальше от окон.

Он осторожно высвободил руку, отстранил меня со своего пути и стал быстро подниматься по лестнице.

Я остался в каюте один. Надо мной, на палубе, раздавались шаги Говарда, Рольфа и Махоуни, время от времени заглушаемые треском и грохотом или криками. Я почувствовал, что судно раскачивалось все сильнее по мере того, как один за другим отвязывали швартовочные канаты. Судно буквально болталось на волнах, которые то прижимали его к пристани, то отпускали. Но я почти не замечал всего этого. Шатаясь, я присел на корточки, уставился взглядом в темноту и попытался собраться с мыслями.

Мой отец вернулся! С момента смерти я видел его уже не первый раз: он появлялся то в виде голоса, то в виде отражения в зеркале, то как неясное видение, которое тут же исчезало, лишь только я пытался его рассмотреть. Теперь же он *действительно* вернулся...

Мне вроде бы следовало радоваться. Я бы с удовольствием, подпрыгивая от счастья, побежал бы на палубу и бросился бы ему на шею. Но я не мог этого сделать. К тому же, когда я стоял рядом с ним, меня не покидало ощущение, что я стою перед мертвецом.

Доски под моими ногами начали вибрировать еще сильнее. Затем судно вдруг так резко накренилось на борт, что мне пришлось поспешно схватиться за то, что оказалось под рукой, чтобы не повалиться на пол. Направление удара волн о корпус судна изменилось: они теперь ударялись не в борт, а в нос судна.

Мы плыли.

Не знаю, как долго мы были в пути — час, а может даже два или три. В хаосе беснующихся волн, окружавшем судно, чувство времени притупилось. Судно бешено бросало то вверх, то вниз, при этом завывание бури становилось все ужаснее. Корпус судна почти непрерывно содрогался от ударов волн, а над морем одна за другой сверкали молнии — так близко к нам, что я буквально чувствовал их электрическое шипение. Несколько раз буря ненадолго затихала, чтобы затем возобновиться с еще большей яростью.

В конце концов — спустя, казалось, целую вечность — мы доплыли до нужного нам участка побережья. Я услышал глухой шум, с которым волны ударялись в основание могучих прибрежных скал, и этот шум воскресил в моем сознании вереницу воспоминаний,

буквально нахлынувших на меня. Перед мысленным взором предстало старое величественное четырехмачтовое судно и обрывки парусов, свисающих с наполовину разломанных от напора ветра рей. Это судно — стремительно, как стрела — мчалось по беснующемуся морю к виднеющемуся впереди берегу и находящимся перед ним рифам. Мне показалось, что я снова слышу испуганные крики матросов, осознавших, что парусник движется слишком быстро и неизбежно разобьется — если не о рифы, то о прибрежные скалы. Я попытался отогнать эти воспоминания, но они упорно заполняли мое сознание, становясь все более впечатляющими и реалистичными...

Моего плеча коснулась чья-то рука. Подняв глаза, я различил черты лица Говарда.

— Все в порядке? — тихо спросил он.

Я кивнул:

— В по... в порядке.

На секунду у меня возникло желание рассказать ему, что со мной сейчас происходит, но затем я отбросил эту мысль и лишь кивнул ему. В конце концов, мало ли какие видения мне мерещатся, к тому же на долгие разговоры у нас просто не было времени.

— Мы уже почти прибыли на место, — сказал он. — Махоу... твой отец хочет, чтобы ты поднялся на палубу.

Что-то в его голосе заставило меня насторожиться.

— Ты ему не доверяешь, — сказал я.

Говард вздохнул.

— Ну почему же, — ответил он. — Я знаю, что это именно он, Роберт. Знаю так же хорошо, как и ты. Но...

Он больше ничего не сказал, да в этом и не было необходимости. Он, похоже, чувствовал то же самое, что и я. Этот человек — *действительно* мой отец, но при этом он был каким-то другим, не таким, каким мы знали его раньше. Быть может, его изменил тот мир, в котором он сейчас существовал.

Я отогнал мрачные мысли, поднялся на ноги и хотел было уже направиться к лестнице, но Говард вдруг удержал меня.

— Подожди-ка, — сказал он.

Я остановился. Говард прошел мимо меня в глубину каюты и через пару секунд вернулся оттуда со сложенным одеялом.

— Зачем это? — спросил я.

— Набрось на себя, — нетерпеливо ответил Говард. — Я знаю, что это может выглядеть нелепо, но, возможно, окажется нелишним. Снаружи все еще бушует ураган, и, похоже, он не уймется в ближайшие несколько часов. Держи.

Я, в нерешительности взглянув на него, все же взял одеяло и накинул его себе на голову. Говард обошел вокруг меня, поправляя одеяло то там, то сям, в результате чего я в этом наряде стал похож на участника маскарада, изображающего из себя привидение. Только перед моими глазами Говард оставил узкую — в палец шириной — щель, чтобы я мог хоть что-то видеть. Несмотря на всю серьезность нашей ситуации, такая маскировка действительно показалась мне нелепой.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Пойдем.

Мы поднялись по лестнице. Только сейчас до меня дошло, что судно уже давно не раскачивается под нашими ногами, как раньше. Чувствовалась лишь самая заурядная морская качка. Говард открыл дверь, вышел наружу и нервными движениями показал мне,

что я могу следовать за ним.

Вид, открывшийся моему взору, был очень странным. На море с неослабевающей силой бушевал ураган, но вокруг нашего судна — в радиусе семисот-восемисот ярдов — море было гладким, как зеркало, и абсолютно не ощущался ветер. Прямо по курсу высился скалистый берег. Шторм, повсюду нагонявший на берег огромные волны, почему-то не трогал простиравшийся перед нами серповидный участок берега длиной ярдов в сто пятьдесят.

А еще перед самым берегом покоилось некое судно.

Оно было сильно разбито. Мне еще никогда не приходилось видеть так сильно разрушенные суда. Оно представляло собой уже даже не судно, а просто кучу обломков древесины и обрывков такелажа. Несмотря на это, я сразу узнал его.

— «Владычица тумана»! — ахнул я. — Говард, это и есть парусник «Владычица тумана»!

Говард кивнул, как будто он и не ожидал увидеть ничего другого. Однако он все-таки спросил:

— Ты уверен?

— Да. Это как раз... та бухта, в которой затонул наш парусник.

Мой взгляд скользнул по основанию прибрежных скал, пытаясь найти среди теней и трещин знакомые очертания, и остановился на черной треугольной расселине.

— Вон там находится пещера, в которой мой отец... — я запнулся, несколько раз судорожно сглотнул и посмотрел в сторону Махоуни, который с бесстрастным видом стоял у поручней и смотрел на меня и Говарда.

— В которой он умер, — сказал он. — Говори об этом спокойно, Роберт. Это и есть именно то место.

— А судно? Как тебе удалось его?..

Махоуни поднял руку, и я замолк.

— Не сейчас, Роберт. Я вам позже все поясню. Я очень многое узнал, там, где я... был. Но мне пришлось заплатить за это высокую цену. И составная часть этой цены — то, что я должен помалкивать о кое-каких вещах. Ты готов?

Я инстинктивно посмотрел себе под ноги. Небо к тому времени немного прояснилось, на нем по-прежнему сверкали молнии, но тень на влажной палубе судна, вопреки моим боязливым ожиданиям, оказалась не тенью чудовища, а просто округлым пятном. Похоже, план Говарда сработал. До тех пор, пока я отбрасывал не *собственную* тень, я находился в безопасности.

— Да, — ответил я.

Махоуни кивнул.

— Тогда вперед. Рольф останется здесь, чтобы охранять наше судно. Я не знаю, как долго еще смогу сдерживать шторм. — Он ободряюще кивнул, перелез через поручни и прыгнул за борт. Я увидел, что вода доходила ему лишь до колена: «Владычица тумана» лежала почти у самого берега, на мелководье. Махоуни сделал несколько шагов, повернулся к нам и нетерпеливо замахал рукой. — Спускайтесь!

Чувствуя, как колотится мое сердце, я тоже спрыгнул с нашего судна. Говард следовал за мной буквально по пятам. Вода была ледяной. Я инстинктивно покрепче натянул свое одеяло на плечи, опасаясь, что его может сорвать водой. Широкими шагами мы с Говардом пошли вслед за Махоуни. Холод пронизывал мои ноги, заставляя все тело дрожать.

Махоуни ждал нас на берегу.

— Побыстрее! — крикнул он, призывно махая рукой.

На фоне обломков «Владычицы тумана» его фигура казалась четко очерченной тенью. Хотя это было и нелепо, но я ощутил, что в этой тени есть что-то угрожающее.

Мы ускорили шаг. На песке повсюду валялись различные предметы и просто обломки древесины. Буря позади нас завывала со все возрастающей силой, ударяясь в невидимый барьер, защищавший бухту. Молнии сверкали теперь почти непрерывно, в результате чего берег был ярко — почти как днем — освещен мерцающим бело-голубым светом. Завывание бури все усиливалось, и я почувствовал, что мое одеяло рванулось под первым порывом ветра, чуть было не слетев с меня. Я поспешно схватился за него руками, сумев удержать на себе, однако при этом увидел, что моя тень на песке, послушно повторяющая мои движения, снова стала похожа на существо с щупальцами. Говард подпрыгнул ко мне и тщательно поправил одеяло. Смертельно опасная для меня тень исчезла.

— Вперед! — рявкнул Махоуни, пытаюсь перекричать завывания бури.

Его рука указала на прямоугольный предмет, лежавший на песке рядом с обломками судна. Сначала он показался мне каким-то странным, но затем я узнал его.

— Сундук! — крикнул я. — Это же твой сундук!

Махоуни кивнул:

— Да. Я уже вытащил его из обломков, опасаясь, что у нас потом не будет на это времени. — Он побежал, остановился у самого сундука и подождал, пока мы с Говардом добежим до него. Махоуни тяжело дышал, почти задыхался, а на его лбу блестел пот. — Быстрее! Защитный барьер... разрушается.

Я инстинктивно посмотрел назад. Ураган стал просто безумно неистовым, хотя непосредственно вокруг нас по-прежнему царил обманчивый штиль. Сколько он еще продлится? Ветер здесь уже начинал потихоньку усиливаться, а волны все чаще и сильнее ударялись в невидимую стену, защищавшую бухту и маленькое судно, на котором мы прибыли сюда.

Говард опустился на колени перед сундуком и протянул руку к его крышке, но Махоуни поспешно отбил его руку в сторону.

— Нет! — сказал он. — Ты умрешь, Говард, если только коснешься его.

Говард удивленно уставился на Махоуни. Уголок его рта нервно задергался.

— Тебе не все известно, — поспешно пояснил Махоуни. — Ты знаешь, что за сокровище скрыто в этом сундуке, Говард, а еще ты знаешь, какую огромную опасность таит содержимое этого сундука, если оно попадет не в те руки.

Говард кивнул:

— Ну, так что?

— Я заколдовал этот сундук, прежде чем... прежде чем я умер, — пояснил, запинаясь, Махоуни. — Только один человек в мире сможет его открыть. Любой другой тут же умрет, стоит ему только попытаться это сделать. Даже я сам.

— Тогда...

— Твой первоначальный план ни к чему бы ни привел, — невозмутимо продолжал Махоуни. — Ты пытался держать Роберта подальше от моря, опасаясь, что Йог-Сотхотх все еще находится здесь и может подчинить Роберта своей власти. Но Роберт — как раз тот единственный человек, который может взломать магическую печать, — он повернулся ко мне. — Сделай это, Роберт. Быстро!

Я послушно опустился на колени рядом с Говардом, высунул руку из-под одеяла и

протянул ее к ящику. Мои пальцы застыли буквально в миллиметре от разбухшего дерева ящика. Я почувствовал, как сильно заколотилось мое сердце.

— Что... что я должен сделать? — спросил я.

— Ничего, — ответил Махоуни-Андара. — Просто открой его. С тобой ничего не произойдет.

Я кивнул. Однако мои руки дрожали так сильно, что я лишь с трудом смог раскрыть простенькую защелку ящика. Я инстинктивно закрыл глаза. Собственно говоря, я и сам не знал, чего в данной ситуации можно было ожидать — смертоносной молнии, или же черта, выпрыгивающего из ящика и бросающегося на меня, или же огненной струи, бьющей с неба, или же чего-нибудь еще более ужасного, которое произойдет, стоит мне только открыть сундук.

Но ничего подобного не случилось. Защелка раскрылась с металлическим звяканьем, и серая крышка тяжелого ящика, словно поднимаемая невидимой рукой, сама по себе откинулась.

Махоуни пронзительно вскрикнул, опустился рядом со мной на песок и склонился над сундуком.

— В нем ничего не пострадало! — ахнул он. — О господи, Роберт, тебе это удалось!

— Ты что, в этом сомневался? — подозрительно спросил Говард.

Махоуни сделал вид, что не слышал его слов.

— А теперь быстренько! — сказал он. — Отойди-ка, Роберт!

Я повиновался. Махоуни снова склонился над сундуком, запустил в него пальцы и достал тоненькую книгу в очень старом кожаном переплете. Но он, вопреки моим ожиданиям, не раскрыл ее, а с торжествующим возгласом выпрямился и посмотрел сначала на Говарда, а потом на меня. Его глаза сверкали.

— Теперь все это снова у меня, — пробормотал он. — Говард, теперь все это снова у меня! Ты вообще-то знаешь, какую силу несут в себе эти книги?

Говард медленно поднялся. Его движения казались неестественно скованными.

— Я знаю это, Родерик, — сказал он. — А как насчет Роберта?

Махоуни-Андара как-то странно взглянул сначала на него, потом на меня и вдруг улыбнулся.

— Ну да, конечно, — сказал он таким тоном, как будто говорил о том, о чем чуть было не забыл. — Это нам еще предстоит уладить.

Он поднял руку, и из обломков судна позади него появилась сначала одна фигура, а потом и вторая.

Мы с Говардом почти одновременно вскрикнули. Молнии осветили берег ярким белым светом, более чем достаточным для того, чтобы хорошо рассмотреть обе фигуры.

Лишь одна из них была фигурой человека. Другая...

Говард застонал.

— Родерик, — пробормотал он, — но ведь это же...

— *Шоггот*, — спокойно сказал Махоуни. — Но не бойся, Говард, он вам ничего не сделает. Иди сюда, Роберт.

Я не хотел ему повиноваться. Мой внутренний голос всюду кричал, что мне нужно повернуться и бежать отсюда как можно быстрее и как можно дальше, но я не мог противиться силе воли Махоуни-Андары, подавляющей мое сознание. Медленно и послушно, словно марионетка, которую дергает за веревочки невидимый кукольник, я

поднялся и пошел в сторону Махоуни и серого гиганта.

— Родерик, — застонал Говард. — Что... что ты собираешься делать?

— То, что единственно возможно в данной ситуации, — ответил Махоуни. — Доверься мне, Говард. Есть только одна возможность спасти Роберта.

— Но ведь это... это *Шоггот*, — пролепетал Говард.

Я краем глаза увидел, что он пытается сдвинуться с места, но, так же как и я, он уже не был хозяином своего тела.

Махоуни снова поднял руку. *Шоггот*, колыхаясь, начал двигаться ко мне. Его шаги были какой-то жуткой пародией на человеческие шаги. Подойдя ко мне, он протянул руку.

Его прикосновение было для меня подобно электрическому удару. Из тела этого плазмообразного существа выдвинулись тонкие блестящие серые волокна, без труда пронзили накинутае на меня одеяло и мою одежду и коснулись моей кожи.

Как ни странно, мне почти не было больно. Я почувствовал лишь кратковременное легкое жжение, после чего возникло ощущение покалывающего ледяного холода, затмившее все другие ощущения. Мне показалось, что плазмообразная масса бесшумно растеклась по поверхности моего тела, образовав на нем что-то вроде второй кожи. Все это произошло быстро. Невероятно быстро.

— Одеяло, — спокойно сказал Махоуни. — Сними его, Роберт.

Мои руки стали двигаться как бы сами по себе. При этом я совсем не испытывал страха. Я медленно стащил с себя одеяло, бросил его на песок и стал дожидаться очередной молнии.

Ждать пришлось не больше секунды. Небо разрезала ярко-белая огненная линия, пробежав по нему зигзагами и разрядившись где-то далеко над морем. И прямо передо мной появилась черная тень ДОИСТОРИЧЕСКОГО ГИГАНТА.

На этот раз она действовала с невероятной скоростью. Извивающиеся щупальца выдвинулись вперед, бросились ко мне и охватили меня смертельной хваткой еще до того, как успела погаснуть молния. Я закрыл глаза, ожидая, что мне вот-вот наступит конец.

Но он не наступил.

Вместо этого произошло нечто совершенно иное. Серый слой плазмы, покрывавший все мое тело — буквально каждый его квадратный миллиметр — начал подрагивать, совершая волнообразные движения, как будто он испытывал боль. *Шоггот* зашатался, словно от удара, вытянул руки и коснулся моих плеч своими безобразными ладонями.

И плазмообразная масса утекла с меня в него.

Через пару секунд я снова полностью стал самим собой. Тень возле меня теперь была обыкновенной человеческой тенью — моей тенью, а не тенью чудовища, едва не завладевшего мной. *Шоггот*, бешено размахивая конечностями, упал на спину на песок и так и остался лежать, весь дрожа. Его тело перевернулось, начало было преобразовываться в мерзкое существо со щупальцами и клювом попугая, но затем вдруг стало растекаться. Это было ужасное зрелище.

Глядя на это, я наконец понял, что произошло. Я резко повернулся и посмотрел на Махоуни. Его взгляд был невозмутимым и спокойным, но в нем чувствовался такой холод, что я невольно содрогнулся. Этот взгляд не был похож на взгляд человека.

— Я сожалею, Роберт, — сказал он тихо. — Я не мог тебе об этом сказать.

— Ты...

— Тогда, — невозмутимо продолжал он, — когда я сам стал жертвой одного из *могущественных* существ, я мог использовать всю свою колдовскую силу, да и времени у

меня было много. Сейчас у меня не было ни того, ни другого. У тебя есть лишь несколько часов, Роберт. Мне нужно было принести ему жертву. Он слишком сильный, и я не мог его проигнорировать.

— Это *Шоггот*, — пробормотал Говард.

Махоуни кивнул:

— Да. Но не переживай, Говард. Его тело приготовлено к смерти, и *могущественное* существо исчезнет, прежде чем сможет принести вред. Вы останетесь живы.

— Ты... не убьешь нас?

Я в упор посмотрел на него. Еще секунду назад мне казалось, что я все понял, но теперь слова Говарда снова поставили меня в тупик. Его взгляд был прикован к Махоуни, и он, казалось, не замечал меня. Почему он спрашивал *моего* отца, убьет ли он нас?

Махоуни тихо засмеялся.

— Нет. В этот раз нет, Говард. Те, кому я служу, — могущественны и суровы — по крайней мере, согласно вашим представлениям — но они, тем не менее, никогда не совершают бессмысленных поступков. На этот раз вы свободны.

— Те, которым ты... служишь? — недоуменно переспросил я.

Говард не обратил на мои слова никакого внимания. Его взгляд по-прежнему был прикован к лицу Махоуни.

— Кто ты? — спросил он. — Ты — сам Йог-Сотхотх?

Махоуни отрицательно покачал головой:

— Нет. Но я ему служу.

— Но... но ведь это просто невозможно! — ахнул я. — Ты ведь...

— Андара, — перебил меня Говард. Его голос был ледяным. — Ты прав, Роберт. И в то же время — нет. Йог-Сотхотх получил над ним власть.

— Влияние *могущественного* существа простирается весьма далеко, — подтвердил Махоуни-Андара. — Даже по ту сторону бытия.

— Но ведь он... он... он помог нам и... и спас меня и еще... — я совсем запутался и беспомощно посмотрел на Говарда. — Он уничтожил одного из **ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ**.

— Это было существо низшего порядка, — ответил Махоуни вместо Говарда. — Таких много — тех, кого не устраивает собственная судьба, и они пытаются от нее уйти, перескакивая через время. Их нужно уничтожать.

Я медленно повернулся и посмотрел на него. Мои глаза горели.

— Зачем это все? — спросил я, с трудом выговаривая слова.

Махоуни молча указал на лежащий у его ног сундук:

— Вот зачем, Роберт. Ты так и не понял, какая сила содержится в этих невзрачных на вид книгах. Чтобы снова завладеть ими, нужен был ты. В этом я тебя не обманывал. Тот человек, которым я некогда был, знал о надвигающейся опасности и принял соответствующие меры. Чтобы сломать эту магическую печать, не хватило бы и могущества Йог-Сотхотха. Только ты мог это сделать.

— Значит теперь ты заполучил все, что хотел, — прошептал Говард.

Махоуни кивнул.

— Почему же тогда ты не убиваешь нас? — продолжал Говард неестественно спокойным голосом. — Тебе что, нравится нас мучить?

— Убить вас? — переспросил Махоуни, улыбаясь. — С какой стати я должен это

сделать, Говард? Я ведь все еще Родерик Андара, только я служу теперь другому хозяину. Я некогда был твоим другом, а Роберт все-таки мой сын. Почему же я должен вас убивать?

Он покачал головой, осторожно положил книгу обратно в сундук и сделал знак рукой человеку, который появился вместе с *Шогготом* и все это время молча и неподвижно стоял в стороне.

— Забери сундук, Бенсен, — сказал Махоуни.

Затем он повернулся к Говарду.

— Мне нет необходимости вас убивать, Говард, — спокойно сказал он. — Вы больше не представляете для меня опасности. Я заполучил то, что хотел, и теперь мне уже никто не помешает.

— Тебе — или же чудовищу, которому ты служишь? — спросил Говард.

Его голос дрожал.

Махоуни снисходительно улыбнулся.

— Называй его, как хочешь, Говард. Но это — мой господин, и я буду ему служить. Вам меня больше не сдержать. Никто уже больше не сможет этого сделать.

Произнеся эти слова, он повернулся и подождал, пока его спутник поднимет с песка сундук, затем они стали удаляться вдоль береговой линии.

Мы с Говардом долго смотрели им вслед, даже когда звук их шагов поглотило завывание бури. Я чувствовал себя опустошенным и изможденным. Я устал так, как еще никогда не уставал в своей жизни.

— Говард, скажи мне, что это все — неправда, — прошептал я. — Скажи мне, что это только сон и что этот человек — не мой отец.

— Нет, Роберт, все это — правда, — тихо ответил Говард, но таким ледяным тоном, каким он никогда еще не говорил. — Это был именно он — и в то же время не он. Ты не должен его ненавидеть. Он... не виноват в том, что совершил. Его действиями управлял Йог-Сотхотх. Хотя не на все сто процентов.

Я посмотрел на Говарда, и во мне затеплилась маленькая надежда.

— В нем еще осталось что-то человеческое, Роберт, хоть и немного, — продолжал Говард. — Он оставил нас в живых, не забывай об этом.

— В живых? — я хотел было рассмеяться, но все, что у меня получилось, — какие-то странные звуки, похожие на сдавленный крик отчаяния. — Мы проиграли, Говард. Это самое настоящее поражение. Он заполучил свои книги.

Говард кивнул.

— Это верно. Еще одно очко в пользу противника. Ну и что из этого? — он неожиданно засмеялся — смех был тихим и совершенно безрадостным. — Он выиграл битву, но не войну. Мы с ним еще встретимся. И в следующий раз мы будем осмотрительнее.

Я хотел ему что-то ответить, но Говард повернулся и быстрыми шагами пошел вдоль берега к ожидающему нас судну.

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЯТАЯ КНИГА

Книга шестая

Книги, написанные сатаной

Свет керосиновой лампы отбрасывал на стену причудливые узоры, создавая имитацию жизни там, где ее не было. Воздух в комнате был очень затхлым, а под подошвами туфель обоих находящихся здесь мужчин хрустел всякий хлам и пыльные осколки стекла. Сквозняк колыхал похожую на занавес паутину, а из глубины здания доносились непонятные жуткие шорохи. Тремейну, нервы которого были на пределе, эти звуки казались тяжелыми, мучительными вздохами. Он остановился. Лампа в его руках задрожала, и ему пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы подавить все возрастающее желание повернуться и убежать отсюда как можно быстрее и как можно дальше — прочь из этого проклятого жуткого дома, который с каждой секундой все больше казался похожим на огромную сырую могилу.

— Что с тобой? — спросил Гордон. — Боишься?

Тремейн повернулся к своему спутнику, который был выше его где-то на две головы, и хотел было ответить что-то резкое, но в последний момент сдержался и ограничился лишь кривой усмешкой. Выставив перед собой лампу, словно это было оружие, он пошел дальше. От него не ускользнуло, что голос Гордона дрожал, а его насмешка была ничем иным, как слабой попыткой подавить свой собственный страх. Он, Тремейн, безусловно, боялся, но и Гордон боялся не меньше его, если не больше. Это, конечно, было безумной идеей — прийти сюда лишь вдвоем, да еще и без оружия, но никто из них теперь не хотел первым признаться в том, что боится, а потому они оба — вопреки здравому смыслу — шли вперед.

Мерцающий желтый свет лампы высветил какую-то дверь. Сквозняк, ворвавшийся вместе с ними в здание, поднял пыль, и она замельтешила в воздухе, создавая тонкие колышущиеся кружева. Тремейн с трудом удержался от того, чтобы не раскашляться. Его сердце бешено колотилось. Было холодно: снаружи уже зашло солнце, и его — и так не очень теплые в это время года лучи — перестали согревать землю. Несмотря на это, Тремейн был весь в поту.

Гордон кивком головы указал вперед. Тремейн поднял лампу немного выше, чтобы лучше рассмотреть, что же там, впереди. Пламя секунду дрожало, и Тремейну показалось, что свет словно отпрянул от подкрадывающихся теней — или от того, что пряталось за этими тенями. Тремейн отогнал подобные мысли и внимательно всмотрелся в полумрак, стараясь разглядеть, на что же ему указывал Гордон.

Дверь была слегка приоткрыта, и на ее нижнем крае поблескивало что-то серое и влажное...

Тремейн подавил в себе чувство отвращения, подступившее к горлу, присел на корточки и наклонился вперед. Нижний край двери был покрыт тонким влажным слоем какого-то вещества. Вглядевшись повнимательнее, Тремейн заметил, что перед дверью и позади нее — посреди пыли и мусора — пролегал след почти полуметровой ширины, как будто здесь что-то протащили по полу. Ему невольно вспомнился тот след, по которому они с Гордоном пришли сюда — широкая, словно отполированная тропинка, ведущая через лес к этому заброшенному дому. Еще когда они шли по этой тропинке, он заметил маленькие лужицы серой массы, похожей на слизь, как будто по лесу проползла гигантская улитка, поглощая все, что ей попадалось на пути. Внутри у Тремейна похолодело.

Он резко поднялся и посмотрел на Гордона.

— Сматываемся отсюда, — сказал он. — Не нравится мне все это.

Гордон попытался рассмеяться, но его голос дрожал так сильно, что он тут же предпочел замолкнуть. Он засунул руку в карман, порылся там и вдруг резким движением вынул руку из кармана. В его ладони блеснул складной нож.

— Ты что, боишься? — спросил он. — Там, наверху, нас, наверное, поджидает какое-то ужасное чудище, да?

Он воинственно приподнял подбородок, всунул нож в руку Тремейну и распахнул дверь пинком ноги. Открывавшийся за дверью проход упирался в нижнюю ступеньку полуразвалившейся лестницы, ведущей куда-то наверх, в темноту.

— Пошли, трус! — буркнул он. — Наверху нет ничего страшного. Разве что пауки да мыши.

Тремейн, у которого с языка уже готов был сорваться резкий ответ, предпочел промолчать, еще раз неуверенно оглянулся назад и все-таки пошел за Гордоном. Когда они вдвоем поднимались по полуразвалившимся ступенькам, лестница под их весом громко скрипела. В доме слышались какие-то шорохи, как это бывает в старых заброшенных домах. Затхлый запах, который Тремейн почувствовал еще внизу, становился все сильнее.

Дойдя еще до одной двери, Гордон остановился. Она тоже была слегка приоткрыта, и здесь повсюду виднелись следы серой блестящей массы.

Гордон распахнул дверь, им обоим в ноздри буквально ударила волна мерзкого запаха. Тремейн демонстративно зашмыгал носом.

Они оказались на мансардном этаже здания. Перед ними простиралась длинная сумрачная комната, заваленная полусгнившими балками и вся затянутая пыльной паутиной. Крыша в некоторых местах провалилась, и сквозь образовавшиеся отверстия было видно ночное небо. А еще сквозь эти отверстия доносились звуки леса, смешиваясь с раздававшимися в доме шорохами.

Гордон дотронулся до плеча Тремейна и кивком головы указал налево. Комната не была пустой. Посередине нее находился огромный — весь покрытый пылью и черноватой грязью — письменный стол, на котором стояли две старинные керосиновые лампы, излучающие мерцающий красновато-желтый свет. За столом сидел человек.

Тремейн судорожно сглотнул, пытаясь избавиться от подступившего к горлу кома. На секунду ему показалось, что сидящий за столом человек — мертвец, но затем он засомневался в этом. Этот человек сидел в неестественной позе на резном стуле с высокой спинкой. Его широко открытые глаза были неподвижны, а лицо выглядело осунувшимся и сероватым, словно покрытым пылью. Он не мигал. На столе перед ним лежала большая книга в темно-сером твердом кожаном переплете. Книга была открыта, и, несмотря на плохое освещение и большое расстояние, Тремейн заметил, что ее страницы испещрены какими-то непонятными причудливыми значками.

— О господи, — пробормотал Тремейн. — Что...

Он запнулся, быстро сделал шаг назад и так вцепился в руку Гордона, что тот застонал от боли.

— Он мертв! — пролепетал Тремейн. — О господи, он...

Гордон гневным жестом высвободил свою руку и сделал полшага в сторону.

— Этот... этот парень мертв! — пролепетал Тремейн еще раз. Его голос дрожал и срывался.

— Это я и сам вижу, — сердито выпалил Гордон. — Причем уже давно, — он глухо засмеялся, пытаясь тем самым подавить собственную нервозность. — Он уже не сделает тебе ничего плохого, ты, трус! Пошли.

Он сделал шаг вперед, ожидая при этом, что Трмейн последует за ним. Но Трмейн даже не сдвинулся с места. На его лбу заблестел пот.

— Что с тобой? — спросил Гордон. — Ты что, боишься мертвеца?

Трмейн покачал головой, бросил на Гордона быстрый растерянный взгляд, а затем вдруг кивнул.

— Не нравится мне все это, — сказал он. — Давай уйдем отсюда. Здесь... здесь все равно нечем поживиться.

Левая бровь Гордона слегка приподнялась.

— Откуда ты знаешь? — спросил он. — Можем же мы, по крайней мере, просто посмотреть тут, что к чему, ведь правда?

Он покачал головой, резким движением руки заставил замолчать собиравшегося что-то возразить Трмейна, повернулся и пошел — правда, не так уверенно, как ему хотелось бы — к столу, за которым сидел мертвец.

Трмейн нервно сглотнул и нерешительно потоптался на месте. Ему вдруг пришло в голову, что он по-прежнему держит в руке складной нож Гордона. Смутившись, он поспешными движениями сложил нож, засунул его в карман и, сделав нерешительный шаг вперед, тут же остановился.

— Нам нужно сматываться отсюда, — сказал он. — *Прошу тебя.*

Гордон не обратил внимания на его слова.

Но и он подходил к столу все медленнее, чувствуя, как возникшие в нем опасения постепенно перерастают в настоящий страх. По мере того как он приближался к сидящему за столом мертвецу, темнота в комнате словно оживала, из нее стали доноситься шелест и шепот. Гордон вдруг заметил, что две керосиновые лампы, стоящие по краям стола, освещали вокруг себя пространство в радиусе всего лишь нескольких шагов, то есть намного меньше, чем обычно освещают подобные лампы. Стол стоял посередине островка мерцающего тусклого света, окруженного плотной стеной темноты, в которой мельтешили какие-то расплывчатые тени. Что-то в лице мертвеца показалось Гордону удивительно знакомым, причем одновременно и притягивающим, и отталкивающим, но он никак не мог понять, что. К его горлу подступил комок, а в животе стали ощущаться какие-то болезненные спазмы. В сознании Гордона на секунду мелькнул вопрос, кто же и зачем мог зажечь эти две лампы, но мысль об этом ускользнула прежде, чем он успел найти какой-нибудь ответ.

Они остановились в двух шагах от письменного стола. Гордон попытался рассмотреть страницы потрепанной книги, но сделать это ему не удалось. Происходило что-то странное: ему было видно, что значки на страницах были весьма необычными, даже причудливыми, похожими не столько на более-менее нормальный человеческий почерк, сколько на каракули маленького ребенка, но при этом в них чувствовалась какая-то удивительная упорядоченность. Тем не менее, Гордону не удавалось рассмотреть эти значки детально: каждый раз, когда он пытался сконцентрироваться на каком-нибудь одном из этих иероглифов, тот каким-то удивительным образом ускользал от его взора.

Гордон с трудом оторвал взгляд от книги и посмотрел на мертвеца. Трмейн, тоже смотревший на мертвеца, лишь в последний миг сумел удержаться, чтобы не вскрикнуть.

Глаза незнакомца были широко раскрыты. Они по-прежнему не мигали, и теперь, когда Трмейн подошел совсем близко, он заметил, что серая пелена на лице незнакомца не была признаком какой-то болезни или результатом игры света. Это была обыкновенная пыль. Пыль лежала даже на глазах...

— Что... — ахнул Гордон.

Он тут же замолк: незнакомец зашевелился. С его одежды взметнулась пыль. Гордон заметил, что между пальцами у незнакомца была натянута паутина, которая сейчас разрывалась от его движений. Медленно, очень медленно верхняя часть тела мертвеца наклонилась вперед, затем замерла на мгновение, словно ее удерживали невидимые веревки, и, в конце концов, рухнула на стол. Раздался такой звук, как будто где-то на пол обрушилась балка крыши.

— О гос... о господи, — пробормотал Трмейн. — Что... что это значит? Что здесь происходит? Я... я хочу уйти отсюда!

— Подожди-ка секунду, — сказал Гордон. Он резко повернулся и схватил Трмейна за руку. — Помоги мне.

Трмейн чуть не вскрикнул. Его глаза были широко раскрыты от страха.

— Что... что ты собираешься делать? — спросил он.

Гордон указал на раскрытую книгу, лежавшую перед мертвецом. Теперь она была наполовину придавлена головой мертвеца, а его правая рука лежала на раскрытой странице книги, словно приколотенная к ней гвоздем.

— Я хочу взять эту штуковину с собой, — сказал Гордон. — Помоги мне.

Трмейн в испуге сделал резкий шаг назад.

— Ты с ума спятил! — вырвалось у него. — Я к этому парню и пальцем не прикоснусь!

Гордон бросил на него быстрый гневный взгляд.

— Ты что, боишься, что он тебя укусит? — резко спросил он.

Но его насмешка не произвела на Трмейна никакого впечатления. Трмейн лишь покачал головой.

— Я к этому парню и пальцем не прикоснусь, — решительно повторил он. — Можешь думать про меня, что хочешь, но я до него не дотронусь.

Гордон ругнулся себе под нос и, подавив начавшее охватывать его чувство отвращения, попытался приподнять голову мертвеца. Труп оказался удивительно тяжелым, а его кожа была холодной и твердой, словно дерево. Гордону все же удалось приподнять голову трупа.

— Тогда хотя бы возьми саму книгу, — сказал он. — А я пока придержу его голову.

Трмейн послушно протянул руку к книге, но так и не взял ее.

— А зачем она тебе? — спросил он.

— Черт побери, эта штуковина — очень древняя, — сердито выпалил Гордон. — Она, может быть, стоит целое состояние. Возьми ее!

Трмейн несколько раз нервно сглотнул, но все же наклонился вперед и резким движением вытащил книгу из-под головы мертвеца. Окоченелая рука трупа не сразу выпустила книгу, как будто пытаясь ее удержать. Ее ноготь скользнул по странице, издав такой звук, какой издает сталь, царапающая стекло. Гордон вздрогнул, поспешно отпустил голову трупа и сделал шаг назад.

— А вот теперь сматываемся отсюда, — сказал он. — Причем быстро.

Он взял книгу, засунул ее себе под мышку и бросился к двери, уже больше не говоря ни слова. Трмейн тоже побежал было к выходу, но тут же остановился и, оглянувшись, бросил

взгляд на мертвеца. Ему опять показалось, что он когда-то уже видел этого человека. Лицо мертвеца было безжизненным и жутко искаженным, но, тем не менее, в нем угадывалось что-то знакомое...

Тремейн отогнал эту навязчивую мысль, повернулся и бросился бежать по лестнице, вдогонку за Гордоном.

Если бы он задержался в комнате еще хотя бы на секунду, он бы увидел, как мертвец, неестественно двигаясь, — так дергаются марионетки в кукольном театре — приподнялся. А если бы Тремейн перед этим обошел вокруг стола, он бы понял, что сидевший за столом мужчина — не мертвец, да и вообще не человек. По крайней мере, судя по нижней части его тела.

От макушки до пояса у него действительно было человеческое тело. Но ниже находилась серая пульсирующая масса, лежащая кучей на сиденье стула. Эта дрожащая слизь стекала с сиденья тонкими блестящими струйками, обвивая ножки стола...

— Мне абсолютно все равно, как ты это назовешь, — сказал я раздраженно. — Мы потерпели самое настоящее поражение, и если эти книги хотя бы наполовину так опасны, как ты все время об этом говорил, то...

Я замолчал. Говард слушал меня уже больше часа, при этом его единственной реакцией на мои слова было то, что он периодически доставал очередную тонкую черную сигару и, раскурив ее, заполнял пространство этой небольшой каюты пахучими голубоватыми клубами дыма. Мало-помалу мне начинало казаться, что я выгляжу не только беспомощным, но еще и одураченным. Ничто так не разочаровывает, как осознание того, что все твои вспышки гнева — а сейчас эти вспышки следовали одна за другой — разбиваются о спокойствие собеседника, как волны о волнолом. Я в беспомощной ярости сжал кулаки, бросил на Говарда такой презрительный взгляд, на какой только был способен, и демонстративно отвернулся. Мне вообще хотелось вскочить и в гневе выбежать отсюда, но на судне длиной в пятнадцать ярдов не так уж много места, чтобы бегать туда-сюда, к тому же я был бы просто смешон, если бы мне через пару минут пришлось вернуться обратно, стуча зубами от холода. Поэтому я остался в каюте.

Говард еще несколько секунд смотрел на меня сквозь клубы табачного дыма, образовавшие плотную, почти непрозрачную стену между ним и мной, затем громко вздохнул и ткнул остаток сигары в уже переполненную пепельницу.

— Ну, теперь-то тебе стало легче? — спокойно спросил он. — Я имею в виду: ты высказал то, что хотел высказать. Ну, так что, тебе после этого полегчало?

Ему не очень-то удалось скрыть в своем голосе насмешливые нотки, но на этот раз уже я вместо ответа бросил на него мрачный взгляд. Ну конечно же, я высказал то, что хотел высказать — где-то раз сорок пять. Но так и не получил никакого ответа.

— Ты ведешь себя так, как будто было бы вполне естественным, если бы мы...

— Конечно же, нет, — перебил меня Говард. Он вздохнул и закурил еще одну сигару. — Однако мы все равно ничего не добьемся, Роберт, если будем метаться, как перепуганные куры. Единственное, что мы можем сейчас делать, — так это ждать.

— Ждать? — выпалил я. — Ждать чего?

— Ждать, пока наши противники не совершат ошибку, — ответил Говард. Он вдруг улыбнулся. — Ты знаешь, а ты очень похож на своего отца, когда сердишься. В твоём возрасте он был таким же вспыльчивым.

— Не уклоняйся от темы, — буркнул я. — Черт возьми, Говард, мне не очень хочется торчать на этой посудине и ждать, что земля разверзнется и поглотит нас.

— Скорее море, — невозмутимо ответил Говард. — Но этого не произойдет, не переживай. Йог-Сотхотх получил то, что хотел. Я даже сомневаюсь, что он сейчас находится где-нибудь поблизости.

Помолчав секунду, он добавил:

— В противном случае мы давно были бы мертвы.

Произнося последние слова, он говорил уже значительно тише, причем в его голосе чувствовалась какая-то странная интонация, которую я не раз замечал, разговаривая с Говардом сегодня.

Я уже снова собирался вспылить, но в последний момент прикусил язык и лишь молча посмотрел на Говарда. Хуже всего было то, что в глубине души я осознавал его правоту. Все ведь зависело от того, сумеем ли мы раздобыть сундук с магическими книгами моего отца. Но нам это так и не удалось, и — что еще хуже — эти книги попали в руки наших врагов.

Наших врагов... Эта мысль воскресила в моем сознании целую цепочку неприятных воспоминаний — именно тех, которые я в течение последних трех дней изо всех сил пытался забыть.

Я с трудом отогнал от себя невеселые мысли и попытался рассмотреть лицо Говарда через голубоватый табачный дым, заполнявший каюту. Несмотря на холод, я демонстративно открыл один из иллюминаторов, но Говард выпускал изо рта облачка дыма быстрее, чем развеивались предыдущие. Сколько я его знал, он почти все время курил. Иногда у меня возникало подозрение, что он и в ванне купается с сигарой в зубах. Его легкие, должно быть, стали уже такими же черными, как душа Йог-Сотхотха.

Мои мысли прервал звук тяжелых шагов по палубе прямо над нами. Я поднял глаза и увидел, как открылась дверь и на лестницу упала узкая полоса тусклого света. Вслед за этим в дверном проеме появилась мощная фигура Рольфа.

Говард встал, швырнул только что начатую сигару в открытый иллюминатор и сделал шаг навстречу Рольфу:

— Ну что?

— Все так, как мы и предполагали, — пробормотал Рольф. — Бенсена уже два дня нет дома. И его никто не видел.

Лицо Рольфа было раскрасневшимся — верный признак немилосердного холода, охватившего это шотландское побережье и явно свидетельствующего о том, что зима уже стучится в двери.

— А в городе поднялась шумиха, — добавил Рольф после небольшой паузы. — Нам лучше там больше не появляться.

Говард, похоже, этому не удивился. Впрочем, не надо обладать особенно большой фантазией, чтобы представить, как развивались события в Дернессе после нашего поспешного исчезновения. Как-никак, без вести пропали три человека, причем при таинственных обстоятельствах, а Говард был последним, кто их видел в живых, к тому же с ними общался. Да и я своим театральным уходом из гостиницы подлил масла в огонь возникших подозрений.

Говард шумно вздохнул, достал еще одну сигару из нагрудного кармана, но — к моему облегчению — так и не зажег ее, а лишь, задумчиво поглядев на ее кончик, откусил его и выплюнул в открытый иллюминатор.

— Больше ты ничего не заметил? — спросил он.

Рольф колебался. На его бульдожьем лице трудно было прочесть его мысли, тем более в окутавшем каюту полумраке, но мне, тем не менее, показалось, что его что-то тревожит.

— Ну? — спросил Говард.

— Не знаю, — пробормотал Рольф. — Быть может, это не так уж важно, но...

— Но?.. — Говард чиркнул спичкой и заморгал.

— За последние два дня произошли кое-какие забавные вещи, — сказал Рольф и нерешительно улыбнулся. — Я зашел в портовый кабачок опрокинуть кружку пива, а заодно подслушал там кое-что.

— И что же ты подслушал, Рольф? — спросил Говард.

При этом я почувствовал, с каким трудом ему удавалось казаться невозмутимым и терпеливым.

— Ничего особенного, — ответил Рольф уклончиво. — Так, забавные рассказы за кружкой пива.

— Рассказы за кружкой пива? — Говард глубоко затянулся сигарой, закашлялся и бросил на меня суровый взгляд, увидев на моем лице злорадную ухмылку.

— Ты должен подыскать себе какую-нибудь менее вредную привычку, — сказал я вполне дружелюбно.

Говард проигнорировал мои слова, снова закашлялся и затем опять наполнил легкие дымом.

— Меня мучает жажда, — вдруг сказал он. — Как вы смотрите на то, чтобы сходить в какой-нибудь кабачок и насладиться знаменитым английским пивом? За мой счет.

— Мне не очень хочется, — ответил Рольф.

— Он прав, — добавил я.

Предложение Говарда меня просто поразило. Мы уже целых два дня практически не вылазили из этой посуды, даже из каюты почти не выходили — и вдруг он хочет пойти в город, и все потому, что Рольф слышал там какие-то *истории*!

— Я думаю, с нашей стороны будет не очень умным в нынешней ситуации показываться в городе, — продолжал я. — Нам могут начать задавать глупые вопросы.

— Если мы будем отсиживаться на этой посудине, то привлечем еще больше внимания, — возразил Говард. — Дернесс — не Лондон. О нас *уже* поползли слухи, можете мне поверить, и...

— Тогда почему мы вообще находимся здесь? — спросил я, хотя и знал, что все равно не получу никакого ответа.

— Действительно, — ухмыльнулся Говард. — Ты сам это сказал, Роберт. Поэтому давайте пойдем в кабачок и опрокинем по кружке пива, а то и по две. Мне что-то захотелось снова почувствовать под ногами твердую почву.

Я обреченно вздохнул. Мне уже не раз приходилось убеждаться, каким непреклонным был Говард, когда принимал решение *избегать* какой-либо темы разговора. Покачивая головой, я взял свой непромокаемый плащ, валявшийся на узкой койке, надел его и вышел из каюты.

Снаружи уже начало темнеть. Город лежал вокруг гавани массивным черным полукругом, и кое-где в нем уже зажглись огоньки. Небо, как и в предыдущие несколько дней, было покрыто тучами, но, по крайней мере, дождь не шел, да и ветер был не таким холодным, как я опасался.

Стояла тишина. Море в последние несколько дней было беспокойным, а потому те немногие рыбацкие суда, которые, несмотря на плохую погоду, с утра отважились выйти в море, уже давно вернулись в гавань и покачивались у причалов, прочно привязанные канатами. Наше судно было последним в длинном ряду различных по величине суденышек, пришвартованных у низкого причала, и стояло на приколе. В гавани не было видно людей, и практически отсутствовало освещение, если не считать тусклого света, падавшего из окна дощатой будки, в которой храпел сторож.

Но, несмотря на безмятежность окружающего нас вида, мы находились в очень щекотливом положении. Жители Дернесса должны были совсем ослепнуть, чтобы не обратить внимание на троих странных незнакомцев, прячущихся в нанятом судне в дальней части гавани и высовывающих свои носы только с наступлением темноты. Вполне вероятно, что в местных кабаках и забегаловках целый день только о нас и говорили.

Я подождал, пока Говард и Рольф поднимутся вслед за мной по лестнице, поплотнее завернулся в свой плащ и спрыгнул на каменный причал.

И тут же чуть было не упал. За два дня пребывания на борту нашего суденышка я полностью адаптировался к качке: вздымание и опускание палубы под моими ногами стало обычным делом, и я практически перестал это замечать. Поэтому твердая земля оказалась весьма непривычной для моих ног.

Рольф ухмыльнулся, увидев мою неуклюжесть, но все же удержался от ехидных замечаний и лишь указал жестом в сторону города.

— Будет лучше, если мы пойдем туда, где нас еще никто не знает, — пробурчал он. — А то людишки здесь хоть и добрые, но нервные.

Говард в знак согласия кивнул, надвинул шляпу на лоб и втянул голову в плечи, почувствовав, что с моря вдруг подул ледяной бриз. Откуда-то издалека донеслись раскаты грома. Непогода, начавшаяся три дня назад, с более-менее равными интервалами то прекращалась, то возобновлялась, то, по крайней мере, грозила издалека блеском одинокой молнии или отдаленным раскатом грома. Чувствовалось, что зима уже на пороге.

Мы молча шли по узкой мощеной дороге в сторону города. В домах, высившихся черно-коричневыми тенями, загоралось все больше и больше огоньков — на улице быстро темнело. Оглянувшись назад, я посмотрел на море: теперь оно казалось черной пропастью, простиравшейся на север до самого горизонта.

Как только мы подошли к первым домам, Говард остановился. Я уже открыл было рот, чтобы задать вопрос, но Говард предупреждающим жестом заставил меня замолчать.

Мы были уже не одни. Пока мы шли, как-то незаметно для меня опустился светло-серый дымчатый туман, клубившийся теперь над улицей. Он, казалось, слегка пульсировал в вечерних сумерках.

В тумане прорисовывались контуры — четыре или пять.

Люди?

Трудно было сказать наверняка. В этих контурах было что-то странное, *неестественное*, но я не мог понять, что именно. Они стояли неподвижно и, казалось, смотрели на нас, но при этом они каким-то странным образом двигались туда-сюда, словно тени или какие-то мимолетные видения...

Я потер руками глаза, пытаюсь отогнать это наваждение, одновременно убеждая себя в том, что мои нервы несколько последних дней были перенапряжены и теперь играют со мной злые шутки. Однако, взглянув на Говарда, я понял, что он видит то же самое.

Неожиданно налетел ветер и разогнал туман, а вместе с туманом исчезли и таинственные контуры. Улица снова была пустой.

— Что... что это было? — пробормотал я.

Я почувствовал страх, хотя для этого вроде бы и не было особых оснований.

— Не знаю, — сказал Говард. — Поня... понятия не имею.

Он явно солгал, но что-то удержало меня от того, чтобы попытаться добиться от него правдивого ответа. Мне вдруг совсем расхотелось выяснять, что же все-таки я видел в тумане.

— Пойдемте, — сказал Говард. — Становится холодно.

Солнце еще не зашло, но с востока на землю уже напозла темнота. Море, ударявшее волнами в словно нарисованный под огромную линейку тридцатиярдовый участок побережья у скал, было похоже на серый расплавленный свинец. Шел дождь, к тому же ветер приносил с собой уже почти зимний холод. Однако человек, неподвижно стоявший на краю скалистого обрыва, словно не замечал всего этого. Он стоял здесь уже давно — целый час, а то и два — абсолютно неподвижно, словно он даже не дышал. Его глаза были наполовину закрыты, а лицо выглядело необычайно обрюзгшим, как будто мышцы и сухожилия на нем совсем атрофировались. Руки человека были слегка разведены в стороны и вытянуты вперед, как будто он пытался схватить что-то невидимое. Время от времени у него изо рта вырывались нечленораздельные звуки, но его губы при этом не шевелились. От дождя его одежда насквозь промокла, а черные волосы — в них над правым глазом выделялась похожая на шрам белая зигзагообразная прядь — слиплись. Его ноги по самые щиколотки увязли в жидкой грязи, в которую дождь превратил слой плодородной почвы. Но этот человек ничего вокруг себя не замечал. Внешне его состояние было похоже на состояние транса, но — лишь внешне. На самом деле он был в полном сознании, а его мозг напряженно работал. Его мысли устремлялись такими путями, которые испокон веков закрыты для обычного человеческого сознания, навстречу мыслям гигантского существа, лежавшего в нескольких милях к северу отсюда на морском дне. Разговор между ними был беззвучным, но, когда мысленный голос этого существа раздавался в голове человека, ему казалось, что сама природа сжимается под ударами невидимого титанического кулака.

То, что он ощущал в своем сознании, были не слова и даже не понятия, свойственные человеческому языку или другому средству человеческого общения. Да и те звуки, которые человек издавал время от времени, не имели ничего общего с говорением. То, что «слышал» человек, было вереницей изображений, видений, чувств, суровых, отдаваемых с чудовищной гипнотической силой приказов и еще каких-то элементов коммуникации, таких же невероятных, каким было и само существо, их применяющее. Оно кануло в лету два миллиарда лет тому назад вместе с цивилизацией, использовавшей такие средства общения. Рассудок человека, его собственная — человеческая — фантазия помогали ему преобразовывать этот немыслимый информационный поток в слова и понятия, доступные человеческому сознанию. Но это были всего лишь частички информационного потока, слабая тень той духовной мощи, которой обладало гигантское существо. Если бы человек попытался воспринять всю эту информацию, его сознание просто разрушилось бы, как разбивается тонкое стекло под ударом кулака великана. Человек уже многое узнал об этом существе и той цивилизации, к которой оно принадлежало, и то, что он узнал, поразило его. Голос существа (точнее, это был не голос, а то, что сознанию человека удавалось воспринять

из потока информации) был полон — хотя это было слабо различимо — всевозможными эмоциями, такими как ненависть, гнев, нетерпение, жадность, презрение. Больше всего было презрения. Да, он уже много узнал о ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТАХ за эти три дня, течение которых ему довелось общаться с Йог-Сотхотхом — одним из семи могущественных существ. Быть может, это было впервые, чтобы один из ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ разговаривал непосредственно с человеком. Однако, несомненно, это был и первый случай, когда один из ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ обращался к помощи человека. Человек уже задумывался над тем, каково было для этого существа пытаться наладить сотрудничество с тем, к кому оно — кроме откровенного презрения и своего рода любопытства исследователя — не испытывало ничего, кроме ненависти. Однако эти размышления ни к чему не привели. Человек знал лишь то, что Йог-Сотхотх дрожал от нетерпения. После многих сотен миллионов лет ожидания последние несколько дней все равно показались существу вечностью. Но, тем не менее, в излучаемом им потоке информации чувствовалось необычайное спокойствие и сдержанность. Те духовные пути, которыми были охвачены мысли человека и которые превращали его в марионетку, были просто средством достижения цели. Они, хотя и подавляли его волю, но все-таки оставляли ему некоторую свободу в принятии решений. Йог-Сотхотх был безжалостным существом — своего рода богом зла и уничтожения — но его безжалостность скорее была сродни бесстрастности фанатичного ученого, который без каких-либо угрызений совести мог сеять смерть и разрушения, лишь бы только способствовать достижению своих целей.

Долго, очень долго и совершенно бездвижно стоял человек у берега моря, внимая беззвучным приказам своего господина. Как только он вышел из транса, он тут же изменился, и не только внутренне. Человек, который пришел сюда несколько дней назад, был Стивеном Махоуни, жителем Дернесса, считавшимся пропавшим без вести. Тот же, кто уходил отсюда размеренными шагами в восточном направлении, был уже Родериком Андарой.

Колдун вернулся.

Кабачок оказался маленьким и просто забитым посетителями. Воздух в нем был таким спертый, что Говард, достав сигару, даже забыл ее прикурить. Рольф, работая своими широкими плечами и раздавая локтями толчки направо и налево, проложил нам путь к стойке. После уличного холода внутри кабачка показалось даже жарко. Бокалы, тут же поставленные хозяином заведения перед нами на протертую стойку, были заполнены едва до половины, но пиво было свежим и вкусным, а из кухни, дверь в которую была приоткрыта, кроме звона посуды и гула голосов доносились такие запахи, от которых у меня потекли слюнки.

— Ты голоден? — спросил Говард, заметив мой страждущий взгляд.

Я кивнул, и Говард тут же наклонился вперед и поманил пальцем хозяина заведения. Но, хотя тот явно заметил жест Говарда, последнему пришлось еще долго жестикулировать и звать хозяина, прежде чем тот соизволил повернуться и — очень медленно — подойти к нам.

— Что такое?

Говард указал пальцем на дверь кухни.

— Мы хотели бы перекусить, — сказал он. — Нельзя ли подать нам что-нибудь из того, чем так славно пахнет из вашей кухни, почтенный человек?

— Если всей этой своей запутанной болтовней вы хотели спросить, есть ли тут что-нибудь пожевать, то мой ответ — «да», — пробурчал хозяин.

Его свиные глазки уставились на Говарда со смешанным выражением неприязни и алчности. Я уже не раз замечал, как недружелюбно относятся жители Дернесса к приезжим. Они охотно брали у них деньги, но при этом даже и не пытались скрыть, что в глубине души презирают приезжих. Хозяин этого заведения — оно нашивалось «Белый дракон» — явно не был исключением. Я невольно усмехнулся, припомнив название заведения и взглянув при этом на его хозяина. «Грязный гном» было бы, пожалуй, более подходящим названием.

— Именно это я и имею в виду, — сказал Говард, все еще дружелюбным тоном. — А что у вас, уважаемый, есть в меню?

— Различные виды рыбы — рыба и еще раз рыба, — буркнул хозяин и криво ухмыльнулся. — Хотя, если вам не нравится рыба, вы можете еще заказать рыбу.

Говард подумал несколько секунд.

— Тогда мы берем рыбу, — сказал он серьезно. — Может быть... — он замолчал, приподнялся на цыпочки, чтобы посмотреть через головы посетителей, и указал на небольшой стол в глубине помещения, возле которого три стула были свободны. — Вы будете так любезны и накроете нам вон там?

Хозяин громко сглотнул.

— Рыбу? — на всякий случай переспросил он.

— Именно, — ответил Рольф вместо Говарда. — Четыре порции. И желательно побыстрей, хорошо?

Я с трудом удержался от злорадного смеха, быстренько опустошил свой бокал и жестом попросил хозяина снова наполнить его. Затем я последовал за Говардом и Рольфом, которые уже пошли к облюбованному Говардом столу. Четвертый стул, стоявший у стола, был занят. Расположившийся на нем мужчина был весьма широкоплечим и — насколько можно было судить по сидящему человеку — не менее высоким, чем Рольф. Его туловище наклонилось вперед, а глаза были полузакрыты. Он подпирал подбородок кулаком, но его голова все время норовила соскользнуть с него. Всем стало понятно, что незнакомец изо всех сил пытается не заснуть. Похоже, он был сильно пьян.

— Позвольте? — спросил Говард и указал тростью на три свободных стула.

Мужчина поднял глаза, моргнул и что-то пробурчал. Говард принял это бурчание за знак согласия и тут же присел на один из стульев. Рольф тоже уселся на свободный стул, а за ним — после некоторого колебания — и я. Говард громко вздохнул, положил шляпу и трость перед собой на стол и достал из нагрудного кармана сигару, а Рольф тем временем одним глотком опустошил свой бокал и со стуком поставил его на стол. Сидящий напротив нас мужчина вздрогнул, заморгал, а затем, что-то пробурчав, снова закрыл глаза.

Тем не менее, мне показалось, что он лишь притворялся, что дремлет. Его глаза были слегка приоткрыты, а взгляд казался ясным и осмысленным. Он не был ни пьяным, ни усталым. Я попытался наступить под столом на ногу Говарду, чтобы предупредить его, но вместо этого наступил на ногу Рольфу. Говард ухмыльнулся, затанулся сигарой и облачко пахучего табачного дыма скрыло его лицо.

Мы говорили о всякой ерунде, пока, наконец, хозяин заведения не принес заказанное мной пиво. Бокал снова был заполнен лишь наполовину.

— Прекрасно, — сказал Говард. — Принесите еще пива — мне и моему другу. И вот этому господину тоже, — он указал на сидящего напротив нас мужчину и улыбнулся. — Как

компенсацию за то, что ему приходится терпеть нашу компанию.

Мужчина медленно приоткрыл один глаз, посмотрел секунду-другую на Говарда и снова закрыл глаз. С его стороны так и не последовало реакции, на которую рассчитывал Говард. Но Говард снова лишь улыбнулся, откинулся на спинку стула и продолжил свой разговор с Рольфом, как ни в чем не бывало. Я удивился хладнокровию Говарда.

Через некоторое время снова появился хозяин заведения: он принес три бокала с элем (два заполненных до половины и один — доверху) и со стуком поставил их на стол. От удара бокалов о стол из них полетели брызги пива, попав при этом на шляпу Говарда и оставив на ней неопрятные пятна. Полный бокал хозяин пододвинул прямо под нос сидевшему с нами за столом мужчине, а наполовину заполненные — оставил стоять на краю стола.

Рольф что-то буркнул, повернулся на стуле и схватил за руку уже собравшегося уходить хозяина. Тот вздрогнул. Уголки его губ искривились от боли и неожиданности, и мне на миг даже стало его жаль: я знал, какая у Рольфа хватка.

— А сколько, собственно, стоит полная кружка пива? — мрачно спросил Рольф. — Или у вас тут нехватка пива?

Хозяин сердито вырвал свою руку, точнее говоря, попытался ее вырвать. Но могучая лапа Рольфа удерживала ее так, как будто приросла к ней.

— Послушайте, вы! — прошипел хозяин, при этом ему не удалось подавить в своем голосе испуганное дрожание.

Я увидел, что позади него несколько посетителей посмотрели в нашу сторону. На некоторых лицах появилось напряженное выражение.

— Если вы пришли сюда безобразничать, то... — голос хозяина все еще дрожал.

— Прекрати, Уилл.

Я от удивления вздрогнул, а Говард тут же нахмурил лоб: мужчина, притворявшийся спящим, теперь сидел прямо и смотрел на хозяина, качая головой.

— Веди себя прилично и лучше принеси-ка господам полные бокалы эля, — сказал он тихо. — Они ведь, в конце концов, за это платят, не так ли? А вы, — он повернулся к Рольфу, — отпустите его руку. Нечего хвататься тут за что ни попадя руками.

Рольф сердито посмотрел на него, но все-таки — понукаемый к тому же требовательным взглядом Говарда — отпустил руку хозяина заведения и отвернулся. Его бульдожье лицо, как обычно, ничего не выражало, но я заметил, что в глазах Рольфа блеснули искорки: он был не из тех, кто позволяет посторонним указывать, что ему следует делать.

К моему облегчению, Говард тоже заметил выражение глаз Рольфа и, не дожидаясь, пока тот сделает что-нибудь неосмотрительное, повернулся к незнакомцу.

— Благодарю вас за помощь, — произнес Говард необычайно вежливо.

Незнакомец небрежно махнул рукой, взял свой бокал и сделал большой глоток.

— Да ладно, — сказал он, вытирая рукавом пену с губ. — Уилла надо иногда одергивать. Кроме того, я ваш должник.

Он указал кивком головы на свое пиво, ухмыльнулся и вдруг снова стал серьезным.

— Вам нужно быть поосторожнее, — продолжал мужчина, повернувшись к Говарду, но явно имея в виду Рольфа. — Здесь всегда есть пара-тройка не очень хороших людей, которые только того и ждут, чтобы затеять какую-нибудь драку. А вы, видимо, нездешние?

Говард кивнул.

— Да. Меня зовут Филлипс. Говард Филлипс. А это, — кивком головы он указал

сначала на меня, а потом на Рольфа, — мой племянник Роберт и мой мажордом Рольф.

— А меня зовут Син, — сказал мужчина. — Вам следует посоветовать своему мажорадому — или как там его — быть посдержаннее. Сейчас тут не очень жалуют приезжих.

Меня поразила прямота и откровенность его слов, но я благоразумно не вмешивался, предоставляя Говарду возможность самому поддерживать разговор.

— Да мы, в общем-то, безобидные люди, — сказал Говард, улыбаясь. — Мы, собственно говоря, пришли сюда просто спокойно выпить пива и как следует поесть.

— Ну, тогда, как только закончите, уходите отсюда побыстрее, — сказал Син серьезно.

Говард нахмурил лоб:

— Почему?

— Вы ведь те трое, что расположились на одном из суден в гавани, да? — спросил Син.

Говард кивнул. На этот раз он был явно удивлен.

— Да, это так, — сказал он. — А как вы об этом узнали?

— Я не знаю, откуда вы сюда прибыли, — сказал Син, — но Дернесс — не Лондон и не Бирмингем. Новости здесь распространяются мгновенно. А то, что произошло в последние дни, взбудоражило народ.

— А что произошло-то? — спросил Говард. — О чем вы говорите?

Син вздохнул, опустошил свой стакан и жестом показал хозяину заведения, чтобы тот принес новый. Лишь после этого он ответил:

— Послушайте-ка меня внимательно, мистер Филлипс, или кто вы там такой на самом деле. Я не такой дурень, каким, наверное, кажусь. Ваш минордом — или как его там — сегодня целый день шастал по городу, пытаясь подслушивать чужие разговоры, причем вел себя так глупо, что уже буквально минут через десять попал бы в переделку, если бы не был здоровым, как бык. А теперь вы втроем появляетесь здесь и строите из себя невинных овечек! Вы, наверное, считаете нас, провинциалов, полными тупицами, да?

Это был один из тех редких моментов, когда Говард чувствовал себя в полной растерянности. Он некоторое время смотрел Сину прямо в глаза, а затем отвел взгляд в сторону, беспомощно моргая.

Син ухмыльнулся.

— В общем, ладно, — сказал он. — Я просто хотел внести некоторую ясность. И если мне это удалось, то хочу дать вам еще один хороший совет: уезжайте из города, и как можно быстрее.

— А почему? — спросил я.

Мой голос прозвучал более резко, чем я того хотел, но Син лишь спокойно улыбнулся.

— С тех пор, как вы появились в нашем городе, юноша, здесь произошло слишком много забавных событий, — сказал он. — И эти события взбудоражили народ.

— А что это за события, да еще забавные? — спросил я.

Син вздохнул, покачал головой и посмотрел на меня так, как будто я у него спросил, почему утром всходит солнце.

— Начнем, например, с тебя, — сказал он.

Его манера говорить постепенно начинала меня раздражать. Он был примерно такого же возраста, как и я, но вел себя так, как будто разговаривал со школьником, или даже с ребенком в коротких штанишках. Впрочем, учитывая то, что он был в два раза крупнее среднестатистического человека, он мог, наверное, себе такое позволить...

— Сначала о твоей внешности, — он поднял руку и загнул один палец. — Что это там у тебя в волосах? Последний крик лондонской моды, или же какая-то рана? С тобой произошел несчастный случай?

Я инстинктивно поднял руку, чтобы коснуться пряди белоснежных седых волос над своим правым глазом, но так и не сделал этого. Слишком уж много чьих-то лиц — словно бы случайно — было обращено к нам. Я вдруг осознал, что в этом кабаке, наверное, нет практически никого, кто бы про нас сейчас не говорил или хотя бы не думал. И, если верить Сину, мысли местных людей о нас были, скорее всего, недружелюбными...

— Да... что-то вроде того, — ответил я уклончиво. — Да, рана.

— Тогда покрась себе волосы, — грубо сказал Син. — Быть может, ты и не бросался бы в глаза в каком-нибудь большом городе, но только не здесь. К тому же припомни, каким образом ты покинул гостиницу. Думаешь, это осталось без внимания? — он покачал головой, загнул второй палец и, повернувшись к Говарду, тут же загнул еще один палец. — Да и вы вели себя не особенно умно.

— А именно? — холодно спросил Говард.

— Ну, знаете ли, это весьма необычно, когда постояльцы съезжают из гостиницы и располагаются на судне, и это в такую погоду, когда сами мы, местные жители, стараемся держаться подальше от моря.

— А может, у нас закончились деньги, — сказал Говард.

Син тихо засмеялся.

— Ну конечно. Именно поэтому вы платите за еду стофунтовыми банкнотами, не так ли? — он откинулся на спинку стула, по очереди оценивающе посмотрел на Говарда, Рольфа и меня, а затем снова покачал головой. — Не поймите меня неправильно. Мне лично все равно, кто вы такие и что вам тут нужно. Но с тех пор, как вы появились, здесь произошли кое-какие загадочные события.

Говард кивнул, хотел было что-то ответить, но тут же замолк: к нашему столу снова подошел хозяин. Он принес четыре — на этот раз полные до краев — кружки эля. Лишь только когда он снова удалился, Говард повернулся к Сину.

— А что за загадочные события, Син? — спросил он. — Поверьте нам, мы ничего про это не знаем.

Син некоторое время помолчал. Затем он пожал плечами.

— Что ж, как вам будет угодно, — сказал он. — Сейчас мы впустую тратим ваше время, не мое. Кроме того, я лично не очень-то во все это верю.

— А вы все же расскажите нам, — сказал Говард. — Пожалуйста.

Син отхлебнул пива, положил руки справа и слева от своего бокала и сжал их в кулаки.

— В общем-то, ничего особенного, — начал он. — Люди просто болтают всякую чушь. — Он улыбнулся, но, тем не менее, мне показалось, что он нервничает. Я почувствовал, что он уже жалеет о том, что вообще ввязался в разговор с нами. Ему было явно неприятно говорить на эту тему. — Что якобы происходят какие-то забавные вещи, — он нервно улыбнулся. — Вчера, например, один из рыбаков на полном серьезе утверждал, что видел собственную жену.

— Ну и что же в этом забавного? — спросил я.

Син взглянул на меня и ухмыльнулся.

— Да ничего, — ответил он. — Кроме того, что она умерла три года тому назад.

Говарду при этих словах не удалось скрыть свой испуг, да и я почувствовал, как по

спине у меня побежали ледяные мурашки. Но я изо всех сил попытался придать своему лицу самый невозмутимый вид и даже — хотя как-то неестественно — улыбнулся.

— И это все? — спросил я.

Син отрицательно покачал головой.

— Кое-кто утверждает, что видел, как по ночам по улицам шастают какие-то призраки, — сказал он.

На этот раз была моя очередь пугаться. Мне припомнился туман и расплывчатые контуры фигур, прятавшиеся за туманом и исчезнувшие вместе с ним.

— Иногда, — продолжал Син, — с моря доносятся какие-то странные звуки, а несколько парней из тех, что регулярно выходят в море, утверждают, что видели гигантскую рыбину. Вчера в городе слышался звон колоколов.

— Ну и что? — спросил Рольф.

— Да ничего, — сухо ответил Син. — Просто в местной церкви нет колоколов. А еще несколько людей заболели.

— Заболели? — Говард выпрямился и отодвинул от себя бокал с пивом.

Син кивнул. Если он и заметил, как испугался Говард, то не подал виду.

— Причем совершенно внезапно, — сказал он. — Заболевших немного — двое или трое, насколько мне известно. Но врач просто не знает, что с ними делать. Ну, и еще паратройка таких же забавных событий, — он вдруг улыбнулся. — Хотя, наверное, половина из них — просто выдумки, а остальные явно приукрашены.

— Да и этого хватает, — пробормотал Говард.

Хотя его слова были адресованы не Сину, они были произнесены достаточно громко, а потому Син их услышал и посмотрел на Говарда с еще большим подозрением.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

Говард поспешно махнул рукой.

— Так, ничего, — сказал он. — Я просто... подумал вслух, только и всего. Так или иначе, своими разъяснениями вы нам очень помогли.

— А еще пропало несколько человек, — продолжал Син.

То, как он произнес эти слова, заставило меня насторожиться, хотя я и не понимал, почему.

— Да? — спросил Говард. — А кто именно?

— Так, не бог весть какие людишки. Пара-тройка местных выпивох, которые, бывало, пропадали на день-два по причине запоя или еще из-за чего-нибудь. Но люди говорят об этом, причем, насколько мне известно, вы были одним из последних, кто виделся с одним из них — Бенсеном.

— Бенсеном? Это он исчез?

Син кивнул.

— Он и два его приятеля. Они и раньше, бывало, пропадали, но, учитывая, какая сейчас напряженная обстановка в Дернессе, я не удивлюсь, если люди найдут определенную взаимосвязь между вами и их исчезновением. Насколько мне известно, вами уже заинтересовалась полиция.

— Нами?

Я не мог не оценить бесстыдство, с каким Говард изобразил удивление. Он играл так естественно, что даже я начинал ему верить.

— А как вы думали? — сказал Син и кивнул. — Трое приезжих, ведущих себя очень

странно... Дернесс — почти что деревня, не забывайте об этом. Эта дыра лишь пытается делать вид, что она — город.

Говард немного помолчал.

— Быть может, вы правы, — наконец пробормотал он. — Мы действительно ведем себя не совсем обычно. Но у нас для этого есть некоторые основания.

— Может быть, — ответил Син. — Но вам все равно следует быть осторожнее.

Говард посмотрел на него испытывающим взглядом.

— Почему вы это делаете, Син? — вдруг спросил он.

Син вздрогнул:

— Что именно?

— Почему вы помогаете нам? — уточнил Говард. — Вы правы, когда говорите, что надо быть просто слепым, чтобы не видеть, как к нам тут относятся, — действительно, не очень-то хорошо. Но вы ведь помогаете нам.

— Это вам только кажется, — ответил Син, улыбаясь. — Я всего лишь ответил на несколько ваших вопросов. К тому же я сам не из Дернесса, если вам больше понравится такое объяснение. Я здесь всего лишь несколько недель, и отнюдь не собираюсь пробыть в этой дыре до самой старости. Вас устраивает такой ответ?

Такой ответ, конечно же, не устраивал ни Говарда, ни меня, но Говард все-таки кивнул.

— У меня... была определенная причина для того, чтобы задать этот вопрос, мистер...

— Мор, — подсказал Син.

— Мистер Мор, — продолжал Говард. — Я... то есть мы, — он бросил быстрый, почти умоляющий взгляд в мою сторону, — хотели бы вас попросить об одном одолжении.

— А именно?

Говард ответил не сразу. Он некоторое время смотрел мимо Сина в пустоту, нервно теребя серебряную рукоятку своей трости. Затем он сказал:

— Вы говорили, что несколько жителей города заболели.

Син кивнул:

— Именно так. В том числе и дочка домовладелицы, у которой я остановился, — его лицо омрачилось. — Бедняжка. Ей нет и шестнадцати.

— И никто здесь не знает, что с ней?

— Местный врач — древний старикашка, который не отличит геморрой от ветрянки, — ответил Син презрительно. — У нее жар, и ей в голову лезут всякие фантазии. Это все, что я знаю.

— Не могли бы вы... отвести нас к ней, мистер Мор? — вдруг спросил Говард.

Я от неожиданности вздрогнул, но Говард проигнорировал мой вопросительный взгляд и продолжал в упор смотреть на Сина. Син, поразмыслив некоторое время, кивнул:

— Почему бы нет? Миссис Уинден — в полном отчаянии. Она бы позвала и шамана, если бы верила, что он сможет помочь.

— Тогда пойдемте, — сказал Говард.

— Прямо сейчас? А как же ваша еда?

— Мы возьмем рыбу с собой, — сказал Говард и встал. — Пойдемте, Син.

— Прекрати, — сказал Гордон. — Прошу тебя.

Тремейн на секунду оторвался от своего занятия, нахмурил лоб, чтобы показать, насколько ему трудно это сделать, и снова опустил взгляд на пожелтевшие страницы

лежащей перед ним на столе книги большого формата.

— Почему? — спросил он.

— Это... нехорошо, — ответил Гордон. — Эта вещь меня пугает.

Он указал кивком головы на книгу и стал беспокойно переминаться с ноги на ногу. В этой маленькой мансардной комнате было холодно, а снаружи — по крайней мере теперь, после захода солнца — установилась вообще почти зимняя погода. Огонь в стоявшей в углу чугунной печке не горел уже дня два — то есть как раз столько времени, сколько прошло с тех пор, как они вдвоем вернулись после своей вылазки в лес. Гордон уже на следующее утро пошел на работу в находящуюся возле гавани небольшую кузницу, Тремейн же почти все это время пробыл здесь, в этой комнате. Он ничего не ел и ложился спать только тогда, когда уже валился с ног от усталости. Его лицо стало белым как снег, глаза — красными и воспаленными, а кожа приобрела нездоровый оттенок.

— Нехорошо? — передразнил он Гордона таким тоном, который однозначно показывал, что он думает по этому поводу. Он полистал страницы, затем оторвал взгляд от книги и потер себе ладонью глаза. — А что в этом такого *нехорошего*, а? — спросил он. — Это же всего лишь старинная книга, не так ли?

Гордон нервно сглотнул. Он уже давно почувствовал, что фолиант, который они стащили из того заброшенного дома, был явно не просто *старинной книгой*. Однако он не мог вразумительно объяснить, почему он так думал. Просто эта книга вселяла в него страх. Он резко шагнул к столу, присел позади Тремейна, затем вдруг так же резко встал и растерянно начал переводить взгляд со страниц книги на измученное лицо Тремейна и обратно. Его пугало то, что эта книга, похоже, зачаровала Тремейна. Видимо, он допустил ошибку, прихватив тогда эту книгу с собой, и теперь, по мере того, как шло время, в нем росло какое-то странное чувство. По истечении последних двух дней ему даже стало боязно приближаться к Тремейну.

— Может, хватить сидеть здесь безвылазно? — нерешительно спросил он. — Бринкс уже несколько раз про тебя спрашивал. Сегодня мне, по-видимому, не удастся отговорить его явиться сюда.

Тремейн сощурил глаза:

— Ты что, сказал ему, что я заболел?

— Нет, — поспешно ответил Гордон. — Конечно же, нет. Но ты же его знаешь. Если ты не явишься, он просто возьмет нового работника на твое место. Ты ж знаешь, какой он.

Тремейн презрительно фыркнул.

— Ну и пусть, — сказал он. — Эта работа все равно уже давно мне надоела. Скажи ему, что мне нужно отлежаться еще дня два. В общем, придумай что-нибудь.

— Два дня?

— Наверное, — ответил Тремейн равнодушно. — А может и меньше. Думаю, я уже скоро ее расшифрую.

Он торжествующе улыбнулся, однако на его осунувшемся бледном лице с воспаленными глазами эта улыбка больше походила на жуткую гримасу. Гордон вздрогнул.

— Расшифруешь? — недоверчиво переспросил он. — Ты хочешь сказать, что сможешь эти каракули *прочесть*?

Глаза Тремейна на мгновение гневно вспыхнули. Затем он снова улыбнулся — как-то надменно и даже немного злобно. Раньше он никогда так не улыбался. Несомненно, Тремейн очень сильно изменился за последние дни. Гордон еще никогда не видел, чтобы

человек так сильно менялся за такой короткий промежуток времени. Гордону пришло в голову, что эти изменения начались в тот самый момент, когда Трмейн коснулся принесенной книги.

Трмейн выпрямился, взял дрожащими пальцами стоящий перед ним на столе стакан с водой и смочил свои воспаленные губы.

— Не прочесть, — сказал он, — а понять.

— Какая разница?

— Большая, — сказал Трмейн. — Я не могу тебе этого объяснить, Гордон, но если мне удастся расшифровать книгу, то, значит, нам *это удалось*. Я уже начинаю ее понимать, но нельзя сказать, что я ее читаю. Это... как будто страницы разговаривают со мной.

Гордон слегка наклонился над столом и бросил взгляд на значки, хаотично расположенные на пожелтевших пергаментных листах. Для него это были не более чем бесформенные и бессмысленные каракули. И ему совсем не хотелось знать, что они означают. Ему также отнюдь не хотелось знать, что имел в виду Трмейн, когда сказал, что если ему удастся понять эту книгу, то им *это удалось*.

— Тебе нужно прервать свое занятие, — сказал он, последний раз пытаюсь убедить Трмейна. — Ты же изведешь сам себя. За последние два дня ты хоть раз взглянул на себя в зеркало?

Трмейн снисходительно улыбнулся.

— Есть вещи поважнее физического здоровья, Гордон, — сказал он. — Но тебе этого не понять.

Он ухмыльнулся, наклонился над книгой и снова начал водить указательным пальцем по строчкам. Заметив, что Гордон и не собирается уходить, он спросил:

— Что-нибудь еще?

Гордон вздрогнул.

— Не... не знаю, — пробормотал он. — Не нравится мне все это, Трмейн. Эта книга и...

Трмейн поднял глаза:

— И?..

— Так, ничего, — ответил Гордон уклончиво. — За последние дни в городе произошли кое-какие странные события.

— И ты думаешь, что это все взаимосвязано? — Трмейн шлепнул ладонью по странице и пронзительно рассмеялся. При этом он широко открыл рот, и Гордон увидел, что его зубы стали черными и гнилыми, как у древнего старика. — Ты рехнулся, если ты так думаешь.

— Я... я так не думаю, — поспешно возразил Гордон. — Однако...

— Что? — в голосе Трмейна чувствовалась настороженность.

Гордон опустил взгляд.

— Так, ничего, — ответил он тихо. — Ничего. Забудь.

Трмейн еще секунду-другую в упор смотрел на Гордона, а затем снова уткнулся в книгу.

— Ну и хорошо, — сказал он. — Оставь меня в покое. Я занят.

Гордон нерешительно повернулся и пошел к двери, но, услышав, что Трмейн его окликнул, остановился.

— Ты ведь никому ни о чем не расскажешь, Гордон? — настороженно спросил Трмейн.

— Про книгу? — Гордон поспешно покачал головой. — Конечно, нет. Будем считать, что ты болен и должен лежать в постели. Не переживай, я тебя не выдам.

Трмейн ничего не ответил. Гордон поспешно вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Лишь только когда Трмейн остался один, он тихо проговорил как бы про себя, но слова эти явно предназначались Гордону:

— Я бы тебе не советовал этого делать, дружище.

Этот дом находился на отдаленной окраине Дернесса — в одном из «гадюшников», которые есть в каждом городе и которые обычно стараются не показывать приезжим. В этом квартале на улицах не было газовых фонарей, да и в большинстве окон уже не горел свет, хотя часы едва пробили девять. Здания по обеим сторонам улиц представляли собой, главным образом, дешевые ночлежки и маленькие, словно сбившиеся в кучу дома, окна на которых были частично заколочены. Тротуары и мостовую покрывали мусор и грязь. Единственными живыми существами, встретившимися нам, когда мы шли вслед за нашим провожатым, были кошка и несколько крыс. Крысы, уставившиеся на нас своими маленькими коварными глазками, бросились прочь лишь после того, как Рольф поднял камень и швырнул его в них, естественно, не попав ни в одну из крыс. Здесь значительно сильнее, чем в гавани, ощущался холод, а окружающая нас темнота была какой-то совсем не такой, как в центре города: она представляла собой не просто отсутствие света, а черную непроницаемую завесу, за которой, казалось, скрывались какие-то движения и жуткая призрачная жизнь. Все то время, пока мы шли вслед за Сином, я никак не мог подавить в себе чувство страха, и, взглянув на лица Говарда и Рольфа, я понял, что они испытывают то же самое. Абсурдность ситуации заключалась еще в том, что я сам вырос и провел большую часть своей жизни примерно в такой же местности — до того, как в моей жизни появился Родерик Андара и вытащил меня из нью-йоркских трущоб. Поэтому я вроде бы должен был чувствовать себя здесь как рыба в воде. Но почему-то это было совсем не так. Даже в самых гнусных местечках Бронкса — района Нью-Йорка — я знал, какие сюрпризы меня могут поджидать. Здесь же я даже не догадывался об этом. Но я чувствовал, что нам угрожает опасность. Чувствовал очень отчетливо.

Прошла, как мне показалось, целая вечность, прежде чем Син наконец-таки остановился перед узким двухэтажным домом и показал нам жестом, что мы должны отойти немного в сторону.

— Подождите здесь, — сказал он шепотом. — Будет лучше, если я зайду один. Я хочу сначала поговорить с миссис Уинден.

Говард демонстративно огляделся по сторонам и лишь затем кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Только, пожалуйста, побыстрее.

Син ухмыльнулся и, больше ничего не говоря, открыл дверь и зашел в дом. Послышался громкий шум его шагов по деревянному полу. Я вздрогнул. Хотя рядом со мной стояли Говард и Рольф, я вдруг почувствовал себя в полном одиночестве. Мне показалось, что стало еще холоднее, а темнота словно навалилась на меня, как тяжелый груз.

— Надеюсь, он скоро вернется, — пробурчал Рольф, поеживаясь от холода. — Тут что-то холодновато. Да и райончик не особенно приятный.

Говард кивнул, достал из нагрудного кармана сигару, но, поколебавшись, засунул ее обратно.

— Ну и что ты о нем думаешь? — спросил он.

Прошла пара секунд, прежде чем я понял, что вопрос был обращен ко мне. Я в этот момент сосредоточенно озирался по сторонам, вглядываясь в окружающую нас крошечную темень и пытаюсь вообразить себе всяких мыслимых и немыслимых монстров, поджидающих в темноте меня и моих спутников. Повернувшись к Говарду, я беспомощно улыбнулся и пожал плечами:

— О Сине? Не знаю. Он...

— ...явно не просто какой-нибудь рыбак или крестьянин, так ведь? — Говард улыбнулся. — Впрочем, он и не утверждал, что он рыбак или крестьянин.

Я растерянно посмотрел на Говарда, но все же кивнул. Говард был абсолютно прав. В тех обстоятельствах, при которых мы познакомились с Сином, мы все склонны были считать, что он либо моряк, либо рабочий из Дернесса. Но он сам ничего подобного нам не заявлял. Так или иначе, мы почти ничего о нем не знали. Во всяком случае, слишком мало для того, чтобы решиться взять его в качестве провожатого в такой вот район.

— У него не такая манера разговаривать, как у местных жителей, — нерешительно сказал я. — Хотя, впрочем, это еще ни о чем не говорит. Так или иначе, он не должен перед нами отчитываться.

— Конечно, нет, — Говард повернулся и бросил долгий задумчивый взгляд на дом, в который зашел Син. — Я лишь спрашиваю себя, почему же он нам помогает. Если обстановка в Дернессе действительно такая напряженная, как он это утверждает, то он тем самым может навлечь на себя гнев местных жителей.

— С такой комплекцией он, наверное, может себе это позволить, — сказал я.

— Чепуха, — буркнул Рольф. — ГП абсолютно прав. С этим парнем что-то не так. И я выясню, что именно.

— Не делай глупостей, Рольф, — наставительно сказал Говард. — Син нам не враг.

Рольф фыркнул и указал рукой, сжатой в кулак, на дом:

— А если это западня?

— Роберт предупредил бы нас об этом, — заявил Говард. — Да, Роберт?

Я поспешно кивнул, хотя сам вовсе не был в этом уверен. Конечно, я бы заметил, если бы Син попытался обманывать нас. Однако то, что он нам не враг, не означало, что он автоматически является нашим другом.

Наш разговор был прерван возвращением Сина. За узкими треснутыми дверными стеклами появился мерцающий свет, затем дверь приоткрылась и на пороге появилась широкоплечая фигура Сина. В руке он держал свечу, заслоня ладонью ее пламя от ветра. Красновато-желтый свет свечи падал на его лицо, придавая ему жутковатое выражение.

— Все в порядке? — спросил Говард.

Син кивнул.

— Я поговорил с миссис Уинден, — сказал он, причем так тихо, как будто боялся, что его слова может услышать кто-нибудь в доме. — Вы можете взглянуть на ее дочь. Я сказал ей, что вы — ученый из Лондона и здесь проездом. Давайте придерживаться этой версии.

Говард кивнул и хотел было пройти мимо Сина в дом, но тот поспешным движением удержал его за руку.

— И еще, Филлипс, — добавил он. — Не давайте ей каких-либо лживых обещаний только для того, чтобы ее утешить.

Говард отвел его руку в сторону и хотел что-то ответить, но Син, не говоря больше ни слова, повернулся и вошел в дом. Он сказал то, что хотел сказать, и был, похоже, на сто

процентов уверен, что Говард правильно его понял. Во мне росло чувство уважения к этому черноволосому гиганту. А еще чувство недоверия. Этот человек явно не был обычным портовым рабочим.

Один за другим мы зашли вслед за Сином в дом. Коридор был темным и сырым, а в воздухе чувствовался спертый запах. Тут было явно не жарко: холод словно проник сквозь тонкие стены и мертвой хваткой вцепился в коридор. Мы прошли по узкой лестнице — такой узкой, что нам пришлось идти гуськом — на второй этаж. Кроме того, лестница была необычайно дряхлой — так что я даже не рискнул опираться на ее грязноватые поручни. Свеча в руке Сина отбрасывала мерцающие отблески на стены и потолок, а необычайная акустика лестничного проема превращала звук наших шагов и скрип ступенек под ногами в такое жуткое перешептывание, что мне стало не по себе.

И еще кое-что здесь казалось странным: с каждой новой ступенькой мне становилось все тяжелее идти. Причем это было не физическое сопротивление чего-то непонятного, и не какая-либо невидимая сила, удерживающая меня. Просто возникло ощущение, что, для того чтобы идти дальше, мне необходимо было перебарывать что-то внутри себя. Это производило просто жуткое впечатление. Сам дом, или же что-то, что находилось в нем. Он не был обычным домом, заселенным только людьми. Здесь присутствовало что-то еще. Я уже испытывал подобное чувство, но никак не мог вспомнить, где и когда. А еще я откуда-то знал, что это что-то появилось здесь лишь недавно...

Син открыл узкую дверь, в которую упирался верхний конец лестницы, и сделал приглашающий жест рукой. Мне пришлось сделать невероятное усилие над собой, чтобы заставить себя пройти вслед за Сином и Говардом в находящееся за дверью помещение.

Горевшая в комнате керосиновая лампа излучала тусклый желтый свет, поэтому наши фигуры отбрасывали на стену причудливые тени. Комната была маленькой и такой же запущенной, как и весь дом. Оглядевшись, я заметил, что это не просто комната в доме, а полностью оборудованное жилище. Прямо возле двери находилась почерневшая угольная печка, рядом с ней — большая полка, на которой стояло множество всевозможных кастрюль, чашек и тарелок. Еще в комнате находились шкаф, стол, четыре шатких стула и две низенькие кровати.

Мне, однако, потребовалось приложить определенные усилия, чтобы все это рассмотреть. То ощущение сопротивления, которое появилось у меня еще на лестнице, здесь стало почти невыносимым. Я быстро и отрывисто дышал, а руки, чтобы они не дрожали, мне пришлось сжать в кулаки. В этой комнате было что-то необычное. Что-то чуждое, злобное, затаившееся. И это не было лишь плодом моего воображения. Я отчетливо чувствовал, что, кроме нас и миссис Уинден с дочерью, в комнате находится еще кто-то или что-то.

— Доктор Филлипс, — Син бросил на Говарда быстрый, почти умоляющий взгляд и указал рукой на хрупкую женщину лет сорока, которая до этого сидела на краю кровати и встала, когда мы вошли. — Миссис Уинден, домовладелица, — он повернулся, и я увидел, что серьезное выражение на его лице сменилось сердечной улыбкой. Ему, должно быть, весьма нравилась эта женщина. — Миссис Уинден, это доктор Филлипс. Он хотел взглянуть на Сэлли.

— Доктор? — в темных глазах женщины забрезжил лучик надежды. — Вы — врач?

Говард поспешно отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я — ученый, миссис Уинден. А это — мой слуга и мой племянник, — он указал на кровать. — Полагаю, это ваша дочь.

Лишь теперь я заметил тоненькую фигурку позади миссис Уинден. Несмотря на весьма запущенное состояние помещения, кровать была застелена чистыми белыми простынями, на фоне которых узенькое лицо девушки трудно было заметить. Я испугался, увидев — несмотря на плохое освещение — какая у нее бледная кожа.

Так и не получив никакого ответа от миссис Уинден, Говард молча подошел к кровати, присел на ее край и протянул руку к лицу девушки. Судя по ее открытым глазам, она не спала и находилась в сознании. Тем не менее, она никак не отреагировала, когда Говард коснулся пальцем ее щеки.

— Роберт, — Говард посмотрел на меня и показал жестом, чтобы я подошел к нему.

Я кивнул, сделал шаг вперед и остановился. Говард раздраженно посмотрел на меня, но у него, слава богу, хватило самообладания, чтобы не вспылить. Он лишь снова склонился над девушкой.

Мои колени дрожали. Чувство, будто мне что-то угрожает, стало просто невыносимым. Мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы не повернуться и не выбежать из комнаты как можно быстрее.

И вдруг я понял, что именно было причиной этого ощущения и где находился источник чуждого и невыразимо злобного излучения.

Им была эта девушка.

Широко раскрыв глаза, она смотрела прямо мне в лицо. Внутренне содрогнувшись, я прочел в ее взгляде безграничную ненависть. Это была ненависть ко всему живому и чувствительному, ненависть, которая преступала все воображимые границы и ощущалась почти физически.

И эта ненависть была направлена в том числе и на меня.

Собрав все свои силы, я сделал еще один шаг к кровати. Лицо девушки вздрогнуло. На ее губах появилась беловатая пена, а из груди вырвался глубокий, похожий на стон звук. Руки девушки судорожно задрожали, ногтями она вцепилась в простыню.

— Уходи, — пролепетала она. — Уходи... прочь... от меня.

Звук ее голоса заставил меня содрогнуться.

Он не был похож ни на голос юной девушки, ни даже на голос женщины. То, что я слышал, казалось жутким неестественным хрипом, и я еле смог различить слова. Эти звуки были похожи на попытку живого существа заговорить, тогда как его голосовые связки не были приспособлены для разговора.

Я сделал еще один шаг вперед, затем еще, и еще, остановился перед кроватью и опустил на корточки. Глаза Сэлли раскрылись шире, из ее рта вырвался ужасный гортанный звук, а руки дернулись так, как будто она хотела меня ударить. Говард раздраженно переводил взгляд с меня на девушку и обратно. От его внимания не ускользнула странная дуэль, происходившая между мной и Сэлли.

— Уходи... прочь, — пробормотала Сэлли. — Уходи прочь... от меня.

— Она бредит, — поспешно сказал Говард, увидев, что ко мне подошла мать девушки.

Я на секунду оторвал взгляд от Сэлли и посмотрел на миссис Уинден. Ее лицо было напряженным, а губы сжались в узкую бескровную полоску. В ее глазах я увидел страх.

Говард встал и быстрым, незаметным для окружающих жестом показал мне отойти от кровати. Я поднялся с корточек, повернулся и лишь с трудом подавил в себе вздох облегчения. Меня охватил буквально водоворот чувств, среди которых доминировал страх. Эта девушка уже перестала быть человеком. Обычным человеком. Она представляла собой

лишь оболочку, в которой поселилось что-то чуждое и злобное.

Говард отошел от кровати на несколько шагов, подождал, пока я подойду к нему, и повернулся к миссис Уинден.

— Как долго она находится в таком состоянии? — спросил он. — У нее высокая температура, вы знаете об этом?

Женщина кивнула. Ее лицо было спокойным, но я видел, скольких усилий ей стоит сохранять самообладание. Маска на ее лице скрывала чувства, бушевавшие в ней.

— Уже два дня, — ответила она. — Это началось как-то внезапно. У нее поднялась температура, она полностью потеряла аппетит и...

Миссис Уинден больше ничего не сказала. Из уголка ее глаза выскользнула одинокая поблескивающая слезинка и побежала по щеке, оставляя после себя влажный след. У меня в груди болезненно закололо. Я почувствовал лютую ненависть к этому нечто, вселившемуся в невинного ребенка.

— Вы обращались к врачу? — спросил Говард.

— Да. Он приходил вчера, но так и не смог ничего сделать.

Говард на некоторое время замолчал. Я заметил, что он о чем-то напряженно думает. Хотя миссис Уинден рассказала нам не так уж много, и мне, и Говарду было ясно, *почему* врач ничего не смог сделать. Причина крылась явно не только в том, что миссис Уинден, по всей видимости, не могла заплатить за лекарства.

— Вы можете... помочь Сэлли? — спросила миссис Уинден.

Ее голос дрожал. В нем чувствовалась такая мольба, что у меня внутри все сжалось.

Говард еще немного помолчал, затем пожал плечами и кивнул, но как-то очень нерешительно. Я краем глаза заметил, как напрягся Син.

— Возможно, — наконец сказал Говард. — Хотя не могу вам ничего обещать, миссис Уинден. Не хотелось бы обнадеживать вас необоснованно.

— И не надо, — поспешно произнесла она.

Самообладание покинуло миссис Уинден, а с ее лица словно свалилась маска, и теперь оно выражало лишь безграничное отчаяние.

— Помогите ей, — сказала она, всхлипывая. — Умоляю вас, доктор Филлипс. Я... я не смогу вам много заплатить, но я отдам вам все, что у меня есть, и...

— Дело не в деньгах, — перебил ее Говард.

— А в чем же?

Говард шумно вздохнул. Его глаза забегали. Было видно, что ему очень трудно ответить на этот вопрос.

— Ваша дочь не больна, миссис Уинден. Я имею в виду, физически не больна.

— Она...

— С ее телом все в порядке, — продолжал Говард.

Син сделал поспешный шаг к нему и впился в него взглядом, но Говард не обратил на него никакого внимания. Он продолжал:

— Я не знаю, сможем ли мы ей помочь. Во всяком случае, мы можем попытаться это сделать. Но мне понадобится ваша помощь.

— В чем именно, Филлипс? — спросил Син недоверчиво.

Я увидел, как напряглись его могучие плечи. Говард внимательно посмотрел на него, покачал головой и указал на кровать позади себя.

— Я могу помочь этому ребенку, Мор, — начал было он, но Син тут же перебил его,

агрессивно сжав кулаки.

— Я же вас предупреждал, Филлипс, — раздраженно сказал он. — Вы...

— *Пожалуйста*, Син! — вмешалась миссис Уинден. — Оставьте его в покое. Мне все равно, что он собирается делать, лишь бы только он помог Сэлли. Вы... Вы ведь поможете ей, доктор?

Говард бросил на нее серьезный взгляд.

— Попробуем, — сказал он. — Но я не могу ничего обещать.

— *Что* вы попытаетесь сделать? — спросил Син. — И, в конце концов, что с этим ребенком, Филлипс?

— Она одержима, — ответил Говард.

Со стороны кровати донесся гортанный крик. Говард, Син, Рольф и я одновременно обернулись. Миссис Уинден, испуганно вскрикнув, сделала шаг к кровати, но затем вдруг, прикрыв рот рукой, отпрянула назад, словно от удара.

Ее дочь приподнялась над кроватью. Она не встала, нет, а именно приподнялась, не сгибая своего тела, которое словно превратилось в каменное изваяние. Затем она вытянула вперед руки, согнув пальцы, как хищные когти. И все это она проделала одним-единственным, ужасным, невероятным движением. Из ее рта раздался шипящий звук. По ее подбородку текла слюна, а в глазах пылал всепожирающий огонь.

— Рольф! — крикнул Говард.

Рольф начал действовать с такой скоростью, которая ошеломила даже меня. Он молниеносно бросился к девушке, отбил в сторону ее руки, которыми она пыталась его ударить, и обхватил ее тело своими могучими лапами.

По крайней мере, он попытался это сделать.

Сэлли тут же вырвалась из его объятий и с ужасной силой ударила его ладонью по лицу. Рольф вскрикнул, отшатнулся назад и потерял равновесие. Упав, он быстро перевернулся на живот и попытался подняться, но Сэлли тут же бросилась с расставленными руками на него и начала лупить его кулаками. Я увидел, как тело Рольфа буквально тряслось под ее гневными ударами.

— Син! Держите ее! — крикнул Говард. — Быстро!

Прошло несколько секунд, прежде чем Син, смотревший на происходящее широко раскрытыми от изумления глазами, вышел из оцепенения и одним прыжком оказался рядом с Сэлли и Рольфом. Он схватил девушку за плечи, оттащил ее от Рольфа и попытался прижать ее руки к туловищу, но Сэлли, вырвавшись из его объятий, вцепилась ногтями в его лицо, пытаясь добраться до глаз.

Син, отпрянув назад, освободился от ее хватки и тут же сжал ее руку. Сэлли, гневно рванувшись вперед, потеряла равновесие. Син молниеносно отскочил в сторону, дернув ее при этом за руку и сделав ей подножку. Сэлли, гневно взыв от неожиданности, упала на кровать и стала брыкаться. Син тут же бросился на нее и придавил ее весом своего тела. Ему едва хватало сил, чтобы удержать ее.

— Рольф, помоги ему! — приказал Говард.

Рольф с трудом поднялся, ощупывая пальцами свое разбитое лицо и постанывая при этом. Из его разбитой губы сочилась кровь.

— Быстрее, — сказал Говард. — Он один ее долго не удержит.

Рольф, снова застонав, нерешительно подошел к кровати и попытался схватить Сэлли за ноги. Девушка вскрикнула, рванувшись изо всех сил, перевернулась на спину и ударила

Рольфа ногой в живот. Рольф, охнув, опустился на колени и, отведя на всякий случай свою голову назад, молниеносно вцепился руками в ее лодыжки, в то время как Син попытался держать руки Сэлли.

Я хотел им помочь, но Говард удержал меня.

— Нет, — сказал он. — Нам нужно быть осторожнее.

— Что... о господи, что... что... — лепетала миссис Уинден.

Говард умоляюще посмотрел на нее.

— Пожалуйста, миссис Уинден, доверьтесь нам, — сказал он поспешно. — Это существо — уже больше не ваша дочь. Но мы можем ей помочь. Син, Рольф, держите ее крепче!

Син что-то буркнул в ответ, посильнее прижал руки Сэлли к кровати, одновременно пытаясь отклонить свою голову как можно дальше назад — подальше от рта пытающейся его укусить Сэлли. На лбу у Сина блестел пот, а еще я увидел, как набухли от напряжения мускулы на его шее. Рольф тоже еле-еле справлялся с задачей. И он, и Син были, пожалуй, самыми сильными людьми из всех, кого я когда-либо в своей жизни видел. Но, тем не менее, им едва удавалось удерживать эту охваченную безумием девушку.

Говард схватил меня за руку, серьезно посмотрел мне в глаза и затем молча кивнул. Я не понял, что он имел в виду. А может, я просто не хотел этого понять.

— Давай, — тихо сказал Говард.

Сэлли теперь уже буквально бушевала. Ее тело сжалось, как стальная рессора, которая вот-вот лопнет от напряжения. Я почувствовал ее ненависть, словно нанесенный мне удар.

Я медленно подошел к кровати. Чем ближе я подходил к Сэлли, тем пронзительнее становились ее крики, а ее глаза буквально пылали.

И вдруг она перестала защищаться. Ее сопротивление угасало секунда за секундой, и я почувствовал, что ее ненависть, словно впивавшуюся в меня невидимыми когтями, постепенно сменил неопишуемый страх.

— Мама, — пролепетала она. — Помоги мне. Прогони его! Помоги мне. Он причинил мне боль!

Ее мать, стоящая позади меня, издала сдавленный всхлипывающий звук. Я услышал шаги, шум борьбы, тихие вскрики, увещающий голос Говарда, но что он говорил, я так и не разобрал. Сделав последний шаг, я остановился рядом с Сэлли и протянул к ней руку. Это получилось как бы само собой. Я сам не понимал, что делаю. Словно против своей воли, я коснулся ее лба, замер на миг, затем прижал свою ладонь к ее лицу: основание ладони — к ее рту, а указательный и безымянный пальцы — к ее векам.

Мне показалось, что я коснулся раскаленного железа. Ужасная боль пронзила мою руку, болезненно отозвавшись каждым нервом.

Но эта боль тут же исчезла — еще до того, как я успел на нее отреагировать. Затем...

Извивающиеся щупальца.

Ненависть.

Кромешная тьма, равнина, простирающаяся до самой границы мира и даже дальше.

Бесформенные мерзкие существа, ворочающиеся в озерах с бурлящей смолой.

Темные шахты, ведущие в самый ад и даже дальше.

Полные призрачного ужаса, зловонные ямы, из которых доносится дыхание самого ада.

А еще:

Ощущение утраты, такое глубокое и болезненное, какого я еще никогда не испытывал.

И безграничная разрушительная ненависть ко всему живущему, чувствующему, думающему. Ненависть, копившаяся два миллиарда лет, ненависть, перешагнувшая через временную пропасть и границы реальности.

То, что я видел, не было образами. То, что я чувствовал, не было мыслями. Я испытал такой вид общения, с каким еще никогда не сталкивался, — доселе он был абсолютно неведом и совершенно невероятен. На один миг — коротенький, мимолетный и одновременно бесконечный миг — моя душа, казалось, слилась с душой того *существа*, которое вселилось в Сэлли, и мы стали с ним *единым* целым, разделенным на два различных тела. Я почувствовал, что глубоко внутри меня происходит какая-то борьба. Это было не противоборство двух сил, а ужасное молниеносное столкновение двух противоположных полюсов чудовищной мощи. У меня возникло ощущение, как будто внутри меня взорвалось мощное пылающее солнце — в той части моей души, которая до этого всегда была скрыта от моего сознания — а я при этом являлся не более чем сторонним наблюдателем, бессильным и беспомощным.

Затем все это исчезло. Борьба внутри меня прекратилась так же внезапно, как и началась, и я почувствовал, что черное беспомощное *нечто* отползло назад с беззвучным предсмертным криком.

Я зашатался, мое сознание затуманилось от слабости и тошноты. Моя рука соскользнула с лица Сэлли. Вздвогнув, я опустился на колени, а потом упал на бок. Комната поплыла перед моими глазами, но я еще успел увидеть, что тело Сэлли, все еще удерживаемое Сином и Рольфом, замерло.

А еще я успел почувствовать, как что-то жуткое и бестелесное отступало от Сэлли. Оно было похоже на волну мрака, на черное колышущееся существо со множеством щупальцев, рассеявшееся в ее теле, как рассеивается туман под светом керосиновой лампы.

Затем я потерял сознание.

Тремейн вздрогнул, как от удара. Его череп пронзила острая колющая боль, по туловищу пробежали судороги, а перед глазами заплескали языки пламени и заколыхались тени. Перед его мысленным взором замельтешили какие-то невероятные видения. Он вскрикнул, потерял равновесие и свалился на пол с неудобного стула, на котором сидел. Комната вокруг него начала вращаться, как будто стены, пол и потолок стремились изменить свою форму. Мерцающий свет керосиновой лампы потонул в появившемся откуда ни возьмись ярком зеленоватом свечении, а комнату неожиданно наполнил неведомый резкий запах, от которого сбивалось дыхание.

Через некоторое время боль и судороги прекратились, и Тремейн снова смог нормально дышать. Он медленно приподнялся на четвереньки и замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Его сердце колотилось, и, несмотря на холод, одежда была влажной от пота. Он безуспешно пытался понять, что же сейчас с ним произошло. Он словно получил удар — молниеносный неистовый удар некоей невидимой силы — той самой силы, присутствие которой он ощущал в течение последних двух дней и которая, издавая беззвучный шепот в его сознании, направляла его усилия, подводя к расшифровке книги. По мере того как он все глубже проникал в тайны книги и все лучше понимал написанные в ней загадочные значки и символы, эта сила все больше подчиняла его себе. Теперь же он познал ее другую, мрачную сторону, почувствовав на себе, как невидимая ладонь его духовного господина сжимается в

кулак.

Он застонал. Воспоминание о только что испытанной боли все еще угнетало его, но при этом он ощутил себя свободным: в первый раз с того момента, как начал изучать эту книгу, он снова стал хозяином самого себя.

Послышалось громкое шуршание, и Тремейн невольно приподнялся. Он вдруг снова обратил внимание на жуткое зеленоватое свечение, наполнявшее комнату. Слегка пульсируя, оно исходило непонятно откуда и было похоже на светящийся прозрачный туман. Тремейн медленно встал на ноги, сделал шаг к столу и вдруг резко остановился.

Книга шевелилась...

Прямо перед его глазами тонкие желтоватые страницы словно перелистывались невидимыми руками, при этом шелест сухого пергамента наполнял комнату таинственным угрожающе-насмешливым шепотом, от которого по спине у Тремейна побежали ледяные мурашки.

Словно внезапно очнувшись от глубокого сна, Тремейн посмотрел на себя и на все, что происходило с ним, уже совсем другими глазами. Он почувствовал холод, от которого у него стучали зубы и немели пальцы, а еще голод, уже два дня терзавший его организм незаметно для него самого, и слабость, вызванную почти непрерывным бодрствованием в течение двух суток. Он вдруг осознал, что читал книгу, написанную на абсолютно непонятном для него языке, о котором он даже никогда ничего не слышал. А еще — что совершал поступки помимо своей воли, превратившись в раба этой книги.

И вдруг он почувствовал страх.

Тонкие пергаментные страницы, шелестя, продолжали перелистываться, а зеленоватое сияние в комнате стало пульсировать еще сильнее. Тремейн отшатнулся назад, ощутив, что невидимая сила снова пытается подчинить себе его волю. Он хотел закричать, но голосовые связки его не слушались. Затем словно нахлынула невидимая волна и парализовала его тело. Воля Тремейна угасла. Он медленно подошел к столу, уселся на узкий стул и протянул руку к книге. Страницы, которые до этого перелистывались сами собой, словно от порывов ветра, вдруг замерли, а пульсирующее зеленоватое сияние в комнате стало еще сильнее.

Взор Тремейна затуманился. Его глаза стали тусклыми, как у мертвеца, а рука начала двигаться, как маленькое живое существо, по столу, подползла к открытой странице этой дьявольской книги и уперлась пальцем в определенную строчку. Губы Тремейна стали беззвучно выговаривать какие-то слова — на языке, канувшем в лету два миллиарда лет тому назад вместе с существами, говорившими на этом языке.

Я пробыл без сознания, по-видимому, всего лишь несколько секунд. Когда я открыл глаза, первой, кого я увидел, была всхлипывающая миссис Уинден, склонившаяся над своей дочерью, а рядом Говард осторожно поправлял простыню на неподвижном теле Сэлли. Моя голова раскалывалась, но это было уже не смертоносное давление, только что сжимавшее мое сознание, а вполне обычная физическая боль, исходившая от огромной шишки на голове, которую я набил себе, упав на пол.

Чья-то огромная лапа обхватила меня за плечи и поставила на ноги. Я поднял глаза и увидел лицо Рольфа. Он улыбался, но это была мученическая улыбка, от которой из его разбитой губы еще больше стала сочиться кровь.

— Все нормально? — спросил он.

Я машинально кивнул, отвел его руку в сторону и, застонав, коснулся ладонью своего

затылка. У меня, казалось, болел буквально каждый мускул тела.

— А у тебя?

Улыбка Рольфа стала еще более мученической.

— Теперь вроде бы все в порядке, — пробормотал он. — Хотя мне досталось от малышки. Еще несколько секунд и... — он сокрушенно покачал головой, шумно вздохнул сквозь зубы и повернулся к Сину. — Благодарю за помощь.

Син небрежно махнул рукой.

— Да ладно, — сказал он. — Мне самому еле удалось удержать ее.

Увидев, что Говард, поднявшись с кровати, быстро и выразительно поднес палец к губам, Син покачал головой, вздохнул и отступил на шаг назад. Мы все молча отошли в дальний угол комнаты.

Говард бросил на меня серьезный оценивающий взгляд:

— С тобой все в порядке?

Я кивнул, хотя и сам не был в этом уверен. Физически я чувствовал себя более-менее нормально, но моя душа казалась обессиленной и опустошенной.

— Что... что это было? — пробормотал я.

Говард поспешным жестом показал мне, чтобы я говорил тише, а затем кивнул в сторону миссис Уинден. Я, однако, понял, что Говард имел в виду и Сина, который, пожалуй, и так увидел больше, чем следовало бы.

— Не знаю, — солгал Говард. — Но, по крайней мере, надеюсь, что в основном все уже позади.

— Вы *надеетесь*? — спросил Син, сделав ударение на последнем слове.

— Нет, я в этом уверен, — поправился Говард. — Теперь дело за врачами.

Нервно и не очень уверенно улыбнувшись, он тут же отвернулся — до того, как Син успел задать еще какой-нибудь вопрос.

— Миссис Уинден, — позвал он тихо.

Темноволосая женщина посмотрела на него, еще раз наклонилась над своей дочерью и затем медленно и, как мне показалось, явно нерешительно подошла к нам. Она снова выглядела уравновешенной, и лишь в ее глазах по-прежнему можно было заметить отчаяние и страх.

— Как дела у вашей дочери?

— Она... спит, — ответила миссис Уинден. — Температура спала. Она... она снова будет полностью здоровой?

Пока миссис Уинден говорила, ее взгляд перемещался с Говарда на меня и обратно. Я заметил, что ей было трудно надолго задерживать взгляд на белой пряди волос над моей правой бровью.

— Да, — ответил Говард, не обращая внимания на выразительный взгляд Сина. — Но ей сейчас нужен хороший уход и самые лучшие лекарства из всех, какие только есть.

Он улыбнулся и достал из своего кармана пачку банкнот. Тщательно отсчитав четыре двадцатифунтовые бумажки, он положил их на стол, тут же быстрым решительным жестом остановив миссис Уинден, хотевшую было что-то возразить.

— Возьмите эти деньги, — безапелляционным тоном сказал Говард, — и потратьте их на врача. А на то, что останется, купите хорошей еды и, возможно, теплую одежду для Сэлли. Она ей теперь понадобится.

Миссис Уинден в течение некоторого времени смотрела на Говарда недоверчиво и

растерянно, так обычно и бывает в подобных ситуациях. Но при этом она несколько раз бросила взгляд и на меня.

Я почувствовал, что она боится. Это было странно: мы с Говардом, по всей видимости, спасли жизнь ее дочери, но взгляд этой женщины сейчас не выражал ничего, кроме страха.

— Нам нужно идти, — неожиданно сказал Говард. — Возьмите эти деньги и заплатите ими за услуги врача, миссис Уинден.

Женщина нерешительно протянула руку к деньгам, но так и не дотронулась до них, а в самый последний момент испуганно отдернула руку назад.

— Почему... почему вы это делаете? — спросила она.

Говард улыбнулся.

— Потому что мне жаль вашу дочь, миссис Уинден, — ответил он. — А еще потому, что я всегда охотно помогаю людям, когда у меня есть такая возможность, — он вдруг стал серьезным. — И еще кое-что. У меня к вам просьба.

— Просите все, что хотите, — сказала миссис Уинден. — Я сделаю все, что...

Говард перебил ее, нетерпеливо покачав головой:

— Послушайте меня. Я всего лишь хочу, чтобы вы мне пообещали, что никому не скажете ни единого слова о том, что здесь произошло. Никому. Даже врачу. Обещаете мне это?

Она снова стала растерянно переводить взгляд с меня на Говарда. Затем, явно колеблясь и словно пересиливая себя, кивнула.

— Я... обещаю это, — сказала она, запинаясь. — Главное — чтобы Сэлли выздоровела. Она ведь выздоровеет, да?

— Выздоровеет, — кивнул Говард. — Но ей понадобится ваша помощь. Вы работаете?

Она кивнула.

— Тогда возьмите отпуск на неделю, — сказал Говард решительным тоном. — Мы будем поддерживать связь с Сином. Если вам еще понадобятся деньги, дайте мне знать. Вам ни в коем случае не следует оставлять Сэлли одну. Даже на секунду.

Слова Говарда совершенно озадачили мать Сэлли, хотя она, похоже, поняла, что Говард говорит очень серьезно, а потому ничего не сказала.

— Хорошо, — в конце концов сказал Говард. — Сейчас нам нужно уходить, но я позабочусь о том, чтобы врач пришел к вам еще сегодня. Вы знаете, где он живет, Син?

Син кивнул. Говард показал жестом на спящую девушку.

— Тогда сходите и приведите врача, Син. А мы с Рольфом и Робертом вернемся на судно.

— Я вас провожу, — сказал Син.

Говард хотел было возразить, но Син не дал ему раскрыть рта.

— Этот район небезопасный, — сказал он. — Будет лучше, если я пойду с вами, уж поверьте мне. Да и врач живет недалеко от гавани. Так что мне не придется делать большой крюк.

Говард согласился.

— Мне все равно, — сказал он. — Но обещайте мне, что позаботитесь о том, чтобы врач пришел еще сегодня.

— Я приволоку его сюда силой, если он откажется идти по доброй воле, — пообещал Син.

— Тогда пойдемте, — сказал Говард. — Мы и так потеряли много времени.

Мы попрощались с миссис Уинден и удалились, причем так быстро, что это походило на бегство.

Когда мы вышли из дома, на улице стало еще темнее. Нигде не было видно ни единого огонька, и даже луна и звезды скрылись за плотной завесой туч, из которой на землю сеялся мелкий дождь. Было холодно, даже очень, и единственным звуком, который мы слышали, было завывание ветра.

Говард поднял воротник, натянул шляпу на лоб и отвернул лицо, пряча его от дождя. Син молча указал рукой в том направлении, откуда мы сюда пришли, и зашагал по улице. Нахохлившись и согнувшись от ветра, я последовал за ним. Рольф плелся в арьергарде.

Хотя Син шел в каких-нибудь трех шагах впереди меня, я его почти не видел. Было так темно, что мы скорее догадывались о существовании домов по сторонам улицы, чем видели их, а нашему пути, похоже, не было ни конца, ни края. Когда мы шли сюда, дорога показалась мне длинной; теперь же она представлялась мне просто бесконечной. У меня возникло ощущение, что нам пришлось идти несколько часов, прежде чем мы наконец-таки добрались до гавани и увидели свое судно.

Говард остановился и повернулся к Сину.

— Спасибо, что проводили, — сказал он. — Дальше мы пойдем сами. Вы лучше отправляйтесь за врачом. А еще позаботьтесь о миссис Уинден и ее дочери.

Я увидел, как Говард достал что-то из кармана и дал Сину — быть может, деньги. Син поблагодарил его кивком головы, повернулся и молча исчез в ночи. Рольф, сощурившись, посмотрел ему вслед. Я не видел лица Рольфа, но почувствовал, что он все еще не доверял этому широкоплечему гиганту. Причем еще больше, чем раньше.

Мы пошли дальше, все ускоряя шаг, стараясь как можно быстрее преодолеть оставшиеся до нашего судна несколько сот метров. Море стало довольно бурным, превратившись из плоского сероватого зеркала в колышущийся пенный ковер, то и дело вздымавший нашу маленькую посудину, прижимая ее к причалу. Доски палубы были влажными и скользкими, а когда я, пригнувшись, заходил в низкую дверь каюты, в судно ударила особенно большая волна, причем так сильно, что я чуть было не слетел кубарем по ступенькам.

Когда я, пошатываясь, спустился по лестнице, Говард уже зажег штормовой фонарь. Он молча стоял, все еще в пальто и шляпе, мокрый от дождя и удивительно бледный в красноватом мерцающем свете фонаря. Когда он, вздохнув, обернулся, мне показалось, что на его лице мелькнуло выражение безысходности. Но, как только Говард заметил, что он не один, он тотчас же попытался придать своему лицу более беззаботное выражение.

Я не стал подходить к нему, а направился прямо к своей койке, стянул с себя насквозь промокшее пальто, затем снял туфли и куртку и стащил с койки одеяло, чтобы им обернуться. Говард бросил мне полотенце, зажег сигару и некоторое время молча наблюдал, как я окоченевшими от холода пальцами пытаюсь выжать воду из своей шевелюры. В каюте было очень холодно: при выдохе у меня возле лица образовывался парок, а в кончиках пальцев на руках и ногах чувствовалось болезненное покалывание.

Говард молчал до тех пор, пока я не закончил борьбу с влагой и не накинул на себя еще одно одеяло. Впрочем, одеяла не сильно защищали меня от холода. У меня даже возникло ощущение, будто я коченею изнутри. К тому же судно под моими ногами так сильно болтало на волнах, что я чувствовал, как ко мне медленно, но неумолимо подкрадывается тошнота.

— Вытрись насухо, — сказал Говард. — Ночью будет чертовски холодно.

— Неужели? — спросил я. Его слова вызвали во мне такой гнев, какого я от себя не

ожидал. — Тогда объясни мне, пожалуйста, почему нам так необходимо ночевать на этой посудине, а не в теплом гостиничном номере?!

Говард хотел что-то ответить, но затем лишь покачал головой и вздохнул. Я тоже усилием воли заставил себя успокоиться. Мне следовало быть порассудительнее: сейчас было бессмысленно ввязываться в спор. Тем более в спор, в результате которого я все равно ничего бы не добился.

— Рольф приготовит нам грог, — сказал Говард через некоторое время. — Выпьешь, и тебе станет лучше. Кстати, как ты себя чувствуешь?

— Просто прекрасно, — ответил я.

Говард сделал вид, что не заметил насмешливых ноток в моем голосе, еще раз затянулся сигарой и снова посмотрел на меня со странным смешанным выражением озабоченности и облегчения — он уже смотрел на меня так в доме миссис Уинден.

— В самом деле? — спросил он.

— Со мной все в порядке, — пробурчал я. — Кроме того, что я мерзну, как цуцик, и что мне скоро станет дурно. К чему вообще подобные вопросы?

— А ты сам не знаешь? — спросил Говард.

— А я вообще ничего не знаю, — резко ответил я. — Хотя меня не покидает ощущение, что мало-помалу приближается время, когда мне крайне необходимо будет получить ответы на кое-какие вопросы. Что, собственно, произошло с той девушкой? И каким образом я смог ей помочь?

— С ней было как раз то, о чем я сказал миссис Уинден, — ответил Говард серьезно. — Ее дочь стала одержимой. Боюсь, что с другими больными, о которых говорил Син, та же самая история.

— Одержимой? — я впился в него взглядом, но дерзкая реплика, уже вертевшаяся у меня на языке, так там и осталась, а смех, которым я тут же разразился, показался неестественным даже мне самому. — Только не надо мне рассказывать, что в нее вселились бесы и довели ее до такого состояния!

Говард по-прежнему был серьезен.

— Бесы? — переспросил он, затем покачал головой, но тут же почему-то кивнул. — Вероятно, их можно назвать и так. Ты ничего не почувствовал, когда коснулся ее?

Его последние слова заставили меня вздрогнуть. Я до сего момента судорожно пытался не думать о тех странных видениях, которые промелькнули тогда перед моим взором — или они мне только померещились? Я теперь не был уверен в том, что действительно все это видел. Тем не менее, я догадывался, к чему клонил Говард. И уже одна мысль об этом приводила меня в ужас.

— Ты... ты имеешь в виду, что это был ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ГИГАНТ? — спросил я.

— Возможно, — ответил Говард. — Я вообще-то надеялся получить ответ от тебя. Что ты тогда чувствовал?

— Чувствовал? — я судорожно сглотнул. У меня во рту появился горьковатый привкус. Я попытался вспомнить, но что-то в моем сознании отчаянно этому сопротивлялось. — Я... я не уверен. Но вряд ли это был кто-либо из них.

Говард затянулся сигарой. Он закрыл глаза, и на какой-то миг мне показалось, что на его лице отразилось разочарование.

— Возможно, это было что-то, связанное с ними, — продолжал я, запинаясь, не зная, как передать свои ощущения. — Но не...

Я запылся, пытаюсь подобрать нужные слова, но затем лишь покачал головой и вздохнул.

— Это невозможно описать, — сказал я. — Я не знаю, что это было. Я... я чувствовал какую-то ненависть, но не просто ненависть, а нечто большее.

На некоторое время я замолчал, пытаюсь восстановить в памяти тот момент, когда я действительно почувствовал в себе некую часть ДИСТОРИЧЕСКОГО ГИГАНТА. Но уса сама мысль об этом причиняла мне почти физическую боль. И я постарался об этом не думать.

— Это не было духом какого-либо живого существа, — сказал я. — Это были... какие-то галлюцинации.

— Галлюцинации?

Я кивнул.

— Мне... мне кажется, что я видел какой-то ландшафт, — пробормотал я.

Мне по-прежнему трудно было что-либо вспомнить. Видения, казалось, буквально ускользали от моего мысленного взора как раз в тот момент, когда я пытался их лучше представить. Даже говорить об этом мне было трудно.

— Ландшафт, — повторил Говард.

Он искренне пытался выглядеть бесстрастным и спокойным, словно ученый, который расспрашивает об интересном феномене, к которому сам лично относится вполне нейтрально, но это ему не очень хорошо удавалось. Я почувствовал, что он внутренне просто дрожит от волнения. Даже сигара в уголке его рта слегка подрагивала.

— А что за ландшафт? — попытался уточнить Говард.

— Не знаю, — честно ответил я. — Я, собственно, не уверен, что это действительно можно назвать ландшафтом. Но, так или иначе, то, что я видел, не было частью нашего мира.

— И нашего времени, — мрачно пробормотал Говард.

Я впился в него взглядом:

— Ты имеешь в виду?..

— Я ничего не имею в виду, — грубо перебил меня Говард. — Но у меня есть кое-какие подозрения. И дай бог, чтобы я ошибался.

— Какие подозрения?

— Я не могу об этом говорить, — ответил Говард грубо. — По крайней мере, сейчас.

Однако на этот раз я уже не выдержал. В гневе вскочив, я сбросил одеяло со своих плеч и подошел к Говарду.

— Черт возьми, Говард, с меня довольно! — сказал я сердито. — Мне, в конце концов, надоело в ответ на все свои вопросы видеть лишь пожимание плечами или же слышать нечто невразумительное.

— Я пока что не могу об этом говорить, — сказал Говард. — К тому же я, возможно, ошибаюсь.

— А если нет? — гневно спросил я. — Черт побери, за кого ты меня принимаешь? За глупого мальчика, с которым ты можешь поступать так, как тебе вздумается? То ты требуешь, чтобы я находился на этой посудине и терпеливо ждал, пока меня не прикончит холод или морская болезнь, затем ты вдруг гонишь меня через весь город, жители которого с большим удовольствием расправились бы с любым из нас. Я чуть с ума не сошел, когда мне пришлось сцепиться с существом, вселившимся в ту девушку, а по пути обратно я чуть не околел от холода. И после всего этого ты требуешь, чтобы я оставался терпеливым.

— Да не нервничай ты так, малыш, — спокойно сказал Рольф.

Еще больше разгневавшись, я повернулся к нему, но его единственной реакцией была добродушная улыбка. А еще он сунул мне в руку стакан с горячим грогом.

— ГП не делает ничего такого, что могло бы причинить тебе вред, — сказал он. — Ты несправедлив по отношению к нему.

Я уже хотел сказать ему «пару ласковых слов», но что-то удержало меня. Быть может, понимание того, что Рольф, в общем-то, прав. Конечно же, Говард не делал ничего такого, что так или иначе могло бы повредить мне. Он ведь уже не раз доказывал, что он мне друг.

Рольф показал мне жестом, чтобы я выпил грога, дал стакан с грогом и Говарду, да и сам тут же сделал большой глоток из своего стакана. Затем он серьезно посмотрел на Говарда.

— Да расскажите вы ему, — сказал он тихо. — У него есть на это право.

— Что он должен мне рассказать? — спросил я недоверчиво.

Говард вздохнул, поставил свой стакан на стол, так и не сделав ни глотка, вынул сигару изо рта и опустил взгляд.

— Быть может, ты и прав, Рольф, — пробормотал он. — Рано или поздно это все равно должно произойти.

Он кивнул и, подняв глаза, печально посмотрел на меня.

— Это все еще не закончилось, Роберт, — сказал он тихо. — Помнишь, ты сказал сегодня утром, что мы потерпели самое настоящее поражение, как бы я это ни называл?

Я кивнул, а Говард продолжал:

— В этом ты неправ, Роберт. Это было бы поражением, если бы борьба завершилась. Но этого не произошло. Как раз наоборот. Борьба еще в самом разгаре. И, боюсь, дела у нашего противника идут лучше, чем я предполагал до сего момента.

— У нашего противника?

— У Йог-Сотхотха, — ответил Говард. — Он все еще здесь — где-то в море. Может быть, даже совсем недалеко от этого места. Да и твой отец неподалеку от нас.

— Мой... отец? — переспросил я недоверчиво. — Какое отношение к этому имеет мой отец?

Говард засмеялся — очень тихо и очень горько.

— Самое прямое, Роберт, — сказал он. — Зачем, по-твоему, Йог-Сотхотху понадобилось захватывать сундук с книгами Родерика, да и его самого подчинять своей воле? Твой отец, парень, был колдуном, одним из немногих когда-либо существовавших настоящих магов. И он знает о магии и скрытых силах природы, пожалуй, больше, чем кто-либо другой. Колдунам из Иерусалимского Лота удалось на один совсем коротенький миг перебросить мост через пропасть времени и переправить в наш мир Йог-Сотхотха и нескольких существ более низкого уровня, но твоему отцу вполне было по силам захлопнуть ворота во времени.

Я оцепенел. Медленно, очень медленно до меня доходил смысл слов Говарда. Но мне просто не хотелось верить в то, что он мне говорил.

— У Йог-Сотхотха не хватит могущества перемахнуть через два миллиарда лет и воскресить свой народ, — продолжал Говард. — Он уже пытался это сделать, но у него не получилось. То, что произошло в доме Болдуина, наглядно показало, что могущества Йог-Сотхотха недостаточно. А вот твоему отцу это по силам, Роберт. В этом причина того, что Йог-Сотхотх воскресил его из мертвых и заставил работать на себя. Он ненавидит нас — не

только нас, но и все живое в этом мире. Наш мир когда-то принадлежал ему и подобным существам, и он не остановится ни перед чем, чтобы снова вернуть себе этот мир.

— Но мой отец никогда бы...

— Он уже не хозяин своей воли, Роберт, — резко перебил меня Говард. — Не стоит заблуждаться по этому поводу. Три дня назад, на побережье, нам просто повезло. Вероятно, в нем еще осталось что-то человеческое, и он пощадил нас — своего сына и своего друга. Но, чем дольше он пребывает под влиянием Йог-Сотхотха, тем все меньше и меньше в нем остается человеческого. Он теперь — всего лишь орудие, с помощью которого ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ГИГАНТ усиливает собственное могущество. Вот в чем причина той что мы сейчас живем на этом судне, а не в гостинице, Роберт. Йог-Сотхотх непременно нападет на нас, поскольку он знает, что мы — единственные люди, знающие о надвигающейся опасности и способные расстроить его планы, и я боюсь, что при этом может пострадать еще больше невинных людей, чем раньше.

— А та девушка? — спросил я. — И этот... призрак?

Говард пожал плечами.

— Не знаю, — признался он. — Мне кажется, ты чувствовал в ней какую-то часть Йог-Сотхотха. Не знаю, начал ли уже Андара выполнять какие-то конкретные задания, хотя то, что произошло за последние дни в городе, свидетельствует о том, что, по-видимому, все-таки начал.

— Но какое отношение имеют к ДОИСТОРИЧЕСКОМУ ГИГАНТУ звуки несуществующих колоколов и призраки мертвецов? — озадаченно спросил я.

— Господи, Роберт, да не знаю я этого, — вздохнул Говард. — Если бы знал, то смог бы что-нибудь предпринять. Боюсь, однако, что мы узнаем это скорее, чем хотелось бы.

На следующее утро Говард разбудил меня ни свет ни заря. Непогода за ночь утомилась, но все еще шел дождь, и стук дождевых капель по деревянной палубе над нами напоминал отдаленную ружейную пальбу. Судно покачивалось на волнах, и хотя Рольф прошлым вечером еще разок выбрался на причал и закрепил еще два швартовочных каната, борт судна по-прежнему бился и терся о полированные камни причальной стенки.

Ночью я долго не мог заснуть. Слова Говарда еще больше взбудоражили меня, и даже не столько то, что он сказал, сколько то, чего он не сказал. В конце концов — глубоко за полночь — мне все-таки удалось заснуть, но это был беспокойный, полный кошмаров и ужасных видений сон, не очень-то восстановивший мои силы. Говарду пришлось хорошенько потрясти меня за плечо, прежде чем я наконец-то очнулся ото сна и неохотно открыл глаза.

— Вставай, Роберт, — сказал Говард нетерпеливо. — Нам пора. Пришел Син.

Я зевнул, отстранил от себя его руку и заморгал, пытаясь разогнать пелену перед глазами. Каюта была наполнена сероватым светом. Я дрожал всем телом от холода, несмотря на то, что был укутан в три одеяла.

— Что случилось-то? — спросил я, спросонья не понимая, чего от меня хотят.

Рядом с Говардом появилась еще одна — широкоплечая — фигура. Некто присел на корточки и бесцеремонно потянул меня за руку. В первый миг я подумал, что это был Рольф, но затем мой взор прояснился, и я увидел Сина. Он, как и вчера вечером, был одет в черную рабочую куртку, однако теперь на его голове красовалась мохнатая шапка, а на руках — грубые шерстяные рукавицы. Его лицо покраснелось от холода, а под глазами виднелись

темные круги. У него был такой вид, будто он прошедшей ночью вовсе не сомкнул глаз. Наверное, так оно действительно и было.

— Черт возьми, что все-таки случилось? Что, мир перевернулся? — я приподнялся, ударившись при этом о выступ кровати, и наконец сбросил ноги на пол.

Син злорадно ухмыльнулся.

— Полагаю, у меня есть для вас кое-что, — сказал он. — И это вас наверняка заинтересует.

— В данный момент меня вообще ничего не интересует, — пробурчал я. — А который сейчас вообще-то час?

— Почти восемь, — сказал Говард. В его голосе чувствовался легкий упрек. — Син, похоже, обнаружил кое-что такое, что может нам помочь.

Я моргнул, с трудом подавил зевету и попытался встать, но судно под моими ногами раскачивалось так сильно, что мне пришлось схватиться за кровать, чтобы не упасть.

— Ах, вот как? — спросил я. — И что же это?

— Я вчера вечером побывал у этого шарлатана, — сообщил Син. — Чтобы выполнить поручение Филлипса.

— Ну и что, он ходил к девушке? — сонно спросил я.

Как всегда, когда я не выспался, я чувствовал себя усталым и разбитым, как будто вообще не спал.

— Да, ходил, — в тоне Говарда чувствовалось нетерпение. — Но это не самое главное. Врач был не один.

Я, шатаясь, подошел к столу, безуспешно попытался найти там хоть какие-нибудь признаки завтрака и, так ничего и не найдя, взял стакан со вчерашним — совсем холодным — грогом. Грог был ужасным на вкус, но благодаря ему мне все же удалось, по крайней мере на некоторое время, избавиться от чувства оледенения своих внутренностей.

— С ним был один из городских парней, — сказал Син. — Он нес какую-то чушь. Рассказывал что-то о своем друге и книге со странными значками.

Слова Сина вывели меня из полусонного состояния, в котором я находился.

— Книге? — переспросил я, тут же окончательно проснувшись. — Какой книге?

Я почувствовал на себе взгляд Говарда. Его мысли, по всей видимости, двигались в том же направлении, что и мои. Книга...

— Этого он не сказал, — ответил Син. — Он нес полный бред. Доктор не поверил ни одному его слову, дал ему успокоительное и отослал прочь. Быть может, доктор подумал, что он пьян.

— А он и вправду был пьян? — спросил я.

Син отрицательно покачал головой.

— Я пошел вслед за ним, — сказал он. — Бедному парню было явно не по себе. И я уверен, что он не выпил и капли.

— Ну и? — спросил Говард, когда Син вдруг замолчал.

Син пожал плечами.

— Да так, ничего, — ответил он. — Я подумал, что после всего, что здесь произошло за последние дни, эта история может вас заинтересовать.

— А вы знаете, где он живет? — спросил Говард. Ему с трудом удавалось заставлять свой голос не дрожать.

Син покачал головой и махнул рукой в сторону лестницы.

— Нет, — сказал он. — Но это не важно. Я с ним поговорил. Его зовут Гордон, и он сейчас здесь.

— Здесь? — я машинально посмотрел на лестницу.

— Да, тут неподалеку, — сказал Син. — Он ждет вас у рыбного склада.

— А почему вы не привели его с собой? — спросил Говард.

Син раздраженно махнул рукой.

— Черт возьми, мне и так еле удалось уговорить его пообщаться с вами, — сказал он. — Вам что, до сих пор не понятно, что происходит в этом городе? Люди перепуганы, и во всем, что происходит, они обвиняют вас.

— Но ведь это же чушь, — возразил я.

— Конечно, чушь, — сердито сказал Син. — Но такие уж тут люди. В их мыслях не всегда есть логика, парень, — он встал. — Я пойду к Гордону. А вы поторопитесь. Не знаю, сколько он еще будет ждать.

Син попрощался с нами кивком головы, повернулся и взбежал по лестнице. Через пару секунд его шаги прогремели по палубе над нами.

Говард, нахмурившись, посмотрел ему вслед.

— Ну и что ты о нем думаешь, Роберт? — спросил он тихо.

Я пожал плечами, подошел к кровати и начал искать теплую одежду в ящике, где хранились наши пожитки. Если здесь, в каюте, так холодно, то на улице, наверное, просто лютая стужа.

— А ничего, — ответил я с явным опозданием. — Думаю, что навряд ли у него есть враждебные намерения по отношению к нам, хотя он, конечно, совсем не тот, за кого себя выдает.

— Он не задал ни единого вопроса, — пробормотал Говард.

Я, взглянув на Говарда, взял в руки тонкую рубашку, но сразу же отбросил ее, решив, что лучше взять теплый пуловер.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Вчера вечером, когда мы шли обратно, — пояснил Говард. — Там, у миссис Уинден, я подумал, что он помалкивает из осторожности и потому, что не хочет впутывать их во все это. Но он и на обратном пути ни о чем нас не спросил.

— Но вы же о чем-то разговаривали.

Говард небрежно махнул рукой.

— О чем угодно, только не об этой девушке, Роберт. Его, казалось, это вообще не интересовало...

Немного подумав, Говард добавил уже другим тоном:

— Или же он просто в курсе всего.

— А ты не заметил, как он борется? — спросил я.

Говард удивленно заморгал:

— Что?

— Когда он боролся с Сэлли, — продолжал я, — я наблюдал за ним, Говард. Если я когда-либо и видел в своей жизни человека, который умеет профессионально бороться, так это Син.

Говард немного помолчал, затем, вздохнув, потянулся за своим пальто.

— Давай быстрее, Роберт, — сказал он. — Мы так или иначе выясним, кто же он такой на самом деле. А пока что он на нашей стороне.

— Надеюсь, что да, — пробормотал я.

Говард предпочел ничего больше не говорить, и лишь молча, с растущим нетерпением наблюдал, как я одеваюсь.

Затем мы молча покинули судно. Рольф уже ждал нас на причале, закутанный, так же как я и Говард, в толстое, отороченное мехом пальто, в котором он казался еще массивнее, чем был на самом деле.

— А Син? — спросил Говард.

Рольф указал пальцем на ряд низеньких складских зданий, видневшихся сквозь дождевую завесу в каких-нибудь ста шагах отсюда.

— Он нырнул куда-то туда, — сказал он. — По центру.

Мы отправились на поиски Сина. Дождь был ледяным, и, несмотря на свою теплую зимнюю одежду, я уже через несколько шагов весь дрожал от холода. Мы шли рядом, стараясь держаться друг к другу поближе, и стремясь как можно быстрее преодолеть расстояние до складов. Они находились, как мне показалось, слишком далеко от воды, хотя и на территории порта. На улице перед ними было полно грязи, мусора и всяких нечистот, из чего следовало, что эти склады использовались довольно редко.

Когда мы шли к складам, я посмотрел в сторону города. Моему взору открылась странная картина: Дернесс выглядел мрачным и безжизненным, словно там все вымерли. Он не был похож на город, в котором живут люди, и походил скорее на театральные декорации, поливаемые дождем и обдуваемые ветром. Конечно, любой город выглядел бы не очень уютно при такой непогоде. В сером утреннем свете контуры домов казались расплывчатыми и бесцветными, словно какие-то тени. Но, тем не менее, в это дождливое зимнее утро ощущалась не просто обычная тоска. Казалось, что город пригнулся под нависшим над ним небом, и мной овладело чувство всепоглощающего страха. В моей душе происходило то же, что и вчера, когда я подходил к Сэлли: я ощущал присутствие чего-то чуждого и злобного, хотя и не так явственно, как вчера. Я поспешно отогнал навязчивые мысли.

Когда до складов оставалось еще шагов тридцать, дверь одного из них — находящегося в самом центре — отворилась, из нее появился Син и помахал нам рукой. Мы пошли еще быстрее, а последние несколько метров преодолели почти бегом, подгоняемые холодом и дождем.

Внутри склада было так темно, что в первое мгновение я не увидел ничего, кроме теней и неясных очертаний. В воздухе воняло гниющей рыбой и нечистотами, и было, пожалуй, еще холодней, чем снаружи, но здесь, по крайней мере, нас уже не поливал дождь.

Син указал на парня лет двадцати, стоящего в глубине склада и молча разглядывающего Говарда, Рольфа и меня.

— Это он, — сказал Син.

Говард кивнул, снял шляпу и сделал шаг в сторону незнакомца.

— Мистер...

— Блэк, — ответил парень. — Гордон Блэк. Зовите меня просто Гордон. А вы Филлипс?

Говард кивнул, обменялся быстрым взглядом с Рольфом и сделал еще один шаг вперед. Рольф, без слов понявший Говарда, вернулся к входной двери и сквозь щель между полусгнившими досками стал наблюдать за тем, что происходит снаружи, а мы с Сином последовали за Говардом.

По мере того как мы приближались к этому странноватому мистеру Блэку, я рассмотрел

его получше. Он был очень высоким, почти таким же высоким, как Син, но там, где у Сина бугрились натренированные мускулы, у Блэка свисал жир. Его лицо было дряблым и распухшим, а кожа — нездорового цвета. Он, мигая, посмотрел сначала на Сина, потом на Говарда и меня. В его глазах отчетливо читался страх.

— Расскажи ему, Гордон, — сказал Син. — Филлипс — свой человек.

Блэк еще немного поколебался. Он нервно коснулся своих губ кончиками пальцев, а на шее у него задрожала жилка.

— Речь идет о некоем вашем друге? — спросил Говард дружелюбным тоном, так и не дождавшись от Блэка ни единого слова. — Син мне уже кое-что рассказал. Так что же случилось?

Блэк нервно сглотнул.

— Его зовут... Трмейн, — сказал он, запинаясь, и посмотрел на Сина почти что умоляющим взглядом. Но тот лишь кивнул и изобразил на своих губах ободряющую улыбку.

— Мы нашли ту книгу, и с тех самых пор Трмейн сильно изменился, — сказал Гордон. Теперь, когда он преодолел сдерживавший его психологический барьер, слова полились из него потоком, при этом он говорил так быстро, что я еле успевал за ним следить. — Я толком не знаю, что с ним произошло, но он стал совсем другим. Я боюсь за него, и все из-за этой книги. Дело в том, что он не делает ничего другого, кроме как читает ее, и...

Говард прервал его речь быстрым движением руки.

— Давайте по порядку, мистер Блэк, — сказал он. — Этот самый мистер Трмейн — один из ваших друзей?

— Да не мистер Трмейн, — тихо сказал Син. — Трмейн — это его имя, — он улыбнулся, быстрыми шагами подошел к Блэку и положил руку на его предплечье. — Почему бы тебе не рассказать обо всем, что произошло, по порядку, с самого начала?

Гордон нервно кивнул, посмотрел на пол и вдруг сильно вздрогнул.

— Это было два... нет, три дня назад, — начал он. — Мы выпили и хотели немного прогуляться, чтобы освежить голову. И тут мы нашли тот след.

— След? — вмешался бдительный Говард. — Какой след? И где?

— Не очень далеко отсюда, — сказал Гордон. — Как раз за поворотом на Беттихилл. Трмейн не соглашался идти по этому следу, но мне хотелось узнать, куда он ведет, и я убедил Трмейна пойти со мной.

Он снова начал говорить очень быстро, как человек, которому необходимо выговориться, и на этот раз Говард его не перебивал, а слушал молча и внимательно. По мере того, как он слушал, его лицо становилось все мрачнее, но он молчал и лишь время от времени бросал на меня озабоченные взгляды, особенно тогда, когда Гордон рассказывал о чердаке и книге, которую они нашли рядом с мертвецом. Лишь когда Гордон закончил, Говард прервал свое молчание.

— А где ваш друг сейчас? — спросил он.

— Дома, — ответил Гордон. — Дело в том, что мы... снимаем одну комнату на двоих, чтобы сэкономить деньги. Но я... я последние два дня туда почти не захожу.

— А книга все еще у него?

Гордон решительно кивнул.

— Он и с места не двигается с тех самых пор, как мы нашли эту проклятую штуковину, — сказал он. — Он... он утверждает, что может ее *читать*. Но в книге все написано как-то не так.

— Написано как-то не так? — Говард нахмурил лоб. — Что вы имеете в виду, Гордон? Блэк некоторое время помолчал.

— То, что... — наконец сказал он. — Дело в том, что там не настоящие буквы, а... а какие-то значки.

— Какие-то значки... — Говард на некоторое время задумался. Затем он вдруг опустился на корточки и кончиком своей трости нарисовал на полу в пыли несколько вроде бы бессмысленных линий. — Примерно такие?

Гордон наклонился, секунды две смотрел сощуренными глазами на линии в пыли и затем кивнул.

— Да, примерно такие, — сказал он. — Вы знаете, что... что они означают?

Говард сильно побледнел.

— Боюсь, что да, — пробормотал он.

— А вы можете помочь Тремейну? — спросил Гордон.

— Вот этого я не знаю, — сказал Говард. — Однако боюсь, что ваш друг в большой опасности, Гордон. Отведите нас к нему.

Гордон сильно задрожал.

— Я... обещал, что никому ничего не расскажу, — пробормотал он. — Он...

— Ваш друг в большой опасности, Гордон, — сказал Говард еще раз. — Можете мне поверить. Если мы не пойдем к нему, он, возможно, погибнет.

— Я знаю, где он живет, — тихо сказал Син. — Я могу вас отвести, — он повернулся к Гордону. — Пожалуй, будет лучше, если ты не пойдешь с нами.

— Я... я отведу вас туда, — пробормотал Гордон. — Но вы все-таки сможете помочь Тремейну, да? Так, как вы... как вы помогли Сэлли.

Говард шумно втянул в себя воздух, резко повернулся к Сину и посмотрел на него. Однако темноволосый гигант лишь пожал плечами.

— Я не сказал ему и слова по поводу того, что произошло с Сэлли, — равнодушно заявил он. — Но вы же не рассчитывали на то, что никто так и не узнает об этом?

— Нет, — мрачно ответил Говард. — Я всего лишь надеялся, что у нас будет больше времени. Но теперь это уже не имеет никакого значения, — он надел шляпу и показал рукой на дверь. — Отведите нас к своему другу, Гордон.

Гордон еще некоторое время постоял в нерешительности, затем, вздохнув, кивнул и пошел к выходу. Син последовал за ним, да и Говард хотел было выйти из склада, но я удержал его.

— Что все это означает? — спросил я резко, но очень тихо — так, чтобы мои слова не услышали Син и Гордон. — Это что, книга из того сундука?

Говард отстранил мою руку.

— Я не знаю, — пробормотал он. — Но боюсь, что это именно так.

Я показал на значки, начертанные Говардом на пыльной поверхности пола.

— Оказывается, ты знаешь, на каком языке написана эта книга, но ты не знаешь, что это за книга, — сказал я насмешливо. — Черт возьми, Говард, когда же ты скажешь мне правду?

— Я это уже сделал, не далее как вчера вечером, — ответил он, но я лишь раздраженно махнул рукой.

— Да, ты рассказал мне кое-что, — выпалил я. — Именно столько, сколько было в тот момент необходимо, так ведь? Так что это за символы? И что это за книга?

Говард повернулся и движением ноги стер написанные на полу значки.

— Она на арабском языке, — сказал он. — Конечно, если у Тремейна именно та книга, о которой я думаю.

— Это одна из книг моего отца?

Говард кивнул.

— Самая ужасная из них, парень. *Некрономикон*.

— Ага, — сказал я. — И *что же* это за Некрономикон?

— Этого я тебе не могу сказать, — ответил Говард, и я почувствовал, что на этот раз его слова прозвучали весьма категорично. Он действительно *не мог* этого сделать. — Но если это именно то, о чем я подозреваю, то не только Тремейн в опасности. И не только этот город, Роберт.

Мы пошли в город не сразу, а сначала вернулись к нашему судну. Говард показал нам жестом, что мы должны подождать на причале, а сам прыгнул на покачивающуюся палубу и быстро исчез в трюме. Пока мы, дрожа от холода и сбившись в кучу, как стадо перепуганных овец, ждали возвращения Говарда, дождь постепенно усилился, а вдалеке над морем все сильнее сгущались тучи.

Говард пробыл в трюме довольно долго. Когда он снова появился, мы увидели у него в руках полотняную сумку. Несмотря на немилосердный холод, он был без пальто. Говард молча спрыгнул на причал, подошел к нам и открыл свою сумку.

Син ахнул от удивления, увидев, что там лежит.

Это было оружие: четыре тяжелых револьвера с украшенными перламутром рукоятками и с длинными стволами. Они имели такой калибр, что вызвали бы уважение даже у слона. Говард молча протянул по револьверу каждому из нас, кроме Гордона, да и сам запихнул револьвер за пояс, под куртку. Затем он небрежно бросил пустую сумку в воду.

— Что это все означает? — спросил Син недоверчивым тоном, крутя оружие в руках и рассматривая его, словно не знал, для чего эта железяка вообще нужна. В его огромных лапах револьвер походил на игрушку.

— Так, всего лишь мера предосторожности, — сказал Говард. — В принципе, у нас нет серьезных оснований для беспокойства. Спрячьте оружие подальше и постарайтесь сделать так, чтобы его никто не заметил.

— Мера предосторожности? — Син зло рассмеялся. — Если у нас нет оснований для беспокойства, подобная мера предосторожности кажется излишней, не так ли?

— Спрячьте оружие, — сказал Говард, не отвечая на вопрос Сина. — Прошу вас.

— Что все это значит? — спросил Гордон, до сего момента молча наблюдавший за Говардом со все возрастающим удивлением. Он вдруг быстро шагнул вперед и протянул руку, как будто хотел схватить Говарда за шиворот, но все же не сделал этого. — Для чего эти пистолеты? Вы говорили, что поможете Тремейну, а теперь...

Я так и не расслышал, что он сказал дальше. Его слова потонули в одиночном раскате грома, донесшемся со стороны моря. Говард от неожиданности вздрогнул, повернулся и — оцепенел.

Море начало меняться буквально на наших глазах. Серая пенящаяся поверхность воды стала крошечно-черной, причем над ней начали сгущаться какие-то тени, а на севере одна за другой замелькали молнии, сопровождаемые такими раскатами грома, что они поглотили все прочие звуки. Ветер буквально за секунду превратился в настоящий ураган, а дождь стал похож на падающие с неба бесчисленные иголки, больно вонзавшиеся в мое лицо.

— О господи! — воскликнул Син. — Что это?

Словно в ответ на его вопрос небо разрежала очередная ослепительная бело-голубая молния.

А затем началось настоящее светопреставление.

С чудовищным грохотом, сопровождаемым громовыми раскатами, земля под нашими ногами задрожала. Молнии засверкали так часто, что горизонт, казалось, превратился в невыносимую для глаз ослепительную бело-голубую вакханалию света, словно весь мир был охвачен пожаром. Говард что-то прокричал, но из-за раскатов грома казалось, что он лишь беззвучно шевелил губами. Дождь лил как из ведра, будто все тучи разом прохудились и вся содержащаяся в них влага единым потоком хлынула на землю.

А затем с моря к берегу поползли тени.

В первый момент мне показалось, что с моря надвигается туман, но затем я увидел, что это не так. Это были тени. *Человеческие тени.*

Осторожно, но быстро двигаясь, они беззвучно выныривали из воды, хватались своими призрачными руками за край причала и заползали на него. Сначала появилась одна тень, затем две, три — в общей сложности их было, наверное, не меньше десяти. Син вскрикнул, выхватил пистолет из кармана и выстрелил пять раз подряд. Звук выстрелов потонул в раскатах грома, были видны лишь огоньки пламени у ствола, похожие на маленькие оранжевые молнии.

А еще я видел, как пули ударялись, выбивая искры, в камни причала позади этих жутких созданий и не причиняли им ни малейшего вреда.

— Бежим отсюда! — рявкнул Говард. — Как можно быстрее!

Его слова наконец-таки вывели меня из оцепенения. Я повернулся, грубо пихнул Гордона, стоявшего с открытым ртом и глазевшего на это невероятное зрелище широко открытыми от удивления глазами, и рванул прочь от моря.

Но, пробежав всего несколько шагов, я увидел, что по узкой улице нам навстречу невероятно быстро двигался туман, а за ним мельтешили какие-то тени...

— Назад! — пронзительно крикнул Говард. — Роберт! Гордон! Осторожно!

Но его предупреждение слегка запоздало. Туман, надвигаясь с невероятной скоростью, уже окутал меня и Гордона. Затем он отделил меня от Гордона, создав между нами своеобразный бурлящий барьер — серый, колышущийся и холодный. Гордон закричал, вскинул руки вверх и тут же, издав гортанный звук, рухнул на землю.

— Роберт, назад! — крикнул Говард. — Не подходи к нему!

Я проигнорировал слова Говарда, повернулся и тремя мощными прыжками оказался рядом с Гордоном. Туман стал еще гуще и начал образовывать на моей коже неприятную леденящую пленку, в результате чего ощущение холода стало просто невыносимым. Голос Гордона доносился до меня словно откуда-то издалека, и он, казалось, кричал не от страха, а от сильной боли. Я зашатался, чуть было не потеряв равновесие, и замер на месте. Туман вокруг меня стал похож на серую вату. Я почувствовал, что моя кожа начала гореть, как будто в капельках влаги, конденсировавшихся на моем теле из тумана, содержалась кислота.

— Роберт, назад! Ты не сможешь ему помочь!

Голос Говарда звучал неестественно: он словно доносился с расстояния в несколько миль. И хотя на самом деле Гордон кричал где-то рядом, я уже не видел ничего, кроме колышущейся серой массы тумана и мелькающих в ней теней. Они были похожи то ли на людей, то ли на каких-то жутких существ. Они в виде расплывчатых темных контуров словно

вынырнули ниоткуда и собирались в кучу, чтобы совершить то, о чем я мог только догадываться.

Гордон!

Не обращая внимания на увещевания Говарда, я бросился вперед, рубя туман ладонями и отчаянно призывая Гордона. Тени расступились, и на секунду мне показалось, что я вижу чье-то искаженное чудовищной гримасой лицо. Это была физиономия мертвеца, необычайно безобразная, с какой-то щелью вместо рта и с пустыми глазницами. Я вскрикнул от ужаса, поднял кулаки инстинктивно ударил по этому лицу, но моя рука прошла сквозь него, как будто оно было всего лишь галлюцинацией.

Обезумев от страха, я все же продолжал двигаться вперед. Туман становился все гуще. Он был похож на густой едкий дым, обжигал мою кожу и разъедал глаза, от чего я уже почти ничего не видел. Но я должен был найти Гордона. Он был где-то впереди меня, совсем недалеко, за этим едким туманом. Его крики все меньше походили на человеческие. Он умирал.

Моя нога на что-то наткнулась. Я споткнулся, потерял равновесие и, бешено размахивая руками, упал на землю. Секунду я лежал неподвижно, затем поднялся и стал вслепую водить руками по земле.

Мои руки наткнулись на что-то мягкое и податливое. Затем я нащупал глаза, нос, губы. Это было лицо Гордона!

Я отчаянно рванулся вперед, вслепую нашел плечи Гордона и попытался поднять его на ноги, но он был слишком тяжелым. Мои руки вдруг стали влажными и липкими, но я старался не обращать на это внимания. Гордон все еще вскрикивал. Его туловище под моими руками судорожно извивалось, и он даже не пытался мне помочь. Хотя он находился рядом со мной, я его практически не мог видеть. Передо мной был лишь длинный темный контур, скрытый туманом.

Чья-то рука схватила меня за плечо и потащила назад, причем так резко, что я поневоле выпустил Гордона. Рольф! Он что-то крикнул, но я ничего не понял. Рольф поднял меня на ноги и потащил прочь от Гордона. Я стал было сопротивляться, но не стоило даже и пытаться меряться силой с Рольфом. Не обращая никакого внимания на мои протесты и отчаянные попытки вырваться из его рук, он тащил меня за собой. Лишь когда перед нами из тумана появились лица Говарда и Сина, Рольф отпустил мою руку.

— Черт возьми, Рольф, нам нужно вернуться! — сказал я, тяжело дыша. — Там же Гордон!

— Ты ему уже не поможешь, парень, — Говард тронул меня за плечо и показал рукой на колышущееся серое облако, перегородившее улицу позади нас.

Я испугался. Лишь теперь, выбравшись из тумана, я увидел, *насколько* густой была эта колышущаяся серая масса. Это был скорее не туман, а густая сиропообразная жидкость, бурлящая от распирающего ее изнутри давления. Теней в тумане уже не было видно, как, впрочем, и Гордона. Он перестал кричать, хотя мне показалось, что от его криков у меня все еще звенело в ушах.

— Ты не сможешь ему помочь, Роберт, — сказал Говард еще раз. — Никто не сможет. Он покачал головой, посмотрел на меня очень серьезно и глазами указал на мои руки.

Они были красными. Липкая теплая жидкость, которую я чувствовал в тумане на своих руках, на самом деле была кровью. На мгновение перед моими глазами снова возникла жуткая картина, которую я видел там, в тумане: тени сбегались со всех сторон и беззвучно

склонялись над телом человека, отчаянно борющегося за свою жизнь; он издавал все более пронзительные крики, которые, казалось, не стихнут никогда...

Я тихо застонал и закрыл на некоторое время глаза, отчаянно пытаюсь подавить подступившую к горлу тошноту.

Когда я снова открыл глаза, тумана уже не было. Он исчез так же внезапно, как и появился, а вместе с ним исчезли и жуткие существа-тени — так в сказках с первыми лучами солнца исчезают ночные привидения.

Вместе с ними исчез и Гордон. Совершенно бесследно, словно он тоже был тенью.

— Вон там, — Син резким жестом указал на серый трехэтажный дом почти в самом конце улицы.

Мы шли сюда сравнительно недолго. От гавани до этого дома было кварталов десять-пятнадцать, не больше. Этот район — с небольшими, явно небогатыми домами, с маленькими лавочками, окна которых чаще всего были закрыты ставнями, с малюсенькими квартирками — располагался между центральной частью города и портом. Он был заселен работниками порта и местных фабрик. Приезжие появлялись в этих местах, по всей видимости, весьма редко. Хотя, надо сказать, здесь все же было получше, чем в том районе, куда мы наведывались вчера. Тем не менее, и сюда мне не хотелось бы попасть одному в темное время суток.

Здесь было так же тихо и безлюдно, как и в том районе. Кое-где из-за закрытых ставен жилищ пробивался свет, но нигде не было видно ни души. Туман вслед за нами добрался и сюда, и висел теперь серыми хлопьями между домами. На этот раз туман был самым обычным. Тем не менее, меня не покидали тревожные предчувствия. «Почему подобные злоключения всегда случаются в первую очередь с бедняками?» — подумал я.

— Потому что для этого есть причина, Роберт, — ответил Говард.

Я вздрогнул и растерянно посмотрел на него. И только теперь до меня дошло, что я задал вопрос вслух.

— Причина?

Говард кивнул:

— Им редко улыбается счастье, Роберт. А зло всегда ищет жертву там, где уже побывало несчастье.

Его слова показались мне уж очень театральными, но не успел я задать следующий вопрос, как Говард решительным жестом заставил меня замолчать, а сам повернулся к Сину:

— В этом доме?

— Да. Я не знаю точно, но, по-моему, они живут на самом верху, в пристроенной мансарде. Сейчас разберемся.

Он хотел было идти дальше, но Говард удержал его, сжав ему руку.

— Будет лучше, если вы туда не пойдете, Син, — сказал он серьезно. — Подождите нас здесь. Мы и сами найдем их комнату.

— А я не боюсь, — заупрямился Син, но Говард тут же перебил его:

— Охотно верю, Син. Но, тем не менее, я против того, чтобы вы шли с нами. Вы ведь сами видели, что случилось с Гордоном.

— Вы, надеюсь, не думаете, что в этом был замешан Тремейн? Они ведь с Гордоном дружили целых пятнадцать лет.

Говард кивнул в сторону дома.

— Если с той книгой, о которой говорил Гордон, действительно связано то, о чем я думаю, тогда, боюсь, Син, этот человек уже больше не Тремейн, — сказал он так же серьезно. — Оставайтесь здесь, Син. В конце концов, кто-то же должен прикрывать нам тыл, — он демонстративно огляделся по сторонам. — Не нравится мне эта тишина. Если вы действительно хотите помочь нам, то оставайтесь здесь и будьте начеку. Заметите что-нибудь подозрительное — дайте нам знать.

Син больше не возражал. Говард резко повернулся и быстрыми шагами устремился к дому. Мы с Рольфом последовали за ним.

Внутри здание было похоже на тот дом, который мы посещали вчера вечером, однако этот был побольше и не такой запущенный. В узком и душном коридоре виднелось множество дверей, из-за которых доносились голоса и другие звуки. Говард, не обращая на все это ни малейшего внимания, устремился по деревянной лестнице на верхний этаж.

Когда мы добрались до последней лестничной площадки, одна из дверей отворилась и в узком проеме появилось заспанное мужское лицо.

— Что вам здесь нужно? — вопрос прозвучал явно недружелюбно.

— Мы ищем одного человека, — ответил Говард.

— Кого именно?

— Одного... нашего друга, — нерешительно сказал Говард. — Нам сказали, что он живет в этом доме. Его зовут Тремейн.

— Тремейн? — выражение недоверия на лице мужчины усилилось. — Да, он живет здесь, на самом верху, в мансардной комнате. А что вам от него нужно?

— Это мы скажем ему самому, — пробурчал Рольф.

Мужчина хотел что-то возразить, но, внимательнее взглядевшись в могучую фигуру Рольфа, передумал и поспешно ретировался в свою комнату. Говард кивком головы указал наверх:

— Пошли дальше.

Мы прошли по еще одному темному коридору и добрались наконец до чердачной лестницы. Несмотря на отсутствие какого-либо освещения, мы все-таки разглядели, что в низеньком коридоре за лестницей была лишь одна дверь.

Говард сделал предупреждающий жест рукой, приложил указательный палец к губам и вытащил револьвер из кармана пальто. Рольф тоже достал оружие, и только я все еще колебался. Обычно в подобных ситуациях человек чувствует себя гораздо увереннее, если у него в руках оружие, но я, однако, осознавал, что сейчас оно будет бесполезным. Абсолютно бесполезным. Оружие бессильно против тех опасностей, которые, возможно, поджидают нас за этой дверью.

— Оставайся здесь, — прошептал Говард. — И будь начеку!

Он присел на корточки, бесшумно положил шляпу, трость и пальто на пол, поднялся и осторожно приблизился к двери.

Когда он был всего в шаге от нее, она вдруг начала открываться.

Говард в растерянности остановился. Беззвучно, словно усилием невидимой руки, дверь распахнулась, предоставив нам возможность увидеть находившуюся за ней комнату.

Точнее говоря, *то*, во что превратилась эта комната.

Зрелище было необычайным и пугающим.

На полу бурлил туман — зеленый, освещаемый каким-то внутренним сиянием, туман. От него исходил резкий запах. Стены были покрыты толстой коркой льда, а под наклонными

балками крыши развевалась серая липкая завеса, похожая на паутину. В комнате ритмично пульсировало зеленоватое сияние, захватывающее и туман, а те немногие предметы мебели, которые находились здесь, были покрыты толстой коркой молочно-белого льда. Нам в лицо дохнуло невероятным холодом.

Однако я почти не обращал на все это внимания. Мой взор был буквально прикован к стоящему у окна круглому столу — единственному предмету мебели, не покрытому льдом. А еще к мужчине, находившемуся позади этого стола...

— Входите, мистер Лавкрафт, — сказал он. Его голос звучал очень необычно, как будто пытались говорить существо, сделанное из льда или стекла. — Я вас ждал.

Говард колебался. Оружие в его руке задрожало, он опустил было руку, но тут же снова поднял ее.

— Уберите свое оружие, Лавкрафт, — сказал мужчина. — Вы же знаете, что оно бессильно против меня.

Он вышел из-за стола и сделал отрывистый приглашающий жест рукой. Я увидел, что от его кожи отваливаются малюсенькие кусочки льда и беззвучно падают в бурлящий на полу туман. *Неужели он — живой?*

— Кто... кто вы такой? — спросил Говард, запинаясь.

— Кто я такой? — мужчина засмеялся, но его лицо осталось бесстрастным, словно это была маска. От звука его смеха у меня по спине побежали ледяные мурашки. — Тот, кого вы искали, Лавкрафт. Вы вместе с вашим глупым юным другом. Я — Тремейн. Вы ведь искали меня? Или же вы искали вот это?

Он сделал шаг в сторону и театральным жестом указал на стол.

Говард вздрогнул, как от удара, увидев книгу.

Она лежала на столе и была раскрыта — большущий том в твердом черном кожаном переплете. Зеленое сияние, наполнявшее комнату, над ее страницами становилось еще интенсивнее, и, несмотря на расстояние, разделявшее меня и книгу, мне показалось, что написанные на желтом пергаменте затейливые значки движутся.

Говард, ахнув, очнулся от оцепенения, сделал несколько быстрых шагов внутрь комнаты и остановился — путь ему преградил Тремейн.

— Я бы не советовал вам дотрагиваться до нее, — сказал Тремейн тихо. — Это означало бы вашу смерть, Лавкрафт.

Говард бросил на него взгляд, светящийся ненавистью.

— Что... что вы сделали, глупец? — спросил он.

— То, что я *должен* был сделать, — Тремейн тихо засмеялся. — Вы и сами знаете, *что*, Лавкрафт. Если бы вы этого не знали, вы бы сюда не пришли. Но теперь уже слишком поздно, — он повернулся и указал на нас с Рольфом — мы все еще стояли в коридоре. — Подойдите поближе, господа. Не бойтесь: с вами ничего не случится, если только вы будете вести себя благоразумно.

Внутренний голос подсказывал мне, что входить в эту комнату было полным безрассудством и что надо уносить отсюда ноги — как можно быстрее и как можно дальше. Но вместо этого я — почти не по своей воле — сделал шаг вперед и вошел в комнату. Холод окутал меня своим ледяным покрывалом, а по моим ногам, когда я вступил в туман, распространилось судорожное, необычайно неприятное ощущение. Мне показалось, что по моей коже поползли миллионы крошечных паучков.

— Вы — сумасшедший, Тремейн, — прошептал Говард. — Вы не представляете, что вы

натворили.

— Да нет, еще как представляю, — возразил Трмейн. — Я сделал то, что должен был сделать.

— Вы же умрете! — сказал Говард.

Трмейн невозмутимо кивнул.

— Возможно, — сказал он. — Но что стоит одна-единственная жизнь, к тому же жизнь человека? — последнее слово он произнес таким тоном, словно это было ругательство. — Вы пришли сюда слишком поздно, Лавкрафт. Все уже свершилось. Власть истинных хозяев этого мира будет восстановлена, и она окажется еще более мощной и всеобъемлющей, чем когда-то. И вы против этого ничего не сможете сделать.

Я не понимал, что он имеет в виду, но от его слов во мне что-то екнуло — то самое невидимое нечто, которое я уже ощущал в себе вчера вечером, когда «изгонял бесов» из той девушки. И, так же как и вчера, я вдруг почувствовал себя бессильным наблюдателем, бесправным гостем в своем теле, существом, воля которого загнана в самый дальний угол его сознания. Мои ноги словно сами по себе пришли в движение. Я видел, что мои руки поднялись и схватили Трмейна, видел, что его глаза наполнились гневом, услышал его какой-то невообразимый крик. Трмейн словно был схвачен невидимой рукой и с силой отброшен назад.

— Роберт! — ахнул Говард. — Это — смерть!

Я слышал его слова, но не мог ни адекватно отреагировать на них, ни хотя бы ответить Говарду. Я медленно подошел к столу, обогнул его и остановился перед книгой, вытянув к ней руки, словно в заклинающем жесте. Мое тело больше меня не слушалось. Я хотел закричать, но не смог. Мои руки, двигаясь словно сами по себе, приблизились к страницам раскрытой книги, замерли в полусантиметре от нее и — скользнули дальше...

— Нет! — завопил Трмейн. — Не делайте этого, вы, остопоп! Вы все уничтожите!

Моя правая рука коснулась книги.

Мне показалось, что я засунул руку в самый центр пылающего солнца. Но это была не боль. Не было ни ощущения жары, ни ощущения холода, ни вообще какого-либо физического ощущения.

Я почувствовал, что прикоснулся к всеохватывающей ненависти — ненависти ко всему живому и восприимчивому. Я уже сталкивался с таким ощущением. Зашатавшись, я закричал и попытался отдернуть руку от книги, но у меня ничего не получилось.

Мои пальцы словно приросли к черной коже переплета, а в руке запульсировала какая-то чуждая мне сила. Она, словно раскаленная лава, втекла в мое сознание, заставляя меня кричать, кричать, кричать... Словно в каком-то сне я увидел, что Говард и Трмейн одновременно бросились ко мне.

Трмейн подскочил ко мне на долю секунды раньше.

Удар его кулака отбросил Говарда назад, и почти одновременно второй рукой Трмейн схватил мою руку и попытался оторвать ее от книги.

И тут что-то произошло, причем мгновенно, и я толком не понял, что же случилось. Это было похоже на молниеносное проскакивание искры: когда наши руки соприкоснулись, таившаяся внутри меня энергия вдруг выплеснулась одним-единственным мощным разрядом. На долю секунды мне показалось, что я вижу свет — небольшое, но необычайно яркое свечение, вырвавшееся у меня из кончиков пальцев и перескочившее в тело Трмейна. После этого Трмейна еще раз отбросило назад, словно от удара невидимого кулака. Но на

этот раз он не упал, а остался на ногах, в необычайно искривленной неестественной позе, словно поддерживаемый невидимой рукой.

Затем тело Тремейна начало светиться изнутри — сначала красным, затем желтым и, наконец, невыносимо ярким бело-голубым светом. Все это произошло буквально за одну секунду. По комнате пронеслась волна горячего воздуха, от которой лед на стенах растаял, тут же превращаясь в пар, а оконные стекла разлетелись на куски. И вдруг из пола поднялся клокочущий огненный столб, охватил тело Тремейна и поглотил его, не оставив от него и следа.

Я, словно во сне, смутно почувствовал, что давление воздуха повалило меня на пол. Упав, я перекатился по полу и, больно ударившись обо что-то, замер. Моя рука все еще держала книгу. Говард что-то прокричал, но я так и не понял, что. Затем по всей комнате стали прорываться языки пламени и дым. Там, где огненный столб коснулся крыши, в ней теперь зияло огромное зазубренное отверстие, по краям которого тоже плясали языки пламени. Гнилые балки горели, как сухой трут. Огонь распространялся с невероятной скоростью, намного быстрее, чем это казалось возможным. Я, закашлявшись, с трудом поднялся на четвереньки и поискал глазами Говарда и Рольфа. Их фигуры мерцающими темными контурами виднелись сквозь языки пламени, разделявшем комнату на две части. Жар от огня становился просто невыносимым.

— Роберт! — крикнул Говард. — Прыгай! Ради бога, да прыгай же! Сейчас загорится весь дом!

Я поднялся на ноги, сделал шаг к пламени и — отпрянул назад. Жар от огня был невыносимым. Моя одежда раскалилась, а лицо болело так, как будто оно уже попало в огонь. Но у меня не было другого выбора. Языки пламени быстро приближались ко мне. Я понимал, что через несколько секунд огонь охватит всю комнату и я сгорю.

Я глубоко вдохнул — так глубоко, как только мог — и рванулся вперед изо всех сил. Мой прыжок длился не более секунды, но он показался мне вечностью. Огонь окутал меня, превратив одежду в обгорелые черные лохмотья. Мое тело пронзила боль, а в легкие словно влилась раскаленная лава. Я упал на пол, ударившись лбом о твердый край обложки книги, и попытался приподняться на четвереньки. Тут меня подхватил подоспевший Рольф и, подняв на ноги, потащил к выходу. Огонь охватил уже и эту часть комнаты, и воздух стал таким горячим, что, сделав вдох, я взвыл от боли.

Когда мы выбегали из комнаты, я успел оглянуться. Как раз в этот момент пламя полностью охватило то место, где я только что находился. Затем в комнате за нашей спиной вдруг раздался какой-то взрыв огня, звук которого показался мне похожим на гневный дьявольский вопль.

Когда мы выбежали на улицу, дом горел, как огромный средневековый церемониальный костер. Пока мы бежали по дряхлой деревянной лестнице, огонь, словно невидимый огненный зверь, преследовал нас по пятам, а языки пламени распространялись по полусгнившим перекрытиям с той же неправдоподобной скоростью, как и в комнате Тремейна. Мы с Говардом и Рольфом по пути стучали во все двери, изо всех сил вопя «пожар!», чтобы предупредить жильцов. Перед домом на улице уже собралось человек десять — кто в ночных рубашках, кто в наспех одетых штанах, кто в пальто. Последние несколько десятков шагов до выхода из дома нам уже пришлось пробиваться вперед с большим трудом, и я впервые в жизни прочувствовал, что означает слово «паника».

Улица постепенно заполнялась людьми. Со всех сторон сюда бежали мужчины и женщины, и жуткую тишину, царившую на этой улице, когда мы подошли к дому, сменили беспорядочные крики и шум множества голосов.

Стараясь поспевать за Рольфом, своим мощным торсом прокладывая нам путь в становящейся все более тесной толпе, я оглянулся. Дом уже нельзя было спасти. Из просевшей крыши вздымались десятиметровые языки пламени, а из почерневших окон чердачного этажа валил густой черный дым и выскакивали миллионы похожих на светлячков малюсеньких раскаленных искорок, падавших затем на улицу и близлежащие дома. Лишь каким-то чудом огонь не перебросился на соседние здания. Если бы это произошло, то, пожалуй, весь город мог бы сгореть дотла.

Син ждал нас на противоположной стороне улицы. Его глаза были широко раскрыты от испуга.

— Что произошло? — спросил он. — Я... я видел какой-то взрыв и...

— Не сейчас! — поспешно перебил его Говард. — Нам нужно убираться отсюда. Быстро!

Но он так и не успел осуществить свое намерение. На его пути встал седоволосый мужчина, поднявший в повелительном жесте руку и тут же сжавший ее в кулак.

— Не так быстро, мистер! — сказал он. — Вы никуда отсюда не уйдете.

Я узнал его. Это был тот самый мужчина, с которым мы разговаривали на лестничной клетке. У меня внутри похолодело, когда я увидел, что на звук его голоса в нашу сторону повернулось множество лиц. Из дома позади нас все еще раздавались крики, треск и грохот, и только тут я осознал, как же все-таки много людей жило в этом убогом доме. А еще — как все-таки невероятно быстро распространялся огонь.

— Что тебе нужно? — гневно спросил Рольф. — А ну прочь с дороги, человечиска! Мы должны позвать пожарных!

Но на этот раз внушительная фигура Рольфа не произвела на мужчину никакого впечатления. Он еще решительнее преградил нам путь и воинственно приподнял подбородок. Его голос звучал так громко, что, несмотря на общий шум, его было слышно и на противоположной стороне улицы.

— Что произошло там, наверху? — спросил он, указав гневным жестом на дом. — Что вы там делали? Это вы подожгли дом!

Говард схватил его за руку и хотел было отпихнуть в сторону, но мужчина с яростным ревом вывернулся и вцепился обеими руками в Говарда.

— Это вы подожгли дом! — завопил он. — Все из-за вас!

Рольф с размаху ударил его. Возможно, это было самым неподходящим из того, что он мог сделать в подобной ситуации, но когда он понял свою ошибку, было уже поздно. Мужчина, охнув, упал на колени, а из толпы, собравшейся на улице, донесся целый хор гневных голосов.

— Чертов идиот! — рявкнул Син.

Одним прыжком оказавшись возле Рольфа, он с силой толкнул одновременно и Рольфа и Говарда, от чего они оба отлетели к стене ближайшего дома, а Син встал, широко расставив ноги, между ними и начавшей надвигаться толпой.

— Роберт, ко мне! — крикнул он.

В его руке вдруг появился револьвер. Пока я отчаянным прыжком подскочил к Рольфу и Говарду, он успел поднять оружие, ударить с размаху ладонью другой руки слишком близко

подошедшего мужчину по лицу и тут же два раза подряд нажать на спусковой крючок.

Выстрелы прогремели над улицей, как разрыв артиллерийских снарядов. Толпа, всего полсекунды назад угрожающе надвигавшаяся на нас, в ужасе отхлынула, и на мгновение стало так тихо, что даже в ушах зазвенело. Казалось, даже треск горящего дома на мгновение стих.

Затем шум возобновился с удвоенной силой.

— Убейте их! — раздался чей-то голос.

Его тут же поддержал кто-то еще, и еще, и вот уже целый хор голосов повторил этот призыв.

— Они подожгли наш дом! — раздавались крики. — Они во всем виноваты!

Син еще раз выстрелил в воздух, но теперь это не произвело никакого впечатления. Те, кто стоял поближе к Сину, пытались пятиться назад не столько из страха перед его револьвером, сколько опасаясь его мощной фигуры и поднятых в боевой готовности здоровенных кулаков, но мужчины и женщины, стоящие сзади, напирали на передних, в результате чего искаженные гневом лица и сжатые кулаки придвигались все ближе и ближе к нам.

— Бегите! — крикнул Син, тяжело дыша. — Черт возьми, да бегите же! Я попытаюсь их задержать! Встретимся на судне!

Говард, все еще колебавшийся, все-таки понял, что мы явно не сможем ни успокоить разъяренную толпу, ни отбить ее натиск.

В отчаянии мы бросились бежать. Двое или трое мужчин попытались преградить нам путь и задержать нас, но Рольф — то ударом кулака, то просто натиском своего мощного тела — посбивал их с ног. Позади нас раздавались выстрелы, а крики толпы слились в один кроважидный вопль. На мгновение мне показалось, что среди всеобщего шума я различаю голос Сина, но затем на перекрестке мы свернули за угол, и рев толпы стал невнятным. Однако не успели мы пробежать и ста шагов, как за нами появились уже первые преследователи. Их число росло.

Это была отчаянная гонка. Дорога до гавани показалась мне раз в десять длиннее, чем раньше. Расстояние, отделявшее нас от погони, медленно, но неуклонно сокращалось, и когда мы наконец достигли причала, ближайшие преследователи бежали за нами уже в каких-нибудь пятидесяти ярдах.

Говард на бегу вытащил из кармана револьвер и выстрелил вверх голов толпы. Эффект был нулевым. Эти люди просто обезумели. Я разобрал в их криках слова типа «дьявол» и «колдун», и по спине у меня побежали ледяные мурашки.

— Быстрее! — крикнул Говард.

Он снова выстрелил, но на этот раз направил ствол пистолета вниз. Пуля ударилась в камень мостовой, вышибив из него искры всего лишь в нескольких шагах от бегущей за нами толпы. Три или четыре человека, испуганно вскрикнув, попытались остановиться, потеряли равновесие и свалились на землю, но за ними напирали десятки — если не сотни — других. Страх, державший в напряжении жителей этого города в течение последних двух дней, вдруг разрядился одним мощным взрывом. За нами теперь бежали не только жильцы сгоревшего дома и соседних домов: все, кто оказывался на пути бушующей толпы, присоединялись к ней.

Рольф рванул вперед еще быстрее, одним отчаянным прыжком преодолел расстояние между причалом и нашим судном и начал с молниеносной скоростью отвязывать канаты,

крепившие судно к причалу. Через несколько секунд мы с Говардом тоже заскочили на судно и бросились помогать Рольфу.

Но шансов у нас не было никаких. Когда толпа подбежала к судну, мы уже отвязали последний канат, однако прибор плотно прижимал нашу посудину к причальной стенке, и у нас уже не было времени, чтобы установить парус или хотя бы оттолкнуть судно подальше от берега. Рольф ударом кулака сбил в воду мужчину, перепрыгнувшего к нам на палубу и уже выхватившего острый кухонный нож, а Говард прострелил ногу еще одному смельчаку.

Тут подоспела основная масса преследователей. Кто-то выбил у меня оружие из рук, затем удар кулака повалил меня на палубу, а дальше я уже не чувствовал почти ничего, кроме сыпавшихся на меня ударов, наносимых руками и ногами, и еще того, как меня со всех сторон хватили за одежду и волосы. Еще я успел увидеть, как упал Рольф под нахлынувшей на него целой волной человеческих тел. Однако наше судно было слишком маленьким, чтобы вместить такую массу людей. Многие из них попадали в воду с судна, а другие, крича, рухнули в волны прибоя с причала под давлением напирающих сзади людей. Но гнев толпы от этого только возрастал. Я, уже не чувствуя отдельных ударов, лишь судорожно скрючился, пытаясь защитить свое лицо и пах, хотя у меня теперь не было никаких сомнений, что нас с Говардом и Рольфом прямо сейчас забьют до смерти.

Но толпа почему-то этого не сделала. Чей-то громкий голос что-то крикнул — я так и не разобрал, что. После этого удары стали сыпаться реже и в конце концов прекратились. Чьи-то крепкие руки подхватили меня, подняли на ноги и потащили по палубе к каюте. Затем толпа таким же образом поволокла к открытой двери каюты Говарда и Рольфа.

— Сожгите их! — рявкнул все тот же голос. — Они подожгли дом. Так пусть теперь сами почувствуют жар огня. Сожгите их, как сжигают колдунов!

Вопли из толпы подхватили этот призыв. Откуда ни возьмись, появился факел, затем еще один, и еще. Воздух наполнился запахом горящего дерева. Я отчаянно пытался сопротивляться, но силы были уж слишком неравными. Удар в спину отбросил меня к двери каюты, затем кто-то ткнул меня в подколенные впадины и пихнул вперед, от чего я кубарем скатился вниз по лестнице.

Я упал на пол, очень больно ударившись. Затем я, словно сквозь пелену, увидел, что в каюту впихнули Говарда и Рольфа, а вслед за ними бросили факел, который упал на пол всего в нескольких сантиметрах от меня, осыпав все вокруг искрами. Я отчаянно стряхнул с себя искры и, увидев, что в мою сторону сквозь дверь каюты полетели второй и третий факелы, закрыл лицо ладонями и откатился в сторону. Рольф, вскрикнув, рванулся вперед и попытался затоптать огонь, но вместо каждого затоптанного им факела толпа бросала через дверь пять новых.

Дверь с треском захлопнулась, и по палубе над нами затопали чьи-то ноги. Крики толпы слились в единый жуткий вопль. Судно содрогнулось, словно по нему ударили огромным молотом. Толпа взревела так громко, что даже здесь, в глубине судна, этот звук был почти невыносим.

Кашляя, я поднялся на ноги, стряхнул со своей одежды искры и — отшатнулся назад от быстро разрастающихся языков пламени. Жар от огня становился нестерпимым, а воздух внутри каюты уже наполнился едким дымом, в результате чего я еле мог дышать. Рольф, оглядевшись по сторонам, схватил стул и с силой ударил им в один из иллюминаторов. Результат был нулевым.

— Рольф! — крикнул Говард. — Вон туда! В трюм!

Он, отчаянно жестикулируя, указал на переднюю стенку каюты. Я знал, что там находится небольшой — длиной всего в пять шагов — кормовой трюм судна, из которого можно было выбраться наверх. Но этот трюм был отделен от нас массивной перегородкой из крепкого дерева.

Рольф что-то буркнул, отступил на несколько шагов назад и опустил плечи. Его уже еле было видно сквозь черно-серые колышущиеся клубы дыма, заполнившие каюту. Мои легкие невыносимо болели. «Мы задохнемся еще раньше, чем нас пожрут языки пламени», — подумал я.

Рольф бросился вперед. Казалось, что его тело превратилось в живое пушечное ядро. Наполовину развернув свое туловище в самый последний миг, он с невероятной силой боком ударился в перегородку и, вскрикнув от боли, отскочил назад.

Но в перегородке появилась зубчатая трещина в палец толщиной!

Говард, Рольф и я почти одновременно бросились к перегородке. Под нашим объединенным натиском доски застонали, как живое существо, и в них появилась еще одна — более длинная — трещина. Рольф нетерпеливым движением отстранил нас с Говардом в сторону, сжал кулаки и изо всей силы ударил по перегородке — она содрогнулась, и трещина в ней стала еще шире. Я увидел, как из разбитых суставов пальцев Рольфа потекла кровь, но он продолжал изо всех сил бить кулаками по доскам. Трещина превратилась уже в довольно большую щель. Рольф, рывкнув, схватился обеими руками за ее край и дернул изо всех сил. Громко треснув, кусок перегородки отвалился, образовав проход в соседнее помещение.

Когда мы перебирались в трюм, каюта была уже почти вся охвачена пламенем. Свежий воздух, устремившийся в каюту через пролом в перегородке, еще больше усилил огонь, и даже здесь, в трюме, тут же стало невыносимо жарко. Рольф одним мощным ударом вышиб люк, ведущий на палубу, и полез наверх. Оказавшись на палубе, он повернулся и протянул мне руки. Говард вырвал у меня книгу, которую я, сам того не замечая, все еще держал в руках, а Рольф тут же вытащил меня наверх и поставил, как мешок с песком, на палубу. Через секунду Говард передал Рольфу Некрономикон, а затем — с помощью все того же Рольфа — оказался на палубе и сам.

Теперь мы на некоторое время почувствовали себя в безопасности. Палубная надстройка скрывала нас от взоров тех, кто находился на берегу, однако уже через несколько секунд толпа наверняка могла заметить наш побег. Не успел я об этом подумать, как какой-то мужчина, отбежавший по причалу в сторону, заметил нас и, отчаянно жестикулируя, стал показывать рукой в нашу сторону.

— Вон они где! — раздался его голос. — Они пытаются сбежать!

Послышался выстрел, и пуля ударила в палубу совсем рядом с нами. Говард стремительно повернулся и бросился в воду. Рольф тут же пихнул меня с такой силой, что я моментально полетел за борт вслед за Говардом.

В воде было необычайно холодно. Всего несколько секунд назад мы едва не сгорели живьем, теперь же у меня возникло ощущение, что я вот-вот превращусь в лед. Поневоле хлебнув воды при падении, я — скорее инстинктивно, чем осознанно — моментально вынырнул на поверхность и мучительно закашлялся. Холод быстро высасывал жизненные силы из моего тела, и я чувствовал, как мои мускулы с каждой секундой все больше немеют.

Набежавшая с моря волна подхватила меня и, слегка приподняв, ударила о причальную стенку. От этого удара у меня буквально вышибло воздух из легких, однако боль вернула

меня к действительности, разогнав вызванную слабостью и усталостью пелену, уже было охватившую мое сознание.

Мы барахтались в воде у причальной стенки всего в нескольких футах от горящего судна. Причал был полностью забит людьми. В нас полетели камни и какие-то обломки, один из которых попал в Рольфа.

— Надо сжечь их! — орала толпа. — Сожгите колдунов! Убейте их!

Камни полетели в нас просто градом.

И тут я увидел то, от чего у меня кровь похолодела в жилах.

Три или четыре человека под шумные крики толпы подкатили к краю пристани какую-то бочку. Последовал удар топором по тонкой жести — и широкая струя золотисто-желтого керосина полилась в воду!

— Нет! — рявкнул Говард. — Плывите! Плывите, иначе нам конец!

Но это было бесполезно. Я греб руками изо всех сил, однако керосин распространялся по поверхности воды в десять раз быстрее, чем я плыл, к тому же волны прибоя норовили отбросить меня назад.

— Сожгите их! — редела толпа. — Убейте их! Убейте их! Убейте их!

Кто-то бросил факел. Медленно переворачиваясь в воздухе, он пролетел, словно комета, и шлепнулся в воду. Я сделал глубокий вдох и, рванувшись изо всех сил вперед, нырнул — как раз в тот момент, когда факел коснулся плавающего на поверхности воды керосина.

Керосин над нашими головами мгновенно вспыхнул. Огонь тут же с чудовищной скоростью распространился до самого берега, осветив воду вокруг нас ярким оранжево-красным мерцающим светом. Языки пламени теперь, должно быть, представляли угрозу и стоящим на берегу мужчинам и женщинам, да и портовые постройки могли изрядно пострадать, но толпа в данный момент, похоже, об этом совсем не думала.

Я собрал последние силы и заставил свое измученное тело нырнуть еще глубже, одновременно пытаясь разглядеть, где же находится граница простирающегося над нашими головами огненного одеяла. В моих легких усиливалось неприятное ощущение. Казалось, что вокруг моей груди все сильнее сжимается невидимый железный обруч. Почувствовав, что силы оставляют меня, я сделал еще один отчаянный рывок вперед, волевым усилием стараясь подавить инстинктивное желание открыть рот и сделать вдох.

Положение становилось отчаянным. Мои руки немели, а боль в легких была уже невыносимой. Перед глазами у меня поплыли разноцветные пятна и черный туман. Но я понимал, что неизбежно погибну, стоит мне только вынырнуть на поверхность посреди горящего керосина. Граница огненного зарева над нашими головами была от нас ярдах в тридцати. А может, и в двадцати, но это уже не имело никакого значения. С таким же успехом она могла быть и на другом краю земли.

Из последних сил я перевернулся на спину и рванулся к поверхности воды.

Языки пламени встретили меня невыносимой жарой. Воздух, который я вдохнул в свои легкие, показался мне расплавленной сталью.

И вдруг — совершенно неожиданно — все это прекратилось.

Языки пламени замерли. Жар мгновенно спал, а рев взбуждаемой толпы стих так внезапно, как будто между нею и мной кто-то захлопнул огромную невидимую дверь.

Прошло несколько секунд, прежде чем я хоть немного пришел в себя, и еще несколько секунд, прежде чем я понял, что произошло. Впрочем, «понял» — не совсем подходящее слово. Я просто, не веря своим глазам, увидел на берегу словно оцепеневшую толпу, а еще

замершие метровые желтовато-красные языки пламени, от которых гавань стала похожа на кратер проснувшегося вулкана.

Ничего не двигалось — ни языки пламени, ни люди, стоящие на берегу, ни вода, всего несколько секунд назад вздымавшаяся могучими волнами прибоя; даже низкие серые тучи в небе вдруг стали неподвижными, как на фотографическом снимке. Все замерло, словно оцепенев по мановению волшебной палочки. Мне показалось, что остановилось даже время.

Чья-то рука тронула меня за плечо. Испуганно повернув голову, я увидел почерневшее лицо Рольфа. Он хотел что-то сказать, но, пораженный чем-то, так и не смог этого сделать, а лишь указал рукой на север, в открытое море. Я медленно повернулся в воде и посмотрел туда, куда указывала рука Рольфа.

Мир вокруг нас словно замер, однако там, в нескольких милях от берега, еще оставалась частичка мира, где что-то шевелилось и двигалось, — там еще чувствовалась жизнь.

Однако это была такая жуткая, мрачная картина, что от одного ее вида у меня кровь похолодела в жилах.

Я смог разглядеть лишь какие-то тени. Тени и нечеткие контуры: мощные извивающиеся щупальца, бесформенные раздувшиеся тела, искаженные бесовские физиономии, глядевшие на окружающий мир своими бездонными черными глазами. Эти видения в своей совокупности были похожи на беззвучный ураган: они образовывали своего рода темную воронку, которая крутилась все быстрее и быстрее, достигая просто невероятной скорости вращения. Я почувствовал, как *нечто* из этого адского водоворота, преодолевая время и пространство, воздействует на стоящую на берегу оцепеневшую толпу.

Все это казалось бестелесным и неосязаемым. Оно представлялось объединением двух сил: темной, мрачной, пульсирующей энергии бушующего адского водоворота и неистовой ненависти взбудораженной толпы. Вся негативная энергия, накопившаяся в городе за последние дни, единым мощным потоком потекла к этому жуткому *нечто*, объединилась и слилась с ним, образовав что-то новое, еще более ужасное. На какое-то мгновение тела стоящих на берегу мужчин и женщин стали прозрачными, словно сзади них оказался невероятно мощный источник света. Одновременно с этим черный беззвучный адский водоворот над морем начал вращаться еще быстрее, постепенно превратившись в гигантский кулак. На свинцово-сером полотне неба появилась тонкая ломаная линия. Сначала она превратилась в молнию, а затем стала огромной трещиной в окружающей нас действительности, трещиной во времени и пространстве, образовавшей проход между реальностью и потусторонним безумным миром.

И из этой трещины потекло *нечто*...

Огромные мерзкие создания, существа с извивающимися слизистыми щупальцами, чудовищные порождения каких-то кошмаров, слишком чудовищные, чтобы можно было в полной мере понять, что же они собой представляют. Это был какой-то гигантский пульсирующий поблескивающий черный поток беснующихся созданий тьмы и порождений безумия, явившихся сюда из эпохи, отделенной от нас двумя миллиардами лет, и теперь пытающихся обрести здесь новую форму бытия. Два, три, четыре — и вот уже полдюжины бесформенных кошмарных существ вынырнули из пульсирующего адского водоворота и бросились в море. За ними последовали другие — десятки и сотни невообразимых существ, можно сказать, целая армия ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ, и каждый из них был так ужасным, что от одного только взгляда на него можно было сойти с ума.

И вдруг трещина в небе задрожала. Словно картинка сломавшегося волшебного фонаря,

она искажилась и начала съеживаться по краям. В тучах засверкали ветвистые голубоватые молнии. Они, словно тонкие лучи чистой энергии, устремились к трещине и коснулись выползающих из нее чудовищных существ. Трещина закрылась. Пламя невероятной интенсивности вдруг заполнило коридор во времени, убив многих из ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ и отогнав назад тех, кого не смогло убить. Адский водоворот над морем судорожно затрепетал, как огромная дрожащая рана, а затем еще одна — последняя — ослепительная молния ударила по нему из туч, уничтожая его окончательно.

И тут из моря — из самой его глубины — донесся чудовищной силы гневный вопль.

Не знаю, каким образом я снова оказался на берегу. Меня, должно быть, вытащили Рольф и Говард. Моим первым ощущением после всей этой вакханалии была твердость брусчатки, на которой я лежал. А еще чувствовался горький привкус желчи в горле. Я внутренне осознавал, что весь этот кошмар уже позади, а еще что во время всех этих событий я на какое-то время погрузился в самое сердце ненависти, являющейся частью истинной сущности ДОИСТОРИЧЕСКИХ ГИГАНТОВ. То, что я при этом испытал, я не смогу забыть до конца своей жизни.

Когда силы наконец-то вернулись ко мне и я смог подняться на четвереньки и оглядеться, перед моим взором предстала странная картина. Вся гавань была охвачена пламенем, но это пламя было неподвижным и совсем не излучало жара. Наоборот, поверхность воды, казалось, начинала покрываться тоненькой ледяной корочкой. Даже крошечные пенные брызги, отскочившие от волн, застыли и теперь неподвижно висели в воздухе.

Меня осторожно — почти нежно — тронула чья-то рука. Подняв глаза, я увидел Говарда. А за ним...

Толпа все еще находилась там, где ее застало это удивительное всеобщее оцепенение. Люди стояли абсолютно неподвижно, на их лицах застыло выражение ужаса, а их тела были почти прозрачными, словно они состояли не столько из плоти и крови, сколько из дыма или тумана. Я осознал, что мы все еще находимся в узеньком промежутке между действительностью и каким-то потусторонним миром. Но мысль об этом лишь проскользнула в моем сознании. Все мое внимание было привлечено к стройному темноволосому человеку с темными глазами, стоявшему позади Говарда и смотревшему на меня.

Мы были с ним очень похожи. Теперь, когда — по прошествии нескольких месяцев — мы снова оказались лицом к лицу, я осознал, насколько же мы с ним похожи. Он был на тридцать лет старше, но это являлось, пожалуй, единственным различием между нами. Мы были похожи, как два брата.

Это был не кто иной, как мой отец.

— Роберт...

Его голос звучал как-то странно. В нем чувствовалась грусть. А еще страх. Страх перед чем?

Я поднялся, бросил растерянный взгляд на Говарда, который при этом лишь улыбнулся и отошел в сторону, и подошел к своему отцу.

— Отец? — спросил я. — Ты... вернулся?

На его лице появилась улыбка.

— Я все время был рядом с тобой, Роберт, — сказал он таинственно. — Я просто не мог

показываться.

— Ты был... — у меня вдруг словно открылись глаза. — Син. Ты был Сином!

Он кивнул, и непонятное выражение грусти в его глазах усилилось:

— Я хотел еще раз тебя увидеть, прежде чем... мне придется уйти.

— Уйти? — озадаченно переспросил я.

Он кивнул:

— Да. Я сделал то, что должен был сделать. Моя миссия закончена, Роберт.

— Твоя миссия? Ты имеешь в виду, что...

— Ничего из того, что произошло, не было случайностью, — сказал он серьезно.

— Но ведь ты... ты был...

— На стороне противника? — он улыбнулся — нежно и снисходительно. — Нет, я никогда не был на стороне наших врагов, Роберт. Нет во вселенной такой силы, которая смогла бы заставить меня бороться против своего собственного народа. Но мне пришлось сделать то, что я сделал. Мне пришлось ввести в заблуждение и тебя, и Говарда, и всех других, чтобы отвести опасность, угрожавшую всем нам.

Я невольно посмотрел в сторону моря. Черный адский водоворот исчез, однако — мне это только чудилось или я действительно это видел? — глубоко под водой виднелось несколько чудовищных теней, пульсирующих, словно огромные злобные черные сердца.

— Произошло то, чего хотел Йог-Сотхотх, — ответил Андара на мой немой вопрос. — Усилия колдунов из Иерусалимского Лота сумели перетащить в наш мир лишь его одного, но его замыслом с самого начала было воскресить расу, к которой он принадлежал. Ты ведь помнишь то, о чем я тебе рассказывал на судне?

Я кивнул, но по-прежнему молчал, ожидая, что мой отец продолжит свой рассказ. Через некоторое время он так и сделал.

— Мне было необходимо его обмануть, — сказал он. — Он все равно нашел бы способ пробиться сквозь стену времени, даже и без моей помощи.

— Но ведь он это сделал, — возразил я. — Представители его расы уже...

— Лишь немногие, — перебил он меня. — Только тринадцать из них сумели пробиться сквозь время, их тела сейчас — пока что лишь иллюзия. Сами же они все еще пребывают в вечном сне — далеко-далеко отсюда. Лишь часть их духа сумела воскреснуть. И твоя задача будет состоять в том, чтобы их побороть. Они будут пытаться разбудить свои спящие тела и восстановить прежнее могущество. Если им это удастся, наш мир погибнет. Нельзя их недооценивать, Роберт.

— А... остальные? — спросил я, запинаясь.

— Та дорога, по которой они хотели пройти сюда, отныне навеки закрыта, — сказал он. — Именно ради этого я прикинулся вашим врагом, Роберт. Я заставил Йог-Сотхотха поверить, что он подчинил себе меня и мою волю и что я отныне его слуга. Мне пришлось пойти на то, что тринадцать из них все-таки пробрались в наш мир, но только благодаря этому мне удалось преградить путь многим и многим сотням чудовищ.

— Это была своего рода... ловушка.

— Да, — ответил Андара. — Мне пришлось прибегнуть к этому. Надеюсь, ты сможешь меня простить.

Простить... Я подумал о Гордоне и Тремейне, о мужчинах и женщинах, погибших в сгоревшем доме, о других невинных людях, которым пришлось умереть.

— Почему? — спросил я.

Он словно прочел мои мысли.

— Я некогда предупреждал тебя в своем письме, что ты когда-нибудь возненавидишь меня, — сказал он тихо. — Я сам ненавижу себя за то, что произошло. Но другого выхода просто не было. То, что я сделал, нельзя ни простить, ни исправить, однако я должен был это сделать, — он на некоторое время замолчал, посмотрел мимо меня в сторону моря и вздохнул. — Я уйду, Роберт. Навсегда.

— Это означает, что ты теперь... что ты теперь действительно умрешь?

Он улыбнулся, как будто я сказал что-то очень глупое.

— Смерти как таковой не существует, Роберт, — сказал он. — Но пройдет еще очень много времени, прежде чем мы снова увидимся. И я больше не смогу тебе помогать.

— Мне помогать? Ты был...

— Я был тем, кто изгнал бесовскую силу, которая овладела той девушкой, — сказал он. — Ты ведь почувствовал мою силу, Роберт. Но в будущем я уже не смогу быть рядом с тобой. Ты теперь должен рассчитывать только на себя. На себя и на ту силу, которую я тебе передал по наследству. Развивай ее в себе, Роберт, и используй ее во благо.

Он замолчал, сделал шаг ко мне и поднял руку, как будто хотел меня коснуться. Но он этого так и не сделал.

— И прости меня, если сможешь, — сказал он очень тихо и очень печально.

Затем он исчез.

А я еще долго, не шевелясь, смотрел на то место, где он только что стоял. *Ты когда-нибудь возненавидишь меня*, написал он в своем письме. Я пытался не допустить этого, но у меня ничего не получалось. Я пытался убедить сам себя, что то, что он сделал, ему необходимо было сделать, потому что у него не было другого выхода, причем я знал, что это была правда. Но в моем сознании все больше доминировала мысль о тех невинных людях, которым пришлось умереть, которые были принесены в жертву только для осуществления задуманного им плана.

Я не хотел его ненавидеть.

Я изо всех сил сопротивлялся этому, но в моей душе происходило именно то, что предсказывал мой отец. Я пытался его простить, но почему-то волей-неволей все же начинал ненавидеть его за то, что он совершил. И я поклялся отомстить тем, кто сделал его таким, каким он стал.

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ГИГАНТЫ изувечили и его, и мою жизнь. И я не успокоюсь до тех пор, пока эти мрачные божества из доисторических времен не умрут. Пока не умрут они — или я...

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ШЕСТАЯ КНИГА

Книга седьмая

Лесной демон

— Тихо!

Говард предупреждающим жестом приложил указательный палец к губам, сильнее прижался к стене и подождал, пока голоса и шаги не приблизятся и затем снова не удалятся. Лишь после этого он отважился осторожно выйти из тени и шмыгнуть к нам. Нервным и суетливым движением, свидетельствовавшим прежде всего о его изнеможении, он опустился на корточки рядом со мной и Рольфом, потер себе ладонями лицо и показал большим пальцем назад.

— Думаю, можно рискнуть, — пробормотал он. — Туда идти всего лишь несколько кварталов. Тем более что уже почти стемнело.

Теперь он говорил более отрывисто и поспешно, чем обычно, и, хотя в сгущающихся сумерках его фигура больше походила на серую тень, я отчетливо видел, как он изможден. Когда он двигался, он делал это резко и тут же замирал, словно к его рукам и ногам были привязаны нити, за которые время от времени дергал невидимый кукольник.

Я устало посмотрел в том направлении, куда он указал рукой. Арка ворот привиделась мне сумрачным входом в самую преисподнюю. Улицы и дома за ней казались какими-то призрачными тенями, на фоне которых иногда появлялись мерцающие отблески зарева — в зависимости от того, куда дул ветер и с какой интенсивностью лил почти непрекращающийся дождь. Гавань все еще была охвачена огнем.

Говард наклонился вперед, оперся левой рукой о край одной из больших бочек, за которыми мы прятались, а второй рукой схватил Рольфа за плечо. Рольф застонал. Его веки немного приоткрылись, однако глаза были тусклыми, а взгляд — пустым и ничего не выражающим. Лицо Рольфа горело. Несмотря на сумерки, на его лице хорошо были видны пузыри от ожогов, похожие на красные оспяные рубцы, а от его тела исходил кисловатый запах пота. Говард обнаружил этот заброшенный дворик шесть или семь часов назад, и с тех самых пор мы прятались здесь, как крысы, сбежавшие от кошки, сидя среди всяких нечистот и мусора, дрожа от холода и страха, словно загнанные звери. За это время Рольф несколько раз терял сознание. Затем он все-таки приходил в себя, но соотношение между периодами, когда он был в сознании и когда впадал в беспамятство и бредил (при этом он иногда начинал всю размахивать кулаками и что-то кричать, заставляя нас буквально силой закрывать ему рот), медленно, но верно изменялось не в пользу его жизнеспособности.

Его вид вызывал у меня острое чувство жалости. С этим здоровым парнем, который зачастую вел себя шумно и почти всегда казался слегка раздраженным, я был знаком уже три месяца, но лишь в последние часы я понял, какую симпатию к нему испытываю. И это понимание пришло как раз тогда, когда я сидел, дрожа от холода и страха, дожидаясь темноты, и при этом вынужден был беспомощно смотреть, как Рольф слабеет прямо на моих глазах.

— Ему нужен врач, — сказал я.

Говард быстро поднял глаза и молча посмотрел на меня, а затем сделал головой такое движение, которое походило одновременно и на согласие, и на отказ. Скорее всего, это был отказ.

— Я знаю, — сказал он. — Но он должен продержаться, пока мы не прибудем в

Беттихилл. Если нас в этом городе увидит хоть одна живая душа...

Он больше ничего не сказал, но в этом и не было необходимости. Мы ведь прятались здесь, в этом заброшенном дворике, среди куч мусора, не потому, что нам нечего было делать, и не как обычные жулики. Я припомнил события последних дней, и во мне стал нарастать гнев. Когда мы приехали в Дернесс (мне теперь казалось, что это произошло уже давным-давно), то были похожи на обычных туристов, жителей большого города, на которых обитатели этого маленького северошотландского портового городка смотрели с легкой улыбкой и свойственной всем шотландцам надменностью. Мы были чужаками, которых они презирали и которые их, по-видимому, забавляли, пусть даже сами чужаки этого не замечали и бойко тратили свои денежки в местных лавочках и кабачках. Теперь же весь город жаждал нашей крови.

Глядя, как Говард пытается осторожными толчками в плечо разбудить Рольфа, чтобы поднять его на ноги, я думал о событиях прошедшей ночи и утра. Меня охватило двойственное чувство: с одной стороны — мучительное ощущение собственной беспомощности, а с другой — гнев. Нас преследовали, как диких зверей. Ярость взбурдаженной толпы достигла таких пределов, что охваченные ненавистью люди в конце концов подожгли наше судно и вылили керосин в воду гавани, чтобы сжечь нас живьем. Впрочем, как аукнулось, так и откликнулось. Горящий керосин с огромной скоростью распространился по всей гавани, в результате чего сгорели не только некоторые — штук шесть — из находившихся в гавани судов, но и близлежащие здания и склады. Пожары продолжали бушевать и теперь, несмотря на то, что почти все жители Дернесса пришли их тушить. То, что огонь не распространился дальше и не спалил весь город, было просто каким-то чудом.

— Помоги мне, — тихо сказал Говард.

Я, испуганно вздрогнув, вернулся от своих мыслей к реальности, повернулся к Рольфу и подсунул руки под его спину. Он был в сознании и пытался нам помочь, но его движения были слабыми и нескоординированными. Когда мы его подняли, он еле мог стоять на ногах, и весь его вес удерживался на моих плечах и плечах Говарда.

Когда мы ковыляли к воротам, нам в лицо лупил ледяной дождь. Дождь шел вперемишку с градом, и я почувствовал запах снега. Мне вдруг — совсем некстати — пришло в голову, что уже декабрь, а стало быть, скоро наступит Рождество. Вес Рольфа давил на мои плечи непомерным грузом, да и Говард шел, сильно пошатываясь. Мы с трудом добрались до ворот и остановились возле них в тени здания.

Говард осторожно снял руку Рольфа со своего плеча, прислонил его к стене и кивком головы указал в сторону улицы.

— Придержи его секунду, — сказал он. — Я посмотрю, нет ли кого на улице.

— Это не имеет смысла, — возразил я. — У нас ничего не выйдет, Говард. Из-за Рольфа.

Говард промолчал. Он посмотрел озабоченным взглядом на лицо Рольфа, и в его глазах появилось несвойственное ему выражение уныния. Я раньше думал, что в мире нет ничего такого, что могло бы морально надломить этого человека. Но я, похоже, ошибался.

— Нам нужна помощь, — сказал я, так и не дождавшись от Говарда никакого ответа. — Лучше всего — помощь врача. Или, по крайней мере, какая-нибудь повозка.

Говард и на этот раз ничего не ответил. Впрочем, мы понимали друг друга без слов. Жители Дернесса считали нас уже мертвыми, а многие из них наверняка полагали, что

видели собственными глазами, как мы утонули в охваченных пламенем волнах гавани. Это заблуждение было нам весьма на руку. Но стоило им хотя бы заподозрить, что мы еще живы, — и «охота на колдунов» могла начаться снова. И это будет охота в прямом смысле этого слова, поскольку жители Дернесса считали нас, особенно меня, колдунами, прислужниками сатаны. Те несчастья, которые навлекли на этот город выпущенные на свободу силы Некрономикона, были поставлены в вину нам, и местные жители отреагировали на происходящее так, как люди с незапамятных времен реагировали на то, чего они не понимали и боялись: они ответили ненавистью и насилием.

— Не надо... врача, — пробормотал Рольф. Он, по-видимому, слышал то, что я говорил Говарду, но прошло некоторое время, прежде чем Рольф собрался с силами и смог что-то сказать по этому поводу. — Никто не должен... нас видеть, малыш. Нельзя, чтобы они узнали, что мы... еще живы.

— Ну, что касается тебя, ситуация может очень быстро измениться, — ответил я серьезным тоном. — Ближайший врач находится в Беттихилле. А это миль тридцать отсюда.

— Роберт прав, — мрачно сказал Говард. — Ты не можешь идти.

— Тогда оставьте меня здесь, — ответил Рольф.

Его голос дрожал от слабости, но я почувствовал, что он говорит серьезно.

— Об этом вообще не может быть речи, — возразил я. — Я придумаю что-нибудь. Если не удастся найти врача, то, по крайней мере, попытаюсь раздобыть какую-нибудь повозку, — я гневным кивком головы указал на улицу. Отблески большого пожара в гавани окрашивали мокрую брусчатку в розоватый свет, отчего казалось, что она покрыта кровью. — Должен же быть в этом дурацком городе хоть один человек, который еще не лишился рассудка.

— И кто же это? — мрачно спросил Говард.

На этот раз я ничего не ответил. Ярость, с которой нас преследовали местные жители, было трудно объяснить с точки зрения здравого смысла. Они все казались заколдованными — в прямом смысле этого слова. Мы боролись против сил, которые не подчинялись никакой логике.

Я невольно посмотрел на большую книгу в черном кожаном переплете, которую Говард держал у себя под мышкой. Она выглядела такой безобидной, такой заурядной. Однако в действительности эта книга была причиной гибели очень многих людей. А еще причиной того бедственного положения, в котором мы сейчас находились.

Говард, заметив мой взгляд, испуганно вздрогнул. Он ничего не сказал, но то, как крепко он держал книгу, говорило само за себя. Мне на секунду пришла в голову шальная мысль попытаться использовать силу Некрономикона, что выбраться отсюда. Впрочем, конечно же, это было невозможно. Эта книга была непревзойденным источником зла. Тот, кто пользовался ее силой, должен был дорого за это платить. А то, что цена очень высока, я видел своими собственными глазами...

— Идите назад, — сказал я. — Я попытаюсь где-нибудь украсть повозку.

Говард хотел что-то возразить, но вместо этого лишь глубоко вздохнул и — с явным нежеланием — кивнул. Те несколько шагов, которые мы перед этим проделали, поддерживая Рольфа, убедили его лучше всяких разъяснений, какими бессмысленными были все наши попытки. Возможно (хотя и маловероятно), нам удалось бы доковылять незамеченными до окраины города, находившейся в нескольких кварталах отсюда. Но пройти тридцать миль, отделявших нас от Беттихилла, даже здоровому человеку не так-то

легко. А для нас — особенно для Рольфа — это расстояние было просто непреодолимым. С таким же успехом мы могли бы попытаться добраться отсюда вплавь до Лондона.

— Хорошо, попробуй, — сказал наконец Говард. — Все равно у нас нет другого выхода.

— У вас — есть, — возразил Рольф. — Вы можете выбраться отсюда вдвоем, если оставите меня. Я как-нибудь потом пробьюсь.

— Глупости, — возразил Говард. — Как только утихнет пожар, в округе опять будет полным-полно людей. Роберт прав: или мы выберемся отсюда все вместе, или все останемся здесь.

Рольф вспыхнул:

— Но ведь это...

— Единственный здравый подход, — перебил его Говард. — Неужели ты думаешь, что сможешь выкрутиться, если они тебя найдут? Они тут же убьют тебя и бросятся искать нас. Нет, Рольф, у нас нет другого выбора, кроме как взять тебя с собой, — он посмотрел на меня. — Ступай. Мы будем ждать здесь. Смотри только, чтобы тебя никто не заметил.

Я, не говоря больше ни слова, кивнул и, пригнув голову, вышел на улицу. Со стороны гавани виднелись мерцающие красновато-желтые отблески пламени и доносился гул голосов большой толпы людей. Я различил крики, стенания, звон пожарного колокола. Однако улица слева и справа от меня словно вымерла.

Пока я быстро шагал к центру города, мой мозг напряженно работал. У меня не было какого-либо осмысленного плана действий, как, возможно, предполагал Говард. Дернесс был городом, а не деревней, где в каждом дворе есть лошадь. А потому было очень мало шансов, что я встречу повозку, которая только и ждала бы, когда же я за ней приду.

Хотя, может быть, мне все-таки удастся найти кого-нибудь, кто нам поможет...

Здесь, глубоко под водой, было тихо. Существо достигло подножия меловой скалы и вынырнуло из волн прибоя. Оно было похоже на воплощение темноты и страха — своего рода черный демон, возникший из глубины времен, может из самой преисподней, и принесший с собой ужас эпохи, отделенной от нынешнего времени тридцатью миллионами поколений. Бесформенное и подрагивающее, словно невероятно огромная амеба, это существо поползло вверх по прибрежной скале, достигло ее вершины и, немного помедлив, — словно ему требовалось время, чтобы сориентироваться в окружающем пространстве, хотя у него явно не было никаких органов чувств, — двинулось на юг, к лесу, будто направляемое одновременно и инстинктом охотника, ищущего жертву, и инстинктом самой потенциальной жертвы, пытающейся найти в лесных дебрях защиту от охотников. Там, где оно проползало, за ним оставался широкий блестящий след, представляющий собой лишь голый камень и сухой, ставший бесплодным грунт. На этой полосе смерти уже не было ничего живого, даже микроскопических организмов, причем не только на поверхности грунта, но и глубоко в земле, словно пропитанной смертоносной кислотой.

Существо продолжало ползти все дальше, ощупывая путь черными слизистыми отростками и время от времени останавливаясь. Наконец оно достигло границы леса. Его отростки тут же разделились на множество тонюсеньких щупальцев, которые стали жадно тянуться в разные стороны в поисках живого — еды, которая бы утолила голод, мучивший существо два миллиарда лет. Позади него в лесу оставался словно выжженный огнем след, похожий на полукруглый туннель, свидетельствовавший о том, что здесь прополз Шоггот. Затем существо достигло поляны и снова остановилось. Оно вонзило свои

тонюсенькие щупальца в землю и долго там что-то искало. Наконец оно нашло то, что ему требовалось: пещерку, своего рода полость в земле, без света и воздуха, расположенную на глубине около сорока футов, возникшую там давным-давно по прихоти природы. Несмотря на внушительные размеры этого существа, ему не составило особого труда просочиться сквозь толщу земли: его тело превратилось в жидкую студенистую массу, которая стекла вниз, в подземную полость, прямо сквозь землю. Затем там, на глубине, существо снова приняло прежнюю чудовищную форму.

В подземной полости существо долго лежало, периодически — с равномерными интервалами — пульсируя, словно какая-то бессмысленная груда, состоящая из черных биоклеток и протоплазмы, лишенная каких-либо органов чувств. Затем, через несколько часов, оно образовало из своей массы тонюсенькие — в несколько сот раз тоньше человеческого волоса, щупальца, которые начали пронзать окружающий грунт, постепенно создавая вокруг существа огромную, невидимую для человеческого глаза сеть, похожую на подземную паутину. Существо почувствовало окружающие его живые организмы, и в нем снова вспыхнула животная алчность — стремление пожрать все, до чего только оно могло добраться.

Но оно занялось другим делом. Его щупальца стали тянуться к корням деревьев и травы, а также к грибным нитям, пронизывающим лесной грунт, словно живой ковер, и переплетаться с ними — и все ради того, чтобы подготовиться к выполнению своего ужасного замысла...

По мере того как я, словно вор, перебегал от стены к стене и от тени к тени, становилось все темнее. Я приближался к центральной части города, но круглым путем — вместо того, чтобы пойти по центральной улице, которая привела бы меня к гавани, я огибал центр города с востока. По пути мне встретились несколько человек, но никто из них даже не взглянул на меня. От чужого внимания меня защищала сгустившаяся темнота и все еще продолжающийся пожар, приковывавший к себе все взоры. Кроме того, Дернесс хоть и был маленьким городом, но не настолько, чтобы все его жители знали друг друга в лицо. Тем не менее, я натянул шляпу поглубже на глаза и старался не смотреть на лица встречаемых прохожих.

Я не был уверен, что сумею разыскать тот дом. Однако наступившая темнота, как ни странно, помогала мне в моих поисках. Когда я оказался здесь в первый раз, было так же темно, и хотя я тогда не старался запомнить дорогу, мне все же врезались в память кое-какие ориентиры. Поэтому уже через каких-то полчаса я опять стоял перед этим невзрачным домом, испуганно озираясь по сторонам. Я теперь находился довольно близко от гавани и, когда ветер дул с той стороны, я различал потрескивающий звук пламени и крики пожарной команды. Мне казалось, что полгорода было на ногах, пытаясь потушить пожар, и, похоже, у них на это могла уйти еще добрая половина ночи. Так что у нас было достаточно времени...

Я еще раз огляделся по сторонам, затем решительно толкнул дверь и вошел внутрь дома. Коридор с ведущей наверх лестницей показался мне еще более убогим, чем в первый раз, а после холодного, освеженного дождем воздуха здесь просто нечем было дышать. Я закрыл за собой дверь, натянул шляпу еще ниже на глаза — на тот случай, если мне встретится кто-нибудь в коридоре — и стал быстро подниматься по лестнице.

Перед узкой лестницей в конце коридора я остановился. Мне вдруг пришло в голову, что за этой дверью меня могла ждать тьма-тьмушая всяких неожиданностей, и я уже всерьез

начал подумывать о том, что мне следует развернуться и бежать отсюда как можно быстрее. Я уж как-нибудь и сам сумею раздобыть повозку или хотя бы лошадь — не зря же я провел большую часть своей жизни среди воров и головорезов!

Но я не развернулся и не убежал. Дело ведь было не только в том, чтобы раздобыть повозку. Чтобы иметь хоть какие-то шансы выбраться из этого города, мы нуждались в помощи людей. Поэтому я взялся за дверную ручку, на секунду прислушался, а затем решительно открыл дверь и вошел в комнату.

Как я и надеялся, кроме миссис Уинден и ее дочери в помещении никого не было. Миссис Уинден сидела на краю кровати Сэлли, слегка наклонившись вперед, и держала в руках чистое полотенце, которым она, по-видимому, вытирала лоб дочери. Когда я открыл дверь, она неспешно обернулась, взглянула на меня и — замерла.

Я одним прыжком оказался возле нее. Она очнулась от своего оцепенения и уже открыла рот, чтобы закричать. Я тут же быстренько — и довольно бесцеремонно — крепко обхватил ее туловище одной рукой и поднял ее на ноги, а другой рукой закрыл ей рот.

— Прошу вас, — быстро сказал я, — миссис Уинден, не кричите. Я не сделаю вам ничего плохого!

Она в течение некоторого времени пыталась отчаянно сопротивляться, но этот порыв погас так же быстро, как и возник. В ее глазах появились слезы. Выражение страха, появившееся на ее лице, когда я вошел в комнату, теперь сменилось ужасом и даже отвращением. Я слегка ослабил хватку, но все-таки еще прижимал ладонь к ее рту.

— Пообещайте мне, что не будете кричать, — сказал я поспешно. — Прошу вас, миссис Уинден. Я лишь хочу, чтобы вы меня выслушали.

Она кивнула, но я все еще не отпускал ее.

— Вы обещаете, что не будете кричать? — спросил я еще раз.

На этот раз мне пришлось ждать ее ответа несколько секунд. Наконец она закрыла и снова открыла глаза, что я воспринял как положительный ответ. Я медленно убрал свою руку от ее рта и одновременно отпустил миссис Уинден, хотя находился при этом в напряженной готовности снова схватить ее в случае чего.

Она, всхлипнув, стала пятиться, пока не уперлась ногами в кровать девушки. Миссис Уинден прижала ладони ко рту и уставилась на меня широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Что... что вам нужно? — пролепетала она. — Что вам нужно от меня?

— Ваша помощь, — ответил я. — Нам нужна ваша помощь, миссис Уинден.

— Моя... — она запнулась, посмотрела мимо меня на находившуюся за моей спиной открытую дверь и бессильно всплеснула руками.

— А как вы оказались здесь? — пробормотала она. — Вы, стало быть, живы. Я думала, что вы... что вы...

— Мертв? — я покачал головой, повернулся и закрыл дверь. — Все так думают, но это неправда. Мы смогли спастись. Но нам нужна помощь.

— Помощь? От меня? — она говорила так, как будто в любую секунду готова была закричать. Затем она вдруг так энергично покачала головой из стороны в сторону, что ее волосы растрепались. — Я не имею к вам никакого отношения. Уходите. Уходите отсюда. Я — всего лишь беспомощная женщина. Я не могу вам помочь. И я не хочу вам помогать.

Я некоторое время молча смотрел на нее, а затем подошел ближе к кровати, на которой спала девушка. Почти перед самой кроватью миссис Уинден преградила мне путь. Она дрожала от испуга, но стремление защитить свою дочь было сильнее страха. Я остановился и

посмотрел поверх ее плеча на неподвижно лежащую девушку. Лицо Сэлли было таким же бледным и осунувшимся, как и вчера, а дыхание — прерывистым и беспокойным. Но теперь, скорее всего, у нее была просто высокая температура.

— Вы нам кое-чем обязаны, миссис Уинден, — тихо сказал я.

Она вздрогнула, как будто я ее ударил. Ее губы задрожали, а взгляд стал перескакивать с бледного лица дочери на мое лицо. Но она молчала.

— Вы нам кое-чем обязаны, миссис Уинден, — повторил я. — Без помощи Говарда ваша дочь была бы уже мертва. А теперь ваша помощь нужна нам.

Произнося это, я сам себе казался таким гнусным и подлым, как еще никогда в жизни. Я видел, что при каждом моем слове она вздрагивала, будто от удара. Но у меня не было другого выхода: я должен был спасти Рольфа.

— Прошу вас, — продолжал я еще более тихим и — хотя я не сразу это заметил — почти умоляющим голосом. — Я и сам не рад тому, что сейчас делаю, но один из моих друзей умрет, если вы нам не поможете.

Она в упор смотрела на меня. В ее глазах блестели слезы, а пальцы теребили тонкую ткань платья. Ее губы дрожали. Она опустила глаза, несколько раз подряд судорожно сглотнула, посмотрела сначала на меня, потом на свою дочь, и затем глубоко вздохнула.

— Чего вы хотите? — наконец спросила она. — Я не могу вас спрятать, и у меня нет повозки, которую я могла бы вам дать. Чего вы хотите от меня? Зачем вы меня мучаете?

— Я... не хотел этого делать, — честно ответил я. Почему ее слова так меня задели? — Я не пришел бы сюда, если бы у меня был какой-то другой выход. Поверьте мне.

Она снова некоторое время молчала, а от ее взгляда у меня по спине побежали холодные мурашки.

— Это... это правда, что вы подожгли порт? — вдруг спросила она. — Вы и ваши друзья?

— Я? — ее слова так меня озадачили, что я некоторое время ничего не мог ответить и лишь смотрел на нее с открытым ртом. — Но это же чушь! Мы...

— Кто вы такие? — спросила миссис Уинден.

Она вдруг стала совершенно спокойной. Это было то спокойствие, за которым зачастую скрывается изо всех сил сдерживаемая паника. Так и не дождавшись от меня ответа, она спросила еще раз:

— Кто вы такие на самом деле? Вы и ваши друзья?

— А что про нас говорят люди? — спросил я.

— Люди говорят, что вы колдун, мистер Крэйвен, — ответила миссис Уинден серьезно. — И что вы связались с дьяволом. Это... правда?

— Чепуха! — выпалил я, но по выражению лица я понял, что это был не совсем подходящий ответ, а потому я тут же добавил — таким спокойным тоном, на какой только был в данный момент способен: — Это все неправда, миссис Уинден. Я... я не могу вам сейчас этого объяснить, но мы не связаны ни с дьяволом, ни с чем-либо подобным. То, что в порту случился пожар, — не наша вина, скорее наоборот. Просто... просто некоторые люди хотят нас убить. Они вылили в гавань керосин, чтобы сжечь нас. А огонь охватил и постройки у гавани, но ведь мы-то в этом не виноваты.

— Вы — колдун! — заявила миссис Уинден. Выражение страха в ее глазах усилилось. — Вы... с тех самых пор, как вы приехали в наш город, на нас свалились всевозможные несчастья. Произошли...

— Произошли невероятные события, я знаю об этом, — перебил я ее.

Я попытался улыбнуться, но у меня ничего не получилось. Тогда я очень медленно — чтобы не испугать ее и не спровоцировать на необдуманные действия — обошел вокруг кровати и присел на ее край. Сэлли спала спокойно. Я увидел, что ее кожа блестела от пота, а губы распухли и потрескались. Мне стало жаль ее. Было даже страшно представить, что в это невинное дитя еще не так давно вселилось чудовище, для которого не существовало ничего святого. Я осторожно наклонился и коснулся лба девушки ладонью. Ее кожа была горячей. Но тут произошло нечто неожиданное. В тот самый момент, когда моя рука дотронулась до ее лба, она перестала метаться во сне. Ее дыхание стало ровным, а глазные яблоки, до этого постоянно двигавшиеся под закрытыми веками, замерли.

Миссис Уинден ахнула.

— Что... что вы с ней сделали? — растерянно спросила она.

— Ничего, — ответил я. — Не переживайте. Я не собираюсь причинять никакого вреда ни Сэлли, ни кому-либо другому. Поверьте мне, я вам не враг. Скорее наоборот.

Она сглотнула. Ее взор в нерешительности блуждал по комнате.

— Я знаю, что местные люди говорят о нас, — сказал я тихо. — И я вполне могу их понять. С тех пор, как мы приехали в Дернесс, произошли удивительные события. И, возможно, в этом есть наша вина. Возможно, нам не следовало приезжать сюда.

Почти целую минуту миссис Уинден молча смотрела на меня. Затем она кивнула — и по тому, как она кивнула, было видно, каких душевных усилий ей это стоило.

— Я... помогу вам, — сказала она так тихо, что я еле расслышал эти слова.

— Значит, вы верите мне? — спросил я.

— Я помогу вам, — уже холодно повторила она. — Вам и вашим друзьям. Вы спасли жизнь моей дочери, мистер Крэйвен. Я тогда сказала вам, что сделаю все, что вы потребуете. И я сдержу свое слово.

Это был не тот ответ, который мне хотелось бы услышать, совсем не тот. Но это было единственное, чего я смог от нее добиться. Некоторое время я смотрел ей прямо в глаза, а затем встал, отошел от кровати Сэлли и начал излагать миссис Уинден свой план.

Сеть заметно расширилась. Многие миллионы тонюсеньких ветвистых волокон — черных и маслянистых — пронизывали теперь лесной грунт в радиусе нескольких миль. При этом тело Шоггота потеряло в своем объеме ровно столько, насколько выросла эта подземная сеть. Она находила себе питание тем чудовищным образом, который был ей свойственен: как только она наталкивалась на какие-нибудь живые организмы (исключая растения), она их тут же поглощала, при этом ее клеточная ткань разрасталась, захватывая все большие площади. Изначальное тело существа теперь по размерам было уже не больше, чем тело человека, в крайнем случае, не больше коровы. Однако его общая масса удесятирилась с тех пор, как оно проникло под землю.

Теперь оно уже больше ничего не пожирало. Хотя оно продолжало разрастаться, образуя просто огромную подземную сеть, оно к этому моменту поглотило уже достаточное количество органической материи, чтобы выполнить стоящую перед ним задачу. Его злобный интеллект представлял собой не более чем сформулированное задание орудию, предназначенному для выполнения одной единственной, вполне определенной задачи, и у существа был небольшой выбор: либо выполнить эту задачу, либо умереть. Хотя как может умереть то, что никогда и не было живым?

Через час мы уже двигались в обратном направлении, в сторону того заброшенного двора на восточной окраине Дернесса, где затаились Говард и Рольф. Раздобыть повозку оказалось намного легче, чем я предполагал. Я дал миссис Уинден денег, и она наняла повозку с двумя лошадьми. Как она мне потом рассказала, человек, у которого она наняла повозку, смотрел на нее, покачивая головой, но не задал, однако, ни одного вопроса: она была не единственной, кто в это смутное время предусмотрительно стремился покинуть город, тем более что пожар в порту до сих пор так и не удалось погасить, а потому многие люди бежали из города — то ли из опасения, что пожар может охватить весь город, то ли просто поддавшись панике. Мне пришлось просидеть некоторое время, прячась в повозке, пока миссис Уинден не нашла соседку, согласившуюся подежурить у кровати Сэлли в течение ночи. Миссис Уинден не стала мне рассказывать, какие объяснения она давала соседке относительно того, почему ей нужно уйти. Я несказанно обрадовался, когда наконец миссис Уинден вышла из дома и вскарабкалась на козлы повозки. Хотя мы и не говорили об этом, было и так понятно, что, согласившись нам помочь, она подвергала себя серьезной опасности. Если нас поймают, гнев толпы обрушится и на нее.

Было уже почти десять часов, когда наша повозка остановилась перед темной подворотней. Я знаком показал миссис Уинден, чтобы она подождала, молча спрыгнул с повозки и проворно прошмыгнул в подворотню. В первый миг я никого там не увидел: неровный черный квадрат двора, казалось, был пустым, как будто от Говарда и Рольфа не осталось и следа. Однако после того как я несколько раз вполголоса произнес имя Говарда, из-за мусорного ящика появилась чья-то тень.

— Это ты, Роберт?

Я кивнул, подошел к нему и — тут же замер на месте, увидев, что в его руке блеснуло что-то металлическое. Говард заметил мой взгляд, сдержанно улыбнулся и с виноватым видом засунул револьвер себе под пальто.

— Где ты так долго был? — спросил он. — Мы уже думали, что они тебя схватили.

— Я раздобыл повозку, — сказал я, махнув рукой в сторону улицы. — Как дела у Рольфа?

— У него все еще высокая температура, — озабоченно сказал Говард. — Но вообще он держится молодцом. Помоги мне.

Я пошел вслед за ним за бочки с мусором. Рольф лежал, приподнявшись на локтях, на импровизированной подстилке из картона и тряпья и держал, как и Говард перед этим, револьвер в правой руке, его глаза горели от жара. Лицо Рольфа казалось раскаленным. Мне стало его очень жаль. Впрочем, быть может, он внешне выглядел намного хуже, чем реально себя чувствовал: ожоги всегда придают человеку ужасный вид, даже если они лишь поверхностные, однако они в любом случае причиняют жуткую боль, и, если только не произойдет какое-то чудо, у Рольфа на лице останутся шрамы.

— Ты можешь идти? — спросил я. — Тебе нужно дойти лишь до улицы. Там стоит повозка.

Рольф кивнул и попытался подняться на ноги, но своих сил ему для этого не хватило, поэтому мне пришлось ему помочь. Говард поднял с земли книгу, которую он до этого прятал под каким-то драным одеялом, и свободной рукой подхватил Рольфа с правой стороны.

Когда мы вышли, пошатываясь, из подворотни, лошади начали испуганно фыркать.

Цокот их копыт по мостовой отдавался вдоль улицы гулким эхом. Лошади были чем-то напуганы. Возможно, они чувствовали запах пожара, все еще бушевавшего в порту.

Говард замер на месте, увидев, что кто-то сидит на козлах повозки.

— Кто это? — испуганно спросил он. — Ты...

— Нашел кое-кого, кто нам поможет, — перебил я его. — Сами мы не справимся, Говард...

Говард осторожно отпустил руку Рольфа, подошел поближе к повозке и — удивленно вздрогнул, узнав сидящего на повозке человека:

— Это вы?

— Она нам поможет, — поспешно сказал я. — Не переживай, Говард. Давай быстрее. Мы и так потеряли много времени.

Говард неохотно повернулся. По его лицу было видно, что он напряженно думает. Так ничего больше и не сказав, он помог мне довести Рольфа до повозки и уложить его на одну из двух имеющихся деревянных скамеек. Рольф тихонько стонал. Когда я заходил во дворик, он был в сознании. Теперь же он опять бредил. Его кожа горела, но при этом его знобило. Говард снял свое пальто, сложил его и подсунул Рольфу под голову, как подушку. Я же, тоже сняв свое пальто, укрыл им Рольфа. Пальто было холодным и влажным, но это было лучше, чем вообще ничего.

— Ты будь рядом с ним, — распорядился Говард.

Он повернулся, постоял несколько мгновений, словно колеблясь, и затем положил книгу между сиденьями в повозке.

— Не прикасайся к ней, что бы ни случилось, — сказал он. — Тебе понятно?

Его слова разозлили меня, но я сдержал уже вертевшийся у меня на языке дерзкий ответ и лишь молча кивнул, а затем забрался в повозку и сел на вторую скамейку. Древесина скамейки была влажной, и я вдруг заметил, что стало очень холодно. Мои руки так окоченели, что я почувствовал боль, когда попытался пошевелить пальцами.

Говард выпрыгнул из повозки, обошел вокруг нее и уселся на козлы рядом с миссис Уинден. Я услышал, как щелкнул кнут. Повозка, раскачиваясь, покатила по мостовой.

Дома медленно — невыносимо медленно — проплывали мимо нас. Прошло совсем немного времени — и вот мы наконец проехали мимо последнего дома и выехали на равнину, но мне показалось, что прошли многие и многие часы. Рольф тихонько постанывал во сне. Я время от времени наклонялся над ним, но не мог ничего поделать, кроме как лишь озабоченно смотреть на него. Я знал, что Рольф очень сильный человек. Но именно сильные люди часто превращаются в развалину, как только истощаются их жизненные силы.

Я повернулся вперед и посмотрел на миссис Уинден.

— Сколько у нас уйдет времени? — спросил я.

— Чтобы добраться до Беттихилла? — она секунду подумала. — Три часа. А то и четыре. Дорога делает большой крюк на юг, мистер Крэйвен. Правда, есть более короткий путь — напрямик через лес, однако боюсь, что из-за дождей почва сильно размякла и мы можем застрять.

Короткий путь напрямик через лес... Не знаю, почему, но при этих словах у меня возникло ощущение, что я забыл что-то очень важное. Я постарался думать о другом. В данный момент важным было то, что мы все-таки выбрались из Дернесса, а еще то, что Рольфа нужно было как можно быстрее доставить к врачу.

— Тогда мы поедem по главной дороге, — сказал Говард. — Мы не можем рисковать.

Он посмотрел на маленькую женщину, сидящую рядом с ним на козлах, каким-то странным взглядом.

— Очень любезно с вашей стороны, миссис Уинден, что вы помогаете нам, — сказал он.

— Я чувствовала себя вашей должницей, — ответила она. То, как она это сказала, заставило Говарда озадаченно нахмуриться. Он обернулся, испытываяще посмотрел на меня, а затем снова взглянул на миссис Уинден.

— Я сожалею, что из-за нас вы попали в такую ситуацию, — пробормотал он. — Я постараюсь это как-то загладить, когда здесь... все уляжется.

Миссис Уинден ничего не ответила, и у меня возникло чувство, что я совершил что-то весьма предосудительное. От того, как на меня посмотрел Говард, мне стало не по себе.

Время тянулось очень медленно. Повозка катилась по накатанной дороге, а дождь продолжал лить с монотонной однообразностью. Мне было очень холодно, и теперь, когда мои нервы мало-помалу успокоились, я почувствовал, как сильно я устал. Если бы не было так холодно, я бы тут же заснул.

Повозка въехала на холм, обогнула одиноко стоящее почерневшее дерево, в которое когда-то, по-видимому, ударила молния, и резко остановилась: миссис Уинден натянула вожжи. Я очнулся от полусна, в котором пребывал, и встревоженно взглянул на козлы. Миссис Уинден, оглянувшись, смотрела с высоты холма назад — туда, откуда мы приехали. Несмотря на большое расстояние, пожар в порту Дернесса был виден и отсюда. Он напоминал мерцающие во мраке желтовато-красные искорки.

— Это... невозможно, — пробормотала миссис Уинден. — Почему пожар продолжается?

Она посмотрела сначала на меня, затем на Говарда и сжала губы в узкую бескровную полоску.

— Мой... мой брат находился в порту, — сказала она тихо, словно против собственной воли. — Он помогал тушить пожар. Он... он сказал, что все суда давно уже сгорели, да и от складов остались лишь руины. Но... вода все еще горит. Хотя керосин уже давным-давно должен был сгореть.

Свойственное Говарду самообладание, похоже, вдруг стало ему изменять. Он бросил быстрый взгляд на лежащую в повозке книгу.

— Это... необычный пожар, — неохотно сказал он. — Я сам не знаю, что... что там происходит, но надеюсь, он прекратится, как только мы покинем окрестности Дернесса.

— А если нет? — тихо спросила миссис Уинден.

На этот раз Говард ничего не ответил. Он резко повернул голову, взял у нее из рук вожжи и хлестнул ими лошадей. Повозка перекаtilась через вершину холма и стала съезжать с него по противоположному склону. Дорога становилась все хуже. То, что на карте было обозначено как проторенная дорога, на самом деле представляло собой сплошную вереницу ухабов и впадин, по которым и в хорошую погоду днем ехать было бы сущим мучением. Теперь же — ночью и после затяжных дождей, заполнивших дорожные впадины водой, сделав их незаметными, — ехать по такой дороге было просто пыткой. Повозка все время то застревала в выбоине, то упиралась в какой-нибудь бугорок, который мы в темноте не успевали вовремя заметить. Я бы не удивился, если бы рано или поздно у повозки сломалось колесо или треснула ось. При этом лошади все время спотыкались, и скорость нашего передвижения мало-помалу снижалась.

В конце концов повозка просто остановилась, причем так резко, что я, не удержавшись, чуть было не свалился с лавки. Говард тихонько ругнулся себе под нос, прыгнул с козел на землю и тут же ругнулся еще раз, почувствовав, что его ноги по щиколотку завязли в придорожной грязи.

— Что случилось? — спросил я.

— Мы застряли, — сердито ответил Говард. — Иди сюда и помоги мне.

Я встал, прыгнул на землю с противоположной стороны повозки — чтобы не завязнуть, как Говард, в грязи — и осторожно обошел повозку. Лошади нервно переступали с места на место, взмахивая хвостами, а одна из них попыталась меня укусить, когда я проходил мимо.

Я подошел к Говарду. Он сидел на корточках, тихо чертыхаясь себе под нос, и, ухватившись за что-то руками, тянул изо всех сил.

— Что случилось-то? — спросил я еще раз. — Выбоина?

— Нет. Иди помоги мне.

Он слегка отодвинулся в сторону, нетерпеливо поманил меня рукой и показал на что-то темное и блестящее от влаги, опутавшее колесо.

— Что это? — удивленно спросил я. Я наклонился, ладонями вытер дождевую влагу с глаз и попытался получше рассмотреть этот предмет.

Это были корни. Корни или какие-то побеги, покрытые липкой землей и переплетенные друг с другом. С упорством, свойственным растениям, они проросли сквозь твердый грунт дороги и переплелись с другими такими же корнями, проросшими с другой стороны. Колесо под тяжестью повозки продавило часть из них, но тонкие цепкие побеги запутались в спицах и теперь удерживали колесо, как огромная многопалая рука. Я попробовал дернуть один из корней, но мне едва удалось сдвинуть его с места, не говоря уже о том, чтобы оторвать его.

Говард пробормотал что-то себе под нос — возможно, ругательство — и, достав карманный нож, начал с ожесточенным выражением лица резать корни, хотя и без особого успеха.

— Черт возьми, что это за дрянь такая? — пробормотал я. — Они какие-то необычные.

— Это растения, — неохотно ответил Говард. — Какие-то корни. Чертов дождь размыл здесь грунт. Я не удивлюсь, если и дальше вся дорога окажется в таком же состоянии.

Он снова чертыхнулся, ухватился за надрезанный корень и потянул его изо всех сил. Корень с громким щелчком разорвался, и Говард, потеряв равновесие и беспомощно взмахнув руками, повалился на спину в грязь.

Я, лишь в самый последний момент сумев подавить злорадный смех, помог ему встать на ноги, а затем молча забрал у него нож. Пока разозленный Говард почти безрезультатно пытался очистить свою одежду от грязи, я изо всех сил старался разрезать странное переплетение корней. Но сделать это оказалось практически невозможно. Корни были не толще моего мизинца, а некоторые из них — и вообще толщиной в волос, однако их было просто невероятно много. Если орудовать таким вот малюсеньким ножом, нам понадобился бы целый час, чтобы высвободить колесо. Я терялся в догадках, как за какой-то миг колесо могло так основательно запутаться в корнях. Все выглядело так, как будто корни сами обвилились вокруг спиц.

Через некоторое время мои мышцы начали болеть от напряжения. Я поднялся, отдал нож сменившему меня Говарду и начал шевелить руками, чтобы расслабить свои

перенапряженные мышцы. Одна из лошадей стала нервно топтаться на месте и ржать.

— Что с лошадьми? — спросил Говард, вонзая нож в массу корней. — Попробуй успокоить их, Роберт. Мне не хотелось бы, чтобы они понесли как раз в тот момент, когда мы высвободим колесо.

Я кивнул, осторожно обошел повозку и с той же осторожностью положил ладонь на ноздри одной из лошадей, пытаясь успокоить ее.

Она тут же попыталась меня укусить. В самый последний момент я успел отдернуть руку, поранившись при этом об уздечку: на тыльной стороне кисти у меня появилась длинная кровавая царапина. Пospешно отпрыгнув назад, я гневно посмотрел на лошадь и засунул руку под мышку.

— Сильно поранились? — спросила миссис Уинден.

— Нет. Хотя очень больно.

— Подойдите сюда, — сказала она. — Я взяла с собой небольшой бинт — на всякий случай.

Я заколебался, но, увидев утвердительный кивок Говарда, обогнул повозку, держась теперь подальше от лошадей, и вскарабкался на козлы к миссис Уинден.

— Покажите руку, — попросила она.

Я послушно протянул руку и на всякий случай сжал зубы. Миссис Уинден ловкими движениями очистила рану и перебинтовала руку.

— Что-то я ничего не понимаю, — сказала она. — Лошадей я взяла у одного моего родственника, и я знаю их достаточно хорошо. Они еще никогда не кусали людей.

— Они нервничают, — ответил я. — Знать бы только, почему.

Миссис Уинден туго завязала последний узелок, критически осмотрела свою работу и затем кивнула.

— Годится, — сказала она. — Когда мы приедем в Беттихилл, все же зайдите к врачу.

— Если только мы туда когда-нибудь приедем, — мрачно ответил я. — Дорога просто ужасная. Да и эти... растения... Вы не знаете, что это такое?

Она отрицательно покачала головой.

— Мы недалеко от леса, — сказала она. — Дождь, похоже, размыл почву, и корни оказались на поверхности. Хотя это все странно. Даже жутковато.

Немного помолчав, она добавила:

— Я еще никогда не сталкивалась ни с чем подобным.

— Быть может, ты прекратишь болтать и спустишься сюда, чтобы мне помочь, — вмешался Говард в наш разговор.

Я вздрогнул, поблагодарил миссис Уинден, улыбнувшись ей, и, спрыгнув с повозки, поспешил на помощь Говарду.

Результаты его работы были весьма скромными. Хотя уже десятки черно-коричневых корней были перерезаны или разорваны, по сравнению с их общей массой — а они добрались уже почти до середины колеса — это было ничтожно мало.

— Даже не заметны результаты моих усилий, — пробурчал Говард. Его голос дрожал от напряжения. — Такое впечатление, что они тут же вырастают снова. Нужен нож побольше или же еще какой-нибудь большой режущий предмет. Иначе с этими...

— Сюда кто-то едет, — раздался голос миссис Уинден. Говард замолк на полуслове, испуганно поднялся на ноги и посмотрел вдоль дороги на запад.

Сквозь шум дождевых струй доносился отчетливый, иногда затихающий, звук копыт. Я

хотел что-то сказать, но Говард поспешным жестом прервал меня, вытер руки о штаны и шагнул на дорогу.

Из ночного мрака вынырнули два всадника. Они сидели, низко склонившись к шеям лошадей, и были закутаны в черные блестящие непромокаемые плащи. Всадники вдруг резко остановили своих лошадей — в тот самый момент, когда я уже думал, что они вот-вот наедут на Говарда.

— Добрый вечер, господа, — сказал Говард еще до того, как кто-то из прибывших смог промолвить хотя бы слово. Я внутренне восхитился самообладанием, которое демонстрировал Говард в такой напряженный момент. Всадники все-таки прискакали из Дернесса. Я, например, очень радовался тому, что стою в тени повозки. Мои нервы не были и наполовину такими крепкими, как у Говарда.

— Вас нам прислало само небо, — продолжал он. — У нас тут возникла небольшая проблема.

Один из всадников посмотрел на него с недоверием и плохо скрываемым высокомерием.

— Проблема... — повторил он. — Похоже, ваша повозка основательно застряла.

Он тихо засмеялся, спрыгнул с седла и жестом показал своему спутнику, чтобы тот сделал то же самое.

— Так что же все-таки произошло? — спросил он после того, как они оба спешили. — Сломалась ось?

Говард отрицательно покачал головой:

— Нет. Повозка просто запуталась в каких-то корнях. Боюсь, что собственными силами нам не справиться.

Незнакомец оглядел Говарда, скорчив при этом гримасу, явно говорящую о том, насколько скептически он отнесся к физическим возможностям Говарда. Даже под просторным плащом фигура Говарда выглядела такой же тонкой, как и фигура девушки. Я уже привык к изящности его телосложения и давно не обращал на это внимания. Тому же, кто видел Говарда в первый раз, должно быть, неизбежно бросалась в глаза хрупкость его фигуры.

— Сейчас посмотрим, что тут к чему, — сказал незнакомец и бесцеремонно отстранил Говарда. Он молча присел на корточки возле колеса, пощупал руками спицы, затем почесал себе подбородок.

— Ничего себе, — пробормотал он. — Как это вы умудрились?

— Хотел бы я знать, — ответил я. — Дождь, похоже, очень сильно подмыл грунт. Остается только надеяться, что не будет еще хуже.

Незнакомец поднял глаза и испытывающе посмотрел на меня. Мое сердце забилося сильнее, но я приложил все усилия, чтобы выглядеть внешне как можно спокойнее. Даже если этот человек и видел меня в Дернессе, то вряд ли узнал бы меня сейчас. Для защиты от дождя я так низко натянул шляпу на глаза, что моего лица почти не было видно.

— А что вы вообще тут делаете, ночью и по такой собачьей погоде? — спросил он.

Говард бросил на меня быстрый предупреждающий взгляд. Я, даже не глядя на сидящую на козлах миссис Уинден, почувствовал, как она напряглась. Этому незнакомцу надо быть слепым, чтобы не заметить Рольфа, растянувшегося на одной из скамеек в повозке.

— Мы едем из Дернесса, — поспешно сказал Говард. — Наш друг ранен. Его нужно отвезти к врачу.

Незнакомец с любопытством заглянул в повозку и тут же поджал губы, увидев покрытое ожогами лицо Рольфа.

— Ни черта себе! — вырвалось у него. — Пожар в порту?

Говард кивнул.

— Мы хотели помочь погасить его, — сказал он, — но, боюсь, действовали не слишком умело.

— Ну ладно, сейчас мы посмотрим, получится ли у нас высвободить вашу повозку, — сказал незнакомец. — У вас есть нож?

Говард протянул ему свой карманный ножик. Незнакомец, бросив на него удивленный взгляд, рассмеялся — очень громко, но не очень весело:

— Ну, что же это вы, господин хороший! А почему бы вам не попытаться перегрызть эти корни зубами? — он махнул рукой своему спутнику. — Принеси мне топор, Лон!

Я поспешно отступил в сторону, пропустив Лона, который, отвязав от своего седла топор с коротким топорищем, протянул его, наклонившись, своему спутнику. Тот взял топор и, замахнувшись, рубанул изо всех сил. Раздался звонкий металлический звук: острое лезвие топора, прорубив несколько корней, ударилось о металлическую деталь колеса.

— Осторожнее, не повредите колесо, — озабоченно сказал Говард.

Мужчина в ответ лишь что-то буркнул себе под нос и рубанул второй раз, еще сильнее. Топор глубоко вошел в черную массу, разрубив множество корней. На этот раз при ударе послышался лишь треск дерева. Из разрубленных корней сочилась жидкость, похожая на бесцветную кровь.

Наш помощник торжествующе ухмыльнулся.

— Видели? — сказал он. — Вот как надо. Уже через минуту вы снова сможете ехать.

Он в третий раз рубанул топором, но на этот раз топор ударился обо что-то твердое, лежащее прямо под черными корнями, и два или три тонких побега тут же обвилились вокруг топорища. Мужчина чертыхнулся, попытался вырвать топор и тут же удивленно нахмурил лоб, потому что это у него не получилось: побеги крепко вцепились в топорище. Я наклонился и попытался ему помочь, но и наших объединенных усилий не хватило для того, чтобы высвободить топор.

— Так дело не пойдет, — пробормотал незнакомец.

Он отстранил меня и еще раз рванул топорище. Мышцы мужчины напряглись, а на шее у него от напряжения проступили вены. Но топор застрял намертво.

Говард молча протянул ему свой нож. Мужчина, бросив на Говарда мрачный взгляд, взял у него нож и начал ожесточенно резать побеги. Прошло минут пять, прежде чем он высвободил свой топор.

— Может, этого уже будет достаточно, — сказал Говард. — Попробуйте стронуть повозку с места, миссис Уинден.

Над спинами лошадей щелкнул кнут, и они изо всей силы потянули упряжь. Кожаные ремни закрипели, повозка содрогнулась и проехала чуточку вперед.

— Получается! — обрадованно воскликнул наш помощник. — Лон и вы, — он указал на Говарда, — давайте-ка на ту сторону, к колесу. А вы, — он взглянул на меня, — помогайте мне здесь.

Мы подождали, пока Говард и Лон обойдут вокруг повозки, а затем вцепились в спицы колеса и начали давить на них изо всех сил. Повозка пронзительно закрипела. Я почувствовал, как спицы под моими пальцами задрожали, как будто вот-вот могли

сломаться.

И вдруг повозка тронулась вперед. Она сдвинулась так резко, что я поскользнулся на влажном грунте и шлепнулся в грязь, так же, как и Говард перед этим. Повозка проехала некоторое расстояние и снова остановилась: миссис Уинден натянула поводья. Я поднялся на ноги, выплевывая грязь и воду, и попытался стереть с лица грязную жижу, так, чтобы она не попала в глаза. Позади меня раздался хриплый злорадный смех.

Я выпрямился и гневно обернулся, успев при этом вытереть лицо рукавом. Смех прекратился.

Прошло несколько секунд, прежде чем я заметил, какое странное выражение появилось на лице незнакомца. Он перестал смеяться, а насмешка в его глазах сменилась испугом. И тут я понял, что произошло: когда я упал в грязь, у меня с головы слетела шляпа. А белую молниеобразную прядь волос над моей правой бровью, скорее всего, было хорошо видно даже в темноте...

— О господи! — ахнул незнакомец. — Вы... Вы тот, кого мы ищем. Вы...

Говард отреагировал немного быстрее, чем я. Краем глаза я увидел, что он подскочил к Лону и молниеносным ударом кулака в подбородок свалил его с ног. Я тут же рванулся вперед и нанес сильный удар, который пришелся... в пустоту: второй незнакомец молниеносно отскочил в сторону. В его руках блеснул топор. Я тоже резко отпрянул в сторону. Топор просвистел совсем рядом с моим левым ухом, при этом топорище больно стукнуло меня по плечу. Вскрикнув от боли и страха, я потерял равновесие и упал лицом вперед. Позади меня раздался гневный крик. Я инстинктивно перекатился на спину, выставил перед лицом руки в защитном жесте и ударил перед собой ногой. Моя ступня стукнула незнакомца по коленной чашечке как раз в тот момент, когда он замахивался для удара. Он вскрикнул и, увлекаемый энергией собственного замаха, потерял равновесие и шлепнулся рядом со мной. Топор, звякнув, ударился с размаху о камень, топорище отлетело, шибануло меня по виску, и я потерял сознание.

Когда я снова пришел в себя, первое, что я почувствовал, — неприятные толчки и тряску, а еще ледяное дуновение ветра. Голова справа сильно болела. Я поднял руку к виску, почувствовал липкую кровь, и, застонав, открыл глаза.

Я сидел на козлах, прильнув к миссис Уинден, словно спящий ребенок. Повозка быстро катилась в темноте и, судя по толчкам и ударам, слишком ощутимым из-за неподрессоренных осей повозки, дорога стала еще хуже. Я медленно выпрямился, еще раз пощупал рану на своем виске и напряг лицо. Боль в виске распространилась на всю голову.

Говард, сидевший теперь вместо миссис Уинден на месте возницы, бросил на меня быстрый взгляд, а затем снова сконцентрировался на управлении лошадьми.

— Все в порядке? — спросил он.

Я хотел кивнуть, но даже это маленькое движение вызвало бы сильную боль в голове, поэтому я лишь изобразил на лице мученическую улыбку. Повозку болтало из стороны в сторону, как суденышко в бурном море. Слева и справа от дороги стеной высились какие-то тени, а шум дождя стал совсем другим.

— Что... произошло? — спросил я.

— У нас неприятности, — сказал Говард, не глядя на меня. — Тому мужчине, что сбил тебя с ног, удалось убежать. Боюсь, что скоро нас догонят.

Я испугался.

— Ему удалось убежать? — удивленно переспросил я. — Он...

— Я хотел его задержать, но он оказался попроворнее меня. Боюсь, что он сейчас уже на подходе к городу.

— Но как такое могло произойти? — возбужденно спросил я. — У тебя же есть револьвер!

— Так что, я должен был в него стрелять? — гневно спросил Говард.

Я некоторое время растерянно смотрел на него, а затем отвел глаза в сторону.

— А... второй? — спросил я.

Вместо ответа Говард показал большим пальцем назад. Я обернулся и через плечо заглянул внутрь повозки. Рольф все еще неподвижно лежал на том же месте, но и вторая скамейка теперь не пустовала: на ней лежал человек в черном непромокаемом плаще. Его руки и ноги были связаны, а рот заткнут скомканным носовым платком.

— Куда мы едем? — спросил я.

— В Беттихилл, — ответила миссис Уинден вместо Говарда. — У меня там есть друзья, у которых вы сможете спрятаться. Так что не переживайте.

— Но нас догонят еще на полпути! — возразил я.

— Может быть, — сказала она. — А может, и нет. Мы сейчас едем коротким путем, напрямик через лес. Если нам повезет и повозка нигде не застрянет, то все будет нормально. Да и темнота нам помогает. К тому же в лесу — десятки дорожек. Они не смогут прочесать все.

— А если мы все-таки застрянем?

— Тогда мы пойдем пешком, — буркнул Говард.

Его голос показался мне раздраженным. Говард явно нервничал, поэтому я решил, что сейчас лучше ни о чем не говорить. Отвернувшись от него, я попытался усесться поудобнее на узком жестком сиденье, а затем стал вглядываться в темноту слева и справа от повозки. Впрочем, я почти ничего не увидел. Дорога была такой узкой, что ее ширины едва хватало для проезда нашей запряженной двумя лошадьми повозки, а ветки и листья кустов проплывали мимо так близко, что я мог дотянуться до них рукой. Кроме того, чтобы нижние ветки деревьев не могли поцарапать нам лица, мы то и дело пригибались. Я на некоторое время прислушался к звуку копыт и колес, и то, что я услышал, мне не понравилось. Темнота не позволяла увидеть поверхность дороги, но я отчетливо слышал, что колеса хлюпают в грязи, человеку там было бы, по меньшей мере, по щиколотку. Звук копыт был приглушенным и чмокающим, а когда лошади поднимали ноги, раздавалось хлюпанье. Если мы даже нигде и не застрянем, наши лошади все равно скоро встанут от изнеможения.

Мы молча ехали дальше. Дождь немного ослаб, да и холод здесь, в лесу, не был таким невыносимым. Тем не менее, мы безостановочно дрожали, а бесформенные черные тени деревьев и кустов по обеим сторонам дороги вселяли в меня какой-то непонятный страх. Мне все время хотелось оглянуться назад, как будто я опасался, что погоня вдруг появится прямо за нашими спинами.

— Ты и правда думаешь, что за нами гонятся? — спросил я.

Говард мрачно кивнул.

— В этом можешь не сомневаться, — сказал он. — Быть может, никто бы за нами не гнался, если бы не было пожара. Но теперь...

Он покачал головой, переложил поводья в одну руку, а второй рукой попытался достать сигару. Я некоторое время смотрел на него, а затем чиркнул спичкой и дал ему прикурить.

Он кивнул и тут же выпустил прямо мне в лицо облачко голубовато-белого дыма.

— Давайте будем ехать немного помедленней, — сказала миссис Уинден. — До поворота на Беттихилл уже совсем недалеко.

Поворот на Беттихилл... Черт возьми, я уже где-то слышал эти слова, но никак не мог припомнить, где и по какому поводу.

Говард чуть придержал лошадей и всмотрелся сощуренными глазами в темноту. Повозку, однако, начало раскачивать еще сильнее, и колеса, попадая в выбоины и натываясь на бугорки, несколько раз скрипнули так сильно, что я опасался, как бы они не сломались. Но они каким-то чудом уцелели.

Говард вдруг резко потянул поводья назад, причем так сильно, что одна из лошадей встала на дыбы, отчего вся повозка заходила ходуном.

— Что случилось? — испуганно спросил я.

Вместо ответа Говард указал в темноту. Я посмотрел туда, куда он показывал, но не увидел ничего особенного.

— Я ничего не вижу, — сказал я.

Говард кивнул:

— В том то и дело.

В первый момент я ничего не понял. Но затем...

Перед нами простиралась темнота — ничего больше, кроме иссиня-черной безмерной темноты. Впереди не было видно ни теней, ни кустов, ни веток — даже нижних веток деревьев, еще недавно так и норовивших ударить кого-нибудь по лицу.

— О господи, что это? — вырвалось у миссис Уинден.

Говард задумчиво покусал нижнюю губу, пожал плечами и передал ей поводья.

— Мы пойдем посмотрим, — сказал он. — А вы оставайтесь здесь.

Он слез с повозки и подождал меня. Я вдруг заметил, что стало очень тихо. Дождь по-прежнему монотонно поливал листву над нашими головами, но теперь его шума не было слышно. «Даже для дождливой ночи в густом лесу уж что-то здесь больно тихо», — подумал я. Впрочем, мне, может быть, просто так показалось из-за нервного перенапряжения. После пережитого за последние дни совсем неудивительно, что мне начинала мерещиться всякая всячина.

Медленно продвигаясь с Говардом вперед, я пожалел, что у нас нет с собой фонаря. Лошади стали нервничать еще больше, беспокойно топчя копытами грязь.

Через несколько шагов Говард остановился и молча указал вперед. Несмотря на отсутствие какого-либо освещения, я увидел, на что он указывал.

Впереди нас, всего в нескольких шагах от дороги, виднелись три дерева, которые по прихоти природы выросли так близко друг от друга, что между их стволами мог протиснуться разве что очень худенький ребенок. Ветки деревьев переплелись друг с другом, в результате чего на высоте ярдов восьми от земли образовалась единая раскидистая крона.

А ниже кроны деревья были голыми. Абсолютно голыми.

— Черт побери, что это значит? — пробормотал я.

Не обращая внимания на Говарда, я пошел вперед. Шаги по влажному грунту сопровождались хлюпающими звуками: ноги по щиколотку утопали в жидкой грязи. Взглянув вниз, я увидел, что между поверхностью дороги и лесным грунтом больше нет никакой разницы. Линия, отделяющая наезженную дорогу от нетронутой земли, исчезла. Под ногами у меня не было не только никакой растительности, но и вообще ничего, кроме

голого грунта: не было ни обломанных веток, ни листвы, ни множества других предметов, которые обычно покрывают лесную почву и хрустят под ногами.

— Посмотри на деревья, — пробормотал Говард.

Его голос дрожал. Он шел рядом со мной. Протянув руку в сторону одного из стволов, он все же не коснулся его.

Когда я поближе рассмотрел ствол, у меня по спине побежали ледяные мурашки. Он был гладким. Абсолютно *гладким*. До высоты в семь или восемь ярдов на нем не было ни веток, ни коры, и кто-то — или *что-то* — так отполировал древесину, что она блестела. Я нерешительно протянул руку и дотронулся пальцами до одного из стволов. На ощупь он действительно был как полированный.

— О господи, что же это такое? — пробормотал я. Мой взгляд стал искать другие деревья, кусты, ветки — что-нибудь естественное, *живое* — но я не видел ничего, кроме отполированных стволов деревьев, возвышавшихся вокруг нас, словно колонны собора.

Голыми были не только эти три дерева. Оправившись от испуга, мы осмотрелись по сторонам и увидели, что здесь словно пронесся опустошительный смерч: через лес был проложен своего рода туннель — прямой как стрела, ярдов восемь в высоту, округлой формы, ярдов двадцать в диаметре. Он простирался с севера на юг, исчезая в темноте. И в этом туннеле не осталось ни малейших признаков жизни. В кронах стоящих возле туннеля деревьев зияли просветы. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел поразительную картину: у некоторых деревьев крона осталась на месте, поддерживаемая кронами соседних деревьев, тогда как стволы — внутри пространства, очерченного воображаемым полукругом в восемь ярдов высотой — отсутствовали. От некоторых деревьев остались лишь обрубки стволов, не попавшие в зону всеобщего разрушения.

Это была странная, можно сказать, абсурдная картина. Она наводила на меня неопишуемый ужас.

— Что здесь произошло? — испуганно прошептал я. — О господи, Говард, кто *это все* сделал?

— Не знаю, — ответил Говард. Его голос был очень напряженным. Казалось, он держится из последних сил. — Знаю только, что мне не хотелось бы перейти ему дорогу.

Он вздохнул, присел на корточки и потрогал рукой грунт. Когда он поднял руку, по его пальцам стекала влажная земляная жижа, похожая на темно-коричневую слизь.

— Мертвая, — пробормотал он. — Мертвая земля, Роберт. Здесь больше нет жизни. *Совсем нет*.

— Да нет, есть, — тихо возразил я. — Кое-кто здесь живет, Говард. А именно то *существо*, которое это все натворило.

Говард некоторое время смотрел на меня широко раскрытыми от страха глазами. Затем он встал, вытер ладонь о брюки и посмотрел на север.

— Быть может, оно поползло к морю, — сказал он.

— Или, наоборот, приползло оттуда, — возразил я.

Он ничего не ответил, но мы, возможно, оба подумали в тот момент об одном и том же. Тогда, в гавани, Говард видел все так же отчетливо, как и я: чудовищные, перекошенные тени, полившиеся жутким потоком из трещины в небе, похожей на рану, и исчезнувшие в море...

— Пошли, — вдруг сказал он. — Нам нужно убираться отсюда, и как можно быстрее.

Больше не говоря ни слова, мы вернулись к повозке. Миссис Уинден встретила нас

любопытным вопросительным взглядом. Но, увидев, что ни Говард, ни я не собираемся давать каких-либо пояснений, она промолчала, и, хлестнув вожжами, заставила лошадей двигаться. Но все время, пока мы ехали через этот искусственный туннель в лесном массиве и снова углублялись в лес, я чувствовал, что миссис Уинден скована страхом.

Лошади становились все беспокойнее, и через некоторое время Говард забрал у миссис Уинден вожжи. Но и ему едва удавалось управляться с лошадьми, и все чаще приходилось прибегать к помощи кнута, чтобы заставлять их продвигаться вперед.

А еще через десять минут наша поездка закончилась: повозка перекатилась через какой-то камень, проехала еще немного вперед и — вдруг начала утопать в болотистой почве. Я почувствовал, как колеса все глубже и глубже уходят в землю, затем раздался чмокающий звук — и повозка погрузилась в грязевое месиво по самые оси, застряв так крепко, будто ее сковало вязким раствором.

Говард гневно бил лошадей кнутом, пока я не отнял у него кнут, а заодно и вожжи.

— Это бессмысленно, Говард, — сказал я. — Мы основательно засели.

Он сердито посмотрел на меня, как будто это я был во всем виноват, затем пожал плечами и сжал кулаки.

— Черт возьми, этого нам еще не хватало, — пробурчал он. — Да, было бы, конечно, уж слишком хорошо, если бы нам сопутствовала только удача. Теперь придется продвигаться вперед бегом.

— Не совсем, — я указал на лошадей. — Рольф и миссис Уинден могут поехать верхом, — я попытался улыбнуться. — По крайней мере, нам не придется нести их на руках.

Мое последнее замечание, похоже, еще больше испортило настроение Говарду. Он встал и хотел было прыгнуть с повозки, но в последний миг ему, видимо, пришло в голову, что он тут же увязнет в грязи по уши. Что-то сердито буркнув, он повернулся, пролез между мной и миссис Уинден вглубь повозки и склонился сначала над Рольфом, а потом над нашим пленником.

— Не надо делать вид, что вы без сознания, — пробурчал он. — Если, конечно, не хотите, чтобы мы вас здесь бросили.

Его слова возымели эффект. Мужчина открыл глаза и попытался сесть, но Говард грубо прижал его к скамейке. Его поведение начинало меня раздражать. Я раньше знал Говарда как очень культурного человека (пусть даже и немного взбалмошного), и он еще никогда при мне не вел себя столь грубо.

— Я сейчас вытащу у вас изо рта кляп, а затем развяжу ноги, — сказал он. — Но перед этим я хочу, чтобы вы меня выслушали. У меня в кармане есть револьвер, так же как и у моего юного друга. И если вы предпримете хотя бы малейшую попытку сбежать, или начнете кричать, или еще что-нибудь в этом роде, то немедленно получите пулю в ногу и будете потом лежать в лесу, пока ваши друзья вас не найдут. Это вам понятно?

Мужчина кивнул. Судя по выражению его лица, он понял Говарда и вряд ли сомневался в его словах. Говард наклонился, вынул у нашего пленника изо рта кляп, а затем развязал ему ноги. Мужчина сел, сделал несколько глубоких и шумных вдохов и посмотрел на Говарда со смешанным выражением страха и растерянности.

— Спасибо, — сказал он.

Говард, не обратив на его слова ни малейшего внимания, повернулся к Рольфу и осторожно потряс его за плечо. Рольф открыл глаза и тихо застонал.

— Тебе придется подняться, Рольф, — сказал Говард. — Совсем ненадолго. Сможешь?

— Я могу вам помочь, — сказал наш пленник. — Развяжите меня. Обещаю, что не буду пытаться убежать.

Говард серьезно на него взглянул, затем отрицательно покачал головой и попытался помочь Рольфу подняться. Это ему удалось, однако Рольф, измученный жаром, тут же упал на спину, словно кукла, и чуть было не вывалился из повозки.

— Развяжи его, Говард, — тихо сказал я. — Он все равно не убежит. Нам понадобится его помощь.

Я почувствовал легкое, почти незаметное дрожание под своими ногами: повозка слегка накренилась в сторону, все больше и больше уходя в землю. Я, стараясь не обращать на это внимания, требовательно посмотрел на Говарда.

Говард все еще колебался. В течение нескольких секунд он задумчиво смотрел на высокого темноволосого мужчину, затем осторожно опустил вялое тело Рольфа на скамейку, достал из кармана свой складной нож и занемевшими от холода пальцами вытащил лезвие.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Макмадок, — ответил наш пленник. — Лон Макмадок.

Говард впился в него взглядом. По его лицу было видно, что он о чем-то напряженно думает. Говарду явно не хотелось развязывать Макмадока. Так или иначе, товарищ Лона еще совсем недавно пытался разрубить мне голову топором, да и он сам, скорее всего, находился среди тех, кто еще вчера пытался либо утопить, либо сжечь живьем всех нас. Но то, что нам сейчас предстояло сделать, отнюдь не было приятной прогулкой по лесу. А потому обуза в виде пленника могла оказаться нам явно не под силу. Но и отпускать его на свободу после всего того, что недавно произошло, тоже не годилось.

— Хорошо, мистер Макмадок, — сказал Говард. — Вы даете мне слово, что не попытаетесь сбежать? И не кричать, если вдруг появятся ваши друзья? Мы вас отпустим, как только сами окажемся в безопасности, но до того момента...

Макмадок кивнул:

— Обещаю. И я сдержу свое слово, не переживайте. Спросите Мэри, если мне не верите.

— Мэри?

— Он имеет в виду меня, — сказала миссис Уинден. — Вы можете ему доверять. Я его знаю. Он хотя пьяница и забияка, но свое слово сдержит.

Говард шумно вздохнул.

— Ну хорошо, — сказал он. — У меня все равно нет другого выхода.

— Действительно нет, если хотите дожить до утра, — сказал Макмадок и протянул к нему связанные руки.

Говард бросил на него гневный взгляд:

— Что вы имеете в виду?

Макмадок ухмыльнулся и кивнул на связанные руки.

— Разрежьте эти путы, и тогда я вам отвечу, — потребовал он.

Говард, сжав губы, разрезал веревку и сердито сложил нож:

— Ну?

— Сегодня ночью вам вообще не стоит идти дальше, — сказал Макмадок. Он пошевелил руками, сморщился и начал потирать затекшие кисти. — Особенно при такой погоде, да еще имея при себе женщину и раненого. При нормальной погоде до Беттихилла не меньше трех часов пути. Но в такой темноте и при таком дожде вы будете топтать туда до

рассвета. Не говоря уже о том, — тут он злорадно улыбнулся, — что уже после первой сотни шагов вы безнадежно заблудитесь. Да и вашего друга вы сведете в могилу, если попытаетесь идти сейчас.

— И что же вы предлагаете?

— Здесь неподалеку есть заброшенный охотничий домик, — ответил Макмадок. — Думаю, где-то в получасе ходьбы отсюда. Не дворец, конечно, но, по крайней мере, будет крыша над головой. Там мы сможем подождать, пока не рассветет.

Говард нахмурился.

— Говорите, заброшенный охотничий домик? — переспросил он. — Вы меня что, совсем за дурака держите, Макмадок? Как раз там ваши друзья будут нас искать в первую очередь.

— Вряд ли, — ответил Макмадок. — Об этой хижине знают совсем немногие. Да и маловероятно, чтобы они нагрянули туда до наступления рассвета.

— Мы должны рискнуть, — сказал я. — Рольф долго не продержится в седле.

Повозка снова слегка зашевелилась, и я почувствовал, что она ушла еще чуточку глубже в землю, словно мы застряли не в грязи, а в зыбучем песке-плывуне.

— Хорошо, — наконец сказал Говард. — Рискнем. Но я предупреждаю вас, Макмадок. Если вы думаете нас обмануть...

— Я же дал вам слово, — резко перебил его Макмадок.

Говард бросил на него сердитый взгляд, но затем все-таки кивнул, поднялся и склонился над Рольфом.

— Помогите мне, — потребовал он. — А ты, Роберт, распряги лошадей. Только будь поосторожнее.

Когда я очень медленно слез с повозки и — по колено в грязи — пошел к лошадям, повозка зашаталась почти как начерпавшая воды прохудившаяся лодка на волнах. Задняя часть повозки уже касалась грязи, а колеса завязли выше осей. Однако повозка продолжала потихоньку оседать все глубже. Дождь, похоже, основательно — на целый метр в глубину — размочил почву.

Миссис Уинден помогла мне распрячь лошадей и связать упряжь в один большой узел. Говард с Макмадоком тем временем пытались вытащить Рольфа из повозки так, чтобы по возможности не причинять ему боль, однако это оказалось не таким-то простым делом. Прошло целых десять минут, прежде чем мы взвалили Рольфа на спину одной из лошадей и крепко привязали его, чтобы он не свалился. Затем мы помогли миссис Уинден вскарабкаться на спину второй лошади.

Перед тем как мы снова тронулись в путь, я бросил взгляд назад. Повозка еще больше увязла в грязи. Коричневатая жижа уже начала переливаться через борт, образуя на полу повозки маслянистые лужи. Это было странное зрелище. Под нашими ногами был более-менее плотный грунт, а повозка постепенно оседала вниз, как прохудившаяся лодка. Казалось, будто земля пожирала повозку.

Существо стало еще менее массивным и было теперь по величине не больше мяча. Оно походило на узел, расположенный в центре гигантской подземной сети, в которую трансформировалось его тело. Эта сеть простиралась в лесной почве на многие мили, невидимая, но все более разрастающаяся и пускающая все более тонкие ответвления, побеги и щупальца — в сотню раз тоньше, чем человеческий волос.

Затем что-то произошло. Оно не знало, что именно, поскольку его искусственно созданного интеллекта было недостаточно для того, чтобы делать какие-то выводы и осознанно реагировать на нервные раздражители. Оно лишь почувствовало: что-то произошло. В его ограниченный мирок словно ворвался какой-то новый компонент, и в его теле стала вызревать ответная реакция.

Оно перестало расти. В течение некоторого времени оно вообще ничего не делало, лишь неподвижно лежало и ждало, когда генетическая программа, заложенная в его клетках создателем, вступит в действие и подскажет ему, что делать дальше.

Оно даже не чувствовало, сколько прошло времени. Для его примитивных инстинктов существовали лишь такие понятия, как голод и боль. Ему казалось, что в его мирке ничего не происходит. Но на самом деле изменилось само существо. До этого оно было обычным паразитирующим организмом, ощущавшим лишь потребность утолять голод и все больше разрастаться.

Теперь же оно стало убийцей.

Дом стоял на краю небольшой поляны с ровными, словно циркулем очерченными краями. Если бы Макмадок не указал мне на него жестом, я бы, наверное, прошел рядом с домом, так и не заметив его. Впрочем, он был в полуразвалившемся состоянии. Крыша частично просела, как будто ее балки ослабли и уже не выдерживали вес кровли, а большинство окон представляли собой лишь черные зияющие отверстия, из которых стекла исчезли уже давным-давно. Однако в нашей ситуации эти развалины показались мне словно частичкой рая. По крайней мере, у нас появилась крыша над головой, да и стены защищали от ветра.

— С тыльной стороны есть сарай, — сказал Макмадок, когда мы остановились перед домом и осторожно сняли Рольфа с лошади. — Вы можете разместить лошадей там, — он бросил взгляд в сторону леса. — Только затворите получше дверь. Иначе эти твари, чего доброго, еще убегут. Хотел бы я знать, что их так нервирует.

Я увидел, как при этих словах Говард вздрогнул, словно от удара, однако сделал вид, что ничего не заметил. Пока мы, пыхтя, тащили Рольфа, Макмадок поспешно устремился к дому, опережая нас. Я слышал, как он открыл дверь и некоторое время шуршал в темноте. Затем внутри дома вспыхнул бледно-желтый свет.

— Я знал, что здесь где-то должна быть лампа, — слышался из дома его голос. — Будьте осторожнее, когда будете проходить в дверь. Тут под ногами валяется всякая всячина.

Всякой всячины оказалось намного больше, чем можно было предположить. Наружная дверь вела не в коридор, а сразу в неожиданно большое помещение, в задней части которого виднелась лестница и две косо висящие на петлях дверные створки, очевидно, ведущие в другие помещения. Пол был так завален всяким хламом, что ногу негде было поставить, не наступив при этом на что-нибудь. Макмадок торжествующе покачал коптящей керосиновой лампой и показал на стоящую у одной из стен трехногую кровать, покрытую посеревшим тряпьем. Он смотрел со злорадной улыбкой на то, как мы с Говардом тащили Рольфа, из всех сил стараясь при этом не свернуть себе шеи, когда нам под ноги попадались всевозможные обломки мебели, ветки и когда-то рухнувшие с потолка балки.

Затем Говард вышел наружу, чтобы помочь миссис Уинден отвести лошадей в сарай, а я тем временем уложил Рольфа поудобнее на кровать и укрыл его обрывками материи.

Макмадок, некоторое время молча понаблюдав за мной, подошел к кровати и,

неодобрительно покачав головой, откинул лохмотья, которыми я укрыл Рольфа, в сторону. Затем он начал расстегивать куртку Рольфа.

— Сначала нужно стащить с него мокрое тряпье, — сказал он как бы мне в упрек. — Иначе он подхватит воспаление легких. Если еще не подхватил.

Совместными усилиями мы стащили с Рольфа одежду. Макмадок велел мне собрать все обрывки тряпья, какие только я смогу здесь найти. Обшарив всю комнату, я нашел несколько разорванных, полусгнивших и побитых молью одеял, а еще множество всяких лохмотьев, от одного запаха которых мне чуть не стало дурно. Все они были холодными и влажными, но, во всяком случае, не в такой степени, как одежда Рольфа. Я отдал все это Макмадоку, и он начал — довольно умело — укутывать Рольфа. Когда он закончил, Рольф стал чем-то походить на мумию, а запах гнилого тряпья в комнате теперь уже был просто невыносимым.

— Конечно, не очень-то эстетично, — пробормотал Макмадок. — Но, в принципе, годится. Ваш приятель — крепкий парень. Если он сумеет не загнуться от жара, то выздоровеет.

— Вы как будто врач или что-то в этом роде? — спросил я.

Макмадок улыбнулся и хмыкнул.

— Врач? — переспросил он. — Я? Упаси боже. Однако когда получишь — уже раза четыре — ножом меж ребер, то поневоле научишься немножко разбираться в таких вещах, — он вдруг стал серьезным. — Жаль, что с вашим приятелем так все получилось. Я и сам не понимаю, что нашло на людей.

Я махнул рукой.

— Да ладно, — сказал я. — Они, в общем-то, не виноваты, Лон. А вы при этом были?

— В порту? — он посмотрел на меня так, как будто я у него спросил, не хочет ли он продать свою собственную мать. — Нет. Но я слышал о том, что там произошло.

— Если бы вы там и были, это все равно ничего не изменило бы, — послышался голос от двери.

Подняв глаза, я увидел Говарда и миссис Уинден. Я даже и не заметил, как они вошли. Говард, закрыв — насколько это было возможно — за собой дверь, поднял ладони к лицу и подышал на них.

— Абсолютно не изменило бы, — продолжал он, подходя ближе. — Те люди не виноваты в том, что они совершили.

Он подошел еще ближе, критически посмотрел на то, как Макмадок укутал Рольфа, и вздохнул.

— Боюсь, что все это еще не закончилось, — пробормотал он.

Но его слова были адресованы уже не Макмадоку. Да и не мне.

Тем не менее, Макмадок ответил.

— Я толком не знаю, что, собственно, произошло, — сказал он. — В городе все словно с ума посходили. Да и эти странные события... — он запнулся, несколько секунд помолчал, а затем посмотрел на Говарда в упор. — Я лично сожалею, что все так получилось.

Говард улыбнулся.

— Я вам верю, Лон, — сказал он. — Многие люди в Дернессе будут сожалеть о случившемся, когда они очнутся и осознают, что натворили.

— Если они это осознают, — сказал Макмадок. — Черт возьми, что же, собственно, произошло? Еще пару-тройку дней назад здесь была тишь да гладь, а затем...

— А затем в городе появились мы, и неожиданно начали происходить всякие странные

события, да? — договорил за него Говард. — Кое-кто умер, а еще в тумане стали появляться и затем исчезать какие-то призраки, а еще раздавался колокольный звон несуществующих колоколов... — Говард печально улыбнулся. — В конце концов, погибли люди. Можно ли после этого обвинять ваших земляков в том, что они стали искать того, кто во всем этом виноват, — своего рода козла отпущения? — он вздохнул, посмотрел мимо Макмадока куда-то в пустоту и неожиданно сменил тему. — Думаю, что на некоторое время мы оказались в безопасности. Однако здесь довольно холодно. А нельзя ли как-то развести огонь?

Макмадок кивнул, повернулся и показал жестом на камин, расположенный у южной стены комнаты. Камни камина были совсем черными, а внутри его лежала куча мелкого серого пепла высотой с полметра.

— Запросто, — сказал он. — Он в рабочем состоянии, да и дров достаточно.

— Он в рабочем состоянии? — недоверчиво переспросил Говард.

— Да, — ответил Макмадок. — В этой хижине, хотя она уже и превратилась в развалину, время от времени кто-нибудь останавливался, — он рассмеялся. — Некоторые молодые парни из города ночевали здесь, когда у них возникали нелады с родителями.

Некоторые молодые парни из города...

Мне показалось, что эти слова в моем сознании шепотом повторил чей-то голос. И они при этом приобрели новое, какое-то жуткое значение. Я внутренне содрогнулся.

...парни из города, мысленно повторил я его слова... *поворот на Беттихилл*, сказала тогда миссис Уинден.

— Говард, — выпалил я. — Это тот самый дом.

Мои руки вдруг начали дрожать.

Говард посмотрел на меня и нахмурился.

— *Какой именно* дом? — выразительно спросил он.

— Гордон, — медленно ответил я. — Вспомни слова Гордона, Говард. Когда ты его спросил, где он взял книгу. Он сказал, что они шли по лесу по какому-то следу, а затем они...

— ...натолкнулись на дом, недалеко от поворота на Беттихилл, — договорил Говард за меня. Его лицо сильно побледнело. Секунду — показавшуюся мне бесконечно долгой — он смотрел на меня широко раскрытыми от страха глазами, а затем повернулся и так поспешно сделал шаг к Макмадоку, что тот испуганно отпрянул.

— В этом лесу больше нет других домов? — спросил Говард. — Какой-нибудь хижины, сарая или чего-нибудь в этом роде?

— Нет... в радиусе десяти миль нет, — ответил Макмадок растерянно. — А что?

— Вы уверены?

— Абсолютно, — сказал Макмадок. — А что?

— Это точно тот самый дом, — сказал я.

Мое сердце начало бешено колотиться. Мне вдруг показалось, что я слышу шорохи, а еще шепот и хихиканье чьих-то злых голосов и чьи-то шаги, а еще шуршание, как будто что-то огромное и бесформенное подползало к нам.

Я с трудом смог отогнать наваждение. В доме действительно раздавались какие-то звуки, но это были всего лишь обычные шорохи старого дома, обдуваемого ветром и поливаемого дождем, не более того.

— Черт побери, что это все означает? — пробурчал Макмадок. — Если я уж взялся вам помогать, то, может быть, мне хоть кто-нибудь объяснит, что, собственно говоря,

происходит?

Говард нерешительно посмотрел на него.

— Этого я сделать не могу, — сказал он. — Но, возможно, мы попали из огня да в полымя, — он резко повернулся ко мне. — Нам нужно обыскать дом. Причем немедленно.

— И что нужно искать? — недоверчиво спросил Макмадок.

— Все, что покажется необычным для этого места, — ответил Говард серьезным тоном. — Более конкретно я вам сказать не могу. Сколько здесь комнат?

— Три, — ответил Макмадок. — Вместе с этой. А еще чердак.

— Погреб нет?

Не знаю почему, но я облегченно вздохнул, когда Макмадок отрицательно покачал головой.

— Тогда давайте приступим, — сказал Говард.

Он вдруг стал необычайно деятельным. Повернувшись, он поочередно указал на две двери в южной стене комнаты, а затем посмотрел на меня и на Макмадока. — Ты осмотришь правую комнату, я — левую. А вы, Макмадок, поднимитесь наверх. Только быстро. Вы, миссис Уинден, оставайтесь здесь. Ну все, пошли.

Макмадок бросил на меня вопросительный взгляд, но я сделал вид, что этого не заметил. Подняв с пола оторванную ножку стула, я обмотал ее конец тряпьем, а затем поднес к огню керосиновой лампы. Импровизированный факел горел на удивление ровным пламенем, и после небольших колебаний Говард и Макмадок последовали моему примеру.

Когда я открыл правую дверь и поднял свой факел так, чтобы он осветил по возможности всю комнату, я почувствовал, что нервничаю намного больше, чем ожидал. Эта комната была намного меньше той, из которой я сюда вошел, и, должно быть, когда-то использовалась как кладовая, потому что три из четырех ее стен занимали высокие — до самого потолка — полки, которые, впрочем, почти развалились. Весь пол был усыпан всякой всячиной, главным образом обломками мебели и мусором, а в воздухе жутко пахло гнилью и протухшими продуктами.

Прошло несколько секунд, прежде я заметил одно странное обстоятельство: запах гнили был необычайно сильным, однако в комнате я не видел ничего такого, что могло бы издавать этот запах. Абсолютно ничего.

Пыльные полки были пустыми, а на полу валялся лишь мусор да окаменевшие от старости деревянные предметы. Не было ничего такого, что соответствовало бы этому запаху: ни гниющих листьев, ни плесени, ни остатков пищи, *ничего*. В этой комнате вообще не было *ничего органического*. В этом отношении она была, можно сказать, стерильной.

Я почувствовал, как внутри меня все похолодело от страха. Сделав шаг внутрь комнаты, я испуганно остановился и хотел уже повернуться, чтобы выйти отсюда, но тут что-то на полу блеснуло в свете моего факела. Раздраемый, с одной стороны, желанием побыстрее выйти из этой комнаты, а с другой — природным любопытством, я остался в комнате и присел на корточки, правда, быстро оглянулся перед этим, чтобы убедиться, что дверь все еще открыта и что в случае необходимости я смогу одним прыжком выскочить из комнаты.

На полу виднелся какой-то след. Он был немного шире большой мужской руки и вился сложными, как-то странно расположенными петлями, влево и вправо от двери, через всю комнату, при этом он захватывал все четыре стены. Стенки и стоящие возле них полки. Как будто кто-то тщательно осмотрел — или даже обыскал — комнату. В поисках чего-нибудь съестного.

Чувствуя, как колотится мое сердце, я выпрямился, подошел к одной из полок и поднял свой факел повыше. Мне еще раз бросилось в глаза то, что полки были абсолютно пустыми. На них не было даже пыли. Они были чистыми. Чистыми и такими гладкими, как будто они...

...как будто они были полированными.

Или тщательно обглоданными.

Точно так же, как деревья в лесу.

Точно так же, как грунт возле того места, где застряла наша повозка.

Точно так же, как...

И тут ход моих мыслей был неожиданно прерван криком, причем таким душераздирающим, какого я еще никогда в жизни не слышал.

Факелы светились в ночной темноте островками бледного красноватого света. За последние полчаса дождь стал заметно слабее, буря мало-помалу утихала и перемещалась в сторону моря, все еще продолжая бушевать где-то там, у побережья. Здесь же, под защитой лесной листвы, дождь был почти незаметным, превратившись в ледяную морось. Тем не менее, едущие верхом по лесу двенадцать человек насквозь промокли, хотя они предусмотрительно надели черные непромокаемые плащи, а шляпы глубоко натянули на глаза. Никто из них уже не сидел в седле прямо. Бессонная ночь и напряжение предыдущих дней — а некоторые из них помогали тушить пожар в порту — явно сказывались. Да и лошади, устало шлепавшие копытами по земле, покрытой грязевой жижей, с каждой милей все более изнемогали и двигались все медленней и медленней. Однако никто из всадников и не пытался подгонять лошадей. Только непреклонная решимость едущего во главе всей этой кавалькады человека не позволила многим из них уже давным-давно повернуть назад.

Глубоко за полночь всадники доехали до развилки и остановились. Человек, ехавший во главе кавалькады, нерешительно посмотрел направо и налево, подняв при этом факел повыше, чтобы лучше было видно. Впрочем, толку от этого было мало: дождь смог бы скрыть и отступление целой армии.

Один из его спутников указал направо.

— Быть может, они поехали этой дорогой, — сказал он. — Это более короткий путь на Беттихилл, Фрэдди.

— А кто тебе сказал, что они направляются именно в Беттихилл? — пробурчал старший. — Эти свиньи исхитрятся на что угодно и назло нам поедут самой маловероятной дорогой.

Он некоторое время молча размышлял, а затем повернулся в седле и скользнул взглядом по усталым фигурам всадников, маячившим позади него.

— Мы разделимся, — наконец сказал он. — Ты возьмешь Пита, Сина, Лероя, Фрэда и Норберта и поедешь направо, а я с остальными поеду налево.

— Но там ведь ничего нет, — возразил его спутник. — Только лес, а за ним побережье. При такой погоде там не проехать.

— А эти парни и не ищут нормальных путей, — заявил Фрэд. — Они вообще сейчас, возможно, сидят где-нибудь в лесу и смеются над нами, пока мы рыщем по дорогам. В общем, мы разделимся.

— Но...

— Никаких «но»! — вспыхнул Фрэд. — Если ты боишься, то можешь поворачивать

назад.

— Я не боюсь, — возразил его спутник, однако его голос звучал устало, а язык заплетался. — Но в этом больше нет никакого смысла. Главная дорога на Беттихилл перекрыта, а если они действительно прячутся в лесу, то при таком собачьем холоде они все равно там подохнут.

— А миссис Уинден? — спросил Фрэд. — А Макмадок? Про них ты забыл? Черт побери, эти парни силком увезли с собой женщину, а Лона они, наверное, уже убили, и после всего этого ты предлагаешь, чтобы мы прекратили поиски? — его лицо исказилось от гнева. — Я этих проклятых дьяволов из-под земли достану, даже если мне придется разыскивать их одному. И они заплатят за все, что сотворили. За пожар, за погибших людей и за Лона. А сейчас — поехали вперед!

Его спутник некоторое время смотрел на него с упрямым выражением лица, а затем пожал плечами, устало поднял руку и указал направо. Фрэд молча наблюдал, как его собеседник и половина всадников исчезли в темноте в восточном направлении, а затем повернул лошадь и, дернув ее за уздцы, поехал налево, вглубь леса.

Никто из тех, кто ехал за ним, не заметил, что на его губах появилась легкая самодовольная улыбка. То, что группа разделилась именно так, не было случайностью. Бреннан знал, что лес перед ними — совсем не такой необитаемый, как думало большинство из сопровождавших его людей. А еще он догадывался, где сейчас могут скрываться те трое. Однако надо было действовать наверняка. Он уже давно для себя решил, от кого из его спутников было бы хорошо избавиться, и сделал это при первой представившейся возможности, хотя внешне все выглядело так, как будто он называл имена наобум. В конце концов, не все из тех, кто поехал с ним, чтобы нагнать сбежавших колдунов, горели желанием участвовать в этом мероприятии. После взрыва насилия и ненависти, к которому вчера вечером привел накопившийся страх толпы, многие из жителей города вдруг засомневались в причинах всего этого и стало раздаваться все больше голосов, спрашивающих, а действительно ли стоило убивать этих чужаков.

Фрэд Бреннан не испытывал подобных сомнений, и сейчас он осознанно подобрал себе людей, которые будут беспрекословно выполнять его распоряжения. Во время пожара в порту был серьезно ранен его родной брат, поэтому теперь он готов сделать все возможное и невозможное, чтобы те трое, которые навлекли на город столько бед, ответили за свои деяния. Даже если ему придется при этом сложить голову.

Его лошадь неожиданно споткнулась и чуть не упала, лишь в самый последний момент все-таки сумев удержать равновесие. Она вдруг зафыркала и начала нервно топтаться на месте, и Бреннану пришлось напрячь все свои силы, чтобы удержать лошадь.

— У тебя все в порядке? — спросил один из его спутников.

— Все нормально, — ответил Бреннан. — Лошади, похоже, нервничают, но это ерунда.

Он еще раз дернул за поводья, изо всех сил сжал ногами туловище лошади и наклонил факел поближе к земле. Мерцающий свет факела высветил участок покрытой грязевой жижей дороги. В грязи кое-где виднелось что-то темное и блестящее.

— Черт возьми, — пробормотал Бреннан. — Это что такое?

Поколебавшись пару секунд, он все же соскочил с лошади и сделал пару шагов по дороге. Под подошвами его сапог грязь издавала хлюпающие звуки, но под ней чувствовалось что-то плотное и пружинящее. Он наклонился, потыкал пальцем в грунт и нахмурился.

Под доходившим до щиколотки слоем глины и превратившейся в жижу земли повсюду были видны тонкие черно-коричневые корни, переплетенные друг с другом и чем-то напоминающие пальцы иссохших жилистых рук. Все это походило на гигантскую паутину, опутавшую землю, и Бреннан, осознав это, содрогнулся.

— Что там случилось, Фрэд? — спросил один из всадников.

Бреннан небрежно махнул рукой.

— Ничего, — сказал он, но как-то уж слишком поспешно. — Какие-то корни, — он пожал плечами. — Должно быть, это дождь их оголил. Поосторожнее, когда будете здесь ехать.

Он выпрямился и хотел было уже вернуться к своей лошади, но вдруг снова остановился, увидев, что в свете его факела на земле что-то блеснуло. Он с любопытством наклонился и поднял из грязи что-то металлическое.

— Что это у тебя? — спросил один из его спутников. Бреннан снова пожал плечами.

— Какой-то стопорный болт, — пробормотал он. — Похоже, отвалился от повозки.

— От их повозки?

— Наверно, — нерешительно ответил Бреннан. — Если он и вправду от их повозки, то они далеко отсюда не уедут. Эта штукавина удерживает колесо на оси.

Он выбросил болт, опустил факел пониже и сделал еще пару шагов по дороге.

Ему удалось найти и другие металлические детали: несколько болтов, гвозди, несколько заклепок, обычно используемых для соединения кожаных ремней упряжи. Все выглядело так, как будто целая повозка развалилась здесь на составные части. И везде были все те же черные, блестящие корни. Кое-где они выпирали из почвы на высоту лодыжки, образуя маленькие грибовидные узлы, из которых во все стороны тянулись тоненькие побеги, уходящие затем под землю или переплетающиеся друг с другом.

Он постарался больше не думать об этом, подошел к своей лошади и помахал факелом.

— Мы едем дальше, — распорядился он. — Одному черту известно, что это тут такое. Поехали.

— Ландерса нет, — сказал один из всадников.

Бреннан неохотно повернулся в седле и уже открыл было рот, чтобы произнести что-то резкое, но ограничился лишь недовольной гримасой: он увидел только четырех всадников.

— Что значит «нет»? — все же спросил он.

— Он исчез, — ответил один из мужчин. — Должно быть, отстал где-то по дороге. Может, я его поищу?

Бреннан недовольно фыркнул.

— Нет, — сказал он. — Пусть убирается ко всем чертям. Если он оказался трусом, то он мне не нужен.

— Не нравится мне все это, — задумчиво произнес мужчина. — Если бы он решил поехать назад, он сказал бы мне об этом.

Он немного помолчал, а затем немного приподнялся в седле и покрутил головой в разные стороны, вглядываясь в лес. Судя по выражению его лица, ему было явно не по себе.

— Не нравится мне весь этот чертов лес, — сказал он еще раз. — В нем что-то не так. Лошади сильно нервничают, а еще эти штукавины в земле... Поехали назад, Фрэд.

Бреннан бросил на него гневный взгляд.

— Я скажу тебе, что здесь не так, Мэтт, — прошипел он. — Это — ты сам. Если ты от страха наделал в штаны, то катись отсюда. Езжай вслед за Ландерсом и поплачься ему в

жилетку. Или же закрой свою пасть и поехали дальше, ты, трус!

— Я не трус! — возразил Мэтт.

У Бреннана на губах появилась нехорошая улыбка.

— Вот и прекрасно, — сказал он. — Тогда поехали дальше.

Он резко повернул лошадь, дернув за поводья, и снова поехал впереди маленькой группы всадников.

Позади них темная завеса ночи скрыла тот участок дороги. Если бы они задержались там еще ненадолго, они, возможно, заметили бы, как черная паутина из корней зашевелилась. Не просто зашевелилась — она запульсировала, хотя и очень медленно. А еще она начала расти. Тоже медленно. Но неудержимо.

Мне потребовалась лишь пара секунд, чтобы выскочить из комнаты, но, тем не менее, я добежал до чердака самым последним. Миссис Уинден и Макмадок (он стоял с широко открытыми от удивления глазами, застыв на месте) уже находились у двери, а Говард, высоко подняв факел над головой и вытянув руку в сторону Макмадока и миссис Уинден, запрещая им приближаться, осторожно подходил к большому, покрытому пылью письменному столу.

— Что случилось? — спросил я.

Мое сердце колотилось, а в ушах все еще слышался отзвук того жуткого крика. Крика Макмадока...

Говард остановился, неохотно повернул голову и жестами показал, чтобы я подошел к нему, а остальные оставались там, где стояли.

Я нерешительно протиснулся между Макмадоком и миссис Уинден, поднял свой факел чуть-чуть повыше и — замер.

Моему взору открылась жуткая картина.

С противоположной стороны письменного стола сидел труп — человеческий труп. По крайней мере, частично человеческий.

От головы до пояса это было человеческое тело. Его кожа и волосы приобрели матово-серый цвет, словно их покрывала пыль, скапливавшаяся десятилетиями, а глаза были похожи на глаза слепого. Его лицо как-то странно перекосилось, словно сухожилия уже не удерживали мышцы. Но, тем не менее, это был человек.

До пояса.

А ниже пояса находилось какое-то серое дряблое существо, похожее на огромную слизистую разбухшую амебу, растекшуюся по стулу и полу под ним. От этой амебы под письменный стол и во все другие стороны — насколько позволял видеть свет наших факелов — тянулись тонкие дряблые щупальца.

— Что... что это... Говард? — спросил я, запинаясь.

Я, чувствуя, что к моему горлу подступил ком, подошел еще на шаг и наклонился, чтобы в мерцающем свете факела получше рассмотреть все это.

Говард резким движением тут же оттолкнул меня назад.

— Это *Шоггот*, — спокойно сказал он.

Прямой удар в лицо, наверное, произвел бы на меня меньшее впечатление. Мне тут же вспомнилась моя первая встреча с этим ужасным созданием из протоплазмы. Тогда я оказался буквально на волосок от смерти. Если бы в самый критический момент не появились Говард и Рольф, чтобы спасти меня от этого монстра, то... «Да уж, — подумал

я, — сейчас я стою тут и смотрю на то, что могло бы случиться и со мной...»

— А он?.. — начал было я, но Говард тут же отрицательно покачал головой и сказал:

— Он мертв. Однако не подходи к нему близко. Эти создания непредсказуемы.

— Что... что это все означает, Говард? — прохрипел Макмадок. Он подошел поближе, и я увидел, что на его лбу блестит пот. Голос Макмадока дрожал, а лицо было очень бледным. — Вы... Вы хотите сказать, что этот... это существо — живое?

Говард некоторое время помолчал.

— Нет, — наконец сказал он, не глядя на Макмадока. — Я бы не сказал, что оно живое — в нашем понимании этого слова — однако оно так или иначе существует, и при этом представляет опасность.

В подтверждение своих слов он отступил на полшага назад, затем шумно вздохнул и указал на мертвеца:

— А вы знали этого человека?

Макмадок сглотнул. Было видно, что ему пришлось напрячь всю силу воли, чтобы решиться приблизиться к письменному столу с сидящим за ним трупом и всмотреться в его неподвижное лицо.

— О господи, — прошептал Макмадок. — Это же...

— Вы знали его? — спросил Говард.

Макмадок медленно кивнул.

— Думаю... что да, — пробормотал он. — Но он так... так изменился.

— Бенсен, — сказал Говард.

— Бенсен? — я с удивлением еще раз всмотрелся в лицо мертвеца. Оно показалось мне немного знакомым, хотя...

— Я не был в этом уверен, — продолжал Говард. — Я видел его лишь два раза, да и то мимолетно.

— Да, это он, — подтвердил Макмадок. Его губы дрожали. — О господи, что... что с ним произошло? Кто... кто все это сделал?

— Та же сила, которая виновата в том, что произошло в вашем родном городе, Макмадок, — сказал Говард серьезным тоном. — Вы до сих пор еще полагаете, что мы ваши враги? — он указал на застывшую серую массу. — Вы действительно полагаете, что мы можем быть на стороне таких вот созданий?

Макмадок ничего не ответил, но его взгляд был весьма выразительным.

— Спускайтесь вниз, — тихо сказал Говард. — И уведите с собой миссис Уинден. Мы тоже скоро спустимся.

Макмадок тут же повиновался. Было видно, что он и сам рад побыстрее уйти с чердака.

— Что здесь произошло? — спросил я, оставшись вдвоем с Говардом.

Говард явно отослал Макмадока и миссис Уинден не только из благородных побуждений, но и с определенной целью.

Говард нечего не ответил. Он подошел к письменному столу, показал мне жестом, чтобы я последовал за ним, а затем указал рукой на крышку стола. На потрескавшейся древесине лежала пыль толщиной почти в палец, но она не была абсолютно нетронутой. В мягкой серой пыли были отчетливо видны контуры чего-то большого, прямоугольной формы, лежавшего здесь, по-видимому, еще совсем недавно.

— Ты был прав, — сказал Говард. — Это именно тот дом. Книга лежала вот здесь.

— И что все это значит? — нерешительно спросил я, отчетливо чувствуя, что Говард о

чем-то умалчивает.

— Есть только три экземпляра Некрономикона, — пояснил Говард. — Во всяком случае, насколько я знаю. Одним из них все еще владеет Альхазред.

— Кто?

Говард слегка улыбнулся.

— Абдул Аль Альхазред, — сказал он. — Человек, который ее написал. Вторая такая книга лежит под надежной охраной в сейфе Маскатонического университета в Штатах, а третья...

— Была у моего отца, — договорил я за него. — Она лежала в его сундуке, да?

Говард с серьезным видом кивнул, но ничего больше не сказал.

— И это означает, — продолжал я мрачно, — что книга, которую мы забрали у Тремейна, была одной из книг моего отца. Где же тогда остальные?

Говард, вздохнув, пожал плечами.

— Быть может, они все еще здесь, — пробормотал он. По интонации его голоса было件нятно, что он и сам в это не очень верит. — Мы должны их найти.

Он указал кивком головы на две керосиновые лампы, стоящие на столе.

— Проверь, может, ими еще можно воспользоваться, — сказал он. — А то этими факелами мы, чего доброго, еще подпалим дом.

Я занялся лампами. Они обе были покрыты толстым слоем пыли, а их стекла заляпаны грязью. Однако емкости для керосина были полными, и после того как я рукавом протер стекла, лампы стали излучать свет.

Нам не потребовалось много времени, чтобы обыскать чердак. Он был почти пуст, не считая кое-какого хлама и нескольких упавших элементов кровли. Так же, как и в кладовой, *Шоггот* сожрал здесь все органическое.

Книг на чердаке не было.

Говард не очень удивился этому, да и я чувствовал лишь легкое разочарование. Наоборот, мы были бы поражены, если бы вдруг нашли здесь книги.

— Именно этого я и боялся, — сказал Говард. — Некрономикон у нас в руках, но остальные книги...

Он ничего больше не сказал, но в этом не было необходимости. В сундуке, который мы тогда вытащили из обломков «Владычицы тумана», находилась добрая дюжина книг. Из них Некрономикон, безусловно, был самым опасным, но и остальные, попав в руки злонамеренного или даже просто некомпетентного человека, могли бы представлять большую опасность, чем все снаряды и взрывчатые вещества мира, вместе взятые.

— Пошли вниз, — сказал Говард.

— А как же... он? — я указал на сидящего за столом мертвого *Шоггота*, но Говард в ответ только пожал плечами.

— Он постепенно разложится, — сказа он. — *Шоггот* не сможет долго пребывать в таком состоянии. Он и так долго продержался, мы могли не найти здесь и следа его присутствия.

— А Бенсен?

— Это не Бенсен! — сказал Говард так грубо, что я испуганно вздрогнул.

Говард секунду помолчал, затем сжал в бессильном гневе кулаки и посмотрел в сторону.

— Прости, Роберт, — пробормотал он. — Я не хотел тебе грубить. Но это существо —

уже вовсе не Бенсен. Это всего лишь мертвый *Шоггот*, принявший вид Бенсена. Через несколько дней от него ничего не останется.

Чувствуя глубокое отвращение и даже ненависть к *Шогготу*, я нерешительно приблизился к столу и при неподвижном желтоватом свете лампы всмотрелся в лицо трупа. Даже теперь, когда я знал, что это существо мертво, от его вида у меня все равно бегали мурашки по коже. Он казался какой-то жуткой карикатурой на живого человека.

— От чего он мог умереть? — прошептал я, как будто боялся, что если буду разговаривать громко, это чудовище может проснуться.

— Он уже выполнил свое предназначение, — ответил Говард. — И теперь он больше не нужен. Его задача состояла в том, чтобы книга попала в руки Тремейну, и он эту задачу выполнил. После этого для него уже не нашлось никакого применения.

Я удивленно посмотрел на него.

— Ты имеешь в виду, что они умирают сами по себе, как только выполняют свою задачу? — спросил я.

— Да, насколько *мне* известно, — сказал Говард. — А мне известно о них не так уж и мало. Хотя никто досконально не знает, что они реально собой представляют, Роберт, — он вздохнул. — Пойдем вниз. Мне не хочется оставлять Рольфа одного с Макмадоком.

Я удержал Говарда, уже собиравшегося идти вниз.

— Что мы с ним будем делать? — спросил я.

— С Макмадоком? — Говард пожал плечами. — А что мы должны с ним делать? Отпустим на все четыре стороны, как только окажемся в безопасности. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Из-за миссис Уинден, — ответил я. — Ей нельзя возвращаться в Дернесс. Ее там убьют, если выяснится, что она помогала нам, — я опустил глаза и некоторое время смотрел в пол. — Я теперь упрекаю себя, Говард. Мне не следовало заставлять ее помогать нам. Даже если ее не тронут, она уже не сможет жить в этом городе. Там к ней все будут относиться с подозрением.

— Я знаю, — ответил Говард. — Мне это было ясно еще тогда, когда я увидел, что ты приехал вместе с ней. И она это знает. Но мы что-нибудь придумаем. А пока что подождем до рассвета. Нам ведь прежде всего нужно отвезти Рольфа к врачу. А там будет видно, что делать дальше. Пошли.

Он повернулся и вышел из комнаты так быстро, что разговор поневоле пришлось прервать. Свет лампы, которую держал Говард, скрылся за дверью, и затем стал маленькими резкими скачками двигаться вниз по лестнице. Я взглянул еще раз на жуткое существо, сидящее за письменным столом, повернулся и пошел вслед за Говардом.

Когда мы спустились на первый этаж, в камине уже горел огонь, а миссис Уинден и Макмадок пододвинули кровать Рольфа поближе к огню. Макмадок стоял у одного из окон и всматривался в темноту, в то время как миссис Уинден опустилась на колени перед Рольфом и влажной тряпкой вытирала ему лоб.

Говард поставил свою лампу на каминную плиту, потер руки, поднес их поближе к огню, чтобы хоть немного согреть, а затем подошел к Макмадоку. Я остановился посреди комнаты и стал смотреть на миссис Уинден. Она почувствовала мой взгляд и посмотрела на меня.

— Ему уже лучше, — сказала она. — Он очень сильный и обязательно выздоровеет.

Я кивнул, присел напротив нее на противоположном краю кровати и долго разглядывал

лицо Рольфа. Он снова был в бессознательном состоянии, но жар, похоже, начал спадать.

— Миссис Уинден, я... я должен с вами поговорить, — произнес я через некоторое время.

Она посмотрела на меня, но ничего не сказала, и через несколько секунд я продолжил:

— Когда я вчера вечером пришел к вам, я тогда... я тогда еще не знал, что...

— Ничего страшного, мистер Крэйвен, — перебила она меня. — Вы спасли жизнь моей дочери. То, что я сделала, — это просто возвращение долга вам и вашим друзьям.

— Когда все это закончится, вам придется уехать из Дернесса, — сказал я.

Она улыбнулась.

— Из-за Лона? — спросила она тихо, чтобы Макмадок не смог ее услышать. — Не переживайте, мистер Крэйвен. Он про меня ничего не расскажет. Он ведь, в сущности, неплохой человек. И он вам верит.

— Дело не в нем, — возразил я. — Его спутник сбежал и...

— Бреннан? — она кивнула. Выражение ее лица омрачилось. — Да, он — довольно злой человек, мистер Крэйвен...

— Роберт, — перебил я ее. — Пожалуйста, называйте меня Роберт.

— Роберт, — она улыбнулась. — Хорошо. А я — Мэри. «Миссис Уинден» больше подходит пожилой женщине, во всяком случае, мне так кажется.

Она вздохнула, отложила в сторону тряпку, которой вытирала лицо Рольфа, и вдруг стала серьезной.

— Бреннан — изрядный негодяй, Роберт, — сказала она. — Но я с ним как-нибудь справлюсь. Я им всем расскажу, что вы заставили меня поехать с вами.

Ее слова показались мне не очень убедительными, и я почувствовал, что она и сама в глубине души знала, что ей не поверят. Но я почему-то не стал возражать, а лишь молча поднялся и подошел к Говарду и Макмадоку, которые все еще стояли у окна и смотрели в темноту.

— Там, снаружи, что-то не так? — спросил я.

Говард покачал головой.

— Не знаю, — пробормотал он. — Дождь прекратился, но там есть что-то подозрительное.

Нахмурившись, я подошел поближе к окну и посмотрел наружу сквозь щель между досками, которыми окно было заколочено снаружи. В первый момент я не заметил ничего особенного. Дождь действительно прекратился, лес по ту сторону поляны высился темной стеной. Говард, однако, был прав. Что-то вызывало подозрение и у меня. Что-то такое, чего нельзя было ни увидеть, ни услышать. Но я чувствовал это *что-то*. Причем очень отчетливо.

— А это существо — там, наверху, — неожиданно сказал Макмадок, — оно такое же, как и то, что выжрало просеку в лесу?

Говард удивленно посмотрел на него:

— А вы что, это заметили?

— А вы меня считаете слепым или только дураком? — невозмутимо спросил Макмадок. — Конечно, я это заметил. Оно такое же?

— Надеюсь... надеюсь, что да, — ответил Говард, запинаясь. — А если нет, то...

— Тогда одно из этих чудищ все еще ползает по округе и, наверное, убивает людей, когда не находит себе какое-нибудь дерево, или еще что, да? — спросил Макмадок. — И, наверное, оно затаилось где-нибудь там и дожидается, когда же мы отсюда выйдем, — он

отступил на шаг от окна и враждебно посмотрел на нас с Говардом. — Я требую, чтобы вы рассказали мне правду. Я дал вам слово, что буду помогать вам, но я хочу знать, с чем нам приходится иметь дело. Что это за существо? Какой-то бредовый результат опытов таких как вы ученых?

— Вы, похоже, разговаривали об этом с Мэри, — констатировал Говард.

Макмадок гневно кивнул:

— Ну и что? Черт возьми, на кону сейчас стоят наши жизни. Что это за существо? И как с ним можно бороться?

— Хотел бы я знать, — ответил Говард. — Я...

В лесу прогремел выстрел. Через долю секунды от оконной рамы отлетели щепки, и Говард с хриплым звуком упал лицом вниз, прижав руки к шее. Между его пальцами сочилась ярко-красная кровь.

В последние полчаса СУЩЕСТВО уже не пульсировало. Подземная сеть, пронизавшая лесную почву, стала совсем неподвижной, словно мертвой. Лишь один раз потребность в пожирании всего живого, так же свойственная природе этого существа, как потребность в свете и воздухе свойственна человеку, оказалась сильнее заложенной в нем устремленности к цели, и оно пожирало частичку окружающего его ненавистного органического мира, оказавшуюся в пределах его досягаемости, превратив ее в противоестественную живой природе черную протоплазму. Но затем заложенная в нем устремленность к цели снова взяла верх, и существо стало ждать. Оно подрагивало от нетерпения, чувствуя, что его жертва уже рядом, но все-таки сохраняло самообладание, хотя и с трудом. Оно ждало, пока все не сложится так, как задумали его создатели, ждало с выдержкой существа, абсолютно лишённого чувства времени. Затем оно начало действовать.

Макмадок повалил меня на пол в тот самый момент, когда снаружи раздался второй выстрел. Пуля, расщепив тонкую доску на окне, просвистела прямо над нашими головами и ударилась в противоположную стену. А еще через секунду входная дверь содрогнулась, словно от сильного удара молота. От полусгнившей древесины взметнулись пыль и щепки, резкое дуновение ветра погасило обе керосиновые лампы, а огонь в камине сильно заметался.

Я потихоньку высвободился от хватки Макмадока, подполз на четвереньках к Говарду и резким движением перевернул его на спину. Мое сердце бешено заколотилось, когда я отвел его руки от шеи и осторожно ощупал сильно кровоточащую рану на горле. Его шея была вся в крови. Как ни странно, я совсем не испытывал страха, а лишь чувствовал себя ошеломленным, не мог поверить в то, что произошло, и это ощущение усиливалось с каждой секундой. Мысль о том, что Говарда — Говарда! — могло убить что-то такое банальное, как ружейная пуля, казалась мне просто смешной.

Говард, застонав, приподнял голову, но я изо всех сил старался удержать его в лежащем положении.

— Лежи! — резко сказал я. — Я принесу что-нибудь, чтобы тебя перебинтовать.

Рана была не такой опасной, как показалось в первый момент, однако она сильно кровоточила, и ее нужно было забинтовать как можно быстрее.

— Не поднимайся, ты, остопоп! — выпалил Макмадок, когда я встал, намереваясь перебежать в другую часть комнаты. Почти в тот же момент прогремел еще один выстрел,

как будто кто-то снаружи услышал его слова. На лестнице взметнулось громадное облако пыли, и кусок поручней отвалился и шлепнулся на пол, разлетевшись на куски.

Макмадок выругался, поспешно отполз под окно и, сложив руки рупором у рта, крикнул:

— Прекратите стрельбу, вы, идиоты! Мы сдаемся!

Я с ужасом посмотрел на него, но его единственной реакцией на мой взгляд была презрительная улыбка.

— А что, по-твоему, нам следует делать, мальчик? — ответил он на мой немой вопрос. — Вступить в перестрелку с двумя десятками человек? — он покачал головой, снова сложил руки рупором и еще раз крикнул: — Это я, Макмадок! Прекратите стрельбу! Мы не будем оказывать сопротивления!

Ответ на его слова последовал незамедлительно. Раздался целый залп ружейных выстрелов, в результате чего входная дверь, расколовшись на части, рухнула внутрь помещения. В проеме двери появился человек, одетый в такой же черный непромокаемый плащ, какой был и у Макмадока. Он держал в руках двустволку.

— Лон! — воскликнул он. — Ты в порядке?

Вслед за ним в дом ворвались другие мужчины: двое, трое... — в итоге пятеро вооруженных и, по всей видимости, весьма решительно настроенных человек. У троих из них были ружья, у четвертого — пистолет, а последний держал в руках железный ломик, которым он размахивал, как дубиной. Стволы ружей тут же были направлены на меня и Говарда. Я увидел, как рука Говарда скользнула к карману, в котором у него лежал револьвер, и я тут же испуганным жестом схватил его за пальцы.

— Я в порядке, — ответил Макмадок.

Он встал, сделал успокаивающий жест руками и показал на нас с Говардом.

— Отведи ружье в сторону, Бреннан, — сказал он. — Они не будут сопротивляться.

Бреннан — теперь, когда я услышал его имя, я его узнал — подошел на шаг и с воинственным видом огляделся по сторонам. Его винтовка все еще была направлена прямо мне в лицо, а палец на спусковом крючке так напрягся, что побелел.

Резким кивком головы он указал на Говарда. Рана на шее Говарда кровоточила уже меньше и через несколько минут, пожалуй, вообще бы закрылась, но его голова и плечи лежали посреди лужи крови.

— Что с ним? — спросил Бреннан. — Мертв?

— Нет, болван, — ответил Макмадок. — Ты, слава богу, так и не научился стрелять. Убери ружье, слышишь?

Бреннан, похоже, поначалу не понял, что сказал Макмадок. Он уставился на Макмадока широко раскрытыми глазами и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

— Что... что ты сказал? — прохрипел он.

— Убери ружье, Фрэд, — повторил Макмадок. — Охота закончена.

Бреннан продолжал в упор смотреть на Макмадока.

— Она закончится лишь тогда, когда эти двое будут мертвы, — сказал он настораживающе тихо. — Что с тобой, Лон? Они что, околдовали тебя?

Макмадок сделал шаг к нему, но тут же остановился, увидев, что Бреннан направил свое ружье ему в живот.

— Что это значит, Фрэд? — спросил он.

— Ничего, — тихо ответил Бреннан. — Отойди в сторону, Лон.

Макмадок стоял, не двигаясь.

— Что ты задумал? — спросил он.

— Я всего лишь доведу до конца то, что сорвалось вчера утром, — ответил Бреннан. — Отойди в сторону, Лон.

— И ты думаешь, что я буду стоять и смотреть, как ты будешь убивать двух невинных людей? — спросил Макмадок.

— *Невинных?* — воскликнул Бреннан. — Какие ж они невинные, Лон? У них на совести смерть нескольких наших друзей, об этом ты забыл? Сгорело чуть не полгорода, и они за это ответят.

— Вы действительно так глупы, или вам просто не хочется признаться, что вы ошибались?

Бреннан гневно обернулся, услышав от миссис Уинден эти слова. Я, однако, заметил: кое-кто из его людей вздрогнули, услышав, что она сказала. Я взгляделся в их лица. В черных непромокаемых плащах, с оружием в руках, внешне они выглядели гораздо отчаяннее и решительнее, чем, похоже, были на самом деле. Не знаю почему, но мне показалось, это эти люди охвачены страхом. Чего же они боятся? Нас?

— Миссис... Уинден? — Бреннан говорил таким тоном, как будто не был уверен, что он видит перед собой именно ее, хотя при предыдущей их встрече у меня сложилось впечатление, что они хорошо друг друга знают.

— Не прикидывайтесь, — сказала миссис Уинден гневно. — Вы меня прекрасно знаете, Бреннан. А сейчас, в конце-то концов, уберите свое дурацкое ружье!

Бреннан смотрел на нее со все возрастающим удивлением, но при этом и не собирался опускать ружье. Он вдруг резко повернулся, подошел ко мне и поднял свою ступню так, как будто хотел на меня наступить. Макмадок напрягся.

— Вы, дьяволы! — прошипел Бреннан. — Что вы с ней сделали? С ней и с Лоном?

— Ничего, — сказал Лон, но Бреннан проигнорировал его реплику.

— Вы заплатите за это! — стал грозить он. Его голос дрожал от ненависти. — Вы за все заплатите, вы, дьяволы! За погибших в Дернессе, за пожар и за то, что вы сделали с этой невинной женщиной!

— Мы вообще не делали ничего из того, что вы перечислили, — вмешался я.

Но с таким же успехом я мог обратиться к стене. Бреннан даже и слушать меня не хотел. Макмадок вздохнул.

— Да будь же ты благоразумным, — сказал он. — Крэйвен и его друзья не виноваты в том, что произошло в Дернессе. Черт возьми, ты разве не чувствуешь, что здесь творится что-то странное? И это что-то не имеет никакого отношения к этим людям. Они — на нашей стороне.

Бреннан впился в него взглядом.

— Ты... ты и сам не знаешь, что говоришь, — неуверенно сказал он. — Ты...

— Я знаю, что я говорю, — перебил его Макмадок. — А вот ты, похоже, нет. Но я не позволю, чтобы...

Его дальнейшие слова потонули в грохоте выстрела. Бреннан молниеносным движением направил ружье в пол и выстрелил из одного из стволов. Пуля стукнулась в пол в полуметре от ноги Макмадока, который тут же побледнел и отступил на пару шагов назад.

— Стой тихо, Лон! — сказал Бреннан с угрозой в голосе. — Эти дьяволы тебя заколдовали, так же как и эту глупую женщину. Но меня они не обдурят. Они — настоящие

дьяволы, и я поступлю с ними так, как с ними и следует поступать.

— Я не позволю, чтобы ты пристрелил троих незащищенных людей, Бреннан, — сказал Макмадок тихо.

— Пристрелил? — Бреннан злобно засмеялся. — А кто говорит о какой-то стрельбе, Лон? Их надо сжечь. Из-за них сгорела чуть не половина города, и пусть они теперь сами почувствуют жар огня, — он сделал знак своим спутникам. — Свяжите их!

Один из них сделал шаг в нашу сторону, но остальные даже не тронулись с места.

— В чем дело? — вспыхнул Бреннан. — Вы что, боитесь?

— Нет, — ответил один из мужчин. — Но Лон прав — здесь что-то не так, Фрэд. Почему бы их не выслушать?

— Чтобы они нас заколдовали? — Бреннан засмеялся. — Ну, уж нет.

— Вы что, и в самом деле думаете, что вы сейчас стояли бы здесь, если бы мы могли вас заколдовать? — Говард медленно приподнялся на локтях, достал из кармана платок, прижал его к все еще кровоточащей ране на шее и закашлялся. — Черт возьми, мистер Бреннан, если бы мы обладали хотя бы половиной тех способностей, которые вы нам приписываете, то вы и ваши товарищи уже давно были бы мертвы, а мы уже находились бы за несколько тысяч миль отсюда.

Он хотел встать, но Бреннан так пихнул его стволом своего ружья, что он опять откинулся на пол.

— Закройте свой рот! — приказал он. — Вы меня не обдурите. Все, что произошло, — ваша работа! Вы...

— А Ландерс? — вдруг спросил один из его спутников.

Макмадок нахмурил лоб.

— А что с Ландерсом? — спросил он.

Бреннан сердито рявкнул, резко повернувшись назад.

— Закрой свой рот! — приказал он.

Но мужчина тем не менее ответил на вопрос Макмадока. При этом его взгляд неуверенно блуждал между Бреннаном, Макмадоком и мной.

— Он... исчез, — сказал он. — Там, в лесу.

— Исчез? — Говард снова присел, и на этот раз Бреннан ему не препятствовал.

Он, видимо, почувствовал, что у него больше нет поддержки со стороны его спутников, а потому самоуверенности в нем заметно поубавилось.

— Что значит «исчез»? — спросил Говард, встревожившись не на шутку.

— Взял да исчез, — ответил мужчина. — Мы... остановились ненадолго, а когда... когда мы поехали дальше, его уже не было.

— Черт возьми, я же сказал тебе, чтобы ты заткнул свою пасть! — рявкнул Бреннан, взмахнув своим ружьем. — Это все их работа. Они...

— Почему бы тебе не сходить наверх, Бреннан? — тихо сказал Макмадок.

Бреннан резко замолк, повернулся к Макмадоку и недоверчиво посмотрел на него:

— Что ты имеешь в виду?

Макмадок кивком головы указал на лестницу.

— Там, наверху, — сказал он. — Если действительно хочешь узнать, с кем нам приходится бороться, то сходи наверх и посмотри.

— Макмадок! — Говард с тревогой взглянул на него. — Вы...

— А почему бы нет, Говард? — перебил его Макмадок. — Пусть сходит. Тогда он,

может быть, поймет, что к чему, — он показал на лестницу. — Так что ж ты не идешь туда, Бреннан? Может, боишься?

Бреннан некоторое время смотрел на него, его лицо выражало упрямство. Затем он повернулся, взял с каминной полки керосиновую лампу и пошел к лестнице.

— А вы тут присмотрите за ними, — сказал он своим людям, оглянувшись. — Если я через пять минут не вернусь, пристрелите их.

Он угрожающе посмотрел по очереди на Говарда, Макмадока и меня, а затем повернулся и неестественно энергичными движениями стал подниматься по лестнице.

Я смотрел ему вслед со смешанными чувствами. Что-то мне подсказывало, что опасность, исходившая от этого человека, уже позади. Люди, подобные Бреннану, могут выступать в роли волевых личностей лишь только в определенных ситуациях и в определенные моменты. Он уже упустил свой момент. Хотя, впрочем, такие люди бывают непредсказуемыми.

— Вы полагаете, в этом есть какой-то смысл? — спросил Говард.

Макмадок фыркнул.

— Что касается Бреннана, то вообще не может идти речь о каком-либо смысле, — сердито сказал он. — Мне не очень-то верится, что нам удастся выбраться отсюда, если среди нас будет этот полоумный, — он вздохнул, бросил взгляд в окно и покачал головой. — Скорей бы рассвело.

— Что... что ты имеешь в виду, Лон? — спросил один из мужчин.

Макмадок презрительно поджал губы, подошел к двери и некоторое время молча вглядывался в темноту. Лишь затем он ответил:

— Вы ведь ехали через лес, да?

— Ну конечно.

— Тогда ты и сам знаешь, что я имею в виду, — сказал Макмадок мрачным тоном.

Мужчина больше ничего не сказал. Но я отчетливо почувствовал, что его — да и всех остальных — охватил страх.

Те пять минут, о которых говорил Бреннан, не истекли и наполовину, как он вернулся. Даже в тусклом свете керосиновой лампы было видно, что он очень бледен, а взгляд его широко раскрытых глаз был каким-то пустым. Он подошел к Говарду и остановился рядом с ним. Его руки дрожали.

— Что... что это... там... там, наверху? — прохрипел он. — Что это... за существо?

— Это одно из тех существ, которые виноваты во всем, что произошло, — ответил Макмадок вместо Говарда.

Его слова не совсем соответствовали действительности, но в данный момент придерживаться подобной версии было разумнее, чем пытаться давать Бреннану объяснения, которых он все равно не понял бы.

— А еще одно из них — а может, и не одно — ползает сейчас по лесу и ждет, когда же мы высунем отсюда нос.

Бреннан весь задрожал. Говарду пришлось выхватить у него из рук лампу, иначе бы она упала на пол.

— Но ведь это... — пролепетал Бреннан, — это... о господи, я никогда не видел ничего более ужасного. Что это... что это за существо?

— Оно уже мертво и не сможет нам ничего сделать, — сказал Говард успокаивающим тоном. — Однако боюсь, что мистер Макмадок прав. В округе могут быть и другие подобные

существа. Я в этом почти уверен.

Бреннан испуганно обернулся. Он уставился в окно широко раскрытыми глазами, как будто ожидал, что сейчас оттуда выскочат все дьяволы преисподней.

— Нам нужно бежать! — сказал он, с трудом выговаривая слова. — Нам... нам нужно убираться отсюда!

Макмадок тихо засмеялся.

— Тогда иди, — сказал он. — Пожалуйста, дверь открыта. Если к утру ты будешь еще в живых, мы пойдем вслед за тобой.

Бреннан обернулся.

— Во всем виноваты они! — крикнул он и указал пальцем на Говарда и меня. — Это все их работа! Это все — колдовство! Они...

Макмадок почти что спокойным движением вырвал у него из рук ружье, повернул Бреннана спиной к стене и с размаху ударил его ладонью по губам. Бреннан отшатнулся назад, прижал руки к своим — тут же набухшим — губам и уставился на Макмадока широко раскрытыми глазами. В это момент у него был взгляд человека, балансирующего между здравым рассудком и безумием. Он начал всхлипывать и издавать какие-то тихие сдавленные звуки. Макмадок попытался ударить его еще раз, но Бреннан молниеносно нырнул под его руку, отпихнул Макмадока в сторону и — издав нечеловеческий вопль — бросился к двери.

— Я уезжаю! — проревел он. — Я уезжаю отсюда!

— Держите его! — крикнул Говард.

Но его крик немного запоздал. Бреннан сбил с ног мужчину, попытавшегося преградить ему путь, добежал до входной двери и с исступленным криком исчез в темноте.

Макмадок чертыхнулся, выхватил из огня горящее с одного конца полено и бросился, держа полено как факел, к выходу.

Когда он выскочил из дома, Бреннан успел отбежать не более чем на десять шагов — он был довольно дородным и неповоротливым.

В лунном свете все окружающее воспринималось лишь как игра теней, но того, что мы увидели, нам хватило. Да, этого было более чем достаточно.

Бреннан бежал, как одержимый, к границе леса. Он все время спотыкался и даже два раза упал. Когда он вставал, казалось, что каждое движение требует от него просто невероятных усилий. Макмадок бежал вслед за ним, все время выкрикивая его имя и бешено размахивая своим факелом, но и ему, казалось, почему-то было трудно бежать, и он в конце концов остановился.

Бреннан же, издавая какие-то звуки и бешено размахивая руками, как будто защищаясь от нападения невидимого противника, продолжал бежать в сторону леса.

Одна из находившихся прямо перед ним огромных теней вдруг зашевелилась, и нечленораздельные крики Бреннана переросли в нечеловеческий вопль.

Я так толком и не разглядел, что же произошло. Мне показалось, что одно из деревьев вдруг наклонилось. Его крона — уже совершенно без листьев — опустилась, как огромная многопалая рука, и неестественно медленным движением схватила бегущую человеческую фигурку.

Вопли Бреннана прекратились. Но тут же раздался громкий треск разламывающегося дерева.

ОНИ собирались все вместе на морской глубине. Многие из НИХ вели себя нерешительно, обескураженные и дезориентированные потрясением, которое ОНИ испытали, когда ИХ извлекли из черного вечного небытия, где ОНИ пребывали, и швырнули в этот новый, еще неведомый мир. Но ОНИ быстро осваивались здесь, в новой для них среде с невероятной приспособляемостью расы, привыкшей править мирами и решать судьбы других рас, считая время миллионами лет и даже преодолевая бездну вечности. ИМ понадобились лишь секунды, чтобы адаптировать свои тела к новой, поначалу неприемлемой для НИХ среде обитания. ИМ понадобились лишь часы, чтобы выработать план покорения этого мира. Их целью было подчинить себе жизнь, которой понадобились миллиарды лет для освоения этой планеты.

Их сборище закончилось так же беззвучно, как и началось, и если бы в этот момент здесь, в море, оказался кто-нибудь из людей, он не увидел бы ничего, кроме нескольких гигантских теней, пульсирующих в глубине моря.

Затем ОНИ исчезли, беззвучно и быстро, словно призрак страха, скользящий сквозь ночь на невидимых крыльях. Из НИХ здесь остался только один — сам Йог-Сотхотх, властелин моря, но он вел себя весьма пассивно. Он был богом, богом зла и ненависти, и он не привык что-то делать сам. Да, ему — вопреки его натуре — недавно пришлось совершить какие-то действия, но теперь, когда его слуги снова были возле него, ему нужно было только отдавать приказания. Теперь он был не одинок. Двенадцать могущественнейших из могущественных перешагнули через время и явились к нему. А вместе с ними — целая армия тех существ, которые уже один раз помогли им в борьбе за покорение этого мира.

В течение нескольких секунд стояла абсолютная тишина. Даже завывание ветра, казалось, стихло. Затем один из стоящих рядом со мной мужчин издал какой-то странный звук, охнул, прижал руки ко рту и отступил назад, в глубину дома. Другие тоже постепенно очнулись от оцепенения.

— Приведи его обратно, — прошептал Говард.

Его голос был хриплым и сдавленным. Казалось, он едва сдерживается, чтобы не закричать. Я лишь теперь заметил, с какой силой его пальцы вцепились в рукав моей куртки.

— Приведи Макмадока обратно, — сказал он еще раз. — Быстро.

Я кивнул и, осторожно высвободившись от его хватки, пошел в глубину дома и взял лампу, которую, убегая, бросил Бреннан. Миссис Уинден — она все еще оставалась в глубине дома — посмотрела на меня широко открытыми от страха глазами, но ничего не сказала, увидев выражение моего лица. Она наверняка слышала вопли. Но даже если бы она меня сейчас о чем-то и спросила, я все равно не смог бы ответить: мое горло сдавил спазм.

Я взял лампу, инстинктивно — хотя и знал, что это бессмысленно — пощупал, по-прежнему ли у меня в правом кармане лежит револьвер, и вышел из дома. Макмадок стоял как вкопанный на том самом месте, где он остановился в момент гибели Бреннана.

Когда я подошел к нему, он словно очнулся ото сна. Он казался невменяемым, и поначалу даже не узнал меня. Затем его взгляд прояснился.

— Боже мой! — пробормотал он. — Это... это дерево его... его...

— Я знаю, — сказал я тихо. — Я тоже это видел.

Я хотел успокаивающе положить свою руку на его плечо, но он отбил мою руку в сторону и сделал быстрый шаг назад.

— Ничего ты не знаешь! — выпалил он. — Дерево его сожрало, понимаешь? Оно его...

боже мой... оно его проглотило...

Я некоторое время изумленно смотрел на него, а затем повернулся, поднял лампу повыше и, несмотря на охвативший меня жуткий страх, сделал несколько шагов в сторону леса.

Я даже не предполагал, что ожидал там увидеть: труп, или же изуродованное тело, а может, лишь кровь да обрывки одежды. Но там не было вообще ничего.

Стволы деревьев высились передо мной, блестящие и голые, словно полированные мраморные колонны, а поросль у основания деревьев была похожа в темноте на колючую проволоку. Но от Бреннана не осталось ни малейшего следа. Он исчез.

— Не подходи близко! — пробормотал Макмадок.

Я остановился, не решаясь больше сделать и шага вперед, а затем стал осторожно отступать назад. Снова встав рядом с Макмадоком, я осмотрелся по сторонам. Кроме нас на поляне никого не было, но в темноте, казалось, мелькали какие-то тени и раздавались тихие голоса.

— Оно его проглотило, — пробормотал Макмадок. — Просто проглотило. Это... это дерево...

— Да успокойтесь вы, — сказал я тихо.

Я снова хотел сделать шаг к нему, но моя нога подвернулась, и я чуть было не упал. Чертыхнувшись, я невольно сделал широкий шаг в сторону, чтобы не потерять равновесие, а затем опустил пониже свою лампу и посмотрел на землю.

Когда мы приехали сюда, поляна была покрыта жидкой грязью, доходившей до щиколотки. Теперь же вместо нее повсюду виднелась черно-коричневая перепутанная масса тонких корней и растительных волокон. Именно об них, по-видимому, и спотыкались на бегу Бреннан и Макмадок...

Я растерянно посмотрел на Макмадока, сел на корточки и потрогал пальцами волокна корней. Они были гладкими и холодными — намного холодней, чем должны были быть. А еще они, казалось, тихонько пульсировали. Я с отвращением отдернул руку и встал.

— Когда мы сюда приехали, этого всего здесь еще не было, — сказал я. — Я это точно помню.

Макмадок молча кивнул. Полено в его руке почти сгорело, и языки пламени уже подбирались к его пальцам. Но он, казалось, этого не замечал. Малюсенькие красные искорки падали на землю и гасли на влажном слое корней.

— Это... это точно такие же корни, в которых застряла повозка, — сказал он дрожащим голосом. — Они... они окружают нас, Роберт! Они сожрут нас всех!

Интонация его голоса встревожила меня еще больше. Я оглянулся на дом. Говард все еще стоял у двери и что-то показывал нам жестами, а лес за домом, казалось, стал еще массивнее и темнее. Мне даже на какой-то миг почудилось, что он приблизился.

— Успокойтесь, Лон, — сказал я тихо. — Пойдемте в дом.

Он кивнул, но так и не двинулся с места, а продолжал стоять, глядя широко раскрытыми от страха глазами на черные корни. При мерцающем свете полена мне показалось — хотя я и не был в этом уверен — что корни движутся...

Резко повернувшись, я схватил Макмадока за плечо и почти силой потащил за собой. Земля под нашими ногами, казалось, вибрировала, как будто мы шли по гигантскому батуту. Мне приходилось идти очень осторожно, чтобы не запутаться в бесчисленных отростках и побегах. Корни доросли уже далеко за середину поляны, продолжая тянуться к дому.

Когда мы подошли к двери, Говард молча отступил в сторону, пропуская нас. Он хотел что-то сказать, но, увидев побледневшее от страха лицо Макмадока, промолчал.

Макмадок подошел к камину, бросил в него остаток горящего полена и потер руки над пламенем, согревая их. Со стороны лестницы послышались шаги. Я поднял глаза и увидел двоих мужчин — жителей Дернесса, спускавшихся один за другим вниз по лестнице. Лица у них были такими же бледными, как и у Макмадока.

— Что там с... с Бреннаном? — тихо спросил Говард.

— Он погиб, — ответил я, не глядя на него. — Исчез.

— Исчез? Что значит — исчез?

Макмадок бросил на него встревоженный взгляд и так крепко сжал челюсти, что мне показалось, будто его зубы хрустнули.

— Что-то его утатило, — солгал я, а затем добавил тоном, от которого и сам содрогнулся: — И оно приближается, Говард.

— *Что* приближается?

— Корни, — выпалил Макмадок еще до того, как я успел что-то ответить. Его взгляд был прикован к огню в камине. — Они приближаются. Они... они окружают дом. Мы сидим, как в западне, и...

Он замолк, видимо, почувствовав, что вот-вот снова потеряет самообладание.

— Макмадок прав, — продолжил я вместо замолчавшего Макмадока. — Уже половина поляны заросла корнями. Если они и дальше будут так быстро расти, то уже через час они появятся здесь.

Говард молчал. Было нетрудно догадаться, о чем он сейчас думал: в его взгляде чувствовался страх. Однако когда он снова заговорил, его голос звучал неестественно спокойно.

— Нам нужно убираться отсюда, и как можно быстрее.

Макмадок пронзительно засмеялся.

— Убираться отсюда? — спросил он. — В такую темень меня отсюда ничто не заставит и шагу сделать — хоть лошадьми тащите.

— Это было бы самоубийством, — поддержал я Макмадока. — Там и собственного носа не видно, Говард. Мы ничего не сможем сделать, пока не рассветет.

— И когда же рассветет?

Макмадок подумал пару секунд.

— Часа через два, — пробормотал он. — Может, полтора. Не раньше.

— Два часа, — Говард вздохнул. — Это, черт возьми, слишком долго.

Он подошел к двери и некоторое время вглядывался в темноту, заслонявшую от нас все, словно черная стена. На небе совсем не было звезд. Казалось, что дом накрыли колпаком из темноты и тишины. Тем не менее, снаружи что-то шевелилось. Этого *что-то* не было ни слышно, ни видно. Но оно там было.

Рольф проснулся, когда над верхушками деревьев чуть посветлело — появились первые признаки рассвета. Мы к тому времени уже просушили его одежду, а Говард и один из мужчин из Дернесса — они сказали нам свои имена, но я почему-то их не запомнил — помогли ему осторожно подняться с импровизированной постели и одеться. Жар у него прошел. Его лоб был еще горячим, а лицо — осунувшимся и бледным, с серыми нездоровыми пятнами на щеках. Его глаза запали и болезненно блестели. Тем не менее, все

было так, как и предсказывала Мэри: как только прошел жар, Рольф начал быстро поправляться. Он был еще слаб и пошатывался, но зато теперь уже мог ехать верхом, нужно было лишь помочь ему сесть на лошадь.

Пока Говард, Мэри и я занимались Рольфом, один из мужчин стоял на страже у входной двери с ружьем в руках (оно ему, конечно, в данной ситуации совсем не помогло бы, но, тем не менее, придавало ему некоторую уверенность). Небо быстро светлело, а вместе с рассветом в доме появились тени. Стало еще холоднее. Последние два часа мы провели, сидя рядом у камина, и за это время болезненное ощущение холода, сковывавшее мои внутренности, исчезло. Впрочем, похоже, ненадолго. Хотя дождь прекратился, температура снаружи все время падала, на черных корнях на поляне был виден иней и небольшие кристаллы льда. Даже учитывая то, что у нас были лошади, нам понадобилось бы несколько часов, чтобы выбраться из леса и доехать до Беттихилла.

— Надо привести лошадей, — сказал Говард. — А еще пусть кто-нибудь сходит посмотрит, насколько приблизились эти чертовы корни.

— Я схожу, — вызвался Макмадок.

Он к этому времени уже полностью взял себя в руки и действовал теперь невероятно спокойно. Но я понимал, что это лишь видимость: под маской спокойствия в нем клочкотал страх. Я попытался представить, что же происходит сейчас в его душе, но у меня ничего не вышло. Для меня и Говарда ситуация, в которой мы оказались, представлялась весьма жуткой. Для Макмадока и его товарищей произошедшее, наверное, казалось в сто раз ужаснее. То, что нам довелось увидеть, было частичкой другого мира — мира, который был для них абсолютно чуждым и непостижимым. В сущности, это было просто чудо, что еще никто из них до сих пор не потерял самообладание и не тронулся рассудком. Впрочем, это могло случиться в любой момент. Малейшего толчка могло оказаться достаточно, чтобы невыносимое напряжение прорвалось взрывом.

— Я тоже пойду, — сказал я.

Макмадок молча кивнул, поднял с пола один из топоров, принесенных с собой людьми Бреннана, и протянул его мне. Сам же он вытащил из-за голенища сапога огромный — почти в предплечье длиной — нож и ухмыльнулся, увидев мой испуганный взгляд. Этот нож, по-видимому, все время был у него за голенищем. А мы с Говардом этого даже не заметили.

Один из жителей Дернесса присоединился к нам. Мы вышли из дома и пошли направо, обходя его, затем направились к сараю.

Уже было достаточно светло. Рассвет пробивался сквозь низкую завесу облаков, и в этом тусклом свете все казалось нереальным и пугающим.

Лес стал совершенно голым. Мелкая поросль и деревья не исчезли, как в той просеке, которую мы миновали ночью, но они, тем не менее, были абсолютно голыми: нигде не было видно абсолютно никакой зелени, буквально ни листочка. Кусты поднимались над землей как узловатые сооружения из колючей проволоки, а кроны могучих вековых дубов на фоне неба казались черно-серыми металлическими когтями. Листья, мох, лишайники — все исчезло.

Как, впрочем, и трава.

Вместо пышного зеленого травяного ковра, по которому мы вчера подъехали к этому заброшенному дому, нашему взору теперь предстало черное блестящее *нечто*, состоящее из толстого — по икры — слоя перепутанных друг с другом корней и побегов. И это *нечто* двигалось.

Я почувствовал, что во мне нарастает неопишемое отвращение. Движение корней было практически незаметным: если всмотреться, то каждый из этих побегов разной толщины лежал неподвижно, словно неживой. Однако во всей этой коричнево-черной массе в целом чувствовалось медленное пульсирующее движение. «Они похожи на червей», — подумал я. Действительно, казалось, что поляна покрыта огромным живым ковром из черных и коричневых отвратительных червей. Я инстинктивно крепче сжал топор.

Мы осторожно начали обходить дом. Передний край этого «ковра из червей» был уже совсем близко от дома, со стороны фасада — в каких-нибудь трех шагах.

Обогнув дом, мы увидели, что с тыльной стороны корни добрались уже до самой стены, а кое-где даже начали карабкаться вверх по стене...

— Боже мой! — ахнул Макмадок. — Лошади!

Я сразу понял, что он имеет в виду. Сарай, куда сначала мы, а потом Бреннан и его люди поставили своих лошадей, буквально исчез под огромной, слегка пульсирующей массой корней, которая, словно толстая непроницаемая сеть, почти полностью опутала это маленькое здание. Входная дверь была уже почти не видна.

— Быстро! — выпалил Макмадок. — Нужно вывести оттуда лошадей!

Мы бросились к сараю. Мои ступни все время запутывались в корнях. Кроме того, у меня возникло ощущение, что корни, словно тонкие черные пальцы, тянутся к моим лодыжкам и пытаются за них ухватиться, чтобы повалить меня на землю и опутать все мое тело. Я пытался подавить в себе это ощущение, но у меня ничего не получалось. Наоборот, чувство опасности росло, а вместе с ним рос и мой страх.

Когда мы добежали до сарая, Макмадок, гневно рывкнув, взмахнул своим ножом. Стальное лезвие со звоном вошло в сросшуюся массу корней, но так и не смогло разрубить кажущиеся вроде бы тонкими корни. Я поспешно встал рядом с ним, схватил свой топор обеими руками и рубанул изо всех сил.

Результат наших усилий был мизерным. Хотя мы втроем вовсю рубили этот древесный ковер, тоненькие на вид побеги были прочными, как проволока. Нам понадобилась уйма времени, чтобы хоть немного высвободить дверь, при этом мне казалось, что масса вырастает быстрее, чем мы ее уничтожаем.

Наконец нам удалось хоть как-то высвободить дверь. Макмадок отодвинул задвижку и ударил плечом в дверь, но ее тонкая древесина выдержала удар. Он чертыхнулся, отступил на шаг назад и выхватил у меня из рук топор. Затем он с размаху рубанул по двери: стальное лезвие вошло в дверное полотно чуть выше задвижки, и дверь треснула.

Я вдруг заметил, что стояла какая-то странная тишина. Внутри этого небольшого сарая находилось в общей сложности семь лошадей, но оттуда почему-то не доносилось ни звука.

Макмадок нанес еще один удар, и на этот раз дверь поддалась, развалившись на несколько частей.

Макмадок, заглянув вовнутрь, удивленно вскрикнул.

Лошади исчезли, однако сарай не был пустым: все его внутреннее пространство — до самого дальнего уголка — было заполнено черной пульсирующей массой тонких корней.

— О господи! — ахнул Макмадок. — Но это... это просто невозможно, — он задрожал, выронил из рук топор и молниеносным движением развернулся. — Лошади! Эта тварь... сожрала лошадей. Точно так же, как... как и Бреннана. Эта...

— А может, они все еще здесь, — неуверенно сказал помогавший нам мужчина. — Может, они стоят за этой массой корней. Я... я попытаюсь до них добраться.

Прежде чем я или Макмадок смогли этому воспрепятствовать, он поднял топор, вошел в дверь и изо всех сил рубанул сросшиеся корни.

Макмадок в ужасе закричал, но было уже поздно.

Что-то темное и бесформенное с ужасным треском отделилось от массы корней, бросилось к вошедшему и убило его одним мощным ударом. Мужчина не успел даже вскрикнуть. Отброшенный назад, он вылетел из сарая, упал на землю и замер.

Но это было еще не все. То *существо*, которое его убило, за счет энергии своего удара само повалилось вперед, упав на колени. Но оно тут же — со сверхъестественной быстротой и силой — снова поднялось.

Это существо полностью состояло из дерева. Его туловище, нелепо очерченная, словно рубленая топором голова, жуткая пародия на человеческое лицо, ноги и руки — невероятно сильные руки, вытянутые вперед, как хищные когти — состояли из потрескавшейся черно-коричневой *древесины*.

Макмадок очнулся от оцепенения на долю секунды раньше меня. Пронзительно вскрикнув и схватив меня за руку, он рванулся назад, чтобы отскочить подальше от стоящего перед нами чудовища, но его ноги запутались в корнях, он споткнулся и упал, увлекая меня за собой.

Плотный ковер из корней ослабил мое падение. Я вырвал свою руку из руки Макмадока, перевернулся на спину и тут же вскрикнул, увидев, что *существо* пытается нанести мне удар кулаком. Лишь в самый последний момент я успел уклониться в сторону. Длинная, заканчивающаяся острыми когтями конечность чудовища с силой ударила в землю буквально в нескольких миллиметрах от моего лица. Я вскрикнул от ужаса, однако тут же изловчился и изо всех сил нанес ему удар ногой.

Подобный удар если бы не убил обычного человека, то, во всяком случае, тут же вывел бы его из строя. Но мой противник не был человеком. Я почувствовал, что мою ногу пронзила резкая боль, словно я ударил по каменной глыбе.

Я снова вскрикнул и попытался быстро отползти от чудовища, но тут же почувствовал, как тоненькие корешки цепляются за мои руки, словно пытаюсь удержать меня. Я отчаянно рванулся вперед, вслепую пытаюсь за что-нибудь ухватиться руками, и вдруг схватил что-то твердое. Топор!

Дальше я быстрее действовал, чем думал. Когда надо мной снова нависла тень *существа*, я кинулся к нему, замахнулся топором и рубанул с силой, многократно увеличенной отчаянием.

Удар топора пришелся прямо по центру деревянной головы и расколол ее.

Существо от удара отлетело назад. Из его горла вырвался хриплый и необычайно странный звук. Мощные конечности *существа* беспомощно дернулись, схватились за топор и попытались вырвать его из головы.

— Роберт, бежим отсюда! — крикнул Макмадок.

Резким движением он поднял меня на ноги.

Когда мы добежали до двери дома, существо отставало от нас лишь на несколько шагов. Макмадок, вскрикнув, одним прыжком заскочил в дом, оттолкнув при этом в сторону одного из своих людей, оказавшегося у него на пути. За нашими спинами раздался жуткий и какой-то неправдоподобный рев — я еще никогда в своей жизни не слышал такого рева — а затем в проеме двери появилась гигантская фигура *существа*.

Дальше события развивались еще стремительнее. Макмадок поднял с пола длинную —

почти в человеческий рост — балку и замахнулся ею, как дубиной. Говард, испуганно ахнув, отшатнулся назад, заодно увлекая за собой и миссис Уинден. Один из мужчин поднял ружье и разрядил в чудовище оба ствола — в тот самый момент, когда Макмадок нанес удар балкой.

Грохот двойного выстрела смешался со звуком удара балки и с хрустом, с которым пули вошли в потрескавшуюся древесину *существа*. На мгновение гигантская фигура чудовища исчезла за облаком дыма, пыли и разлетающихся щепок. Балка Макмадока развалилась, и почти в тот же момент сам Макмадок был повален на землю гневным ударом жуткого *существа*.

А само *существо* было по-прежнему на ногах! Издав яростный хриплый звук, оно одним прыжком оказалось рядом со стрелявшим по нему человеком и вырвало у него из рук ружье, тут же сломав его, как соломинку.

Я, увидев краем глаза, что Рольф схватил какую-то дубину и приготовился напасть на *существо*, крикнул Рольфу, чтобы он не делал этого, и бросился между этими — такими неравными — противниками. Кулак *существа*, просвистев в воздухе, прошел лишь в нескольких миллиметрах от моей головы. Я тут же схватил его за руку и изо всех сил дернул ее, усиливая это движение весом своего тела.

У меня от этого рывка чуть руки не выскочили из суставов. Однако и *существо* потеряло равновесие. Оно, не удержавшись на ногах, полетело на меня. Я мгновенно повернулся вокруг своей оси и согнулся. *Существо*, не в силах сдержать инерцию своего движения, споткнулось об меня и, пролетев вперед пять или шесть ярдов, рухнуло на пол.

Однако оно тут же снова поднялось на ноги. Выставив свои конечности и небрежно, словно слон, топча на своем пути обломки мебели, оно стало двигаться ко мне.

— Роберт, беги наверх! — крикнул Говард.

Рольф попытался встать на пути чудовища, но оно одним движением отшвырнуло его в сторону и устремилось ко мне. Оно, в общем-то, явилось сюда, чтобы убить нас всех, но в данный момент ему нужен был именно я, видимо, потому, что я уже два раза причинил ему вред, и оно не могло успокоиться, не отомстив мне.

Снова прогремел выстрел. *Существо* зашаталось, и в его и без того растрескавшейся груди появилось отверстие с разбегающимися от него трещинами, однако оно зашаталось не от этого, а лишь от энергии удара пули. Затем оно снова устремилось за мной — неудержимое природное явление. Я резко отшатнулся назад, еле сумев ускользнуть от захвата его конечностей. Кто-то бросил мне топор, и я крепко схватил его обеими руками, хотя уже знал, что в данной ситуации топор мне не очень-то поможет.

Мои ноги на что-то наткнулись. Я оглянулся и увидел, что это была нижняя ступенька лестницы. Мысли лихорадочно роились у меня в голове. Если я побегу наверх, я погиб. На чердаке мне уже не уйти от чудовища.

Но у меня не было другого выхода. *Существо* быстро приближалось, размахивая в воздухе конечностями. Одного удара его кулака будет достаточно, чтобы убить меня!

Я в отчаянии обернулся и бросился вверх по лестнице. Добежав до верхней ступеньки, я остановился и оглянулся. *Существо*, дойдя до лестницы, начало тяжелыми медленными шагами подниматься по ступенькам. Лестница закрипела под его весом, из-под его ног поднималась пыль и отлетали маленькие щепки. У меня на секунду даже затеплилась надежда, что лестница не выдержит его массу и рухнет вместе с ним.

Но этого не произошло. Лестница выдержала, и *существо* стало неумолимо

приближаться ко мне.

Я расставил ноги пошире, чтобы иметь более прочную опору, замахнулся топором и нанес удар. *Существо* попыталось перехватить удар, в результате чего топор рубанул по его руке, а не по голове, как я рассчитывал. Однако удар был достаточно сильным для того, чтобы оно потеряло равновесие и скатилось вниз по лестнице. Но оно тут же поднялось и снова стало подниматься по ступенькам...

Я, замахнувшись топором, стоял и ждал его. Однако оно, похоже, решило не повторять свою ошибку. Немного не доходя до меня, оно остановилось, без особых усилий оторвало кусок перил и начало размахивать им перед собой. Если бы я снова попытался ударить его топором, оно просто выбило бы у меня его из рук.

Шаг за шагом я медленно отступал на чердак. Через щели в просевшей крыше пробивались тусклые лучи света, благодаря которым я мог, по крайней мере, различить контуры окружающих меня предметов. Того, что я смог увидеть, было, во всяком случае, достаточно, чтобы впасть в отчаяние. Я оказался в ловушке. Из этого помещения не было другого выхода. Деревянное чудовище двигалось не так быстро, как человек, но, в отличие от меня, оно не знало, что такое усталость, и долго бегать от него я не смог бы, да и некуда было бежать.

Позади чудовища замерцал свет, затем на лестнице появился Говард, а за ним — Макмадок и Рольф, все были вооружены топорами и держали в руках горящие поленья.

— Роберт! — крикнул Говард. — Отойди в сторону — мы попытаемся его сжечь!

Словно поняв эти слова, чудовище резко развернулось и попыталось нанести своими когтистыми конечностями удар по надвигающимся на него противникам. Говард молниеносно отскочил в сторону и сделал левой рукой движение, поначалу показавшееся мне бессмысленным. Рольф и Макмадок тут же — так слаженно, как будто они специально потренировались, — бросились вперед и ткнули своими горящими поленьями в существо.

Пламя тут же с треском охватило все тело чудовища, превратив его в факел. По нему заплясали яркие огненные языки, а отскакивающие искры в конце концов подожгли деревянные половицы под его ногами. Говард, по-видимому, облил его керосином!

Чудовище взревело. Яркие языки пламени, охватившие его могучую фигуру, жадно лизали находящиеся рядом опоры и балки, наполняя помещение жаром и дрожащими кроваво-красными отблесками. Чудовище повернулось, несколько секунд беспомощно махало своими горящими руками, а затем сделало несколько шагов ко мне.

И языки пламени вдруг погасли.

Это произошло удивительно быстро. Сначала пламя заметно уменьшилось, как будто ему стало не хватать кислорода для горения, и было уже не ослепительно-ярким, а красноватым. Через несколько секунд оно вообще погасло. Тело деревянного гиганта теперь тлело, как кусок древесного угля.

Все это буквально парализовало меня. Оцепенев от ужаса и не будучи в состоянии даже сдвинуться с места, я смотрел на приближающегося монстра и безуспешно пытался понять, что же произошло, хотя все случилось прямо на моих глазах.

Когда я наконец очнулся от оцепенения, было уже слишком поздно. Чудовище находилось рядом со мной, и его тлеющие конечности уже тянулись к моему горлу. Я вскрикнул и отшатнулся назад, больно ударившись при этом о край письменного стола.

От резкого движения я потерял равновесие и, тщетно пытаясь сдержать свое падение, повалился на стол. От удара моего тела весь стол затрясся, отчего зашатался и стоящий за

ним стул. А вместе с ним — и сидящий на стуле труп.

Дальше события развивались почти молниеносно. Я откатился в сторону, чтобы ускользнуть от когтей чудовища, и стул с трупом опрокинулся. Чудовище попыталось дотянуться до моего лица, но вместо этого его лапа попала не в мое лицо, а в лицо трупа.

Затем произошло нечто совершенно неожиданное. Деревянный монстр вдруг весь затрясся. Его ужасный рот раскрылся, словно он хотел закричать, но при этом с его потрескавшихся губ не слетело ни единого звука. После этого чудовище очень медленно и мучительно, словно все еще пытаюсь бороться, начало крениться в сторону и в конце концов упало. Когда оно ударилось об пол, его конечности были уже безжизненными и грохот при этом походил на звуки падения обычной деревяшки.

А я — уже второй раз за эти сутки — потерял сознание.

Кто-то часто, но легонько шлепал меня по лицу. Эти удары не причиняли боли, но они были настойчивыми, и через некоторое время я волей-неволей открыл глаза. Я лежал на спине на полу, а Говард стоял возле меня на коленях и непрерывно ударял и тряс меня.

— Ну, хватит, — пробормотал я и схватил его руку. — Я уже очнулся. Не нужно меня так лупить, а то я опять потеряю сознание. Что произошло?

— Кроме того, что ты от страха потерял сознание, — ничего, — ответил Говард, улыбаясь. — С тобой все в порядке?

Я предпочел бы не отвечать на этот вопрос. У меня сильно кружилась голова, а плечи и руки болели. Я, тем не менее, осторожно кивнул, приподнялся и огляделся по сторонам.

Мертвое деревянное *существо* лежало в нескольких шагах от меня, представляя теперь собой не более чем кусок безжизненного дерева. Колдовские чары, превратившие его в живое существо, развеялись. Я, скорее всего, не очень долго был без сознания. На этой жуткой пародии на человеческое тело кое-где все еще светились искорки, а Рольф и двое мужчин из Дернесса затаптывали маленькие очаги огня, все еще горевшего там, где прошло чудовище.

— Так что все-таки произошло? — спросил я еще раз.

Говард уже не стал отвечать на мой вопрос дурацкими шутками, а помог мне подняться на ноги, пожал плечами и пнул носком ступни неподвижное деревянное тело.

— Понятия не имею, — сказал он. — Когда это все произошло, я стоял позади тебя и... вот этого. Я думал, что ты должен бы знать, что произошло.

Я разочарованно посмотрел на него, но единственное, что выражал его взор, — так это растерянность.

— Я тоже ничего не могу объяснить, — сказал я. — Я думал, что уже все, конец, и вдруг...

Я запнулся. Когда я произносил эти слова, вся недавняя ужасная сцена еще раз промелькнула перед моими глазами — до самых мельчайших деталей. Я еще раз мысленно увидел, как это чудище, словно живой факел, бросилось ко мне, как я упал, а заодно упал и труп, как...

— *Шоггот!* — сказал я. — Он... он дотронулся до мертвого *Шоггота*, Говард. Вот в чем причина. Он умер в тот самый момент, когда до него дотронулся!

Говард несколько секунд с сомнением смотрел на меня, а затем обернулся, опустился на колени и перевернул деревянное тело на спину.

— Вот! — я указал на его руку.

Она застыла в том же положении, в каком была, когда он пытался дотянуться до моего лица, — пальцы были растопырены, как когти, а на их кончиках все еще виднелись малюсенькие остатки протоплазмы, до которой они дотронулись. Я протянул к ним руку, но Говард испуганно отбил мою руку в сторону.

— Не дотрагивайся! — выпалил он.

Я мгновенно отдернул руку, как будто обжегся. Это был уже не первый случай, когда Говард предупреждал меня, чтобы я не дотрагивался до мертвого *Шоггота*. Но я и в этот раз так и не успел его спросить, почему этого не следует делать: в этот момент с первого этажа донесся душераздирающий крик!

— Мэри! — ахнул я. — Это...

Говард вскочил на ноги, прежде чем я успел договорить. Крик больше не повторился, но зато с первого этажа теперь доносились звуки царапанья, как будто миллионы твердых ножек насекомых чиркали по дереву и грунту. Бросившись к лестнице, я почувствовал, что дом под моими ногами задрожал, словно от удара.

Я сбежал вниз по лестнице вслед за Говардом и Рольфом и — замер!

Уже совсем рассвело, и при золотистом свете утреннего солнца было отчетливо видно всю эту ужасную сцену.

Сквозь дверной проем, сквозь разбитые окна, даже сквозь маленькие трещины и дырочки во внешних стенах в дом вползала черная пульсирующая масса. Это были корни, они окружили дом со всех сторон! Однако теперь они двигались совсем по-другому: не еле заметно, как раньше, а с невероятной быстротой — почти что со скоростью бегущего человека — и при этом они непрерывно росли. Слой высотой по человеческую лодыжку, который я видел во дворе, теперь превратился в полуметровую черную волну, представлявшую собой сплошную массу переплетенных друг с другом отростков — такую плотную, что она казалась небольшой стеной. Из этой черной массы буквально на глазах отрастали бесчисленные длинные извивающиеся — похожие на щупальца — побеги, цепляющиеся за все, что попадалось на пути. Движение этого смертоносного организма сопровождалось ужасным звуком. Продвигаясь вперед, он захватывал обломки мебели и прочие деревянные предметы и поглощал их. Со стороны казалось, что комната перед нами быстро наполнялась черной тягучей жидкостью.

— Миссис Уинден! Бегите! — пронзительно закричал Говард.

Его крик вывел меня из оцепенения. Я увидел, что Мэри отчаянно пытается убежать от быстро надвигающейся массы корней. Прямо за ней бежал мужчина из Дернесса — тот, что оставался с ней внизу.

Миссис Уинден удалось ускользнуть от корней, а вот ее спутник оказался недостаточно проворным. Он добежал до нижней ступеньки лестницы буквально сразу же за Мэри, но в тот самый момент, когда он уже бросился вверх по лестнице, один из черных корней метнулся к нему, обвился, словно щупальце осьминога, вокруг его запястья и с огромной силой дернул его назад. Мужчина даже не успел закричать. Черный ковер накрыл его, как волна, и стал продвигаться дальше.

Пока миссис Уинден бежала вверх по лестнице, Рольф и Макмадок начали стрелять, но их пули ударялись в массу корней, не производя ни малейшего эффекта. Весь дом содрогнулся, и мне показалось, что я услышал глубокий, словно болезненный стон, донесшийся с чердака.

— Лестница! — крикнул Говард. — Рубите лестницу!

Макмадок отшвырнул свое ружье, схватил топор и начал изо всей силы рубить полусгнившую древесину лестницы. Через пару секунд его примеру последовал и Рольф. Прогнившие деревянные доски поддались уже с первых ударов, и вся эта — уже лет десять как трухлявая — конструкция, задрожав, словно раненый зверь, рухнула вниз с громким треском.

И очень вовремя! Передняя граница движущихся корней в этот момент уже достигла верхней ступеньки, и один из тонких побегов успел обвиться вокруг ноги Рольфа как раз в тот момент, когда рухнула лестница, увлекая за собой основную массу корней. Рольф закричал и рванулся назад, но и его незаурядной силы не хватило на то, чтобы вырваться из захвата тонкого — всего лишь в палец толщиной — корня. Он упал, попытался уцепиться руками за выемки в досках пола, вопя от страха и отчаяния. Корень, тем не менее, медленно, но неудержимо тащил его к дверному проему.

Макмадок подскочил к Рольфу, замахнулся топором и, нанеся мощный удар по корню, разрубил его. Однако кусок корня, обвившийся вокруг ноги Рольфа, казалось, жил своей жизнью и, словно удав, стал сжиматься все сильнее и сильнее. Рольф, застонав, попытался подняться на ноги, но тут же снова повалился на пол. Тогда он вцепился руками в корень, пытаясь оторвать его от своей ноги, но у него ничего не получалось.

— Оторвите его! — крикнул он. — Да оторвите же его! Моя нога!

Макмадок обеими руками вцепился в корень, но и объединенных усилий Рольфа и Макмадока не хватило на то, чтобы освободить ногу. Стоны Рольфа становились все громче. Его лицо покраснело, а на материи штанов появились темные пятна.

— Отрубите его! — кричал он. — Ради бога, Говард, *отрубите его! Он меня убьет!*

Говард грубо отпихнул Макмадока в сторону и опустился возле Рольфа на колени. В его руке сверкнул длинный обоюдоострый нож. Мое сердце замерло, когда я увидел, как он приложил лезвие ножа к этому тонкому корню: если он попытается разрезать его, он неизбежно поранит ногу Рольфа.

Но он этого не сделал. Лезвие ножа лишь слегка надрезало твердую, как кость, поверхность корня.

Первые полсекунды ничего не происходило, а затем корень начал извиваться, как червяк, и его смертоносная хватка ослабла. Судорожно дернувшись, он отвалился от ноги Рольфа, упал на пол и — начал превращаться в серую пыль...

Рольф вскрикнул, откинулся на спину и схватился обеими руками за правую ногу, издавая жалобные стоны.

Я с удивлением посмотрел на нож в руке Говарда. Лишь теперь я увидел, что к лезвию прилипли маленькие капельки серой слизистой массы...

— *Шог... Шоггот*, — пробормотал я. — Говард, вот в чем спасение! Эта штукавина умирает, когда прикасается к *Шогготу*!

Говард кивнул. Его лицо стало белее снега. Но он так и не успел ничего ответить. Снова послышался пронзительный крик, и, оглянувшись, я увидел, что миссис Уинден отшатнулась, как от удара кулака. За ней, там, где когда-то была верхняя ступенька рухнувшей вниз лестницы, показался целый лес дрожащих черно-коричневых отростков...

— Они карабкаются вверх по стенам! — крикнул Макмадок. — О господи! Они ползут сюда!

Говард чертыхнулся, вскочил на ноги и потащил меня за собой. Весь проем двери был заполнен шевелящейся черно-коричневой массой. Тонкие пульсирующие побеги, похожие на

дрожащие нервные волокна, дотянулись до чердака и уже цепко хватались за его полусгнившие половицы. По ним, как по мосту, ползли все новые и новые побеги.

Говард повернул меня к себе и указал на письменный стол.

— Помоги мне! — приказал он.

Я колебался. Безусловно, я знал, что это наш единственный шанс, но уже одна мысль о том, что мне придется своими руками прикасаться к этой мерзкой, наполовину разложившейся массе, была невыносимой.

— Роберт! — взмолился Говард. — Мы должны рискнуть! Я не смогу сделать это один!
Прошу тебя!

Я закрыл глаза, попытался подавить в себе отвращение, вызвавшее у меня приступ тошноты, а во рту — вкус горечи, и — схватился за труп обеими руками.

Это было самое мерзкое ощущение, какое я когда-либо испытывал. Мои руки сначала утонули в слизистой массе, как в густом тягучем сиропе, а затем я почувствовал что-то более плотное, зернистое и ухватился за него.

Когда мы дотрагивались до проема двери, черные побеги корней тут же потянулись к нашим ногам и попытались обвиться вокруг них. Масса протоплазмы в наших руках развалилась, от нее начали отделяться и с хлопанием падать на пол большие полужидкие куски. Корни, соприкоснувшись с ними, тут же начинали разлагаться, очень быстро и совершенно беззвучно. Это было похоже на некую волну уничтожения, распространяющуюся вокруг нас. Когда мы дошли до дверного проема, под нашими ногами была уже лишь серо-коричневая слизь и пыль.

Я еще раз собрался с силами и бросил все еще остававшиеся у меня в руках куски протоплазмы вниз, в колышущуюся массу корней, метровым слоем заполнившую весь первый этаж.

Результат был почти мгновенным. Черно-коричневая масса корней содрогнулась, из нее начали подниматься дым и пыль, словно после беззвучного взрыва. Затем я увидел повсюду огромные дыры с рваными краями, словно выжженные кислотой. Они быстро разрастались, со смертоносной неистовостью пожирая дрожащие корни.

Я уже не видел, как вся эта масса менее чем за минуту превратилась в серо-коричневую пыль: я медленно опустился возле Говарда на колени, чувствуя, что мое сознание все больше и больше затуманивается.

Смерть настигла его так же беззвучно, как беззвучно это существо пронизывало лесной грунт. Оно почувствовало надвигающуюся угрозу и попыталось на нее как-то отреагировать, но его тело расползлось слишком сильно, созданная им сеть была огромной, а раскинутая ловушка — слишком идеальной, чтобы это все можно было вернуть в исходное положение за короткое время. Его пульсирующее разбухшее туловище, находившееся в пещере глубоко под землей, снова начало увеличиваться в размерах — по мере возвращения его тонких щупальцев из всех растений, из корней и крон деревьев, которые они перед этим пронизали, превратив во что-то новое, противоестественное. Однако беззвучная смерть двигалась в десять раз быстрее, чем плоть этого существа могла отползти по миллионам разветвленных каналов.

Все произошло очень быстро. Тело СУЩЕСТВА начало тускнеть, еще раз содрогнулось и — разложилось. Далеко, очень далеко от него — на морской глубине — зашевелилась гигантская тень другого существа. Все это время оно ждало и наблюдало, и теперь

констатировало гибель плода своих усилий с равнодушием машины. Время для него не имело значения, у него еще оставались миллионы помощников, которыми легко можно было восполнить эту — всего лишь одну-единственную — потерю.

Оно беззвучно оторвало свое огромное тело от морского грунта и начало удаляться прочь от суши, подальше в бездну океана — в ту черную кромешнюю бездну, куда еще никогда не заглядывал человек. Но оно еще вернется. Может быть, завтра, а может быть, через сто лет. В его распоряжении было много времени. Но оно обязательно вернется.

Когда-нибудь.

Было уже около полудня, когда мы покинули дом и снова отправились в путь. Слезть с чердака оказалось не так-то просто, и ни у кого из нас уже не осталось сил, чтобы немедленно куда-то двигаться. Миссис Уинден обработала и перевязала мои раны, но даже после двухчасового отдыха я все равно чувствовал себя усталым и разбитым. Путь, простиравшийся перед нами, казался мне бесконечным.

Когда мы покинули дом, нашему взору открылся неправдоподобный и жуткий вид. Поляна была серой и безжизненной. Ее покрывал толстый — по щиколотку — слой тонкозернистой пыли, которая под воздействием прорастающей из земли влаги постепенно превращалась в мерзкую коричневатую жижу. Лес выглядел как после пожара. Деревья во всей округе — насколько хватало взора — стояли оголенными, совершенно без листьев и без коры. В лесу царила мертвая тишина.

— Как вы думаете, эта... эта штука действительно погибла? — тихо спросил Макмадок.

Его слова были обращены к Говарду, но, тем не менее, я повернулся к Макмадоку и, улыбнувшись, с напускной уверенностью кивнул.

— Мы его победили, — сказал я. — Если бы нам это не удалось, то все мы уже были бы мертвы, Макмадок.

— Лон, — поправил он меня.

— Лон, — улыбнулся я. — Вы... возвращаетесь в Дернесс?

Он помолчал некоторое время. Его взор скользнул в сторону двоих мужчин — только они из небольшого отряда Бреннана остались живы.

— Да, — сказал он наконец. — Если он еще существует.

— А почему бы вам... почему бы вам не поехать с нами? — спросил я. — Мне бы пригодился такой друг, как вы.

Лон смущенно улыбнулся. Он некоторое время размышлял над моим предложением, а затем отрицательно покачал головой, опустил глаза и начал нервно вертеть в руках свою винтовку.

— Поехать с вами? — переспросил он. — Вряд ли это хорошая идея, Роберт. Мое место — здесь, а не с вами. Хороший кабачок и вдоволь пива — вот что мне нужно, чтобы поскорее забыть о том, что произошло, — он неожиданно ухмыльнулся. — Находиться рядом с вами — уж слишком нервное занятие. Хотя, впрочем, мы еще можем увидеться когда-нибудь.

— Вполне вероятно, — сказал я.

Но мы оба знали, что даже если это и произойдет, то очень нескоро. К сожалению. Мы с ним вполне могли бы стать хорошими друзьями, в этом я был уверен.

Я хотел еще что-то сказать, но Лон неожиданно обернулся, сделал знак рукой своим

землякам и быстрыми шагами пошел к лесу — в сторону, противоположную направлению на Беттихилл.

Я смотрел ему вслед, пока он не исчез за голыми стволами деревьев. Во мне росло ощущение утраты.

И вдруг я осознал, что эти мысли — безосновательны. Мы не смогли бы стать друзьями. Даже если бы и захотели. Мне от судьбы достался крест, который я должен нести сам, и у меня не может быть друзей среди обычных людей. Я ведь колдун.

А к колдунам люди не могут испытывать дружеских чувств — лишь неприязнь. Мне вдруг отчаянно захотелось закричать.

Но я, конечно же, этого не сделал.

<i>НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ СЕДЬМАЯ КНИГА</i>

Книга восьмая

Безумные дни

Это было зрелище такой парализующей силы, что я просто не мог оторвать от него взгляд. Мое отражение в зеркале вдруг начало изменяться самым ужасным образом. Кожа на лице стала коричневой и потрескавшейся, словно пожухлый лист, дрожащий под порывами осеннего ветра. Поначалу я даже не понял, что вообще происходит. В своей левой — дрожащей — руке я все еще держал помазок, так и не донеся его до лица. Мой рот был приоткрыт в беззвучном крике. Во рту виднелись черно-коричневые зубы, они быстро разрушались. Медленно, очень медленно моя дряблая кожа начала исчезать, и мне показалось, что я уже вижу за ней оголившиеся кости. В ходе всех этих трансформаций мое отражение в зеркале сначала превратилось в жуткую физиономию, а затем — просто в череп. Мои глаза запали глубоко в глазницы и, казалось, оттуда сверкал сатанинский взгляд. Одновременно со всем этим я услышал чей-то тонкий поющий голос: это были высокие пронзительные звуки, доносившиеся, казалось, со всех сторон сразу, постепенно они становились все выше, и затем — неожиданно и резко — оборвались.

Зеркало разлетелось вдребезги. На меня обрушился град серебристых осколков разбитого стекла. Мне показалось, что десятки малюсеньких острых хищных зубов впились в мое лицо. Но я даже не обратил на это внимания: я все еще не вышел из оцепенения от ужаса увиденного, от всего этого у меня буквально перехватило дыхание. Я был на грани потери рассудка.

Мое сознание было словно выключено, но где-то в глубине меня росло сильное, даже неистовое чувство. Я постепенно переставал ощущать себя сильно натянутой струной, которая вот-вот лопнет от напряжения, ко мне постепенно приходило понимание того, что все это — не более чем иллюзия, конечно же, всего лишь иллюзия...

Эта боль, ужасные метаморфозы и вызванный ими ужас — не более чем плод моего воображения, не более чем какое-то жуткое видение.

Мои пальцы словно сами по себе потянулись к раме зеркала, и вдруг, совершенно неожиданно, я увидел перед собой совсем другое изображение: это была очень молодая девушка, почти ребенок. Как зачарованный, я смотрел на ее лицо, толком не отдавая себе отчета в том, что вижу, смотрел, не отрывая взгляда, и вдруг я начал замечать сходство очертания ее волос с контуром черепа мертвеца, от вида которого я еще несколько секунд назад пребывал в оцепенении. Затем...

— Присцилла! — воскликнул я.

Карие выразительные глаза смотрели на меня с очень хорошо знакомой мне холодностью, но, тем не менее, она испугала меня так же, как и тогда, в первый раз. Передо мной была не Присцилла, моя милая малышка. Я видел Лиссу — колдунью, принявшую образ Присциллы и уже один раз пытавшуюся меня уничтожить.

Но как такое было возможно? Говард уверял меня — и довольно убедительно — что она уже не сможет причинить никакого вреда, что его друзья займутся ею и сумеют ее изолировать. И при этом он поклялся, что никто из них не сделает ей ничего плохого.

Но то, что я видел сейчас, являлось самой настоящей насмешкой над всеми его заверениями.

— Присцилла!

В этот раз я почти прокричал ее имя. Мои руки, ухватившиеся за тонкую рамку зеркала и так ее сжавшие, что древесина затрещала, хотели коснуться волос Присциллы, но что-то меня удержало.

— *Роберт.*

Это не было произнесено вслух. Мне показалось, что какая-то невидимая необоримая сила швырнула мне в лицо мое имя, подавив мою волю и заставив отшатнуться, как от удара кулака.

— *Роберт,* — повторила эта сила.

Я прижал ладони к ушам, пытаясь ускользнуть от безумия, протягивающего ко мне свои лапы.

— *Роберт! Послушай меня!*

Я сделал шаг назад, начал хвататься руками за воздух и уже чуть было не упал. Комната перед моими глазами стала кружиться и колыхаться, и на фоне этого круговорота я отчетливо видел лишь зеркало с отраженным в нем изящным лицом девушки. Но и оно начало меняться.

Красивое лицо Присциллы исказилось, трансформируясь в какую-то жуткую физиономию, и мне даже показалось, что оно вот-вот опять превратится в череп.

Но этого не произошло. Изображение снова стало четким, а губы Присциллы даже слегка расплылись в улыбке — холодной, просто ледяной улыбке, которая производила еще более угнетающее впечатление, чем череп.

— *Роберт,* — прошептала сила, как будто поняв, что я не смогу долго сопротивляться ее воздействию. — *Помоги мне. Он утащит меня с собой. Помоги мне. Спаси меня.*

Я хотел что-то ответить, но не смог: от страха я вдруг почувствовал сухость и судороги в горле. Я медленно сглотнул, прокашлялся и снова попытался что-то сказать. На этот раз у меня получилось, хотя и с трудом.

— Где... где ты? — произнес я.

Уголки губ Присциллы дрогнули. Она печально смотрела на меня, а я смотрел на ее нежное лицо в рамке и вдруг осознал, что я все еще ее люблю, очень сильно люблю, хотя раньше я думал, что мне удалось ее забыть.

Мне было все равно, кто она на самом деле и какие поступки она раньше совершала. Я отчетливо осознавал лишь то, что нас связывало — и будет связывать — сильное чувство. Этот огонь в моей душе не только не погас, а, наоборот, стал еще сильнее.

— *Андара...* — воскликнула Присцилла, и на этот раз я почувствовал, что это была действительно она, и что она лишь использовала силу, чтобы поговорить со мной.

— *Андара... подготовил для меня западню. Он придет, чтобы утащить меня с собой.*

Она вскрикнула, и я вдруг вскрикнул тоже. На меня словно нахлынула ледяная волна, от которой я невольно сделал шаг назад. Затем мне показалось, что я увидел языки пламени, а еще почувствовал, будто невидимая молния расколола мир от края до края.

После этого все погрузилось в крошечную тьму.

Син сначала внимательно осмотрел помещение и лишь затем направился от двери к стойке.

Здесь было на удивление мало людей: лишь двое старичков играли в карты да двое молодых парней с угрюмыми лицами молча сидели, держа в руках полупустые пивные бокалы.

За стойкой стоял дородный мужчина с круглым лицом и рыжими волосами. Наполовину прикрыв глаза, он наблюдал за карточной игрой. Неподалеку от него виднелся камин, создававший иллюзию тепла и уюта.

Син кивнул хозяину заведения и заказал пинту крепкого пива. Он, собственно говоря, не очень-то и любил это самое пиво, но иногда требовалось ничем не отличаться от окружающих — особенно тогда, когда хотелось быть незаметным. А по роду занятий Сину частенько приходилось быть незаметным.

Пиво, хотя имело острый привкус, было жидким, как дождевая вода. Син, тем не менее, осушил бокал тремя большими глотками и передвинул его на противоположную сторону стойки. Хозяин заведения молча наполнил бокал еще раз.

— Вы здесь проездом, сэр?

— Я останусь здесь на ночь, — ответил Син подчеркнуто равнодушным тоном, не глядя на собеседника. — Мне сказали, что за лесом есть гостиница и там можно остановиться на ночлег.

— Вряд ли. Наверняка имелось в виду заведение мистера Балтимора. Я бы удивился, если бы узнал, что он действительно все еще сдает комнаты внаем.

— Заведение? — Син отхлебнул пива и посмотрел на собеседника поверх края своего бокала, мастерски изобразив на лице равнодушие с еле заметной примесью любопытства. — Я о нем ничего не знаю. Мне сказали, что я вполне смогу остановиться там на пару дней, вот и все.

Хозяин молча посмотрел на Сина и оперся обеими руками о стойку:

— Вы уверены, что имеете в виду именно дом по ту сторону леса? Дом мистера Балтимора?

— Балтимор, — Син нахмурил лоб и некоторое время смотрел прямо перед собой, словно размышляя. — Хм... Не думаю, чтобы я когда-нибудь слышал это имя. Ну, вы знаете, как это бывает. Один парень, уже побывавший в здешних краях, порекомендовал это место мне.

— Один парень... — повторил хозяин задумчиво.

Хотя он старался этого не показывать, Син все же почувствовал, что у его собеседника возникли кое-какие подозрения.

— Вы, должно быть, много путешествуете, сэр, — продолжал хозяин.

— Ну, там где я родился и вырос, меня действительно абсолютно ничего не держит, — Син мрачно улыбнулся и постарался придать интонациям своего голоса оттенок грусти. — Я несколько лет ходил по морям. Один раз мы доплыли почти до мыса Горн, но, к сожалению, тогда произошла эта ужасная история.

Хозяин сощурил глаза:

— А что за ужасная история?

Син знал, что он должен быть осторожным, но иногда человек оказывается в ситуации, когда на одной осторожности далеко не уедешь. Син ведь бросался в глаза местным жителям не только своим могучим телосложением. Люди уже наверняка начали задавать себе вопросы типа «кто?» и «откуда?» по поводу этого широкоплечего незнакомца.

Он подметил, что играющие в карты старички время от времени бросали на него взгляды, и эти взгляды были не особенно дружелюбными. Син решил, что пришло время направить все слухи и подозрения в нужное русло.

Он слегка улыбнулся и снова отхлебнул пива.

— Эта история — не из тех, которые хочется рассказывать, — сказал он. — Кроме того, о гибели судна «Бермуда» тогда и так много писали во всех газетах.

Хозяин с понимающим видом кивнул, налил себе пива и осушил его одним махом.

— Я знаю множество таких историй, — сказал он. — То, о чем вы упомянули, случилось и здесь. Трагедии, скажу я вам, одни трагедии. Вот уж Шекспир порадовался бы! — он неожиданно ухмыльнулся. — Но только половина этих историй — правда.

— Такое случилось и здесь? — спросил Син, сознательно проигнорировав последние слова собеседника. — Что-то не верится. Здесь все выглядит таким тихим и мирным.

— Вы так считаете? Это впечатление может оказаться очень обманчивым, — хозяин наклонился немного вперед и посмотрел на Сина с заговорщицким видом. — На вашем месте я бы с большей осторожностью выбирал ночлег. Вы и в самом деле еще ничего не слышали про заведение мистера Балтимора?

Син отрицательно покачал головой, изо всех сил стараясь придать своему лицу как можно более незаинтересованное выражение. Ему это не очень-то удалось, но хозяин заведения, слава богу, ничего не заметил.

— Ходит множество всяких слухов, — продолжал хозяин. — Причем они не из той категории, что попадают в газеты. Однако точно известно: место там нечистое.

— В самом деле? — на этот раз удивление Сина было отнюдь не притворным.

Он никак не ожидал, что они так скоро выйдут на эту тему. До этого, какие бы вопросы он ни задавал, все время наталкивался на стену молчания.

— Тогда меня удивляет, почему мне порекомендовали именно этот дом, — продолжал он. — В очередной раз убеждаюсь, что нельзя полагаться на советы малознакомых людей.

— Уж в чем-чем, а в этом вы правы, — согласился хозяин.

Он некоторое время разглядывал Сина, и в его глазах читалось одновременно и недоверие, и все возрастающее любопытство. Любопытство победило.

— А я, с вашего позволения, мог бы вам кое-что предложить, — добавил он, лукаво улыбнувшись. — Оставайтесь здесь. У нас есть свободная комната наверху. И цена умеренная.

Син, поколебавшись, кивнул.

— Это... очень любезно с вашей стороны. Но... есть один нюанс.

Он плотно обхватил рукой пивной бокал и зыркнул глазами по сторонам. Старички, прервав свою игру, тихо разговаривали. Было нетрудно догадаться, о чем.

— А вечерок довольно тихий, — заметил Син.

— Да, вы правы, сэр. В рабочие дни здесь никогда не бывает много народа, потому что большинство местных жителей просто не могут себе позволить прийти сюда в будни. Люди здесь не особенно денежные.

Он слегка наклонился вперед. Огонь в камине за его спиной потрескивал и отбрасывал на противоположную стену причудливые тени.

— Вы хотели мне еще что-то сказать, сэр? — спросил он.

Син вздрогнул, некоторое время смотрел собеседнику прямо в глаза, а затем смущенно улыбнулся.

— Я... не знаю. После всего того, что вы мне рассказали, у меня пропало желание знакомиться с этим мистером Балтимором. Однако, боюсь, у меня нет другого выхода. Я кое с кем договорился встретиться в том доме завтра рано утром.

— Ну, раз такое дело, — хозяин пожал плечами и отодвинулся от стойки.

Син уже подумал было, что допустил промах, но хозяин лишь еще раз наполнил свой бокал пивом и затем снова облокотился на стойку. Выражение его лица было по-прежнему замкнутым, но в глазах сверкали странные огоньки.

— Вы, стало быть, мне не поверили? — спросил он, как бы провоцируя Сина. — Вы, наверное, полагаете, что я просто хотел добиться, чтобы вы остановились именно у меня?

— Я такого не говорил, — ответил Син, причем как-то слишком поспешно. — Просто... Хозяин великодушно махнул рукой:

— Да ладно, забудьте про это. Вы ведь, молодой человек, и без меня знаете, как вам поступать.

— Но этот дом... — Син пытался говорить так, чтобы в его голосе чувствовалась нервная дрожь. — Что с ним не так? — он улыбнулся, стараясь при этом, чтобы улыбка тоже выглядела нервной. — Если уж мне придется туда пойти... ну, вы понимаете.

— Угу, — буркнул хозяин.

Он окинул взглядом все помещение, как будто хотел убедиться, что его никто не слышит. Возможно, он уже начал жалеть о том, что так разболтался, но, с другой стороны, ему не хотелось ударить лицом в грязь перед незнакомцем.

— Там остановились весьма странные люди. Не как постояльцы, а как... я даже не знаю, что и сказать.

Он вдруг выпрямился во весь рост и бросил на Сина подозрительный взгляд.

— И зачем я вам это все рассказываю? — спросил он, как будто пытаюсь найти себе оправдание.

— А что за люди? — невозмутимо спросил Син.

Хозяин равнодушно посмотрел на него:

— Просто люди, сэр. Приезжие. Из Лондона. Их видели максимум один раз, тогда они ночевали здесь.

Он посмотрел на пустой бокал, поставленный Сином на стойку. Син жестом попросил его еще раз наполнить бокал. Наливая пиво, хозяин продолжал:

— Они ни разу не появлялись в церкви. Если вы спросите, каково мое мнение о них, то я так и скажу: это — самое настоящее отребье, гнусные безбожники, которых уже давно следовало бы выгнать отсюда ко всем чертям.

— Почему же вы этого не делаете? — спросил Син, улыбаясь.

Хозяин сощурил глаза и провел разноцветной тряпкой по стойке.

— Потому что у мистера Балтимора есть влиятельные друзья, — наконец сказал он.

В его голосе прозвучали пессимистические нотки. Он, похоже, уже не раз задумывался над этим вопросом, и вывод, который он из этого делал, не особенно его радовал.

— А что за друзья?

Хозяин молча повернулся и подошел к камину. Он подбросил в огонь несколько поленьев, отчего в разные стороны полетели искры.

— Так вы берете комнату или нет? — спросил он, повернув голову.

Син пожал плечами. Он почувствовал, что больше уже ничего не вытянет из этого человека. По крайней мере, сегодня вечером. Если снова попытаться задавать ему вопросы, это только усилит его подозрительность.

— Хорошо, — сказал Син. — Я беру комнату. Я могу отправиться к этому странному дому и завтра, рано утром. Вы мне объясните, как туда добраться?

Хозяин неохотно кивнул, протянул ему бокал с пивом и затем объяснил, как найти дом

мистера Балтимора.

— Нет, сэр.

Лицо бродячего торговца скривилось в гримасу, которая, наверное, должна была изображать улыбку, но в действительности выглядела как самая что ни на есть злорадная ухмылка. При выдохе у него возле рта образовывались маленькие облачка пара, придававшие его словам какой-то странный смысл.

В последние дни опять похолодало, и я без особой радости констатировал, что и в больших городах пока ничего не напоминало о весне. И неудивительно: зима была в самом разгаре. События в лесу под Дернессом притупили у меня чувство времени, и я даже забыл, что, несмотря на холода, весна все же не за горами.

Время от времени солнцу удавалось скрашивать своим появлением сумрачные дни, поднимая настроение людей. Я, как никто другой, нуждался в покое и тепле, и не только физическом. Впрочем, интуиция мне подсказывала, что пока мне на это рассчитывать не приходилось.

— Может быть, вы мне по крайней мере скажете, как я могу добраться до этого графства? — спросил я.

Мой собеседник покачал головой — медленно, но с уверенностью человека, который знает, что делает.

— Не вижу для этого никаких оснований, — сказал он.

Он собрался идти дальше, и с первым же его шагом товары, которые он нес в маленьком самодельном ящике, висевшем у него перед животом, тихонько затренькали. Я тут же схватил его за рукав потрепанного пальто.

— Не так быстро, приятель, — сказал я и, прежде чем он успел возразить, достал однофунтовую купюру.

В его глазах засветились искорки одновременно и недоверия, и алчности. Я заметил, что он уже хотел было протянуть руку за деньгами, но что-то его удержало.

— Я вам не справочное бюро, сэр, — буркнул он. — И будьте так любезны, отпустите мою руку, пока я все еще соблюдаю правила вежливости.

Я с удивлением отпустил его руку и отступил на шаг.

До сего момента я смотрел на этого человека без особого внимания, считая его одним из обычных бродячих торговцев, которые продают всякую всячину и зачастую знают о местности, по которой они странствуют, больше, чем сами местные жители. Мне показалось, что вполне резонно обратиться к нему за необходимой информацией, однако этот человек заговорил со мной таким тоном, что это сразу заставило меня насторожиться.

Мне вдруг показалось, что он знает о том местечке, которым я интересовался, даже больше, чем я предполагал.

— Разве один фунт — это слишком мало за ответ на простой вопрос? — резко спросил я.

— *Деньги*, — торговец произнес это слово, словно выплюнул его. — Такие, как вы, сэр, уж слишком полагаются на силу денег, не так ли? Вы думаете, что все можете купить только потому, что вам суждено было родиться сыном какого-нибудь богача!

Я почувствовал, что внутри меня нарастает гнев. Прежде всего из-за того, что меня принимают за какого-то юного пижона, хотя я — бог свидетель! — еще в трущобах Нью-Йорка вплотную познакомился со всеми трудностями жизни.

Я ведь там вырос, в этих самых трущобах.

Стоящий передо мной человек, конечно же, не мог этого знать. Но он, во всяком случае, не имел права так со мной разговаривать — да еще тоном, явно не соответствующим его внешности.

— Вы бы лучше попридержали свой язык, — сказал я как можно более спокойно. — В конце концов, я вам сделал не такое уж невыгодное предложение. Если вы невысокого мнения о деньгах, тогда зачем вы вообще бродите по городам и весям со своим барахлом?

— Вот сейчас этим самым барахлом я как дам тебе по башке, молокосос! — прошипел мой собеседник. — Что ты вообще знаешь о честной работе? Ты, модник, украсил свою шевелюру зубчатой прядью, а вот побриться не удосужился. Сказать, что я думаю по этому поводу, мальчик?

Он уперся руками в бока и посмотрел на меня с вызовом. Хотя он был почти на голову ниже меня, эти слова прозвучали весьма решительно.

Я рассердился не на шутку. Что этот парень себе позволяет? Бросающаяся в глаза белая прядь волос, которую я обычно старался скрыть под шляпой, появилась после смертельной битвы с кошмарным чудовищем, которое меня едва не уничтожило, а теперь этот невесть откуда взявшийся тип считает эту прядь лишь капризом моды!

Впрочем, я уже привык к такому отношению людей к моей отметине. Однако этот тип меня явно разозлил.

Неужели человеку так необходимо, не сдерживаясь, высказывать свою враждебность или же — в лучшем случае — насмешку и презрение тем, кто выглядит *не так*, как он?

Прежде чем я успел дать волю гневу, я заметил, что к нам приближается какая-то тень. Несмотря на сгущающиеся сумерки, я сразу узнал, чья это тень.

Чертыхнувшись себе под нос, я повернулся к подходившему к нам человеку.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

В моем голосе, по-видимому, еще чувствовались агрессивные нотки, потому что Говард явно был возмущен, он даже легонько стукнул своей тростью по мостовой. Говард несколько раз перевел взгляд с меня на торговца и обратно, и то, что он увидел, ему, похоже, не понравилось.

— Можно с тобой поговорить, Роберт? — спросил он. В его голосе прозвучала такая решительность, что я невольно кивнул. Это был не вопрос, а, скорее, утверждение.

— Конечно же, со мной можно поговорить, — ответил я сердито. — Если я не ошибаюсь, ты это уже делаешь.

Говард молча кивнул. Он, похоже, ожидал, что я пойду за ним, но мне еще нужно было кое с кем разобраться.

Я снова повернулся к торговцу, молча смотревшему на Говарда.

— Ну, так что? — выпалил я. — Вы берете деньги, или это противоречит вашему принципу не продавать ничего *модникам*?

Торговец замер в нерешительности. Возможно, он сейчас думал о том, что ему все же удалось бы поднять цену, но появление Говарда нарушало его планы. Такого модника, как я, он, видимо, рассчитывал обьегорить в два счета, но Говард всегда приводил в легкое замешательство всех, кто сталкивался с ним впервые. Во внешности Говарда было что-то жутковатое. Даже я это чувствовал, хотя был знаком с ним довольно давно.

— Ступайте в Лоугрин, — мрачно сказал торговец. — Это такое местечко милях в шести к северу отсюда. Спросите там Балтимора.

— А потом?

— Никакого «потом». Больше я вам ничего сказать не могу.

Он пошел своей дорогой, и на этот раз я не стал его останавливать. Я бы с удовольствием задал ему еще несколько вопросов, ведь все-таки фунт — это немалые деньги, особенно для здешних мест, но присутствие Говарда удержало меня.

— Ну, а теперь давай поговорим, — я повернулся к Говарду. — Чего ты хочешь?

Говард поджал губы и некоторое время молча смотрел на меня.

— Ты изменился, парень, — наконец сказал он. — Это меня, в общем-то, не касается, но тебе лучше не выходить на улицу без шляпы. Про тебя люди уже говорят...

— Люди, — презрительно сказал я. — Что мне до людей? Им следует заниматься своими делами.

— А тебе, между прочим, следует знать, что как раз этого они обычно и не делают, — сказал Говард. — Или ты забыл, что еще не так давно тебя чуть было не линчевали?

— Не меня одного, — буркнул я. — Кроме того, сейчас совсем другая ситуация.

— Неужели? Почему ты так думаешь, позволь узнать?

Я набрал воздуха в легкие, уперся руками в бока и посмотрел на Говарда так недружелюбно, как только мог в данный момент. Говард даже не имел представления, о чем говорил.

— Займись лучше своими делами, — сказал я резче, чем намеревался. — Я вообще не вижу больше оснований для того, чтобы ты и Рольф продолжали за мной увиваться.

Говард нервно сглотнул. Выражение озабоченности в его глазах сменилось искорками гнева. Я уже пожалел, что ответил ему так резко, но, вместо того, чтобы успокоиться, я все больше горячился. Слова словно сами собой слетали с моих уст.

— А если мы и останемся вместе, — продолжал я, — то хватит мне по-отечески покровительствовать, понятно? Я и сам хорошо знаю, что и как мне нужно делать.

Говард медленно задумчиво кивнул:

— Быть может, ты и прав, парень. Но мне все же хотелось бы с тобой поговорить. И, желательно, не посреди улицы...

— Чтобы о нас, не дай бог, никто ничего не сказал, да? — я изо всех сил пытался взять себя в руки и удержать злобные слова, уже вертевшиеся у меня на языке.

Я отчетливо осознавал, что веду себя сейчас весьма скверно, и даже вопреки своей натуре, но осознание этого еще больше злило меня.

— Не возражаю, — выдавил я из себя, сумев немного успокоиться. — И где же?

Говард взял меня за рукав и молча отвел в боковую улочку, где стоял экипаж. Прежде чем я успел догадаться, что у него на уме, он забрался вовнутрь и показал мне жестом, чтобы я следовал за ним. Секунду поколебавшись, я повиновался.

Син допил пиво, поблагодарил хозяина и попросил показать ему его комнату.

Комната оказалась маленькой, не ахти как обставленной и, конечно же, не отапливалась. Зато она была недорогой. Сину доводилось останавливаться в комнатах и похуже, бывало, в них кишели насекомые, с потолка капала вода, а сквозь плохо заделанные щели тянуло сквозняком.

— Годится, — сказал он и кивнул хозяину. — Я прямо сейчас лягу спать. Сегодня у меня был напряженный день.

Хозяин пожелал ему спокойной ночи и ушел. Син присел на край кровати, которая явно

была сделана для людей поменьше его ростом, и спросил сам себя, какого черта ему всю жизнь приходится, как сардине в банке, скрючиваться на кровати, испытывая массу неудобств.

Высокий рост не всегда был преимуществом. В самом деле, кому понравится, просыпаясь утром, обнаруживать, что ступни, не помещающиеся под одеялом, замерзли, а голова, пролежавшая всю ночь в неудобном положении, болит?

Впрочем, в данном случае он не собирался проводить всю ночь в постели. Разговор с хозяином заведения подтвердил, что Син — на правильном пути.

Конечно же, он мог дожждаться утра и познакомиться с пресловутым заведением мистера Балтимора при дневном свете, но жизненный опыт подсказывал ему, что ночью зачастую можно увидеть намного больше, чем днем.

Он прислонился к стене и слегка задремал, явно не собираясь укладываться спать по-настоящему.

Через некоторое время он испуганно вздрогнул, услышав какой-то звук. Кто-то поднялся по лестнице на чердачный этаж, затем скрипнула дверь, и чей-то голос пробормотал что-то невразумительное. Сину показалось, что это был голос хозяина.

Снова стало тихо. Син выпрямился, надел куртку, которую он до этого предусмотрительно положил на стоящий возле кровати стул, и немного выждал. Затем он осторожно открыл дверь, проскользнул по темному коридору к лестнице и начал потихоньку спускаться вниз, ступенька за ступенькой.

Хотя он старался не шуметь, доски под его ногами все равно поскрипывали, словно протестуя против наваливавшейся на них тяжести, но голосов и топота ног, которые он уже ожидал услышать как реакцию на производимый им шум, не последовало.

Он дошел до помещения пивной, открыл отмычкой наружную дверь и нырнул в ночной мрак.

На улице было холодно, холодно и совершенно темно. Дорогу возле трактира затянуло влажным вечерним туманом, сквозь который окружающая местность просматривалась очень нечетко. Казалось, что, кроме нескольких голых деревьев и кустов, все живое в округе куда-то подевалось. Когда Син проходил мимо ворот, за которыми угадывались очертания сельского дома, по дороге ему навстречу пополз серый ядовитый туман — какая-то нереальная дымчатая завеса, за которой, как почудилось Сину, двигались расплывчатые тени.

Сину все больше и больше становилось не по себе.

Тем не менее, он продолжал идти по дороге, затем свернул направо, пересек темное поле и подошел к сырому лугу, тянувшемуся под горку до большой буковой рощи.

Син попытался получше припомнить объяснения хозяина трактира, однако ему оказалось довольно трудно соотнести пояснения, услышанные в хорошо освещенном уютном помещении пивной, с окружавшей его сейчас местностью, застланной холодным туманом.

Он огляделся по сторонам.

Туман полз вслед за ним, как неуклюжий зверь, преследующий свою жертву. В воздухе ощущался странный, необычный запах. Син вспомнил о буковой роще и о том, что ему следует держаться ложбинки между холмами — тогда он наверняка сможет выйти к лесу.

Перед ним простирался луг, отгороженный от деревни густым частоколом. Границы луга терялись в тумане, который теперь был уже не только позади Сина, но и впереди его, в результате чего окружающий мир казался большим темным помещением.

Когда Син подошел к изгороди, он обнаружил в ней проем, прикрытый калиткой. Он открыл ее без каких-либо затруднений, а затем закрыл за собой, хотя ему при этом почему-то стало не по себе.

Впрочем, могло случиться так, что он уже больше не вернется в трактир, и ему вовсе не хотелось, чтобы там сразу же узнали, куда он направился. Хотя, в принципе, об этом было нетрудно догадаться. Син ускорил шаги.

Вскоре он добрался до погруженного в вызывающую опасение темноту леса. Изгородь у границы леса была жиденькой, а местами даже обглоданной, поэтому Сину не составило особого труда пролезть сквозь нее и выйти на тропинку, петляющую между деревьями.

Однако грунт был скользким, и Син от души проклинал свою неудобную обувь, изо всех сил стараясь не поскользнуться. Пространство по обе стороны тропинки было заполнено хаотично движущимся туманом, хотя на самой тропинке, как ни странно, тумана не было.

Лес вокруг становился все гуще, и Син теперь лишь с трудом ориентировался в пространстве. Он то и дело натыкался на ветки и кусты, а иногда ему даже приходилось идти с вытянутыми вперед руками, как слепому.

И вдруг он увидел свет.

Сначала ему показалось, что это свет луны, появившейся в просвете между тучами, однако затем он разглядел, что свет был колеблющимся, как у лампы. Это был тусклый свет, приближающийся к Сину прямо по лесной тропинке.

Син остановился. Он почувствовал, что его охватила ледяная дрожь. Казалось просто невозможным в такое время суток и в такой местности встретить обычного прохожего, да еще несущего с собой лампу. Син не боялся ни темноты, ни сложных ситуаций, но этот лес и этот туман таили в себе что-то странное.

Он попытался вспомнить разъяснения хозяина трактира и понять насколько далеко он сейчас находится от своей цели, однако у него ничего не получилось: описания, данные трактирщиком, явно не соответствовали тому, что Син сейчас видел вокруг себя.

Он медленно вытащил свой маленький револьвер из кармана куртки и снял его с предохранителя.

Источник света все еще двигался, дергаясь то вверх, то вниз, периодически исчезая за деревьями, но неизменно появляясь снова.

Медленно, но верно он приближался к Сину.

Син почувствовал в себе неодолимое желание повернуться и бежать — как можно быстрее и как можно дальше. Тот, кто приближался к нему, — будь он человек или же другое существо — знал, по всей видимости, *что именно* он искал.

— Рольф! — удивленно воскликнул я, увидев, кто ждал нас в экипаже. — Как ты здесь оказался?

Широкое и не особенно симпатичное лицо Рольфа расплылось в некое подобие улыбки.

— Мне было скучновато в Лондоне, малыш, вот я и подумал, что, может быть, я вам нужен. И, насколько я вижу, так оно и есть.

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил я.

Я заметил, что Говард покачал головой и уставился в узенькое окошко экипажа, как будто продолжение разговора его не касалось. Ему, однако, не удалось в полной мере скрыть свою нервозность.

— Ничего, — ответил Рольф. — Так просто, ляпнул что зря.

Но я достаточно хорошо знал, что он имел в виду. Моя уже заметно отросшая щетина, должно быть, сильно контрастировала с общим ухоженным видом. Но не мог же я рассказать моим спутникам, почему в последние дни я упорно уклонялся от разглядывания себя в зеркале? Они абсолютно ничего не знали о моей панической боязни еще раз столкнуться с тем безумием, ледяное дыхание которого я уже один раз почувствовал.

— Тебе не следовало сюда приезжать, — сказал я холодно.

Мне с трудом удалось придать своему голосу безразличные интонации. Внутри меня буквально все кричало, призывая как можно быстрее отправляться на поиски Присциллы, а не вести эти бессмысленные разговоры. Она была в опасности, и каждая минута, потраченная на пустую болтовню, могла оказаться роковой. У меня имелись кое-какие догадки, где ее искать, и нужно было немедленно этим заняться, прямо сейчас!

— А как вообще обстоят твои дела? — спросил я, чтобы сменить тему.

Рольф пожал плечами:

— Потихонечку прихожу в себя. Мэри, надо сказать, хорошо за мной ухаживала.

После всего того, что произошло в Дернессе, Мэри Уинден не решилась вернуться в свой родной город. Она с помощью знакомых вывезла оттуда дочь и нашла пристанище у Говарда.

Рольф, с еще незажившими ожогами, остался вместе с Мэри в Лондоне, тогда как я — к удивлению всех — внезапно уехал. Говард, однако, немедленно последовал за мной. А теперь он вызвал сюда еще и Рольфа, явно для того, чтобы лучше контролировать меня. Мне в подобной ситуации не оставалось ничего другого, кроме как сделать хорошую мину при плохой игре. Нельзя было допустить, чтобы они узнали, *с какой целью* я приехал сюда.

Особенно Говард...

Он высунул голову в окошко и что-то крикнул кучеру. Раздалось щелканье кнута, и экипаж, вздрогнув, медленно тронулся.

— Что это значит? — спросил я Говарда. — Я думал, ты хочешь со мной поговорить. Мы никуда не договаривались ехать.

Говард кивнул.

— Ты прав, Роберт. Но, как я слышал, тебе нужно в Лоугрин. Надеюсь, ты будешь не против, если мы поедem с тобой, — он чуть заметно улыбнулся. — В компании приятней путешествовать.

Это прозвучало не как вопрос, меня поставили перед фактом. Конечно же, у меня было очень много причин воспротивиться этому, но тогда у Говарда возникло бы еще больше подозрений. К тому же, гораздо приятнее ехать в экипаже, чем идти пешком.

— Почему вы никак не оставите меня в покое? — спросил я мрачно.

У Говарда на лице снова появилась легкая улыбка.

— Мы бы с удовольствием оставили тебя в покое, Роберт. Однако боюсь, что ты опять столкнулся с чем-то необычным, — он слегка покачал головой. — Что-то, существующее в тебе самом, не дает тебе покоя и это что-то подвластно темным силам и будоражит твою душу. Тебе следует посмотреть на себя в зеркало. Ты выглядишь просто ужасно.

Я вздрогнул. Не от страха перед упомянутыми Говардом темными силами, а от мысли о том, что мне надо взглянуть в зеркало. Мне казалось, что я там могу увидеть что угодно, но только не самого себя.

— Что-то случилось? — вмешался Рольф. — Ты вдруг так побледнел.

Я с трудом смог отрицательно покачать головой. У меня на лбу проступил пот.

Несмотря на это, я ощутил сильный озноб.

— Ничего, — пробормотал я. — Ничего... такого.

Говард кивнул.

— Да, и вот именно из-за этого ничего такого мы в ближайшие дни не отойдем от тебя ни на шаг. До тех пор, пока это ничего такого не исчезнет, или...

Он не договорил, но я и так понял, что он имел в виду. Предстояла борьба с какой-то — пока еще неведомой — силой, и я смогу победить только в том случае, если Говард будет мне помогать.

Однако я уже убедился, что от Говарда было не так уж много толку в борьбе против сил, преследовавших нас в недавнем прошлом. Он не был колдуном и не обладал магическими способностями, которые мог бы применить против сил, с которыми он время от времени сталкивался.

А тому, что я затеял, он, несомненно, будет всячески противиться.

Когда мы доехали до Лоугрина, уже не было видно ни зги. Вдоль дороги тянулись серые призрачные клубы тумана, и я почувствовал, что влага проникает внутрь экипажа и пропитывает нашу одежду.

За все время поездки мы практически не разговаривали. Мне не очень нравилось ехать сейчас, в надвигающихся сумерках, с двумя этими людьми. С одной стороны, меня многое с ними связывало, но с другой — теперь я их воспринимал чуть ли не как своих врагов. Я все время ожидал, что Говард спросит меня о том, кого или что я, собственно, ищу. Он, однако, либо это уже знал, либо чувствовал, что я не стану отвечать на его вопрос.

Для меня было очевидным, что он не допустит, чтобы я вступил в какой-либо контакт с Присциллой. Он, безусловно, сделал все возможное, чтобы изолировать ее. Он знал о моем чувстве к ней, а еще о том, какую опасность для меня — и для всех нас — она представляла. Но все эти умозаключения основывались на логике. Что мог такой человек, как Говард, знать о любви?

Экипаж подъехал к небольшому трактиру и — наконец-то — остановился. Занавеска отдернулась, и в окошке появилось лицо кучера — с покрасневшими глазами и прочими свидетельствами того, что предыдущую ночь ему пришлось провести на козлах.

— Все уже пошли спать, сэр, — пробурчал он. — Я же вам говорил, что в такое время мы здесь не встретим ни души...

— А еще вы мне говорили, что хозяин трактира — ваш дальний родственник, — перебил его Говард. Он достал что-то из кармана куртки и всунул в руку кучеру. — Будьте так любезны, организуйте нам ночлег с помощью своих родственных связей.

— Но если остались места только на соломе, то я в этом не виноват, — сказал кучер.

Его голос был уже не таким мрачным: данные ему Говардом деньги возымели действие. Он шагнул в сторону, и я тут же выскочил из экипажа и направился к входу в трактир.

Манерность Говарда и его швыряние деньгами были для меня просто невыносимыми. Я и сам мог позаботиться о ночлеге, и при этом не собирался строить из себя бог знает кого.

Я споткнулся о приступок, отделявший садовую дорожку от улицы, и чуть было не потерял равновесие. Ночь была темной, к тому же туман, висевший в воздухе рваными клочьями, явно не способствовал улучшению видимости. Я стал осторожно продвигаться вперед, добрался до входной двери, повернул ручку и вошел в темную прихожую.

За моей спиной раздался удивленный возглас: кучер следовал за мной по пятам.

— Странно, что дверь открыта, — сказал он и протиснулся мимо меня.

Некоторое время было слышно, как он осторожно передвигается в темноте, затем он несколько раз натолкнулся на стулья и начал вполголоса чертыхаться.

Где-то над нами послышалось какое-то движение. Я всмотрелся и увидел малюсенький источник тусклого света, который дергался туда-сюда. Вскоре послышался топот чьих-то ног: к нам кто-то спускался.

Сначала показался поблескивающий металлический предмет, в котором я быстро узнал ствол ружья, а затем — рыжая шевелюра и испуганное лицо, недоверчиво вглядывающееся в наши лица.

— Добрый вечер, — сказал я дружелюбным тоном и символически поклонился. — Моя фамилия — Крэйвен. У вас еще есть свободные комнаты — для меня и двух моих спутников?

Глаза рыжеволосого расширились от страха: он увидел опрокинутые стулья.

— Не двигаться, а то пристрелю на месте, — пробурчал он. — Похоже, я пришел как раз вовремя.

Он задрал голову и прокричал кому-то наверх:

— Энн! Тут воры! Позови соседей! И пусть возьмут с собой веревки! С этими подонками мы разберемся очень быстро!

Словно подтверждая серьезность его намерений, его ночная рубашка заколыхалась, как летучая мышь, сердито хлопающая своими крыльями.

— Вначале давайте поговорим о комнате, сэр, — осторожно сказал я. — Уверяю вас, я ничего не имею против ваших соседей, но у меня нет особого желания знакомиться с ними сегодня вечером.

— Перестань болтать всякую чушь! — выпалил рыжеволосый. — Сначала вы воруете наш скот, а теперь еще вламываетесь в наши дома. Кто ворует, тот убивает. А с теми, кто убивает, мы расправляемся очень быстро! — как ни странно, его слова казались логичными. — А теперь помолитесь в последний раз, прежде чем мы подтащим вас к ближайшему дереву и накинем на вашу шею...

— Извините, сэр, что перебиваю вас, — сказал я. — Но вы ошибаетесь. Мы здесь проездом, и не намеревались причинять какой-либо вред. Это — правда, и...

Я нервно сглотнул, увидев, что ствол ружья теперь был направлен прямехонько мне в лоб:

— Да посмотрите же на лицо моего спутника. Ну? Узнали?

Рыжеволосый бросил на меня сердитый взгляд:

— Какого черта я еще должен всматриваться в ваши физиономии, а? Того, что я увидел, мне достаточно. Я понял, что ты — заросший щетиной ублюдок, а твой приятель — глухонемой насильник.

— Но Чарльз! — наконец-то вмешался кучер. Его голос звучал жалобно. — Ты же не станешь стрелять в своего родственника?

— Что за чушь? Меня зовут не Чарльз. Чарльз — мой брат-близнец.

— Так у вас есть брат-близнец, сэр? — поспешно спросил я. — Тогда понятно, почему...

— Мне уже несколько минут как все понятно, — фыркнул брат Чарльза. — Я лично полчаса назад запер дверь, а теперь вижу, что два негодяя стоят в моей комнате для посетителей и при этом утверждают, что они тут проездом и не хотят причинять вреда.

В этот момент послышался сильный шум, и несколько вооруженных мужчин ворвались

в помещение через заднюю дверь, мгновенно заполнив его мерцающим светом и криками.

Это были соседи хозяина трактира, которых позвала его жена. Я не ожидал, что они явятся так быстро. У большинства у них поверх ночных рубашек были накинuty лишь пальто, но у всех в руках поблескивали ружья.

Возможно, среди них был и Чарльз, но, не успел я об этом подумать, как меня грубо схватили и приперли к стене, а затем скрутили руки за спиной. Какой-то идиот направил прямо мне в лицо ствол своего допотопного ружья, его товарищ упер мне в бок свою двустволку, причем так сильно, что я еле мог дышать, а еще один из нападавших стал вертеть ножом перед моими глазами, как будто намеревался их выколоть.

— А ну-ка хватит! — крикнул кто-то от двери.

Говард и Рольф стояли в дверном проеме, как будто с неба свалились. В руках они держали револьверы и, судя по выражению их лиц, были настроены весьма решительно.

— Соучастники! — взвизгнул рыжеволосый, уже начавший спускаться по лестнице.

Ружье в его руках теперь казалось просто смешным, и в его взгляде появилась нерешительность, не очень подходившая этому грубому мужику. Он посмотрел на кучера, которого, как и меня, бесцеремонно приперли к стене.

— Альберт! Ты что, в одной шайке с этими типами?

Этот парень действительно был таким тупым или только прикидывался?

В комнате стало так тихо, что можно было бы услышать, как пролетает муха, если бы ей вздумалось явиться сюда. На бледных лицах разбуженных посреди ночи людей, угрожающих нам ружьями, появилось и все усиливалось выражение недоумения. Они хотели схватить двух воров, которые уже давно повадились в эту деревню, а вместо этого перед ними стояли четыре человека, внешне не очень-то смахивающие на воров.

Хотя, конечно, и я, и Рольф в нашем нынешнем состоянии не внушали особого доверия, но, тем не менее, мы с ним явно не походили на разбойников. Чтобы убедиться в этом, достаточно было посмотреть на нашу одежду.

А когда хозяин трактира назвал нашего кучера по имени, это вообще привело в полное смятение всех присутствующих.

— Это я привез сюда этих господ, — сказал Альберт. — Дверь была открыта, и...

— Минуточку, — перебил его широкоплечий мужчина среднего роста, стоявший, опустив ружье, у задней двери и молча наблюдавший за происходящим. — Значит, из-за нескольких запоздалых посетителей ты поднял нас с постели, Флэнелтон? Этого, — он указал рукой на нашего кучера, — мы все знаем. Он ведь уже не раз привозил клиентов тебе и твоему ленивому братцу.

Всем вскоре стало понятно, что произошло недоразумение. Однако оставалось загадкой, как нам удалось проникнуть в дом. Флэнелтон настаивал, что он вечером запер входную дверь. Ну, было хорошо уже то, что нас теперь не считали ворами.

После того как Флэнелтон понапрасну поднял своих соседей с постели, ему не оставалось ничего другого, как угостить всю компанию пивом — и не по одной кружке. Говард решил проявить щедрость и заказывал всем пиво за свой счет, кружку за кружкой. Раз уж нас угораздило, только приехав, обратить на себя столько внимания, с его стороны, пожалуй, было весьма разумным организовать для всех явившихся сюда соседей эту незапланированную пивную вечеринку.

Мужчины в ночных рубашках или же наспех накинутых на плечи пальто, попивая пиво, постепенно становились все более словоохотливыми, хотя по-прежнему время от времени

бросали на нас недоверчивые взгляды. В их поведении все же было что-то странное. Хотя их старые ружья и не производили особого впечатления, на призыв соседа эти мужчины отреагировали, надо сказать, довольно быстро.

Так быстро, как это свойственно людям, которые часто объединяются перед лицом общей опасности. И хотел бы я знать, что это была за опасность, которая заставляла их постоянно находиться в боевой готовности.

Было не так-то легко выудить что-нибудь о мистере Балтиморе у этих полупьяных людей. Его дом, расположенный по другую сторону леса, жители деревни обходили стороной. Более того, когда я попытался направить разговор в нужное мне русло, я тут же почувствовал, что они избегают даже говорить о нем, а мои вопросы — хотя я и старался задавать их как бы между прочим — снова возбудили их подозрительность. Но, в конце концов, просидев здесь целый час и угостив собеседников не одной кружкой пива, я получил более или менее вразумительное описание дороги к этому дому.

Я решил отправиться туда немедленно. Незадолго до того, как все начали расходиться по домам, я под предлогом естественной надобности пошел в туалет, вылез из него через окно и выскользнул из деревни. Пройдя несколько сот метров, я оглянулся: окна пивной были ярко освещены, но вокруг стояла крошечная темень.

Я захватил с собой фонарь, но пока не решался его зажечь: мне отнюдь не хотелось, чтобы моя ночная вылазка привлекла чье-либо внимание. Говард и без того мог очень быстро заметить мое отсутствие и сделать соответствующие выводы. Я не собирался подбрасывать ему дополнительные подсказки.

Я пробирался по узкой тропинке вдоль изгороди, в сторону буковой рощи. Мужчина, заплетающимся языком описавший мне дорогу, посоветовал не идти через луг, чтобы сократить несколько миль пути.

Через неполную сотню метров я подошел к заросшей вереском прогалине, над которой клубился туман. Я пошел по тропинке, бегущей параллельно изгороди в сторону леса. Только теперь я решился зажечь фонарь. Пока мне удавалось правильно ориентироваться на местности, и я надеялся, что так будет и впредь.

Ветер тихонько шевелил ветви деревьев, издававшие при этом звук, похожий на дыхание большого зверя. Свет лампы падал на туман пляшущими бликами и отражался от него, в результате чего свет скорее слепил меня, чем помогал находить дорогу.

От лампы практически не было никакого толку, и я уже подумывал погасить ее, но в конце концов не стал этого делать, понадеявшись, что в лесу туман развеется.

Но я ошибся. Чем ближе я подходил к деревьям, тем хуже становилась видимость. Белые клубы тумана, казалось, хватались за меня своими призрачными пальцами и пропитывали влагой мою одежду.

Ритмичный, какой-то неестественный шелест голых лиственных деревьев и темных елей усилился. Периодичность этого звука чем-то напоминала механическую монотонность маятника часов, а еще ритм ударов огромного сердца. Я почувствовал, что у меня, несмотря на холод, спина взмокла от пота.

Вновь и вновь раздавался этот неестественный звук в окружающей меня темноте. Он сначала отличался от ударов моего сердца, затем стал звучать синхронно с ними, и в конце концов замедлился.

Я невольно остановился, поднял лампу выше слоя клубившегося над самой землей

густого тумана, доходившего мне до пупка, и всмотрелся в колыхающуюся белую пелену. Но там ничего не было.

Во всяком случае, ничего не было видно.

Но, тем не менее, я почувствовал, что в темноте меня поджидает что-то огромное. Мое дыхание стало прерывистым, а рука, в которой я держал лампу, задрожала. Я уже начал спрашивать себя, какого черта я вообще сюда забрел.

Действительно ли меня тогда звала именно Присцилла? Или же это были некие темные силы, лишь использовавшие ее, чтобы заманить меня в ловушку?

Мои размышления ни к чему не привели. Я попытался сконцентрироваться на мыслях о Присцилле, но каждый раз, когда мне казалось, что я вот-вот все пойму, мое сознание искажалось потоком нахлынувших чувств.

Я вздохнул, закрыл глаза и попытался сбросить со своих мыслей завесу, скрывавшую от меня вот уже несколько дней суть происходящего. Что же это было — то нечто, затаившееся у меня внутри, готовое в любой момент вырваться наружу и обрушить волну насилия на все, что меня окружало?

И откуда взялась эта неожиданная антипатия к Говарду и Рольфу, а еще ощущение, что я должен с ними порвать?

Я не находил ответов на эти мучительные вопросы, хотя и чувствовал, что понимание вот-вот придет. За пределами моего сознания таилось глубоко запрятанное *знание*, до которого я просто никак не мог дотянуться — пока что не мог.

Тем не менее, я вновь и вновь пытался это сделать, максимально концентрируя свое внимание. В висках появилась тупая боль, и у меня возникло ощущение, что мой череп вот-вот треснет, однако я не прекращал своих попыток.

Я хотел и должен был выяснить правду. И я почувствовал, что у меня вроде бы кое-что начало получаться. На поверхности моего сознания что-то возникло — какая-то нечеткая мысль, и я пытался за нее ухватиться, чтобы понять все остальное.

Все это имело отношение к Андаре, моему отцу, а еще к Присцилле и ко мне самому, и это было...

Все закончилось.

Ниточка опять разорвалась, и я снова не смог понять то, что вот-вот уже должно было открыться мне.

Я вздохнул и попытался стряхнуть с себя страх перед тем, что таилось во мне. Было бессмысленно — да и опасно — заниматься метафизическими размышлениями. Я напряг все свои силы, чтобы ослабить давление, которое, казалось, сейчас разорвет мой череп на части.

Я вдруг вспомнил о Присцилле, об опасности, угрожавшей нам обоим, о том, что нам нужно найти друг друга. Эти мысли придали мне сил, и я сумел очнуться от оцепенения и открыть глаза.

Мне показалось, что туман надвигался на меня с какой-то злобностью и протягивал ко мне свои тонкие пальцы, словно пытаясь, как чудовище щупальцами, подтащить меня к себе.

Несмотря на влажность, у меня в горле пересохло. Я несколько раз глубоко вздохнул и медленно пошел к границе леса.

Что бы там, в лесу, меня ни ждало — оно не успокоится, пока я не приду, любая попытка ускользнуть была бы бессмысленной. Я это отчетливо понимал.

Под моими ногами шелестела мокрая листва. Я ее не видел, но даже сквозь свои грубые

сапоги чувствовал упругий пружинистый ковер из листьев, покрывавший землю.

За последние минуты туман поднялся еще выше, но затем вдруг начал расступаться передо мной — медленно, нос целеустремленностью, свойственной лишь мыслящим существам.

Свет от моей лампы упал на узкую тропинку, убегаящую вперед и исчезающую где-то в глубине леса, причем над самой тропинкой виднелись лишь отдельные клочья тумана, тогда как деревья по обе стороны от нее были буквально укутаны плотной белой завесой.

Я посмотрел вверх и увидел, что даже небо было скрыто туманом. Свободной оставалась лишь эта тропинка — своего рода туннель в тумане, ведущий к чему-то, ждавшему меня впереди. Это было похоже на приглашение. Более того, я воспринимал это как приказ, противиться которому было бесполезно.

Я больше не колебался. О Присцилле в тот момент я уже не думал, хотя именно мысли о ней и привели меня сюда. Вместо этого я полностью сконцентрировался на окружающей местности и попытался держать в поле зрения лес как справа, так и слева от меня, не отвлекаясь при этом от тропинки. Конечно же, мне это не очень хорошо удавалось.

Мои нервы были напряжены до предела. Шорохи вокруг меня заглушались влажным, насыщенным тысячами мельчайших водяных капелек воздухом. Но я и без шорохов чувствовал, что ко мне что-то приближается. Что-то невидимое и злобное.

И вдруг я его увидел.

Это была темная массивная тень, которую я издавна принял бы за дерево, если бы она не находилась прямо посреди тропинки. Света моей лампы не хватало для того, чтобы рассмотреть ее поподробнее. Я лишь видел, что это нечто было большим.

Достаточно большим, чтобы можно было предположить, что это — *Шоггот*.

Я резко остановился. Мое сердце бешено колотилось, и мне лишь с трудом удалось удержать себя от того, чтобы не повернуться и не броситься наутек. Постепенно подавив в себе страх, я впился взглядом в чудовище и сконцентрировался на предстоящей встрече с ним.

Нападение было внезапным. Меня вдруг окутало густое облако каких-то испарений, и я почувствовал терпкий запах доисторического чудовища.

Я высоко поднял руки — слишком поздно и слишком медленно — чтобы сдержать концентрированный поток жуткого гнева, заставивший меня отступить назад. Фонарь, выскочив из моих рук, описал в тумане огненную дугу и с треском ударился в землю. Карбид вспыхнул, на меня упал яркий луч света, а затем все вокруг меня погрузилось во тьму.

Я остановился как вкопанный. То, что только что нахлынуло на меня, как беснующаяся волна прибоя, не было чем-то материальным, как я подумал сначала.

Кошмарные гномы и колдуньи танцевали на тропинке, выскакивая из тумана и обескураживая меня своей пляской. Они были призрачными, но вместе с тем вполне реальными, как чертенята на картинке, вдруг чудесным образом ожившие, спрыгнувшие с картинки и приведшие этим случайных зрителей совершенно неожиданного события в полное смятение.

Маленькие потешные человечки в мохнатых шапках на рогатых головах скакали по тропинке, а иссохшие, похожие на ведьм существа отталкивали их в сторону. Все эти действия были слишком уж реальными, чтобы можно было считать их лишь плодом моего воображения. Они не были лишь порожденной туманом иллюзией, а представляли собой жуткую действительность, от которой кровь стыла в жилах.

Какое-то странное существо — полукрыса, полуженщина — указало когтистым пальцем на меня и скорчило физиономию в отвратительную гримасу. Его крысиная мордочка, хитрые и коварные глазенки, тонкое изящное туловище, размером с человека, перемещающееся на пружинистых крысиных конечностях, представляли собой весьма мерзкое зрелище. Я отступал шаг за шагом, не в силах оторвать взгляд от этого жуткого существа.

Влажная пелена тумана окутала мои ноги и поползла вверх по туловищу. Я почувствовал, что в туман погружается не только мое тело, но и мое сознание. Меня охватил панический страх, но часть моего тела — и моего сознания — осталась нетронутой серой пеленой тумана, и я неотрывно следил за трансформациями, происходящими с женщиной-крысой, почти с любопытством исследователя.

Ее туловище медленно обросло густой щетинистой шерстью, а пальцы превратились в когти. Существа, плясавшие вокруг нее, казались теперь не более чем призраками — порождениями моей фантазии.

Я больше не смотрел на них. Все мое внимание было приковано к женщине-крысе. В ее взгляде чувствовалась холодная звериная решительность. И еще что-то. Что-то знакомое, что-то такое, что я уже видел и в зеркале перед тем, как оно разлетелось вдребезги, и в глазах Лиссы — глазах колдуньи, вселившейся в Присциллу.

Туман удушающей пеленой застилал мое сознание. Однако главную угрозу для меня представлял не он, а это... это существо, упорно надвигающееся на меня. Мне даже показалось, что туман защищает мое сознание, что он оберегает его от безумия, охватывающего меня. Это все, конечно, было полной чушью, как и то, что я, как мне казалось, сейчас видел.

Это было лишь плодом моего воображения, видениями, порожденными туманом...

Жуткое крысоподобное существо вдруг задрожало. Оно судорожно скорчилось, опустилось на колени, еще раз скорчилось, зашипело и затем медленно, словно ему было больно, выпрямилось.

Туман резко отступил от крысоподобного чудища — в нем уже не было ничего человеческого.

Но лицо!

Это было лицо Лиссы-Присциллы — колдуньи, один раз чуть было не погубившей меня! Я вскрикнул.

Подняв свои когтистые лапы, существо шагнуло ко мне. В его лапах блеснуло что-то металлическое — что-то совершенно не свойственное животному. Хотя я толком не рассмотрел этот предмет, инстинктивно почувствовал опасность.

Я бросился в сторону. Темноту разорвал громкий взрыв. Он отдался эхом в моих ушах и заставил меня покачнуться. Я зашатался, споткнулся о корень и рухнул на землю.

Меня тут же охватил туман, нахлынувший на меня, как волна, и подавивший мой крик. Я закашлялся и стал отчаянно хватать ртом воздух. Туман проник в мое горло и парализовал его. Это был не обычный туман: у меня возникло ощущение, будто я глотаю безвкусный сироп. На мгновение мне показалось, что я вот-вот задохнусь, но затем вдруг чья-то сильная рука подняла меня на ноги и как следует встряхнула.

— Да возьмите же себя в руки, мужчина, — послышался чей-то голос.

Мужской голос!

Я с трудом поднял глаза.

Женщина-крыса исчезла, словно видение, а вместе с ней исчез и весь легион

кошмарных существ. Теперь на ее месте стоял великан — мужчина, который был выше меня ростом на целую голову. Я ожидал увидеть что угодно: ужасную физиономию, щупальца доисторического гиганта или же что-нибудь в этом роде — но никак не *того*, кого я увидел.

— Син! — воскликнул я.

Мой голос не был похож на человеческий. Воздух, выходящий у меня изо рта, смешивался с клубами тумана.

Я молча уставился на человека, которого в последний раз видел еще в Дернессе.

И он тогда был воплощением моего мертвого отца Родерика Андары!

Был погожий солнечный день, и При разрешили — в сопровождении миссис Санди — погулять по раскинувшемуся рядом громадному парку. Солнечные лучи щекотали ее кожу, и она с сожалением думала о том, что зима вот-вот снова вступит в свои права. Радость, охватившая ее от ощущений солнечного дня, ни разу не была испорчена мистером Балтимором, который сегодня, как ни странно, оставил При в покое.

Когда они поднималась по ровным узким ступенькам из блестящего камня, в ее шагах ощущалась прежняя энергия, а мысли, мучившие ее несколько последних месяцев, отошли на задний план.

Доктор Балтимор был плохим человеком, он все время пытался ее убедить, что она больна. Но ведь это он был болен и — по единодушному мнению окружающих — нуждался в помощи. Он держал ее здесь как пленницу, и только тот, кто мог заглянуть в глубину его черной души, наверное, понял бы, зачем ему это было нужно.

При не сделала ему ничего плохого. Впрочем, она вообще никому не причинила вреда, и держать ее здесь было просто бесчеловечно и подло. Там, снаружи, ее ждал огромный мир, и она поклялась себе, что это ожидание не будет вечным.

Придет день, когда она вырвется из этого заточения. Эйкорн, Сантерс и она сама образовывали единую мощную силу, перед которой не мог устоять даже доктор Балтимор.

Она хихикнула при мысли о том, что сказал бы этот чудный доктор, если бы узнал, куда она сейчас идет. В доме все спали, и, естественно, пациентам не разрешалось проводить по ночам тайные встречи. Тем более *такие вот* встречи — настоящие собрания.

Как, кстати называл их Эйкорн? В названии фигурировало слово «месса». Ах да, он называл их «черная месса». Собравшиеся умоляли силы зла помочь им положить конец произволу доктора.

При достигла конца лестницы и стала осторожно продвигаться вперед в темноте подвала. Они никогда не зажигали здесь свет, чтобы их не обнаружили. Люди из обслуживающего персонала об этом подвале ничего не знали, а если и знали, то обходили его стороной. Это было весьма на руку участникам «Черного Союза», как называл их группу Эйкорн.

Он был настоящим педантом, этот Эйкорн, и всему давал какое-нибудь название. А еще он казался довольно жутким человеком, однако При понимала, что без него они не смогли бы продвинуться так далеко.

Ей оставалось пройти всего лишь метр до ответвления, в котором они проводили свои тайные встречи, когда у нее неожиданно начался приступ головокружения.

С каждой секундой она все больше теряла ориентацию в пространстве, на нее накатывала сильная тошнота. Тяжело дыша, она попыталась ухватиться за шершавую стену подвала. У нее перед глазами поплыли огненные круги, дыхание стало прерывистым, затем

на несколько секунд она вообще перестала дышать, а потом — постепенно — снова задышала.

Ей показалось, что она видит перед собой мужчину с зигзагообразной белой прядью волос и жутким выражением глаз. Мужчину, который хотел ее уничтожить.

— Не... — пролепетала она и выставила перед собой в защитном жесте руки.

Мужчина подошел ближе. Она уже давно чувствовала, что он подбирается все ближе к ней, день за днем, и не успокоится, пока не уничтожит ее! В его облике было что-то знакомое и привычное, но одновременно и что-то безжалостное, наводящее на При ужас.

Ее не покидало ощущение, что вокруг нее все время сжимается кольцо. Ей нужно было выбраться отсюда, пока не поздно, пока этот одновременно и незнакомый и знакомый мужчина не сумел сговориться с доктором Балтимором. Собрав все свои силы, она попыталась остановить головокружение.

Она знала, что последует дальше: вновь вернутся тяжкие пульсирующие головные боли, мучавшие особенно сильно в первые месяцы ее пребывания здесь. Но в данный момент даже эти боли были для нее менее ужасными, чем это жуткое видение, это лицо, от вида которого она едва не сходила с ума...

Ей уже давно не было так плохо. Голова буквально раскалывалась. Она была сейчас просто не в состоянии что-либо соображать, но, тем не менее, она сжала зубы и пошла вперед, шаг за шагом.

Где-то рядом что-то зашуршало, мимо прошмыгнуло одно из тех мерзких существ, которые обычно ютятся в глубине подвалов. Крыса. Хотя кругом была кромешная тьма, При показалось, что она увидела, как мелькнули злобные огоньки крысиных глаз. Крыса прошмыгнула перед ней очень быстро, буквально в течение секунды, но При все же успела ее увидеть.

Девушка застонала. Ей показалось, что она вдыхает горячие, даже раскаленные клубы пара, и затем она вдруг снова отчетливо увидела перед собой того мужчину — мужчину, стремящегося ее уничтожить, к которому ей почему-то приходилось идти. Она протянула руки вперед и тут же почувствовала пронзившую их острую боль. Затем боль внезапно прошла.

Перед ней стоял Эйкорн. Его узкое морщинистое лицо выражало озабоченность. В правой руке он держал мерцающую свечу, из-за его спины через приотворенную дверь падал узкий луч света. Эта дверь вела в их *святилище*.

— Тебе дурно, При? — спросил он.

Девушка покачала головой.

— Уже... уже прошло, — тихо сказала она. — Ничего... страшного. Так, небольшой приступ.

Эйкорн с пониманием кивнул и взял ее за руку. Его глаза — ни молодые, ни старые — остались бесстрастными, но лоб он наморщил еще сильнее, чем раньше.

— Ты кричала, При, — сказал он. — Причем так громко, как будто хотела, чтобы доктор нас непременно обнаружил.

— Мне... мне жаль, что так получилось, — прошептала При.

Головная боль ослабла, но она все еще чувствовала себя обессиленной и несчастной. Она послушно позволила Эйкорну довести себя до *святилища*.

— Ты упомянула чье-то имя, — как бы между прочим сказал Эйкорн, открыв дверь и подведя При к ее месту.

— Какое имя?

Эйкорн слегка улыбнулся:

— Если я не ослышался, ты кричала «Роберт». Несколько раз.

— Роберт, — задумчиво повторила При.

Это имя вызвало в ее памяти какой-то отголосок, но не более того. Она была, впрочем, уверена, что в своей жизни встречалась с каким-то Робертом, но не могла вспомнить, когда и где.

Она очень мало помнила о той жизни, которую вела до того, как попала к доктору Балтимору.

— Это все? — спросила она. — Или я говорила что-нибудь еще?

Эйкорн отрицательно покачал головой:

— Ты не говорила. Ты кричала.

В ответ на его слова При небрежно махнула рукой.

— Это неважно, — заявила она. — Нам необходимо сломить те чары, которые держат нас здесь. Все остальное не имеет значения. А где Сантерс?

Эйкорн пожал плечами. В том простом сером одеянии, которое было на нем, его можно было бы принять за коммивояжера. Но это было обманчивое впечатление.

В его глазах горел фанатичный огонь, свидетельствующий о его чудовищной воле и непреклонности. Прошло довольно много времени, прежде чем При стала ему доверять. И пока она об этом еще ни разу не пожалела. Но, как бы там ни было, они до сих пор не выполнили задачу, поставленную перед собой.

— Он сейчас придет, — сказал Эйкорн равнодушно.

Он отодвинул свой стул чуть назад. От этого движения взметнулась пыль и какое-то существо метнулось в сторону: то ли паук, быстренько ретировавшийся прочь от непривычного ему света, то ли крыса...

При попыталась не думать об этом. То, что произошло с ней в коридоре, включая приступ и неприятную встречу с крысой, произвело на нее гораздо большее впечатление, чем она поначалу считала.

— Пройдет еще много времени, прежде чем он придет, — сердито сказала она.

Эйкорн бросил на нее удивленный взгляд.

— Ты же знаешь, что ему нужно еще кое-что уладить, — сказал он с упреком. — Будь рада тому, что он на это согласился. Мы вдвоем не смогли бы сделать...

— Сделать что? — При чувствовала себя усталой и разбитой, и ей отнюдь не хотелось провести здесь целую ночь. — О чем ты вообще говоришь?

Эйкорн сощурил глаза. Он наполовину прикрыл их веками, и его взгляд стал похож на взгляд змеи.

— А ты не знаешь, какой сегодня день?

При на секунду задумалась:

— Пятница? Нет? Тогда четверг?

Эйкорн резко поднялся и начал ходить взад-вперед. Звук его шагов отдавался эхом от стен. Подойдя к противоположной стене, он задержался возле нее на некоторое время и бросил долгий задумчивый взгляд на одинокую женскую фигурку, сидящую за большим круглым столом. Затем он снова начал ходить взад-вперед.

При больше не обращала на него внимания. Эйкорн иногда был склонен к сумасбродству, хотя в общем и целом он вел себя благоразумно. А по сравнению с

Сантерсом его вообще можно было считать почти нормальным человеком. Но лишь *почти*.

Она вздохнула. Ей не оставалось ничего другого, кроме как вместе с этими двумя сумасбродами пытаться достичь общей цели. В конце концов, цель у них была одна: все они хотели выбраться отсюда, и как можно скорее.

При догадывалась, что Эйкорн руководствуется теми же соображениями. Кроме того, она знала, что он считает себя лидером их маленькой группы. Он постоянно делал ей замечания по поводу ее несдерживаемого темперамента и провалов в памяти. Но, даже если она и не помнила, какой сегодня день, ему не следовало упрекать ее за это.

— Ты действительно не помнишь, При, или это просто одна из твоих чудаковатых шуточек?

В его голосе прозвучала скрытая угроза.

— Я действительно не помню, — убежденно ответила При.

Она метнула на Эйкорна горящий взгляд.

— Если вообще есть что-нибудь, что я могла бы запомнить, — резко добавила она.

Эйкорн не успел ничего сказать в ответ. Раздались тяжелые шаги: кто-то подходил к подвалу.

— Кто это? — вырвалось у При.

— Сантерс, — возбужденно ответил Эйкорн. — Похоже, у него получилось.

Он хотел подойти к двери, но При вскочила и удержала его за рукав куртки.

— Это не Сантерс. Сантерс не топает ногами по лестнице, как обезумевший бык.

— Отпусти меня, — прошипел Эйкорн и отвел ее руку в сторону. — Я должен ему помочь.

— Помочь в чем?

Эйкорн не ответил. Он взял свечу со стола и прошмыгнул мимо При.

Девушке ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, — ей не хотелось остаться одной в темноте. Она почувствовала в своей душе непонятное волнение, каким-то образом связанное с этими топающими звуками, но не смогла сконцентрировать на этом свое внимание.

Мерцающего света свечи в руках Эйкорна явно не хватало на то, чтобы полностью осветить подвал. Пламя трепетало от сильного сквозняка, все время угрожавшего задуть свечу. Эйкорн прикрыл фитиль рукой, и пламя перестало метаться, но, закрытое ладонью, теперь давало меньше света. Впрочем, его было достаточно для того, чтобы разглядеть контуры фигуры человека, бредущего к ним навстречу.

Это действительно был Сантерс.

Его юношеское лицо исказилось, а на лбу у него блестел пот. Но совсем не это заставило При замереть на полушаге.

Сантерс что-то тащил. Что-то длиной в постельное одеяло, но намного тяжелее. Вглядевшись, При увидела руки, связанные за спиной, рот с засунутым в него кляпом и глаза, расширившиеся от страха.

Это был человек. Женщина!

— Откуда вы меня знаете? — грубо спросил великан.

Его руки больно стиснули мое предплечье. Он встряхнул меня, как игрушку, а затем слегка оттолкнул от себя.

— Ну давайте, рассказывайте, мистер. Если у вас нет никакого вразумительного

объяснения, то мне ничего не остается, кроме как заподозрить, что вы за мной следили.

Я отступил на несколько шагов, уперся спиной в ствол дерева и бросил на мужчину гневный взгляд.

— А что *вы* здесь делаете? — спросил я сердито. Я указал на револьвер в его руке. — Вы что, вначале стреляете, и лишь затем разбираетесь, кто перед вами?

Син нахмурил лоб. Он явно не привык к тому, чтобы с ним разговаривали подобным образом.

— Вначале ответьте на мой вопрос, — потребовал он, но его голос при этом звучал уже не так самоуверенно.

Мне казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как я в последний раз видел Сина, хотя на самом деле прошло не более двух месяцев. Из его слов я понял, что он ничего не помнит о нашей встрече. А может, он и не был *тем* человеком, с которым я столкнулся в Дернессе.

Как моему отцу удавалось вселяться в чужое тело (или душу), чтобы являться ко мне, — оставалось для меня загадкой и по сей день. Он не один раз проворачивал этот трюк, но случай с Сином — особенный. Для меня казалось странным стоять сейчас перед человеком, с которым я *когда-то* был знаком, но который *теперь* почему-то стал незнакомцем...

Однако сейчас было не время и не место предаваться подобным размышлениям. Хотя женщина-крыса исчезла, но в тумане, по-прежнему клубящемся по обе стороны тропинки, нас могло ожидать еще много неприятных сюрпризов.

— Я жду ответа, — буркнул Син.

Дуло его револьвера почти незаметно поднялось чуточку выше.

— Сначала уберите эту штуковину, — сказал я. — Или вы всерьез думаете, что я хотел на вас напасть?

Син поджал губы и неохотно опустил револьвер:

— Вы, может быть, и нет. Но...

— Но что? — быстро спросил я.

— Так, ничего, — Син сделал паузу. — Это существо... — он пожал плечами. — Сначала я подумал, что это медведь. Здоровая тварь, но слишком щуплая для медведя, да и мех у нее совсем другой. Вы, должно быть, тоже ее видели. Она бежала прямо на вас.

Меня охватил жуткий страх. Так значит, то, что я видел, вовсе не было галлюцинацией, плодом моего расстроенного воображения.

— О господи! — прошептал я. — Вы тоже ее видели?

Син кивнул, и тут до меня дошло, почему он стрелял.

— Что же это было? — спросил Син. — Я никогда не видел ничего подобного.

— Я тоже, — сказал я совершенно искренне. — Но, как мне кажется, нам нужно продолжить наш разговор в каком-нибудь другом месте. Неизвестно, что еще может таиться в этом тумане.

Син кивнул — медленно и неохотно.

— Так вы не знаете, что это было? — недоверчиво спросил он.

Я пожал плечами:

— Откуда же мне знать. В этом молоке вообще ничего не видно. Может, это был медведь, а может, и нет.

Син сердито покачал головой.

— Вам известно больше, чем вы говорите, — заявил он. — А еще пытаетесь ускользнуть

от ответа на вопрос, откуда вы меня знаете. Но оставим эту тему. По крайней мере, пока. А куда вы, собственно, направляетесь?

— Я гуляю, — поспешно ответил я. — Я нездешний, и, похоже, заблудился.

Син сердито взмахнул рукой.

— Не пытайтесь делать из меня дурака! — выпалил он. — Гулять в такое время и при такой погоде, да еще не зная местности, — полное безумие. Вы не настолько глупы, чтобы так поступать. А я не настолько глуп, чтобы верить подобным рассказам!

Я пожал плечами:

— Как знаете. А что, собственно, делаете здесь *вы*?

Син сердито посмотрел на меня, но затем его лицо расплылось в ухмылке. У него, очевидно, тоже не было вразумительного объяснения своим ночным похождениям, как и у меня.

— Ладно, оставим это. Вы совершенно справедливо заметили, что это не совсем подходящее место для дискуссий. Кроме того, у меня есть кое-какие дела. Я не против того, чтобы мы с вами вместе дошли до границы леса, а там наши пути разойдутся.

Я вздохнул.

— Договорились, — сказал я.

Я понимал, что встреча с Сином не была случайностью и что за этим событием что-то стояло. Пока это «что-то» было скрыто от моего понимания, но, скорее всего, имело отношение к моему умершему отцу.

Но разве Андара при нашей последней встрече не говорил, что в следующий раз мы встретимся нескоро? И действительно ли сейчас передо мной стоит человек по имени Син, или же это мой отец, несмотря на смерть снова явившийся сюда и опять разыгрывающий какую-то свою партию?

Я уже пошел было по тропинке, но Син удержал меня за рукав.

— Не туда, — сказал он. — В противоположном направлении.

Я покачал головой.

— Боюсь, что нет. Дом моего приятеля находится по ту сторону леса.

— «По ту сторону» — понятие относительное, — заметил Син. — Все зависит от того, откуда смотреть. Как, кстати, зовут вашего приятеля?

— Балтим...

Я запнулся и прикусил язык. Не нужно было видеть выражение лица Сина, чтобы понять, что он обхитрил меня, как глупого мальчугана. Он крепко схватил мою руку, его рот сжался в узкую полоску.

— Балтимор? — спросил он.

Я неохотно кивнул, хотя у меня в этот момент возникло сильное желание дать самому себе пощечину.

— Ведь это ж надо! — настороженно сказал Син. — Вам нужно именно к мистеру Балтимору, и именно в эту ночь...

Он запнулся и задумчиво посмотрел в туман.

— Будьте так любезны, отпустите мою руку... — сказал я сдержанно.

У меня было такое чувство, будто моя рука оказалась в тисках, которые сжимались все сильнее.

Син тут же меня отпустил. Он, похоже, пришел к какому-то решению и, что бы там ни думал о нашей случайной встрече, он, по-видимому, теперь не считал меня своим врагом. Но

мне все равно следовало быть начеку, учитывая силу этого великана.

— Если вы так хорошо знаете Балтимора, вам не составит труда меня с ним познакомиться, — сказал Син как бы между прочим.

— Ну, я его не так уж хорошо знаю, — ответил я уклончиво. — Кроме того, я очень сомневаюсь, чтобы он в такое время принимал гостей.

— Меня он примет, — заявил Син. — Можете мне поверить.

— Так в каком же направлении мы пойдем?

— Это вам решать. Вы же должны знать, где живет ваш *приятель*.

Я нерешительно кивнул и указал в ту сторону, откуда появилась женщина-крыса.

— Туда, — пробормотал я.

При, вздрогнув и закрыв руками рот, смотрела то на связанную женщину, то на Эйкорна, который молча помогал Сантерсу. Она ничего не понимала, хотя, несомненно, вольно или невольно она принимала участие в подготовке всего этого — несколько дней или месяцев, а может, и дольше...

Медленно, очень медленно в ней оживали воспоминания, словно выползая из глубин ее сознания и напоминая ей о вещах, о которых она предпочла бы забыть навеки.

— Вы не очень-то спешили мне помочь, — сказал Сантерс, тяжело дыша.

Было видно, что он очень устал, ведь ему пришлось тащить эту женщину от ее комнаты и до подвала.

— Могли бы, по крайней мере, встретить меня на лестнице, — добавил Сантерс с упреком.

Эйкорн бросил взгляд на При и сердито сказал ей:

— Возьми свечу. Или ты *сама* хочешь помочь Сантерсу?

Девушка растерянно покачала головой. Когда она взяла свечу и отступила в сторону, пропуская мужчин, она увидела, что глаза связанной женщины впились в нее, словно прося помощи.

«Как ты можешь такое допустить?» — казалось, спрашивали эти глаза. Они были невероятно огромными, эти лучезарно-голубые глаза. *Как ты можешь такое допустить? Ведь мы же еще сегодня провели с тобой такой чудесный день в саду. Ты же знаешь, что я одобряю далеко не все из того, что делает доктор Балтимор. Не позволяй им сделать это, ради бога, не позволяй!*

Вздрогнув, При сделала шаг назад. Она не могла выдержать этот взгляд.

— При! — окликнул ее Эйкорн.

Он схватил женщину за ноги и поволок ее за собой. От Сантерса уже было мало толку. Он и так не был силачом, а теперь, когда он совсем выбился из сил, на него не приходилось рассчитывать.

— При! Куда ты светишь? Я же ничего не вижу!

Девушка вздрогнула, как от удара. Она не могла заставить себя посмотреть на миссис Санди, но, тем не менее, послушно подняла свечу повыше и вытянула руку вперед.

— Да не подпали мне волосы, черт тебя побери! — прошипел Эйкорн. — Что с тобой случилось?

Девушка слегка отодвинула свечу назад и судорожно сглотнула. Все, что сейчас происходило, казалось ей ночным кошмаром.

Эйкорн и Сантерс затащили миссис Санди в *святилище* и небрежно положили ее возле

стола. При, остановившись в дверях, с ужасом смотрела на беспомощную пленницу.

Сантерс в изнеможении шлепнулся на стул и обхватил себя руками. Он весь дрожал от холода и напряжения.

— Бог ты мой, еле справился, — пробормотал он. — Чуть было все не сорвалось.

— Из-за доктора? — спросил Эйкорн.

Он опустился возле надзирательницы на колени. «Что он затеял?» — в ужасе спрашивала себя При. Ощупав руками путы и проверив, надежно ли вставлен кляп, Эйкорн удовлетворенно кивнул. У него был сугубо деловой вид, как у врача, осматривающего своего пациента.

— Не из-за доктора, — ответил Сантерс. — Из-за Хэнеси, этого надменного дворецкого. После того, как я управился с *ней*, я выглянул в коридор, чтобы убедиться, что все тихо.

— И?.. — Эйкорн посмотрел на юношу и выпрямился.

— Он меня увидел. Он стоял практически у самой двери. Представь себе, какие у него были глаза, когда он увидел, что я выхожу из комнаты миссис Санди, — Сантерс вытер пот со лба и глубоко вздохнул. — Как подумаю об этом, мне становится не по себе.

— Надеюсь, ты не дал ему уйти? — озабоченно спросил Эйкорн.

Сантерс ухмыльнулся:

— Разве это на меня похоже? Если его будут искать, то найдут в кровати миссис Санди. С ножом в животе. Интересно, что скажет доктор по этому поводу.

На лице Эйкорна появилась легкая улыбка:

— Очень хорошо. Надеюсь, никто не видел, как... э... как ты ее тащил.

Сантерс покачал головой. Он взглянул на При, и на его лице появилось выражение озабоченности.

— Что с тобой? — спросил он. — Ты вдруг так побледнела.

— Она вообще весь вечер ведет себя странно, — резко сказал Эйкорн. — Но не переживай за нее. Она нас не разочарует.

Он бросил на При нервный и неуверенный взгляд, словно она была темной лошадкой в его — неизвестной ей — игре.

— В чем я вас не разочарую? — спросила При.

Ее голос звучал хрипло и как-то неестественно, и, хотя она на самом деле уже давно знала ответ на этот вопрос, она почувствовала, что в ней нарастает паника. Она не желала знать, что от нее требуется, и не желала знать, действительно ли она готова к этому.

Эйкорн, похоже, разгадал ее мысли. Еще одну секунду — бесконечно долгую секунду — он продолжал стоять на коленях. Затем он встал, подошел к столу, быстро и решительно пододвинул стул и сел на него.

— Пора, — сказал он. — Соверши жертвоприношение, Лисса.

Мы шли очень быстро. Тропинка на всем своем протяжении была свободной от тумана, но вокруг нее туман клубился так густо, что не было видно даже неба. У меня притупилось чувство времени, и мне казалось, что мы уже часами идем по этой просеке, словно прорубленной для нас в тумане.

Я никак не мог избавиться от подозрения, что мы направляемся в расставленную специально для нас ловушку. Слишком уж все казалось заранее спланированным, чтобы быть похожим на случайность. Но даже если мы шли навстречу своей гибели, я уже не мог

повернуть обратно. Неведомая сила гнала меня вперед, и я осознавал, что развязка все равно должна наступить — рано или поздно.

Наконец деревья расступились, тропинка стала шире, и мы вышли на край большого поля. Лежавший над полем туман отступил, и стало видно покрытую щебнем дорогу.

— Это здесь? — тихо спросил Син.

Я кивнул. Хотя я еще никогда не был в этом месте, я знал, что цель моих поисков — прямо передо мной. Я буквально физически чувствовал, что Присцилла — совсем недалеко. Она была здесь, в этом доме, к которому вела хорошо теперь видимая дорога.

Ей угрожала опасность. Я чувствовал это каждой клеточкой своего тела. Меня охватил страх, я боялся, что могу прийти на помощь слишком поздно. Я попытался восстановить сбившееся дыхание и сбросить оцепенение, охватившее мое тело.

— Вам что, плохо? — спросил Син.

— Да нет, — выдавил я из себя. — Все в порядке.

Я снова пошел вперед. Судорога сводила мне ноги, мои руки дрожали.

Уже через несколько метров от основной дороги ответвилась подъездная дорожка, доходившая до самого дома. Под моими ногами отчаянно скрипел щебень, а туман, окружавший нас, неожиданно исчез.

Я облегченно вздохнул. Лишь теперь я осознал, как тяжело мне было дышать в тумане.

Подъездная дорожка привела нас к тяжелым железным воротам, встроенным в высокую — выше человеческого роста — каменную стену. Я остановился и посмотрел на Сина.

— Ну и что теперь? — спросил я. — Как мы переберемся на ту сторону? В такое время суток нам никто не откроет.

Где-то вдалеке ухнула сова. Это был первый звук, не заглушаемый туманом. Я посмотрел на небо. Весь небосвод был усыпан звездами, и нигде не было видно ни облаков, ни тумана.

— Куда делся туман? — спросил Син. — Не мог же он мгновенно рассеяться.

— В данной ситуации это скорее чисто научный вопрос, — ответил я.

Я посмотрел мимо Сина в сторону леса и лишь с трудом сумел подавить дрожь, чуть было не охватившую все мое тело: мне показалось, что я увидел неясную тень женщины-крысы, тут же исчезнувшую в темноте леса.

— Нам нужно как-то пробраться вовнутрь, — сказал я.

Син потряс решетку ворот.

— На совесть сработано, — пробормотал он.

Он достал что-то из кармана своей куртки и стал возиться с замком. В этот момент я совершенно не думал о том, что мы, собственно, пытаемся проникнуть в чьи-то владения посредством взлома. Но меня это мало волновало — мне нужно было поскорей попасть к Присцилле.

А еще — поскорей удрать от тех теней, которые поджидали меня у границы леса.

— Тебе, конечно, следовало бы получше присматривать за ним, — тихо сказал Говард.

В его голосе чувствовалась озабоченность, а еще — пессимизм и усталость, и это пугало его самого. Он осознавал, что напряжение, в котором он жил несколько последних месяцев, было ему едва-едва по силам. Но Говарду не оставалось ничего другого, кроме как тщательно присматривать за этим мальчиком.

Роберт Крэйвен никак не мог в полной мере стать преемником своего отца. Быть

может, он был еще слишком юным. Однако, пока он вел себя как влюбленный школьник, он подвергал опасности не только себя, но и их общее дело. Он, к тому же, похоже, думал, что Говард и Рольф даже не догадываются, что он здесь ищет.

Тем более — *здесь*. Если бы ситуация не была такой серьезной, все это, пожалуй, даже позабавило бы Говарда. Роберт отнюдь не был глупцом, но даже самые умные люди ведут себя как дети, когда они влюблены.

В конце концов, именно Говард устроил так, чтобы Присцилла попала к Балтимору. И, безусловно, не было случайностью то, что Роберт так целенаправленно устремился именно в это местечко.

— Я сожалею, что так получилось, — пробормотал Рольф. — Я думал, он в туалете.

— Что? — Говард некоторое время отрешенно смотрел на своего могучего слугу, пока ему вдруг не пришло в голову, что и его самого можно упрекнуть: ведь он совсем недавно навлек на Рольфа большие неприятности.

Шум, царивший в помещении, явно не успокаивал его. Большинство посетителей уже ушли, но за соседним столиком сидели трое довольно пьяных мужчин, все еще судорожно сжимавших свои бокалы. Повторяя заказы, они заставляли мрачного Флэнелтона снова туда-сюда.

— Да ладно, Рольф. Мне и самому нужно было шевелить мозгами. Парнишка сейчас может выкинуть что угодно.

Он вздохнул, помолчал некоторое время, а затем снова заговорил, обращаясь при этом не столько к Рольфу, сколько к самому себе:

— Я задаюсь вопросом, не допустили ли мы ошибку. Мы могли бы спокойно поехать к Балтимору и дожидаться его там. Было же очевидно, что он ищет Присциллу.

Рольф кивнул и скрестил руки на груди. Его глаза были наполовину закрыты, а на лице блуждала глупая — как у слабоумного — улыбка. Сторонний наблюдатель в этот момент принял бы его за придурковатого олуха, однако на самом деле эта его видимая придурковатость была лишь мастерским притворством.

— Мы должны идти за ним? — спросил он.

— У нас нет другого выбора, — сказал Говард, нахмурившись. — Хотя меня отнюдь не прельщает перспектива топтать куда-то в темноте. Тем более при *таком* тумане.

— Да-а, туман весьма скверный, — послышался чей-то голос.

Говард обернулся — очень медленно, как будто ему в его изнуренном состоянии вообще было трудно двигаться. Его взгляд скользнул по лицу человека, стоящего позади него у стены. Незнакомец, похоже, слышал их разговор.

Оставалось, правда, неясным, *что* он понял из их разговора. В его взгляде чувствовалась бдительность, явно контрастирующая с состоянием троих мужчин, сидевших за соседним столом: они были уже вдрызг пьяными и полусонными.

Говард узнал его. Это был мужчина, стоявший у задней двери трактира, когда они с Рольфом «ворвались» в помещение пивной. Он еще тогда бросился Говарду в глаза тем, что в той ситуации не стал поддаваться стадному чувству, а, наоборот, оказался единственным, кто сохранил здравость рассудка и активно помог разобраться в возникшем недоразумении.

— Присаживайтесь к нам, сэр, — спокойно предложил Говард. — Кроме вас, похоже, никто не устоял перед искушением вдоволь напиться пива за чужой счет.

Он, улыбаясь, указал на соседний столик. Один из трех кутил уже совсем сник над своим бокалом и громким храпом создавал своеобразное звуковое сопровождение

оживленному разговору двух своих товарищей.

Незнакомец кивнул, слегка улыбнулся, пододвинул к столу стул и уселся на него. Откинувшись на спинку стула, он достал табакерку с нюхательным табаком.

— Позвольте представиться, — сказал он, доставая щепотку табака. — Моя фамилия — Ричардсон.

— Ричардсон, — пробормотал Говард. — Это ведь скандинавская фамилия, да?

— Совершенно верно. Мой дедушка родом из Швеции. Я, с вашего позволения, иммигрант во втором поколении.

— Ага, — Говард нахмурил лоб.

Присутствие Ричардсона вдруг почему-то обеспокоило его. Этот человек не был похож на местного жителя. Так же как и Говард или Рольф. Но у них была очень веская причина находиться здесь.

— Надеюсь, я не помешал вашему разговору, — сказал Ричардсон. — Мне показалось, что вы обсуждаете что-то очень важное, — он отвернулся и громко чихнул. — Хотя, с другой стороны, может оказаться так... Прошу прощения.

Он достал носовой платок и высморкался. Тщательно сложив и упрятав в карман носовой платок, он продолжил:

— С другой стороны, может оказаться так, что я смогу вам помочь.

— Сможете нам помочь? — недоверчиво переспросил Говард. У него с самого начала возникло подозрение, что Ричардсон — не простой крестьянин, но он никак не мог понять, кто же он такой. — Помочь в чем?

— Ну, ваш взбалмошный юный друг сбежал, а вы, похоже, чувствуете себя... скажем так, ответственными за него, — Ричардсон откинулся назад и дружески улыбнулся. — Не смотрите на меня так, как будто хотите меня отравить. У меня по отношению к вам вполне добрые намерения.

Говард некоторое время молча смотрел на него.

— Кто вы такой? — наконец спросил он.

Его голос стал ледяным, а во взгляде не осталось и следа дружелюбия. Кем бы ни оказался этот Ричардсон, он явно не был обычным крестьянином, пытающимся ввязаться в беззаботную беседу о том о сем...

— Я — владелец единственного в Лоугрине магазина, — ответил Ричардсон дружелюбно. — Если хотите знать, я принадлежу к местным сливкам общества, — он при этом пренебрежительно пожал плечами. — Даже несмотря на то, что люди здесь все еще хорошо помнят: моя семья прибыла сюда из Швеции всего лишь полсотни лет назад. Вы, возможно, удивитесь, но меня здесь до сих пор считают чужаком. Надеюсь, хоть мои дети не будут сталкиваться с таким отношением.

— Приезжих здесь не любят, так ведь? — вмешался в разговор Рольф.

Ричардсон внимательно посмотрел на него, затем кивнул:

— Да, чужакам в Лоугрине приходится нелегко. Впрочем, меня это не удивляет. Если кое-кто ведет себя совсем не так, как местные жители, то нельзя упрекать людей, если они отрицательно к этому относятся.

— Это замечание касается нас? — холодно спросил Говард.

Ричардсон медленно и задумчиво покачал головой и слегка наклонился вперед. В его до сего момента улыбчивом взгляде вдруг появилось выражение озабоченности.

— Я говорю о людях, живущих по ту сторону леса. О пресловутом мистере Балтиморе и

его... гостях. Если позволите, дам вам совет: не говорите здесь никому, что вы его знаете.

Говард почувствовал, что его «берут на пушку», но, тем не менее, не смог удержаться от того, чтобы не вздрогнуть. Он просто не был готов к подобному разговору с Ричардсоном — здесь и в такое позднее время. Этот человек знал явно больше, чем можно было предположить, и Говард до сих пор не мог понять, что ему, собственно, от них нужно.

— А что вы знаете о Балтиморе? — спросил он.

— Быть может, немного больше, чем другие, — признал Ричардсон. — Он сам никогда не появляется в нашем поселке, но его служащие иногда делают у меня покупки. Хотя они и не особенно разговорчивы, мне за несколько лет удалось раз-другой «разговорить» кое-кого из них.

— И *что* же вы узнали? — поинтересовался Говард.

Ричардсон пожал плечами:

— Немного. Но достаточно для того, чтобы понять, что там что-то нечисто. Местное население считает, что мистер Балтимор содержит в том доме душевнобольных из зажиточных семей, но я думаю, что это далеко не все. Он там скрывает еще много чего.

— А что именно, позвольте спросить?

По лицу Ричардсона пробежала легкая улыбка:

— Вот это я как раз и хотел у вас узнать.

— А зачем? — вмешался Рольф. — Зачем вам это знать?

— Да, действительно, зачем? — поддержал Рольфа Говард. Его ледяной взгляд буквально сверлил Ричардсона, но тот ни разу даже не моргнул. — Вы о чем-то умалчиваете, мистер Ричардсон.

— То же самое я могу сказать и о вас и на этом закончить разговор, — непринужденно ответил Ричардсон. — Но у меня есть другое предложение.

Он бросил взгляд на хозяина заведения, приближавшегося к ним. Двое пьяных мужчин поднялись из-за соседнего стола и теперь совместными усилиями пытались поставить на ноги своего уснувшего товарища.

— Давайте я провожу вас. Надеюсь, сдачи вы не потребуете, — с иронией в голосе сказал Ричардсон.

Хозяин заведения уже подошел к нашему столу и нерешительно смотрел на нас.

— Я, конечно, извиняюсь, господа, — медленно проговорил он, — но мне действительно уже пора закрываться. Время за полночь...

— Хорошо, Флэнелтон, — перебил его Ричардсон и небрежно махнул рукой. — Мы и так уже собирались уходить. Я вызвался приютить у себя мистера Говарда и его спутника, а его племянника я уже отправил к себе домой. Надеюсь, я не сильно навредил твоему бизнесу.

— Ах, вот оно что, — Флэнелтон нерешительно ухмыльнулся. — У меня все равно только три комнаты. Одна из них уже сдана, в другой вовсю храпит мой двоюродный брат, а третья слишком мала для троих, тем более для таких уважаемых господ...

— Вот и хорошо, — снова перебил его Ричардсон и, поднявшись со стула, кивнул Говарду. — Пойдемте, сэр. Флэнелтон прав. Уже и в самом деле слишком поздно.

Говард и Рольф тоже поднялись, хотя Говард сделал это с явным нежеланием. То, как ловко Ричардсон объяснил исчезновение Роберта, лишь еще больше обеспокоило Говарда. Он спрашивал себя, каких еще сюрпризов можно ожидать от этого торговца, и был уверен, что ничего хорошего ждать не следует.

Присцилла стояла в проходе, словно окаменев. Она тщетно пыталась навести порядок в своих мыслях и понять, чего же от нее сейчас требуют. Ее взгляд растерянно скользил от связанной женщины к Эйкорну и обратно. Она никак не могла поверить, что Сантерс действительно совершил убийство, похищая миссис Санди.

А еще она не могла поверить в то, что и она сама принимала участие в подготовке всего этого.

— Вы что, с ума сошли? — пролепетала она. — Что за сумасбродство! Сантерс! Немедленно развяжи эту женщину. Она не сделала тебе ничего плохого.

Сантерс и с места не сдвинулся. Он сидел, положив ноги на стол, и устало смотрел на Присциллу, в глазах его светилось легкое удивление. По его лбу часто сползали капли пота, они поблескивали в мерцающем свете одной-единственной свечи, стоявшей посреди стола.

— Займись Присциллой, Эйкорн, — медленно сказал он. — Малышка сама не знает, что говорит.

Эйкорн кивнул. Он оттолкнулся от стены и сделал шаг вперед, буквально впившись взглядом в Присциллу. На одно мгновение их глаза встретились, от чего Присцилла сильно вздрогнула, словно ее кто-то толкнул. Она, дрожа, отступила на шаг и прижала ладони ко лбу. Ее мозг пронзила резкая боль, от чего она чуть было не потеряла сознание. Ей показалось, что она видит огненный круговорот, фейерверк каких-то красок и загадочных символов, призрачные фигуры, а еще...

...Беснующуюся толпу, которая, размахивая палками и цепями и бросая камни, надвигалась на нее. Перекошенные ненавистью лица, жадные руки, сдирающие одежду с ее тела, мелькающие острые ножи и палки, удары, насилие...

— Нет, — прошептала Присцилла.

Все закрутилось еще быстрее, но она пыталась сопротивляться силам, увлекавшим ее за собой. Она должна быть сильной, должна дать отпор, ей не следовало поддаваться им, ей необходимо было противостоять этому раскаленному огненному шару...

И вдруг — совершенно неожиданно — все исчезло.

Она застонала — отчасти от боли, а отчасти от облегчения. Воздух вышел из ее легких, оставляя после себя в дыхательных путях ощущение судорожного удушья. Она зашаталась и схватилась за дверной косяк, чтобы не упасть. Пока она судорожно пыталась восстановить дыхание, ей казалось, что она все еще охвачена беснующимися языками пламени. Но теперь это было не более чем слабое видение, сон наяву, будораживший ее сознание.

— Мне... не хватает воздуха, — выдавила она из себя. — Нельзя ли открыть окно?

Эйкорн хрипло засмеялся.

— Здесь, внизу, нет никаких окон, Лисса, — сказал он. — Слава богу — или черту!

Лисса, колдунья, медленно кивнула, словно с трудом понимая, где она вообще находится. Судорожное сдавливание горла ослабло, и она почувствовала прилив новых сил.

— Мы в подвале, да? — спросила она.

— Ну конечно же в подвале. Точнее, в святилище, — Эйкорн пригладил свои волосы и бросил взгляд на миссис Санди, которая следила за происходящим, будучи не в силах даже пошевелиться.

— Я чувствую некоторое облегчение, Лисса, — признался Эйкорн. — Наконец-то пришел день, который мы так долго ждали.

Лисса кивнула. В ее глазах горел жуткий огонь.

— Пришло время довести дело до конца, — холодно сказала она. — У тебя наконец-таки будет возможность отдохнуть.

Она бросила взгляд на Сантерса, молча слушающего их разговор.

— Ты неплохо поработал, Сантерс, но это еще не повод для того, чтобы расслабляться, — она указала на связанную по рукам и ногам беспомощную миссис Санди. — То, что должно быть сделано, будет сделано. Принимайся за работу.

Лисса отстранилась от дверного косяка и подошла к столу. Она все еще чувствовала себя слабой, но это была лишь телесная слабость, не имеющая большого значения. Та сила, которая таилась в ней, отмела в сторону все, что она чувствовала еще несколько минут назад.

Сейчас ей даже показалось смешным, что она совсем недавно испытывала сострадание к миссис Санди. Одной человеческой жизнью больше, одной человеческой жизнью меньше — какое это имело значение? Ей теперь казалось, что чувство сострадания испытывала не она, а кто-то другой.

В данный момент самым важным было закончить то, что было начато давным-давно в Иерусалимском Лоте. Андара — отщепенец, бесстыдно бросивший в беде ее и других колдунов, виновный в том, что все они стали жертвами, — был уже уничтожен. Но его сын оставался все еще жив, а потому проклятие считалось не осуществленным.

Она села на один из жестких деревянных стульев и стала невозмутимо наблюдать, как Сантерс и Эйкорт поднимают миссис Санди, нетерпеливыми движениями развязывают веревки, вырывают у нее кляп изо рта и волокут ее к широкой деревянной скамье, стоявшей у противоположной — темной — стены. Нож в руке Эйкорна угрожающе поблескивал, но она знала, что он не будет орудовать им сейчас.

Пока время еще не пришло.

Я в очередной раз удивился способностям Сина. Та легкость, с которой он отомкнул запертые ворота, отнюдь не ослабила мою подозрительность. Слишком много странностей: его появление в лесу, та целеустремленность, с которой он вызвался меня проводить...

Пока мы шли к дому, меня не покидала назойливая мысль о том, что Син — не просто обычный местный житель. В том, что я затеял, мне совсем не нужен был ненадежный спутник, а потому мне крайне необходимо было выяснить, что Син, собственно, здесь искал — или, хотя бы, кто он такой на самом деле.

Туман здесь тоже в основном рассеялся, и нам открылся вид на внушительных размеров парк и огромный темный дом. Я и представить себе не мог, что ожидало нас там, однако у меня возникло ощущение, что было бы лучше, если бы я сейчас оказался здесь один. Син уже однажды преподнес мне сюрприз, и мне не хотелось, чтобы подобное повторилось.

Син двигался тихо и проворно, словно вор. В его манере держаться чувствовалась собранность и уверенность, и я подумал, что он, наверное, уже не в первый раз вторгается на чужую территорию без разрешения. Я мало что знал об этом человеке, даже слишком мало, чтобы можно было составить о нем определенное мнение, но я чувствовал, что с ним связана какая-то тайна.

Мне, наверное, нужно было задать ему пару вопросов еще по дороге сюда. В конце концов, я обладал способностью отличать ложь от правды. Теперь же, по мере приближения к дому, мои мысли все больше путались. Но мне было *необходимо* знать, кто такой Син, а потому я все равно должен был его кое о чем спросить.

Я не знал, с чем я мог сейчас столкнуться. Меня обескураживали громадные размеры

дома и гнетущая атмосфера вокруг него. Высокие стены поглощали свет и напоминали мне мрачное судебное здание, которое я видел в Лондоне несколько месяцев назад. В нем тоже было что-то жуткое.

Присцилла была где-то здесь, я это чувствовал, но... здесь также присутствовало и что-то другое. Что-то такое, что вклинилось между мной и Присциллой.

Пока я размышлял подобным образом, мы подошли к ступенькам центрального входа.

Взглянув перед собой, я невольно содрогнулся. Прямо перед нами высилась огромная, обитая железом дверь, показавшаяся мне похожей на подъемный мост средневековой крепости. От нее исходила какая-то угроза. Я с трудом подавил в себе ощущение, что эта дверь вот-вот с грохотом распахнется и нас атакует кавалерийский отряд.

— Думаю, пора заявить о своем присутствии, — тихо сказал Син. — А то нас, чего доброго, примут за взломщиков.

Я медленно кивнул, стараясь не показывать, что мне сейчас явно не по себе. Син, похоже, все еще верил, что я знаком с мистером Балтимором, но это его заблуждение должно было очень скоро развеяться. Мне следовало как-то убедить Сина открыть замок этой двери, до поры до времени не говоря ему правды.

— Нет смысла тарабанить в дверь в такое время суток, — сказал я. — Мы можем вызвать большой переполох.

Мои слова, похоже, озадачили Сина. Я уже боялся, что с его подозрительностью он начнет выпытывать у меня, что к чему, но он, похоже, не был сейчас расположен это делать. Мне снова пришла в голову мысль о том, что человек, стоящий передо мной, — совсем не тот Син, какого я знал.

— И что вы предлагаете? — спросил он.

Мысли лихорадочно метались в моей голове. Я знал, что должен любой ценой проникнуть внутрь дома, но все же опасался, что одно мое необдуманное действие может свести все мои усилия на нет.

Син стоял сбоку от меня, и я краем глаза заметил, что он недоверчиво оглядывается, как будто боится, что из глубины сада за нами следят.

Я перед этим заметил, что он положил свой револьвер в левый карман куртки, и теперь осознавал, что это — мой единственный шанс.

Я молниеносно выхватил револьвер у него из кармана и упер ствол в его бок.

— Тихо! — сказал я. — В случае чего я выстрелю, Син, можешь мне поверить.

Син весь напрягся. Мое нападение было уж слишком неожиданным, и он не успел как-то воспротивиться этому. Впрочем, я знал, что не следует недооценивать этого верзилу. Даже с оружием в руках я чувствовал себя перед ним не очень-то защищенным, понимая, что если я и выстрелю в него, он все равно успеет хорошенько огреть меня.

Я взвел курок и отступил на два шага назад.

— А теперь открой дверь, — сказал я.

Мой голос звучал хрипло и неуверенно, а оружие в моей руке дрожало. Мне оставалось лишь надеяться, что Син этого не заметит. Так или иначе, мне нужно было проникнуть внутрь дома любой ценой, ведь Присцилла находилась где-то там. Быть может, она сейчас спит, а может, как раз в этот момент ей угрожает смертельная опасность. Как бы там ни было, я помнил ее призыв о помощи и полагал, что мне никак нельзя понапрасну терять время.

— И как вы это себе представляете? — спросил Син. — Вы что, меня пристрелите, если

я откажусь повиноваться? Это на вас не похоже, — он тихо засмеялся. — Вы не из той категории людей. Отдайте оружие, и будем считать, что ничего не произошло.

Он шагнул ко мне и протянул руку к револьверу.

— Ни шагу больше, — предупредил я и немного приподнял револьвер.

Оружие буквально жгло мне руку, но я ни в коем случае не хотел уступать. В другой ситуации я, возможно, восхитился бы хладнокровием Сина, но сейчас я думал лишь о том, что из-за него произошла весьма неуместная задержка. Я был уже почти у цели и чувствовал, что нужно торопиться. То, что произошло в лесу, убедило меня в том, что опасность, о которой говорила Присцилла, уже рядом.

Син, похоже, понял, что я настроен серьезно. Он опустил руку — медленно, как будто размышлял при этом, как бы ему со мной совладать.

— Без глупостей, — предупредил я его, — откройте дверь, а там посмотрим. Только помните, что я нахожусь за вашей спиной и что у меня в руках револьвер.

Син некоторое время стоял в нерешительности, но затем все-таки неохотно кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Я попробую.

Сантерс прижал миссис Санди к деревянной скамье и смотрел на нее ничего не выражающими глазами. Миссис Санди сдавленно вскрикнула и подняла, защищаясь, руки. В ее широко раскрытых глазах метался панический страх, а руки бессильно дрожали.

Она была не из тех женщин, которые падают в обморок от одного только вида ножа, однако то, что она пережила в течение последнего часа, сломило ее сопротивление. Лисса опасалась, что эта женщина будет кричать или бросать ей горькие упреки, но она ошиблась. Страх, охвативший миссис Санди, похоже, лишил ее возможности здраво мыслить и адекватно реагировать на происходящее.

— Оставьте ее, — приказала Лисса.

Сантерс вздрогнул и отступил на шаг назад.

— Но я должен ее подготовить, — возразил он.

— Я сама это сделаю, — сказала Лисса.

Миссис Санди опустила руки и уставилась на Лиссу.

— При, — выдавила она из себя. Ее голос был хриплым. — Ты должна позвать кого-нибудь на помощь. Эти двое тронулись рассудком. Позови доктора!

Последнюю фразу она прокричала.

Лисса напряглась. Было маловероятно, чтобы кто-то мог услышать крики этой женщины, но им нельзя было рисковать. Если их кто-нибудь обнаружит до того, как будет совершено жертвоприношение, все их усилия пойдут насмарку. Она кивнула Сантерсу и откинулась на спинку стула.

Сантерс только того и ждал. Он одним прыжком оказался возле миссис Санди и закрыл ей рот рукой.

— Не смей даже пикнуть, — прошипел он. — Иначе тут же вспорю тебе брюхо.

Миссис Санди попыталась вырваться, однако сопротивляться хватке Сантерса ей оказалось не по силам. Он отпустил ее лишь тогда, когда ее сопротивление ослабло.

— Нам нужно спешить, — сказал он нервно и бросил взгляд на Лиссу, которая уже поднялась со стула. — Если кто-нибудь случайно обнаружит Хэнеси...

— Это вполне может случиться, — вмешался в разговор Эйкорн. — Хотя вряд ли кто-то станет искать его в кровати миссис Санди.

Он захихикал.

Сантерс с серьезным видом покачал головой.

— Да, там — вряд ли, — согласился он. — Но, тем не менее...

Лисса оттолкнула его и приблизилась к деревянной скамье, служившей им жертвенным алтарем. Она осознавала всю важность того, *что* она сейчас должна была проделать, и теперь не позволила бы никому и ничему воспрепятствовать осуществлению их замысла.

— Давайте начнем, — торжественно промолвила она. — Вы готовы, помощники Ти-лар-мина?

Эйкорн подошел к их импровизированному алтарю и встал с одной его стороны, а Сантерс — с другой. Им потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться. Они выглядели торжественными, но при этом были слишком напряжены. А в их лицах угадывался страх, словно они не были уверены, что будут в состоянии общаться с теми силами, которые они хотели вызвать. Даже Эйкорн, пытающийся скрыть свои чувства под маской невозмутимости и надменности, явно нервничал.

Наконец они оба подняли руки в древнем ритуальном жесте и поклонились.

— Мы готовы, — сказали они торжественно.

Их слова отозвались в подвале эхом.

В воздухе появилось еле ощутимое напряжение. Все вдруг почувствовали, что они здесь больше не одни, что к ним словно кто-то присоединился, казалось, что над ними, как невидимый кулак, нависла неясная угроза.

Лисса кивнула, протянула руки над их жертвой и спросила:

— Готова ли ты быть принесенной в жертву Ти-лар-мину, которого вызовешь для нас из тьмы к свету?

Ее голос, казалось, больше не принадлежал ей, и слова слетали с губ словно сами по себе. Между ее руками появилось еле заметное переливающееся сияние, похожее на огонь Эльма.

Миссис Санди отодвинулась к дальнему краю алтаря и прижалась к стене. В ее глазах светилось безумие, однако в ней оставалось еще достаточно рассудка и самообладания, чтобы отрицательно покачать головой. То, что происходило вокруг нее, казалось ей просто невероятным.

— При, — взмолилась она, — пожалуйста, прекрати. Прекрати немедленно. Я ничего не скажу доктору.

Она посмотрела Лиссе прямо в глаза, но то, что она там увидела, развеяло ее последние надежды.

— Вы не можете этого сделать, вы, звери, — с трудом произнесла она. По ее телу пробежала сильная дрожь. — Я же не причинила вам никакого вреда...

Она вдруг замолчала, увидев, что Сантерс поднял нож. Мерцающий свет свечи отбрасывал на противоположную стену причудливые человеческие тени. Миссис Санди, коротко и пронзительно вскрикнув, прижала ладони ко рту.

В окружающем ее мерцающем свете ей вдруг почудилось, что из глубины помещения надвигается что-то громадное, массивное, рогатое и...

— О господи! — простонала миссис Санди.

— Не пытайся защищаться, — ласково сказала Лисса. — Мы приносим тебя в жертву Ти-лар-мину, и он заберет тебя с собой, чтобы дать нам свободу и силу.

— *Я и так выведу вас отсюда!* — закричала миссис Санди. — *Защитите меня от*

этого чудища!

Син выпрямился и кивнул мне:

— Я открыл дверь. Что дальше?

Я нетерпеливо указал револьвером в сторону двери:

— Заходите вовнутрь. Только не шумите. Я не хочу, чтобы нас сразу же обнаружили.

— Обнаружили? — Син прищурил глаза. — А что вам вообще там нужно? Вас, наверное, интересуют ценные вещи?

— Не говорите глупости! — вспыхнул я. — Думаете, я стал бы тогда с вами возиться? Если бы мне захотелось совершить кражу со взломом, я выбрал бы более подходящий момент.

— А как же вы тогда расцениваете наше... э... вторжение в столь поздний час? — поинтересовался Син.

Он сделал полшага вперед, и тут до меня дошло, что своими нападками Син лишь пытается отвлечь мое внимание. Ему явно не хотелось позволять мне командовать им. Если я зазеваюсь, то скоро останусь без револьвера.

— Я еще не знаю, как мне с вами поступить, — сказал я.

Мне было очень жаль терять драгоценное время. С другой стороны, я не мог просто оставить здесь Сина и пойти дальше один. До того, как я выясню, кто он такой, мне следовало относиться к нему очень настороженно, как будто он — дьявол собственной персоной.

— Но в одном вы можете быть уверены, — добавил я, увидев, что он чуть выставил вперед правую ногу. — Если вы сделаете еще хотя бы одно подозрительное движение, я могу не сдержаться. Даже если на меня потом рухнет весь этот дом, вы свое получите. Как насчет пули в коленку?

Син замер на месте. Судя по выражению его лица, он осознал, что я отнюдь не шучу. Сам я не очень-то был уверен в том, что у меня хватит решимости применить оружие, но я старался внешне этого не показывать.

— Прежде чем мы пойдем дальше, я хочу кое-что выяснить, — сказал я тихо. — Кто вы такой и что вам здесь нужно?

— А мне показалось, что вы торопитесь, — уклончиво ответил Син.

— Еще как, — буркнул я и направил ствол револьвера ему в голову. — Именно поэтому я вам и советую побыстрее ответить на мой вопрос.

— Хорошо, — ответил Син и пожал плечами. — Хотя я думаю, что не скажу вам ничего нового, потому что вы и так уже знаете мое имя, но раз уж вам так хочется... Меня зовут Син Мор, я — сотрудник спецотдела полиции Ее Величества.

— Скотланд-Ярда? — вырвалось у меня.

— Именно так, — кивнул Син. — Вы угрожаете служащему Ее Величества. Может, вы все-таки отдадите мне мое оружие?

Я отрицательно покачал головой. Моя способность отличать ложь от правды не подвели меня и на этот раз. Я понял, что Син говорит правду, но этого было мало, чтобы я мог полностью ему доверять.

— А что вам здесь нужно? — грубо спросил я.

— Ну, это — долгая история, — заявил Син.

— А вы изложите в двух словах.

— Хорошо.

Син прокашлялся и продолжал:

— Мы разыскиваем кое-кого. Человека по имени Сантерс. Его семья очень переживает по поводу его исчезновения.

— И вы думаете, что он здесь?

— Разумеется, — ответил Син.

И на этот раз он говорил правду, но у меня вдруг возникло ощущение, что он умалчивает о чем-то другом, очень важном. А я знал, что вполне могу доверять своим ощущениям.

— Расскажите поподробнее, — потребовал я.

— Как вам будет угодно, — сказал Син. — Хотя, собственно, больше и рассказывать-то нечего. Некий торговец из Лоугрина уже давно подозревается в причастности к исчезновению людей. Его фамилия — Ричардсон. Слыхали о таком?

Син испытывающе посмотрел на меня, но я лишь нетерпеливо покачал головой и буркнул:

— Что дальше?

— А ничего дальше. Мне удалось напасть на его след, и вот я здесь.

Я снова покачал головой. Син говорил правду, но интуиция однозначно подсказывала мне, что это была не вся правда.

— Это еще не все, — заявил я.

Син нетерпеливо махнул рукой:

— Конечно, это еще не все. Но если я начну рассказывать вам всю эту историю, мы простоим здесь до утра.

Я был вынужден — хотя и весьма неохотно — признать, что он прав. Если бы я не торопился к Присцилле, он не смог бы отделаться от меня так легко.

— Тогда мы с вами в одной упряжке, — медленно сказал я.

По правде говоря, я сам не очень-то был в этом уверен, но в данный момент у меня не было другого способа привлечь Сина на свою сторону.

— Я здесь по аналогичной причине, — продолжал я. — Я тоже ищу кое-кого, и у меня есть предположение, что этого человека держат здесь против его воли.

— В самом деле? — спросил Син. — Кого же вы ищете, и на основании чего вы решили, что он может быть здесь?

Подобные вопросы мог задать только полицейский. Я пару секунд поразмышлял над тем, стоит ли мне ему отвечать, но внутренний голос удержал меня от этого, и я промолчал.

— У нас нет времени, — буркнул я. — Нам ведь еще нужно кое-что уладить до того, как рассветет. Пойдемте.

Син пожал плечами, молча повернулся и толкнул дверь. Глухо заскрипев, она отворилась.

Я убрал револьвер и последовал за ним. Мне оставалось лишь надеяться на то, что я не ошибся, поверив Сину.

— Сюда, — сказал Ричардсон. — И поторопитесь.

Говард кивнул и молча последовал за ним. Ему было как-то не по себе из-за того, что он пытался проникнуть во владения Балтимора через потайной ход, но Ричардсон заверил его, что это — самый быстрый и надежный способ встретиться с доктором.

Долгая ходьба утомила Говарда больше, чем ему хотелось бы. Да и Рольф выглядел

измученным. Ожоги, которые он получил в Дернессе, для человека менее крепкого, чем Рольф, оказались бы смертельными. И хотя в течение последних недель его состояние значительно улучшилось, он еще не выздоровел окончательно.

Говард закрыл за собой дверь и огляделся по сторонам. В мерцающем свете зажженного Ричардсоном факела перед ним простирался длинный, выложенный камнем проход, ведущий довольно отвесно вверх. На покрытом пылью полу не было никаких следов, свидетельствовавших о том, что этот проход регулярно используется.

— И по этому проходу мы попадем прямо к Балтимору? — с сомнением спросил он.

Ричардсон коротко кивнул.

— Нам нужно торопиться, — нервно сказал он. — Этот туннель прорыли еще во времена крестовых походов короля Ричарда. Я не очень-то доверяю всей этой конструкции.

— Я тоже кое-кому не доверяю, — буркнул Рольф.

Ричардсон повернулся к нему.

— Имеете в виду меня? — резко спросил он.

Рольф пожал плечами.

— Я же вам объяснил, почему мы должны воспользоваться этим туннелем, — продолжал Ричардсон, не давая Рольфу возможности что-то ответить. — Если мы появимся у главного входа, мы не сможем своевременно предупредить Роберта. Мы не должны рисковать.

— Если он вообще сейчас здесь, — пробормотал Говард.

— У вас на этот счет есть какие-то сомнения? — спросил Ричардсон.

Говард покачал головой:

— Нет, сэр. В конце концов, то, что вы нам рассказали, совпадает с нашими предположениями.

— Тогда мы можем идти, — мрачно сказал Ричардсон.

Он выглядел взволнованным и нетерпеливым, в нем не осталось и следа дружелюбия. Впрочем, Говард не стал бы его за это упрекать. В конце концов, не очень приятно идти по подземному ходу, прорытому много веков назад и находившемуся все это время без какого бы то ни было присмотра.

На голых каменистых стенах и на потолке повсюду виднелись трещины, и, по всей вероятности, рано или поздно — причем скорее рано, чем поздно — вся эта конструкция должна была рухнуть. Чем дальше они продвигались вперед, тем больше Говарду становилось не по себе. Если бы он заранее знал, в каком состоянии находится этот потайной ход, он еще подумал бы, стоит ли им пользоваться.

Однако он понимал, что теперь уже поздно поворачивать назад. Им, можно сказать, необычайно повезло в том, что они натолкнулись на Ричардсона, сотрудничавшего с Балтимором уже многие годы. Он принадлежал к группе людей, которые решили посвятить себя борьбе с силами тьмы.

И, чтобы по возможности избежать угрожающей им опасности, они действовали под вымышленными именами. Ричардсон был раньше известен Говарду под именем Уинтер, при этом Говард не знал, что Уинтер, он же Ричардсон, живет в непосредственной близости от Балтимора.

Ричардсон остановился и указал факелом вперед.

— Мы сейчас прямо под домом, — прошептал он. — Эту часть здания знаем только мы с Балтимором. Здесь когда-то был обширный комплекс...

Он вдруг замолчал, наклонил голову в сторону и сделал шаг вперед. Говард хотел что-то сказать, но Ричардсон жестом остановил его.

— Слышите? — тихо спросил он. В его голосе чувствовалась озабоченность. — Какой-то звук... похожий на крик.

Говард отрицательно покачал головой. Как Говард ни напрягал слух, он так ничего и не расслышал. Тем не менее, его охватили нехорошие предчувствия. Теснота и мрачная атмосфера подземного хода, лишь тускло освещенного мерцающим пламенем факела, очень сильно действовали на его психику. В такой обстановке и без *какого-то звука* нервы были на пределе.

— Это был не один крик, — сказал Рольф. — Кричали несколько раз.

Ричардсон кивнул.

— Именно так, — пробормотал он. Повернувшись к Рольфу, он нерешительно посмотрел на него. — А сейчас? Слышали?

Рольф поднял руку и прикрыл ею глаза. Его широкое лицо ничего не выражало, и у Говарда возникло страстное желание прикрикнуть на Рольфа, чтобы тот побыстрее объяснил ему, что же, собственно, происходит. Но он боялся, что его могут услышать *посторонние*.

Ибо было неясно, кем могут оказаться эти *посторонние*.

Что же это были за крики? Если Ричардсон знал об этом подземном ходе, то о нем могли знать и другие. Не нужно было обладать большой фантазией, чтобы представить себе, что где-то здесь могло скрываться отребье, от которого лучше бы держаться подальше. Подземный ход вполне мог оказаться пристанищем для целой банды убийц. Говарду поневоле вспомнилось, что он слышал в трактире о кражах скота и о всяких других злодеяниях, совершенных в этой местности.

— А теперь — какой-то грохот, — прошептал Рольф. — Сначала крик, а затем — грохот.

Ричардсон кивнул. Судя по выражению его лица, ему было явно не по себе.

— Кто-то проник в подвал, — прошептал он так тихо, как будто боялся, что его могут услышать. — Но самостоятельно сюда никто не смог бы пробраться...

— Тем более тот, кто кричит, — добавил Говард.

Ричардсон пожал плечами. Он, похоже, принял какое-то решение.

— Давайте не будем обращать на это внимания, — сказал он. — Нам нужно как можно скорее найти Балтимора и рассказать ему о Роберте и этих... звуках. А он уж разберется, что к чему. У него исключительно толковый персонал.

— Договорились, — сказал Говард.

Он уже хотел было пойти дальше, но Ричардсон удержал его за рукав.

— Что... что это? — пролепетал он.

Теперь уже и Говард слышал, как кто-то пел высоким тонким голосом, и этот голос, казалось, стелился по стенам и затем пронизывал их. Факел отбрасывал беспокойные тени. Подул ледяной сквозняк, заставивший Говарда задрожать от холода, а затем...

А затем откуда-то издалека донесся звук, похожий на кашель. А еще громкий топот и глухие раскатистые звуки.

Говард невольно отступил на несколько шагов. У него возникло ощущение, что вот-вот перед ним в проходе появится какая-нибудь гигантская тень мощного злобного существа...

Земля под его ногами дрогнула. Оно — это существо — должно быть, находилось уже

совсем недалеко от них. И оно приближалось.

Ричардсон вскрикнул. Факел в его руке задрожал. Он стоял лишь в нескольких шагах от Говарда, но был все же ближе к источнику этих звуков. Возможно, он уже увидел, *что* приближалось к ним.

Он отшатнулся назад, факел выскользнул из его руки и шлепнулся на пол. Пламя зашипело, посыпались искры, а затем факел погас. Все вокруг погрузилось в темноту.

Говард трясущимися пальцами порыскал у себя в кармане и вытащил спичечный коробок. Он ожидал, что в любую секунду прямо перед ним может появиться горящий глаз и его схватит мощная когтистая лапа.

Но ничего не произошло.

Он чиркнул спичкой о коробок — раз, другой, третий — пока, наконец, спичка не зажглась. Ее слабенький огонек осветил пол перед ним, а еще Ричардсона, прижавшегося к стене. Его лицо было перекошено от страха, а в глазах застыло выражение неопишуемой паники. Из уголка его рта текла слюна.

— Что там было? — резко спросил Говард.

Прежде чем Ричардсон успел ответить, спичка, вспыхнув последний раз, погасла. Говард чертыхнулся себе под нос и зажег вторую спичку.

Пока она горела, он нашел факел и при помощи третьей спички разжег его. Рольф тем временем занялся Ричардсоном, на лице которого самопроизвольно дергался мускул, а глаза наполнились слезами.

— Так что там было? — спросил Говард еще раз.

— Я... я не знаю, — простонал Ричардсон. — Какое-то... я не знаю...

Он судорожно сглотнул, отстранил руку Рольфа и отодвинулся от стены. Его движения были нервными и неуверенными, как это бывает у людей, переживших нервный шок. То, что увидел этот человек, наверняка было чем-то сверхъестественным.

И, возможно, это *нечто* находилось все еще поблизости...

— Дайте мне минутку отдохнуть, — попросил Ричардсон. — Мне нужно... прийти к себе.

— Надеюсь, у нас в распоряжении есть столько времени, — прошептал Говард.

Он пытался не выказывать свою нервозность, но и у него от страха руки и ноги словно одеревенели. Факел в его руках дрожал, а сердце бешено колотилось. Ему оставалось лишь надеяться на то, что явившаяся Ричардсону химера больше не появится.

— Нам нужно... идти вперед, — пробормотал Ричардсон.

Он, похоже, чувствовал то же самое, что и Говард, а именно — острое желание убраться отсюда как можно скорее.

— Так что ж это было? — спросил Рольф.

— Лучше и не спрашивайте, — прошептал Ричардсон. Он прижал ладони к своему лицу. — О господи!

Говард молча кивнул. Он осознал, что пережитое Ричардсоном психическое потрясение чуть не лишило его рассудка, поэтому, наверное, сейчас не стоило заставлять его рассказывать о том, что он видел.

Говард кивком головы показал Рольфу, чтобы тот помог Ричардсону, и, держа факел в руке, пошел дальше. Он усиленно напрягал зрение и слух, но не видел и не слышал ничего такого, что могло бы свидетельствовать о присутствии чудовища.

Они дошли до разветвления подземного хода. Направо виднелся темный проход,

ведущий в глубину, а налево путь им преграждала дверь. Говард огромным усилием воли заставил себя не смотреть в темный проход.

Он попытался открыть дверь, но она даже не дрогнула.

— Что теперь? — нервно спросил он.

Ричардсон достал ключ, молча протянул его Говарду и прислонился к стене, тяжело дыша. Его посеревшее лицо по-прежнему было искажено гримасой ужаса. Ему действительно требовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

Рольф вставил ключ в замок и без особых усилий повернул его, затем он толкнул дверь и первым вошел в находящееся за ней помещение. Говард пропустил Ричардсона вперед и вошел последним.

— Замкни за нами дверь, — приказал он Рольфу.

Рольф немедленно повиновался. Он захлопнул дверь и закрыл ее на ключ.

Говард вздохнул. Даже не глядя на своих спутников, он почувствовал, что и они испытали огромное облегчение, наконец-то покинув подземный ход.

Правда, оставался еще вопрос, удержит ли дверь то существо, которое видел Ричардсон...

Говарду понадобилось несколько секунд, чтобы хорошенько осмотреться. Это помещение не имело окон и в общем и целом было похоже на подземный ход по ту сторону двери. На полу здесь также было полно пыли. На ней не оказалось никаких следов, свидетельствующих о том, что сюда кто-нибудь заходил хотя бы изредка.

Воздух был настолько спертым, что Говард начал задыхаться. Он поднял факел повыше и поискал вход, через который можно было бы проникнуть в дом. Но, если не считать двери, через которую они только что вошли, вокруг виднелись лишь каменные стены, чем-то похожие на стены неприступной крепости.

— Куда дальше? — спросил он, едва сдерживая себя.

Ричардсон безучастно посмотрел на него.

— Что? — пролепетал он.

Его голос звучал отрешенно, а взгляд бесцельно скользил по освещенным мерцающим светом стенам.

— Нам нужно попасть к Балтимору! — рявкнул Рольф.

Он схватил Ричардсона за плечи и встряхнул его.

— Эй, парень! — требовательно сказал он. — Возьми себя в руки. Нам нужно идти дальше.

Ричардсон некоторое время смотрел на него широко раскрытыми глазами, а затем кивнул.

— Вы правы, — пролепетал он.

В его глазах снова появилось осмысленное выражение, хотя перенесенное им нервное потрясение все еще сказывалось.

— Там, внизу, — сказал он и указал на противоположную стену. — Правее, у выступа. Поверните камень налево, и... и откроется дверь.

— Потайная дверь? — поспешно спросил Говард.

Ричардсон кивнул. Он вытер тыльной стороной ладони лоб и отвернулся, как будто все дальнейшее его уже не касалось.

— Рольф! — сказал Говард. — Быстро открой дверь!

Рольф кивнул. На его лбу проступил пот. Похоже, он тоже страдал от недостатка

кислорода в этом подzemелье.

Рольф подошел к выступу, на который показывал Ричардсон. Его могучие мускулы напряглись, раздался пронзительный звук, как будто царапали металлом по металлу, и часть стены отодвинулась назад. Помещение мгновенно наполнилось свежим холодным воздухом.

— Подождите, — пробормотал Ричардсон.

Пошатываясь, он неуверенными шагами подошел к отверстию в стене, оттолкнул Рольфа в сторону и вышел в слабо освещенный коридор. Прежде чем Говард успел последовать за ним, Ричардсон еще раз обернулся к нему.

— Пойдемте, — сказал он. — Похоже, у нас получилось. Мы уже в доме. Этот проход ведет прямо к спальне Балтимора.

Он теперь говорил уже нормальным голосом, но Говард ощущал сильное беспокойство. Он каким-то образом почувствовал, что Роберт тоже находится где-то в этом доме. Быть может, он даже имеет какое-то отношение к тому, что произошло в подzemелье. Говарду оставалось лишь надеяться, что это не так.

Но, как бы там ни было, то, что происходило этой ночью, не могло быть случайностью. Говарду за его жизнь довольно часто приходилось сталкиваться с тем, что вроде бы вполне заурядные с виду события в своей совокупности зачастую приводили к катастрофическим последствиям.

И то, что сегодня с ними происходило, Говарду совершенно не нравилось.

Голос Ричардсона прервал его мрачные размышления.

— Да пойдемте же, — сказал Ричардсон. — А то мы еще, чего доброго, привлечем внимание обслуживающего персонала.

Говард и Рольф устремились вслед за Ричардсоном и через несколько шагов догнали его. Идя по коридору, Говард понял: то, что он поначалу принимал за слабый свет свечи, на самом деле было блеклым сиянием луны, проникавшим сюда через огромное окно. Его глаза так привыкли к темноте, что ему теперь нетрудно было ориентироваться в пространстве, даже погасив факел.

Они дошли до конца коридора и уперлись в тяжелую дубовую дверь. Ричардсон тихонько постучал и затем открыл дверь.

— Входите, — прошептал он.

Ричардсон вошел первым. В полумраке комнаты можно было различить лишь несколько неясных теней. Судя по его шагам, он прошел в глубь комнаты.

Раздался тихий щелчок, и что-то шлепнулось на пол. Говард и Рольф замерли на месте. Говарду показалось, что он услышал легкое шуршание. Затем чиркнула спичка.

Балтимор сидел, выпрямившись, на кровати, с ночным колпаком на голове, изумленно взирая на ночных гостей. В правой руке он держал медленно догорающую спичку, словно забыв, что собирался зажечь свечу.

— Ричардсон! — воскликнул он. — Что, черт возьми, вы здесь делаете в такое время?

И тут он заметил в глубине комнаты еще две фигуры.

— Говард!

Спичка догорела и погасла, но Рольф уже всю возился со стоявшей на комод у окна керосиновой лампой, и вскоре зажег ее.

Говарду потребовалось несколько минут, чтобы объяснить Балтимору причину их ночного вторжения. Когда повествование Говарда дошло до мистических событий в подzemелье, Балтимор заметно посерьезнел.

— Не нравится мне все это, Говард, — сказал он тихо. — Надеюсь, что ты пришел не слишком поздно.

— Не слишком поздно? — переспросил Говард. — Что ты имеешь в виду?

Балтимор пожал плечами. Он к тому времени уже поднялся с кровати и напялил на себя кое-какую одежду.

— Нам нужно пошевеливаться, — сказал он лаконично. — Я прикажу Хэнеси, моему дворецкому, собрать весь персонал.

Он быстрыми шагами вышел из комнаты и пошел по коридору. Остальные устремились за ним. Балтимор свернул в боковой коридорчик и, подойдя к одной из дверей, остановился. Он несколько раз постучал и, так и не дождавшись ответа, открыл дверь.

Комната, в которую он вошел, была обставлена по-спартански. За исключением комода, стула и кровати, в ней ничего не было.

Кровать была заправлена: либо Хэнеси до сих пор не ложился спать, что было странно для такого позднего — даже скорее предутреннего — часа, либо он уже был на ногах.

— Не нравится мне все это, — снова пробормотал Балтимор.

Несмотря на свой шестидесятилетний возраст и только что свалившиеся на его голову чрезвычайные обстоятельства, он не выглядел ни усталым, ни невыспавшимся. Его лицо не выражало никаких чувств, хотя Говард подозревал, что это все — лишь результат умения владеть собой.

— Где же он может быть? — спросил Ричардсон. — Он ведь никого никогда не подводил.

Балтимор кивнул.

— Сама надежность во плоти, — пробормотал он рассеянно.

Он повернулся к Говарду:

— А как вообще Роберт мог узнать, что Присцилла находится здесь?

— Это что, в данный момент так важно? — Говард уклонился от ответа.

— Вовсе нет, — сказал Балтимор. — Хотя, возможно, это — ключ к разгадке произошедшего в подземном туннеле, а также исчезновения Хэнеси. Если мы...

Он не успел договорить.

— Здесь что-то есть, — перебил его Рольф.

Он в это время занялся осмотром коридора и, похоже, что-то обнаружил. Присев на корточки в нескольких ярдах от двери, Рольф тер кончиком пальца пол.

— Похоже на кровь, — сказал он.

— Кровь? — Говард и все остальные мгновенно подбежали к Рольфу.

У Говарда возникло предчувствие, что они очень скоро выяснят, почему дворецкого не оказалось в комнате. Ему оставалось лишь надеяться, что Роберт не имеет к этому никакого отношения...

Рольф поднялся и кивнул.

— Ведет вон к той двери, — сказал он и указал рукой вперед.

— Комната миссис Санди, — сказал Балтимор.

Он опередил Рольфа, распахнул дверь и вбежал в комнату. Говард последовал за ним. Увидев, что на кровати кто-то лежит, он уже хотел было облегченно вздохнуть. Но когда Балтимор отдернул штору и комнату осветил бледный лунный свет, Говард едва не вскрикнул от ужаса.

В кровати лежал полностью одетый мужчина. Его остекленевшие глаза смотрели на

вошедших с выражением упрека, а в груди у него торчал нож.

Они даже не успели толком осмотреть труп. Из коридора раздался приглушенный крик, и где-то хлопнула дверь.

— Ричардсон! — вскрикнул Говард.

Он резко повернулся и выбежал в коридор. Рольф тут же последовал за ним. Лихорадочно порывав взглядом по сторонам, Говард увидел Ричардсона.

Тот стоял, перевесив верхнюю часть туловища через перила лестницы, и смотрел вниз. Судя по положению его тела, он в любой момент мог потерять равновесие.

— Ричардсон! — закричал Говард. — Ради бога, будьте осторожны!

Рольф двумя прыжками оказался возле Ричардсона и отдернул его назад. Ему пришлось применить всю свою силу, чтобы оттащить всю сопротивляющегося Ричардсона в безопасное место.

— Отпусти меня! — прикрикнул на него Ричардсон и попытался высвободить свою руку. — Ты делаешь мне больно.

— Вы можете упасть, — пробурчал Рольф. — Зачем было так нас пугать, а?

— Отпусти меня, — резко повторил Ричардсон.

Рольф что-то буркнул, пожал плечами и отступил на шаг назад.

— Я их видел! — вскрикнул Ричардсон. В его взгляде чувствовалась нервозность и озабоченность.

— Кого вы видели? — резко спросил Говард.

— Этих двоих... — пробормотал Ричардсон. — Двоих мужчин.

Он оперся о стену и закрыл глаза. Затем он поспешно достал носовой платок и вытер себе лоб. Он выглядел полностью обессиленным, и Говард понял, что лучше его сейчас ни о чем не расспрашивать.

Однако он все же попытался это сделать.

— И что это были за мужчины? — спросил он.

— Один... здоровяк. Настоящий великан. А другого... другого я не успел рассмотреть...

Ричардсон запнулся и в упор посмотрел на Говарда. Его глаза были широко раскрыты, и казалось, что он видит перед собой не Говарда, а что-то другое.

— О господи! — прошептал он. — Они пошли вниз по лестнице. В подвал. Туда, где... это чудовище...

Он закрыл лицо руками, и его тело охватила дрожь.

— О господи! — прошептал он еще раз.

Говард мрачно кивнул. Он повернулся к подошедшему Балтимору.

— Думаю, нам не остается ничего другого, кроме как осмотреть подвал, — сказал он. — Если не ошибаюсь, там мы должны обнаружить Роберта.

Мое сердце колотилось всюду. Револьвер в моей руке выглядел просто смешным, но мне все же не хотелось его прятать.

— Почему этот ошолоп так закричал? — спросил я. — Думаете, он нас увидел?

— В этом можете быть уверены, — пробурчал Син. Он показал на вход, через который мы только что вошли в подвал. — Если не ошибаюсь, сейчас сюда прибегут по нашу душу. А вы не знаете, кто это был?

Я отрицательно покачал головой. Все мои мысли сейчас были устремлены к Присцилле.

Я чувствовал каждой клеточкой своего тела, что она где-то здесь, быть может, в этом подвале, совсем недалеко от меня.

— Это был Ричардсон, — сказал Син. — Тот самый торговец, через которого я вышел на Балтимора. Странное совпадение, не так ли?

— Для меня совершенно неважно, как его зовут, — нетерпеливо сказал я. — Нам нужно идти дальше. Я чувствую, что... Вернее, я уверен в том, что тот человек, которого я ищу, — где-то здесь.

— Было бы замечательно, если бы вы сказали мне наконец, кого вы ищете. Мы ведь с вами в одной упряжке.

Я колебался. Какое-то непонятное чувство удерживало меня от того, чтобы откровенно ответить на вопрос Сина, но, с другой стороны, у меня не было никаких разумных оснований и дальше умалчивать о Присцилле.

— Я ищу одну молодую женщину, — сказал я нерешительно. — Ее зовут Присцилла.

— Женщину, — Син ухмыльнулся. — Тогда мне все ясно. Когда человек ведет себя так, как вы, это значит, что он стремится заполучить либо миллион фунтов стерлингов, либо какую-то конкретную женщину.

— Это совсем не то, о чем вы подумали...

— То, о чем я подумал, не имеет значения, — перебил меня Син. — Нам нужно идти дальше, пока Ричардсон не прибежал сюда во главе небольшого отряда мужчин.

Он впился взглядом в темноту, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

— Надеюсь, что впереди нас не тупик, — продолжал он. — Если нам повезет, у этого подвала может оказаться еще один выход — в сад.

Я уже не обращал на него внимания. Вытянув левую руку и ощупывая ею стену, я осторожно продвигался вперед, держа в правой руке револьвер. Во мне росло предчувствие, что вот-вот может произойти что-то неожиданное. Надо сказать, что было не очень-то приятно идти, практически ничего не видя перед собой. У меня в памяти еще было свежо воспоминание о женщине-крысе.

А здесь, в подвале, тоже водились крысы.

Мое утомленное воображение уже рисовало маленькие крысиные ножки, топающие по холодному полу, и мне казалось, что я вижу в темноте, как за мной следят малюсенькие острые глазки. Я почувствовал, что по всему моему телу выступил холодный пот.

К шороху наших шагов примешивались какие-то другие звуки. Казалось, что кто-то пел тонким голосом, но так тихо, что было непонятно, с какой стороны доносились эти звуки. Тем не менее, я остановился как вкопанный.

— Вы слышите? — прошептал я.

Син в темноте наткнулся на меня, в результате чего я поневоле отшатнулся от стены и чуть не потерял равновесие. Син, однако, успел схватить меня за руку и помог удержаться на ногах.

— Что это? — спросил он.

Я пожал плечами. Лишь через секунду до меня дошло, что в такой темноте Син ничего не видит.

— Понятия не имею, — тихо сказал я.

Звуки тем временем ослабли, а затем стихли. Как я ни напрягал слух, уже ничего не было слышно. Быть может, мне просто почудилось, или же это был всего лишь порыв ветра, ворвавшийся в подвал через открытое окошко и отозвавшийся эхом в длинном коридоре.

— Пойдемте дальше, — сказал Син хриплым голосом. — Ричардсон наверняка уже идет сюда. У меня нет ни малейшего желания афишировать свое присутствие здесь.

Я пошел дальше. Хотя я был уверен, что Присцилла где-то рядом, мой невидимый духовный контакт с ней неожиданно оборвался. Я уже несколько недель чувствовал, что какая-то невидимая сила гонит меня к ней, теперь же, когда я был почти у цели, эта сила вдруг словно иссякла.

Я не чувствовал больше ничего, кроме какого-то слабого давления в голове и нервозности, еще более усиливающейся из-за присутствия Сина. С каждым шагом нарастало ощущение опасности. Я никак не мог избавиться от чувства, будто я иду прямехонько в заготовленную для меня ловушку.

События развивались так быстро, что у меня не срабатывала интуиция, и я никак не мог понять, в чем же заключается опасность. Снова слышались отдаленные звуки — такие тихие, что я их еле слышал. Они, казалось, пронизывали стены и опять были похожи на пение. Вместе с тем в них чувствовалось и нечто другое — пронзительное и... мощное.

Я замедлил шаг и хотел было обратить внимание Сина на эти звуки, но...

Мне показалось, что я снова смотрю в зеркало, как тогда...

Перед моим внутренним взором появилась жуткая фигура. Лицо, похожее на череп, исказилось в презрительной ухмылке, а вместо рук ко мне потянулись когтистые лапы.

Я, застонав, поднял револьвер и несколько раз нажал на спусковой крючок. Темноту разорвал грохот выстрелов, огненные вспышки на доли секунды освещали крошечную тьму вокруг меня, и...

...и передо мной появилось нечто... нечто громадное, похожее на гигантского паука. На мгновение я рассмотрел это кошмарное существо во всех подробностях — так четко во время грозы человеку иногда случается при вспышке молнии увидеть какой-нибудь отдаленный предмет.

Я хотел закричать, но не смог.

Голова кабана с огромными клыками...

Я стрелял снова и снова, пока курок не ударил по пустому барабану револьвера. При каждом выстреле огненная вспышка освещала находящееся передо мной кошмарное существо.

С каждой секундой давление в моей голове все возрастало. Почувствовав изнеможение, я зашатался и поневоле сделал шаг вперед.

Я вдруг испытал огромное облегчение. Несмотря на то что во рту появился горький привкус, а колени задрожали, я отчетливо понял, что *ужасное видение* исчезло. Что бы там ни было передо мной — оно исчезло.

Я хотел повернуться к Сину и спросить его, видел ли он то, что видел я, но так и не успел этого сделать.

Прямо передо мной послышался шорох.

Затем раздался ужасный треск, посыпались искры. Распахнулась какая-то дверь, и меня на секунду ослепил неожиданно хлынувший через нее свет. Затем передо мной в дверном проеме появилась темная фигура — всего лишь в двух или трех метрах от меня.

Я был слишком ошеломлен, чтобы как-то отреагировать на это. Словно зачарованный, я смотрел на кинжал, который держал в руках появившийся передо мной человек. Его бледное лицо было перекошено от страха, а в глазах светилось безумие.

— Сантерс, — ахнул Син.

Мужчина посмотрел мимо меня. Он, похоже, только сейчас заметил Сина. Его глаза расширились, а из уголка рта потекла слюна.

— Андара, — пробормотал он и поднял кинжал.

Его движения были неестественными и дергаными, но все же он действовал целеустремленно.

Несколько секунд я стоял неподвижно, словно парализованный. Сантерс был именно тем, за кем охотился Син... *Син?! Был ли человек, стоявший позади меня, действительно Сином, или же это был Андара, мой отец?*

Я не мог поверить в то, что только что произнес Сантерс. Я ведь спрашивал Сина, кто он такой, и он тогда сказал мне правду. Если бы он солгал, если бы под его обличем скрывался Андара, я бы это почувствовал.

Сантерс сделал шаг ко мне. Кинжал в его руке угрожающе блеснул. Я знал, что ему сейчас нужен не я, а еще я знал, что Присцилла находится в комнате позади него. Я мгновенно юркнул мимо него в дверь и... замер.

У противоположной стены комнаты находился алтарь, на котором лежала женщина. На ней не было видно следов какого-либо насилия, однако в ее взгляде застыло выражение ужаса и обреченности.

Рядом с ней стояла Присцилла. Она, как и Сантерс, держала в руке кинжал. Присцилла была сосредоточенной и хладнокровной, кончик лезвия кинжала она нацелила в горло женщины. Заметив меня, она медленно повернулась в мою сторону. Ее наполовину закрытые глаза широко распахнулись, во взгляде читались ненависть и презрение.

— Стало быть, ты тоже явился сюда? — спросила она. — Ты что же, думаешь, что сможешь воспрепятствовать нам совершить жертвоприношение Ти-лар-мину?

— Присцилла... — пробормотал я.

Мои мысли совершенно перепутались: я ведь ожидал, что именно Присцилле угрожает опасность. Я бы ничуть не удивился, если бы на месте этой незнакомой женщины на алтаре лежала Присцилла. Но чтобы она встретила меня как своего врага...

— Эйкорн, — прошипела Присцилла.

Она так резко повернула голову к мужчине, стоявшему по другую сторону алтаря, что ее волосы разметались в разные стороны. Я до сего момента не обращал никакого внимания на этого человека. На первый взгляд он показался мне абсолютно нормальным, но, взглядевшись, я заметил, что он был словно чем-то болен — какой-то очень странной болезнью.

Эйкорн не заставил себя упрашивать и тут же бросился ко мне. В его движениях чувствовалась чудовищная сила, явно не соответствующая его тщедушному телосложению.

Прошла секунда, прежде чем до меня дошло, что нужно защищаться. Я все еще держал в руке револьвер, в котором уже не было ни одного патрона. Впрочем, даже если бы у меня в кармане и оказались дополнительные боеприпасы, я все равно не успел бы их вставить в барабан.

Я отчаянным прыжком отскочил в сторону. Эйкорн, увлекаемый энергией своего рывка, проскочил мимо меня. Однако не успел я перевести дух, как он развернулся и снова бросился на меня. В его руке блеснул металл, и я почувствовал, как что-то острое чиркнуло по моей щеке.

Нож!

Я даже не заметил, как он достал оружие. Левую часть моего лица теперь охватила

острая боль, а по щеке текла кровь.

Он снова бросился на меня и, гневно размахивая ножом, заставил меня отступить к стене. Я с трудом исхитрился уклоняться от его выпадов.

Теперь у меня практически не было возможности ни обороняться, ни отступить. Я инстинктивно пытался защищаться, но Эйкорн мастерски владел своим оружием. Уклонившись от очередного удара ножом, я попытался отскочить в сторону, но Эйкорн оказался проворнее — получив тычок кулаком под ребра, я отлетел назад.

От удара о стену у меня остановилось дыхание. Теперь, когда я был буквально приперт к стене, мне практически не удавалось уклоняться от молниеносных уколов ножом. Перед моими глазами заплясала кровавая пелена, а вдыхаемый воздух показался раскаленным.

— Убей его! — крикнула Присцилла.

Ее крик на мгновение отвлек внимание Эйкорна. Воспользовавшись этим, я с размаху ударил его рукояткой револьвера по лицу. Он зашатался, но тут же снова замахнулся ножом и бросился на меня. Лезвие ножа на палец вошло в каменную стену, вызвав целый фейерверк искр.

Я схватил Эйкорна за руку, закрутил ее ему за спину и с силой оттолкнул его в сторону. Прежде чем он успел прийти в себя, я несколькими сильными ударами кулака свалил его на землю.

Больше я не обращал на него внимания: Присцилла была для меня важнее. Я повернулся и направился к ней.

Наши глаза встретились — на короткий, но ужасный миг. Я почувствовал, что со мной вдруг что-то произошло...

Комната вокруг меня неожиданно начала вращаться. К моему горлу подступила тошнота, а руки и ноги стали ватными. Все буквально поплыло перед моими глазами. Я был не в силах сделать и шага. Мой пульс бешено стучал у меня в ушах, а перед глазами начали мелькать серые тени.

Но я не сдавался.

Я не мог допустить, чтобы Присцилла совершила жертвоприношение. Я не мог допустить, чтобы она вызвала силы, с которыми мы не смогли бы справиться. А еще я не мог допустить, чтобы она убила невинную женщину...

Кинжал в ее руке затрясся, словно вдруг стал живым. По ее телу пробежала дрожь. Несколько секунд она колебалась...

Я почувствовал, что это — мой шанс, и я просто обязан был им воспользоваться. Собрав все свои силы, я попытался мысленно разорвать невидимые путы, сдерживающие меня.

Однако с таким же успехом я мог с разбега наскакать на каменную стену, стремясь ее повалить.

Невидимые враждебные силы отбрасывали меня назад, еще мгновение — и они уничтожат меня.

Я закричал. Мое сердце на несколько секунд остановилось, а мозги охватила судорожная боль, ввергающая меня в водоворот безумия. Невыносимое давление, казалось, вот-вот разорвет мою голову на части.

Я изо всех сил пытался сопротивляться, но это было равносильно противостоянию огонька свечи бушующему урагану. Силы, которые уже не воспринимались человеческим воображением, перемалывали меня, словно мельничные жернова. Казалось, они даже не замечают моего сопротивления.

Во мне начал нарастать холодный гнев — такой яростный, какого я еще никогда не испытывал. Я стал снова и снова отчаянно бросаться вперед, уже толком не соображая, *что* я делаю и *ради чего*.

И вдруг все резко изменилось.

Пелена боли и оцепенения, парализующая мое сознание, исчезла. Я почувствовал, как по моему телу пробежала сильная судорога. Я продолжал сопротивляться, отчаянно преодолевая влияние сил, пытающихся меня поработить.

Через некоторое время я снова стал различать окружающее. У меня было ощущение, что я проснулся после кошмарного сна и оказался в не менее ужасной действительности.

Прямо перед собой я увидел Сина. Он держал Присциллу за горло, пытаясь ее задушить. Присцилла все еще сжимала в руке кинжал, но было件нятно, что она его вот-вот уронит.

— Присцилла! — крикнул я.

Страх за нее заставил меня позабыть о моем состоянии. Хотя она и натравила на меня Эйкорна, я знал, что она в этом не виновата. В любом случае, я не мог допустить, чтобы Син ее задушил.

Я одним прыжком оказался возле них, схватил Сина за плечи и попытался оттащить его от Присциллы.

Он отпустил ее и с вызывающей неторопливостью повернулся ко мне. В его налитые кровью глаза было жутко смотреть. Слова, которые я уже собирался ему сказать, буквально застряли у меня в горле: я вдруг осознал, что он был именно тем, кого все это время боялась Присцилла. Он не был Андарой, но, тем не менее, был как-то связан с ним.

Син внезапно ударил меня с такой силой, что я отлетел к стене.

Затем Син бросился на меня, как разъяренный медведь. Мне оставалось разве что спастись бегством: этот силач был мне явно не по зубам, к тому же я потерял револьвер.

Я сумел все же уклониться от очередного удара Сина, отскочив в сторону.

— Присцилла! — крикнул я. — Беги! Спасайся...

Сильный удар отбросил меня назад. Затем Син схватил меня за плечи и повалил на пол.

Я упал, больно ударившись спиной. Надо мной нависла мощная фигура Сина, и я увидел его кровожадные глаза. Я отчаянно рванулся в сторону, благодаря чему сумел избежать удара ногой. Однако было件видно, что в этой неравной схватке мне долго не выстоять.

Краем глаза я заметил, что Присцилла все еще стоит у алтаря. Мне вдруг пришло в голову, что она, воспользовавшись нашей с Сином борьбой, может завершить обряд *жертвоприношения*. У меня не было никаких сомнений в том, что смерть бедной женщины повлечет за собой просто ужасные события.

Я перехватил следующий удар Сина, но мне волей-неволей приходилось постепенно отступать. Отчаянно рванувшись вправо, я с силой ударил его в бок. Мое запястье пронзила острая боль. Син пошатнулся и охнул, но это было все, чего мне удалось добиться.

Гневно рывкнув, он снова бросился на меня. Мощный удар кулаком опять отбросил меня назад. Следующий удар пришелся мне в живот и был таким сильным, что у меня от боли потемнело в глазах, а затем все застлала кровавая пелена. К горлу подступила тошнота, и — хуже того — я почувствовал, что не могу дышать.

В этот момент в комнате раздался выстрел. Син схватился за грудь, изумленно посмотрел на сочащуюся у него между пальцев кровь и медленно опустился на колени.

Я с трудом сделал вдох, прижал руку к животу и посмотрел в сторону двери.

В дверном проеме стоял мужчина лет шестидесяти. Он был в пальто, небрежно

наброшенном поверх ночной рубашки, а в руках он держал охотничье ружье, из ствола которого вился дымок.

— Грэй! — воскликнул я.

Я осторожно опустился на колени возле Присциллы и коснулся ее руки. Она все еще сжимала в ладони кинжал, но воспользоваться им ей уже не было суждено. Сразу после того, как Грэй застрелил беснующегося Сина, она упала в обморок и до сих пор была без сознания.

— Заберите у нее кинжал, — сказал мужчина, которого я до сего дня знал как господина Грэя.

Я весьма удивился, узнав, что Грэй и Балтимор — один и тот же человек. Он, впрочем, даже не удосужился объяснить мне, почему при нашей первой встрече назвался вымышленным именем.

Впрочем, в этом не было необходимости. Я и сам догадался. Наши могущественные враги постоянно прибегали ко всевозможным уловкам. Если мы — те немногие люди, которые были посвящены в тайны белой магии, — хотели выжить в этой борьбе, нам просто необходимо было соблюдать меры предосторожности.

— Делай, что он говорит, — пробормотал Говард.

Он был бледным и изнуренным и, похоже, никак не мог понять, откуда здесь взялся Син и какова вообще его роль во всех этих событиях.

Я погладил руку Присциллы. Она вздрогнула от моего прикосновения, но ее лицо по-прежнему было серым и осунувшимся.

— Не беспокойтесь, юноша, — сказал Грэй, он же Балтимор. — Она скоро придет в себя.

Я хотел спросить, откуда у него такая уверенность, но затем передумал и лишь слегка кивнул. Осторожно разогнув пальцы Присциллы, я забрал у нее кинжал. Он был теплым — теплее, чем рука Присциллы, и мне даже показалось, что он пытается освободиться от моей хватки. Я изо всех сил сжал его в руке и поднялся на ноги.

— Брось его на пол! — поспешно сказал Грэй.

Я пожал плечами и повиновался. В том месте, где кинжал коснулся пола, вспыхнула короткая ослепительная молния, и кинжал исчез.

— Этого... этого не может быть, — вырвалось у меня.

— Ну, вот как раз это тебе лучше знать, — холодно сказал Грэй.

Он бросил задумчивый взгляд на женскую фигуру, распростертую у моих ног.

— Мне придется более интенсивно заниматься Присциллой, — сказал он.

— Неужели? — спросил я. — А я в этом очень сомневаюсь.

Говард кашлянул и пристально посмотрел на меня:

— Может быть, ты мне объяснишь, как вообще тут оказался Син?

Я пожал плечами:

— Мне тоже хотелось бы знать, как вы умудрились появиться здесь в самый что ни на есть подходящий момент. Но оставим это. Что же касается твоего вопроса, то у меня есть всего лишь догадка, не более того. Когда мы встретили Сина в первый раз, он выдавал себя за Андару, не так ли?

Говард кивнул и указал на Сина.

— Но это — не Родерик Андара, — сказал он тихо. — Твой отец не вел бы себя так.

— С этим я согласен.

Я помолчал некоторое время, а затем продолжил:

— Думаю, что Андара просто использовал Сина. Он каким-то образом влиял на его волю, причем, наверное, уже долгое время. Син был не более чем орудием, предназначенным для того, чтобы убить Присциллу.

— Но зачем? — спросил Говард. — Зачем ему убивать Присциллу?

Я несколько секунд колебался, прежде чем решил высказать свое предположение.

— Быть может, он хотел воспрепятствовать тому, что я собираюсь сделать, — сказал я.

— И что же ты собираешься сделать? — резко спросил Грэй.

Он бросил на меня настороженный взгляд. Похоже, этот старый лис уже давно догадался о моих намерениях.

— Я возьму Присциллу с собой в Лондон, — твердо сказал я. — Я ее больше никому не доверю, господин Грэй. Ни вам, ни Говарду, ни кому-либо еще. Если в этом мире есть кто-то, кто сможет ей помочь, так это я.

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ВОСЬМАЯ КНИГА...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

...но сага о КОЛДУНЕ продолжается. Ведь воистину:

Нет, не умерло то, что почило навек,
Оно все еще живо, поверьте.
И умрет лишь тогда, когда Времени бег
Остановится волею Смерти...